

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9(с)21
Λ27

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В 1917 — 1920 ГОДАХ

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
РИГА 1962

461735
H

СОСТАВИТЕЛИ:

доктор исторических наук Я. П. Крастынь,
кандидат исторических наук А. И. Спреслис

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук Я. П. Крастынь

ВВЕДЕНИЕ

В 1962 году минуло 22 года со дня установления Советской власти в Латвии. Долгой и упорной была борьба латышского народа за Советскую власть, за свободу и независимость. Особенного обострения достигала она в период революции 1905 года и во время Великой Октябрьской социалистической революции, а также в годы гражданской войны и иностранной интервенции. В 1917 и 1919 гг. пролетариат Латвии добился лишь кратковременной победы: социалистическую революцию в Латвии подавили иностранные интервенты, опиравшиеся на местных контрреволюционеров. Однако борьба продолжалась, и в 1940 году латышский трудовой народ с помощью братского русского народа навсегда установил Советскую власть в Латвии, войдя в семью братских социалистических республик.

Из отсталой, преимущественно аграрной страны Латвия после установления Советской власти превратилась в независимую, развитую индустриальную республику. За 22 года своего существования Латвийская ССР всесторонне развила свои производительные силы, обеспечив бурный расцвет всего народного хозяйства.

Незабываемые страницы в историю нашего народа вписали латышские стрелки своей героической борьбой за Советскую власть во время Великой Октябрьской социалистической революции и на фронтах гражданской войны. Учитывая большой интерес советских читателей к героическому прошлому латышских стрелков, работники Института истории Академии наук Латвийской ССР решили собрать материалы и в ближайшие годы написать историю латышских стрелков, в которой будет прослежен боевой путь латышских стрелков, пройденный ими с октябрьских дней до конца 1920 года вместе с другими частями Красной Армии.

Часть собранного материала публикуется в настоящем сборнике. В нем помещены в основном воспоминания стрелков и их командиров, а также архивные документы. В 1960 году сборник был издан на латышском языке. В издании на русском языке сборник дополнен некоторыми новыми интересными воспоминаниями, как очерк Т. Я. Драудиня о солдатской газете «Бривайс стрелникс», Ю. Я. Балодиса об Орловско-Кромском генеральном сражении, статья Я. П. Крастыня и др., а также новыми документальными материалами.

Период гражданской войны и иностранной интервенции является одним из самых трудных в истории Советской России. В начале 1918 года войска империалистической Германии оккупировали всю Прибал-

тику, Белоруссию, Украину. Они подавили на захваченной территории Советскую власть, которая в конце 1917 года установилась также в Видземе и Латгалии. На Украине под покровительством немцев образовалось буржуазное правительство во главе с гетманом Скоропадским. В Донской области и на Северном Кавказе генерал Алексеев оттеснил советские войска до Волги и Каспийского моря, а на севере — в Архангельске и Мурманске — высадили свои десанты империалисты Англии и США. На Урале и в Оренбургской области действовал генерал Дутов с казачьими белогвардейскими бандами, а в Поволжье — в Самаре — обосновалось правительство меньшевиков и эсеров. Летом 1918 года борьбу против Советской России начали обманутые контрреволюционной пропагандой чехословацкие военнопленные, которые заняли ряд городов, в том числе Казань. Положение на чехословацком фронте в то время стало угрожающим. Владивосток был в руках японцев. Молодая Советская Россия оказалась в тисках иностранных интервентов и местных контрреволюционеров.

Внутреннее положение Советского государства было чрезвычайно тяжелым. Ухудшилось снабжение населения продовольствием. Немецкие войска, иностранные интервенты и контрреволюционные банды белогвардейцев захватили самые богатые окраины Советской России, которые ранее снабжали промышленные центры хлебом, мясом, топливом, нефтью и сырьем. Сибирская железная дорога, по которой из хлебных районов подвозили продукты, а из других мест — сырье, на время оказалась парализованной, так как в среднем Поволжье шли военные действия. В то же время не сломленные еще силы контрреволюции при поддержке иностранных империалистов организовывали против Советского правительства заговоры, мятежи, восстания, диверсии, саботаж и т. д. В июле 1918 года в Москве вспыхнул мятеж левых эсеров. После подавления левозэсеровского мятежа в стране начались контрреволюционные восстания — мятежи белогвардейцев и кулаков.

Молодая Советская республика героически сражалась против наступавшей контрреволюции, но в начале 1918 года у нее еще не было регулярной армии, так как царская армия распалась, а новая, революционная, еще не была создана. Красная Армия организовалась в ходе самой борьбы и выросла в мощную боевую силу. Еще в 1918 году она разгромила белогвардейский корпус чехословаков, отбила Казань, прогнала самарское меньшевистское «правительство», подавила контрреволюционные мятежи. В этих сражениях важнейшую роль сыграли латышские стрелки, которые представляли собой дисциплинированную, сознательную революционную боевую силу.

Однако контрреволюция еще не считала себя побежденной и продолжала борьбу. Осенью 1918 года ожесточенные бои разгорелись на Южном фронте — в районе Поворино — Алексиково, где латышские стрелки вместе с другими частями Красной Армии героически сражались против белогвардейских банд.

В конце 1918 года Латышскую стрелковую дивизию перебросили на Западный фронт для освобождения родной земли от ига немецких

оккупантов и местной буржуазии. Ноябрьская революция в Германии положительно повлияла на развернувшееся революционное движение в Латвии. Латышские стрелки вместе с трудящимися Латвии прогнали немецких оккупантов. В руках у немцев остались лишь Лиепая и прилегающие к ней сельские районы.

Однако власть Советов в Латвии вскоре вновь оказалась под угрозой — иностранные империалисты с трех сторон начали военный поход против разоренной войной Латвии.

В конце мая 1919 года латышские стрелки после ожесточенных боев оставили Видземе и Курземе и отступили в Латгалию.

В первых числах марта 1919 года начался первый объединенный поход Антанты против Советской республики. Из Сибири в глубь страны двинулся финансируемый интервентами Антанты адмирал Колчак с белогвардейскими бандами, но в Самарской губернии, близ Бугуруслана, Красная Армия нанесла им тяжелое поражение. Остатки белогвардейских банд бежали за Урал.

Осенью 1919 года во время второго похода Антанты Советская Россия переживала самые критические дни. Вооруженная империалистами армия Деникина в октябре взяла Орел и намеревалась двинуться на Москву. По указанию В. И. Ленина для борьбы против Деникина на Южный фронт были посланы самые боеспособные части Красной Армии. Против Деникина была направлена также Латышская стрелковая дивизия, которая в боях под Орлом вписала одну из самых выдающихся страниц в историю борьбы за Советскую власть. Потерпевшая поражение под Орлом армия Деникина была отброшена и разгромлена.

В 1920 году империалисты Антанты начали третий военный поход против Советской России. С запада на Российскую Советскую республику двинулись белогвардейские легионы Польши, а с юга, с Крымского полуострова, — белогвардейская армия ставленника иностранных империалистов генерала Врангеля рвалась на Донбасс и Кубань, чтобы затем двинуться дальше в центр России. Героическая Красная Армия разгромила и эти походы белых армий. В боях против белогвардейской армии генерала Врангеля в первых рядах Красной Армии отважно сражались также латышские стрелки.

Публикуемые в сборнике воспоминания и документы относятся главным образом к периоду гражданской войны и иностранной интервенции. В книге помещены воспоминания бывших латышских стрелков, их командиров и др. Многие воспоминания — Я. П. Калныня, А. П. Жилинского, Я. А. Истенайса, В. Ю. Павара, Я. М. Малера, Э. А. Улмиса, Я. Е. Штейна, Я. С. Адамсона, П. Я. Плаудиса, Ф. Я. Крусткална, К. М. Киртовского, Г. А. Матсона и др. — публикуются впервые. В сборник включено также несколько биографических очерков, посвященных выдающимся командирам стрелков.

Для того чтобы полнее отразить события главных сражений, составители поместили в сборнике также отдельные воспоминания и статьи из книг по истории стрелков, выпущенных ранее в Москве издательством

«Прометей»¹. В I разделе сборника из воспоминаний, опубликованных в изданных «Прометеем» книгах, помещены статьи И. И. Вацетиса «Мятеж левых эсеров в июле 1918 года» и «Бои под Казанью», К. Я. Иокума — «Латышские стрелки в боях на Восточном (Чехословацком) фронте», Р. П. Баузе — 3-й Курземский латышский стрелковый полк в боях с Калединым» и А. В. Кронькална — «Бой под Арасланово»; во II разделе — статья К. Л. Заула «1-я батарея в боях за Советскую Латвию», а в III — В. М. Примакова — «Сражение под Орлом». В I разделе помещена также публиковавшаяся уже статья И. М. Варейкиса «Убийство Муравьева»².

В сборнике помещено 110 документов о боях латышских стрелков. Большинство из документов публикуется впервые, только немногие из них взяты из различных изданий. В сборнике использованы документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Советской Армии, в партийном архиве Центрального Комитета КПЛ, Центральном государственном архиве Латвийской ССР и Государственном музее революции Латвийской ССР. Документы знакомят читателя с приказами главнокомандующих Восточного, Западного и Южного фронтов и донесениями Революционному военному Совету Республики о положении на фронтах, с распоряжениями первого верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетиса, приказами и донесениями начальника штаба, командиров бригад и полков Латышской стрелковой советской дивизии, описаниями подвигов латышских стрелков, решениями собраний и конференций, отражающих деятельность партийных организаций Латышской дивизии, дружбу латышских стрелков с воинами других национальностей.

В сборник вошли в основном воспоминания и документы о событиях, связанных с Латышской стрелковой советской дивизией. О красноармейцах-латышах, которые не сражались в полках латышских стрелков, воспоминаний и документов в сборнике почти нет — приводятся лишь краткие биографические очерки об отдельных выдающихся командирах и комиссарах-латышах из других частей Красной Армии.

Не всегда опубликованные в сборнике воспоминания об одних и тех же боевых событиях идентичны, не все события оценены в них достаточно правильно, все же они дополняют друг друга и являются ценным материалом для исследования истории стрелков.

Материал сборника распределен по 4 разделам:

I раздел — борьба латышских стрелков во время Октябрьской революции и в начале гражданской войны (1917—1918);

II раздел — латышские стрелки в боях за Советскую Латвию (1918—1919);

III раздел — борьба латышских стрелков на Западном и Южном фронтах (1919—1920);

¹ Эти статьи в настоящем издании подверглись стилистической правке, а некоторые из них были также сокращены.

² Симбирская губерния в 1918—1920 гг. Сборник воспоминаний Ульяновское книжное издательство. 1958.

IV раздел — оценка борьбы латышских стрелков и описание их подвигов.

В начале каждого раздела помещаются воспоминания, которые сгруппированы в той последовательности, в какой развивались события, а затем — документы — тоже в хронологическом порядке.

В I разделе помещены воспоминания о боях латышских стрелков в период Октябрьской революции, об участии в охране Кремля, подавлении левоэсеровского мятежа, о борьбе стрелков против Каледина и чехословацких белогвардейцев, о боях в районе Поворино — Алексиково и других местах.

В статье И. И. Вацетиса о левоэсеровском мятеже ярко отражен ход боев во время ликвидации этого мятежа.

В статье К. Я. Иокума о латышских стрелках на Восточном фронте и в статье И. И. Вацетиса о сражениях под Казанью рассказано о боях Красной Армии против белочехов, в которых латышские стрелки проявили выдающийся героизм и отвагу. За проявленную храбрость при защите Казани Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет наградил 5-й латышский стрелковой полк Почетным красным знаменем. Это было первое Почетное красное знамя, которым Советское правительство наградило воинскую часть Красной Армии. ВЦИК, чествуя стрелков, павших в боях за Казань, назвал одну из ближних к Казани станций именем погибшего командира 3-й латышской стрелковой бригады, бывшего учителя из Цесисского уезда Я. А. Юдина.

А. П. Жилинский рассказывает о переезде Советского правительства под охраной латышских стрелков из Петрограда в Москву. Я. Е. Штейн — о боях 3-й латышской стрелковой бригады, Я. С. Адамсон — о сражениях стрелков в районе Поворино — Алексиково; в воспоминаниях В. Ю. Павара рассказывается о боевом пути 5-го особого латышского полка. Т. Я. Драудинь пишет о солдатской газете «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок»).

Помещенные в разделе документы дополняют воспоминания латышских стрелков о сражениях 1918 года. Большая часть из них — это донесения главнокомандующего Восточного фронта И. И. Вацетиса Революционному военному Совету Республики о положении на фронте летом 1918 года, его телеграммы с просьбой прислать боевые соединения латышских стрелков на Восточный фронт для борьбы с чехословаками. Революционный военный Совет, а также главнокомандующий И. И. Вацетис концентрировали все внимание на освобождении города Казани и на разгроме чехословацкого корпуса. В I разделе помещено также несколько документов о борьбе латышских стрелков в 1918 году на Южном фронте, об отправке стрелков на различные фронты гражданской войны, а также ряд партийных документов.

В 1918 году латышские стрелки вместе с другими красноармейскими частями активно сражались против сил контрреволюции во многих районах и городах России (Торошино, Рыбинск, Вологда, Ярославль, Казань, Симбирск, Самара, Саратов, Поворино, Ростов и многие другие места). Латышские стрелки охраняли Смольный и Кремль, вместе с другими

боевыми соединениями Красной Армии подавляли левоэсеровский мятеж в Москве, а также восстания кулаков и белогвардейцев в других местах (см. схему 1).

Враги революции — местные контрреволюционеры и иностранные империалисты — делали все, чтобы уничтожить Советскую власть в России: они создали белогвардейскую армию, организовывали диверсии, контрреволюционные мятежи, заговоры. Так, в августе 1918 года уполномоченный английского правительства в Москве Локкарт вместе с другими иностранными «послами» пытался организовать белогвардейский путч; заговорщики хотели убить В. И. Ленина, арестовать членов ВЦИК и свергнуть Советскую власть. Этот заговор помогли раскрыть латышские стрелки, которых Локкарт немеревался подкупить: так, командиру 1-го дивизиона легкой артиллерии латышских стрелков Э. П. Берзиню он обещал 5 миллионов рублей, если латышские стрелки восстанут против Советской власти. Осведомив об этом Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, Берзинь сделал вид, что принимает план заговорщиков.

В сборнике помещены доклад комиссара Латышской дивизии К. А. Петерсона председателю ВЦИК Я. М. Свердлову о заговоре английских и французских империалистов против Советской власти и фрагменты из «Записок коменданта Московского Кремля» П. Д. Малькова — бывшего моряка-балтийца. Эти материалы разоблачают английских и французских империалистов и показывают, насколько неправильно некоторые наши и зарубежные авторы, не зная фактов и не утруждая себя их проверкой, изображают латышских стрелков и Э. П. Берзиня как соучастников Локкарта и предателей Советской власти¹. Это совершенно не соответствует действительности. Полки латышских стрелков были одними из самых преданных Советской власти и боеспособных частей Красной Армии. Верность латышских стрелков Советской власти, их отвага, пройденный ими героический боевой путь в годы гражданской войны были широко известны во всей Советской России и за границей. Иностранные интервенты и белогвардейцы, смертельно ненавидя латышских стрелков, старались им мстить: пленные стрелки беспощадно расстреливались. Характерно также, что Локкарт после провала своего заговора говорил в Стокгольме лифляндскому ландмаршалу фон Стрику, что он сделает все, чтобы отомстить латышским стрелкам.

II раздел сборника посвящен борьбе латышских стрелков за Советскую Латвию. Как уже отмечалось, в 1918 году всю Латвию оккупировали немецкие войска. Немецкая военная оккупация принесла Латвии страшное опустошение, довела латышский народ до нищеты и голода; невиданных размеров достигла безработица. В стране установилась военная диктатура оккупантов. Немецкие интервенты вместе с балтийскими баронами арестовывали и расстреливали революционных рабочих и крестьян.

Однако ни террором, ни угрозами оккупантам не удалось подавить революционное настроение масс. Латышский пролетариат и в тяжелых

¹ Е. Талунтис. Звезды остаются. Л. 1956.

условиях оккупации продолжал борьбу за свободу своей родины. После Ноябрьской революции в Германии в городах и сельских местностях Латвии снова начали создаваться Советы и революционные военные комитеты, организовывались боевые отряды рабочих, началась подготовка к вооруженному восстанию. Революционной борьбой руководила Социал-демократия Латвии, которая в период немецкой оккупации продолжала работу в глубоком подполье. На революционные события в Латвии в большой степени оказывали влияние героическая борьба пролетариата России и международное революционное движение.

Перед лицом роста революционного движения контрреволюция торопилась организовать свои силы. Латышская буржуазия, поддерживаемая иностранными империалистами, спешила образовать правительство. 17 ноября 1918 года на собрании представителей буржуазных партий был создан так называемый Народный совет, ядро которого образовали вожди кулацкого Крестьянского союза и лидеры латышских меньшевиков. 18 ноября было провозглашено «Латвийское государство» и сформировано его правительство во главе с К. Ульманисом. Так была разыграна комедия образования «независимой» Латвии, так империалисты Запада посадили на шею латышского народа правительство горстки буржуазных авантюристов. Народные массы не признавали и не поддерживали это созданное иностранными империалистами латышское буржуазное правительство. Во многих местах на селе безземельные крестьяне разгоняли созданные там учреждения правительства Ульманиса.

После поражения Германии в войне и заключения перемирия государства Антанты — Франция, Англия и Америка — резко усилили вооруженную интервенцию против Советской России. В агрессивных планах стран Антанты особое внимание уделялось Прибалтике. В северной части Прибалтики — Эстонии — империалисты Антанты создавали белогвардейские части, сюда доставлялось оружие и обмундирование, предназначавшееся для эстонских, русских и латышских белогвардейцев. В Швеции, Финляндии и Дании вербовались добровольцы, которых посылали в Эстонию для борьбы с развивавшейся революцией в Прибалтике.

Большие надежды Антанта возлагала на немецкие оккупационные войска. Уже в ноябре 1918 года, заключая в Компьене перемирие с Германией, одним из пунктов договора о перемирии Антанта обязала Германию до дальнейших распоряжений оставить в оккупированных областях России свои вооруженные силы. Германия охотно пошла на это, так как сама хотела укрепиться в Прибалтике и удержать ее. Чтобы добиться этого, представитель Германии в Прибалтике Винниг спешно начал формировать так называемую «железную» дивизию из немецких солдат и офицеров, которые были согласны за высокую плату воевать против большевиков. Так как в Латвии таких солдат было мало, пришлось вербовать наемников в Германии. Винниг поспешил также организовать «ландесвер» из сынков балтийских баронов, немецкой буржуазии, русских белогвардейцев и завербованных Ульманисом местных латышских буржуазных националистов. Местные формирования латышской буржуазии создавались медленно. Так, в конце 1918 года Ульма-

нису удалось сформировать только 7 рот, из которых 4 оказались «ненадежными»: 2 из них восстали и отказались идти в наступление против Красной Армии. Винниг мобилизовал против латышского трудового народа все контрреволюционные силы, начиная с балтийских баронов и кончая меньшевиками Латвии. Когда еще так низко не опускались латышские меньшевики, как тогда — вместе с латышской буржуазией и балтийскими баронами они просили Антанту защитить их от большевиков. Вместе с представителями латышской буржуазии ездили они в Германию и страны Антанты вымаливать помощь для борьбы с революционным латышским народом.

Агрессивные планы иностранных империалистов и местной контрреволюции были расстроены непрерывно нараставшим революционным движением. Организованные отряды народной милиции и партизан начали борьбу против белогвардейских частей, не давали отступающим немецким оккупационным войскам грабить и увозить имущество, разгоняли созданные латышским буржуазным правительством уездные и волостные учреждения.

Учитывая рост революционного движения, Центральный Комитет Социал-демократии Латвии 4 декабря 1918 года вместе с президиумом Рижского Совета рабочих депутатов утвердил Временное Советское правительство во главе с П. Я. Стучкой. 17 декабря 1918 года Советское правительство Латвии опубликовало манифест, который провозгласил переход всей власти в Латвии в руки Советов рабочих, безземельных и солдатских депутатов. Манифест призвал население Латвии взяться за оружие, прогнать немецких оккупантов и марионеточное правительство латышской буржуазии. 22 декабря 1918 года правительство Советской России признало независимость Латвии.

Рабочие и трудовое крестьянство Латвии восстали против немецких оккупантов и местного буржуазного правительства. На помощь им с фронтов гражданской войны Советской России поспешили полки латышских стрелков. Латышские стрелки начали героическое наступление. 25 ноября они освободили от немцев Псков. Поддержанные местным населением, латышские стрелки стремительно начали продвигаться по территории Латвии, занимая один населенный пункт за другим. Когда 18 декабря они вошли в Валку, власть там уже была в руках рабочих. 22 декабря латышские стрелки взяли Валмиеру, 23 декабря — Цесис. До этого они уже освободили Даугавпилс, Екабпилс и многие другие города. В конце декабря латышские стрелки подошли к Риге. Рижские рабочие энергично готовились к восстанию, которое началось в ночь на 3 января 1919 года. 3 января днем город уже был в руках рабочих. Рижским рабочим помогли латышские стрелки, которые, сломив сопротивление противника у Лигатне, Сигулды и Инчукална, 3 января вошли в Ригу.

После взятия Риги быстрым было и освобождение Курземе от оккупационного ига. В течение декабря 1918 года и января 1919 года восставшие рабочие Латвии вместе с латышскими стрелками освободили от оккупантов всю Латвию, за исключением портового города Лиепая и прилегающими к нему волостями.

13 января 1919 года в Риге открылся первый съезд Советов объединенной Латвии. Он избрал Центральный Исполнительный Комитет, который на своем заседании 20 января избрал правительство Советской Латвии во главе с П. Я. Стучкой. В Латвии победила Советская власть и начался период советского строительства.

Однако иностранные интервенты не унимались: они мобилизовали все силы для нового военного похода на Прибалтику. 6-й немецкий резервный корпус под командованием фон дер Гольца в марте 1919 года начал наступление на Ригу. В то же время армия буржуазной Эстонии, созданные интервентами в Эстонии разного рода финские и шведские белогвардейские части после подавления там Советской власти обрушились на Советскую Латвию со стороны Северной Видземе. После подавления в апреле Советской власти в Литве, Красной Армии Латвии пришлось также сражаться на юго-востоке с крупными силами белополяков и белолитовцев, угрожавших Даугавпилсу. Советская Латвия оказалась окруженной превосходящими силами иностранных интервентов. 22 мая под их натиском и угрозой окружения латышские стрелки отступили из Риги и заняли новые позиции в Латгалии, где продолжали борьбу против белогвардейских банд. Советская власть в Латгалии просуществовала до начала 1920 года.

Во II разделе сборника помещены воспоминания П. Я. Плаудиса, Я. С. Адамсона, К. Л. Заула, Ф. Я. Крусткална, А. Л. Кроника, Л. А. Идресала и других авторов, а также архивные документы. В этих воспоминаниях рассказывается о борьбе латышских стрелков за освобождение Латвии и обороне Советской Латвии от вражеского нашествия, об отступлении в Латгалию и боях на латгальском фронте.

Помещенные во II разделе сборника документы рассказывают о переброске частей Латышской стрелковой дивизии с Южного и Восточного фронтов гражданской войны на Западный фронт и о борьбе латышских стрелков в Латвии против наемников немецких империалистов и латышской националистической буржуазии. Некоторые документы освещают деятельность Реввоенсовета Латвии и партийных организаций латышских стрелковых полков. Отдельные документы II раздела являются донесениями политотдела армии Советской Латвии о политических настроениях, агитационной и культурно-просветительной работе в армии, а также отчетом агитпункта даугавпилсского железнодорожного узла.

В III разделе сборника рассказывается главным образом о борьбе латышских стрелков на Южном фронте гражданской войны (1919—1920 гг.).

Осенью 1919 года начался самый тяжелый период гражданской войны. Хорошо вооруженная и оснащенная империалистами Антанты белогвардейская армия генерала Деникина в октябре заняла Орел и угрожала Москве. На Орловском направлении оперировали отборные офицерские белогвардейские дивизии. Положение было очень серьезным. В. И. Ленин выдвинул лозунг: «Все на борьбу с Деникиным!» В письме ЦК Коммунистической партии к партийным организациям В. И. Ленин писал: «Товарищи! Наступил один из самых критических, по всей ве-

роятности, даже самый критический момент социалистической революции. Защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую голову английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплуататоров, в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире... Все силы рабочих, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА МОМЕНТА»¹.

По призыву В. И. Ленина и партии все лучшие воинские части были посланы на Южный фронт против Деникина. Латышскую стрелковую дивизию также срочно перебросили с Западного фронта на Южный, где она в боях против Деникина, а позднее — против Врангеля проявила невиданный героизм и отвагу. Для борьбы против Деникина из лучших воинских частей была создана ударная группа, ядро которой образовала Латышская стрелковая советская дивизия. В ударную группу вошли также особая бригада Павлова и кавалерийская бригада под командованием Примакова, а также Эстонская дивизия. Ударную группу включили в XIV армию.

Публикуемые в III разделе сборника воспоминания В. М. Примакова, П. Я. Плаудиса, Г. А. Матсона, Ю. Я. Балодиса, Я. П. Калныня и других авторов рассказывают о героической борьбе латышских и других красноармейских частей против отборных дивизий генерала Деникина. Материалы свидетельствуют о том, что особенно упорные бои шли в районе Кром—Дмитровска. Город Кром несколько раз переходил из рук в руки, пока наконец латышские стрелки ночной атакой окончательно не выбили деникинцев из Кром. Противник, боясь окружения, поспешно оставил также город Орел. Лучшие части деникинской армии в жестоких боях были разбиты, и вскоре была разгромлена вся армия Деникина.

Борьба не была легкой — победу над Деникиным пришлось добывать в героических, кровавых сражениях. Как читаем в документе № 110, А. И. Егоров — командующий Южным фронтом — десять лет спустя писал: «В самый тяжелый период нашей гражданской войны в октябре 1919 года, когда самому существованию советской страны угрожала смертельная опасность и банды Деникина, заняв г. Орел, имели устремление и приказ Деникина захватить Москву, латышские стрелки своим героическим натиском и беззаветной преданностью делу пролетариата сломали упорство врага и положили начало разгрому всей южной контрреволюции».

После разгрома армии Деникина, освобождения Белгорода, Харькова и Екатеринослава латышские стрелки принимали активное участие в боях против белогвардейской армии генерала Врангеля. В августе 1920 года латышские стрелки форсировали Днепр и вместе с другими частями Красной Армии создали на берегу Днепра легендарный Каховский плацдарм, который дал возможность Красной Армии совершить решающий бросок против врангелевских сил. Латышские стрелки

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 402—403.

Схема 1. Латышские стрелки на фронтах гражданской войны.

героически защищали Каховский плацдарм и тем самым подготовили разгром армии Врангеля в степях Северной Таврии и в Крыму.

В воспоминаниях П. Я. Плаудиса ярко показана героическая борьба латышских стрелков 5-го Земгальского полка в степях Северной Таврии. Попав в окружение крупных вражеских сил, они отбивали одну атаку за другой, пока от полка не осталась лишь горсточка стрелков, которые, измученные до потери сознания, были взяты в плен. В воспоминаниях говорится о тех страданиях, которые пришлось пережить пленным стрелкам, о бесчеловечных издевательствах, насмешках, голоде и побоях.

Интересна и содержательна статья А. Д. Румянцева, рассказывающая о боевой дружбе русских и латышских воинов.

Среди помещенных в III разделе документов имеются статьи В. И. Ленина, призывающие на борьбу с Деникиным и Юденичем, информации о политическом настроении и культурно-просветительной работе в частях Латышской стрелковой дивизии в 1920 году. Документ № 96 дает краткий обзор боевой деятельности Латышской советской стрелковой дивизии с 9 по 16 ноября 1920 года. Здесь приводятся интересные сведения о взятии укрепленных Юшунских позиций и полном освобождении Крымского полуострова от врангелевской армии.

После разгрома армии Врангеля Латышская стрелковая советская дивизия перестала существовать как самостоятельная часть Красной Армии и ее полки влились в 52-ю дивизию Красной Армии.

В IV разделе сборника собраны поздравления и речи видных руководителей гражданской войны и советских работников — С. М. Буденного, А. И. Егорова, Я. М. Свердлова, посвященные латышским стрелкам, в которых дается высокая оценка подвигов стрелков на фронтах гражданской войны. В этот раздел сборника включено 14 документов. Из них два — №№ 99, 100 — являются приказами командующего XIV армии о награждении орденом Красного Знамени и другими наградами командиров и бойцов Латышской стрелковой советской дивизии за выдающийся героизм, проявленный на Южном фронте. Здесь же помещены очерки о подвигах группы красноармейцев 3-го латышского стрелкового полка в боях в районе Каховки, о подвигах разведчиков 8-го латышского стрелкового полка, а также командиров и артиллеристов дивизионной батареи тяжелой артиллерии.

Подвиги латышских стрелков в период гражданской войны вписали блестящую страницу в историю латышского народа. Стремясь присвоить завоеванную латышскими стрелками славу, идеологи латышской буржуазной эмиграции за границей взялись за фальсификацию истории стрелков, пытаясь доказать, что латышские стрелки будто бы боролись не за Советскую власть, а за буржуазную Латвию. Лживость этих утверждений очевидна — каждому известно, что латышские стрелки до последнего вздоха оставались преданными Октябрьской революции и Советской власти. Тысячи латышских стрелков в героической борьбе отдали свои жизни за свободу и независимость, за счастливую жизнь будущих поколений. Об этом убедительно говорят воспоминания и документы настоящего сборника.

* * *

Сборник воспоминаний и документов подготовили к печати Я. П. Крастынь и А. И. Спреслис. Иллюстрации подобрал А. И. Спреслис, карто-схемы разработаны В. И. Савченко и выполнены С. Л. Элерс. Архео-графическую обработку документов провела сотрудница Центрального государственного архива Латвийской ССР О. Я. Балтаусе в соответствии с правилами Главного архивного управления об издании документов периода гражданской войны. В данном издании часть документов и почти все воспоминания переведены с латышского языка на русский. Документы помещены в сборнике в хронологическом порядке. Большинство документов публикуется полностью; в случаях, если использованы только фрагменты, на это указывается в подстрочных примечаниях. Подстрочные примечания дают также необходимые пояснения по тексту документов.

В технической подготовке сборника участвовала лаборантка Института истории Академии наук Латвийской ССР Б. Н. Куршинская.

Я. П. Крастынь

В. И. Ленин в мае 1919 года.

I

ЛАТЫШСКИЕ СРЕЛКИ
В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917—1918)

Я. П. КАЛНЫНЬ,

бывш. стрелок 4-го латышского стрелкового полка.
член партии с 1917 г.

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ СТРЕЛКОВ

Февральскую революцию наша рота встретила в Риге, притом в несколько необычной обстановке. Однажды рано утром нам приказали отправиться в район Болдераи, якобы для проведения учебных стрельб. Близ Болдераи навстречу нам вышли моряки и остановили нас. Наши офицеры около получаса разговаривали с ними. Как выяснилось позже, матросы уже знали о революции и, полагая, очевидно, что мы настроены реакционно, воспротивились нашему продвижению вперед. Пришлось вернуться назад. Через несколько часов нас выстроили и начальство объявило, что царь свергнут, а государством впредь будет управлять Дума. Объявление было очень кратким и сухим.

Вскоре в казармах появились представители большевиков, которые разъяснили сложившееся положение и сказали нам, что революция передаст власть трудящимся, что надо образовать солдатские комитеты и установить связь с другими частями. Мне пришлось быть в составе делегации стрелков, которая посетила солдат 55-го Сибирского полка. Авторитет и влияние большевиков в нашей роте быстро возросли. Наиболее близки солдатам были большевистские лозунги о передаче власти трудящимся и о необходимости покончить с войной. Быстро устанавливались связи и укреплялась дружба с сибирскими стрелковыми полками. В большевиках мы видели ту конкретную силу, которая боролась за новое, светлое будущее. Я примкнул к большевикам, выполнял различные их поручения. 3 июня 1917 года меня приняли в партию.

Офицеры всячески старались затормозить развитие революции. Они уверяли, что, поскольку царь свергнут, революция уже добилась своего и что солдаты должны оставаться верными своему долгу до полной победы.

Я. П. Калнынь.

Наш 4-й стрелковый полк перевели в центр города для несения гарнизонной службы. Мы расположились на улице Авоту.

Стоило только стрелкам услышать, что кто-либо оскорбил солдата или иным образом задел солдатские интересы, как они сразу же, не дожидаясь распоряжения, спешили на помощь. Так было при получении известия о нападении на газету «Циня» или же когда контрреволюция собиралась разоружить подразделение одного из сибирских стрелковых полков и во многих других случаях.

Затем наш полк был направлен на фронт в район Олайне.

В мае я в качестве делегата с позиций участвовал в работе съезда латышских стрелковых полков. Все принятые на съезде резолюции были внесены большевиками; решено было не выполнять приказов о наступлении и, чтобы покончить с войной, начать братание с немецкими солдатами. Те, кто высказывался за продолжение войны, никакой поддержки на съезде не нашли.

Перед съездом поговаривали, что состоится парад, т. е. смотр латышских стрелковых полков, на котором будет присутствовать и Керенский. Но, очевидно, дух майского съезда латышских стрелков лишил Керенского всякого желания встретиться с ними, и эта встреча так и не состоялась.

Буржуазное Временное правительство и главное командование понимали, что латышские и сибирские стрелковые полки в наступление идти не желают. Выход из положения командование пыталось найти в создании так наз. ударных групп, или «батальонов смерти», которые предусмотрено было использовать как в качестве инициаторов военных действий, так и для борьбы с революционными частями.

Из нашей части в «ударники» не пошел никто. Вспоминается один случай. Офицеры объявили, что солдаты, желающие вступить в ударные группы, должны собраться в определенном месте в лесу. Партийная организация направила туда 15 человек, в том числе и меня, чтобы мы помешали вербовке «ударников». В указанное место мы пришли заранее. Явились и организаторы вербовки — три офицера и три «ударника» с изображением черепа на рукавах. Увидев нас (больше никто из солдат не пришел), они обрадовались, думая, что мы желаем записаться, но мы посоветовали им отправиться туда, откуда они явились. Это они и сделали без промедления.

«Смертников» стали вербовать в тыловых частях, а также среди гражданского населения и даже среди женщин.

Один из отрядов «смертников» расположился по соседству с нами, якобы с целью разведать наш участок фронта. Но мы заявили им, что в подобной услуге не нуждаемся, и посоветовали убираться подальше. Наше указание они выполнили без возражений.

К нам на фронт прибывали и вербовщики в меньшевистскую партию, однако последователей у них не нашлось.

В 3-м взводе 2-й роты 4-го полка нас было 7 коммунистов — Янис Калнынь, Янис Лацис, Янис Близгне, Плуме, я и еще два товарища, фамилий которых теперь не помню. Под руководством партийной организации проводилось братание с немецкими солдатами. К сожалению,

нам очень редко приходилось встречать немецких солдат одних, без офицеров. Наши офицеры всеми силами старались помешать братанию. Они даже приказали открывать артиллерийский огонь по передовой линии, если там будет происходить братание. Для того чтобы передовая линия во время братания не подверглась обстрелу, нам пришлось послать на батарею своих людей.

Авторитет большевиков рос с каждым днем не только в нашей роте, но и во всем полку. Об этом свидетельствовали и выборы Рижской городской думы: солдаты отдали свои голоса за большевистских кандидатов.

Среди офицеров также начали появляться революционные командиры, навлекавшие на себя свирепые нападки реакционного офицерства. Так, на одном офицерском собрании было принято решение относительно двух революционно настроенных офицеров, в котором говорилось, что они недостойны называться офицерами. Реакционеры пытались лишить их офицерского звания, но это им не удалось.

Однажды вечером в августе 1917 года, когда уже начало темнеть, мы получили приказ занять огневые позиции. После этого последовала команда — открыть огонь по противнику. Всех удивило, что никто на наши выстрелы не ответил, мы даже не поняли, зачем мы стреляли, так как ничего не было видно. После нескольких минут стрельбы нас тихо вывели из окопов и приказали построиться. Позиции мы оставили без замены. Только лишь по пути в Ригу, видя горящие склады, мы поняли: что-то происходит.

Проходя через Ригу, мы вокруг видели панику; магазины были закрыты. Мы узнали, что немцы переправились через Даугаву у Икшкиле почти без боя. Это известие очень смутило солдат.

После неудачных попыток отогнать назад немецкие части, переправившиеся через Даугаву, наши войска заняли позиции вблизи станции Лигатне.

Нашим соседом слева был «батальон смерти». На этот раз он имел возможность проявить свои боевые способности. «Смертники» начали наступление, но силы их скоро иссякли, и вперед они не продвинулись.

Проект нагрудного знака латышского революционного стрелка (худ. Аболенский).

На станции Лигатне до нас дошло известие о Великой Октябрьской социалистической революции. Во всех ротах состоялись собрания, на которых солдаты узнали о свержении буржуазного Временного правительства. Сообщение о том, что власть перешла в руки Советов, было встречено солдатами с восторгом. По-иному эту весть восприняли некоторые тыловые части. На станции Лигатне в вагонах размещался железнодорожный строительный батальон, в распоряжении которого находилась типография. Вскоре появилась листовка, составители которой нагло заявляли, что в Петрограде власть захватила «большевистская банда» и что надо бороться за восстановление Временного правительства. Революционные стрелки ликвидировали эту типографию, а авторов листовки вместе с контрреволюционными офицерами отправили в Цесис для дальнейшего расследования.

Через несколько дней после Октябрьской революции состоялись ротные партийные собрания. Из стрелков всех латышских полков нужно было сформировать роту коммунистов для отправки в Петроград. В состав этой роты включили и меня. Стрелки сформированной роты были очень рады, что на их долю выпала честь поехать в Петроград — центр социалистической революции.

В Валке у нас произошло столкновение с одной меньшевистской газетой, которая призывала нас не ехать в Петроград, говоря, что латышам незачем оставлять свои кости в болотах Петрограда, поскольку-де власть большевиков и их защитников будет уничтожена. Наши стрелки не поддались контрреволюционной агитации и все как один отправились в Красный Петроград, решив соблюдать строгую дисциплину и порядок. Погоны и кокарды мы сняли.

По прибытии в Петроград рота получила распоряжение направиться прямо в штаб революции — в Смольный. Это очень обрадовало нас. Всю дорогу от поезда до Смольного мы пели революционные песни, пели так, как не пели еще никогда... Поскольку мы пели на латышском языке, петроградцы очень интересовались, кто мы, откуда и зачем прибыли в Петроград.

В Смольном нас разместили на втором этаже. Уже с первого дня началась лихорадочная работа. Часть роты заняла внутренние и внешние посты охраны Смольного, а остальные стрелки днем и ночью вместе с представителями правительства и партии выполняли разного рода оперативные задания по борьбе с контрреволюцией.

Группы контрреволюционеров, состоявшие главным образом из офицеров, мы обнаруживали в разных местах. Мы вели также успешную борьбу с попытками организовать всякого рода погромы. Контрреволюционеры старались вызвать беспорядки, громя винные склады.

Приходилось также разыскивать и арестовывать директоров банков, которые после национализации банков развернули саботаж. При аресте одного директора банка мы столкнулись с сопротивлением: выстрелом из револьвера с небольшого расстояния был ранен командир нашей роты Я. Петерсон.

Занимались мы и сбором оружия. Старая армия стихийно разваливалась. Солдаты ехали домой, захватив с собой винтовки и даже разоб-

ранные пулеметы. Между тем в оружии нуждались рабочие отряды, которые отправлялись на фронт защищать Петроград. Мы окружали вокзалы и отбирали у уезжавших солдат оружие.

Почти ежедневно у Смольного собирались отряды вооруженных рабочих, которые, получив от представителей правительства задание и выслушав напутственные речи, уходили на защиту Петрограда. Видя, что нередко на фронт отправляются люди, почти не сведущие в военном деле, мы попросили послать туда нас. Нам ответили от имени Ленина, что Петроград — тоже фронт; это нас успокоило.

Почти круглые сутки в Смольный для выяснения разных вопросов приходили солдаты, рабочие и крестьяне. Многие из них шли просить совета у В. И. Ленина. Я видел Владимира Ильича очень часто. Бросалось в глаза, что он никогда не ходил медленно, неспеша.

Несмотря на то что Владимир Ильич был очень занят и хорошо знал, что каждый солдат нашей роты, находящийся на посту, знает его лично, он всегда подходил к постовому с заранее приготовленным пропуском, показывая этим пример дисциплинированности и уважения к несущему службу. Пищу Владимиру Ильичу носили с той же самой кухни в Смольном, с которой выдавали ее и нам, солдатам.

В марте 1918 года наша рота вместе с правительством переехала в Москву (в Кремль). По пути мы охраняли правительственные поезда. В Кремле рота была реорганизована в 1-й латышский коммунистический батальон. Здесь мы выполняли ту же работу, что и в Смольном.

В Москве особенно вызывающе вели себя эсеры и анархисты. Однажды я участвовал в разоружении анархистской банды, занимавшейся грабежом и разгулом. Анархисты, занявшие какой-то особняк, заперли ворота и предупредили нас, что, если мы попробуем ломиться, они ответят огнем. Мы немного отошли, и один из наших стрелков подложил под ворота взрывчатку. После взрыва не осталось ничего ни от ворот, ни от стекол в окнах особняка. Видя, что шутить с ними не станут, анархисты один за другим стали выходить на улицу. Всего их набралось человек двести. В особняке мы нашли много оружия, большие запасы разных продуктов, много вина.

В июле 1918 года мы участвовали также в ликвидации мятежа левых эсеров. Этот враг был более опасным. Эсеры пригласили нас принять участие в совместном с ними собрании в одной из школ за стенами Кремля. В приглашении нам предлагалось явиться без оружия, а мы без оружия почти никогда не ходили; кроме того, само это мероприятие эсеров вызывало подозрение. Выяснилось, что эсеры хотели ослабить охрану Кремля, но это им не удалось. Стрелки на эсеровское собрание не пошли, а поднятый эсерами мятеж вскоре был подавлен. После ликвидации этого мятежа я стоял однажды на посту у кабинета Владимира Ильича. Проходя мимо, Ленин дал мне «Правду» и сказал, чтобы я прочитал статью о предательстве эсеров. После обуздания анархистов и подавления мятежа эсеров в Москве стало гораздо спокойнее.

В Кремле я имел возможность прослушать доклад Ленина о международном и внутреннем положении. Владимир Ильич говорил без конспекта, ясно, понятно и очень убедительно, простым языком.

Во второй половине 1918 года наш батальон был реорганизован в 9-й латышский стрелковый полк. В Кремле нас сменил интернациональный батальон, и мы уехали на фронт.

В первом бою мы встретились с белоказаками. Из поезда мы вышли на станции Новохоперск и, перейдя через реку Хопер, двинулись в наступление. Вместе с нами шли китайские добровольцы. В первый день мы заняли три населенных пункта, во второй — два. После этого нас перебросили на Поворинский участок фронта. Там мы атаковали станцию Алексиково и после ожесточенного боя взяли ее.

Я. А. ИСТЕНАИС,

бывш. стрелок 7-го
латышского стрелкового полка

ЛАТЫШСКИЕ СРЕЛКИ В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Комитет 7-го Бауского латышского стрелкового полка получил телефонограмму от Исполнительного комитета латышских стрелковых полков (Исколастрела), в которой полку предписывалось занять город и железнодорожную станцию Валмиера, чтобы задержать движение войсковых частей, верных Временному правительству, с фронта в Гатчину, где находился Керенский.

Члены полкового комитета сообщили командиру полка подполковнику Мангулу содержание телефонограммы и ждали его указаний. Мангул, основательно подумав, ответил: «Как до сих пор я был командиром полка, вашим старшим офицером, отцом и учителем, так и впредь я остаюсь с вами. Я признаю Советское правительство и выполняю распоряжение Военно-революционного комитета»¹. Члены полкового комитета просили Мангула немедленно отдать соответствующие приказы командирам батальонов и начальникам команд и частей, что и было сделано без промедления. Командиров 1-го и 2-го батальонов штабс-капитанов Фрица Биркенштейна и Эвалда, командира 7-й роты штабс-капитана Муйжелиса, отказавшихся выполнить приказы и распоряжения Военно-революционного комитета, арестовали. Арестовали и других 35 офицеров, которые заявили, что признают только Временное правительство и подчиняются приказам командира корпуса. Арестованных офицеров мы отвезли в Валмиеру и заключили в тюрьму. Там они вначале отказывались принимать солдатскую пищу, плевали в котелки, требовали, чтобы им готовили на офицерской кухне, и предлагали деньги, чтобы в городе им купили колбасы и белого хлеба. Вскоре, однако, господа офицеры вынуждены были смириться со своим положением.

Вступив в Валмиеру через Кокмуйжу 29 октября после полудня, полк не встретил никакого сопротивления со стороны верных Временному правительству воинских частей. На железнодорожную станцию Валмиера прибыл один поезд с казаками, чтобы отправиться в Гатчину в распоряжение Временного правительства. Наша 1-я рота и пулеметная команда получили задание вместе с другими ротами высадить казаков из поезда либо разоружить их, если они не согласятся вернуться на

¹ В 1919 году Мангул перешел на сторону белых.

фронт. Мы предъявили казакам эти требования. Вначале казаки не хотели было их выполнять, но, увидев, что латышские стрелки не шутят и залегли в цепь с тремя пулеметами, подчинились, вышли из вагонов и расположились в окрестностях Валмиеры.

Нашу 1-ю роту разместили в Валмиерской учительской семинарии, в большом зале которой мы часто устраивали концерты и представления для валмиерской молодежи. Драматический кружок стрелков работал хорошо — мы декламировали, читали лекции о международном положении и по другим общественным вопросам. В полковом оркестре было 45 трубачей. Жители Валмиеры постоянно посещали наши концерты. В задачу полка входило несение гарнизонной службы, поддержание порядка революционного порядка в городе, на железнодорожной станции и в окрестных волостях. Учитывая лояльное поведение в отношении Советского правительства командира полка Мангула, прапорщика Микельсона и некоторых других офицеров, стрелки не сняли с них погоны, как со многих других офицеров, например с бывшего командира 1-й роты, позднее 1-го батальона, штабс-капитана Фрица Биркенштейна.

Мой бывший ротный командир штабс-капитан Биркенштейн, бывший народный учитель, по партийной принадлежности был заядлым социал-демократом меньшевиком. Он часто спорил со стрелками нашей роты, которые защищали политику большевиков. Во время этих споров можно было убедиться в том, что Биркенштейн — смертельный враг большевиков. Как только мог, поносил он В. И. Ленина, упирая на то, что Ленин и другие большевики во время войны проехали через Германию в plombированном вагоне и т. д. В то же самое время он превозносил Карла Каутского и других вожakov социал-демократов. В октябрьские дни его арестовали за отказ подчиниться распоряжениям Военно-революционного комитета. Таким же ярким врагом большевиков был заносчивый, высокомерный и честолюбивый командир 7-й роты штабс-капитан Муйжелис. Грубым и резким был командир 4-й роты капитан Беркис, которого стрелки терпеть не могли.

Прошло несколько дней после того, как полк вошел в Валмиеру, когда к нам явился делегат II Всероссийского съезда Советов и представитель ЦК СДЛ Яков Петерс. В валмиерской лютеранской церкви мы устроили митинг рабочих, крестьян и стрелков, украсили церковь зеленью, транспорантами, лозунгами и флагами. Собралось так много трудящихся, что яблоку упасть было негде. Я. Петерс поднялся на кафедру и начал рассказывать о победе социалистической революции и о международном положении, о событиях в Петрограде и о ближайших задачах латышского народа. Когда товарищ Петерс кончил речь, все как один спели «Интернационал». Старики и старушки, вытирая слезы радости, говорили: «Всю жизнь прожили, но такой горячей речи, да еще с церковной кафедры, не слышали». Напротив, представители валмиерской буржуазии — домовладельцы и торговцы вместе со священником Нейландом — ругались, что-де стрелки и рабочие осквернили храм божий, богохульничали и святотатствовали с красными тряпками (т. е. флагами).

16—18 декабря в Валмиере происходил II съезд Советов рабочих,

стрелковых и безземельных депутатов Латвии. Он выбрал Исколат в составе 69 человек во главе с Фрицем Розинем (Азисом). Мы, стрелки, охраняли делегатов съезда во время заседаний от возможных неожиданностей. Однако никаких происшествий в городе не было.

Мы стояли на страже порядка и спокойствия в городе днем и ночью. Вспоминаю тихую ночь 31 декабря 1917 года. Шагая по спокойным улицам города в преддверии нового, 1918 года мы думали о том, что принесет он для Валмиеры и всего латышского народа. Оказалось, что из-за преступной политики Троцкого этот год стал годом немецкой оккупации Латвии.

9 января 1918 года стрелки нашего полка во главе с оркестром направились к могилам жертв карательных экспедиций 1905—1907 гг., куда на траурный митинг собрались трудящиеся Валмиеры. По пути пели революционные песни «Кто сам ходит в лохмотьях», «Солнце всходит и заходит». В конце митинга все спели «С призывом к битве на устах». На митинг собралось столько народа, сколько жители Валмиеры давно не видели.

В ночь с 18 на 19 февраля полк покинул Валмиеру и в боевой готовности направился по шоссе к Валке и дальше — на Псков. Приближаясь к Пскову, мы получили известие, что там на станции уже находятся немцы. Надо было прорваться сквозь немецкие посты. С этой задачей полк справился с честью.

Т. Я. ДРАУДИНЬ.

член редакции
газеты «Бривайс стрелниекс»

ГАЗЕТА ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ «БРИВАЙС СТРЕЛНИЕКС» («СВОБОДНЫЙ СТРЕЛОК») В 1917 ГОДУ

После свержения самодержавия, в период с февраля по октябрь 1917 года, когда партия большевиков, возглавляемая великим Лениным, неустанно вела упорную и напряженную борьбу за массы, огромное значение имела большевистская печать, и в том числе большевистские солдатские фронтовые и армейские газеты. Это и понятно: во время мировой войны миллионы рабочих и крестьян были призваны в армию, стали солдатами.

Солдатские газеты в руках большевиков являлись мощным идейным оружием в деле приобщения солдатских масс к революционному движению пролетариата.

В 1917 году в стране издавалось огромное количество всяких газет различного политического направления, и в том числе много псевдосолдатских газет. Такими были газета военного министерства «Армия и флот Свободной России» и многочисленные газеты фронтовых, армейских и корпусных комитетов, выпускавшиеся исполкомами Советов солдатских депутатов всех фронтов и армий. В числе их были и газеты Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов XII армии, его «Известия» и большая ежедневная газета «Рижский фронт». Но не всякая газета, называвшая себя армейской, была действительно солдатской газетой. Как правило, газеты фронтовых и армейских комитетов, большая часть которых находилась до октября 1917 года в руках меньшевиков и эсеров, так же как и «Армия и флот Свободной России», являлись проводниками политики буржуазии, генералитета и соглашательских партий, вели яростную травлю Ленина и большевиков и кампанию за продолжение антинародной империалистической бойни.

Подлинно солдатской газетой в первую очередь была созданная петроградской большевистской военной организацией «Солдатская Правда», первый номер которой вышел уже 15 апреля 1917 года. «Солдатская Правда» печаталась в большом количестве экземпляров, но его далеко не хватало для снабжения всех фронтов. К тому же военное начальство всеми мерами, вплоть до прямого запрета, препятствовало ее распространению. Сколько приказов, полных угроз, — вплоть до расстрела, издавали тогда царские генералы Алексеев, Клембовский и другие, сколько

телеграмм они посылали, чтобы уберечь фронт от «большевистской заразы» и преградить доступ в армию газетам «Правда» и «Солдатская Правда». Отчасти этим было вызвано появление на фронте целого ряда местных солдатских газет. Создание этих газет обуславливалось также тем, что перед солдатами каждого фронта, каждой армии помимо общеполитических стояли и специфические местные проблемы. На всех фронтах, в каждой армии в 1917 году возникли фронтовые и армейские газеты. В XII армии, входившей в состав Северного фронта и стоявшей у Риги, выходили большевистские солдатские газеты «Окопная Правда» и «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок» — на латышском языке), в которых освещение полковых организационных и иных вопросов совмещалось с рассмотрением общеполитических проблем борьбы революционного пролетариата России за мир, за землю.

Обе эти газеты издавались в Риге, сохранившей свои революционные традиции, несмотря на то что за годы мировой войны город потерял большую часть промышленных предприятий и большую часть своих фабричных рабочих. Несмотря на строгий надзор и контроль военных — и не только военных — властей, старая революционная Рига в 1917 году жила. Не зря генерал Рузский в конце 1916 года назвал ее революционным гнездом. Сохранению революционных традиций в значительной степени способствовали латышские стрелки. Восемь действующих латышских стрелковых полков и один запасной для боевого пополнения, укомплектованные в две бригады, всего — 40—50 тысяч стрелков, славившихся своей стойкостью, дисциплинированностью и отвагой, вместе с сибирскими стрелками охраняли от немцев Ригу и подступы к революционному Петрограду.

Латышские стрелковые полки, созданные латышской буржуазией в 1915 году и усиленно опекавшиеся ею, первоначально считались надежным резервом латышской националистической буржуазии. Однако в подавляющем большинстве своем стрелки представляли латышский пролетариат: это были рабочие и безземельные крестьяне Латвии, и скоро им оказалось не по пути с латышской националистической буржуазией.

Перед Социал-демократией Латышского края, стоявшей на ленинских позициях, встала важнейшая задача завоевания стрелков на сторону пролетарской революции. После Февральской революции латышские большевики развили агитационно-пропагандистскую деятельность, чтобы вырвать стрелков из плена националистических и мелкобуржуазных идей. Эта работа увенчалась успехом. Латышские стрелковые полки, как однородная организованная крупная воинская часть, были полностью завоеваны для дела пролетарской революции. 17(30) мая 1917 года на съезде представителей всех латышских полков, после пятидневных политических дискуссий с участием представителей армии и Петроградского Совета, делегаты съезда почти единогласно приняли историческую резолюцию латышских стрелков, предложенную съезду от имени ЦК Социал-демократии Латышского края Ю. Данишевским. Латышские стрелки выступили за мир, с отказом от поддержки Временного правительства и с требованием передачи всей власти в стране Советам рабочих, солдатских и

крестьянских депутатов. С этого дня лозунгом всех латышских полков стал боевой лозунг большевиков «Вся власть Советам!»

Большевизация латышских стрелков имела большое значение для всей XII армии и оказала громадное влияние на политические настроения всех полков. Резолюция 17(30) мая 1917 года означала, что латышские стрелковые полки стали сознательной и организованной вооруженной силой большевиков, которой распоряжался ЦК Социал-демократии Латышского края. Эта «измена» латышских стрелков, как тогда писала вся буржуазная печать не только Латвии, но и Петрограда и Москвы, совершилась не сразу и не самотеком, а в результате упорной и длительной работы латышских большевиков среди стрелков.

Газета «Правда» 4 июня 1917 года, сообщая об этой значительной победе Социал-демократии Латышского края, писала, что, несмотря на шовинистический угар и трудности военного времени, Социал-демократия Латышского края «... может с гордостью оглянуться на свое прошлое... А ныне она ввела в свои ряды и своих пролетариев... латышских стрелков, которые по недоразумению под влиянием буржуазной печати считались оплотом шовинистического патриотизма среди латышей».

После Февральской революции агитационно-пропагандистская работа Социал-демократии Латышского края приобрела еще более целеустремленный характер. Общеизвестно, что благодаря этому в Латвии Советы значительно раньше, чем во многих других областях России, стали на сторону большевиков¹. Большевизация Советов рабочих и безземельных Латвии влияла также на политические настроения и позицию латышских стрелков.

Революционная работа среди стрелков была расширена и прочно закреплена в результате агитационно-пропагандистской работы Социал-демократии Латышского края и большевистских органов печати: «Правды», «Циня» («Борьба»), «Бривайс стрелниекс», «Окопной Правды»... Влияние большевистских газет на развитие революционного движения в армии было огромным.

Вопрос об организации и издании особой газеты латышских стрелков был поставлен уже на первом совещании представителей всех латышских полков, состоявшемся 13 марта 1917 года в городе Валмиере. На съезде представителей полков, состоявшемся в Риге с 27 по 29 марта 1917 года, вопрос об издании стрелковой газеты был одним из пунктов повестки дня. В постановлении съезда Исполкому Совета латышских полков было поручено немедленно приступить к изданию стрелковой газеты «строго демократического направления». Предложение делегата большевика Тилиба, чтобы газета была строго социал-демократического направления, съездом было отвергнуто². Большинство делегатов этого

¹ Рижский Совет рабочих депутатов еще на своем пленарном заседании 8 июня 1917 года пришел к заключению, что «революционные рабочие, солдатские и крестьянские Советы необходимо рассматривать как государственные учреждения, которые не только осуществляют задачи одного рабочего класса, но создают также новый государственный строй» («Cīņa», № 25 (187) от 11 (24) июня 1917 г.).

² См. протокол съезда в сборнике «Latvju strēlnieku vēsture», 2. sēj., 2. d. «Prometejs», Maskavā, 1928, 567.—574. lpp.

съезда находилось еще в плену соглашательских иллюзий. Этим воспользовались латышские меньшевики. В редакции новой газеты засели меньшевики и латышские националисты: главным редактором стал М. Скуениек — впоследствии премьер-министр буржуазной Латвии, членами редакции — адвокат В. Холцман, впоследствии фашист, меньшевик Петр Биркерт, националист А. Кродер и другие.

10 апреля 1917 года вышел первый номер газеты «Бривайс стрелниекс». На первых порах это была меньшевистски-либеральная с националистической окраской мелкобуржуазная газета для стрелков, но не газета самих стрелков. Исколастрел находился еще в тумане соглашательских иллюзий, и такой же была его газета. Мелкобуржуазная путаница, которая царила в газете в период засилия меньшевиков в редакции, ни в коей мере не отвечала политическим настроениям самих стрелков, в особенности фронтовиков. Газета обманула надежды стрелков и не могла их удовлетворить. Полковые комитеты и отдельные коллективы стрелков принимали резкие резолюции протеста против бесхребетности редакции и предательства интересов революционной демократии. Уже 13 апреля 1917 года полковой комитет Запасного полка первым вопросом повестки дня поставил вопрос о политическом направлении газеты «Бривайс стрелниекс». Комитет постановил, что газета должна иметь определенное лицо (т. е. большевистское направление), «должна быть вождем политической борьбы и воспитателем в партийном духе»¹. Во время подготовки к майскому съезду латышских стрелков, а также во время работы самого съезда, когда стрелки уже поняли абсолютную необходимость бороться за немедленный мир, за Советскую власть, за продолжение революции, вопрос о газете «Бривайс стрелниекс» горячо обсуждался на всех собраниях и митингах стрелков. Признав, что «Бривайс стрелниекс» окончательно еще не порвал с латышской буржуазией, стрелки требовали, чтобы газета полностью стала на большевистские позиции и отражала подлинные идеи и стремления солдатских масс.

Под этим революционным напором меньшевики и националисты М. Скуениек, П. Биркерт, А. Кродер, а впоследствии и Ф. Мендер-Золов вынуждены были выйти из состава редколлегии. На их место в редколлегию газеты пришли большевики. Из прежних работников на технической работе остался только Я. Судрабкалн. Это не была простая смена лиц в редколлегии: газета «Бривайс стрелниекс» стала в полном смысле газетой самих стрелков, солдатской большевистской газетой.

В редакцию «Бривайс стрелниекс» пришли новые люди: И. Герман-Аусеклис, К. Озолинь-Томас и Т. Драудинь. Герман-Аусеклис был борцом за ленинские идеи в Социал-демократии Латышского края, одним из наиболее деятельных членов латышского большевистского центра и редактором (совместно с Я. Берзином-Зиемелисом) большевистского за-

¹ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Изд. АН ЛССР, Рига 1957, стр. 132.

граничного «Бюллетеня» в период борьбы латышских большевиков за созыв IV Брюссельского съезда¹.

Карл Озолинь, будучи новым партийным работником, имел, однако, уже опыт газетной работы, так как после Февральской революции проработал некоторое время в Москве, в редакции центрального органа Социал-демократии Латышского края «Социалдемократс». В Ригу он приехал как раз во время майского съезда стрелков. Я тоже не был полным новичком в газетном деле. Началась новая, большевистская полоса в работе редакции «Бривайс стрелниекс».

И. Герман-Аусеклис, перегруженный партийной работой, очень скоро совершенно отошел от работы редакции. Остались мы вдвоем с К. Озолинем и секретарь редакции Я. Судрабкалн. На наши плечи ложилась сложная и большая работа по выпуску ежедневной большой газеты на четыре полосы. Редакция не располагала почти никаким вспомогательным аппаратом, не было ни машинисток, ни машинок — все переписывалось от руки. Набор тоже был ручным. Само собой понятно, что не было никаких заведующих отделами, хотя газета выходила с заголовками разделов. Не было и штатных репортеров. Помимо всего прочего, вся общая информация поступала в редакцию на русском языке и необходимо было переводить ее на латышский язык. Так что работы у нас в редакции было по горло.

Кроме собственно редакционной работы, на нас ложились и общественные обязанности. Редактор солдатской газеты одновременно был и партийным работником, и агитатором-пропагандистом. Он почти ежедневно выступал на собраниях и митингах стрелков и выезжал с докладами даже на передовые позиции. И всю эту работу приходилось вести в период величайшего революционного подъема, в моменты исключительного накала политической борьбы. В газетной работе мы имели своими противниками квалифицированных журналистов — меньшевиков и националистов, которые в совершенстве владели искусством диспутов и политических споров. Почти ежедневно на страницах газеты нам приходилось вести ожесточенные бои не только с соглашателями из редакций латышских газет, но и с авторами пасквильных статей «Рижского фронта», бороться против таких заядлых адвокатов соглашательства, как члены ЦК меньшевиков Кучин, Дюбуа и бундовцы Хараш, Айзеншмидт и др.

Не гнушались наши политические противники использовать против нас и такое средство борьбы, как клевета, обвиняя нас в получении немецких денег. Такой прием в 1917 году очень широко применялся буржуазной бульварной печатью. Не было недостатка и в присылаемых по почте угрозах физической расправы, причем эти письма обычно имели подписи, заимствованные из бульварных детективов: «Черная рука», «Возмездие» и пр. Особенно широко подобные приемы борьбы применялись нашими политическими противниками во время ожесточенной

¹ В журнале «Пролетарская революция», № 5 за 1935 год опубликован ряд писем В. И. Ленина к И. Герману-Аусеклису в связи с подготовкой к IV Брюссельскому съезду Социал-демократии Латышского края. См. также «Ленин о революционном движении в Латвии». Рига 1948.

Стрелки 5-го Земгальского латышского полка читают газету «Бривайс стрелниекс». Лето 1917 г.

борьбы вокруг резолюции, принятой на съезде стрелков 17(30) мая. Однако «Бривайс стрелниекс» поддерживали массы стрелков, а также рабочие и безземельные крестьяне Латвии. Почти ежедневно редакция газеты получала постановления полковых и ротных комитетов и собраний стрелков, сообщавших о своей поддержке большевистского направления газеты. Так, например, общее собрание стрелков 2-го батальона запасного полка постановило признать большевистское направление «Бривайс стрелниекс» единственно правильным и объявило всей буржуазной печати во главе с газетой «Лидумс» бойкот. Для «Бривайс стрелниекс» было собрано 150 рублей.

Газета могла существовать и развиваться, только получая материальную помощь от самих стрелков. Для нее стрелки не жалели ни трудов, ни средств: они устраивали сборы или выделяли пожертвования газете из скудных хозяйственных денег своих команд. Стрелки поддерживали свою газету не только материально: они активно участвовали в ее деятельности. Из их среды вербовались десятки добровольных корреспондентов газеты «Бривайс стрелниекс». На сотрудничестве в «Бривайс стрелниекс» выросли и стали известны многие из латышских советских журналистов и литераторов: К. Иокум, А. Цеплис, О. Лацис, Ю. Балодис (Юлиан), Р. Апинис, К. Имун, К. Поэма, А. Муцениек, Л. Креслия, А. Редер и многие другие.

Страницы газеты за 1917 год дают некоторое представление о массо-

ности участия самих стрелков в ее деятельности. На самом деле это участие было значительно шире, так как не все, что писали стрелки, попадало в газету... Богатейший архив писем стрелков, их очерков о жизни в окопах погиб при эвакуации Риги в августе 1917 года.

Газета была интересна не только описанием и заметками о повседневной жизни стрелков, но главным образом потому, что она помогала им правильно, по-большевистски разобраться в сложнейшей политической обстановке того времени и потому, что выдвигала лозунги, отвечавшие насущным интересам трудящихся. «Бривайс стрелниекс» простым, понятным для стрелков языком освещал с ленинских позиций все актуальные, как тогда говорили, «вопросы текущего момента». По всем этим вопросам новая, большевистская редакция газеты проводила взгляды партии большевиков в редакционных статьях, а также в регулярно помещавшихся статьях В. И. Ленина, П. Стучки, Ю. Данишевского и других.

Свою революционную, большевистскую работу газета «Бривайс стрелниекс» проводила в контакте и сообщала со своими русскими товарищами, с «Окопной Правдой», редакция которой одно время помещалась в том же доме по Парковой улице и на одном этаже с нашей редакцией. Редакционные работники «Окопной Правды» А. Васильев, Р. Ковнатор, А. Григорьев, Федотов, А. Дижбит и другие были частыми гостями в редакции «Бривайс стрелниекс».

Популярность газеты «Бривайс стрелниекс» росла, причем не только среди стрелков, но и среди гражданского населения Латвии. «Бривайс стрелниекс» включался и во все общегражданские кампании, проводимые Социал-демократией Латышского края: выборы в Рижскую городскую думу, в городские думы других городов Латвии, выборы в Видземский земский совет и уездные советы и т. п., поддерживал борьбу рабочих за 8-часовой рабочий день и другие требования, направленные на улучшение бытового и правового положения рабочих. Тираж газеты превысил 17 тысяч экземпляров.

Газета широко рассылалась также по почте в разные города России и устанавливала действенную связь стрелков с латышскими рабочими, эвакуированными в глубь России. Латышские рабочие из Харькова, Пскова, Нижнего Новгорода, Ярославля и других городов отчислениями из своей и без того невысокой заработной платы также поддерживали газету. Естественно, что для российской контрреволюции и латышской буржуазии ликвидация газет «Бривайс стрелниекс» и «Окопная Правда» являлась делом неотложной важности. Кампания за ликвидацию большевистских солдатских (и гражданских) газет особенно усилилась после июльских дней и разгрома редакции «Правды» в Петрограде. Кампанию эту возглавляло само Временное правительство. На подобные крайние шаги его со своей стороны подталкивали и высшие военные власти. Так, главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский 18 июля 1917 года телеграфировал военному министру А. Керенскому, сообщая копию телеграммы командующему XII армией

¹ ЦГВИА, ф. 366/с, оп. 1, д. 358, л. 140, тел. лента.

и комиссару фронта¹: «Испрашиваю разрешение на закрытие издающейся в Риге газеты «Бривайс стрелниекс» («Вольный стрелок»), по направлению своему соответствующей «Окопной Правде». Главкосев Клембовский». Временное правительство очень хотело бы ликвидировать эти газеты, но еще не решалось на этот шаг. Особенно оно боялось приступить к ликвидации газеты «Бривайс стрелниекс», и не напрасно, так как латышские полки поочередно несли караульную службу в Риге и одновременно добровольно охраняли редакцию и типографию своей газеты. Наборщики-стрелки ходили на работу вооруженными.

Когда местные контрреволюционные силы, опираясь на приказ военного министра Керенского, решились, наконец, закрыть «Окопную Правду» и отряд казаков 21 июля разгромил редакцию этой газеты¹, в помещении редакции «Бривайс стрелниекс» (на Парковой улице) немедленно явился вооруженный отряд латышских стрелков, готовый вооруженной рукой защитить от казаков и «смертников» свою газету, орган Исколастрела... Военные власти побоялись осуществить свое намерение.

Налет казаков на редакцию «Окопной Правды» и закрытие газеты вызвали бурю протестов, особенно в полках 109-й дивизии и среди латышских стрелков. ЦК Социал-демократии Латвии и Рижский Совет рабочих депутатов в опубликованном совместном заявлении также выразили свой решительный протест. Они писали: «Закрытие газеты «Окопная Правда» является ограничением завоеванной революцией свободы слова и нападением на революционную демократию. Исполнительный комитет высказывает свой решительный протест против закрытия «Окопной Правды», а также против обыска в редакции, который был произведен самым грубым образом при участии казачьих отрядов, чего не было даже при старом режиме»². Контрреволюция ничего не выгадала от закрытия «Окопной Правды». На следующий же день солдатская газета XII армии снова вышла, только под новым названием. Таким образом, контрреволюции на Рижском фронте удалось конфисковать у солдатской газеты только ее заголовок, а сама газета под названием «Окопный набат» продолжала выходить, и реакции задушить ее не удалось.

Контрреволюция, перешедшая после июльских дней в открытое наступление на революционные силы страны, не отказалась от своих намерений задушить большевистскую, солдатскую печать. Она только выжидала удобный момент для нанесения нового удара. Этот удар она приурочила к предательской сдаче главнокомандующим русской армией генералом Корниловым Риги. 21 августа (3 сентября) 1917 года Рига была сдана немцам; контрреволюция готовилась предать немцам и революционный Петроград. Не зная о предательском приказе Корнилова отступать, латышские стрелки в эти трагические дни истекали кровью в боях у Малой Юглы. В ночь с 20 на 21 августа, когда после двухдневного боя стало ясно, что одними силами латышских стрелков отстоять Ригу

¹ Редакция «Окопной Правды» помещалась тогда в здании бывшей префектуры (напротив Рижского вокзала), там же, где Рижский Совет.

² Октябрьская революция в Латвии, стр. 176.

невозможно, Исколастрел решил также срочно эвакуировать редакцию газеты «Бривайс стрелниекс», чтобы на новом месте немедленно возобновить ее издание¹. Осуществить это решение было нелегко. Меншевистский Искосол не предоставил для эвакуации редакции и хозяйственного отдела ни вагонов, ни гужевого транспорта.

Наконец в ночь на 21 августа под обстрелом немецкой дальнобойной артиллерии стрелкам удалось где-то раздобыть старый грузовик и началась «эвакуация». Ввиду отсутствия вагонов наши запасы газетной бумаги пришлось оставить в Риге. Остался также весь редакционный архив. В 4 часа ночи погрузка была закончена и мы двинулись от помещения Исколастрела в дорогу. Ехали с большими длительными остановками по Петроградскому шоссе через Юглу. Немцы на всем протяжении обстреливали путь отступления артиллерией. Дорога сплошь была запружена отступавшими воинскими частями: с Рижского взморья отходили артиллерия, кавалерия и пехота. Царила невероятная суматоха, давка и неурядица. Наконец мы добрались до Цесиса, где и решили остановиться. В этом небольшом городке не оказалось типографии, в которой можно было бы и набрать, и отпечатать газету. Именем революции мы приступили к реквизиции типографии: в типографии Озола набрали текст, а в другой типографии — Рупайса — отпечатали газету. Больших трудов стоило найти необходимую бумагу. Мы выпустили первый (108-й порядковый) номер «Бривайс стрелниекс» и информировали армию и население о положении на фронте, внеся этим некоторое успокоение в умы людей. Появление газеты «Бривайс стрелниекс», изданной в Цесисе, с последними известиями с фронта и с призывом ЦК Социал-демократии Латвии к населению не поддаваться излишней панике, оставаться на своих местах было своевременным. Через связистов мы отправляли газету навстречу отступающим полкам в сторону Сигулды и Лигатне. П. Стучка, который в самый момент падения Риги прибыл сюда из Петрограда на заседание ЦК Социал-демократии Латвии и вынужден был всю дорогу отступления из Риги до Сигулды проделать пешком, удивился, когда ему в Сигулде подали свежий номер «Бривайс стрелниекс» с призывом ЦК к бдительности и спокойствию. П. Стучка, приехав в Цесис, сердечно похвалил нашу работу. Зато ее «не одобрило» Временное правительство, которое само было причастно к сдаче Риги. Несмотря на большую и очень нужную в тот момент работу газеты по успокоению населения и организации отпора немецким захватчикам и по борьбе с дезорганизацией тыла, А. Керенский как раз во время наступления немцев отдал приказ о ее закрытии. Весть об этом приказе вызвала бурю возмущения. Даже меньшевистский Искосол под напором солдатских масс вынужден был выступить с протестом против приказа А. Керенского. В телеграмме ВЦИК к комиссару Северного фронта Искосол за подписью Г. Кучина писал: «Героические латышские стрелки только что вышли из огня боев. Они понесли тяжелые потери и, как львы, боролись за свободу России и Латвии. Закрытие органа этих героев не может быть истолковано иначе, как акт притеснения сво-

¹ Latvju strēlnieku vēsture, 2. sēj., 2. d. «Prometejs». Maskavā, 1928. 619. lpp.

боды слова латышской демократии. Просим срочной отмены этой меры». Все латышские полки требовали отмены нелепого приказа Керенского. Орган ЦК РСДРП «Рабочий путь», выходявший вместо разгромленной в июле газеты «Правда», 30 сентября (13 октября) 1917 года резко осудил распоряжения Керенского о закрытии газеты «Бривайс стрелниекс», поместив на своих страницах протесты Исколастрела, Искосола и латышских полков против предательских действий Временного правительства и Керенского¹.

Мы могли бы в тех условиях попросту игнорировать этот приказ, но этим сорвали бы всю рассылку почтой, которая имела строжайшее распоряжение не принимать к распространению газету «Бривайс стрелниекс». Поэтому мы на следующий же день выпустили газету под новым названием «Латвю стрелниекс» («Латышский стрелок»). В первом номере этой газеты редакция выступила с заявлением, в котором писала: «Газета «Латвю стрелниекс» начинает свой путь в исключительно тяжелых условиях, когда революционная армия отступает, а внутренняя контрреволюция активно наступает. Мы начинаем свою работу как орган Исполнительного комитета латышских стрелковых полков. Своей задачей мы ставим объединение всех действительно революционных сил армии и рабочей демократии в борьбе против объединенных как внутренних, так и внешних контрреволюционных сил. В этой борьбе мы идем под интернациональным знаменем революции и пронесем это знамя наперекор бушующей контрреволюции и военной буре к светлой жизни. Мы всегда пойдем вместе с сознательными борцами **рос-сийской** революции, вместе с интернациональной армией труда... к социализму»². Но борьба за старое название газеты продолжалась. 19 сентября Исколастрел по предложению К. Петерсона постановил обратиться с резким протестом во ВЦИК, к председателю Совета Министров, военному министру и комиссару Северного фронта с требованием восстановить газету «Бривайс стрелниекс». Исколастрел заявил: «Если в ближайшее время не будет отменено закрытие газеты «Brīvais Strēlnieks», то Исколастрел, выполняя волю всех латышских полков, будет вынужден революционным путем возобновить издание газеты под старым названием, что не может не повлиять на авторитет центральной власти»³. Окончательно этот спор был решен Октябрьским вооруженным восстанием и свержением контрреволюционного Временного правительства во главе с Керенским.

После эвакуации из Риги в Цесис редакция выпустила всего восемь номеров газеты под названием «Бривайс стрелниекс» и «Латвю стрелниекс». Однако и это стоило больших усилий. Несмотря на исключительные способности и хлопоты заведующего хозяйством газеты, доставать бумагу для газеты стало почти невозможно, тем более, что тираж газеты был по тому времени значительным. Кроме того, необходимость набирать газету в одной типографии, а потом возить набор для печата-

¹ «Рабочий путь», № 24 от 30 сентября (13 октября) 1917 г.

² «Latvju Strēlnieks», № 1 от 27 августа (9 сентября) 1917 г. Редакционная статья.

³ «Latvju Strēlnieks», № 22 от 21 сентября (4 октября) 1917 г.

ния в другую типографию, находившуюся довольно далеко, вызывала массу неудобств. Чтобы создать лучшие условия и обеспечить регулярный выход стрелковой газеты, Исколастрел постановил перевести издание газеты «Латвю стрелниекс» в армейский тыл, в город Валку. Туда мы переехали в незабываемое для всей страны время — в дни подготовки революционного пролетариата к свержению Временного правительства. На повестке дня стояло вооруженное восстание.

Газета латышских стрелков отражала всю остроту и напряженность переживаемого времени. Об этом говорят передовые газеты «Латвю стрелниекс», статьи В. И. Ленина и П. Стучки, помещавшиеся в газете, статьи сотрудников газеты и ярче всего — решения и постановления воинских частей, резолюции собраний и митингов по вопросам «текущего момента».

В это напряженное время помещение газеты стало как бы своеобразным политическим клубом. К нам в редакцию приезжали с фронта представители полковых комитетов за более точной информацией и, в свою очередь, информировали нас о настроении стрелков и общем положении на фронте. В редакцию являлись также эмиссары и связные из Петрограда, чтобы узнавать о настроениях фронта и латышских стрелков, приезжали даже из Ревеля, Кронштадта и Гельсингфорса.

Помню, как в редакцию пришли три офицера 5-го латышского полка с устным заявлением командира полка И. И. Вацетиса о том, что он и солидарные с ним офицеры полка полностью отдают себя в распоряжение революции. И действительно, в решающие дни И. Вацетис сдержал свое слово.

16 октября в редакцию из Петрограда явился и В. А. Антонов-Овсенко, посланный ЦК партии большевиков и В. И. Лениным на предстоявшую в тот день в Валке чрезвычайную конференцию Социал-демократии Латвии, чтобы информировать конференцию о решении ЦК партии начать вооруженную борьбу за власть.

Сюда же в редакцию уже после победы Октябрьской революции из Питера от В. И. Ленина и П. Я. Стучки приехал также Ф. Розинь-Азис, вернувшийся на родину после долгих лет каторги и эмиграции и избранный председателем Исполнительного Комитета Совета рабочих, стрелковых и безземельных депутатов Латвии (Исколат). Он проявил большую активность в деле осуществления социалистических преобразований в не оккупированной немцами части Латвии, где также победила Октябрьская революция. Ф. Розинь в дальнейшем в качестве главного редактора возглавил редакцию газеты «Бривайс стрелниекс»¹. За декабрь и январь месяцы 1918 года в газете было напечатано несколько больших статей Ф. Розиня. Совместная работа с этим удивительно симпатичным, спокойным и высокообразованным человеком, ветераном пролетарского революционного движения в Латвии была очень поучительна для нас, молодых.

Но в дни Октября нас посещали и люди другого лагеря. Это были

¹ В октябрьские дни, 31-го числа, мы восстановили старое название газеты.

«ударники», «смертники» и контрреволюционные штабные офицеры. Город Валка был центром всякой контрреволюции: там обретался штаб армии, находившийся еще в руках контрреволюционного офицерства; там была штаб-квартира и меньшевистского Искосола. Командующий XII армией подтянул к Валке ряд «надежных» воинских частей, в том числе казаков, «смертников» и «ударников». Когда в Петрограде началось вооруженное восстание, штаб и Искосол установили на валкском телеграфе строжайший контроль и конфисковали все телеграммы Петроградского военно-революционного комитета. Одновременно с этим Искосол, чтобы дезориентировать армию, снабжал из Валки все корпуса и дивизии своими вымышленными телеграфными сообщениями о «победах» Керенского под Гатчиной и разгроме вооруженного восстания в Петрограде. Но валкские телеграфисты тайком доставляли нам в редакцию телеграммы из Петрограда, сообщавшие о победе восстания, а мы выставляли их в виде больших плакатов в окнах конторы газеты. Сотни солдат и рабочих постоянно толпились у окон редакции, читали и горячо обсуждали питерские события. Штаб XII армии послал к редакции вооруженный отряд «смертников», чтобы ликвидировать этот способ информации. Дело чуть не дошло до кровавой стычки, так как к редакции немедленно стали стекаться вооруженные солдаты, а также наши наборщики с винтовками в руках. Отряд «смертников» при виде вооруженных стрелков счел за лучшее ретироваться.

В эти исторические дни редакция напоминала шумный, гудящий от людского говора клуб. Сюда приходили стрелки и рабочие узнавать новости из Петрограда и шумно обсуждали события. Буквально на другой день после разгрома Керенского у Гатчины мы в Латвии под руководством ЦК Социал-демократии Латвии, Исколата и Ф. Розиня начали осуществлять декреты второго съезда Советов, активно проводили конфискацию баронских имений и национализацию промышленных предприятий. Для связи с редакцией меня ввели в состав Исколата в качестве второго секретаря. Огромная работа большевиков по социалистическому строительству получила широкое освещение на страницах газеты «Бривайс стрелникс». Но еще более значительной была роль газеты в пропаганде новой формы государственной власти — Советской власти и в ее осуществлении в самом низовом звене — в волости. Партия возглавила борьбу безземельного крестьянства Латвии за создание Советской власти в волостях и за ликвидацию старых волостных правлений, находившихся в руках кулаков. Безземельным помогали латышские стрелки.

Газета «Бривайс стрелникс» широко освещала на своих страницах эту огромную работу латышских трудящихся. Комплект газеты за 1917 год является богатейшим материалом для каждого историка, работающего над темой Великой Октябрьской социалистической революции и победы Советской власти в Латвии.

Конец 1917 и начало 1918 года был незабываемым и увлекательным периодом в нашей работе. Но это был и последний этап существования газеты «Бривайс стрелникс». Кайзеровская Германия, пользуясь пере-

рывом в мирных переговорах, предательски напала на молодую Советскую республику и оккупировала также всю Прибалтику. Латышские стрелки, верные своему интернациональному долгу перед революцией, с боями оставили свою родину и перешли в Советскую Россию. Последний номер «Бривайс стрелниекс» на родной земле, в Валке, вышел 20 февраля 1918 года.

Одним из последних поездов, вместе с задержавшимися членами большевистского Искосола и Исколастрела, редакция газеты 20 февраля выехала из Валки, когда немцы уже подходили к городу. Кругом грохотали взрывы и пылали пожары: это уничтожалось наше военное имущество, которое невозможно было вывезти. Через 10 месяцев, в декабре 1918 года, латышские стрелки победоносно вернулись на родину.

В борьбу против сил старого мира, за новый справедливый социалистический строй газета латышских стрелков «Бривайс стрелниекс» внесла и свою долю участия.

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ П. Д. МАЛЬКОВА
«ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ»

Как ни тщательно партийные комитеты и завкомы отбирали красногвардейцев для охраны Смольного, никогда нельзя было быть уверенным, что в отряд не затешется какой-либо ловкий негодяй, контрреволюционер. Мы же, коренной состав охраны и ее руководители, не имели возможности не только проверить или изучить людей, которым доверялась охрана Смольного, но даже поверхностно познакомиться с ними, узнать их в лицо. Не проходило дня, чтобы я, обходя посты, не наталкивался на часовых, которых ни я не знал, ни они меня не знали. Сплошь и рядом на этой почве возникали самые нелепые недоразумения, бесконечные конфликты. То я или мои помощники хватали и тащили упиравшегося часового в комендатуру, приняв его за постороннего, то часовой наставлял мне штык в грудь, пытаясь меня арестовать. Просто не хватало терпения.

Поговорил я с Подвойским, ставшим теперь Народным комиссаром по военным делам, с Аванесовым, Дзержинским. Надо, мол, что-то с охраной Смольного делать, нельзя так дальше.

Уговаривать никого не пришлось: все не хуже меня понимали, что красногвардейцам трудно нести охрану Смольного, что нужна воинская часть, но такая, которая сочетала бы в себе красногвардейскую пролетарскую закалку и преданность революции с опытом и знаниями кадровых военных.

Среди войск Петроградского гарнизона найти часть, где преобладал бы пролетарский состав, вряд ли было возможно. Большинство солдатской массы составляли крестьяне, не имевшие той пролетарской и революционной закалки, что заводские рабочие. Да и существовали ли вообще в армии такие части, где основным костяком, основной массой были бы кадровые рабочие?

Я не говорю про матросов, про технические подразделения вроде автоброневых, где процент рабочих был всегда велик. По своему составу они, конечно, подошли бы, но все такие части были, как правило, малочисленны и выделить их из состава необходимое количество (а нужно было человек 300—400, не меньше) не было никакой возможности, тем более тогда, в конце 1917 года, когда старая армия разваливалась, когда шла стихийная демобилизация, а до создания новой, рабоче-крестьянской армии было еще далеко.

И все же нужные воинские части нашлись. Это были регулярные стрелковые полки, в основной своей массе состоявшие из рабочих, на-

сквозь пронизанные пролетарским духом, почти целиком большевистские, беззаветно преданные революции. Это были полки латышских стрелков, славная гвардия пролетарской революции.

Кому именно пришла в голову мысль возложить охрану Смольного института на латышских стрелков: Свердлову или Дзержинскому, Подвойскому или Аванесову, а может быть самому Ленину, я не знаю, но решение было принято, и Исполнительному комитету латышских стрелков (Исколастрел, как его сокращенно называли) было приказано направить в Смольный 300 лучших бойцов для несения караульной службы.

К началу 1918 года количество это было доведено до 1000 человек. Затем часть людей была демобилизована, оставался только тот, кто добровольно хотел продолжать нести службу, и к марту 1918 года в Смольном насчитывалось около 500 латышских стрелков.

Это они, мужественные латышские стрелки, вслед за героическими красногвардейцами Питера и доблестными моряками Балтики выполняли в суровую зиму 1917—1918 года, вечно впроголодь, самые сложные боевые задания сначала Военно-революционного комитета, затем ВЧК, Совнаркома и ВЦИК. Это они, красногвардейцы, матросы и латышские стрелки, бдительно несли охрану цитадели революции — Смольного, охрану первого в мире Советского правительства, охрану Ленина!..

П. Д. Мальков. Записки коменданта Московского Кремля. Изд. «Молодая гвардия», М. 1961, стр. 59—61.

А. П. ЖИЛИНСКИЙ,
латышский стрелок

ИЗ СМОЛЬНОГО В КРЕМЛЬ

Нарушив условия перемирия, германский кайзер 18 февраля 1918 года двинул по всему фронту свои хорошо обученные и вооруженные дивизии. Псков и Нарва, лежащие на путях к Петрограду, стали участками решающих боев. На этих направлениях наступало 15 дивизий отборных немецких войск, поддерживаемых артиллерией и авиацией.

Не ожидавшие столь стремительного нападения, голодные, измученные четырехлетней войной русские войска бросили окопы и блиндажи и покатались назад ко Пскову, оставляя по пути обозы, артиллерию, снаряжение, боеприпасы и продовольственные запасы.

В Петрограде наступили тревожные дни. Трудовой люд напрягал все силы для того, чтобы защитить свои завоевания. Необходимо было срочно эвакуировать рабоче-крестьянское правительство в Москву.

10 марта 1918 года для членов правительства и охраны были поданы вагоны первого и второго класса, в числе которых было несколько синих, находившихся в свое время в личном пользовании семьи Романовых. Эти вагоны до того стояли в вагонном парке и не отапливались. Во всех вагонах второго класса, отведенных для охраны, царил полный разгром.

Латышские стрелки молча оглядели неприглядные вагоны, которые должны были стать их временным жильем, поплевали на руки и, одолжив у стрелочников метлы и скребки, вымели, выскребли всю грязь. Раздобытым угольком затопили печи центрального отопления в каждом вагоне, оказавшегося, к счастью, в исправном состоянии, предварительно забив окна фанерой, досками и другим попавшимся под руку материалом. А чтобы не было темно, несколько окон застеклили, достав

А. П. Жилинский (снимок середины 50-х годов).

стекло в вагонном парке. И в конце концов, когда были вымыты все полы, оттерты от пыли и грязи диваны и стенки, нам стало казаться, что мы поедем даже с некоторым комфортом... Вагоны первого класса избежали опустошительного разгрома, которому подверглись вагоны второго класса.

Посадка правительства проводилась быстро, без излишней суеты и шума, чтобы не привлечь внимания контрреволюционных элементов.

Вечером, когда все члены правительства и ЦК партии расположились в вагонах и наша охрана заняла места в тамбурах, где были установлены также тупорылые «максимы», паровоз тронулся.

Через два-три перегона беспрепятственного хода на одной промежуточной станции поезд вдруг был задержан. На тревожный вопрос коменданта поезда — командира отряда товарища Берзиня: «Что случилось?» — дежурный по станции, угрюмо косясь на деревянную кобуру маузера, перекинутого у Берзиня на тонком ремешке через плечо, ответил:

— Да вот... поезд № 1501 еще не прибыл на следующую станцию.

— Что такое, откуда взялся этот поезд? — встревожился Берзень.

— Черт их разберет — не то анархисты, не то левые эсеры, не то еще какие-то левые, да разве теперь разберешь? У кого наган, тот и пан!..

По перрону, как обычно немного наклонясь вперед, шел Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Увидев коменданта поезда, выходящего от дежурного по станции, он поспешно спросил, для чего-то надевая очки:

— Ну, как, товарищ Берзень, долго он еще будет нас морозить?

Берзень пожал плечами:

— Владимир Дмитриевич, перед нами от самого Петрограда идет какой-то подозрительный поезд, не то с анархистами, не то с эсерами, и ему там кто-то покровительствует из большого железнодорожного начальства. Он все время без задержки продвигается вперед...

— Ладно, я сейчас, — хмуро заметил Бонч-Бруевич, поспешно хватаясь за ручку входной двери к дежурному по станции.

После довольно продолжительных переговоров с дежурным по станции наш состав наконец опять тронулся. Несколько перегонов проследовали беспрепятственно. На станции Большая Вишера мы увидели три красных сигнала — видимо, это и был хвост таинственного поезда, шедшего все время перед нами. Несмотря на то, что было раннее утро, в этом странном поезде, как видно, никто не собирался спать. Дул резкий холодный ветер, но двери всех теплушек были раскрыты настежь. Пассажиры, одетые кто в морской бушлат, кто в студенческую шинель со светлыми пуговицами, а кто в гражданское пальто с бархатным воротником, разгуливали по перрону, увешанные холодным и огнестрельным оружием. Где только они его достали, да и чего тут только не было! Видно было, что этот неизвестный вооруженный сброд кого-то нетерпеливо ожидал... Они стояли отдельными группами на перроне, оживленно разговаривая между собой, словно стараясь в чем-то убедить друг друга.

Доложили об этих людях командиру отряда Берзиню. Он приказал готовиться к скорому отправлению и обещал принять меры.

Все произошло необычайно быстро и организованно. На противоположных концах перрона неприметно для вооруженного сброда были установлены станковые пулеметы. Одновременно стрелки с пулеметами окружили подозрительный поезд, стоявший несколько впереди нашего на одном из соседних путей. Когда перрон и поезд вооруженного сброда были взяты в плотное кольцо, а пулеметчики залегли за щитами пулеметов, Берзинь скомандовал зычным голосом, привычным к командам на открытом воздухе:

— По вагонам! Даю десять минут, а затем открываю огонь!

Едва умолк его мощный голос, как сразу взбурлили отдельные группы вооруженных людей, подобно прорвавшей плотину воде. Раздались яростные выкрики:

— Насилие!

— К чертовой матери этих гвардейцев Ленина!

— В гранаты их, братва!

Держа в руке длинноствольный маузер и не меняя позы, Берзинь взглянул на часы: оставалось 6 минут.

— Граждане, поторапливайтесь!

Стрелки тем временем плотнее окружили перрон. Неизвестные за-нервничали, крики и ругань усилились.

— Долой узурпаторов!

— Не дрейфь, братцы, — не посмеют латыши нас колоть штыками!

— Осталось, — внезапно еще более повысил голос Берзинь, хладнокровно глядя на часы, — четыре минуты! И ровно через минуту раздался его спокойный голос, не предвещавший ничего хорошего для вооруженного сброда:

— Готовсь!

Пулеметчики мгновенно прижались к земле, широко разбросав ноги, крепко стиснув рукоятки, медленно стали разворачивать тупые рыла пулеметов в сторону разрозненных групп вооруженных людей. Это решило все... Вооруженный сброд, словно замороженный, медленно передвигая отяжелевшие внезапно ноги, с яростными возгласами и руганью стал разбредаться, сопровождаемый со всех сторон насмешками латышских стрелков. Толпа, избегая их, все быстрее пятилась к своим вагонам. Когда пути были очищены, Берзинь отдал новую команду:

— Закрыть вагоны!

Это было сделано быстро и без всяких инцидентов. Бонч-Бруевич дал указание начальнику станции не открывать вагоны раньше, чем правительственный поезд пройдет три-четыре перегона.

На другой день мы благополучно прибыли в Москву.

Р. П. БАУЗЕ,

начальник политотдела
Революционного военного Совета Латвии в 1919 году,
член партии с 1910 года

3-Й КУРЗЕМСКИЙ ЛАТЫШСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК В БОЯХ С КАЛЕДИНЫМ¹

Р. П. Баузе.

После неудачного похода Керенского и генерала Краснова на Петроград и подавления восстания юнкеров 11 ноября контрреволюция пыталась найти опорные пункты на окраинах, стремясь перенести центр вооруженной борьбы в районы, населенные казачеством, — на Дон, Кубань, в оренбургские степи.

На Дону уже в октябрьские дни был создан контрреволюционный центр во главе с казачьим генералом Красновым. После неудач в Петрограде сюда сбежались все главари контрреволюции — Краснов, Корнилов и другие. В Петрограде действовало тайное бюро, вербовавшее офицеров и юнкеров для посылки на Дон. В январе 1918 года в так называемой «Добровольческой армии» уже числилось около 4000 человек, которые представляли собой авангард контрреволюционных сил Юга. Каледин группировал вокруг себя казачество и, ведя переговоры с атаманами терских, кубанских и астра-

ханских казаков, лелеял надежду создать для борьбы с Советами «Юго-восточный союз». Его открыто поддерживала Украинская Центральная рада, которая в то время уже открыто выступала против Советской власти и готовилась отторгнуть Украину от Советской России.

Замыслы контрреволюционеров были совершенно ясными: отрезать

¹ Статья опубликована в сборнике «Latvju strēlnieku vēsture» (т. I, ч. 2), выпущенном в 1928 году издательством «Prometejs».

Советскую Россию от бакинской нефти, отнять у нее донецкий уголь, украинский хлеб. Столь же ясным было то, что контрреволюция на Дону будет искать союза с иностранными империалистами и попытается превратить Юг в плацдарм иностранной империалистической интервенции. Таким образом, уже в ноябре и декабре 1917 года создались два фронта борьбы внутренней контрреволюции против Советской власти — на Дону и на Украине. Против этих фронтов Советская власть и направила главный удар.

19 декабря Совет Народных Комиссаров обратился с воззванием ко всем Советам, предупреждая о грозящей опасности контрреволюции, которую готовят Каледина на Дону, буржуазная Центральная Рада на Украине и Дутов на Урале. Совет Народных Комиссаров объявил о введении в Донском округе военного положения и решил сконцентрировать вооруженные силы революции в основном против Каледина. Тем не менее до конца декабря наше положение на Дону было незавидным: наши воинские части были почти небоеспособными, отсутствовала элементарная дисциплина, в отдельных частях между командирами и бойцами происходили постоянные стычки, кое-кто переходил на сторону белых и т. д. Наиболее сильными и дисциплинированными были части группы Сиверса, ядро которой составляли сибирские стрелки XII армии и Московский полк под командованием Саблина.

20 января Народный комиссар по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонов-Овсеенко, руководивший операциями революционных войск против Каледина, писал В. И. Ленину: «Саблин занял Луганск, Рудаково, Дебальцево, Сиверс дерется у Криничной. Ждем латышей с фронта и матросов из Финляндии. Поторопите их»¹.

В Цесис прибыл эмиссар Антонова-Овсеенко Пуке со следующим письмом, адресованным Исколату:

«На помощь рабочим Донецкого бассейна, на борьбу с калединцами, разоряющими край труда, придите, братья латышские пролетарии! Два полка латышей через неделю решили бы дело. Тыл дает и может дать только Красную гвардию, гарнизоны уже полураспущены или слабы духом. Помогите нам, братья латыши! Голосом тысяч семей, обездоливаемых разбойничьими бандами, голосом борьбы, поднятой донецкими пролетариями, призываю вас на помощь.

Да здравствует пролетарская солидарность!

Да сгинут враги революции!

Народный комиссар Антонов, Харьков»².

Исколастрел решил послать на Южный фронт 3-й Курземский латышский стрелковый полк. Дать два полка не представлялось возможным: 6-й Тукумский полк был уже в Петрограде, 1-й Усть-Двинский и частично 4-й Видземский полки отправились на Польский фронт. Нельзя

¹ См. В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. I, М. 1924, стр. 102.

² Там же.

было оставить без латышских полков и район XII армии, где на них опирались все органы революционной власти.

24 января 1918 года эшелоны Курземского латышского стрелкового полка отправились со станции Цесис через Петроград и Москву на Южный фронт. В Москве командир полка Карл Калнынь получил приказ направить полк в Харьков в распоряжение Антонова-Овсеевского. Из Харькова полк был послан в Никитовку (куда он прибыл 2 февраля) для пополнения своего хозяйства и через несколько дней двинулся дальше на юг в направлении Таганрога.

Здесь оперировала группа Сиверса, перед которой стояла задача взять Ростов. Против Сиверса действовали части Добровольческой армии (примерно 5000 штыков) — Корниловский полк, 3 особых батальона (состоявших из офицеров, юнкеров и георгиевских кавалеров), 4 батареи, один эскадрон и технические части. Большая часть этих сил находилась в Ростове. После того как красные довольно легко заняли Донбасс, силы их, в том числе и группа Сиверса, в своем дальнейшем продвижении на Ростов стали терпеть неудачу за неудачей. Так продолжалось до февраля. Только после прибытия боеспособного пополнения, в составе которого были латышские стрелки, обстановка изменилась в пользу красных.

3 февраля группа Сиверса начала наступление в районе станции и деревни Матвеев Курган, и 4 февраля противник, понесший большие потери, был выбит со своих позиций. После этого первого успеха наше наступление в направлении Таганрога развивалось, не встречая сопротивления. Группа Сиверса была пополнена 3-м Курземским латышским стрелковым полком и 18-м Сибирским полком, который за время пребывания на Рижском фронте тесно сблизился с латышскими стрелками и был неразлучен с ними.

9 февраля 3-й Курземский латышский стрелковый полк выгрузился из эшелонов и со станции Неклиновка двинулся по маршруту Зорубег—Синявская—Мокрый Чалтырь—Ростов. У Зорубега нашему полку встретилась группа раненых красногвардейцев, от которых мы узнали, что в 6 верстах¹ от Зорубега красногвардейский отряд под командованием Трофимова бьется с белыми и теснит их в направлении Синявской. В этот день латышам не удалось настигнуть поспешно отступавшего противника, и, лишь дойдя до Синявской, командир полка получил подробные данные об оперативном положении.

Группа Сиверса продвигалась вперед медленно, страдая от недостатка продовольствия и фуража. Отдельные воинские части зачастую время от времени самовольно покидали группу, уходя в тыл «отдохнуть». Главные силы Сиверса двигались в следующем порядке: по правую сторону от линии железной дороги Таганрог—Ростов — красногвардейский отряд под командованием Трофимова и бронепоезд путиловцев, которым командовал Зонберг, по левую сторону — 18-й Сибирский полк, а в центре, вдоль железной дороги, — латышские стрелки. 13 февраля отборные силы белых — Корниловский полк и казаки — оттеснили

¹ Верста — 1,066 км.

Стрелки Курземского стрелкового советского полка в Батайске в феврале 1918 г.

красногвардейский отряд Трофимова, но латышские стрелки ловким ударом во фланг противнику восстановили положение.

В Синявской командир 3-го Курземского латышского стрелкового полка получил приказ двинуться на Ростов. Когда главные силы находились в 6 верстах от Мокрого Чалтыря, мы узнали, что последний занят противником. В 3 верстах от Мокрого Чалтыря латыши пошли в атаку; их пулеметы косили вражеские цепи, и после упорного сопротивления белые отступили к Ростову, оставив на поле боя много убитых и раненых. В Мокром Чалтыре полк стоял день, пока прибыл штаб Сиверса. Отсюда началось непосредственное наступление на Ростов: латышам предстояло наступать на город с северо-запада, 18-му Сибирскому полку — с севера и северо-востока.

В Ростове противник сконцентрировал свои основные силы. Сюда из Новочеркасска, которому угрожала группа Саблина, был переведен штаб Добровольческой армии. Силы противника насчитывали, помимо казачьих полков, 4000 штыков, 200 сабель и 12 орудий.

Латышские стрелки начали наступление в 3 часа утра 22 февраля. Перед ними была поставлена задача — очистить от белых в течение этого дня Ростов и Нахичевань. Когда полк приблизился к городу, начался обстрел — со стороны неприятеля в бою участвовала артиллерия, обстреливавшая редким огнем наши части. Первым же выстрелом со сто-

роны 3-го Курземского латышского полка была поражена неприятельская пушка, и вскоре вражеская артиллерия вынуждена была замолчать. Через несколько часов наш отряд уже вошел в предместье Ростова, где его встречали ростовские рабочие, приветствовавшие нас как освободителей от террора генералов и капиталистов. Только в Темерниках, у кирпичной фабрики, Корниловский полк пытался было оказать сопротивление, но, разгромленный, вскоре обратился в бегство. Противник отступил в южном направлении, не успев даже взорвать мост через Дон.

Так красные войска во главе с латышскими стрелками заняли Ростов. В Ростов тотчас же прибыл штаб группы Сиверса. Немедленно приступили к созданию советских учреждений. Командиру латышского полка было поручено сформировать местные вооруженные силы. В Ростове полк простоял всего несколько дней, так как получил приказ двинуться на Батайск для преследования отступавшего противника.

В Батайске полк поступил в распоряжение командующего действовавшими здесь силами красных Автономова. Командир полка К. Я. Калнынь был назначен начальником колонны (3-й Курземский латышский полк, отряды Жлобы и Хлобы), а на его место командиром полка назначили К. А. Стуцку.

Вплоть до станции Тихорецкой полк не встретил ни малейшего сопротивления. По пути начальник колонны собрал рассеянные в окрестностях отряды красных. По левую сторону линии железной дороги Ростов—Тихорецкая действовал латышский конный отряд, которым командовал Я. Е. Кришьян.

Ожесточенный бой 3-й Курземский латышский полк выдержал в 35 верстах к северо-западу от станции Сосыка против станицы Уманской, где белые сконцентрировали крупные силы. После того как станицу обстреляла наша артиллерия, в полк явилась делегация станичников с мирными предложениями. Ей был поставлен ультиматум: 1) выдать всех начальников отрядов белых; 2) сдать все оружие и 3) сообщить ответ в течение 3 часов. В случае неприятия ультиматума им пригрозили стереть станицу с лица земли. Привести в исполнение эту угрозу латышскому полку было бы трудно, так как в его распоряжении имелись только две легкие пушки, но — предприимчивость и смелость города берут. Испугавшись угрозы латышских стрелков и в страхе преувеличив силы красных, станичники в течение 24 часов выполнили все их требования.

Это была последняя операция латышских стрелков на Дону. В связи с вторжением немцев и Брестским мирным договором наши войска вынуждены были покинуть Украину. 3-й Курземский латышский полк был сначала отозван в Харьков, откуда он в середине апреля вернулся в Москву.

И. И. ВАЦИЕТИС,

главнокомандующий вооруженными силами РСФСР в 1918—1919 гг.

МЯТЕЖ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В ИЮЛЕ 1918 ГОДА¹

**Внешнее
положение
Советской России
в момент мятежа
левых эсеров**

Брестский мирный договор был подписан в тот момент, когда немцы, прервав переговоры с представителями Советской России в Бресте, двинули свои армии на восток. Они сочли выгодным прервать мирные переговоры, для того чтобы передвинуть свой фронт верст на 200—300 на восток, занять своими войсками всю прифронтовую полосу старой русской армии и таким образом захватить оружие и военное имущество, брошенное там на произвол судьбы. И действительно, немцы сняли богатый урожай, заполучив не одну тысячу русских орудий и миллиардные запасы прочих военных материалов...

Германия не послушалась команды Троцкого «стой». Ее войска двинулись на восток и остановились там, где указал фельдмаршал Гинденбург.

Немецкие империалисты направили свои армии на берега Черного моря и заняли плодородные южные области России, чтобы укрепить продовольственную базу своего изголодавшегося «фатерланда»...

Антанта развернула контрреволюционное движение в Поволжье и в Сибири, вовлекла в него чехословаков и по указанию Парижа создала новый театр военных действий на Среднем Поволжье, на Урале и в Сибири.

Из этого краткого обзора видно, что внешнее положение России было столь же тяжелым, как и внутреннее.

**Внутреннее
положение
Советской России**

Экономическое положение на территории, которая находилась в руках пролетарского государства, было особенно тяжелым. Юг, который прежде снабжал великорусский центр хлебом, жирами, жидким горючим и углем, был частично в руках Германии, частично — казаков. Плодородные восточные поволжские губернии перешли в руки чехословаков и «народной армии» Комуча. Сибирская железная дорога находилась в руках контрреволюционеров. Волжский путь, по которому удобно было доставлять в центральную Россию продовольствие, сырье и жидкое

¹ Статья опубликована в сборнике «Latvju strēlnieku vēsture» (т. I, ч. 2), выпущенном в 1928 году издательством «Prometejs». Здесь печатается в сокращенном виде.

горючее, временно был парализован, поскольку в Среднем Поволжье происходили военные действия. Таким образом, центр России был обречен на голод.

Причиной всех несчастий считали большевиков; контрреволюционеры обвиняли их в том, что они-де загубили армию, довели страну до голодной смерти, заключили с Германией позорный договор... Наиболее резкие и сильные нападки вызывал Брестский договор, ибо немцы, не соблюдая никакие условия договора, одну за другой забрали в свои лапы части территории России и, наконец, разместили на фронте Псков—Орша 8 дивизий, которые грозили двинуть на Москву, если Советское правительство не будет выполнять условия, диктуемые Берлином. Таким было положение внутри России, когда началась борьба левых и правых эсеров, чехословаков, казаков, сибирского и других правительств против большевиков.

Мир с Германией «Мир с Германией» — этот лозунг лежал в основе внешней политики большевиков летом 1918 года. Содержание и значение лозунга были очень важными. Мир с Германией означал спасение России от распада и сохранение завоеваний революции. Только имея в виду эти цели, можно было принять тяжкие условия Бреста. И большевики смело приняли их. Для победы идей мировой революции большевики нуждались в сильной и единой Советской России, на которую можно было бы опереться. Интернациональные и национальные интересы в тот момент полностью совпадали. Далекие от националистических целей, большевики тем не менее проводили в России большую национальную работу. Мир с Германией дал возможность организовать регулярную Красную Армию, с помощью которой удалось защитить РСФСР. Политическая ситуация требовала выждать, пока проявятся последствия мировой войны, которые были бы неблагоприятными для Германии.

Германии после капитуляции пришлось бы освободить занятую территорию России. Таким образом, были бы освобождены Прибалтика, Литва, Украина и юг Европейской России. Мечты генерала Краснова о войне против Советской России с уходом немцев неизбежно рассыпались бы в прах. Мир с Германией многими в свое время не был понят и правильно оценен. Большевики в 1918 году верно оценили обстановку и проявили большую политическую дальновидность.

Летом 1918 года Россия никоим образом не могла принимать участие в мировой войне. Ей не доставало необходимых материальных средств. Окончательно развалившийся транспорт, топливный кризис — все это лишало Россию возможности активно выступить.

Еще осенью 1915 года на процессе Сухомлинова выяснилось, что Россия не была подготовлена к мировой войне. Что же в таком случае сказать о России в 1918 году? У разоруженной страны оставалось только застрявшее по воле случая в центре и точно так же случайно вывезенное с фронта оружие...

Всего этого эсеры не могли не знать. Среди них могли оказаться люди, которые не были в состоянии охватить и оценить общее положение Рос-

сии. Но когда генералы их генерального штаба, стоявшие во главе вооруженных сил эсеров, начали кампанию под лозунгом «Война с Германией», их целью, без сомнения, было под прикрытием патриотических лозунгов наловить рыбу в мутной воде...

Очень может быть, что в случае возобновления войны с Германией мурманский и архангельский десанты Антанты поспешили бы на помощь эсерам. Весьма возможно, что на Волге появились бы японцы. Вся территория Европейской России была бы превращена в поле битвы, и кто знает, сумела ли бы она когда-либо оправиться от ран, нанесенных в междоусобной борьбе. Вероятнее всего, Россия превратилась бы в таком случае в колонию великих держав...

Лозунг «Мир с Германией» был абсолютно правильным. Этот лозунг свидетельствует о том, что летом 1918 года большевики показали себя ловкими дипломатами и дальновидными политиками. Во-первых, во внешней политике они заняли позицию *tertius gaudens*, во-вторых, получили возможность организовать Красную Армию, с помощью которой были разгромлены контрреволюционеры.

**Выступление
левых эсеров**

Утром 6 июля в Москве царил тишина. Не было ни малейших признаков, которые свидетельствовали бы о том, что случится после обеда.

Около четырех часов дня левые эсеры убили посла Германии графа Мирбаха. Затем заранее сгруппированными силами левые эсеры заняли в Трехсвятительском переулке помещение Чрезвычайной комиссии (ВЧК), арестовали и заперли в погребе Дзержинского и его помощников — Лациса и Смидовича. Во главе мятежа стояли Александрович и Прошьян. Первый был помощником председателя Чрезвычайной комиссии, второй — членом Высшей военной коллегии.

Из Трехсвятительского переуллка, где в доме Морозова расположился штаб восставших, войска мятежников стали продвигаться к Кремлю, занимая соседние улицы и площади.

**Первые сведения
о выступлении
левых эсеров**

6 июля после обеда я находился в помещении Технической редакции на Садово-Кудринской улице. Часов около пяти адъютант сообщил мне по телефону, что меня ищет Подвойский. В то же самое время к дверям подъехал автомобиль, из которого вылез секретарь Подвойского. Войдя в комнату, где находились также Антонов-Овсеенко и Радус-Зенькович, он велел мне немедленно ехать вместе с ним в Александровское училище. На мой вопрос, кто меня зовет и зачем, я не получил определенного ответа.

Наш автомобиль ежеминутно останавливали вооруженные патрули, разъезжавшие в автомобилях и проверявшие удостоверения личности. Во время одной из проверок я узнал, что ищут автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла графа Мирбаха.

Наш автомобиль подъехал к воротам дома, где сейчас (в 1928 г. — *Ред.*) помещается Верховный военный трибунал. Без разрешения и без каких-либо формальностей меня провели в соседнюю комнату, где находились Подвойский и Муралов.

У стены, неподалеку от окна, стоял массивный деревянный стол, на котором была расстелена карта. Гражданское лицо, может быть, обратило бы больше внимания на присутствующих, но я прежде всего заметил этот военный атрибут.

Я обратился к Подвойскому, с которым был знаком, и спросил, что случилось. На этот мой вопрос Муралов с удивлением ответил: «Как? Вы не знаете? В городе восстание! Положение весьма серьезно!»

Подвойский решительным, не терпящим возражений голосом с глубокой революционной убежденностью сказал мне: «Вы составьте нам план ночного наступления. Мы начнем атаку в четыре часа утра. Больше ничего от вас не требуется. Войсками будет командовать другой — тот, кого вы назначите».

Я спросил: «А на какие войска вы ориентируетесь?» Мне ответили: «Главным образом на полки Латышской дивизии, потому что другие войска малонадежны».

Я задал вопрос: «Где находятся войска левых эсеров?» Подвойский пальцем показал Трехсвятительский переулок.

Во время нашей беседы поступали различные донесения. Все же было ясно, что никаких организованных действий еще не предпринимается.

Сам вопрос о моем участии в подавлении мятежа сильно поразил меня и, по правде говоря, показался мне очень обидным. Мне надлежало составить план, осуществить который поручено будет другому. Я не мог допустить мысли, что Подвойский или Муралов сами стремятся стать во главе войск. По сути дела их предложение означало, что мне доверяют. Видно было, что меня выбрали только для той работы, которую не мог исполнить никто другой. Я не возражал и рекомендовал вызвать командира 1-й бригады Латышской дивизии Дудыня.

Я стал знакомиться с положением дел. Сведения об эсерах были очень неполными. От Подвойского и Муралова я узнал, что восставшие эсеры заняли Трехсвятительский переулок и укрепились там, что их передовые отряды приближаются к Кремлю и находятся у реки Яузы. На основании этих немногих сведений пришлось разрабатывать план действия. Понятно, что Кремль мы должны были прочно удерживать в своих руках. Помимо того, следовало так закрепиться в городе, чтобы присоединившиеся к мятежникам силы не смогли разбрестись по всему городу. В этих целях я рассчитывал занять все важные в тактическом отношении площади и переулки. Войска надлежало сосредоточить на исходных пунктах — у храма Спасителя, на Страстной площади и в Покровских казармах.

Инструкции такого рода были даны командиру бригады Дудыню, кроме того, я поручил ему объехать все латышские полки, дать сигнал к бою и сгруппировать их следующим образом: 1-й полк с батареей — у храма Спасителя (у нас были сведения, что левые эсеры готовятся занять не только Кремль, но и здание Комиссариата по военным делам в Лесном переулке), 3-й полк с двумя орудиями оставить пока на месте, 2-й полк немедленно вызвать из лагерей и послать на Страстную площадь, а 9-й полк оставить в Кремле.

Командиры отделений и взводов 4-й роты 2-го латышского стрелкового полка в помещении бывш. юнкерской школы на Арбатской площади в Москве 26 марта 1918 г.

**Состояние
московского
гарнизона**

Что касается московского гарнизона и его способности принять участие в этой операции, то Подвойский и Муралов разделили его на три категории — войска, всецело преданные партии большевиков, войска, объявившие о своем нейтралитете, и части, которые перейдут на сторону врага. К первой категории были отнесены латышские стрелки и Образцовый полк, который формировался при Латышской дивизии, около 80 курсантов из школы пехотных инструкторов и два артиллерийских училища с двумя орудиями в каждом. Ко второй категории был отнесен почти весь московский гарнизон, к третьей — различные части.

**Был ли мятеж
левых эсеров
неожиданностью?**

Вопрос о том, был ли мятеж левых эсеров неожиданностью для большевиков, окончательно не выяснен еще и сегодня. Но мы, конечно, предчувствовали, что в Москве готовится что-то недоброе.

Недели за три до мятежа я заметил, что какая-то могущественная рука старается очистить Москву от латышских стрелков, так как последних стали посылать в различные провинциальные города якобы для оказания поддержки Советской власти.

Ордера об отсылке латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя Чрезвычайной комиссии Алек-

сандровича. До тех пор, пока в ордерах содержалось требование об отправке небольших частей, никто не обращал на них внимания. Дней за десять до мятежа я получил от Александровича приказ немедленно послать один батальон 1-го полка в Нижний Новгород в распоряжение исполкома. Я выполнил это распоряжение, но вскоре получил от командира батальона сообщение, что исполком в Нижнем весьма удивлен прибытием латышских стрелков, так как Советская власть там упрочена и никто не просил присылать латышских стрелков. Аналогичное сообщение я получил от командира посланного таким же образом на юг батальона 2-го полка. Подобные факты вызывали подозрение.

Александрович хотел выслать из Москвы и меня, ибо без моего ведения занес меня в список работников штаба Муравьева. Штаб Муравьева 16 июня должен был выехать на Восточный фронт. Я протестовал, и мне удалось остаться на своем месте в качестве начальника Латышской дивизии.

Как хитро ни действовали эсеры, все же попытка выставить меня из Москвы с помощью столь грубых средств сильно насторожила меня. Разыскав все документы, еще более усилившие мои подозрения, я обратился к комиссарам дивизии Петерсону и Дозитису, которым доверил свои мысли, указав, что высылка латышских стрелков из Москвы производится в политических целях и что впредь ничто подобное недопустимо.

Петерсон немало удивился моему сообщению, но все же учел его. Дня через два он заявил, что подозрения мои обоснованны и что никто из латышских стрелков не будет больше выслан из Москвы.

Позднее оказалось, что мои подозрения возникли как раз вовремя: помощник председателя Чрезвычайной комиссии Александрович, возглавлявший заговор левых эсеров, понемногу высылал латышских стрелков из Москвы, чтобы в момент мятежа у большевиков не было надежных воинских частей.

Что касается времени, то момент был очень удобен для организации мятежа. Свое восстание левые эсеры назначили на вечер под Иванов день, когда латыши, согласно обычаю, устраивали традиционный народный праздник за городом. Латышские стрелки выехали за город, и казармы стояли пустыми...

Командир бригады Дудынь, вернувшись, доложил, что в казармах почти никого нет и собрать полки невозможно.

Таким образом, большевики не были готовы к контрудару — пришлось отказаться от выступления ночью и перенести его на 7 июля.

Мое назначение
руководителем
операции

Под вечер левые эсеры заняли центральный почтамт и стали рассылать в провинцию свои воззвания, в которых писали, что взяли власть в свои руки и большевики свергнуты.

Резиденция левых эсеров находилась в доме Морозова в Трехсвятительском переулке.

Мы получили сообщение, что расквартированный в Покровских казармах полк московского гарнизона перешел на сторону левых эсеров. В общем положение наше стало опасным.

Заявление командира бригады Дудыня об отказе руководить операцией еще более ухудшило наше положение. Дудынь отказался взять на себя командование, ссылаясь на то, что не знает, как действовать в центре Москвы. У Подвойского и Муралова своего кандидата не было. Надо было что-то предпринять. Я лично был в очень неловком положении. Я не мог доверить командование латышскими стрелками в уличном бою неумелому человеку, так как потери в этом случае могли быть очень большими.

Как начальник дивизии, в столь критический момент я не мог отказаться от руководства латышскими стрелками, иначе они сочли бы меня трусом и предателем, который оставляет доверенных ему людей на произвол судьбы. Учитывая все это, я заявил Подвойскому и Муралову, что долг заставляет меня взять командование на себя, поскольку сражаться предстоит главным образом полкам вверенной мне дивизии. Я добавил, что не могу допустить, чтобы латышские стрелки были напрасно перебиты в уличном бою, и что за успех ручаюсь. Заявление мое отправили в Кремль.

После обсуждения командование было поручено мне.

Разработав требуемый план, я, конечно, мог спокойно стать в стороне и выжидать исхода событий, не возлагая на себя тяжелую ответственность за исход боя, который трудно было предвидеть. Кто знает, что случилось бы, если бы войска были отданы в руки неопытного человека, неспециалиста?..

У меня не было никаких честолюбивых побуждений, когда я взял на себя командование войсками, — просто я понимал, насколько угрожающей является ситуация для большевиков и какая ответственная роль доверяется латышским стрелкам. Моим глубочайшим убеждением было, что закрепить завоевание Великой Октябрьской революции, дать новую жизнь стомиллионному русскому народу, создать для малых народов, входивших в состав старой России, такие исторические условия, в которых они могли бы самостоятельно жить и развиваться, может только партия большевиков. Словом, у меня не было ни малейших сомнений в том, что мой долг — активно поддержать большевиков, которые возлагали главные надежды на латышских стрелков.

Чтобы пояснить условия, в которых приходилось действовать, укажу места, где располагалась латышская дивизия (см. схему 2):

1-й полк: один батальон и четыре пулемета — в Москве, один батальон — в Нижнем Новгороде,

2-й полк: один батальон — в Ходынских лагерях, второй разбросан поротно, пополуротно в городах юга России,

3-й полк — в районе Замоскворечья, куда он прибыл с юга и приступил к демобилизации в соответствии с условиями Брестского договора,

4-й полк — на Восточном фронте против чехословаков,

5-й и 8-й полки — в Бологом,

6-й полк — в Петрограде и Торошине,

7-й полк — в Великих Луках и Петрограде,

9-й полк — в Кремле,

артиллерия — один легкий дивизион и дивизион шестидюймовых пушек — в Москве,

инженерный батальон — в Москве,

авиационный отряд — в Люберцах,

кавалерия дивизии — в Павловском Посаде.

Помимо того, в моем распоряжении был только что сформированный в Москве Образцовый полк (300—400 человек).

Мой план действий Вечером наш оперативный штаб был переведен в здание штаба военного округа. Положение было тяжелым: у нас не было войск. Сведения о действиях левых эсеров были весьма неполными и неясными. Разведчики рассказывали, что возводятся баррикады, разрываются улицы, устраиваются проволочные заграждения. Войска левых эсеров оттеснили силы большевиков за реку Яузу, и казалось, что они готовятся штурмовать Кремль. Поговаривали, что левые эсеры создали свое правительство и министерства.

Под вечер положение было весьма благоприятным для левых эсеров, и если бы они начали решительное наступление на Кремль, последний едва ли сумел бы устоять. С возникновением первого пожара Кремль пришлось бы оставить. В последнем случае решено было перенести резиденцию правительства в артиллерийские казармы на Ходынской площади. Об этом мне рассказал Муралов. Такая предусмотрительность была вполне уместной, так как для контрнаступления у нас не было сил.

От ликвидации мятежа левых эсеров путем ночного наступления пришлось отказаться по той простой причине, что невозможно было собрать войска. Поэтому наступление пришлось перенести на 7 июля.

Был разработан следующий план действий:

- 1) организовать разведку, чтобы к утру получить определенные сведения о действиях войск левых эсеров и сочувствующих им;
- 2) утром оттеснить войска левых эсеров в Трехсвятительский переулок и заставить их перейти к обороне;
- 3) наступление начать утром 7 июля.

Вместе с Подвойским и Данишевским мы объехали в закрытой машине находившиеся в наших руках части города. Наши войска еще не успели занять указанные места.

Положение в городе и в Ходынских лагерях постепенно прояснялось, и к полуночи было известно, что:

- 1) курсанты одного из пехотных училищ — около 80 человек — заняли здание Военной коллегии в Лесном переулке № 1,
- 2) 9-й латышский полк находится в Кремле,
- 3) полк коменданта города Москвы — на Арбатской площади,
- 4) на Девичьем поле собирается батальон 1-го латышского стрелкового полка,
- 5) 2-й латышский стрелковый полк вместе с курсантами двух артиллерийских училищ и 4 орудиями выступил из Ходынских лагерей.

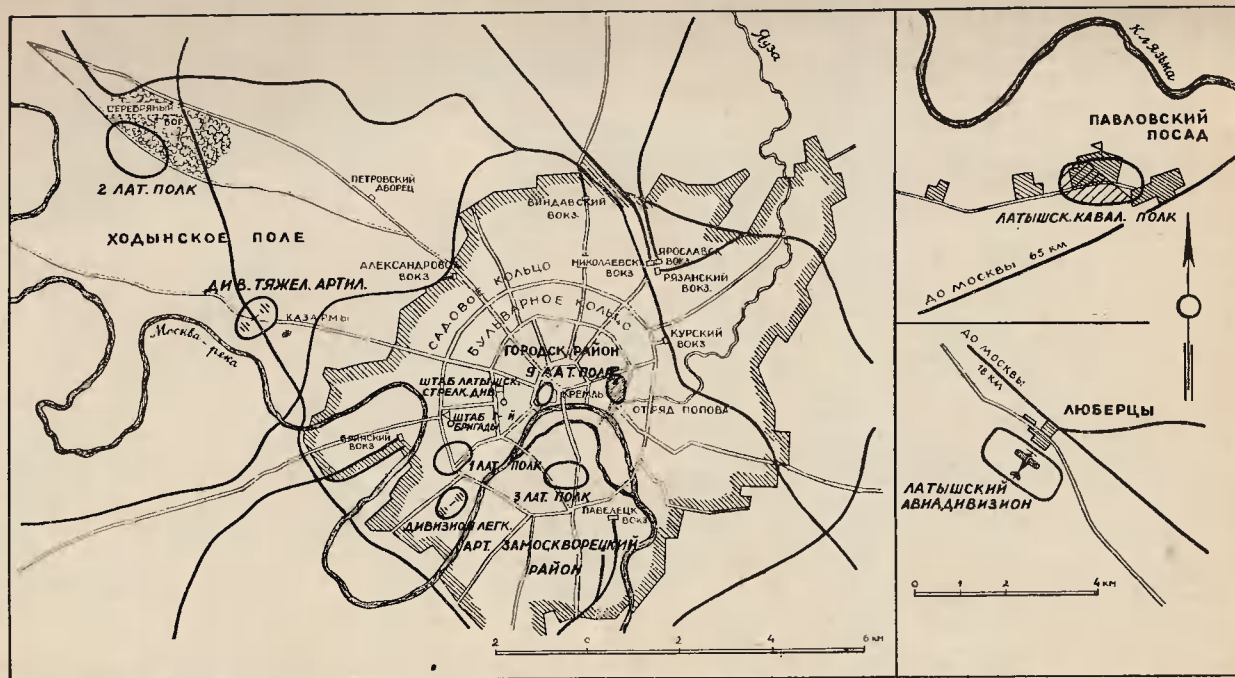

Схема 2. Дислокация частей Латышской стрелковой советской дивизии в Москве и ее окрестностях 6 июля 1918 г.

**Положение
левых эсеров**

Войска левых эсеров в полном составе находились в Трехсвятительском переулке. По собранным сведениям, они готовили наступление на 7 июля. Главной опорой войск левых эсеров были батальон Попова и отряд матросов-черноморцев. Вечером на сторону левых эсеров перешел полк Венглинского, находившийся в Покровских казармах. Всего, считая также полк Венглинского, в распоряжении эсеров было около 2500 бойцов с 8 орудиями и 4 бронемашинами.

**Позиция
московского
гарнизона**

В командном составе были кадровые офицеры, на штабных должностях находились офицеры старого генерального штаба. В настоящий момент весь гарнизон находился в Ходынских лагерях. Гарнизон состоял приблизительно из 18 000—20 000 человек. Связь с Ходынскими лагерями поддерживали автомашины, поскольку с наступлением темноты телефонные провода были перерезаны.

По полученным сведениям, левые эсеры 6 июля послали в Ходынские лагеря своих агитаторов, которые имели там влияние, и они уговорили войска объявить нейтралитет, что означало отказ от поддержки большевиков, стоящих за мир с Германией.

**Положение
в городе**

В чьих руках была Москва в ночь на 7 июля? Дать категорический ответ на этот вопрос, как увидим дальше, было довольно трудно. Мятеж начался. У мятежников были вооруженные силы, достаточные для того, чтобы действовать успешно. Предстояла серьезная борьба, которая должна была решить все. Какие части города успели занять левые эсеры, что делают различные контрреволюционные организации, — на эти вопросы находившиеся при мне комиссары не могли ответить. Было лишь известно, что во главе мятежников находятся Александрович и член Высшей военной коллегии Прошьян, который хорошо знает расположение и построение московского гарнизона. Вечером Прошьян с верным ему отрядом войск занял центральную телеграфную станцию, и левые эсеры начали рассылать свои воззвания в другие города, требуя свержения большевистского правительства и объявления войны Германии. В захваченных типографиях печатались прокламации к жителям Москвы и к солдатам, в которых заявлялось, что левые эсеры — за Советскую власть, но без большевиков и что они призывают воевать с Германией, чтобы уничтожить позорный Брестский мирный договор.

Покровские казармы вследствие измены полка Венглинского также находились в руках восставших.

К полуночи наше положение ухудшилось, но город не был ни в наших руках, ни в руках мятежников. Движение на улицах прекратилось. На улицах были одни лишь войска.

**Встреча
с В. И. Лениным**

После полуночи Данишевский сообщил, что товарищ Ленин вызывает меня в Кремль. Я должен был доложить о положении в городе. В закрытой машине в сопровождении Данишевского я отправился к Владимиру Ильичу. Мы остановились у здания Комиссариата по военным делам в Лесном переулке № 1, потому что по пути я узнал, что по приказу Подвойского

Группа стрелков пулеметной команды 3-го латышского стрелкового полка на Мал. Казанской ул. в Москве летом 1918 г.

курсанты переводятся в другое место. Курсантов там действительно больше не было, но куда их перевели, узнать не удалось. В это время к храму Спасителя начали подходить некоторые подразделения 1-го латышского стрелкового полка.

В Кремле нас ждали, поскольку всюду были заготовлены пропуска; нас нигде не задерживали, и машина подъехала прямо к зданию Совета Народных Комиссаров. В Кремле было темно и пусто. Нас ввели в зал заседаний Совета Народных Комиссаров и попросили подождать. Данишевский пошел к В. И. Ленину, который был у себя на квартире.

Довольно большое помещение, в котором я был впервые, освещалось одной электрической лампочкой, находившейся в самом углу. Окна были завешены. Все напоминало мне прифронтовую обстановку.

Войдя в двери справа, я остановился. Через несколько минут открылась дверь напротив и вошел товарищ Ленин. Он быстрыми шагами подошел ко мне и вполголоса спросил: «Товарищ, выдержим ли мы до утра?»

Задавая этот вопрос, Ленин смотрел мне прямо в глаза. Я понял, что от меня ждут категорического ответа, но к этому я не был подготовлен. Почему необходимо было выдержать до утра? Или наше положение действительно так опасно? Может быть, комиссары, находящиеся при меня, скрывают от меня многое? Под настойчивым взглядом Ильича я сформулировал свой ответ: положение еще не выяснено, обстановка осложнилась, 7 июля в четыре часа наступление состояться не может, так как невозможно собрать войска, поэтому я прошу дать мне два часа времени, чтобы объехать город, собрать необходимые сведения, и тогда в два часа я смогу дать определенный ответ. Владимир Ильич согласился и, ответив «я буду ждать вас», вышел столь же торопливо, как и вошел.

В моей памяти глубоко запечатлелась внешность Владимира Ильича, может быть, потому, что в подобных обстоятельствах мы встречались впервые. Ленин был в своей обычной одежде — в темно-коричневом пиджаке, такой же жилетке и брюках.

**Положение
около двух
часов ночи 7 июля**

7 июля около двух часов положение заметно улучшилось: у храма Спасителя уже находились 1-й латышский стрелковый полк с артиллерией и Образцовый полк; на Страстную площадь прибыли 2-й латышский стрелковый полк и курсанты артиллерийских училищ с 4 орудиями. В нашем распоряжении были четыре группы войск — у храма Спасителя, в Кремле, на Страстной площади и на Арбатской площади.

Положение, в котором мы находились 6 июля после выступления левых эсеров, изменилось. Сведения об их действиях были очень скудными и противоречивыми, никто не мог дать более или менее исчерпывающую информацию о группировке их сил. Имелись лишь определенные сведения, что штаб и правительство эсеров находятся в доме Морозова. Нечто важное все же произошло: предводители левых эсеров упустили выгодный момент и не могли больше надеяться на победу над большевиками без больших жертв, потому что теперь мы были готовы нанести контрудар.

Часам к двум 7 июля я был уже уверен, что мы победим, если только утром перейдем в решительное наступление всеми силами, которые ночью удастся собрать.

**Вторая встреча
с товарищем
Лениным**

Вторая встреча с товарищем Лениным состоялась, как было условлено, 7 июля в два часа ночи. Со мной был Подвойский. Встреча состоялась в прежнем месте. Я ожидал товарища Ленина, стоя у того же стула, где стоял в первый раз. Товарищ Ленин вышел из тех же дверей так же торопливо, как и в прошлый раз, и подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и доложил: «Не позднее двенадцати часов 7 июля мы будем в Москве победителями».

Ленин обеими руками схватил мою руку, крепко-крепко пожал и сказал: «Спасибо, товарищ, вы меня очень обрадовали». Он предложил мне присесть, сам сел рядом и попросил рассказать, что происходит в городе и каково состояние противника и наших войск. Я рассказал все, что мне было известно о левых эсерах и о состоянии московского гарни-

зона, рассказал и о наших войсках. Товарищ Ленин задал несколько вопросов относительно настроения латышских стрелков, особенно он интересовался тем, не ведется ли среди стрелков эсеровская агитация. На все вопросы я дал определенные ответы, которыми, как я мог заметить, товарищ Ленин был вполне удовлетворен. Я рассказал ему также о разработанном плане действий.

Наша беседа продолжалась минут двадцать. Окончив свой доклад и убедившись, что у товарища Ленина больше нет вопросов, я встал и попросил разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою искреннюю благодарность и вышел вместе со мною в комнату секретариата, где мы попрощались. В секретариате еще шла работа.

План операции Все упомянутое свидетельствует о том, что я подписал два очень ответственных векселя. Первый вексель я подписал правительству, взяв на себя командование войсками при подавлении мятежа левых эсеров, второй — товарищу Ленину, обещав не позднее полудня 7 июля ликвидировать восстание эсеров. Оба эти векселя связаны были с очень сложным положением и требовали большой ответственности.

Моя основная идея была связана со следующими двумя замыслами:

1) организовать концентрированное наступление на противника и завершить его штурмом,

2) при штурме разгромить штаб и резиденцию правительства эсеров артиллерийским огнем. Наступление начать в пять часов утра.

Был разработан следующий план наступления:

3-му латышскому стрелковому полку с двумя орудиями начать наступление с Таганки к Яузскому мосту и далее по Яузскому бульвару;

1-й полк с двумя орудиями начнет наступление с Варварки по Большой Ивановской улице и Большому Трехсвятительскому переулку;

2-й полк с двумя орудиями двинется в наступление со стороны Чистопрудного бульвара, займет Покровские казармы и будет развивать дальнейшее наступление;

9-й полк будет защищать Кремль и вместе с тем часть своих сил вышлет в сторону Ильинки и Покровки.

Часам к десяти утра положение должно было быть следующим: 3-й полк должен был занять Подколокольную улицу и Воронцово поле, 1-й полк — Малую Ивановскую улицу и Колпаков переулоч, 2-й полк — Покровские казармы.

Образцовый полк действовал между 1-м и 3-м полками. 1-й и 3-й латышские стрелковые полки и Образцовый полк были объединены в бригаду во главе с командиром Дудынем. Артиллерия была распределена между полками.

Для решения второй задачи, т. е. для разрушения штаба и резиденции правительства левых эсеров, в распоряжение командира бригады Дудыня была предоставлена отдельная батарея, которая должна была на руках подкатить свои орудия по возможности ближе к дому Морозова и разрушить его.

Латышские стрелки ликвидируют восстание левых эсеров в Москве (картина худ. В. Андерсона).

На Девичьем поле у меня оставался в резерве инженерный батальон Латышской дивизии и две шестидюймовые пушки. Ожидалось прибытие латышского кавалерийского полка из Павловского посада.

События 7 июля Поступившие сведения о действиях левых эсеров были весьма отрывочными. Общий характер их действий заставлял предположить, что главным своим орудием они избрали агитацию. Прокламации левых эсеров были разбросаны во всех казармах латышских стрелков и расклеены на всех улицах в окрестностях Трехсвятительского переуллка. Под напором нашего авангарда левым эсерам пришлось отступить. То тут, то там вспыхивала редкая перестрелка. Артиллерия обеих сторон молчала. Ночью нам удалось захватить одну неприятельскую бронемашину.

Отличить своего от врага было очень трудно, потому что обе стороны были в форме старой армии. Исключением был левоэсеровский отряд матросов, которые носили свою морскую форму. Матросы пока что на фронте не показывались, а занимались главным образом агитацией, они же составляли главный резерв.

Утром в штаб Латышской дивизии (Знаменка, № 10) явилась делегация матросов, которую прислали предводители левых эсеров.

Стрелки 9-го латышского стрелкового полка в Кремле в день подавления мятежа левых эсеров 7 июля 1918 г.

Матросы обратились к дивизионному адъютанту и просили вступить в переговоры с Трехсвятительским переулком. Дивизионный адъютант по телефону обратился ко мне, спрашивая, что делать с делегацией. Я велел ему выставить матросов за двери.

Часов в семь-восемь стал слышен гул артиллерийских выстрелов, доносившийся из Трехсвятительского переулка. Стреляли по Кремлю. Снаряды падали на Малый дворец. Огонь гранатами и шрапнелью вели полевые орудия. Это был наименее опасный огонь; я опасался, как бы левые эсеры не открыли огонь зажигательными снарядами, что было бы для центра города ужасным. От нашей батареи поступила просьба разрешить открыть огонь по Трехсвятительскому переулку. Одна батарея хотела стрелять от храма Спасителя, другая — со Страстной площади. Я приказал не начинать обстрела до моего прибытия.

Прежде всего я отправился на батарею, которая располагалась у храма Спасителя. Там стояли два орудия, которые обслуживались курсантами, — кадровых офицеров не было. Курсанты подготовились к ведению орудийного огня по карте. Пушки были направлены на Трехсвятительский переулок, но рассчитанное направление не было правильным, расстояние по карте было определено неверно. Внимательная проверка

показала, что снаряды попали бы в Воспитательный приют. Этой батарее я запретил стрелять.

Что касается батареи на Страстной площади, то дело обстояло еще сложнее — стрелять приходилось по угломеру и уровню, курсанты же были слабо знакомы с такими приемами артиллерийской техники. Да и не было никакого смысла в стрельбе неизвестно куда. В результате такого огня, который открыли бы наши батареи на Страстной площади и у храма Спасителя, в центре города могло вспыхнуть много пожаров, как это случилось в Ярославле. Вот почему я приказал не начинать обстрела. Учитывая возможность подобных последствий, я отдал распоряжение открывать артиллерийский огонь только с близкого расстояния и исключительно прямой наводкой.

**Наступление
большевистских
войск**

Утром 7 июля стоял густой туман, окутавший весь город, подобно серому непроницаемому занавесу. Видеть можно было не далее чем на 15—20 шагов, и отличить своих от врагов было совершенно невозможно. И все же наши создавали противнику угрозу со всех сторон и часам к девяти вплотную сблизилась с ним. По всему фронту начался ружейный и пулеметный огонь. Время от времени левозеровская батарея посылала снаряды в разных направлениях.

Москва превратилась в поле боя. Хотя и было воскресенье, людей на улицах не было видно. Я имел хорошую телефонную связь с командиром бригады Дудыным. Согласно данным мной указаниям, наступление должно было начаться энергично и часам к десяти достигнуть указанного рубежа. Наше продвижение вперед шло медленно, но планомерно.

Часам к десяти 2-й латышский полк занял часть Покровских казарм.

В более тяжелом положении находились 1-й латышский стрелковый и Образцовый полки, которым пришлось действовать в узких переулках под прицельным огнем неприятеля. Войска левых эсеров разместились в окопах, за баррикадами, на крышах и балконах. Оба упомянутых полка несли значительные потери.

Командир бригады Дудынь сообщил мне, что противник обороняется все настойчивее, что у него много пулеметов, есть и бронемшины.

1-й латышский стрелковый и Образцовый полки временно прекратили наступление и стали закрепляться. Бойцы заняли окружающие дома и использовали в целях обороны дворы и площади.

Я поехал в штаб командира бригады Дудыня, который находился на Набережной улице в районе Воспитательного приюта. Командир бригады считал наше положение очень тяжелым и выразил сомнение в возможности штурма. 1-й латышский стрелковый полк попал под пулеметный огонь и понес значительные потери — были убитые и раненые. Образцовый полк сражался храбро. Что же касается 3-го латышского стрелкового полка, то он лишь за несколько дней до этого прибыл с Северного Кавказа, с корниловского фронта, где понес большие потери, и поэтому был очень утомлен. В критический момент 3-й латышский

Группа стрелков и медсестер 9-го латышского стрелкового полка у Кремлевской стены после подавления мятежа левых эсеров. Июль 1918 г.

стрелковый полк на фронте еще отсутствовал; его приходилось рассматривать как резерв, который выступил намного позднее.

Для решительного удара был разработан следующий план:

- 1) учитывая тяжелое положение нашей пехоты и настойчивый пулеметный огонь противника, пустить в ход артиллерию, стреляя с близкого расстояния прямой наводкой;
- 2) всеми силами стремиться продвинуть вперед пехоту;
- 3) в случае, если не удастся ликвидировать левых эсеров подтянутыми силами, пустить в ход под моим личным руководством мой резерв (две шестидюймовые пушки, инженерный батальон и кавалерию).

Часов около одиннадцати утра к нам присоединился авиационный отряд, который предложил обработать Трехсвятительский переулок бомбами.

Решающий удар

В Кремле с нетерпением ждали результатов. Запросы оттуда поступали ежеминутно как ко мне, так и к Муралову. Немецкое посольство также было заинтересовано в этом деле и тоже слало мне запросы; последние поступали через секретариат Комиссариата по военным делам. На все запросы я отвечал, ссылаясь на назначенное мною время — двенадцать часов 7 июля.

Я принял определенное решение — стать во главе своих резервных частей, ворваться в центр расположения левых эсеров и с помощью тяжелой артиллерии сокрушить их. Это было в моих руках единствен-

ное и последнее средство для быстрой и решительной ликвидации левоэсеровского мятежа, использование которого было, однако, связано с пожарами и разрушением домов. В результате применения тяжелой артиллерии часть Москвы, без сомнения, постигла бы участь Ярославля. Все же я не терял надежды, что нам удастся справиться с левыми эсерами с помощью значительно более гуманных средств.

Действия батареи
командира
латышского
артиллерийского
дивизиона Берзиня

Берзинь выслал двухорудийную батарею и старался установить ее по возможности ближе к дому Морозова, где находились штаб командования и резиденция правительства левых эсеров. Одно орудие удалось установить у Владимирской церкви и навести прямо на дом Морозова.

Ровно в одиннадцать часов тридцать минут командир бригады Дудынь доложил мне об этом по телефону. Я отдал приказ: «Огонь! Наступать!» С этим моментом связан ряд событий, в которых я еще до сих пор не разобрался. Может быть, другие участники разъяснят их.

Например, против моего приказа «Огонь! Наступать!» протестовали Подвойский и Муралов, заявившие мне, что надо сначала предложить левым эсерам капитулировать и уже потом в случае их отказа открывать огонь. Скланский по телефону сказал то же самое.

Я самым категорическим образом протестовал против их вмешательства в мою оперативную деятельность и сослался на данное товарищу Ленину слово — ликвидировать мятеж в двенадцать часов 7 июля.

В самый критический момент, когда судьба всей операции зависела от пушек Берзиня, малейшие проволочки были недопустимы, поскольку до дома Морозова было каких-то 300 шагов и пулеметным огнем легко было перебить всю оружейную прислугу. Тогда пришлось бы пустить в ход тяжелую артиллерию. Взвесив все это, я взял трубку и еще раз продиктовал командиру бригады Дудыню: «Огонь! Наступать!»

Нужно отметить, что в это время происходила артиллерийская перестрелка и на других участках фронта, но она не могла иметь решающего значения.

Берзинь превосходно выполнил мой план, и прерывать его исполнение не имело никакого смысла. Нам пришлось бы сильно пострадать из-за этого, и вся ответственность все равно легла бы на меня.

17 артиллерийских
выстрелов.
Ликвидация
восстания левых
эсеров

Орудие было наведено прямо в окно дома Морозова. После ликвидации мятежа выяснилось, что в это время происходило заседание правительства левых эсеров.

Ровно в одиннадцать часов сорок пять минут орудие открыло огонь. Снаряд разорвался в комнате, находившейся рядом с той, где происходило заседание. Второй снаряд также. Следующие выстрелы, картечью, были направлены на крыши и балконы. Страшные разрывы гранат произвели ошеломляющее впечатление на участников заседания; они вмиг оказались на улице и разбежались во все стороны. За предводителями последовало войско...

1-й латышский стрелковый полк немедленно двинулся вперед, занял здание Чрезвычайной комиссии и освободил сидевших в подвале Дзержинского, Лациса и Смидовича. Оказалось, что левые эсеры бежали так поспешно, что не успели даже снять своих часовых. По второй версии, они хотели найти другое помещение, замыслили занять Ярославский вокзал, но появление латышей заставило их поспешно исчезнуть.

Ровно в двенадцать часов командир бригады Дудынь сообщил мне по телефону, что левые эсеры бегут, о чем я, в свою очередь, доложил по телефону товарищу Ленину...

Мы вернулись в штаб округа. Для преследования эсеров был послан на грузовиках инженерный батальон.

**ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ П. Д. МАЛЬКОВА
«ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ»**

Заговор Локкарта был одним из самых крупных контрреволюционных заговоров в первые годы существования Советской власти и, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров необычайно наглого, беззастенчивого вмешательства иностранных держав в наши внутренние дела. В самом деле, ведь надо только подумать: официальный представитель иностранного государства в нашей стране, глава иностранной миссии, вопреки всем законам, нормам и правилам взаимоотношений между государствами, вопреки элементарным требованиям совести, чести и морали, пользуясь правами дипломатической неприкосновенности, готовит свержение того самого правительства, с которым поддерживает официальные отношения, и убийство его руководителей. Он подкупает граждан той страны, которая гостеприимно приняла его в качестве дипломатического представителя, и швыряет им миллионы, требуя, чтобы они свергли свое правительство и уничтожили признанных вождей советского народа. Что может быть циничнее и гнуснее? При чем ставится еще и цель — страну, вышедшую из войны и заключившую мир, вновь втянуть в бойню, вновь погнать ее народ на поля сражений. Такова в основных чертах была суть заговора Локкарта, раскрытого и обезвреженного благодаря мужеству советских людей, их беспредельной преданности делу революции.

Локкарт развернул подрывную работу чуть не сразу после своего приезда из Англии в Советскую Россию. Уже весной, а особенно летом 1918 года, он установил тесные связи с целым рядом контрреволюционных организаций, которым постоянно оказывал значительную финансовую поддержку. У него регулярно бывали представители белогвардейских генералов Корнилова, Алексеева, Деникина, поднявших восстание на юге России. Он был связан с белогвардейско-эсеровской организацией террориста Савинкова. Локкарт выдал представителям Керенского подложные документы, снабдив их штампами и печатями британской миссии, при помощи которых Керенский пробрался в Архангельск и был с почетом вывезен оттуда в Англию. Но всего этого Локкарту и его помощникам из британской миссии было мало. В конце лета 1918 года они попытались сами организовать государственный переворот, свергнуть власть Советов и установить в России военную диктатуру.

Локкарт и его помощник Сидней Рейли, уроженец Одессы, а затем лейтенант английской разведки, намеревались осуществить свои дьявольские замыслы следующим образом. Они решили подкупить воинские части, несшие охрану Кремля и правительства, с тем чтобы при их

помощи на одном из пленарных заседаний ВЦИК, в десятых числах сентября 1918 года, арестовать Советское правительство и захватить власть. Будучи заранее уверены в успехе, агенты Локкарта установили даже связь с тогдашним главой русской православной церкви патриархом Тихоном, который дал согласие сразу же после переворота организовать во всех московских церквях торжественные богослужения «в ознаменование избавления России от ига большевиков» и во здравие заговорщиков.

Сразу после переворота заговорщики намеревались, используя ими самими сфабрикованные фальшивые документы, расторгнуть Брестский мир и принудить Россию возобновить участие в мировой войне на стороне Англии, Франции и США.

Членов Советского правительства заговорщики собирались отправить после ареста в Архангельск, захваченный в начале августа 1918 года англичанами, там посадить на английский военный корабль и увезти в Англию. Так они намеревались поступить со всеми, кроме Ленина. Ленина же, поскольку, как они говорили, его воздействие на простых людей столь велико, что он и охрану в пути может сагитировать, решили уничтожить, то есть попросту убить при первой же возможности.

Для осуществления намеченных планов агент Локкарта англичанин Шмедхен в начале августа 1918 года попытался завязать знакомство с командиром артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии Берзиным и прощупать его настроение, чтобы определить возможность использования Берзина в качестве исполнителя планов заговорщиков. (Кстати, мне за последнее время приходилось встречать всякую писанину, где Берзина изображают предателем, пособником Локкарта и т. д., и т. п. Все это — выдумка невежественных людей, взявшихся писать о том, о чем они не имеют никакого понятия. Берзин — честный советский командир, мужественно выполнивший ответственнейшее поручение и сыгравший большую и благородную роль в раскрытии заговора Локкарта.)

При первых же разговорах со Шмедхеном Берзин насторожился, хотя и не подал вида, но сразу же после встречи доложил обо всем комиссару Латышской стрелковой дивизии Петерсону, а тот сообщил в ВЧК Петерсу. Было решено проверить, чего добивается Шмедхен, и Петерсон возложил это дело на Берзина, поручив ему при встрече со Шмедхеном прикинуться человеком, несколько разочаровавшимся в большевиках. Берзин так и сделал, тогда Шмедхен с места в карьер повел его к своему шефу — Локкарту, встретившему командира советского артиллерийского дивизиона с распростертыми объятиями.

Эта встреча произошла 14 августа 1918 года на квартире Локкарта в Хлебном переулке. Локкарт предложил Берзину 5—6 миллионов рублей: для него лично и на подкуп латышских стрелков. Дальнейшие сношения Локкарт предложил Берзину поддерживать с лейтенантом Рейли, он же «Рейс», или «Константин», как быстро выяснила ВЧК.

Берзин, отказавшийся вначале от денег, держал себя настолько ловко и умно, что полностью провел Локкарта, выведав его планы. Комиссар дивизии Петерсон представил Я. М. Свердлову после ликвидации заго-

вора Локкарта подробный доклад, в котором, в частности, о встрече Берзина с Локкартом писал, что опытейший дипломат «культурнейшей страны» Локкарт на этом экзамене позорно срезался, а товарищ Берзин, впервые в жизни соприкоснувшийся с дипломатией и с дипломатами, «выдержал экзамен на пятерку».

Э. П. Берзинь — командир 1-го латышского артиллерийского дивизиона.
Москва, 1918 г.

17 августа Берзин встретился уже с Рейли, вручившим ему 700 тысяч рублей. Эти деньги Берзин тут же передал Петерсону, а Петерсон отнес их непосредственно Ленину, доложив ему всю историю в малейших подробностях. Владимир Ильич посоветовал Петерсону передать деньги пока что в ВЧК, что тот и сделал.

Через несколько дней Рейли передал Берзину 200 тысяч, а затем еще 300 тысяч рублей, все на подкуп латышских стрелков и в вознаграждение самому Берзину. Таким образом, в течение двух недель англичане вручили Берзину 1 миллион 200 тысяч рублей. Вся эта сумма надежно хранилась теперь в сейфах Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

В конце августа Рейли поручил Берзину выехать в Петроград и встретиться там с питерскими белогвардейцами, также участвующими в заговоре. 29 августа Берзин, получив соответствующие указания от Петерсона и ВЧК, был уже в Петрограде.

Там он повидался с рядом заговорщиков, явки с которыми получил от Рейли, и помог раскрыть крупную белогвардейскую организацию, работавшую под руководством англичан, которая после отъезда Берзина в Москву была ликвидирована.

Всецело доверяя Берзину и рассчитывая осуществить переворот при его помощи, Локкарт и Рейли сообщили ему свой план ареста Советского правительства на заседании ВЦИК. Осуществление ареста, как заявил Рейли, возлагается на руководимых Берзиным латышских стрелков, которые будут нести охрану заседания. Одновременно Рейли поручил Берзину подобрать надежных людей из охраны Кремля и обязать их впустить в Кремль вооруженные группы заговорщиков в тот момент, когда будет арестовано правительство на заседании ВЦИК. Рейли сообщил также Берзину, что Ленина необходимо будет «убрать» раньше, еще до заседания ВЦИК.

Берзин тотчас же доложил Петерсону об опасности, грозившей Ильичу, и просил немедленно предупредить Ленина. Не теряя ни минуты,

Петерсон отправился к Владимиру Ильичу и подробнейшим образом его обо всем информировал.

Так, благодаря мужеству, находчивости и доблести Берзина, проникшего в самое логово заговорщиков, планы и намерения Локкарта, Рейли и их сообщников были раскрыты и заговор был ликвидирован. Англичане намеревались сыграть на национальных чувствах латышей, думали, что латыши с неприязнью относятся к русскому народу. Матерым английским разведчикам было невдомек, что латышские трудящиеся связаны многолетней дружбой с рабочими России, что в рядах латышских стрелков преобладали стойкие, закаленные пролетарии Латвии, среди них было много большевиков и латышские стрелки были беззаветно преданы пролетарской революции.

Комиссар Латышской стрелковой дивизии Петерсон, представив Я. М. Свердлову доклад о том, как был раскрыт заговор Локкарта, поставил вопрос: что делать с принадлежащими английскому правительству 1 миллионом 200 тысячами рублей, выданными Локкартом и Рейли Берзину «для латышских стрелков», которые по указанию Владимира Ильича до поры до времени находились в ВЧК (Владимир Ильич в это время еще не оправился от болезни, вызванной ранением). Что ж, ответил Яков Михайлович, раз деньги предназначались латышским стрелкам, пусть их и получают латышские стрелки. Надо использовать деньги так:

1. Создать фонд единовременных пособий семьям латышских стрелков, павших во время революции, и инвалидам — латышским стрелкам, получившим увечья в боях против контрреволюционеров всех мастей и, в первую голову, против английских и других иностранных интервентов. Отчислить в этот фонд из суммы, полученной от английского правительства через господина Локкарта, 1 миллион рублей.

2. Передать 100 тысяч рублей из той же суммы Исполнительному комитету латышских стрелков с условием, что эти деньги будут израсходованы на издание агитационной литературы для латышских стрелков.

3. Отпустить 100 тысяч рублей Артиллерийскому дивизиону латышских стрелков, которым командует товарищ Берзин, на создание клуба и на культурно-просветительные надобности.

И. М. ВАРЕНИКIS,

член Коммунистической партии с 1913 г.,
видный деятель Коммунистической партии
и Советского государства

УБИЙСТВО МУРАВЬЕВА¹

Об убийстве Муравьева ходит много вымышленных, неверных сказок и небылиц, которые, попадая в печать и отчасти даже в правительственные сообщения, совершенно исказили действительную картину убийства.

Первоначально было сообщено, что «Муравьев покончил самоубийством». Слишком много «романтики» для него. Совершенно неосновательный повод окружать его имя некоторым ореолом благородства.

На мою долю в ту ночь (при другом исходе, быть может, последнюю для многих из нас) выпала задача руководить арестом Муравьева и агитацией в частях, увлеченных им. Поэтому я постараюсь осветить всю эту короткую историю авантюры Муравьева в истинном свете.

10 июля к 7 часам вечера на пароходе «Межень» приехали в Симбирск Муравьев со своей «свитой» и около 1000 красноармейцев. В это время нам, в Совете, никому не было известно, с какими целями приехал Муравьев. Никаких предупреждений из Казани, откуда он выехал, мы не получали.

Приехав на пристань, Муравьев потребовал, чтобы к нему на пароход немедленно явились члены президиума Совета, начальник связи С. Измайлов и председатель Чрезвычайной следственной комиссии тов. Левин. Ничего не подозревая, я и председатель Совдепа пошли в штаб «Симбирской группы войск», чтобы выехать оттуда вместе с остальными лицами, которых Муравьев требовал на пароход.

В штабе пришлось несколько задержаться, пока нам подавали автомобиль. В это время на Гончаровской улице произошел взрыв бомбы. Мы бросились туда. Оказывается, шли три пьяных, еле державшихся на ногах матроса, один из них около памятника бросил бомбу. Мы пытались их задержать, но они сели на извозчика и уехали.

Мы снова направились к подъезду кадетского корпуса, где помещается Совет, с расчетом дожидаться автомобиля. В это время прибегает молодой коммунист, работавший в Чрезвычайной следственной комиссии. Он рассказал, что почту заняли какие-то вооруженные люди в матросских формах и расставляют на Гончаровской улице пулеметы.

Вокруг нас собралось человек десять вооруженных латышских стрелков и настаивали, чтобы Совет немедленно потребовал убрать пулеметы

¹ Статья опубликована в сборнике воспоминаний «Симбирская губерния в 1918—1920 гг.», Ульяновское книжное издательство, 1958.

с Гончаровской улицы. Мы им заявили, что это сейчас же выяснится. В это время на углу показался отряд, возглавляемый человеком в красной черкеске и папахе. Отряд был человек в триста пятьдесят. Сзади везли по мостовой несколько пулеметов «максим». Человек в красном оказался адъютантом Муравьева, фамилия которого, как я узнал впоследствии, Чудошвили. Он подошел к нам и заявил:

— Кто здесь большевики и кто эсеры? Отходите в разные стороны.

Кто-то ответил, что здесь не большевики и не эсеры, а просто «частная» публика.

Тогда он спросил, где председатель Совета. Я заявил, что он может говорить со мной.

— Так я объявляю вам, что вы временно арестованы. Приедет главнокомандующий, тогда мы выясним.

Я потребовал ордер на мой арест, ибо не может же каждый, кому только захочется, арестовывать.

— Дело, видите ли в том, — ответил он, — что «главнокомандующий» Муравьев объявил войну Германии, а с чехами мы «заключили мир», так как они наши братья (!) и тоже хотят воевать с Германией. Гражданскую войну дальше вести бессмысленно, а впрочем, мы разберем, вы войдите пока в здание, — закончил он свою галиматью.

В это время к Совету, пыхтя, подъехал броневик, а за ним другой и третий. Я быстро постарался скрыться в здании Совета, пока он говорил о «блаженном мире с чехами» окружавшим его красноармейцам.

В нижнем этаже помещалось несколько латышских рот — я направился прямо к ним. Лишь только я появился, латыши меня окружили и, горячась, стали спрашивать, что случилось. Объяснил им, что Муравьев изменил, ибо его адъютант открыто говорил, что «главнокомандующий» заключил мир с чехобелогвардейцами и перешел на сторону белогвардейцев. Я их предупредил, чтобы никаких активных шагов они не принимали, чтобы не выдать себя.

От латышей я направился в комнату президиума, но там никого не было. Подошел к телефону: центральная ответила, что сделано распоряжение никого не соединять. Мне еще яснее стало, что затевает Муравьев. Я опять пошел вниз в латышскую часть. Там шли горячие споры между латышами и адъютантом Муравьева. Ко мне подбежал красноармеец московского отряда тов. Медведь, который впоследствии оказал колоссальную услугу нашей фракции при аресте Муравьева, и, волнуясь, начал спрашивать, почему Муравьев арестовывает большевиков и правда ли это. Я ответил, что это правда. Он, размахивая кулаками, стал требовать объяснений у Чудошвили об арестах на Гончаровке.

— Как? Кто арестует? Кто говорит? — якобы удивился тот.

Ему указали на меня.

— Я вас арестую, вы лжете и агитируете, вам нельзя быть в частях.

Я заявил, что у меня, конечно, больше, чем у него, прав находиться в части. Латыши меня окружили. Он, не ожидая такой картины, постарался поскорее выйти.

Ко мне подошел тов. Медведь и просил разрешить ему убить Муравьева бомбой в автомобиле. Я посоветовал ни в коем случае не делать этого, ибо такое убийство может быть истолковано совершенно превратно и муравьевские вооруженные части, а также броневики, окружившие Совет, сметут всех нас с лица земли. Самая выгодная позиция для нас пока — это внешний нейтралитет, но все должны немедленно направиться в разные части для агитации, а также попросил, если меня арестуют, то чтобы они вынесли резолюцию протеста с тем расчетом, что этой резолюцией можно будет повлиять на отряды, идущие за Муравьевым.

Принимая во внимание, что фракция наша может оказаться вся арестованной, я послал одного товарища из московского отряда передать председателю Совдепа тов. Гимову, чтобы он скрылся и принял какие-либо активные шаги с внешней стороны.

Часа полтора (между девятью и одиннадцатью) что-либо активного предпринять не пришлось, лишь всех красноармейцев коммунистического отряда разослали по частям для агитации.

В 12 часов ночи пришло несколько членов Исполкома, и ими было решено созвать заседание Исполкома. Немедленно были разосланы повестки к отсутствовавшим членам Исполнительного комитета Совета, чтобы они собрались как можно скорее на заседание.

Вскоре явились члены Исполкома товарищи Фрейман, Швер и Иванов (комиссар труда) от нашей фракции. Фракция «левых» эсеров собралась целиком и отправилась в Троицкую гостиницу на совещание с Муравьевым, который выдавал себя за «левого» эсера. Муравьев поехал со своим адъютантом на заседание фракции «левых» эсеров.

Встретив Швера, редактора «Известий» губисполкома, я пошел к нему в редакцию, чтобы обсудить, как нам в данных условиях ориентироваться. Ясно было, что мы стоим перед фактом измены, прикрытой «левыми» фразами.

Я попросил пригласить двух наборщиков-коммунистов. Тов. Швер быстро их нашел. Мы им поручили приготовить шрифт и бумагу для воззвания. Я сел писать воззвание. В это время коммунистами-красноармейцами велась усиленная агитация. Вскоре пришел в редакцию Шеленшкевич, который был сначала арестован Муравьевым на пристани, а затем явились тт. Иванов и Фрейман, и мы открыли в редакции совещание. Встал вопрос, как держаться нашей фракции.

В дверь комнаты редакции постучал тов. Медведь и заявил, что пришла делегация от Курского бронированного отряда и хочет с нами поговорить. Я их попросил войти. Делегация состояла из политического комиссара отряда тов. Иванова и одного шофера (фамилию не помню). Они заявили, что им кажется, что Муравьев затевает что-то неладное против Совета. Мы объяснили, что Муравьев перешел на сторону чехословаков. «В таком случае, — заявила делегация, — ни один броневик не выпустит ни одного снаряда по Совету» (а броневиков было 6).

Я их от имени нашей фракции и партийного комитета поблагодарил и вместе с тем попросил, чтобы они вошли в соглашение с другими от-

рядами и пулеметной ротой, которая окружала Совет, Гончаровскую улицу и ряд учреждений, захваченных Муравьевым (почту, банки и др.). Потому что им это сделать удобней, чем непосредственно нам — членам Совета.

Долго ждать не пришлось. Не успел я дописать воззвание, уличающее в контрреволюционности Муравьева, как явилась делегация от пулеметной команды, которая тоже быстро перешла на нашу сторону. Мы повеселели: перед нами уже были силы, которые постоят за себя. Посоветовавшись, мы решили немедленно же, как только придет Муравьев на заседание Исполкома, арестовать его.

А фракция «левых» эсеров в это время тоже совещалась. Нам донесли, что она присоединяется к предложению Муравьева образовать Поволжскую республику во главе с Муравьевым.

Приступили к организации ареста. Члены фракции большевиков предложили мне руководить этой операцией. Прежде всего встал вопрос, как организовать надежную вооруженную силу, хотя бы человек в пятьдесят, которые могли бы в случае необходимости пожертвовать собой. Ясно, что, кроме латышей, другой вооруженной силы не найти. Но вместе с тем я заявил, что необходимы люди и из других отрядов, чтобы даже в случае неудачи не одни латыши, но и другие части оказались вовлеченными в борьбу на нашей стороне. Решили выделить по десять человек из бронированного отряда и из московского, хотя последний оказался настолько революционным, что не было ни одного красноармейца, который не принял бы участия или в агитации или в охране Совета.

Всего набралось приблизительно 120 человек. Решили устроить засаду в двух соседних комнатах (№ 5 и № 3), а в комнате № 4 должен был заседать Исполком. Потушили электричество. Я приказал немедленно коменданту тов. Спирину открыть кладовую и передать московскому отряду пулеметы. Их расставили в комнатах, где находилась засада, и в зале, через который проходили в комнату заседаний Исполкома. Решили, что если Муравьев явится на заседание хотя бы с полсотней человек, все равно открыть пулеметную стрельбу, но не дать возможности выйти из комнаты живым Муравьеву и его банде.

Иванов, «левый» эсер, по-видимому, узнал про засаду и предложил перейти в другую комнату. Но я, чтобы избежать этого, просто объявил собрание открытым. Таким образом, вопрос разрешился, мы остались в необходимой для нашей цели комнате.

Сделав некоторое вступление, я предоставил слово Муравьеву. Я не буду писать о том, что говорилось на этом заседании. Скажу только, что «левые» эсеры «закатили» такую декларацию, что во время русского соглашательства правые эсеры и то выносили более ясные и более «революционные» декларации. Наша фракция, особенно товарищи Фрейман и Иванов, дали Муравьеву и фракции эсеров достойный отпор, называя его авантюристом и шулером. Муравьев нервничал, кусал губы. В заключительной своей речи я в резкой форме заявил, что «мы не за нас, а мы против вас».

Фракция «левых» эсеров, встретив такое сопротивление со стороны нашей фракции, потребовала перерыва. По-видимому, они догадывались, что наша фракция что-то замышляет, готовит для них неожиданный сюрприз.

Надо несколько слов сказать о том, что происходило во время заседания за дверью, в отряде, которому было поручено арестовать Муравьева.

Лишь только Муравьев вошел в комнату и закрылась дверь, как отряд немедленно вышел из засады и окружил комнату за дверью, которая до половины была закрыта газетой, чтобы из комнаты заседания не видно было, что происходит в зале. На дверь были направлены пулеметы, полукругом расположилось 100 или 120 вооруженных людей.

Во время заседания за дверью произошел шум. Меня стали вызывать в отряд. Открывают дверь и машут рукой. Мне несколько раз приходилось покидать место председателя и идти успокаивать.

Муравьев начал смутно догадываться, что что-то готовится. В один из таких наиболее шумных моментов вышел «левый» эсер Иванов, командующий симбирской группой войск. С его появлением еще больше поднялся шум. Он вернулся бледный и попросил, чтобы я вышел и успокоил бойцов. Когда я вышел, то оказалось, что был разоружен адъютант Муравьева. Адъютант подошел ко мне и попросил возвратить ему оружие. Я ответил: «Мы сейчас, товарищи, разберем, а вы пока посидите», а ответственным товарищам их отряда заявил, чтобы они зорко смотрели за ним.

Был еще ряд подобных моментов, которые усиливали тревогу «левых» эсеров и Муравьева с его тремя телохранителями. Муравьев к концу заседания страшно побледнел, растерянно поглядывал по направлению к двери, на его лице не было ни улыбки «Наполеона», ни удали «Гарибальди», с которыми он себя сравнивал в тот вечер перед красноармейцами.

Я объявил перерыв. Муравьев встал. Молчание.

Все взоры направлены на Муравьева. Я смотрел на него в упор. Муравьев тоже. Чувствуется, что он прочел в моих глазах что-то неладное для себя и сказал: «Я пойду, успокою отряд». Он повернулся и направился со свитой солдатским шагом к двери.

Для слабых момент, психологически невыносимый.

В это время за дверью приготовились для ареста. Тов. Медведь ждал условного знака, который я должен был ему подать в нужный момент.

Муравьев подошел к выходной двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку двери. Я махнул рукой. Тов. Медведь скрылся... Через несколько секунд¹ дверь перед Муравьевым распахнулась, блеснут штыки...

Муравьев оказался поставленным лицом к лицу с вооруженными, злобно сверкающими глазами красноармейцами-коммунистами.

— Вы арестованы!

¹ В статье — «минут».

— Как, провокация? — крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Тов. Медведь схватил его за руку. Муравьев выхватил из кармана браунинг и хотел стрелять.

Увидев вооруженное сопротивление, отряд начал стрельбу. После шести-семи выстрелов с той и с другой стороны Муравьев свалился убитым в дверях Исполкома, из головы потекла кровь.

Все это произошло в одно мгновение. Изменник, пытавшийся нанести удар в спину Советской власти, уничтожен.

Так кончилась предательская авантюра неудачного «Бонапарта», авантюра, которая могла бы поставить Советскую Россию перед фактом беспрепятственного занятия белочехами всего Поволжья, а может быть привести и к удушению революции.

Муравьевщина серьезно осложнила обстановку на Восточном фронте. Если армия оказалась непоколебимой, то среди командного состава имелись и явные предатели, и люди, обманутые Муравьевым.

Всех, кто был в зале, охватило оцепенение, когда оказалось, что Муравьев убит. Многие не ожидали того, что произошло, хотя нам было ясно, что Муравьев живым не сдастся.

Вбегаю в гимнастический зал и призываю всех к революционному порядку. «Как бы ни были неожиданными и, быть может, для многих тяжелы моменты, мы обязаны владеть собой и довести до конца начатое нами!» — крикнул я на весь зал, и все встрепенулись и обернулись ко мне. — «Сейчас в виду серьезности момента, мы должны как можно быстрее действовать. Управление войсками в Симбирске в настоящий момент беру на себя я. Итак, еще раз приказываю — к порядку! Часовые, по местам!» — Все соглашаются.

Быстро занимают все выходы в здании Совета, лихорадочно расставляют пулеметы. Интернационалисту Райсу поручаю разоружить те части, которые шли за Муравьевым; Предиту, начальнику 2-й латышской роты, — защищать здание Совета в случае нападения.

Тов. Швер, член Симбирского комитета партии большевиков, редактор «Известий», в эту ночь действительно доказал свою революционность и преданность делу революции. Молодой, шустрый, но вместе с тем серьезный, он явился незаменимым. И надо отдать должную справедливость, что значительная часть успеха операции выпала на его долю. До этого я его очень мало знал.

Наша фракция в Симбирском губисполкоме была незначительна — всего восемь-десять человек, но в эту ночь каждый из нас оказался на высоте положения.

После убийства Муравьева я встал на площадке лестницы второго этажа. Принесли воззвания, которые были отданы до заседания в типографию. Через очень короткий промежуток времени появились одна за другой делегации из отрядов с вопросом: «Где Муравьев?» Я объяснял им, что произошло, и раздавал воззвания. Они сравнительно быстро присоединялись к нам.

К матросам, которых Муравьев выпустил из симбирской тюрьмы и взял для своей личной охраны, я написал от президиума записку, в

которой предложил немедленно сдать оружие и присоединиться к Советской власти.

Матросы отдали оружие и прокричали три раза «ура» Советской власти.

Через несколько часов освободили арестованного Муравьевым тов. Тухачевского, которому я передал командование.

Стало совершенно светло, тихо, появились объезжавшие отряды члены нашей фракции и сказали, что все тихо, все сделано, все готово.

Дан приказ снять все пулеметы, броневики, все принимает прежний, обычный вид.

Закипела обычная революционная работа.

К. Я. ИОКУМ,

политработник Латышской дивизии

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В БОЯХ НА ВОСТОЧНОМ (ЧЕХОСЛОВАЦКОМ) ФРОНТЕ¹

ВО ВРАЖЕСКОМ КОЛЬЦЕ

Летом 1918 года положение Советской России было чрезвычайно тяжелым, можно даже сказать — критическим. Со всех сторон наседали многочисленные враги, видевшие свою цель в уничтожении молодой рабоче-крестьянской республики.

Южную Россию оккупировали германские империалистические войска. В Донской области и на Северном Кавказе генерал Алексеев только что оттеснил советские войска к Волге и Каспийскому морю и теперь проводил мобилизацию своих сил для дальнейших боев. Отняты были богатства Юга и Юго-востока, и Советская Россия остро ощущала эту утрату.

На западе — от Украины до реки Наровы — с угрожающе занесенным мечом в руках стояла армия Германии. На севере — в Архангельске и Мурманске — свои десанты высадила Англия, вместе с русскими реакционерами начавшая борьбу против Советской России. На востоке все более опасным становился чехословацкий фронт, который, как мы увидим это позднее, превратился в один из самых угрожающих фронтов.

Империалистические тиски, как раскаленный железный обруч, охватывали республику Советов со всех сторон.

Внутри страны также происходила ожесточенная борьба. Внутренняя контрреволюция мобилизовала все свои еще не сломленные силы. Хотя Советская власть готова была твердой рукой ликвидировать всякую попытку выступления против пролетарской революции, враги пролетариата все же устраивали восстания и волнения, пытались свергнуть существующий строй. После неудачного мятежа левых эсеров в Москве контрреволюционные волнения перебросились в провинцию, отдаваясь эхом во всех концах республики.

Критическим было и продовольственное положение государства. Тяжелый продовольственный кризис охватил всю страну. Белогвардейские восстания отрезали хлебобордные области и тем самым обострили про-

¹ Статья опубликована в сборнике «Latvju strēlnieku vēsture» (т. I, ч. 2), выпущенном в 1928 году издательством «Prometejs». Здесь печатается в сокращенном виде.

довольственный вопрос. Столицы и ближайшие к ним промышленные губернии остались без хлеба, поэтому для пролетариата и беднейшего крестьянства до сбора нового урожая настали тяжкие времена. Контрреволюция и ее попутчики всюду, где это только оказывалось возможным, старались использовать возникшие осложнения в своих целях. Надо было напрячь все силы и энергию, чтобы пережить этот мучительный момент.

Настоящей регулярной армии, которую можно было бы противопоставить врагу, у Советской власти еще не было. Работе по организации Красной Армии в сильной степени препятствовало то обстоятельство, что имеющиеся силы все время приходилось разбрасывать, так как не успевал какой-либо отряд, рота или батальон сформироваться, как его сразу же бросали в бой, не обучив как следует, не объединив с другими подобными отрядами в более или менее крупные войсковые части.

Только латышские стрелковые полки без сравнительно больших трудностей уже прошли процесс организации и превратились в дисциплинированную и организованную силу. Именно поэтому им уже с самой весны пришлось развернуть весьма энергичные боевые действия, принимать активнейшее участие в борьбе на многих фронтах, где шли бои с контрреволюцией. Латышские стрелковые полки были рассеяны по всей Советской России и всюду вели кровопролитнейшие бои за укрепление Советской власти.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ БРИГАДЫ

Главные силы контрреволюции на востоке вначале набирались из так называемых чехословацких бригад, из бывших пленных империалистической войны, которых российская и международная реакция ловко использовала в своих целях.

Уже в первый год империалистической войны в России был создан чешский «Национальный комитет», целью которого было основание нового Богемского королевства под скипетром русского царя или кого-нибудь из великих князей. Этот комитет взялся за создание чешских полков, которые должны были воевать против австрийцев. В этих целях велась агитация в лагерях военнопленных, но сколько-нибудь значительных результатов она не дала...

Уже с самого начала 1917 года между чешским Национальным советом и Францией происходили переговоры о переводе чешских войск во Францию. Однако осуществление этого перевода затягивалось, во-первых, потому, что чехословаки боялись, что верховное командование французской армии может включить их подразделения в общую французскую армию и тогда сформированные части совершенно утратят национальный характер; во-вторых, переводу чехословаков во Францию противилось русское верховное командование, которое надеялось использовать их в качестве ударных отрядов на фронте. В марте Национальный совет получил от Франции значительные суммы, и это сделало чехословаков полностью зависимыми от французского империализма.

Группа пулеметчиков 4-го латышского стрелкового советского полка под Казанью.
Август 1918 г.

После июльских дней 1917 года, с ростом влияния кадетской партии на правительство Керенского, последнее было вынуждено отменить свое решение о запрещении формирования чешских полков. Вербовка продолжалась. А когда началась гражданская война и фабрики были закрыты, многие пленные оказались выброшенными на улицу, так что им волею-неволей пришлось вступить в создаваемые войска.

Уже с самого начала Октябрьской революции между Советской властью и чешскими бригадами происходили столкновения. Чехов упрекали в том, что в гражданской войне они идут против рабочих, заключая различные соглашения с кадетской буржуазией, что действительно имело место. Кадетов и командный состав бригад связывала старая дружба. Октябрьская революция, целью которой был мир, не могла прийти этим людям по вкусу, ибо путем продолжения войны они надеялись достигнуть своей цели — создать свое королевство. Большевики были против этих стремлений. В полках чехословацких военнопленных были организованы коммунистические ячейки, в Москве стала выходить газета чешских коммунистов, которая вела беспощадную борьбу против стремлений реакционных элементов полков. Были опубликованы документы, доказывавшие, что полки эти снабжаются французским и английским правительствами.

После Брестского мира полки утратили всякое значение. Они были созданы для войны с Австрией. Что же следовало делать теперь, когда Россия заключила с Австрией мир?

Чешские полки хотели ехать через Сибирь во Владивосток, чтобы оттуда морским путем направиться во Францию. Когда германская армия вторглась на Украину, чехословаки отступили к Волге. После оставления Украины эшелоны чехословаков начали отправляться в Сибирь и Владивосток. Большинство чехословацких солдат оказалось в поистине тяжелом положении. Отказ подчиниться союзникам означал бы проявление симпатий по отношению к Советской власти и переход на ее сторону. Национальная вражда к Германии, а также довольно большое влияние социал-демократии на чехословацких солдат не позволяли им перейти на сторону революции. Необходимость держаться вместе и сохранять свою боевую организацию вынуждала их быть дисциплинированными и подчиняться командному составу.

Здесь в их среду проник также совершенно новый элемент — русские контрреволюционные офицеры, вербовавшие охотников в войска Корнилова, Дутова. Определенное влияние оказывала и агитация эсеров, которые старались убедить чехословаков в том, что большевики-де уничтожили демократию и по Брест-Литовскому мирному договору обещали выдать чехословаков немцам. Поскольку чехи не знали русского языка и были оторваны от общей политической жизни, их легко можно было настроить против Советской власти.

Помимо того, в это время Советское правительство издало распоряжение о временном задержании чехословацких эшелонов, так как оно опасалось возможного соединения чехословаков с японским десантом, что привело бы к созданию грозной и серьезной силы. Контрреволюционеры демагогически использовали это распоряжение в своих целях, стремясь внушить чехословакам, что Советское правительство препятствует их выезду, хотя оно все время старалось мирным образом доставить их на родину.

После своего съезда в Челябинске чехословаки приняли решение восстать против Советской власти по всей Сибири, от Волги до Владивостока. Это вдохновило все русские контрреволюционные силы.

После восстания в Челябинске (26 мая) Советская власть издала приказ о разоружении эшелонов, обещая всем, кто добровольно сложит оружие, помощь и поддержку в деле возвращения на родину. Командный состав чехословаков задержал этот приказ; развернулась энергичная контрреволюционная агитация, которая вызвала целый ряд столкновений и дала чехословакам возможность овладеть многими пунктами на Сибирской железнодорожной магистрали. Особенно упорную борьбу Красной Армии пришлось вести с последним эшелоном в Пензе, которую чехословаки заняли после двухдневного ожесточенного боя и отступления красноармейских частей. Овладев Пензой, чехословаки отправились дальше и в начале июня с боем взяли Самару.

К чехословакам стали присоединяться различные контрреволюционные банды и казачьи отряды, поэтому восстание все нарастало и ширилось. В Омске под защитой чехословаков образовалось «Сибирское вре-

менное правительство», в Самаре было возрождено Учредительное собрание, при поддержке чехословаков белогвардейцы приняли за организацию «Народной армии», встречая при этом самую активную поддержку со стороны меньшевиков и эсеров. С согласия Антанты было решено «создать в Поволжье и на Урале фронт, который стал бы основой будущего антинемецкого фронта».

Для того чтобы выполнить эту директиву, чешские эшелоны повернули обратно на запад и, соединившись в Заволжье с частями «Народной армии» и казаками генерала Дутова, образовали таким образом Восточный фронт, который тянулся вдоль Волги и охватывал весь район Урала; ликвидация его потребовала от Советской власти большой энергии и усилий.

ПЕРВЫЕ БОИ

В первый период боев на востоке определенной линии фронта не было. Как и повсюду, в этом районе стояла так называемая завеса, т. е. пограничная охрана. Эта завеса большей частью группировалась вдоль важных дорог и главным образом вдоль железнодорожных линий. В июне и июле бои с чехословацкими полками вели различные рассеянные русские армейские части и 4-й латышский стрелковый полк, прибывший на Восточный фронт уже в мае и с тех пор непрерывно находившийся в боях. Большинство фронтовых частей были слабо обучены и имели плохой командный состав.

В ходе столкновений с чехословаками все эти силы оттеснялись назад. Чехословацкие полки, которых на каждом шагу поддерживала вся контрреволюционная масса, не исключая и уральских и оренбургских казаков, во многих отношениях превосходили советские войска. Во-первых, у чехословаков были хорошо дисциплинированные армейские части, руководимые технически обученным персоналом, во-вторых, численность их также была значительно больше численности отрядов советских войск.

Советам, напротив, не доставало в Поволжье очень многого. Наскоро сгруппированные боевые отряды были слабо обучены, недисциплинированы, а главное — у них отсутствовал хороший командный состав. Не было ни одного штаба, который стоял бы на уровне своих задач, многократно приходилось даже сомневаться в политической благонадежности штабистов. Следствием этого были неудачи и ненужные жертвы.

Сказанное очень хорошо иллюстрируется обороной Самары, где, между прочим, латышские стрелки явились одними из первых, кто энергичнейшим образом преградил путь чехословакам и кому в связи с этим пришлось также понести наибольшие потери.

Для того чтобы чехословаки не смогли перейти Волгу по Сызранскому мосту, Самарский губернский революционный штаб выслал на встречу им Латышскую коммунистическую дружину в составе примерно 200 человек с одной пушкой. Однако пушка испортилась, в результате чего мост был захвачен и дружина была вынуждена отступить. От Сызранского моста противник продвигался вперед вдоль железнодорожной

линии фронтом, фланги которого были удалены друг от друга на 10 верст. На этом фронте протяженностью 10 верст у Безенчука советские войска, приблизительно 500 человек, предприняли наступление, и, естественно, шеститысячная армия белочехов их разбила. Следующая попытка оказать сопротивление имела место у железнодорожного полустанка Липяги, где советские войска установили батареи, заняли позиции и силами 800 человек организовали фронт. Все это уже заранее свидетельствовало о неравенстве сил, которое полностью подтвердилось исходом боя, — советские войска были разбиты, частью загнаны в воды реки Самары и утоплены. Здесь была окончательно уничтожена Латышская коммунистическая дружина, а также мобилизованные и отправленные на фронт боевые взводы местного латышского партийного района. В бою у Липяг была истреблена лучшая часть членов латышского района. Причиной этого было вступление в бой в совершенно неподходящих условиях.

Главкомандующим Восточным фронтом был назначен бывший полковник Муравьев, штаб которого находился в Казани. Муравьев был типичным неустойчивым интеллигентом, из социал-демократа превратившимся в социалиста-революционера и наконец принявшим левозеровскую ориентацию. Подкупленный англо-французскими империалистами, он сбежал от Реввоенсовета в Симбирск и объявил всем армейским частям Восточного фронта, что, дескать, Советское правительство в Москве свергнуто (эсеровским мятежом), к власти пришли левые эсеры и что Германии объявлена война. Муравьев приказал всем воинским частям повернуть фронт на запад и направиться против немцев, которые якобы уже заняли Оршу и перешли в наступление. Предательской целью приказа Муравьева было открыть путь на Петроград, Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев.

Весь Восточный фронт, который тянулся в то время от Тюмени на Челябинск—Орск—Оренбург—Уральск, после этого приказа отодвинулся в сторону Волги.

В Симбирске перед его падением стоял один батальон 4-го латышского стрелкового полка с одной батареей и одним эскадронном конницы. Эти боевые подразделения Латышской дивизии отказались выполнить приказ Муравьева, так как ясно видели его бессмысленность и предательский характер. Зная, какую роль играют латышские стрелки в решающей борьбе, Муравьев лично явился к ним в агитационных целях. Тем не менее, стрелки остались верны своей клятве, данной Советской власти, а изменник Муравьев понес заслуженную кару: он был застрелен.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Все упомянутое оказало на Восточный фронт крайне дезорганизующее влияние. Особенно большое смятение вызвала муравьевская авантюра. По всему фронту войска отступали. Сызрань и Самара были в руках чехословаков. На местах организовывались разного рода контрреволюционные силы, присоединявшиеся к чехословакам. Формирова-

лись новые белые полки, батареи, эскадроны, причем особое внимание уделялось флотилии.

Немного лучшим было положение на Северном Урале, на Красноуфимско-Екатеринбургском фронте, хотя и здесь довольно сильно давали себя чувствовать неорганизованность и нехватка войск. Насчитывавшие 16 000 человек части Красной Армии были разбросаны на фронте протяженностью в 900 верст.

Во второй половине июля на Приволжский фронт стало посылаться все больше частей Латышской дивизии. Около 20 июля в Казань прибыл 5-й латышский стрелковый полк, полурота 4-го латышского стрелкового полка и штаб 2-й бригады.

В целях усиления обороны Екатеринбурга туда был направлен 6-й Торошинский латышский полк с батареей и кавалерийским эскадроном. В район Ижевска—Воткинска был послан также 7-й латышский стрелковый полк. Таким образом, на территории от Красноуфимска до Чистополя находилась группа численностью до 3000 человек. От Чистополя до Тетюшей никаких войск не было. Между Симбирском и Саратовом находились различные формирования, созданные для борьбы с уральскими и оренбургскими казаками.

Было совершенно очевидно, что задержать продвижение противника и уменьшить панику неорганизованной массы могут только естественные преграды.

Чехословаки напирали значительными силами. У них было много кавалерии, в то время как у нас ее не было почти совсем. В других отношениях противник также обладал большим перевесом сил. Части Красной Армии совершенно не имели никаких резервов, и это еще более ухудшало положение.

Вскоре после падения Симбирска в руках противника оказалось все Среднее Поволжье от Сызрани до Симбирска со всем богатым военным имуществом и судоходным инвентарем. Так, например, в Симбирске чехословаки завладели патронным заводом, в Самаре — мастерскими по изготовлению снарядов. Почти вся Волжская флотилия попала в руки противника.

Можно было ожидать двух стратегических возможностей. Первая заключалась в том, что противник после занятия Среднего Поволжья двинется по Волге в сторону Казани с намерением после взятия Казани направиться в сторону Нижнего Новгорода—Костромы—Ярославля, чтобы соединиться с английскими войсками и контрреволюционерами Севера. Вторая — что противник попытается использовать бассейн верхней Волги как самый прямой путь к центру Советской России. Осуществление как одной, так и другой возможности поставило бы Советскую власть перед лицом угрожающе рокового, решающего момента.

Для того чтобы проиллюстрировать положение, в каком находился наш фронт, отметим хотя бы ситуацию в Казани, где располагался штаб фронта. Казань фактически находилась в руках двух недисциплинированных частей Красной Армии, которые соперничали друг с другом за власть в городе. Командиром одной из этих частей был левый эсер Трофимовский, в распоряжении которого было около 700 пехотинцев и один

эскадрон кавалерии. Он держал в своих руках весь город со всеми складами интендантства. В его личном распоряжении находилась база, состоявшая из 82 вагонов с различными продуктами и военным имуществом, а в порту Казани стояли два его корабля. Трофимовский не соблюдал никаких законов и установлений Советской власти и в своей части был абсолютным владыкой. С населения он взимал контрибуцию, которую использовал для своих нужд и нужд своего батальона.

Ничем лучшим не был и находившийся в Казани «Социалистический матросский батальон», который устроился в лучших помещениях города и получал от правительства большее жалованье и лучшее довольствие. Батальон терроризовал население и отказывался выходить на позиции.

Одна артиллерийская часть приняла резолюцию, что в гражданской войне она участвовать не будет, а готовится воевать с Германией. Развал дисциплины в этой части дошел до того, что артиллеристы не хотели сами ухаживать за лошадьми и чистить конюшни. Учений не было.

Подобных частей было много. Отказ выходить на позиции и невыполнение боевых приказов были нередким явлением. Сам штаб фронта находился в состоянии крайнего хаоса. Наводненный шпионами и различными контрреволюционными агентами, он не был в состоянии навести порядок на фронте и создать прочный тыл. Само собой разумеется, что в такой обстановке нельзя было ожидать ничего другого, кроме потерь и отступлений.

«ВПЕРЕД! ЗАБУДЬТЕ ПРО ОТСТУПЛЕНИЕ!»

После ликвидации муравьевской авантюры командующим Восточным фронтом был назначен начальник Латышской дивизии И. И. Вацетис, один из тех старых офицеров, которые в дни революции шли вместе с Советской властью и сражались за нее. Одновременно с его назначением и прибытием в Казань, где заново организовывался штаб фронта, прибыл также, как уже упоминалось, 5-й латышский стрелковый полк. В это время в штабе Восточного фронта в качестве члена Реввоенсовета Российской Советской Республики работал Ю. К. Данишевский. Им обоим принадлежат большие заслуги в восстановлении Восточного фронта и в создании здесь такого положения, что стало возможным организовать решительное противодействие чехословакам, начать контрнаступление, которое окончилось так плачевно для одурченных пленных.

Первый приказ Реввоенсовета войскам Восточного фронта в роковой момент после столь тяжелых неудач был кратким и категорическим: «Вперед! Забудьте про отступление!»

5-й латышский стрелковый полк, прибывший в Казань около 20 июля, состоял приблизительно из 400 штыков и 4 пулеметов. Ему была придана одна тяжелая батарея.

Прибытие латышских стрелков в Казань вызвало настоящую сенсацию. Популярность латышских стрелков уже успела опередить их самих.

Каждый враг Советской власти почувствовал, что прибыла преданная советскому строю сила, с которой придется считаться. Штаб фронта, чувствуя за собой реальную вооруженную опору, смог смелее приняться за работу по реорганизации и за восстановление дисциплины в дезорганизованных частях гарнизона.

В Казани было введено осадное положение. Латышским стрелкам было доверено несение гарнизонной службы. Началось формирование надежного гарнизона для защиты города.

О том, насколько прибытие латышских стрелков подняло престиж местной власти, свидетельствует хотя бы такой сам по себе незначительный случай. Еще раньше был издан приказ о сдаче всего оружия, это было необходимо для того, чтобы обезопасить тыл. Но никто не обращал на этот приказ никакого внимания. Стоило, однако, 5-му латышскому стрелковому полку промаршировать со сверкающими на солнце штыками по улицам Казани, как на следующее утро сразу же началась поспешная сдача оружия.

Стало возможным, опираясь на стрелков, взяться и за восстановление дисциплины в других частях. Трофимовскому было приказано отправиться вместе со своим отрядом на позиции. Лишь с помощью тяжелой батареи латышских стрелков, после того как орудия ее были наведены на корабли Трофимовского, удалось заставить его выполнить приказ. Все же позднее он со своими кораблями бежал из Казани и в целях грабежа захватил Чебоксары. Лишь в сентябре агентам Всероссийской чрезвычайной комиссии удалось поймать его и расстрелять. Штаб фронта получил теперь возможность более или менее организовать тыл и приобрести подобающий такой организации авторитет.

В начале августа для охраны Свяжского моста через Волгу был направлен 4-й латышский стрелковый полк. После падения Симбирска враг стал угрожать тылу Казани, поэтому 4-му латышскому полку было поручено охранять железнодорожный мост через Волгу, а также железнодорожную линию от Казани до населенного пункта Шихраны.

4-й латышский полк уже все время сражался против чехословаков, неся очень большие потери. Поэтому личный состав его не мог быть многочисленным и не превышал 500 штыков. Зато в распоряжении полка были одна легкая и одна тяжелая батареи — всего 8 орудий, а это уже превращало полк в сильную боевую единицу.

Работа по реорганизации проводилась быстрыми темпами и на всем фронте. Все войска Восточного фронта в эти дни были разбиты на пять армий, причем последнюю, V, организовали в районе Буинска—Чистополя совершенно заново.

Из центра и других концов Советской республики пока что никаких новых подкреплений не прибывало. Положение в общем продолжало оставаться критическим.

Ряду латышских стрелковых полков было дано распоряжение прибыть в район боев на Среднем Поволжье. 2-й батальон 6-го латышского полка был переформирован в полк (6-й Тукумский) и спешно переброшен в сторону Свяжска.

Латышские стрелковые полки уже успели кровью подтвердить свою

преданность Советской власти. Советское правительство было уверено, что там, где сражаются латышские стрелки, нет измены и отступления, поэтому-то в самый критический для Восточного фронта момент оно обратило свой взор на латышских стрелков.

Вместе с тем велась лихорадочная подготовка и внутри страны. С заводов и из деревень рабочие и крестьяне вливались в формируемые части Красной Армии; все внимание было обращено на Восточный фронт.

БОРЬБА ЗА КАЗАНЬ

4 августа два корабля Волжской флотилии перешли на сторону противника, другие в ходе столкновения были отброшены, а несколько отказались продолжать борьбу и по Волге отправились в Нижний Новгород.

Флотилия противника с помощью десанта пробилась сквозь плавучие посты V армии, вечером 5 августа высадила десант в порту в Казани и заняла его. Навстречу вышли подразделения 5-го латышского полка, которые разбили десант и часть его взяли в плен. Корабли противника огнем нашей артиллерии были изгнаны из порта.

Однако противника эта неудача не испугала. Рано утром 6 августа Казань со стороны Волги снова начала обстреливать вражеская флотилия. Появление противника для всех явилось неожиданностью; в штабе фронта также работа протекала обычным порядком вплоть до того момента, когда неприятельские снаряды начали падать на город. Как курьез следует отметить тот факт, что наши на станции приняли выстрелы чехословацкой флотилии за учебную стрельбу Красной Армии. Только ко времени полдника было уже известно совершенно точно, что в порту стоят неприятельские корабли, которые обстреливают город. Оказалось, что вражеская флотилия прорвалась сквозь посты нашей охраны, вызвала среди наших войск панику и теперь открывала огонь по городу.

На пристань было послано несколько рот из местного гарнизона, которые попытались воспрепятствовать высадке вражеского десанта. Все же наши силы были слишком слабыми, чтобы сдержать неприятеля. Особенную отвагу проявила местная татарская рота, сражавшаяся с невиданной энергией.

В конце концов против врага было послано также несколько рот 5-го латышского стрелкового полка. Стрелки сами всей душой рвались в бой с назойливым противником. Несколько стрелков, которых направили охранять местный банк, отказалось это сделать, стремясь пойти на помощь своим товарищам. (Как известно, в банке в Казани находился эвакуированный из Москвы золотой фонд. Из Казанского порта ушли все суда и баржи, в том числе и те, которые должны были в ночь с 5 на 6 августа принять золотой фонд для перевозки его в Москву, поэтому золотой фонд остался в Казани и попал в руки белых.)

Неприятельские цепи были очень стойкими. Несмотря на разящий пулеметный огонь, они напирали с удивительным упорством. Вот уже группа латышских стрелков, отрезанная от остальных товарищей, постепенно оттеснена вдоль берегов Волги вверх...

Зажатые в кольцо, выход из которого был только один — отогнать назад вражескую цепь, латышские стрелки с обычным хладнокровием лежа, прижавшись к земле, посылали залп за залпом в ряды противника, который, видя безвыходность их положения, напирал с исключительной энергией и упорством.

Стал ощущаться недостаток патронов, так как не было никого, кто бы мог их доставить.

Приходилось отступать... Несколько десятков шагов назад — и уже за спиной приток Волги...

Без лишних размышлений часть стрелков бросилась в реку вплавь, другая часть отправилась вверх — в сторону моста, где стрелков встретил жестокий огонь врага. Провожаемая непрерывным градом пуль из пулеметов противника, часть стрелков переплыла речку, многих поглотили прохладные волны... Из стрелков, которые шли вдоль набережной, часть пробилась сквозь заграждения противника и двинулась к железной дороге, по которой один за другим постепенно уходили поезда.

Тем временем противник приблизился к городу со стороны станции. Гонимые больше паническим страхом, чем неприятелем, наши рассеянные части отступили в город.

Рано утром 6 августа чехословаки высадили подкрепления на обоих берегах Волги. Колонна, шедшая по правому берегу, спешила занять холм Верхний Услон, на котором были позиции, удобные для обстрела Казани. Вторая колонна заняла Нижний Услон, откуда посты Красной Армии отступили, не приняв боя.

Вскоре противник укрепился и на Верхнем Услоне, овладев здесь двумя нашими батареями; через короткий промежуток времени белые начали обстреливать из этих орудий станцию, город и весь левый берег Волги. Несколько вражеских кораблей направились вверх по Волге в сторону Свияжска, чтобы овладеть важным в стратегическом отношении Свияжским мостом. Но здесь они натолкнулись на батарею 4-го латышского стрелкового полка и вынуждены были убраться обратно.

Часам к пяти пополудни уже были заняты все позиции, находившиеся за городом. Части наших войск в беспорядке отступали в северном направлении, а также вдоль железной дороги — на запад. Белые сконцентрировали все силы и внимание на занятии центра города и кремля.

Вскоре в городе один квартал за другим стал переходить в руки врага. В конце концов и штаб Восточного фронта в гостинице Щетинкина был окружен неприятелем. Штаб защищали стрелки 5-го латышского полка, в распоряжении которых было некоторое количество пулеметов и несколько орудий. Под вечер в окрестностях города показалась вражеская кавалерия.

На улицах происходили ожесточенные бои, в которых латышские стрелки сражались с обычным самообладанием и пылом. Помощи не было ниоткуда. Надежды, возлагавшиеся на кремль и его гарнизон, оказались неоправданными: матросы и курсанты военного училища бежали, а сербский «интернациональный» батальон перешел на сторону белых.

5-й латышский стрелковый полк, уже два дня сражавшийся за Казань, был рассеян и раздроблен на маленькие группки. Но хотя полк и понес большие потери, он продолжал борьбу, постепенно отступая на север.

Командующий фронтом И. И. Вацетис вместе с группой стрелков, ведя уличный бой, также успешно прорвался сквозь кольцо неприятельских цепей в северную часть города.

Как только советские войска начали готовиться к оставлению города, даже еще раньше, восстала местная буржуазия, которая, несмотря на все предшествовавшие репрессии, все же осталась несломленной. Из окон домов на уходящих красноармейцев и стрелков посыпались пули. Враги стреляли из винтовок, пулеметов, бросали ручные гранаты. Даже из окон третьего этажа штаба в стоявшие внизу автомобили и в шоферов полетели бомбы. Оказалось, что царские офицеры и здесь успели пробраться в ряды Красной Армии, чтобы вести свою предательскую работу изнутри.

Рассеянные части Красной Армии отошли на запад и север. Небольшие хозяйственные части успели выехать по железной дороге. За полчаса до занятия станции провожаемый орудийными выстрелами уехал и штаб 2-й бригады. Часть стрелков 5-го латышского полка попала в плен. В Казани остались также командир 5-го полка Бриедис и начальник штаба 2-й бригады Штейнберг.

Командующий фронтом Вацетис с частью стрелков отступил в Арзамас, отдавая по пути распоряжения и приказы о мерах укрепления пришедшего в хаотическое состояние фронта.

В Казани вместе с учредиловцами и социал-примиренцами стала властвовать реакционная буржуазия. Временно были ликвидированы Советская власть и завоевания революции. Началась зверская расправа с пролетариатом. Тюрьмы были забиты красноармейцами и рабочими местных заводов.

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ

Положение было серьезным, чтобы не сказать — критическим. Захват белогвардейцами Казани, этого политически-стратегического центра, был последним предупреждением, последней серьезной утратой, после которой ситуация должна была решающим образом измениться в ту или иную сторону. Дальнейшее продвижение врага к центру России угрожало всем завоеваниям революции и ставило Советскую власть перед дилеммой — быть или не быть. Восточный фронт превратился в самый опасный фронт; в этом районе все силы контрреволюции были окрылены своими успехами. Неудачи на фронте вызывали сомнение и малодушие не только в менее стойких частях армии, но и в некоторых крестьянских и рабочих районах. Помимо потерь в районе Казани, неудачи имели место и в районе Екатеринбурга, где III армия была разбита и оттеснена в сторону Перми. (Под Екатеринбургом был также почти полностью уничтожен 6-й Торошинский латышский полк.) Среди многочисленных волнений следует упомянуть восстание в Ижевско-Вот-

кинском заводском районе, что в общей совокупности сделало наше положение критическим. Над всей социалистической Советской республикой прозвучал громкий клич: «Революция в опасности!» Пролетариат России, приняв вызов международной контрреволюции, с удвоенной энергией встал на защиту своего социалистического государства.

В этот момент на Восточный фронт один за другим прибыли другие полки Латышской стрелковой дивизии (1-й, 6-й Тукумский, подразделения 2-го полка и др.). Были посланы новые подкрепления, чтобы создать возможность решительного противодействия противнику.

Свияжск, маленькая железнодорожная станция на берегу Волги неподалеку от Казани, превратился в целый военный лагерь. Сюда прежде всего съезжались все политработники, которых посылали из Петрограда в Москву и другие центры, чтобы затем отправиться дальше на фронт. Ежедневно здесь останавливался эшелон за эшелонам с новыми воинскими частями, которым предстояло объединиться в соединения, способные погнать назад наседающего противника.

Но чехословаки, овладев Казанью, продолжали двигаться вперед по обоим берегам Волги, хотя уже и не с такой энергией, не с такой стремительностью, как в первый момент, когда наши войска не успели еще прийти в себя после первых тяжелых ударов. Заметно было, что дальнейшие операции противника не будут развиваться в столь благоприятном направлении, как он, может быть, предполагал, опьяненный победой.

Главным, что на момент сделало нас слабыми, был стремительный удар, с помощью которого чехословаки одержали победы под Казанью и тем самым дезорганизовали наши ряды. В первую очередь надо было позаботиться о революционной дисциплине и организации.

Чтобы вернуть Казань, следовало развернуть контраступление по обоим берегам Волги, ибо противник занимал на правом берегу выгодные позиции — Верхний и Нижний Услон, с которых он мог господствовать над Казанью.

Боевой группой, оперировавшей на левом берегу Волги, руководил командир 3-й латышской стрелковой бригады Юдин, а на правом берегу — командир 4-го латышского стрелкового полка Сауле.

Началось концентрированное наступление на обоих берегах Волги. Латышские стрелковые полки в составе обеих групп являлись одними из лучших боевых единиц. Наши ряды были пополнены новыми подкреплениями, среди которых теперь было уже немало дисциплинированных, хорошо организованных, политически выдержанных боевых отрядов.

Но уже в самый первый момент на нас обрушился ряд неудач. В одном из боев погиб командир левобережной группы Юдин, были ранены и убиты также несколько его ближайших соратников. Ситуация ухудшилась потому, что в первый момент не оказалось способного командира, которого можно было бы назначить на место павшего товарища.

На правом берегу некоторые части после непродолжительных боев отошли, поэтому больше всего пришлось пострадать ряду групп латышских стрелков. Это вызвало среди известной части стрелков недовольство, для ликвидации которого нужны были обдуманные действия, хлад-

нокровие и революционная выдержка, чтобы предотвратить нежелательные эксцессы.

Начатое наступление медленно подвигалось вперед. Ряд боевых отрядов проявил в боях особенную отвагу, стойкость и воодушевление. В одном петроградском коммунистическом рабочем отряде, насчитывавшем около ста человек, после одного из боев осталось лишь семеро... И таких частей было много...

НЕЗАБВЕННЫЕ МОГИЛЫ

Павший командир левобережной группы Я. А. Юдин был одним из тех самоотверженных латышских революционеров, которые уже с ранней юности жертвовали своей жизнью ради освобождения рабочего класса.

Юдин родился в Видземе в семье безземельного и в партии работал еще до 1905 года. После наступления реакции, когда многие революционеры были вынуждены эмигрировать, Я. А. Юдин был единственным, кто руководил оставшимися в данной местности членами партии и умело организовывал их. В дни Февральской революции Юдин был офицером в 4-м Видземском латышском стрелковом полку. После майских дней, когда пропасть между офицерами и революционными стрелками становилась все шире, Юдин решительно стал на сторону стрелков и уже в июле был избран в Исполнительный комитет латышских стрелковых полков — Исколастрел, где он все время работал в юридической комиссии.

Вскоре после своего назначения командиром 3-й латышской стрелковой бригады Юдин уехал в Петроград и с величайшей энергией принялся за формирование бригады. Едва он успел закончить эту работу, как из Петрограда на Восточный фронт был послан один довольно значительный боевой отряд, командование которым доверили ему.

Товарищ Юдин с одним из эшелонов своего отряда подъехал к Казани в тот вечер, когда город заняли чехословаки. Уже на следующее утро Юдину поручили руководство нашей группой. Работая без отдыха в течение нескольких дней и ночей почти один, без какого-либо штаба, чтобы привести в порядок дезорганизованные группы, Юдин здесь страшно переутомился и стал очень нервным.

Уже ранним утром 12 августа, когда рассвет еще только забрезжил и поднимался густой туман, начали греметь орудия. И когда вскоре стали трещать винтовочные выстрелы и заговорили пулеметы, почувствовалось, что день действительно будет жарким. Вскоре оказалось, что противник идет в атаку. Винтовочный и пулеметный огонь все усиливался.

Товарищ Юдин с несколькими своими соратниками находился в нескольких десятках шагов от дачи, где размещался штаб. Одному полку было приказано идти на помощь нашим передовым отрядам. Вдруг вблизи разорвался снаряд. Юдин со своими товарищами были сбиты с ног и осыпаны осколками снаряда. Товарища Юдина ранило смертельно. Через полчаса он скончался...

Юдина и еще трех товарищей привезли на станцию Свияжск.

...Солнечный осенний день клонится к вечеру. Глухо звучит музыка, провожая павших товарищей к находящемуся поблизости месту захоронения. Стрелки несут на плечах простые белые гробы, в которых покоятся изуродованные тела товарищей. Осколки шрапнели сильно изуродовали и истерзали товарища Юдина.

Павших провожают командующий V армией Славен, представитель Московского Совета рабочих депутатов, много ответственных штабных работников, стрелки и красноармейцы. Оркестр играет «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Позднее постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета станция Красная Горка, которая находится неподалеку от Казани и близ которой погиб Я. А. Юдин, была названа его именем — станция Юдино.

«БЕИ ЛАТЫШЕЙ!»

Белогвардейцы и казаки сумели по достоинству оценить роль, которую играли латышские стрелки в борьбе за Советскую власть. Они понимали, что латышские стрелки являются могучей силой в руках Советского правительства, что стрелки вместе с русским пролетариатом не на жизнь, а на смерть сражаются за завоевания пролетарской революции. Белогвардейцы понимали, что если бы удалось убрать с пути латышских стрелков, то попасть в Москву было бы несравненно легче. Поэтому они использовали все возможные средства, чтобы обезвредить латышских стрелков.

Будучи не в состоянии победить латышских стрелков силой оружия, белогвардейцы на Восточном фронте осыпали их с самолетов своими прокламациями... Однако латышские стрелки знали цену сладким, как патока, речам, которые источали белогвардейцы и контрреволюционеры, — за этими речами скрывались черные, как деготь, зверства палачей. И поэтому на призыв сложить оружие они отвечали еще более энергичным продолжением борьбы, высоко неся боевое красное знамя.

Видя, что стрелков не удастся ни сломить в открытом бою, ни привлечь на свою сторону с помощью лживых обещаний и обмана, белогвардейцы ухватились за третье средство, к которому в соответствующих условиях всегда прибегали русские черносотенцы. Белогвардейцы начали избиение латышей. Уже в Сибири, сразу же после создания пресловутого «правительства Учредительного собрания», были случаи, когда ненависть к латышским стрелкам возбуждалась настолько, что слуги реакции учиняли резню всего латышского населения. Несколько латышских колоний в Сибири было разгромлено так, что там не осталось камня на камне. Избиение евреев сменилось избиением латышей.

Буржуазия и контрреволюционеры стремились возбудить против латышских рабочих и особенно стрелков русские народные массы. На

Восточном фронте агенты буржуазии и кулаки распространяли о латышских стрелках различные слухи и басни, начиная с того, что, мол, Советское правительство выплачивает им особое жалованье, и кончая тем, что все они якобы продались немцам.

Эта белогвардейская агитация против латышских стрелков в отдельных случаях имела определенный успех. При занятии нескольких приволжских городов взятые в плен латышские стрелки были безжалостно перебиты. Лозунг «бей латышей!» воплотился в самых нелепых и отвратительных формах и стал ведущим лозунгом в борьбе против бойцов революционной власти.

«МЫ СТОИМ ЗДЕСЬ ЗА ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!»

На все махинации белогвардейцев латышские стрелки отвечали только одно: «Своей кровью мы защитим Советскую власть!» — как было записано в одной из их резолюций. Они связали свою судьбу с лозунгом Советской власти еще в дни Февральской революции, поэтому и в самый критический момент они не могли поступить иначе, кроме как жить или умереть за пролетарскую революцию — за будущее всего человечества.

На Восточном фронте стрелки вместе с остальными рабочими России также нерушимо стояли на своих постах, понимая, что враг, идущий с этой стороны, столь же опасен для пролетарской революции, как и тот, который навалился на плечи трудящихся Латвии.

Борьба была жестокой и потребовала многих жертв, которых латышский стрелок никогда не боялся. В бой на Восточном фронте латышские стрелки бросили свои лучшие силы. Туда отправлялись как целые полки, так и отдельные работники, многие из которых не вернулись больше назад. Среди последних надо упомянуть и тогдашнего председателя Исколастрела Зариня, который пропал без вести в одном из боев на правом берегу Волги.

Много трагических, тяжелых моментов пришлось пережить стрелкам в этих грандиозных сражениях. Встречались и такие, которые оказывались не в состоянии выдержать тяжесть этих боев. Незакаленные и неубежденные, они на полпути оглядывались назад. Здесь следует упомянуть часть стрелков 4-го латышского полка, которые на Симбирском фронте после продолжавшихся несколько месяцев непрерывных боев потребовали отдыха и тем самым дезорганизовали ряды остальных товарищей. Но для усталости не было места. И поэтому все остальные стрелки осудили подобные действия своих товарищей. Это был единственный «инцидент», единственное недоразумение, случившееся на Восточном фронте летом 1918 года.

Единство и железная дисциплина, связавшие ряды авангарда пролетариата России, сделали его непреклонным. В рядах Красной Армии царил сердечная дружба. Попытки различных провокаторов путем разжигания национальной розни вызвать разлад в рядах русских и латышских трудящихся не имели никакого успеха. Об этой дружбе, которая

Награждение 5-го латышского особого полка Почетным революционным красным знаменем ВЦИК за героическую оборону Казани в августе 1918 г.

наилучшим образом засвидетельствована кровью стрелков на многочисленных полях битв, говорит и следующее обращение Казачьего комитета к латышским стрелкам в период боев на Восточном фронте:

«Привет вам, доблестные сыны Красной Латвии!

Вольные сыны степей Дона, Кубани, Урала и Сибири, хранящие заветы доблестных атаманов — Степана Тимофеевича Разина и Емельяна Ивановича Пугачева, шлют вам горячий привет как братьям по оружию.

Мы видим вашу непреклонную волю бороться с врагами трудового народа, видим, как вы мужественно защищаете факел революции от внешних и внутренних врагов, и сердца наши наполняются радостью и надеждой на то, что наше правое дело не будет погублено, пока оружие находится в таких надежных руках, в руках храбрых сынов Красной Латвии.

Часть наиболее мужественных, наиболее революционных казаков, так же как и вы, лишены своего крова, лишены возможности устраивать свою жизнь на основах былой вольности среди вольных степей.

И вы, и мы хорошо знаем, что часть наших товарищей служит Краснову, Дутову и буржуазии. Но вам известно, что многие исполняют это

преступное дело по принуждению, другие по неосознанности, а более сознательные изгнаны или вынуждены были покинуть родные степи, но это еще более придает им решительности, и они, так же как и вы, верят в победу и крепко держат в своих руках оружие.

Мы знаем, что вы и во время самодержавия боролись с засильем местных баронов, но это не остановило вас встать на защиту своего края от новых поработителей.

Когда же трудящиеся России не устояли против хищников, вы не хотели остаться под игом новых завоевателей и не бросили оружие, а еще крепче сдавили его в своих мозолистых руках и мужественно боретесь за раскрепощение трудящихся всего мира.

Привет вам и вечная слава!

Держите крепче свое оружие, как и до сего времени, и пусть не смущает вас малодушие многих товарищей, позорно сдающих позиции октябрьских завоеваний. Вечный позор и проклятие потомства будет им в награду.

Много есть еще сознательных и революционных товарищей, и мы верим, что победа будет за нами.

Пусть не смущает вас временная потеря вашей родины, недалек тот час, когда мы общими усилиями разобьем ненавистного врага и навсегда укрепим завоевания Октябрьской революции.

Пусть много неосознательных, но вы своим примером покажете им и всему миру, что вы умеете защищать интересы трудящихся, и грядущее поколение не забудет ваших заслуг.

Всему же тому, что порождало неосознанность, а теперь, оскалив зубы, силится задушить революцию и навязать новую кабалу трудящимся, шлем проклятия, а оставшиеся в живых тираны не избегнут справедливого наказания.

Вечный позор и проклятие всем тунеядцам!

Меч трудящихся еще не притуплен!

Привет вам, братья, сыны Красной Латвии, и слава!

Казачий комитет при Всероссийском
Центральном Исполнительном Комитете».

Это единство было залогом нашей победы. И пролетариат России сумел оценить боевые заслуги латышских стрелков. За оборону Казани ВЦИК наградил 5-й латышский стрелковый полк Почетным красным знаменем. Это был первый подобный случай за время существования нашей молодой формировавшейся армии.

После боев на Восточном фронте ход развития революции поставил перед латышскими стрелками новые задачи... Волны революции катились на запад: в Германии произошла революция, которая также в оккупированной Латвии дала возможность, хотя, к сожалению, лишь на короткий срок, свергнуть иго буржуазии. Часть стрелковых полков поспешила на помощь пролетариату Латвии, а часть еще долго продолжала сражаться на фронтах Советской России, пока на Западном и Южном фронтах им снова не пришлось вписать новые страницы в историю.

И. И. ВАЦИЕТИС

БОИ ПОД КАЗАНЬЮ¹

Казань расположена на левом берегу Волги, в том месте, где река поворачивает на юг, следуя по меридиану, неподалеку от устья Камы, которая течет с севера и в 65 верстах от Казани впадает в Волгу. Волга представляет собой естественную и весьма серьезную преграду в тех случаях, когда приходится обороняться малыми силами.

К западу от Казани Волга течет по географической параллели, своими притоками и системами каналов достигая самого центра Европейской России — Москвы, а на севере — Петрограда.

Эта часть Волги имела большое стратегическое значение как для Восточного фронта, так и для противника. Мы могли использовать ее как линию коммуникаций: из портов волжских городов можно было отправлять интендантское имущество и военные материалы, и даже войска. В Нижнем Новгороде, Кинешме, Костроме, Ярославле, Рыбинске, а также в других городах было очень много торговых судов и барж. Особенно большое значение имели такие города, как Москва и Петроград с их фабриками и заводами, на которых изготовлялись различные предметы для военных нужд.

Для обороны волжского пути красные располагали так называемой Волжской военной флотилией — вооруженными торговыми пароходами с довольно значительной артиллерией, но плохим командным составом и матросами. При первом же столкновении с противником один из пароходов сел на мель и был сожжен. Другие пароходы флотилии также оказались недостаточно боеспособными: команды не подчинялись дисциплине, артиллеристы не умели стрелять, флотилия не была обучена тактике военных действий в речных условиях.

Принимая во внимание то, что войска распались, а Волжская флотилия была небоеспособной, можно было предвидеть две стратегические возможности: 1) противник (белые) захватит Среднее Поволжье, 2) добившись этого, белые предпримут попытку продвинуться вверх по Волге в сторону Казани с намерением после занятия Казани наступать далее в направлении Нижнего Новгорода — Костромы — Ярославля, чтобы объединиться с ярославскими мятежниками. Поэтому можно было предвидеть, что белые попытаются использовать верхнюю часть Волжской системы в качестве кратчайшего пути в центр Советской России. Было

¹ Статья опубликована в сборнике «Latvju strēlnieku vēsture» (т. I, ч. 2), выпущенном в 1928 г. издательством «Prometejs». Здесь печатается в сокращенном переводе.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР в 1918—1919 гг.
И. И. Вацлетис.

ясно, что белые пустят в ход свою флотилию одновременно с десантной операцией. На флангах Восточного фронта, в северной части Уральских гор и в районе Саратовской губернии цели белых могли быть локально ограниченными.

Учитывая, что наибольшее значение в ближайшее время должен был иметь центр Восточного фронта, я в качестве командующего Восточным фронтом приказал прежде всего:

- 1) преградить флотилии белых путь на Казань, установив мины на Волге против города Спасска;
- 2) усилить полки, оборонявшие фронт V армии в районе Чистополь — Бугульма;
- 3) укрепить Казань, соорудив в ее окрестностях траншеи и установив батареи в целях серьезной обороны города.

Мины частично были установлены, но белые их постепенно обнаружили и взорвали.

4 августа два парохода флотилии красных перешли на сторону белых; три других были отброшены к Казани, а несколько пароходов, получив небольшие повреждения, отказались продолжать бой, и утром 5 августа последний из них ушел в Нижний Новгород.

Флотилия белых вместе с десантом прорвала фронт V армии и вечером 5 августа совершенно неожиданно появилась под Казанью. Заняв казанский порт, белые попытались силами десанта захватить город.

Поднявшись в контратаку, 5-й латышский стрелковый полк разгромил белый десант и часть его взял в плен; уцелевшие бежали на пароходы, которые огнем наших батарей были изгнаны из казанского порта. Красная флотилия отступила и встала на якорь против деревни Ключище.

Это наступление белых имело большое значение.

Прежде всего в бой близ впадения Камы в Волгу вступили полки чехословаков, красные же полки не смогли противостоять им и большей частью были рассеяны. Своим нападением на казанский порт белые спугнули оттуда все баржи и суда, в том числе и те, на которые в ночь с 5 на 6 августа должен был быть погружен золотой фонд для отправки в Москву. Утром 6 августа оказалось, что все суда бежали в Нижний Новгород, поэтому золотой фонд остался в Казани и попал в руки белых. 6 августа стало очевидно, что белые приступят к блокаде Казани, мы же еще не успели сформировать гарнизон, необходимый для обороны города.

В то время, когда белые начали штурм Казани, т. е. 5 и 6 августа, II красная армия со стороны Елабуги предприняла эффективное давление на город Бугульму, т. е. на тылы фронта белых, но в связи с тем, что несколькими днями раньше III красная армия была разбита под Екатеринбургом и отброшена в сторону Перми, причем одновременно в районе Ижевского и Воткинского оружейных заводов вспыхнуло большое восстание, II красную армию пришлось отозвать назад на правый берег Камы.

I армия не играла в боях более или менее значительной роли...

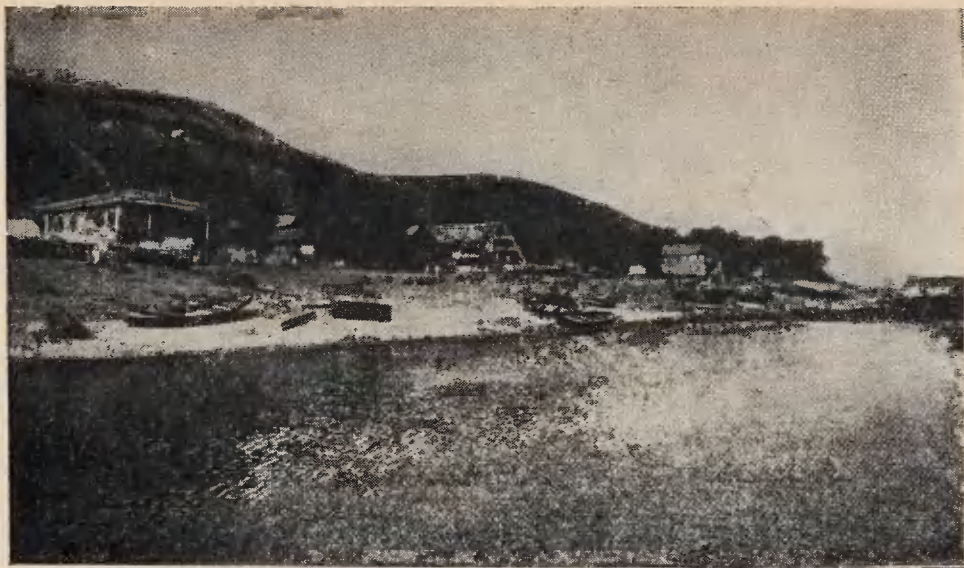
Подтянуть подкрепления из центра в ближайшие дни не представлялось возможным. 5 августа в Казань из Ржева прибыл один отряд, но часть его людей в тот же день сбежала из города. В Казань прибыл также штаб Витебской бригады, но без каких-либо полков.

ПАДЕНИЕ КАЗАНИ

Рано утром 6 августа белые высадили десант на обоих берегах Волги у возвышенности Нижний Услон. Колонна, которая двигалась по правому берегу, торопилась овладеть возвышенностью Верхний Услон (напротив города Казани). Колонна, наступавшая по левому берегу Волги, около шести часов атаковала близ архиерейской дачи посты красных, которые оставили свои позиции без боя.

Вскоре после этого южная часть города перешла в руки белых. Красные батареи также попали в руки белых. Около девяти утра флотилия белых заняла порт и высадила десант, который развернул наступление на город в сторону станции.

Около полудня белые захватили возвышенность Верхний Услон, согнав с нее красных в сторону Свияжска, причем в руках белых оказались две красные батареи, из которых они вскоре начали обстреливать гостиницу Щетинкина, кремль, железнодорожную станцию и весь левый берег Волги...

Возвышенность и деревня Верхний Услон под Казанью.

Все свои усилия белые направили на захват города. Около пяти вечера Казань уже была покинута красными войсками...

Овладев позициями красных вне города и в предместьях, белые двинулись к центру города и к кремлю.

Силы белых не были нам точно известны. По моему мнению, до полудня их участвовало в боях немного, поскольку против нас сражались только десанты, а в их составе едва ли было более двух-трех батальонов. Этим и объяснялось то, что в первой половине дня наступление белых было довольно нерешительным. После полудня действия противника охватили большую территорию и стали более интенсивными.

Несколько вооруженных пароходов направилось вверх по Волге в сторону Свияжска, но неподалеку от железнодорожного моста их подвергли сильному обстрелу и задержали тяжелые орудия 4-го латышского стрелкового полка.

В руки белых переходил один городской квартал за другим, и после пяти вечера штаб Восточного фронта в гостинице Щетинкина оказался окруженным со всех сторон. Подойти к нему близко белые не могли, потому что улицы были перегорожены баррикадами, которые храбро защищали стрелки 5-го латышского полка, имевшие в своем распоряжении несколько пушек. Еще не была окружена северная часть города. Под вечер в окрестностях города появилась кавалерия белых.

Теперь посмотрим, что происходило в центре города. Кремль был хорошо вооружен тяжелой и легкой артиллерией; высота его стен местами превышала две сажени, и взять его штурмом было невозможно. Я ре-

шил, что, когда нельзя будет больше держаться в гостинице Щетинкина, штаб перейдет в кремль и будет продолжать обороняться там до тех пор, пока не придут на помощь резервы из Свияжска, куда уже 5 августа был послан исполняющий обязанности начальника штаба с необходимыми инструкциями...

Казань в этот момент играла роль редута, периферия которого замыкалась линией Сарапул — Чистополь — Шихраны — железнодорожный мост через Волгу у Свияжска — Вятские Поляны. В центре, как крепость, стояла Казань, которую надо было защищать до последнего. Главную роль здесь играла не Казань как город, а ее стратегическое значение. С падением Казани мы лишились бы и Свияжского моста через Волгу, а в результате этого берега реки вверх по течению также оказались бы в руках белых, потому что восстание с Ижевского и Воткинского заводов быстро распространилось по всей Вятской губернии и даже охватило Вологду.

Чтобы показать пример другим, я решил при поддержке 5-го латышского стрелкового полка оборонять Казань до последней возможности.

Большие надежды я возлагал на кремль и его гарнизон, особенно на курсантов военного училища и сербский интернациональный батальон; члены Военного совета Восточного фронта утверждали, что сербский батальон будет столь же боеспособным, как латыши.

В течение дня, пока белые еще не появились в городе, из кремля поступали добрые известия. Но под вечер комендант кремля донес, что со стороны реки Казанки наступают белые и что матросы и курсанты военного училища бежали. Затем связь прервалась. Было около семи часов вечера.

В штабе Восточного фронта, на втором этаже гостиницы Щетинкина, вместе со мной и моими адъютантами Диланом и Циритисом находился конвой — первая рота 5-го латышского полка, всего человек 180. Штабисты давно уже удрали, ни телефон, ни телеграф не работали. Мы были совершенно отрезаны от остального мира и могли рассчитывать только на собственные силы и сметку. Штаб превратился в крепость: в моем кабинете на столе — пулемет, всюду разбросаны бумаги; время от времени слышится характерный звук пролетающих мимо пуль, которые застревают в противоположной стене; все вооружены.

Внизу на улице громяхают пушки, которые отбивают нападающих на штаб белых; стреляют со всех сторон, и кое-кто даже припадает к полу, так как на улице царит адский шум... С нашей стороны ведут огонь оба броневика, обе пушки и все часовые из окон и дверей...

По направлению к станционной улице в 200 шагах от штаба дома уже в руках белых; на чердаках установлены пулеметы; время от времени оттуда и из окон раздаются выстрелы, враги стреляют и бросают ручные гранаты... С другой стороны стреляет артиллерия белых, стремясь разрушить штаб, но попадает в центр города — в театр.

Спокойным голосом, как я делаю это всегда в критические моменты, отдаю различные распоряжения, чтобы не допустить белых слишком близко, чтобы в подходящую минуту мы могли выбраться из штаба и попасть в кремль. С улицы доносят, что оба наших бронеавтомобиля

исчезли. Охранять штаб осталось лишь одно тяжелое орудие с двумя артиллеристами, стрелками 5-го латышского полка. До наступления темноты нечего было и думать выбраться из штаба. Эта пушка с двумя артиллеристами более часа защищала штаб против белых. В конце концов и ей пришлось смолкнуть, так как один из этих героев был смертельно ранен и в передней штаба скончался.

О том, что происходило у белых, мы в общем знали довольно хорошо. Время от времени в штаб являлся кто-нибудь из наших разведчиков, и из их донесений нам было ясно, что все позиции за городом, возвышенность Верхний Услон и город давно уже в руках белых. Остатки 5-го латышского стрелкового полка сгруппированы в основном в северной части предместья города, которая еще находилась в наших руках. Помимо этого, в наших руках была только квартира штаба; даже часть гостиницы Щетинкина не была уже нашей, поскольку большая часть штабистов перешла на сторону белых.

Один из разведчиков сообщил, что кремль в наших руках, так как ворота его открыты. Наступала ночь.

Я приказал коменданту конвоя Ремеру (командиру 1-го батальона 5-го латышского стрелкового полка) приготовиться к переходу в кремль.

Как только мы показались на улице, нас обстреляли с крыш и из окон. Мы ответили тем же. Едва нам удалось пройти шагов сто, как мы уже убедились, что перевес на стороне белых. За эти несколько минут боя у нас оказалось уже десятка два раненых. Приходилось возвращаться в штаб и придумывать новый план выхода. Но тут оказалось, что попасть в штаб через те двери, через которые мы вышли, невозможно, потому что они были уже в руках белых; помимо того, белые на руках подтащили поближе к штабу бомбомет, который вовсю обстреливал улицу. Белые сосредоточили против нас огонь со столь близкого расстояния, что каждый лишний момент пребывания на улице мог стать для нас роковым; нам нужно было хоть какое-нибудь убежище.

Я приказал войти в штаб со стороны двора. Как только мы появились во дворе гостиницы Щетинкина, из окон раздались выстрелы... Это были предатели-штабисты. Характерно, что они стреляли из револьверов, высунув руку из окна, а лицо пряча за занавесками — видимо, на всякий случай... Это были те, кто еще несколько часов назад угодливо гнули спину, не зная, кому придется кланяться завтра...

Пули свистели вокруг меня со всех сторон, но все же пролетали мимо, хотя все стрелявшие знали меня...

Между тем Ремер со стрелками овладел входом в штаб со стороны двора. Мы снова собрались у моего кабинета, где после нашего ухода успели побывать белые.

Первый этаж флигеля, где находился штаб, оставался в руках белых. Наше положение было странным: мы — на втором этаже, а под нами, на первом этаже, — белые, наши враги.

Едва мы вошли, белые потушили у нас свет — мы находились в полной темноте.

На моем столе мы зажгли свечу — вокруг повсюду было темно. Долго в таком положении мы оставаться не могли. Помимо того, нас оставалось лишь человек 80.

Я взял руководство в свои руки. Прежде всего я приказал выгнать на чердак всех жителей ближнего к Воскресенской улице флигеля и забаррикадировать двери. Это было сделано в течение получаса, и наши посты заняли первый и второй этажи.

Затем мы спустились на первый этаж этого флигеля и через двери и окна выбрались на улицу с той стороны, откуда белые нас ждали меньше всего.

Не обращая внимания на редкие выстрелы из окон, мы твердыми шагами направились к кремлю... На улице баррикад не было. Со стороны гостиницы Щетинкина мы услышали крики «ура»...

Было около половины одиннадцатого ночи. Накрапывал мелкий дождик. В городе и окрестностях кое-где виднелись пожары. Мы были уже не очень далеко от раскрытых ворот кремля, разведчики наши подошли к самым стенам... Вдруг, совершенно неожиданно, в амбразурах кремля блеснули огоньки выстрелов; стреляли из винтовок в наших разведчиков — ни один из них не вернулся... Кремль был уже в руках белых.

Мы были шагах в ста от ворот кремля, и стрелявшие целились теперь в нас.

Пути назад не было. Огонь противника был очень сильным... наши потери росли. В этот миг я дал команду: «Вперед, на штурм! Ура!»

Те, кто был поблизости, вместе со мною бросились к кремлю, стремясь захватить ворота; других огонь белых заставил повернуть обратно... Но в тот момент, когда мы были всего лишь шагах в двадцати от стен кремля, кто-то изнутри с силой захлопнул ворота. Преодолеть возвышавшиеся на две сажени стены кремля мы не могли... Штурм не удался.

Огонь со стен кремля все усиливался. Нам удалось найти убежище в подворотне, шагах в 100—150 от кремля.

Сербский интернациональный батальон после бегства матросов и курсантов военного училища перешел на сторону белых.

5-й латышский стрелковый полк, благодаря мужеству которого нам удалось в течение двух дней — 5 и 6 августа — оборонять Казань от превосходящих сил противника, был расчленен на небольшие группы. Положение нашей маленькой группы было критическим. Надо было выбираться из города.

Из наших оставались мои адъютанты Дилан и Циритис, секретарь Эктерманис, командир 5-го латышского стрелкового полка Янис Бриедис и еще 21 стрелок. Казань уже не была наша. Кремль тоже не был наш.

Мы знали, что пробыть здесь можем только в северную часть города. Это было нам необходимо и потому, что я стремился скорее попасть в штаб II армии, находившейся в городе Сарапуле, чтобы получить возможность отдать оттуда соответствующие распоряжения Восточному фронту.

Для того чтобы выйти из западни, нам надо было перебраться через Воскресенскую улицу и направиться к театру. Со стороны кремля за нашей улицей следили сотни глаз; обстреливая нас из винтовок (пу-

леметов у них не было), белые не давали нам сделать ни малейшего движения.

Из отдельных домов время от времени раздаются выстрелы по нам: мы видим высунутую на миг из окна руку. Слышим, что по улице идут войска, оркестр играет марш «Молодая Европа». Неподалеку от нас, шагах в ста, семинария, где находится хозяйственная часть 5-го полка, которая не смогла выбраться из города. Оттуда доносятся крики «ура» и звуки оркестра... Нам становится ясно, что семинария в руках белых.

Командир полка Янис Бриедис докладывает, что настроение стрелков ухудшается, они считают, что все мы пропали и у нас нет ни надежд, ни возможностей выбраться из западни.

Я стоял у самых ворот с винтовкой у плеча и смотрел на нашу «долгину смерти». В считанных шагах на земле лежали несколько земгальцев, которые пытались перебежать через улицу, но были застрелены со стен кремля. Там же неподалеку на улице валялось несколько тяжело раненных лошадей...

Командир полка Бриедис попросил разрешения пойти в сторону семинарии, чтобы посмотреть, что там происходит... Он ушел через двор, взяв с собой еще 13 человек...¹ Нас осталось только 12 человек.

Дождь прекратился, в воздухе клубился пар, поднимавшийся с улицы и от стен. Прошло еще несколько минут. Мы все как будто застыли и ждали, что произойдет.

Наконец я сообщил свое решение: «Товарищи, мы свободны. Сейчас довольно темно, туман. Попытаемся медленно перейти через улицу, чтобы из кремля не заметили движения. Тогда они не будут стрелять. Пойдем по одному. Я пойду первым». Не говоря больше ни слова, я медленно пошел вперед по тротуару. Половина улицы уже пройдена. Со стороны кремля — тишина. Все стоят как застывшие. Каждая минута кажется вечностью. Еще полторы минуты — и я стою, прислонившись к углу дома, и даю знак следующему, чтобы он шел. Такие моменты надо пережить самому, только тогда можно понять их значение. Три с половиной минуты «демонстрировать» своей персоной остальным, жив ты или мертв, — это можно только со стальными нервами.

Как солнечный луч, всем засияла надежда на спасение. Вторым пошел Дилан. Так же медленно. Третьим — Циритис, четвертым — Эктерманис. Все трое перебрались удачно. Пятый и шестой, два стрелка, ступая медленно и осторожно, также перешли удачно. Седьмой не выдержал и пустился бегом — был замечен и погиб, восьмой, а также и остальные не решились показаться на улице. Нашим проводником был стрелок Эктерманис, который как местный житель хорошо знал Казань и ее окрестности.

Видя, что из «ловушки» никто больше не выходит, я принял решение попытаться скрытно пробраться через город. Мы полагали, что все самые большие опасности уже миновали, но в уличном бою почти ничего нельзя предвидеть. Случаются самые неожиданные события.

Нас было шестеро, силенка наша была очень маленькой, поэтому

¹ Бриедис остался в Казани у белых, стал изменником, позднее вернулся в буржуазную Латвию. — *Сост.*

надо было избегать любого столкновения с противником. Мы уже прошли пару сотен шагов в направлении театра. Казалось, что всюду тихо и спокойно. И вдруг из какого-то переулка, шагах в пятидесяти от нас, слышим: «Стой, стой, стой! Кто вы такие? Назовитесь! Что пропуск?»

По голосам можно было понять, что кричал «смешанный хор». Мужские голоса были уверенными и суровыми, женские казались встревоженными и злыми. Мы подходили все ближе. Вот и противники видны — с белыми повязками на рукавах и револьверами в руках.

— Идемте только вперед полными шагами, — сказал я вполголоса.

— Стойте! Назовитесь, назовитесь! Кто вы такие? Что пропуск? — кричал «смешанный хор» шагах в двадцати от нас.

Сердце похолодело. По спине пробежали мурашки. Кое-кто из наших схватился за винтовки, иные — за ручные гранаты.

— Не надо, не надо. Пойдем тихо, — произнес я.

— Да стойте же! Назовитесь! Кто вы такие? — шагах в десяти от нас вопил «смешанный хор».

Мне пришел в голову ответ: «Идите вы к ... матери!»

— Чего ругаетесь? К дикарям пришли, что ли? Кто вы такие? Назовитесь! Что пропуск?

Я отвечал: «Идите вы к ... матери!»

Из темноты выходят семь мужчин и четыре дамы, у всех в руках наганы.

— Стойте! Назовитесь! Кто вы такие! — звучит рядом.

Мы остановились посередине улицы.

Я выхожу вперед. Напротив меня стоит предводитель белых.

— Кто вы такие? Почему вы ругаетесь? — сердитым голосом спрашивает белый, поднимая револьвер, его товарищи делают то же. Наши, кроме меня, хватаются за винтовки и ручные гранаты. Момент был критический. Сейчас все должно было решиться. С винтовкой за плечами я делаю несколько шагов в сторону дам и начинаю извиняться перед ними за неприличный ответ. Говорю, что так получилось из-за темноты. Присутствующим мужчинам говорю, что мы чехи.

Женщины, желая убедиться в правдивости моих слов, задают тот же вопрос другим.

Отвечает Эктерманис, что мы чехи.

Дамы говорят: — Спасибо вам, что вы прогнали большевиков и освободили нас из тюрьмы.

— Где наши? — спрашивают они далее.

Мы отвечаем, что в кремле.

Женщины быстрыми шагами уходят, вместе с ними идут также двое мужчин.

Теперь перед нами стоят пять мужчин с поднятыми револьверами и дрожат от волнения.

Я поднимаю фуражку и прощаюсь: «До свидания, господа!»

Объяснившись, обе стороны быстро исчезли во тьме.

Неподалеку от театра навстречу нам выскочил автомобиль. При виде нас он остановился.

Оказалось, что это был штабной автомобиль с шофером Килло и еще одним пассажиром.

Я приказал всем вскочить в автомобиль и на полном ходу мчаться в сторону реки Казанки, к новому мосту. Не обращая внимания на крики «стой, стой!» и выстрелы, мы счастливо достигли моста и выехали на большак, ведущий в Слободу Козью. Когда мы были вблизи леса, оказалось, что путь закрыт: мы увидели около 30 конников. Не оставалось ничего иного, как бросить автомобиль и скрыться в лесу, где кавалерия, особенно ночью, ничего нам не могла сделать.

Мы находились в болотистом лесу. Мне все же хотелось узнать, что это за всадники. Мы прислушались к их разговору. Можно было разобрать, как они спорят, разделившись на две части. В конце концов часть из них ускакала в сторону Казани. Остальные лесной тропинкой поехали в нашу сторону. Я вышел им навстречу и спросил, куда они направляются. Завязалась беседа.

Оказалось, что это была конвойная команда штаба Витебской бригады, прибывшая в Казань 5 августа; штаб остался в казарме. Часть ускакала обратно в штаб, а оставшиеся — до 20 конников — выразили желание следовать за нами...

Итак, у нас прибавилось сил.

Дальше нам предстояло идти лесными тропами, потому что вся окрестность Казани восстала против нас, дороги и села охранялись постами.

Было уже за полночь. Теперь мы были спасены, но следовало торопиться, чтобы оказаться в безопасности. Мы находились верстах в полутора от казанского кремля. В самом городе и в предместьях в нескольких местах пылали пожары; дым затянул все небо, которое, казалось, опустилось совсем низко, к самым шпилям башен...

Внезапно со всех сторон зазвонили церковные колокола, огромная толпа людей орала: «Тебе, бога, хвалим...»

Стреляли пушки.

Казань ликовала и веселилась.

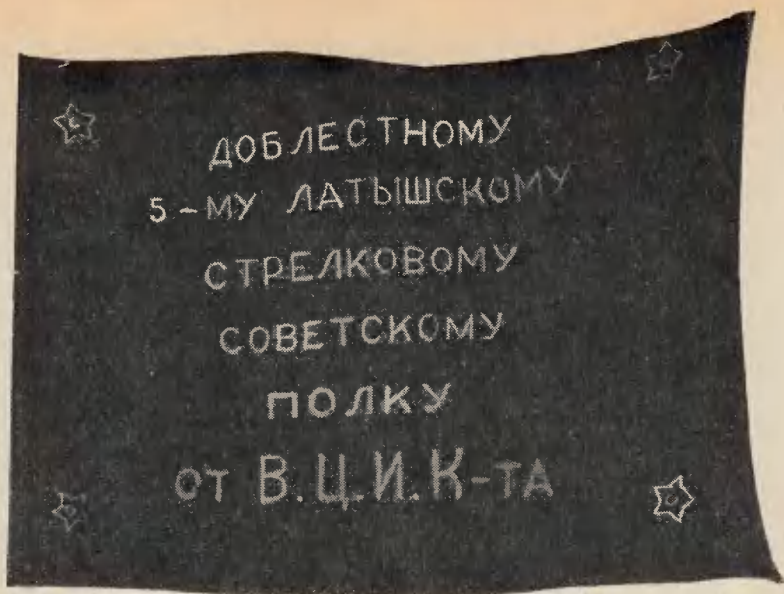
В одном из своих воззваний 7 августа командование белых сообщало, что большевистский главнокомандующий Вацетис застрелен в уличном бою.

Часам к семи 7 августа мы добрались до станции Высокая Гора и оттуда поездом после обеда прибыли в местечко Вятские Поляны, где располагался штаб Комиссариата продовольствия и имелся аппарат Юза, с помощью которого можно было разговаривать с Москвой и со всеми штабами армий и Восточного фронта.

Отсюда я отдал следующие распоряжения:

1) командующему II армией оставить посты у реки Камы и к 11 августа с ударной группой прибыть со стороны города Чистополя к Казани и атаковать белых с тыла;

2) различным формированиям V армии общей численностью в 1500 штыков и 8 пушек со стороны местечка Лаишево (у реки Камы) не позднее вечера 8 августа прибыть к Казани и атаковать белых с тыла;

Почетное революционное красное знамя ВЦИК, врученное 5-му Земгальскому стрелковому полку за героическую оборону Казани 5—6 августа 1918 г.

3) IV армии продолжать энергичное наступление в направлении Самары;

4) начальнику штаба фронта во что бы то ни стало удержать железнодорожный мост через Волгу у станции Свияжск и прогнать белых с возвышенности Верхний Услон.

Если бы оказалось возможным выполнить все эти распоряжения, противник не сумел бы двинуться из Казани на восток.

Наш дальнейший путь вел через Сарапул, оттуда на пароходе в Пермь, затем в Вологду, Москву, а оттуда в город Арзамас, где теперь располагался штаб Восточного фронта.

5-й латышский стрелковый полк понес в Казани большие потери. Остатки полка были переведены в Арзамас и приданы штабу фронта.

За героическую двухдневную оборону Казани 5-й латышский стрелковый полк постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был награжден Почетным красным знаменем. Это был первый подобный случай в Советской России.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЗАНИ

До 10 августа белые оставались в Казани; в направлении Свияжска на обоих берегах Волги мы замечали их разведчиков, которые держались довольно пассивно.

По собранным сведениям и из сообщений газет белых было видно, что белые в Казани празднуют победу: в первые три дня состоялись

молебн и затем парад, а по вечерам публика устраивала лотерею-аллегри для военных нужд.

18 августа я прибыл на позиции под Казанью, привезя с собой бывшего полковника Славена, которого задумал назначить командующим V армией и которому решил поручить возвращение Казани. Штаб V армии находился у станции Свияжск.

Мое предложение было учтено, и командующим V армией, которая до того была в моем распоряжении, был назначен Славен; я дал ему необходимые инструкции по ведению казанской операции.

Положение красных было весьма плачевным: на левом берегу Волги белые отбросили их до самого Свияжского железнодорожного моста и подошли так близко, что могли вести по нему артиллерийский огонь.

На правом берегу Волги благодаря героизму 1-го и 6-го латышских стрелковых полков красные выдержали напор белых, занявших возвышенность Верхний Услон; такое положение давало батареям латышей возможность обстреливать с правого берега Волги тылы позиций белых на левом берегу Волги и тем самым задерживать прямое наступление белых на железнодорожный мост, который они во что бы то ни стало стремились захватить.

Помимо того, батареи латышей, обстреливая Волгу артиллерийским и пулеметным огнем, отогнали флотилию белых от Казани, так что противник был лишен возможности высадить в тылу красных десант...

Значительно лучшим было положение красных по другую сторону Казани — с востока на север. Здесь войска красных приближались к Казани с трех сторон: от реки Камы, со стороны Лаишева и Чистополя, двигались силы II армии, более 3000 пехотинцев с артиллерией и кавалерией; со стороны Вятских Полян появился приблизительно батальон пехоты с артиллерией. Белые не могли совершенно игнорировать эти силы, которые в любой момент могли напасть с тыла и даже довольно серьезно угрожать Казани.

Все же решающего удара с той стороны ждать не приходилось, так как все упомянутые красные части были отрезаны от своей базы и не могли быть усилены ни людьми, ни военными материалами. Действия этих частей могли иметь значение только партизанских действий.

Главную роль в возвращении Казани должны были играть те силы, которые наседали бы с запада, т. е. со стороны свияжского железнодорожного моста, и продвигались бы по обоим берегам Волги. Такую операцию следовало провести весьма энергично, чтобы противник не имел времени, для того чтобы стянуть свои силы, так что для выполнения ее требовалось хорошее знание военного искусства. На правом берегу Волги большое значение имели выдержка и маневр пехоты, на левом основную роль должна была играть артиллерия.

Осуществление подобной тактики даже на полях боев империалистической войны поручалось самым лучшим полкам, потому что для этого нужны хорошо обученные, дисциплинированные бойцы и командиры.

Зная героизм латышских стрелковых полков, я разработал план занятия Казани и отдал Славену решительный приказ провести его в жизнь с величайшей энергией и педантизмом.

Латышский авиаотряд. Люберцы, 1918 г.

Сущность плана заключалась в уничтожении лучших сил противника артиллерийским огнем. Объект всей операции — Казань. Наступление следовало предпринять на обоих берегах Волги одновременно, отесняя белых к Казани на левом берегу Волги — артиллерийским огнем, на правом — огнем и маневром.

Последний этап этой операции должен был завершиться одновременным штурмом Казани и Верхнего Услона.

В результате операции Казань была занята 10 сентября. Самая трудная задача стояла перед теми полками, которые сражались на правом берегу Волги против белых на Верхнем Услоне. Здесь пришлось проявить огромную выдержку в атаках на Верхний Услон, на котором белые прочно закрепились силами пехоты с легкими и тяжелыми орудиями, и одновременно отбивать атаки десантов против правого крыла и тыла из Ключища, Шеланги и со стороны впадения Камы. Латышские полки вынуждены были здесь сражаться на два фронта. Волга между Казанью и Симбирском была в руках противника; его флотилия курсировала здесь свободно, высаживая десанты в любом месте, где это требовалось. Мы не могли сопротивляться флотилии белых, потому что у нас не было такого количества войск, чтобы занять весь правый берег Волги от Казани до Симбирска.

На левом берегу Волги были сконцентрированы необходимая артиллерия и боеприпасы. Здесь применялась так называемая блокадная тактика: войска приближались к Казани, предварительно обстреливая противника артиллерийским огнем и закрепляясь на отнятой у противника

территории в окопах и с помощью проволочных заграждений. Когда противник предпринимал контратаки, ему всякий раз приходилось штурмовать уже укрепленные позиции; для решения этой задачи белые направляли свои лучшие силы — чехословаков и офицерские батальоны, которые поэтому оказывались первыми жертвами нашей артиллерии.

Группа, действовавшая на левом берегу Волги, была усилена подразделениями 2-го латышского стрелкового полка и одним батальоном из 4-го полка.

25 августа вся наша подготовка согласно плану была закончена, и с этого дня началось медленное, методическое и решительное продвижение вперед. Уже в первые дни сентября 1-й и 6-й Тукумский латышские полки штурмом взяли Верхний Услон, установили там свои батареи и начали обстрел тыла белых, в том числе и гавани, откуда была выкурена вражеская флотилия.

На левом берегу Волги полки постепенно продвигались вперед, их вдохновляли успехи на правом берегу. Положение стало здесь для противника серьезным, каждая контратака стоила ему больших жертв, а результатов все не было. Будучи не в состоянии одолеть наши силы, противник стал терять энергию. Позднее мы узнали, что белые понесли такие огромные потери, особенно от нашей артиллерии, что в начале сентября ряды их совсем поредели. Нужны были подкрепления. Белые обратились к казанским рабочим, но те отказались принимать участие в боях. Все же после крупных репрессий рабочим пришлось выполнить требование белых и отправиться в окопы.

Бросив казанских рабочих в траншеях, белые 8 сентября оставили Казань, частью на судах, а частью пешком уйдя по левому берегу Волги в сторону реки Камы, к Лаишеву...

В латышских полках потери были столь значительными, что после занятия Казани им необходимо было дать возможность провести несколько дней в городе, чтобы получить пополнение. Среди павших был командир 3-й латышской бригады Юдин. В память о его подвигах первая станция к западу от Казани была названа его именем — Юдино.

Через несколько дней латышские полки на судах отправились из Казани в сторону Симбирска. У города Спасска они высадились на берег и прямым путем направились на станцию Нурля и к городу Бугульме, ведя наступление с тыла на чехословаков, которые еще держались под Симбирском, разогнали остатки тех полков, которые бежали из Казани в сторону Уфы. В первые дни октября армия Учредительного собрания была ликвидирована; чехословаки ушли в Сибирь, казаки и остатки некоторых других частей перешли на службу к Колчаку.

Я. М. МАЛЕР,

бывш. конный разведчик 4-го
латышского стрелкового полка

РАССКАЗ ЛАТЫШСКОГО СТРЕЛКА

Когда в 1914 году началась война, я жил в Вецмилгрависе, в поселке Ринужи.

Молодежь призывали в армию. Я тоже хотел любой ценой попасть в армию добровольцем, но это мне не удалось. Вместо армии я попал на пароход «Курск», курсировавший ранее на линии Лиепая — Америка, который ходил уже не в Лиепая, а в Архангельск. Здесь я работал в камбузе. Наш пароход из Архангельска направился в Глазго, а оттуда в Нью-Йорк, где я сбежал с корабля уже на следующий вечер. Затем начались мои скитания по Бруклину, пока я не получил работу на норвежском корабле «Венатор», который курсировал на линии Куба — Новый Орлеан. Потом работал в Нью-Йорке до тех пор, пока не очутился в 1916 году на норвежском корабле «Урдс» и не уехал в Бордо (Франция).

Во Франции мне приказали покинуть корабль и предложили служить во французской армии, так как в то время Россия находилась в союзе с Францией и мой возраст в России уже призывался. Я не согласился и просил, чтобы меня отправили в Россию. Так мы, 4 латыша и 10 русских, поехали из Бордо в Париж, а дальше — в Лондон, и через Норвегию и Финляндию в Петроград.

Один из русских в Лондоне сбежал — я тоже последовал за ним, но прочитал выходящую в Нью-Йорке на латышском языке газету «Страдникс», которая писала о рождественских боях у Пулеметной горки, и мне захотелось быть вместе с латышскими парнями, вместе с ними бороться против немцев. В Петрограде я был зачислен в 180-й резервный пехотный полк, который стоял на Васильевском острове. Хотя я и просил, чтобы меня, как латыша, послали в латышские батальоны, мое желание не приняли во внимание. Наконец в начале 1917 года мне удалось попасть в Валмиеру, где я был принят в стрелки, зачислен в учебную команду и отправлен в Кокмуйжу.

После обучения меня направили в 4-й Видземский латышский стрелковый полк, где я и прослужил до 1921 года.

Я служил командиром 2-го отделения 4-го взвода 8-й роты 4-го латышского стрелкового полка. Когда немцы захватили Ригу, 4-й полк был послан в имение Юдажи, где мы заняли позиции. Но в связи с тем, что наступление немцев было задержано, 4-й полк направили в Нитауре, где мы начали рыть окопы. Затем наш полк перебросили на станцию Лигатне, где мы заняли позиции и жили в станционных складах.

Из Лигатне наш 2-й батальон перевели в Алуksне. Из Алуksне вскоре мне пришлось ехать в Валмиеру, где надлежало произвести ревизию полковых складов. Когда в феврале 1918 года немцы пошли на Псков, мы, члены ревизионной комиссии, запрягли двух лучших коней, сложили в сани продовольствие и уехали в Алуksне, а потом вместе с полком в Псков. Мы думали вначале, что в Пскове удастся немного отдохнуть, но ничего не получилось, так как близ станции немцы уже стреляли из пулеметов. Мы двинулись дальше через реку Великую на станцию Дно.

На станции Дно наш 4-й полк построился, погрузился в вагоны и направился в Москву. Там полк был назначен в охрану Кремля. В Москве я перешел в пулеметную команду, а позже — в конную разведку. 30 мая 1918 года 4-й полк выехал из Москвы на Самарский фронт, а из Самары — в Сызрань.

Сызрань мы заняли, но на другой день ее вновь пришлось оставить. Это случилось 7 июня. Мы получили приказ снова взять Сызрань, но это было нам не под силу, так как сражавшиеся здесь против нас белочехи имели превосходство в силах. 4-й полк, а также русские кавалеристы, которые сражались вместе с нами, понесли большие потери.

После взятия Сызрани мы, конные разведчики, с наступлением темноты разделились на группы и заняли позицию на левом крыле в каком-то овраге. Мы старались не шуметь, так как противник перед нами еще не был разведан.

Нужно заметить, что в то время не было еще постоянной линии фронта, воевали главным образом вдоль железных дорог и не знали, что происходит рядом в пятикилометровой окрестности. Силы у нас были сравнительно невелики, и мы могли положиться единственно лишь на свой солдатский опыт и мужество.

Когда стало рассветать, мы увидели перед собой пехотные цепи врага. Нас было здесь всего 9 стрелков-конников — остальные находились в другом месте. В Сызрани с самого утра началась сильная перестрелка. Мы, девять всадников, не могли принять участие в бою, так как нужно было охранять доверенное нам крыло.

Я заметил, что по ржаному полю кто-то скачет верхом, и двинулся вперед, чтобы узнать, кто же стоит перед нами. Остальные, готовые к бою, остались на своих местах. Я спросил у незнакомца, из какого он полка, и получил ответ, что он казак 5-го полка. Стало ясно, что Сызрань оставлена. Мы выстрелили в противника, но он бросился в рожь — возможно, был ранен.

Цепь пехоты противника, которая нас ясно видела, начала теперь нас обстреливать. Появились две группы всадников, примерно по 20 человек в каждой, и начали обходить нас с флангов. Мы решили медленно отходить. Вошли в лес и, как будто предчувствуя дурное, сняли с шапок звездочки и все прочие знаки различия, чтобы по одежде невозможно было определить, красные мы или белые.

По двое шагом поехали дальше. Перед нами была какая-то деревня, где мы накануне стояли. Не успели мы еще доехать до нее, как из-под мостика выскочили четверо мужчин с белыми повязками на рукавах и

приказали остановиться. В первой паре ехали Гедровиц из Елгавы и Дундур из Лиепай, я ехал во второй паре. У нас были приторочены к седлам гранаты, а на шее карабины, но прибегать к оружию было уже поздно. Хорошо, что не было никаких признаков того, что мы красноармейцы. Не успел чех крикнуть: «Стой! Слезай!», — как Гедровиц крикнул ему в ответ: «Чего орешь, свои!» Чех, услышав такой смелый ответ, опустил винтовку и как будто смутился. Я понял, что нужно действовать быстро и решительно, и, повернув коня боком, заорал громовым голосом: «Не стреляйте, мы — свои!» — пришпорил коня, пригнулся к его шее, думая, чтобы только в голову не попало. Пока чехи опомнились, мы были уже далеко. Отделались мы счастливо, хотя по нам и открыли огонь и стали стрелять почти из всех домов.

Проехав через деревню, мы продолжали наш путь не по дороге, а лесом в направлении Пензы, где надеялись встретить свой полк. Мы так устали и нас так мучила жажда, что не могли даже говорить. Наткнулись на какую-то деревню. Там девушка доила коров, и мы попросили напиток из молока, которое нам охотно предложили. Когда мы выпили молоко, девушка спросила, кто мы такие. Ответили, что казаки. Девушка рассказала, что какие-то 20 верховых казаков недавно уехали из деревни, убив трех венгров, так как те были красные. Нам стало ясно, что враг впереди нас. Чтобы не выдать себя, мы въехали в лес и отправились дальше к Пензе, держась вблизи железной дороги.

Когда мы выбрались к железной дороге, солнце начало уже заходить. Издалека мы заметили, что у станции расположилась какая-то воинская часть. Медленно поехали в сторону станции. Какой-то всадник ехал к нам навстречу, но мы поняли, что ему не ясно, кто мы. Оказалось, что неожиданно мы нашли свой 4-й полк, который отступил из Сызрани и сейчас стоял на станции Рузаевка.

3 августа наш полк из Рузаевки направился в Казань. 6 августа мы уже отбили атаку противника на Свияжский и Романовский мосты на левом берегу Волги. В августе происходили также ожесточенные бои на правом берегу Волги.

24 августа мы направились в резерв в Шихраны.

А. В. КРОНЬКАЛН.

латышский стрелок

БОЙ ПОД АРАСЛАНОВО¹

6-й Торошинский латышский стрелковый полк по существу представляет собой часть 6-го Тукумского латышского стрелкового полка, который сразу же после Октябрьской революции прибыл в Петроград. Когда в конце февраля 1918 года началось германское наступление, часть полка, 210 человек, отправилась против немцев в направлении Пскова. После заключения мира с Германией эта часть латышского полка осталась на месте и расположилась в районе станции Торошино для охраны границы. Отсюда-то и произошло второе наименование полка — Торошинский полк. Следовательно, в 1918 году существовало два 6-х латышских полка. Командовал полком бывший офицер Карл Герцберг. Комиссара в то время не было. Его обязанности исполнял помощник командира полка Янис Лаубе.

Основной состав этого полка образовали стрелки 6-го Тукумского латышского стрелкового полка. Однако в этот основной состав влились стрелки и из других латышских полков, которые по той или иной причине покинули свои прежние полки. Кроме того, в полк были зачислены отдельные красногвардейцы. По социальному положению это были рабочие и батраки.

4 июня 1918 года, в соответствии с телеграммой Народного комиссариата по военным и морским делам, полк со станции Торошино прибыл в Петроград. Отсюда 8 июня Народный комиссариат по военным и морским делам приказал полку отправиться в Омск — в распоряжение Омского военного комиссариата. Мы выехали 9 июня, но по пути полк был задержан в Екатеринбурге.

В полку было 675 человек, 8 пулеметов, несколько траншейных орудий, два 76-миллиметровых орудия, 5 рот, 6 различных боевых команд, оркестр и хозяйственная часть.

До середины июля полк находился в Екатеринбурге в распоряжении командующего Североуральско-Сибирским фронтом Р. И. Берзиня. Здесь наш полк закрепился. Каждый день мы проводили учения, выполняли различные мелкие оперативные задания. Кроме того, часть полка помогала подавлять восстание в районе одного из заводов близ Екатеринбурга.

¹ Статья впервые опубликована в сборнике «Latvju revolucionārais strēlnieks» (т. II), выпущенном в 1935 году издательством «Prometejs».

В городе мы охраняли Военный комиссариат Уральского округа, Государственный банк, типографию, вагоны с патронами, кассу военных учреждений. На этих постах дежурило около 50 человек.

15 июля наш полк получил задание выехать по Бердяушской железной дороге в Нязепетровск, чтобы задержать наступление чехословаков, которые хотели отрезать Екатеринбург.

Положение на Восточном фронте было следующим: восточнее Екатеринбурга линия фронта проходила далеко, близ Тюмени; в то же время южнее Екатеринбурга, в районе Челябинской и Бердяушко-Уфимской дорог чехословаки достигли успеха. Особенно успешно они действовали на Бердяушской дороге. Они разгромили находившуюся здесь боевую группу, отеснили остатки ее от железнодорожной линии, которая ведет за Екатеринбург в направлении новой Сибирской железной дороги. Таким образом, чехословакам был открыт путь в тыл Екатеринбурга и они могли отрезать город. Для ликвидации этого прорыва туда послали 6-й Торошинский латышский полк.

По данным Североуральско-Сибирского фронта, на 15 июля в полку насчитывалось 288 штыков, в команде конной разведки было 65 сабель, в саперной команде — 35 штыков, в команде связи — 60 человек. По данным штаба полка, на фронт выехало 426 человек, так как хозяйственная часть осталась в Екатеринбурге.

Задание было сообщено нам утром, и мы немедленно отправились в дорогу. Ехали мы из Екатеринбурга на запад, а затем свернули в сторону, в южном направлении — на Михайловский Завод. Впереди двигался бронепоезд, который фактически представлял собой угольные платформы, блиндированные мешками с песком. На платформах были установлены пулеметы и траншейные орудия. Мы двигались под прикрытием бронепоезда.

У Михайловского Завода наш командир узнал, что впереди никаких частей нет, а железнодорожное полотно разрушено и что вчера на этой линии под откос спущен венгерский эшелон. Венгры были посланы для поддержки нашей боевой группы, которая дралась на железной дороге. Чехословаки спустили эшелон с венграми под откос. По рассказам, здесь происходили ужасные вещи. Местные жители рассказывали, что

Р. И. Берзинь — командующий III советской армией в 1918 г.

даже тогда, когда эшелон уже сошел с рельсов, чехословаки все еще продолжали обстреливать его из пулеметов.

Там же мы узнали, что, хотя с нашей стороны железную дорогу и охраняют небольшие русские части, чехословаки пользуются полной свободой передвижения по ней, ограничиваемой единственно тем, что им самим приходится очищать путь от остатков разбитого венгерского эшелона.

Командир нашего полка решил остановиться на следующей за Михайловским Законом станции — Арасланово. Туда мы попали вечером 15 июля. Кругом был густой уральский лес, а в нем — станционное здание и будка сторожа. Только к югу простирался луг без деревьев, поросший высокой степной травой. Командование считало лес непроходимым.

Командир полка решил использовать луг для обороны и задержать здесь продвижение чехословаков вперед.

Выслали разведчиков, в числе которых был и я. Сначала мы поехали на бронепоезде. Проехав приблизительно 4 км, мы затем около 2 км прошли пешком. Без шума мы продвинулись почти до того места, где был спущен с рельсов венгерский эшелон. В то время, когда наши разведчики приблизились к этому месту, чехословаки расчищали путь для дальнейшего движения. Нас не так уж интересовало, что они делают на полотне, важнее было узнать, какие силы у них здесь сконцентрированы. Поэтому мы не ограничились наблюдением, а бросились в атаку. Выяснилось, что тех, кто расчищал путь, охраняла цепь чехословаков. Когда мы атаковали эту цепь в районе железной дороги, началась перестрелка. Судя по выстрелам, цепь простиралась на 2 км по обе стороны железной дороги. Это свидетельствовало о том, что у чехословаков здесь были большие силы.

Когда мы в следующий раз вышли разведать силы чехословаков, они открыли по нам артиллерийский шрапнельный огонь из бронепоезда. Следовательно, у чехословаков, как и у нас, имелась артиллерия, только у нас отсутствовали заряды (они стреляли из 76-миллиметровых орудий), да у них был не самодельный, а настоящий бронепоезд.

Возвратившись в эшелон, мы узнали предложенный командиром план обороны, по которому полк занял следующую позицию: слева от железной дороги, которая проходила по середине луга, была расположена 1-я рота, на самом железнодорожном полотне — 2-я рота, справа — 4-я и 5-я роты. Самодельный бронепоезд разъезжал по линии. Сам эшелон и штаб полка находились на станции, в 2 км от передовой.

Так мы простояли два дня. На второй день разведчики сообщили, что чехословаки кончили расчищать путь. Из этого командир заключил, что мы должны быть готовы встретить врага. Для того чтобы обезопасить фланги и тыл линии обороны, посылались заставы. Заставы назначались и ночью. В заставу на левом фланге попал также я.

Стоя на посту (а простоять мне пришлось всю ночь, так как командир взвода, активно участвовавший в наших разведывательных операциях, устал и заснул), я услышал в лесу приглушенный шум. Погода была ветреной, лил дождь, поэтому трудно было разобраться в причине

шума. Несмотря на эти обстоятельства, шум показался мне подозрительным.

Утром 18 июля, сменившись, я доложил об этом командиру взвода. Тот воспринял мое сообщение как шутку, но когда я, настаивая на своем, высказал подозрение в отношении чехословаков, он ограничился тем, что пообещал доложить о моих подозрениях командиру роты. Следует отметить, что на заре наш караул сменился.

Когда командир взвода доложил о подозрительном шуме ротному, тот развернул карту, внимательно разглядел окрестные участки на ней и повторил прежнее заключение командования о том, что лес справа и слева непроходим и что отсюда какое бы то ни было продвижение противника невозможно, а услышанное мною — посторонний шум.

Мое сообщение дошло, однако, до командира батальона Фридрихсона, но и он был одного мнения с ротным командиром, поэтому не обезопасил себя с флангов и не выслал туда разведчиков.

В ответ на эти действия командира я решил сам отправиться на разведку в ту сторону, откуда слышал шум. Пока я на складе снаряжался ручными гранатами, разведчики с фронта сообщили, что чехословаки начали наступление. Казалось бы, этот факт должен был побудить командира позаботиться об обеспечении флангов, однако он ничего не предпринял.

3-я рота и эшелон находились в резерве. В связи с донесением разведчиков командир решил выслать резервную роту на линию огня. Таким образом, сложилась следующая ситуация: впереди, в 2 км от станции, была выдвинута цепь из четырех рот, примерно в километре от цепи находилась резервная рота, а еще километром дальше находился штаб полка со всеми боеприпасами и пр. Наш эшелон остался под охраной конной разведки.

Последующее донесение разведки сообщало о том, что вместе с чехословаками, наступающими тремя цепями по обе стороны железной дороги, движется и бронепоезд. Затем началась перестрелка, так как первая цепь чехословаков уже вступила в бой с нашими передовыми частями.

Как раз в тот момент, когда командиру батальона сообщили, что первая цепь чехословаков разбита и что из лесу приближается вторая, мы слышали выстрелы в тылу, как раз оттуда, где находился эшелон. Выстрелы эти слышал и командир батальона, находившийся при резервной роте. Тут все поняли, что чехословаки через лес зашли нам в тыл. Это, однако, не произвело никакого впечатления на тех, кто находился на передовой линии. Редкие выстрелы, слышавшиеся в тылу, не заставили командира батальона опасаться того, что к нам в тыл попали сколько-нибудь значительные части чехословаков. Об этом свидетельствовал следующий факт: когда одновременно с услышанной в районе станции перестрелкой левый фланг 1-й роты сообщил, что чехословаки силами примерно одной роты нажимают на него с тыла, командир батальона не поспешил на помощь эшелону, а решил послать резервную роту на оборону левого фланга 1-й роты. Сделал он это, не проверив, что за перестрелка происходит в тылу. Пока резервная рота собиралась,

перестрелка в районе станции усилилась. Наш бронепоезд, находившийся на месте боя, направился обратно — очевидно, было сообщено, что станция подверглась атаке. Командир батальона тоже отдал какое-то распоряжение той части резервной роты, которая еще не успела перебежать на левый фланг 1-й роты. Два взвода, правда, не успевшие еще развернуться в цепь и вступить в бой, сконцентрировались для обороны левого фланга, однако один взвод отсутствовал. Очевидно, командир батальона послал его на станцию.

Через некоторое время, когда с фронта сообщили, что вторая цепь чехословаков уничтожена и в атаку пошла третья цепь, командир батальона получил со станции донесение о том, что с фланга эшелон атаковали чехословаки и что командир полка, находившийся в эшелоне, собрал всех поваров и других тыловиков, остававшихся в эшелоне, вооружил их чем попало и вместе с ними бросился отбивать атаку чехословаков. Командир полка в этом бою погиб. Погибли также многие из тех, кто был с ним, раненых взяли в плен. Эшелон же с помощью бронепоезда стал прорываться из окружения, в котором он оказался.

Эшелон, прорвав цепь чехословаков в тылу, под прикрытием бронепоезда полным ходом двинулся назад, два взвода резервной роты выдвинулись на фланг, не успев еще, однако, рассыпаться в цепь у опушки леса. Остальные роты вели бой с третьей атакующей цепью чехословаков.

В это время командир батальона получил с передовой сообщение о том, что не хватает патронов. Слышно было, как стрелки передают по цепи друг другу сообщение о нехватке патронов. Подносчики патронов из тыла сообщали, что запасы, находившиеся в эшелоне у станции, эвакуированы.

Положение было очень тяжелым. Приходилось вести бой со всех сторон, а патронов не было. Единственное, что оставалось, и то не у всех, — ручные гранаты, штыки и винтовки без патронов.

В этих условиях командир батальона решил отступать, пробиваясь из окружения. Ввиду того что чехословаки обошли нас слева, т. е. с востока, он решил пробиваться в противоположном направлении, и не вдоль железной дороги, а в сторону от нее. Вестовые, которые должны были сообщить об этом ротам, находившимся на линии обороны, едва успев сделать несколько шагов, погибли под пулями. Сколько вестовых батальонный командир ни посылал, результат был один и тот же. Наконец он сам сел на коня, решив объехать фронт, но добрался только до 1-й роты, когда под ним пал конь.

Командир полка погиб, батальонный командир, выполняя роль вестового, остался при 1-й роте. Что же делать? Резервная и 1-я роты, узнав о том, что следует отступать, стали отходить, но остальные, ничего не зная, продолжали вести бой. В первый момент это было даже очень хорошо, ибо 1-я и резервная роты отступали в направлении правого фланга. Однако, как только левое крыло фронта оголилось, чехословаки получили возможность атаковать с тыла наши роты, которые продолжали сражаться.

Отступавшие роты не имели никакого боевого задания — они только пытались как-нибудь пробиться. Часть нашей роты стала отступать лесом вдоль железной дороги на север. На каком-то пригорке мы увидели людей, однако, кто они, не знали. Стали подавать сигналы, кричать. Оттуда также ответили сигналами и криками. Мы решили, что это свои, и смело направились к ним. Чехословаки подпустили нас совсем близко, а затем открыли огонь из пулеметов. Остальные, увидев это, бросились левее, уже вдоль западной стороны железной дороги, чтобы там спастись из окружения.

Ввиду того что отступление не было организованным, получилось, что одна группа пыталась выйти из окружения в одном месте, вторая — в другом, а третья — в третьем.

То ли узнав об отступлении от первой роты, то ли сами по ходу боя оценив положение, роты на правом фланге тоже стали отходить. Одна группа отступала на восток от железной дороги, а две — на запад и, пробиваясь из окружения, повернули на север.

Когда мы снова собрались вместе, уже в ста километрах от места боя, оказалось, что из рядов полка выбиты многие. В первые дни неосчитывалось около 300 стрелков. Позднее, правда, многие пробившись из окружения и вернулись, однако большинство не возвратилось... Они сложили свои головы в бою за Советскую страну. Погибли и многие командиры.

Два наших тяжелых пулемета и 37-миллиметровое орудие достались чехословакам. В плен чехословаки тогда наших не брали, так что все отсутствовавшие в полку стрелки погибли либо были ранены и затем добиты, как об этом свидетельствовали отдельные товарищи, выбравшиеся из окружения уже после того, как бой кончился. Эти товарищи рассказывали, что на поле боя раненые просили не беспокоиться о них и при приближении чехословаков продолжали еще сопротивляться. Когда же не оставалось другого выхода, они подрывали себя ручными гранатами; остальных чехословаки закололи.

Все это свидетельствует о том, что стрелки дрались воистину героически, и именно поэтому рождается вопрос: почему полк был разбит? Из тех событий, которые мне известны и которые я осветил, вытекает, по моему, несколько причин поражения.

Первая из них — абсолютное превосходство сил противника. В то время как наших было 600 человек (включая Сарапульский и Тобольский отряды), чехословаков было куда больше. Уже одно то, что перед нашим приездом они разбили большую боевую группу, свидетельствует об их большом численном превосходстве. Об этом же говорит и широкое кольцо окружения. К тому же чехословаки взаимодействовали с казаками. Когда мы уже отступили на 25 км, то узнали, что в тылу, неподалеку от места боя, находятся 300 казаков. Как мы могли им противостоять, когда у нас не было ни единого патрона!

Один только перевес сил не обуславливал, конечно, неизбежность поражения. На помощь чехословакам пришло и другое обстоятельство: лесистая местность, позволявшая им использовать свое превосходство, для того чтобы незаметно обойти нас с флангов и окружить. Следует

упомянуть и третью причину — невнимательность командира (в отношении моего донесения) и главное — неумение, связанное с привычками позиционной войны, когда справа и слева расположены соседи и о флангах заботиться нет необходимости.

Все эти три причины создали такие условия, что нас сумели окружить, причем окружить незаметно.

Тем не менее, сам по себе факт окружения еще не был причиной разгрома полка. Здесь выдвигается еще одно обстоятельство: резерв, имевшийся в распоряжении полка, был слишком близко подтянут к передовой, он находился непосредственно в зоне огня и, не будучи еще введен в бой, уже понес потери. Вражеский огонь препятствовал маневрам резерва, которому очень трудно было передвигаться. Так, в тот момент, когда необходимо было повернуть резерв обратно, для того чтобы помешать врагу захватить наши боеприпасы, сделать этого нельзя было. Именно это неправильное использование резерва было причиной того, что чехословаки отогнали наших тыловиков с боеприпасами и заставили нас сражаться только штыками и ручными гранатами.

Все упомянутые обстоятельства заставили полк отступить, пробиваясь сквозь окружение. Однако неумение использовать во время отступления резерв, оставленный для обороны флангов, стоило нам больших потерь. Если бы заместитель командира полка использовал этот резерв, для того чтобы в определенном месте прорвать кольцо чехословаков, полк пострадал бы значительно меньше. Уже тот факт, что командир батальона сам отправился оповещать подразделения об отступлении, стал причиной неорганизованного отступления. Каждый пробивался из окружения как мог.

Как пробилась та группа, в которой был я? Собралось больше 20 человек. Из командиров не было никого — одни рядовые. Бросились в одном направлении — нас встретили огнем и мы увидели, что здесь не пробиться. Решили обратиться по оврагу. Сначала лесом, затем по холмистой местности и по оврагу, заросшему кустарником. Мы попытались пройти здесь, но в одном месте оказалась площадка, по обоим краям которой были установлены пулеметы. Первые из нашей группы, попытавшиеся перейти ее, были убиты. Таким образом, и здесь мы не могли выбраться. Однако кольцо сжималось все теснее, и выход необходимо было найти. Тогда какой-то товарищ, фамилии его не помню, взял на себя командование. Он выбрал двух стрелков, дал им ручные гранаты и поручил подобраться к пулемету на одном краю площадки и уничтожить его. Затем выбрал еще двух, также вооружил их ручными гранатами и поручил им уничтожить пулемет на другой стороне площадки. Группа остальных в это время должна была попытаться перебраться через площадку. Эти четверо действовали очень удачно. Правда, в пулеметы они не попали, но гранаты взорвались поблизости от них, и совершенно неожиданно пулеметчики, испугавшись, бросились в лес. На обеих сторонах площадки это произошло абсолютно одинаково. Тем временем наша группа успела проскочить площадку. Перебрались и те, кто бросал гранаты. Так наша группа под руководством выдвигнувшегося нового командира пробилась из окружения.

После боя 18 июля под Арасланово наш полк до середины августа по-прежнему находился на Уральском фронте, действуя вдоль железной дороги Кузино — Лысьва (между Екатеринбург и Пермью), участвовал в боях у станций Утка, Илим, Кын. В конце августа мы попали в Арзамас, в резерв Восточного фронта, а в начале ноября влились в 4-й латышский полк.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ БОЯ 6-ГО ТУКУМСКОГО ЛАТЫШСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА С КАЗАКАМИ И БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ У СТАНЦИИ АРАСЛАНОВО ЗАПАДНОУРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ 18 ИЮЛЯ 1918 ГОДА

В 11 часов 18 июля с застав было получено сообщение о том, что в лагере белогвардейцев наблюдается усиленное движение и что там что-то готовится.

В 12 часов того же дня секреты заметили концентрацию больших сил противника на флангах и появление бронепоезда. Под охраной бронепоезда противник исправил железнодорожную линию до наших застав.

Для того чтобы опередить противника и задержать его, а также с целью выяснить его замыслы с нашей стороны был выслан специальный поезд, защищенный мешками с песком. Столкнувшись с противником, этот поезд отступил на станцию Арасланово, где на одной платформе был установлен миномет.

Не успели мы привести все в готовность, как в час дня большие силы противника пошли в атаку. Основной удар был направлен на наш правый фланг. Латышские стрелки совместно с 80 стрелками Сарапульского отряда без труда отбили атаку, нанеся врагу большой урон.

Невзирая на эту неудачу, противник, полагая, что наш центр в результате укрепления флангов ослаблен, при поддержке фланговых частей и установленных на деревьях пулеметов возобновил стремительную атаку в центре, стремясь разгромить и рассеять наш полк.

Тем не менее благодаря отваге и бесстрашию, проявленным всеми стрелками, и особенно пулеметчиками и командирами, наступление противника было снова остановлено. Врагу был нанесен большой урон. Деревья, на которых были установлены пулеметы противника, мы смели своим огнем. Наш бронепоезд также блестяще выполнил свою задачу, не позволив вражескому бронепоезду приблизиться к нашим заставам, задерживая цепи противника до последней возможности, пока не была

ранена вся пулеметная прислуга и не погиб наводчик 37-миллиметрового траншейного орудия.

Одновременно с наступлением с фронта и флангов враг атаковал нас с тыла, из леса за станцией Арасланово, угрожая нашему арьергарду — команде конной разведки (60 человек). Не имея возможности сдерживать огромное превосходство сил, обстреливаемая со всех сторон, команда конной разведки не могла больше дожидаться дальнейших распоряжений и пробилась на станцию Михайловский Завод, сообщив об этом командиру полка.

Когда противник занял опушку, командир полка Герцберг отдал распоряжение двум пустым эшелонам, стоящим на станции Арасланово, отправиться без промедления и остановиться на 296-й версте, для того чтобы оказать помощь нашим раненым, а бронепоезду и 3-й роте приказал удерживать станцию. Однако враг успел уже под прикрытием густого леса подойти вплотную к станции и выбить из нее наших стрелков, заняв таким образом важный пункт в тылу. Телеграфная связь была прервана еще до нападения врага, а аппараты мы сами вовремя сняли и увезли. Когда неприятель занял станцию, оставалось только покинуть линию и отступить.

Окруженный со всех сторон, теснимый противником, полк вынужден был в беспорядке отступить, однако благодаря боевому духу командиров, нашему бесстрашию и предпринимаемым контратакам врагу не удалось помешать нам вывезти все военное снаряжение. Два пулемета, один пулеметный станок и 37-миллиметровое траншейное орудие (без замка) все же попали к нему в руки, так как вывезти их не было возможности. Часть полка (около 100 человек), не выходя ни на минуту из боя, пробилась сквозь вражеское кольцо на станцию Михайловский Завод, откуда поездом направилась на станцию Кузино.

Противник действовал в знакомой ему местности, был в избытке снаряжен военными материалами, атаковал крупными силами и под отличным руководством.

Когда полк, выйдя из боя под станцией Арасланово, стал группироваться верстах в 12 от нее, враг снова неожиданно пошел в наступление и заставил его рассеяться.

Мы эвакуировали станцию Михайловский Завод и подожгли склады. В 9 часов вечера того же дня, после того как была уничтожена железнодорожная линия и разрушены два моста, мы заметили на господствующих высотах у Сергинского завода казачий конный патруль — человек 6—8, которые разведывали местность и наблюдали за нами. Отступая, мы узнали от местных жителей, что противник послал 3 кавалерийских эскадрона в село Поташка (у Сергинского завода), для того чтобы отрезать нам дорогу на станцию Кузино.

Несмотря на неожиданные атаки противника и его численное превосходство, наши потери были невелики¹. В то же время противник бла-

¹ Утверждение командира Фридрихсона, будто потери Тукумского полка были невелики, противоречит сообщению А. Кронькална о том, что полк понес довольно большие потери. *Сост.*

годаря хорошему руководству наших командиров и героизму стрелков, стрелявших до последней возможности, пока пулеметы не отказали, потерпел огромный урон. Нам удалось перехватить телефонный разговор, из которого мы узнали, что противник не смог использовать свое превосходство только вследствие больших потерь как в командном, так и в рядовом составе.

Один из наших самоотверженных героев, командир полка Карл Герцберг, выполняя свой долг, остался на поле боя.

Командир 6-го Тукумского латышского стрелкового полка

Фридрихсон

Я. С. АДАМСОН,

бывш. командир роты Латышского стрелкового
полка особого назначения, в 1919 году —
заместитель командира 3-го полка на Латгальском фронте

БОЙ В РАЙОНЕ ПОВОРИНО И АЛЕКСИКОВО

Я. С. Адамсон — бывш. командир роты
Латышского стрелкового полка особого
назначения (снимок 1933 г.).

Латышский стрелковой полк особого назначения, в котором я командовал 1-й ротой, был сформирован весной 1918 года в Саратове. В октябре 1918 года полк пополнили специальными частями и перевели на станцию Поворино в распоряжение начальника 2-й Курской дивизии Ролько.

Утром 17 октября мы заняли позиции несколько восточнее железнодорожной станции Поворино. В тот же день мы перешли в наступление на станицу Дуплятскую и через несколько дней заняли ее.

Начальником участка Южного фронта был сначала назначен командир полка особого назначения Матисон, а позднее, с 25 октября, — командир 8-го латышского полка Штейн.

25 ноября мы стремительной атакой заняли станицу Орловскую, несмотря на то что белые сопротивлялись упорно. Успехи в боях под Дуплятской и Орловской поднимали наше настроение.

Вскоре наш полк получил приказ освободить узловую станцию Алексиково. Это ответственное задание добровольно вызвался выполнить я с 1-й ротой.

26 ноября в десять часов вечера мы отправились выполнять боевое задание. Противник долго молчал. От высланных разведчиков также не поступало конкретных сведений. Тогда, взяв с собой нескольких стрелков, я сам решил разведать расположение противника. Мы обнаружили его пулеметные гнезда и окопы.

Около полуночи мы в непродолжительной, но жаркой схватке разбили врага и прогнали его со станции Алексиково. Занять всю станцию мы не были в состоянии, так как штыков в роте насчитывалось немного, станция же была довольно большой, с двумя параллельными улицами.

На железнодорожных рельсах мы устроили различные заграждения, чтобы бронепоезд противника не мог подъехать к нам и обстрелять нас. Мы организовали круговую оборону — и не напрасно: в ночь на 27 ноября неоднократно пришлось отбивать контратаки противника.

Позднее нам говорили, что эта ночная атака в районе Алексиково была одной из первых подобного рода атак, проведенных Красной Армией. Ночной бой — сложный вид боя, и для достижения успеха в нем нужны хорошие, революционно настроенные войска. С такими небольшими силами, какие имелись в нашем распоряжении, в дневное время мы не смогли бы выполнить задание.

Утром следующего дня прибыли остальные две роты нашего полка — 2-я и 3-я, а также 8-й и 9-й латышские стрелковые полки. Однако наш полк особого назначения (всего один батальон), а также остальные два полка были весьма малочисленными.

Днем белые несколько раз пытались вернуть Алексиково, но безуспешно.

В этих местах белоказаки во главе с полковником Сытниковым не раз проникали в тыл частей Красной Армии. Так случилось и вечером 27 ноября: кавалерия белоказачков пробралась через участок 125-го стрелкового полка и заняла Дуплятскую, находившуюся в тылу нашей 3-й латышской бригады, командиру которой подчинялся полк особого назначения.

Вечером командиры рот были вызваны к командиру полка Матисону. Не успели они приступить к докладам, как явился представитель бригады и заявил нервным тоном, что противник прорвался в наши тылы. Он обещал, что завтра утром придут подкрепления — два батальона 120-го стрелкового полка, находившегося в Борисоглебске.

В связи с создавшимся сложным положением Матисон создал военный совет, на котором было решено на следующий день с боем отойти.

В целях обеспечения ближайшего тыла нашей группы 8-й латышский стрелковый полк из Алексиково был направлен в Орловскую. Обещанные два батальона утром не прибыли.

Однако, хотя в наш тыл прорвалась неприятельская конница и справа и слева от нас не было ни одной нашей части, если не считать 125-й стрелковый полк, который не оказывал противнику сопротивления, начальник 2-й Курской дивизии Ролько (ему подчинялась 3-я латышская бригада) приказал продолжать наступление в направлении города Урюпинска. За отдачу этого ошибочного приказа Ролько был предан суду военно-революционного трибунала.

Утром 28 ноября в нашем тылу у Орловской завязался горячий бой. На 8-й латышский стрелковый полк двинулись вражеские колонны. Вначале 8-й полк принял их за свежие батальоны, которые должны были прийти нам на помощь, но когда эти войска подошли ближе, стало ясно, что это колонна казаков. Разгорелась жестокая схватка.

Группа стрелков 9-го латышского стрелкового полка. Поворино, конец 1918 г.

В распоряжении 8-го латышского стрелкового полка была морская пушка системы Маклена, снаряды которой, так же как и патроны у «максима», находились в лентах. Этими снарядами мы отлично обрабатывали боевые цепи белоказаков.

Противник одновременно начал наступление еще с двух сторон: по Царицынской железной дороге на нас двигался бронепоезд, а с юга Алексиково атаковала вражеская конница.

На помощь 8-му полку был послан 9-й латышский стрелковый полк, а также 2-я и 3-я роты нашего полка. В Алексиково осталась лишь одна моя 1-я рота. Мы сражались как могли. Один взвод направил свой огонь против бронепоезда и цепей белой пехоты, наступавшей со стороны Царицына, а два остальных отражали натиск вражеских кавалеристов, стремившихся ворваться в Алексиково с юга. Большую поддержку оказывал нам своими двумя орудиями артиллерийский взвод, оставленный при роте.

У Орловской между тем продолжался бой. Связи с находившимися там войсками у нас не было, и никаких подробностей боя мы не знали.

Вдруг я заметил, что мои артиллеристы больше не стреляют. Я отправился к ним и увидел, что артиллерийский взвод, оставив по-

зиции, уходит. Командир полка Матисон, не сказав ни слова, тоже усккал в направлении Орловской.

Я приказал взводу, сражавшемуся с южной стороны, занять позиции между Алексиково и Орловской и прикрывать отступление остальных наших взводов. Мы отошли до Орловской. Там выяснилось, что 8-й и затем 9-й латышские стрелковые полки вырвались из окружения.

Две роты нашего полка, посланные на помощь 9-му полку, продолжали бой с противником. У 2-й роты был выведен из строя пулемет, а перед 3-й ротой казаки уже размахивали шашками, ожидая, когда рота поднимется, чтобы пустить их в ход.

Видя это, моя 1-я рота дала по казакам несколько залпов и отогнала их. Мы подобрали раненых и отошли в Орловскую, которую вскоре также пришлось оставить.

Наша 1-я батарея, которая пыталась одна вырваться из окружения, сделать этого не сумела. Командир батареи Сакенфелд попросил помощи. Я послал полуроту стрелков, которая помогла батарее отразить противника и присоединиться к полку. Вместе с батареей нам было значительно «веселее». Батарея стреляла хорошо. Мчавшиеся во весь опор казачьи кони, испуганные разрывами снарядов, становились на дыбы и валились наземь вместе с всадниками. Благодаря поддержке артиллерии, сознательной железной дисциплине стрелков и их точным залпам все атаки врага были отбиты.

Большой бой разгорелся также у станицы Дуплятской, где концентрировались резервы противника. И здесь атаки врага были отбиты. Наш полк, выйдя из окружения последним, все же прорвал кольцо смерти, нанеся врагу тяжелый урон.

Вечером 28 ноября мы подошли к станции Поворино. Проходя наши прежние окопы, мы увидели прибывшие только что два батальона, которые мы ждали утром.

Я построил роты в колонну. Несмотря на тяжелые бои и потери (в последние дни в небольшом нашем трехротном коллективе было 23 убитых, 39 раненых и 21 пропавший без вести), полк был боеспособен, настроение было приподнятым. С пением латышских и русских революционных песен полк отправился на отдых.

После непродолжительного отдыха наш особый полк получил распоряжение главнокомандующего армией Вацетиса направиться на Латвийский фронт. Полк встретил этот приказ с воодушевлением и восторгом. Наш путь в Латвию лежал через Москву.

В ночь на 1 января 1919 года мы выехали из Москвы, готовые к боям за освобождение родной Латвии.

В. Ю. ПАВАР,

бывш. начальник пулеметной команды,
позднее — помощник командира 5-го
особого латышского полка

5-Й ОСОБЫЙ (БЫВШ. 5-Й ЗЕМГАЛЬСКИЙ) ЛАТЫШСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК В БОЯХ 1917—1918 ГГ.

В. Ю. Павар — помощник командира
5-го особого латышского полка.

После кровопролитных боев в декабре 1916 и январе 1917 года на Рижском фронте 5-й Земгальский латышский стрелковый полк занимал оборонительные позиции в районе Пулеметной горки. Боев не было. Происходили только перестрелка и стычки разведчиков. Каждый день регулярно, почти в одно и то же время, немецкая артиллерия обстреливала наши окопы и ближние тылы. Наша артиллерия вела ответный огонь, хотя и слабее немецкого, так как снарядов у немцев было больше. В некоторых местах наши окопы подходили очень близко к немецким. Наши и немецкие сторожевые посты разделяло всего около 100 метров или даже меньше. Часовые хорошо видели друг друга, но не стреляли.

На Рижском фронте у немцев было мало сил, так как часть войск была переброшена против французов под Верден, где шли ожесточенные бои. Наши войска в декабрьских и

январских боях понесли тяжелые потери и были морально подавлены боевыми неудачами и затянувшейся войной.

Во внутренней жизни государства свершились крупные перемены: царь был свергнут — произошла Февральская революция.

Солдаты больше не хотели воевать, организовывали митинги, братались с немецкими солдатами. Латышские стрелки были революционно настроены, находились в боевой готовности, но отказывались идти в наступление, требуя покончить с надоевшей всем затянувшейся войной. На

фронте и в тылу росло недовольство Временным правительством. Контрреволюционный штаб XII армии, поддержанный меньшевиками и эсерами, пытался расформировать революционные латышские и сибирские полки, однако этому помешали протесты солдатских комитетов на фронте и отношение рабочих в тылу. В июле в Петрограде состоялась демонстрация рабочих и солдат, требовавшая передать всю власть Советам. Приближалась Октябрьская революция. Контрреволюция мобилизовала все свои силы, для того чтобы удушить революцию.

Используя обстоятельства, сложившиеся в тылу, и ослабление фронта, немцы решили захватить Ригу и двинуться на Петроград. Этот стратегический план немцев, создававший возможность задушить центр революции, отвечал также замыслам русских контрреволюционеров. Штаб XII армии знал о намерениях немцев, но не препятствовал их осуществлению, скорее даже помогая врагу. В июле по «стратегическим» соображениям наши войска оставили плацдарм «Навессала» («Остров смерти») у Икшкиле, удерживавшийся в течение почти двух лет и обильно политый кровью наших солдат. С занятием этой важной укрепленной позиции немцы получили удобную переправу через Даугаву у Икшкиле. С этого участка наше командование сняло значительную часть тяжелой и легкой артиллерии, а также несколько пехотных полков.

Ранним утром 19 августа 1917 года немцы, перегруппировав свои силы, открыли ураганный артиллерийский огонь по линиям русских окопов у переправы через Даугаву под Икшкиле. Русская артиллерия, ослабленная незадолго до этого, была не в состоянии отразить артиллерийскую атаку немцев. Уничтожив артиллерийским огнем русские окопы и их защитников, немцы к полудню почти без потерь переправились через Даугаву у Икшкиле и развили свое наступление через лес в направлении Псковского шоссе и Юглы на Ригу.

Командование XII армии, решив отдать Ригу, приказало войскам отступить с Рижского взморья и Рижского плацдарма к Югласкому мосту. Полкам 2-й латышской бригады, стоявшей в резерве у Юглы, было приказано занять оборонительные позиции у реки Малая Югла и задержать наступление немецких войск, чтобы обеспечить отступление из Риги войск XII армии, которым угрожало окружение. 1-я латышская бригада занимала позиции у Олайне и вела упорные бои с немцами. Отступив от Олайне и заняв позиции у Малой Юглы, 1-я бригада отражала атаки немцев, а позднее заняла оборонительные позиции у Инчукална, прикрывая отступление транспортных средств и артиллерии XII армии.

5-й Земгальский латышский стрелковый полк находился в центре 2-й бригады на самом ответственном участке обороны у Скрипты и в течение 19—20 августа при незначительной поддержке артиллерии (а позднее — и вовсе без нее, так как кончились снаряды) отражал непрерывные яростные атаки немцев. Полк понес огромные потери, но полученное задание — спасти войска XII армии от окружения — выполнил. Полком командовал полковник И. И. Вациетис, позднее, в 1918 и 1919 гг., — верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР.

Латышские стрелки дрались самоотверженно, пренебрегая опасностью,

не жалея своей жизни. Атаки немцев они отбивали гранатами, штыками и прикладами. Перед окопами полка росла гряда немецких трупов.

Выполнив свое задание и потеряв в боях ранеными и убитыми большую часть солдат и офицеров, 5-й Земгальский латышский стрелковый полк под вечер 20 августа отступил в направлении реки Большая Югла — Аллажи. Немецкая армия вошла в Ригу 21 августа. Латышские полки заняли оборонительные позиции на линии Лигатне — Айнажи, для того чтобы закрыть немецкой армии дорогу на Петроград.

5-й Земгальский латышский стрелковый полк, как наиболее пострадавший в боях, перевели в Нитауре в резерв. За бои 19—20 августа в полку было награждено георгиевскими крестами более 600 солдат и 20 офицеров, в том числе и я как офицер пулеметной команды. Это было неслыханное количество наград одновременно в одном полку.

После сдачи Риги немцам командование штаба XII армии и Искосол, где большинство составляли эсеры и меньшевики, полностью утратили доверие и авторитет в солдатских массах, в то время как авторитет низших войсковых комитетов возрос. В латышских полках фактически распоряжался руководимый большевиками Исколастрел, который завоевывал доверие стрелков и призывал их на борьбу с контрреволюцией, за Советскую власть.

В КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Известие о победе Октябрьской революции, аресте Временного правительства и создании рабоче-крестьянского Советского правительства во главе с В. И. Лениным было восторженно воспринято в латышских полках. Высшие офицеры удрали, но основная масса солдат и офицеров выразила доверие и поддержку Советскому правительству.

После отказа Троцкого подписать мирный договор в Брест-Литовске Германия нарушила перемирие и германская армия перешла в наступление. Развалившаяся старая царская армия была не в состоянии сопротивляться наступлению германской армии. Латышские стрелки вместе с русскими солдатами в феврале 1918 года с боями отступили в Советскую Россию, чтобы продолжать там борьбу за Советскую власть. Латышские стрелки отлично сознавали, что без Советской России не может быть Советской Латвии.

После того как Латвия была оккупирована немцами, латышские полки были размещены в разных городах Советской России. В это время происходила демобилизация частей старой русской армии; на добровольных началах они реорганизовывались в соединения Красной Армии.

В феврале 1918 года после отступления из Латвии (Валки) на Псков — Новгород — Великие Луки 5-й Земгальский латышский стрелковый полк был переброшен в город Бологое для демобилизации и реорганизации в войсковую часть Красной Армии. Вместе с полком ушел и я, избранный после Октябрьской революции начальником пулеметной команды «кольтов».

В Бологом параллельно с демобилизацией старого 5-го Земгальского латышского стрелкового полка из добровольцев организовывался новый 5-й Земгальский латышский коммунистический отряд Красной гвардии.

В отряд добровольно вступили почти все стрелки 5-го Земгальского латышского стрелкового полка и революционно настроенные младшие офицеры. Кадровых офицеров в полку уже почти не было. После Октябрьской революции они покинули полк и перешли на сторону белых. Я был назначен начальником пулеметной команды отряда. Командиром отряда был Александр Ремер, командир 1-го батальона 5-го Земгальского латышского стрелкового полка.

В это время во многих городах вспыхнули различные контрреволюционные мятежи и вооруженные восстания белогвардейцев, а в деревнях и селах — кулацкие восстания. Непокойно было и в Бологом, представлявшем собой значительный железнодорожный узел, где организовывался и комплектовался наш красновардейский отряд. Нам часто приходилось с оружием в руках восстанавливать революционный порядок то в самом городе, то в его окрестностях.

Красновардейцы нашего отряда патрулировали в городе и охраняли советские учреждения. Весной 1918 года в Осташкове произошло спровоцированное и организованное эсерами и белогвардейцами вооруженное восстание. Для ликвидации мятежа был послан специальный отряд под командованием Ремера. Отряд состоял из нескольких рот красновардейцев и пулеметной команды.

Белогвардейцы были хорошо вооружены и яростно сопротивлялись нашему отряду. Перестрелка продолжалась несколько дней, однако наш отряд окружил и уничтожил всю банду, вожаки которой понесли заслуженное наказание. Восстановив революционный порядок в Осташкове, наш отряд вернулся снова в Бологое.

1 апреля 1918 года 5-й Земгальский латышский коммунистический отряд Красной гвардии был переименован в 5-й Земгальский латышский стрелковый советский полк Красной Армии. Командиром полка назначили бывшего капитана, командира батальона Яниса Бриедиса. Меня назначили начальником пулеметной команды полка. 13 апреля 1918 года была сформирована Латышская стрелковая советская дивизия. Начальником дивизии был назначен Иоаким Вацетис, бывший командир 5-го Земгальского латышского полка, пользовавшийся среди стрелков большим авторитетом.

Я. Я. Грегор — командир 5-го особого латышского полка.

В середине июля 1918 года 5-й Земгальский латышский стрелковый советский полк был переименован в 5-й латышский стрелковый советский полк.

ПРОТИВ БЕЛОЧЕХОСЛОВАКОВ

В середине июля 1918 года 5-й латышский стрелковый советский полк направили из Бологого на Восточный фронт против бывших чехословацких военнопленных и белогвардейцев, восставших против Советской власти. Командующим Восточным фронтом был назначен Иоаким Вацетис.

Штаб Восточного фронта находился в Казани, куда 20 июля прибыл и 5-й латышский стрелковый советский полк. Полк вошел в город стройными рядами с оркестром, под звуки боевого марша. Он был хорошо вооружен и обмундирован, все командиры и бойцы были ветеранами многих сражений. Его сплоченность основывалась на боевых традициях и сознательной революционной дисциплине. Трудящиеся города встретили приход полка с радостью и восторгом, среди буржуев и белогвардейцев его появление породило удивление и страх.

В городе было полно белогвардейских офицеров, юнкеров и кадетов. Красных войск в городе было мало. Поспешно созданные отряды из коммунистов и рабочих были плохо вооружены.

В полку имелись две пулеметные команды — «максимов» и «кольтов». Командующий Восточным фронтом И. И. Вацетис хорошо знал личный состав и боеспособность полка. Он оставил полк непосредственно в своем распоряжении, приказав оборонять город. Наступление белочехословаков на Казань ожидалось со стороны Волги, с кораблей. 5-й латышский полк расположился в городе, занял пароходную пристань у Волги и подступы к городу, организовал охрану штаба Восточного фронта, Государственного банка и государственных учреждений. Атмосфера в городе была очень напряженной. Улицы были безлюдны. Часто имели место различные провокационные выходы: белогвардейцы стреляли из подвалов и особняков, происходили грабежи, поджоги и т. п. Командование спешно создавало и обучало новые отряды из коммунистов и рабочих. Не хватало оружия и боеприпасов. Ждали подкрепления, однако на молодую Советскую Россию враги наседали со всех сторон, а войск было мало и на помощь нам послать было некого.

Вечером 5 августа хорошо вооруженные части чехословаков и белогвардейцев на судах по Волге подплыли к Казани и пытались высадить десант, но контратакой 5-го латышского полка десант был отброшен и потерял много убитыми, ранеными и пленными. Остальные, погрузившись на пароходы, бежали, обстреливаемые нашей флотилией.

Рано утром 6 августа флотилии белых удалось высадить десант на обоих берегах Волги у Нижнего Услона. Около десяти часов утра была занята пароходная пристань, а высаженный десант начал наступление на город в направлении вокзала. Приблизительно в полдень белые заняли возвышенность Верхний Услон и стали артиллерией обстреливать

центр города и штаб командующего Восточным фронтом И. И. Вациетиса в гостинице Щетинкина.

В казанском кремле размещался Интернациональный батальон, сформированный из пленных сербов. Белогвардейцам удалось распространять пропаганду и спровоцировать их. Неожиданно для нас сербы перешли на сторону белых и предательски открыли из кремля огонь по нашим войскам, причинив нам большой ущерб. Латышские стрелки дрались с необыкновенным мужеством и выдержкой, но силы были слишком неравными. Нам не хватало поддержки артиллерии. В начале боя с нашей стороны участвовало несколько пушек, но, исчерпав боеприпасы, и они замолкли. У белочехов артиллерии было много.

Командование Восточным фронтом отдало приказ эвакуировать Государственный банк, советские учреждения, склады и штаб фронта...

5-му латышскому полку доверили эвакуацию Государственного банка, где были сконцентрированы большие запасы золота. Эвакуация банка производилась буквально под огнем белогвардейцев, и мы успели спасти лишь небольшую часть золота.

Стрелки под командованием командира пулеметного взвода Яниса Берзиня, отражая огнем натиск белогвардейцев, погрузили в две паровозные платформы кожаные мешки с золотом и другими ценностями, а также государственные денежные знаки и, отстреливаясь, доставили их к Волге на пароходную пристань. Охраняемый вооруженным отрядом под командованием Яниса Берзиня, пароход доставил по Волге ценный груз в надежное место. Успешно выполнив задание, Янис Берзинь со своим отрядом вернулся в полк, где его ждала заслуженная благодарность командования.

После двухдневных кровопролитных боев 5 и 6 августа нам пришлось с боями отступить из Казани. 6 августа к 5 часам вечера город покинули все войсковые части Красной Армии, за исключением штаба командующего Восточным фронтом Вациетиса и 5-го латышского полка. Отдельные группы этого полка вместе с командующим с наступлением темноты прорвались из окружения и под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника переправились по мосту, а также на плотках и лодках через реку Казанку и в ночь с 6 на 7 августа отступили из Казани.

Помню, что в эту ночь была буря и сильный ливень. Гремел гром. Молнии освещали улицы и окна домов, откуда белогвардейцы стреляли

Я. Я. Лундер — комиссар 5-го особого латышского полка.

по нам из винтовок и револьверов. Хозяйственная команда полка, а также группа бойцов и штабных работников вместе с командиром полка Янисом Бриедисом не вышли из окружения и были взяты в плен. В результате упорных боев дальнейшее продвижение белочехословаков и белогвардейцев было задержано. Враг понес большие потери, время было выиграно. Войска красных получили подкрепление, и вскоре белых изгнали из Казани.

В ШТАБЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

За бои под Казанью ВЦИК наградил 5-й латышский стрелковый советский полк первым в Красной Армии Революционным почетным красным знаменем; многие командиры и бойцы получили ценные подарки.

Штаб Восточного фронта в конце августа переместился в город Арзамас, а вместе с ним для охраны города и поддержания в нем революционного порядка туда отправился 5-й латышский полк, который должен был там переформироваться и доукомплектоваться после понесенных тяжелых потерь. Полк укомплектовался в основном из добровольцев, а командный состав — из солдат и унтер-офицеров бывшего 5-го Земгальского полка. Командиром полка вместо сдавшегося в плен Яниса Бриедиса был назначен бывший командир батальона Янис Грегор, а комиссаром Янис Лундер. Полк был переименован в 5-й латышский особый полк.

В Арзамасе полк получил технику и вооружение. Были сформированы полковая батарея и взвод конной разведки, организована музыкантская команда, укреплены транспортное хозяйство и полковые мастерские. Все подразделения были пополнены опытными командирами, в короткий срок обучены молодые бойцы.

В сентябре 1918 года командующий Восточным фронтом И. И. Вацетис был назначен верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами РСФСР. В штабе Восточного фронта в Арзамасе сформировался полевой штаб верховного главнокомандующего, который затем переместился в город Серпухов. В октябре 1918 года за штабом в Серпухов последовал и 5-й латышский особый полк для охраны штаба главнокома и несения гарнизонной службы в городе и его окрестностях. Из рядов 5-го латышского особого полка был выделен целиком весь командный состав (начиная от командира полка до командиров взводов включительно — всего около 40 человек) для формируемого нового 5-го полка, который непосредственно вошел в состав Латышской стрелковой советской дивизии вместо нашего 5-го латышского особого полка (бывшего 5-го Земгальского). Немало командиров из 5-го латышского особого полка было взято и в полевой штаб верховного главнокомандующего в городе Серпухове.

Весной 1919 года полевой штаб верховного главнокомандующего переместился в Москву, а за ним вскоре последовал и 5-й латышский особый полк. В Москве он охранял Кремль и правительственные учреждения, а также Реввоенсовет Республики.

Э. А. УЛМИС,
бывш. латышский стрелок

В СТРОЮ СТРЕЛКОВ

О Февральской революции 1917 года нам, стрелкам Латышского запасного стрелкового полка, стоявшего у кокмуйжских «Силупитес», официально сообщили только через несколько дней. В нашей солдатской жизни ничего не изменилось и все текло по-старому. До отъезда роты на фронт, т. е. до конца апреля, состоялось каких-нибудь 2—3 ротных собрания. Как-то раз в марте все размещенные в окрестностях Валмиеры роты были собраны в городе на площади перед зданием воинского начальника, где выслушали выступление какого-то члена Государственной думы и других. Ораторы рассказывали о свершившейся революции и требовали строгого соблюдения дисциплины, сознательного исполнения служебных обязанностей и готовности завоевать победу в войне.

Если после Февральской революции мы думали, что война скоро кончится и мы попадем домой, то теперь каждый понял, что Временное правительство не думает об окончании войны. Это раздосадовало всех нас и породило скрытую внутреннюю ненависть к Временному правительству.

1 мая 1917 года я провел в Риге, на улицах которой было полно трудового люда с красными знаменами. На следующий день я попал на позиции 1-й роты 1-го Даугавгривского латышского стрелкового полка близ Кекавы. Здесь я узнал о том, что стрелки решительно настроены против разорительной войны и требуют мира. Часто происходило братание с немцами. Один из самых активных участников братания был арестован и направлен в Даугавпилс. Для того чтобы помешать братанию, по приказу офицеров наша артиллерия открывала огонь.

Большое значение в нашей жизни имела резолюция, принятая 17 мая 1917 года, в которой стрелки формулировали свои политические воззрения, намечали направление дальнейших действий в борьбе против Вре-

Э. А. Улмис.

менного правительства, против активной обороны, за мир, самоопределение народов, за Советы стрелков, солдат и крестьян...

Газеты «Циня», «Бривайс стрелниекс» и «Окопная Правда», которые мы с увлечением читали, разъясняли нам Апрельские тезисы В. И. Ленина, задачи, поставленные VI съездом РСДРП и XIII конференцией Социал-демократии Латышского края, а также Валмиерским съездом безземельных.

Прессу буржуазии и ее агентов стрелки бойкотировали. С каждым днем стрелки начинали все больше думать и рассуждать о происходящем, ибо каждый день был полон событий политической борьбы.

Полк получил приказ выступить из Риги на позиции в районе Олайне, для того чтобы перейти в наступление. Однако стрелки категорически отказались идти в наступление. 18 июня полк вышел на фронт, но по пути остановился и стал совещаться. Лишь на следующий день полк пошел на позиции с условием, что сменит 2-й Рижский латышский стрелковый полк, но в наступление не пойдет.

Контрреволюционное командование армии не могло смириться с таким настроением стрелков и делало все для того, чтобы заставить их идти в наступление. Для того чтобы воодушевить стрелков или, в противном случае, спровоцировать их и создать тем самым повод для расформирования полка, в районе артиллерийских позиций нашего полка были расположены женский батальон и «батальон смерти». Эти батальоны никогда не стояли на передовой линии, так как были сформированы для борьбы с революцией. Стрелки, понимая положение, не поддались на провокацию, поддерживали тесную связь с Исколастрелом и стоящими рядом полками сибирских стрелков и были готовы нанести ответный удар силам контрреволюции.

Стрелкам было известно, что немцы собираются занять Ригу. Мысль о том, что придется потерять Ригу, которую мы любили, как родную мать, казалась нам ужасной.

Мы были полны решимости Ригу ни за что не отдавать. Тем не менее, ранним утром 19 августа мы получили сообщение, что под Икшкиле большие силы немцев переправляются через Даугаву и нам приказано отступить в Ригу.

Было ясно, что нет смысла не отступать, так как в противном случае мы попали бы в плен к немцам и это пошло бы на пользу контрреволюционным силам, которые обвинили бы нас в предательстве, а сами в то же время избавились бы от революционных стрелков.

Собравшись у штаба полка часов в семь-восемь, мы стали отступать. Немцы заметили это и начали обстреливать нас из орудий.

Вечером, с наступлением сумерек, мы перешли старый понтонный мост через Даугаву и, не останавливаясь в Риге, свернули по Московской улице. Некоторые стрелки-рижане остались в городе.

К полуночи, уставшие, мы заняли позиции на правом берегу Даугавы, но уже утром 20 августа вынуждены были отступить вдоль восточного берега озера Юглас в направлении Робажи—Инчукалн. Мы кляли генералов и прочих предателей.

После того как наступление немцев было приостановлено, позиции нашего полка находились в районе Сигулды—Лигатне, а 1-я рота занимала вначале позицию против Лорупского оврага близ Сигулды на высоте между шоссе и железной дорогами.

Мне удалось на несколько дней уехать на хутор «Журины» Озолской волости Валмиерского уезда, где мой отец был батраком у самого крупного в волости кулака Э. Залитиса.

Не успел я явиться, как отец стал меня упрекать: я, дескать, только катаюсь, воевать не желаю, хлеб даром ем и т. д. Я понял, что это были слова, сказанные под влиянием агитации его и бывшего моего хозяина. Отец уже позабыл, как зимой 1905 года он был вызван в волостное правление, где казаки вытолкали его за участие в сходке.

Слова отца были для меня неожиданными и оскорбительными. Я отвечал, что защищать мне нечего, да и завоевать я тоже ничего не могу, — почему же я должен проливать кровь и идти на смерть ради таких людей, как его хозяин, а если уж он хочет воевать, то пусть простится сейчас же с семьей и идет со мной. Отец, никогда не служивший в армии, испугался такого поворота разговора и отказался от дальнейших попыток говорить о войне.

Для того чтобы ликвидировать действие хозяйской агитации, я без ведома отца выписал на его адрес наш «Бривайс стрелниекс». Эту газету он получал вплоть до начала германской оккупации. Позднее, ранней весной 1919 года, он вместе с несколькими батраками своей волости участвовал в отражении нападения эстонских белогвардейцев.

По дороге обратно в полк я встретил стрелков, которым было поручено подготовить в тылу квартиры для отдыха Латышского стрелкового полка. Вероятно, осуществлялся замысел контрреволюционных сил: отвести полки в тыл, там их разоружить, расформировать, демобилизовать и отдать под суд. Стрелки разгадали эту хитрость и отказались от отдыха, оставшись на позициях.

Под вечер 26 октября я с еще одним стрелком были посланы связными в полковой комитет. Там мы и узнали о событиях в Петрограде.

Дожливым утром 27 октября мы отправились в Цесис и явились туда под вечер. Туда же прибыли стрелки 3-го Курземского полка. С наступлением сумерек в цесисской церкви состоялся митинг, на котором мы узнали об установлении Советской власти и о наших задачах.

Мы были рады тому, что В. И. Ленин доверил нам выполнение столь важного задания — воспрепятствовать посылке Керенским войск на Петроград. Мы разоружали и не пропускали в Петроград как целые эшелоны, так и отдельных солдат, которые пытались провезти с собой оружие и снаряжение. Выполняли мы и некоторые другие задания.

Контрреволюция не хотела примириться с установлением Советской власти и стала активизироваться. Корпус белополяков Довбор-Мусницкого, заняв Рогачев, двигался на Могилев.

15 января 1918 года мы выехали из Цесиса на Могилев и дальше — на Старый Быхов, а оттуда стали наступать правым берегом Днепра в направлении Рогачева. После взятия Рогачева и короткого отдыха мы отправились по железной дороге на станцию Речица, расположенную на

правом берегу Днепра, западнее Гомеля, а затем в Гомель, где нагрузили продуктами с военных складов несколько эшелонов и отправили их в Москву.

Из Гомеля через Брянск и Орел мы поехали в Москву. 27 марта 1918 года мы прибыли в Москву и расположились: штаб полка и 1-й батальон — на Большой Царицынской, № 13, а остальные батальоны — в других местах.

2 апреля была произведена реорганизация полка в связи с созданием Красной Армии. Полк был переименован в 1-й латышский стрелковый советский полк. В Москве мы выполняли различные задания, в частности разоружали анархистов, а также повышали свою боеспособность.

Вечером 6 июля (по новому стилю), когда мы собрались отметить традиционный латышский праздник — Иванов день, стрелкам было приказано быстро собраться и весь полк в полной боевой готовности направился на исходные позиции для атаки на взбунтовавшуюся левоэсеровскую часть Попова и ее штаб в Трехсвятительском переулке. 7 июля, атакуя штаб Попова вдоль берега Москвы-реки, мы с самого утра ликвидировали несколько постов, разведчиков и даже штабных работников мятежников. Пустив в ход пушки и пулеметы, мы сумели подавить мятеж в тот же день.

В это время против Советской власти восстали обманутые контрреволюционными офицерами солдаты чехословацкого корпуса, занявшие Самару, Сызрань, Симбирск и Казань. В Казани находился золотой фонд нашего молодого Советского государства, эвакуированный из Москвы. 6 августа мы выехали из Москвы в Казань и уже 9 августа прибыли на станцию Свияжск. Покинув эшелон, мы прошагали через город и заняли позиции на правом фланге казанского участка фронта.

Бои шли на правом берегу Волги близ возвышенностей Нижний и Верхний Услон и деревни Юматово. Сплошной линии фронта не было, и чехословаки не раз бродили по нашим тылам. Так, однажды ночью они атаковали Свияжск, и только благодаря бдительности наших обозных их удалось отбить. Бои были ожесточенными, и мы часто перегруппировывались. Как-то вечером с заходом солнца чехословаки окружили нас в Нижнем Усломе — отступать нам было некуда. За нами была матушка-Волга, по которой еще несколько часов тому назад мы плыли на лодке с комиссаром полка, проверявшим, нет ли на левом берегу врага. Стрелки, в том числе личный состав хозяйственной части, который также всегда был в боевой готовности, не только отбили нападение чехословаков, но и обратили их в бегство.

В одну из темных ночей не вернулся из разведки стрелок 1-й роты, вооруженный единственным в роте пулеметом «люйс», который мы захватили в штабе левоэсеровских мятежников в Москве. На следующий день мы нашли этого стрелка: лицо его и грудь были исколоты штыками. Неподалеку мы обнаружили и наш старый трофейный «люйс». У могилы геройски погибшего боевого товарища стрелки поклялись отомстить за его смерть и не складывать оружия до тех пор, пока Советская страна не будет освобождена от врагов трудящихся.

Вскоре была освобождена Казань и стрелки с пристани Черный Яр на шести пароходах отправились вниз по Волге. Последнюю ночь плыли при потушенных огнях, так как у Симбирска на левом берегу стояли чехословаки. Спустившись немного ниже Симбирска, наши пароходы ранним утром пристали к левому берегу, где была большая деревня. Наши разведчики застали врасплох чехословаков, занимавших ее, и те стали поспешно отступать.

Изготовившись к бою, мы перешли в наступление. Под вечер после нескольких стычек чехословаки перешли в контрнаступление. Завязался ожесточенный бой. Наши артиллеристы проявили в этом бою особый героизм. Со своими 76-миллиметровыми полевыми орудиями они находились в одной цепи вместе со стрелками, некоторые орудия были выдвинуты перед цепью. Одержав победу в этом бою, мы стали неотступно и быстро преследовать врага.

В середине ноября пришла весть о Ноябрьской революции в Германии. Погрузившись на одной из станций Самарской губернии в эшелоны, мы направились на Псков. Отсюда мы начали борьбу за освобождение Латвии от немецкой оккупации.

Ф. А. РИЕКСТ (РИЕКСТЫНЬ),

бывш. командир 2-го латышского
стрелкового советского полка и
1-й бригады Латышской дивизии

ИЗ БОЕВОГО ПУТИ 2-ГО ЛАТЫШСКОГО СТРЕЛКОВОГО СОВЕТСКОГО ПОЛКА

После Октябрьского переворота 2-й Рижский латышский полк стоял сначала около станции Иерики (Рамонька), а затем — в Валке. Под руководством Исколастрела полковой и ротные комитеты осуществляли демократизацию полка.

Наступление немцев в феврале 1918 года застало нас в Валке. Большинство бывших офицеров полка отказались служить Советской власти и бросили стрелков на произвол судьбы. Мало того, многие из них агитировали стрелков не покидать территорию Латвии и не эвакуироваться в глубь Советской России. Однако их агитация не имела успеха. Перед приходом немецких войск в Валку полковой комитет и немногие оставшиеся бывшие офицеры организовали эвакуацию стрелков в Советскую Россию. Полк был разбит на три группы. Одна, основная, насчитывавшая около 1250 стрелков и несколько офицеров, отправилась по железной дороге в Москву. Другая, в составе 160 стрелков, попала в Вологду. И, наконец, третья, самая маленькая группа (70 стрелков) эвакуировалась в Рыбинск. Небольшие группы стрелков (человек по 10—20) уходили от немцев сами.

Еще до революции я в чине штабс-капитана командовал ротой. После Октября стрелки оказали мне доверие и оставили ротным командиром. Я эвакуировался с главной группой. Вместе с 1250 стрелками осталось всего 6 бывших офицеров. Полковой комитет назначил меня начальником эшелона, а начальником хозяйственной части — бывшего поручика Пелита. Наш эшелон через Москву проследовал в Рязань, где и остановился. Но там мы находились недолго: пришла срочная телеграмма командующего Московским военным округом с приказом возвратиться в Москву в его распоряжение. 3 марта 1918 года мы были в Москве. На вокзале нас встретил военком Москвы Я. Пиече и дал указание расположиться в здании бывшего Александровского военного училища около Арбатской площади. Под звуки полкового оркестра, с песнями, стрелки прошли по улицам Москвы. На нас с тротуара глазели толпы обывателей, удивляясь, откуда в городе появилась большая регулярная воинская часть. Прибыв на место, стрелки расквартировались в пустовавшем здании.

Общее собрание стрелков, созданное полковым комитетом, избрало для командования полком коллегию из 3 бывших офицеров: штабс-капитана Риекста, поручика Пелита и подпоручика Аглока. Были переизбраны также батальонные и ротные командиры.

В первую очередь мы разослали по многим городам и станциям телеграммы с сообщением о том, что отставшие стрелки 2-го латышского полка должны прибыть в Москву и присоединиться к нам. Рыбинская группа из 70 стрелков сообщила о присоединении к полку, но временно оставалась в городе в распоряжении местного Совета. Вологодская группа образовала отдельный Особый латышский стрелковый батальон Красной Армии, который позднее влился в состав 9-го латышского полка.

В марте мы произвели переформирование старого 2-го Рижского латышского полка в регулярную часть Красной Армии, которая стала называться 2-м латышским советским полком. 27 марта переформирование нашего полка было завершено и общее собрание стрелков избрало меня командиром полка. Полковым адъютантом стал Штраус, начальником хозяйственной части — Пелит. Батальонными и ротными командирами выбрали младших офицеров. Вначале в полк записалось около 600 человек, но ежедневно к нам присоединялись все новые и новые стрелки.

Первой задачей, поставленной перед полком, была охрана московской электростанции и государственных складов. В первых числах апреля 1918 года 2-й латышский полк должен был выполнить уже более серьезное задание: участвовать в разгроме банд анархистов в Москве.

В первые месяцы после Октябрьского переворота органы Советской власти терпеливо относились к деятельности анархистов, которые кичились своей революционностью и «заслугами» перед революцией. Но время шло и становилось совершенно ясно, что различные организации и клубы анархистов превратились в притоны уголовных элементов и контрреволюционеров. В Москве анархисты захватили в центре города лучшие особняки, превратив их в свои опорные пункты. Там создавались склады оружия и награбленного имущества. Банды анархистов терроризовали население и открыто проявляли враждебность к Советской власти. В апреле 1918 года Советское правительство дало указание уничтожить эти гнезда контрреволюции, чтобы укрепить в Москве революционный порядок.

11 апреля я был вызван к председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому, к которому также явились многие командиры Красной Армии. Нам разъяснили создавшуюся в городе обстановку в связи с контрреволюционной деятельностью анархистов и поставили задачу разгромить их банды. В операции должны были участвовать отряды ВЧК и латышские стрелковые полки. 2-му латышскому полку поручили ликвидировать гнезда анархистов на Поварской, дом 9. Выступление полка было назначено на 12 апреля в 6 часов утра.

Предварительно я отправился в разведку к занятому анархистами особняку по ул. Поварской. Незаметно я подошел к нему. Оказалось, что он охранялся, а входы и окна были забаррикадированы тяжелой мебелью. У больших металлических ворот стоял вооруженный часовой.

Изучив подходы к особняку и его расположение, я разработал план операции и, возвратившись в полк, ознакомил с ним ротных командиров.

В 6 часов утра две роты стрелков 2-го полка с одним горным орудием незаметно окружили особняк анархистов. Я лично вручил часовому письменный ультиматум с требованием сдаться через 5 минут всем находящимся в доме анархистам. Но как только часовой получил ультиматум, из окон особняка раздались выстрелы. Укрывшиеся вокруг особняка стрелки также открыли огонь. Перестрелка грозила затянуться. Тогда я принял решение пустить в ход артиллерию. Прозвучал орудийный выстрел, второй, третий... Из окон особняка посыпались стекла и рамы, во все стороны полетели кирпичи от фасада. После пяти выстрелов я приказал прекратить огонь. Для анархистов этого было вполне достаточно. Из окна особняка показалось белое полотенце. Стрелки не заставили себя ждать, стремительно бросились вперед и заняли здание. Тщательно обыскав все комнаты, мы задержали около 30 анархистов, большей частью бывших моряков. Почти у всех из них были по два нагана или кольта, а также ручные гранаты. В особняке было обнаружено много всякого оружия, патронов и груды награбленного добра. Арестованные были переданы коменданту Московского Кремля П. Д. Малькову.

Услышав довольно интенсивную перестрелку в районе ул. Малой Дмитровки, мы поспешили туда на помощь стрелкам 4-го латышского полка. Оказалось, что они встретили серьезное сопротивление со стороны анархистов, засевших в доме «Анархия». Анархисты имели даже одно горное орудие, установленное у подъезда, и несколько пулеметов. Стрелкам 4-го латышского полка пришлось также пустить в ход артиллерию. Первыми выстрелами орудие анархистов было сбито, последующие снаряды попали в фасад особняка. Еще несколько снарядов — и сопротивление анархистов было сломлено. Наш приход ускорил завершение операции. В доме «Анархия» на Малой Дмитровке, № 6 был найден огромный склад различного оружия. В подвале дома были обнаружены большие запасы продовольствия.

К 2 часам дня 12 апреля разоружение анархистов по всему городу было успешно закончено, все гнезда контрреволюции ликвидированы.

На долю 2-го латышского полка выпала также честь принимать участие в разгроме мятежа левых эсеров.

6 июля 1918 года с утра полк жил обычной будничной жизнью. Из 931 человека личного состава в казармах находилось 409 стрелков. Из этого числа около роты было выделено для охраны Большого театра, где происходил 5-й Всероссийский съезд Советов. Часть стрелков несла караульную службу, до половины личного состава полка находилось в Рыбинске и на станции Митяково. В течение дня 6 июля мы еще ничего не знали о начавшемся мятеже левых эсеров, об убийстве германского посла Мирбаха, захвате эсерами здания ВЧК. Только вечером в 10 часов в Ходынские казармы, где стоял наш полк, прибыли комиссар Латышской дивизии К. А. Петерсон и известный партийный деятель Ю. К. Данишевский, которые сообщили, что левые эсеры выступили против Советской власти, их отряды захватили центральную почту и телеграф, зда-

Броневи́к 2-го латышского стрелкового полка, Москва, Александровское училище, 1918 г.

ние ВЧК и другие пункты, арестованы Дзержинский, Лацис, Смидович и другие. Петерсон и Данишевский призвали нас быть готовыми к выступлению против левозэсеровских авантюристов. Они подчеркнули, что сейчас, как никогда, нужна революционная бдительность и преданность Советской власти, и выразили надежду, что латышские стрелки с честью оправдают возложенные на них надежды.

Вечером пришел приказ от начальника Латышской дивизии И. И. Вацетиса. В приказе указывалось, что 2-му латышскому полку надлежит в полном боевом порядке маршем направиться из Ходынских казарм к центру Москвы и на рассвете 7 июля сосредоточиться на Страстной площади, откуда начать движение по бульварному кольцу к зданию телеграфа; овладев им, продолжать наступление и взять Покровские казармы.

Для подавления мятежа были созданы две группы частей Красной Армии, подавляющее большинство которых составляли латышские полки. Первой группой руководил начальник 1-й латышской бригады Дудынь, меня назначили руководителем второй группы. В нее, помимо 2-го латышского полка, должны были входить батарея 1-й резервной советской бригады, 1-я батарея советских инструкторских курсов и две бронемашины. Однако они в боевых действиях вместе с полком не участвовали.

Несмотря на позднее время, 2-й латышский полк был приведен в боевую готовность и без промедления выступил из казарм в сторону центра. На месте осталась часть стрелков для несения охраны.

На Страстную площадь мы прибыли около 2—3 часов утра. Командный пункт полка разместился у памятника Пушкину. Затем полк начал двигаться по Садовому бульвару в сторону здания почты и телеграфа. Разведчики донесли, что мятежники захватили почту и телеграф и укрепились там. Я отдал приказ одной роте отправиться к зданию почты по окружным переулкам, чтобы отрезать противнику пути отхода. Вместе с комиссаром Бриедисом и во главе остальных рот в предрассветной мгле мы бегом двинулись к зданию главной почты. Противник при нашем приближении открыл огонь из винтовок и пулеметов. Но стрелки смело продолжали двигаться вперед, используя для прикрытия подъезды и углы домов.

Гранатометчики подобрались к пулеметному гнезду мятежников, расположенному у входа в здание и забросали его гранатами. Пулемет противника умолк, взрыв разбил также забаррикадированную дверь здания. Мятежники стали выбегать во двор и пытались на автомашинах ближайшими переулками уехать, но дорогу им преградили стрелки, которые пошли в обход. Мятежникам пришлось сдаться.

В здании почты и телеграфа 2-й полк захватил довольно много оружия и боеприпасов. У аппарата валялся телеграфный бланк с телеграммой эсеров, в которой они призывали население не исполнять приказов Ленина и Свердлова. Теперь авторы этой телеграммы стояли во дворе под надежной охраной стрелков и боязливо оглядывались по сторонам. Песенка этих авантюристов была спета.

После взятия почты и телеграфа 2-й полк овладел Покровскими казармами, тем самым полностью выполнив боевой приказ начальника Латышской дивизии И. И. Вацетиса.

Тем временем 1-й латышский полк подошел к штабу мятежников, расположенному в особняке купца Морозова, и подготовился к атаке. Артиллеристы 1-го легкого артиллерийского дивизиона под командованием Э. П. Берзиня подкатили орудие к церкви, находившейся напротив штаба, и открыли огонь прямой наводкой. Мятежники не выдержали и начали в панике разбегаться. Бросившийся в атаку 1-й латышский полк завершил разгром основного гнезда левых эсеров. К полудню контрреволюционный мятеж в Москве был ликвидирован. Во 2-м полку было 2 убитых и 6 раненых. За участие в организации разгрома мятежа президиум V Чрезвычайного съезда Советов и Комиссариат по военным делам объявил мне и другим командирам латышских частей, участвовавших в операции, благодарность.

Тревожным было лето 1918 года. Вокруг молодой Советской республики все туже затягивалось кольцо вражеских сил, поддерживавшихся империалистами Антанты. Вспыхивали один за другим контрреволюционные мятежи. В июле 1918 года правые эсеры захватили Ярославль, надеясь соединиться с англо-французским десантом на севере страны. Мятеж подготовил ярый враг Советской власти Б. Савинков, пользовавшийся поддержкой Антанты. Непосредственно мятежом руководил бывший царский полковник Перхуров. Среди руководителей мятежа были и некоторые латышские буржуазные националисты (бывшие офицеры Гоппер, Пинка и другие). Против контрреволюционеров были двинуты

проверенные в боях части Красной Армии. Из Петрограда под Ярославль прибыл 6-й латышский полк. Был также получен приказ об отправке одного батальона 2-го латышского полка. В Ярославль выехало около 350 стрелков, которые прямо из эшелона двинулись в бой с белогвардейцами. Противник упорно сопротивлялся, часто возникали рукопашные схватки. В результате многодневных боев сопротивление мятежников было сломлено и остатки их банды захвачены в плен.

В Ярославле бесславно окончили свою жизнь бывшие офицеры 2-го полка буржуазные националисты Скрабе и Рубис, которые находились в рядах мятежников. Эти господа еще в дни Октябрьской революции пытались склонить стрелков против Советов, а позднее бежали из полка.

После подавления ярославского мятежа 2-й латышский полк участвовал в боях против белочехов на Восточном фронте, а также поддерживал революционный порядок во многих городах вокруг Москвы.

Осенью 1918 года 2-й латышский стрелковый полк получил почетное и ответственное задание — нести охрану резиденции правительства в Кремле. Охрана Кремля была сопряжена с утомительной караульной службой, частыми проверками, ночными и дневными тревогами. Стрелков полка привлекали также для выполнения ответственных заданий вне Кремля.

Так прошло несколько месяцев. Стрелки рвались на фронт, чтобы сражаться с врагами Советской республики. 6 января 1919 года 2-й латышский полк прибыл в Латвию, где принял активное участие в борьбе против белогвардейцев за рабоче-крестьянскую власть.

Я. Е. ШТЕЙН,

бывш. командир 3-й бригады
Латышской дивизии

3-я БРИГАДА ЛАТЫШСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. Е. Штейн.

После Февральской революции, в начале марта 1917 года, я прибыл в Валмиеру в Латышский стрелковый резервный полк, куда и был зачислен после многочисленных ранений. Меня назначили командиром 1-й роты (раньше я был командиром батальона).

Революция коснулась также Латышского стрелкового запасного полка. Организовался полковой комитет, начали действовать революционные политические группировки. Меня не привели в восторг малоценные достижения Февральской революции, которые, по моим политическим представлениям, ничего значительного не могли дать трудовому народу. Я вступил в ряды революционных латышских стрелков. Работал в полковом комитете как избранный представитель роты. Верил, что придет другая, более могучая революция, и жаждал, чтобы стрел-

ки стали знаменосцами и авангардом этой новой революции.

Рига попала в руки врага. Фронт немецкой армии все глубже вдавался в Видземе. Запасной полк переместился в Тарту. Вскоре полк начали расформировывать. Большинство его стрелков отправилось в глубь России. В начале 1918 года я оставил Тарту и направился в город Рыбинск.

В Рыбинске я связался с бывшими латышскими стрелками. Часть стрелков уже присоединилась к рядам защитников Великого Октября в разных местах. Мой путь вел в том же направлении.

23 февраля 1918 года родилась Красная Армия. Новое Советское правительство издало приказ о создании вооруженных сил для защиты завоеваний Октября. Я был одним из тех офицеров старой армии, которые чувствовали, что наступил момент, когда можно служить трудовому народу.

Сознание, что я, сын плотовщика, прежний пастушонок, каменщик, лодочник с Даугавы, наконец, закаленный воин, смогу вложить и свой вклад в дело организации Красной Армии, меня окрыляло. Я послал письменное заявление Советскому правительству в Москву. Другого пути я не знал.

Вскоре меня вызвал в Москву товарищ Вацетис. Иоакима Вацетиса, бывшего командира 5-го Земгальского полка, я знал еще со времени пребывания в двухлетней офицерской школе (1905—1906), когда он там работал военным преподавателем. И хотя с тех пор прошло много лет, он помнил своих бывших воспитанников. Мое заявление попало в его руки.

Товарищ Вацетис предоставил мне счастливую возможность лично познакомиться с Владимиром Ильичем Лениным. Простота, сердечность В. И. Ленина и обаяние, которые трудно описать, сделали его великим в моих глазах. Великая, исключительная личность! Вацетис сказал что-то Ленину обо мне. Владимир Ильич стремительным движением повернулся ко мне, протянул руку, пристально посмотрел мне в глаза и сказал: «Ну, что ж! Желаю удачи». Эти несколько слов вызвали во мне огромную энергию и веру в новую эпоху, от которой когда-нибудь начнут считать новую эру.

Согласно полученному в Москве распоряжению, я направился в Бологое. Там и начался мой путь красного командира. В Бологом находился 8-й латышский стрелковый полк. Прибыв туда, я старался целиком выполнить все распоряжения, полученные в Москве, по организации полка, чтобы превратить его в достойную часть молодой Красной Армии.

Сначала я был помощником командира полка и одновременно руководителем полковой школы. Устава армии не было. Мне предложили переработать старый устав для временного использования в латышских стрелковых полках. Нужно было составить также соответствующую программу для полковых школ. Эти школы заменили учебные команды старой армии, которые готовили низший командный состав — унтер-офицеров. Составленная мною программа была утверждена приказом главнокомандующего и рекомендована для использования в полковых школах.

Летом 1918 года Советская Россия очутилась в огненном кольце гражданской войны. В Архангельске высадились иностранные интервенты, намеревавшиеся двинуться в центр Советской России и объединиться с другими контрреволюционными бандами. Советской власти необходимо было создать надежную преграду, чтобы задержать и ликвидировать продвижение интервентов. Для выполнения этого задания Советское правительство избрало 8-й латышский стрелковый полк. Полк перевели из Бологого в Вологду. Меня назначили командиром полка и вызвали в Москву, где я получил нужные инструкции. Вернувшись из

Москвы, я приступил к организации в Вологде и ее окрестностях оборонительных пунктов.

Большим помощником в работе был полковой комитет, который помогал воспитывать революционное сознание стрелков, улаживать хозяйственные и административные осложнения, укреплять военную дисциплину и развивать боеспособность полка. С похвалой следует упомянуть председателя полкового комитета Янсона, который позднее пал в бою на Южном фронте.

В середине лета 1918 года в Ярославле вспыхнул организованный контрреволюционерами мятеж против Советской власти. В состав руководителей мятежников входили также полковники царской армии — Перхуров и латыш Гоппер, который впоследствии стал генералом в армии буржуазной Латвии. Мятеж разрастался вширь. Для его ликвидации нужно было срочно направить проверенные части Красной Армии. Из 8-го латышского стрелкового полка в Ярославль были посланы один батальон стрелков и взвод пулеметчиков под командованием Петерсона. В упорных боях латышские стрелки совместно с другими частями Красной Армии подавили белогвардейский мятеж. Петерсон в одном из боев был серьезно ранен. Латышские стрелки заслужили благодарность за верность и героизм в ликвидации контрреволюционного мятежа.

Осенью 1918 года 8-й полк участвовал уже в более суровых боях на Южном фронте. Полки контрреволюционных царских генералов — Деникина и Краснова — упорно ломались в центральные районы советского государства. На некоторых участках Южного фронта сложилась весьма напряженная ситуация: наше военное командование утратило там боевую инициативу. Создавшееся положение враг использовал в своих интересах. Следовало действовать оперативно: нужно было мобилизовать все силы для контрудара.

Меня вызвали в Москву к главнокомандующему Вацетису. Обсудив обстоятельства, верховное командование решило, что 8-му латышскому стрелковому полку надлежит направиться в район города Борисоглебска, куда уже приближались контрреволюционные банды Краснова.

5 октября 8-й латышский стрелковый полк оставил Вологду. К вечеру 16 октября мы прибыли в район станции Поворино за Борисоглебском. В Поворино находился штаб 3-й латышской стрелковой бригады. Бригадой командовал некий Бухманис, тоже офицер старой армии. Я со своим полком поступил в его распоряжение. Уже поздно вечером я получил боевой приказ: на другой день, т. е. утром 17 октября, перейти в стремительное контрнаступление в направлении станции Косарка. Там противник сконцентрировал крупные силы для дальнейшего удара в направлении Борисоглебск — Тамбов. Срочно необходимо было расстроить планы противника и разбить его. Для этого наше командование создало ударную группу, основу которой составляла 3-я латышская бригада. В ночь на 17 октября 8-й полк подготовился к бою. Тем же самым боевым приказом я был назначен командиром атакующей колонны. Под мое командование были переданы также один русский пехотный полк, кавалерийский эскадрон, артиллерийская батарея, саперная рота и санитарный обоз. Слева от нас шла вторая такая же боевая атакующая колонна. Обе

Группа командиров и комиссаров Витебского латышского кавалерийского полка. 1918 г.

колонны разделяла линия Царицынской, ныне Волгоградской, железной дороги.

17 октября утром с восходом солнца мы пошли в наступление. В районе станции Косарка завязался упорный бой. Противник был силен. Но, несмотря на это, 8-й и 9-й латышские стрелковые полки значительно подорвали его силы. Противник потерял много солдат и офицеров. Однако и в рядах 8-го латышского стрелкового полка была пробита чувствительная брешь. Смертью героя пали мой помощник Петерсон и восемь стрелков. От тяжелого ранения скончался председатель полкового комитета Янсон. Полковой комитет в полном составе сражался в первых рядах, показывая стрелкам достойный пример. У меня ступня правой ноги, перебитая осколком гранаты, мокла в окровавленном сапоге, однако я остался в строю. В этом же бою участвовала в качестве санитарки и моя младшая сестра Антония, которая работала прямо на линии огня, вынося оттуда раненых стрелков и делая им перевязки.

На следующий же день после боя 17 октября я получил телеграмму из штаба главнокомандующего, в которой указывалось, что я назначен командиром 3-й латышской стрелковой бригады (бригада включала 7-й, 8-й и 9-й латышские стрелковые полки, артиллерийский дивизион, саперную роту, роту связи, транспорт боеприпасов и снабжения, состав штаба и др.; 7-й полк находился в непосредственном распоряжении главнокомандующего). Одновременно второй телеграммой мне сообщили, что, оставляя на прежней должности, меня одновременно назначают коман-

дующим Особой ударной группы Красной Армии Южного фронта. 3-й бригаде были приданы Латышский стрелковый полк особого назначения, два русских пехотных полка, два кавалерийских полка (Витебский латышский кавалерийский полк, Донской казачий полк и Пензенский латышский кавалерийский эскадрон), два броневика и целый ряд мелких тыловых частей.

Ударная группа в октябре — декабре 1918 года вела упорные наступательные и оборонительные бои в районе Косарка — Алексиково.

Фронт ударной группы иногда достигал 20 километров, ибо из-за слабости соседей (справа — группы Лотоцкого, слева — группы Сиверса) приходилось в самые острые моменты боев прикрывать часть их фронта силами ударной группы. Это необходимо было делать для того, чтобы противник не мог использовать слабые места и не проник в тыл ударной группы. В бою 26 ноября ему это частично удалось, когда подразделения Лотоцкого отошли на 30 километров назад и полностью оголили правое крыло ударной группы. В образовавшуюся брешь прорвалась в наш тыл сотня белоказаков, которую наши пулеметчики рассеяли метким огнем.

После упорных боев 24, 25 и 26 ноября 3-я латышская бригада отошла на недельный отдых. Мы расположились между станцией Поворино и Борисоглебском. Штаб бригады был перемещен из района станции Самодуровка в окрестности станции Звегинцево. Остальные силы группы разместились в соответствии с директивами верховного командования по боевым участкам. Во время отхода мы получили известие, что находившиеся под моим командованием бойцы ударной группы Южного фронта за прошедший бой получили денежную награду в размере месячного жалования.

Во второй половине декабря я получил распоряжение направиться вместе с бригадой в Советскую Латвию и поступить в распоряжение командующего латвийской армейской группы. В начале января 1919 года я со штабом 3-й латышской бригады явился в Даугавпилс, а 13 января 1919 года прибыл в Ригу. В соответствии с распоряжением Военного комиссариата Советской Латвии я принял под свое командование все воинские части, находившиеся в Риге и в Даугавгривской крепости, и в течение некоторого времени был, таким образом, начальником Рижского гарнизона.

26 января вместе со штабом бригады, саперной ротой и ротой связи я переехал в Валмиеру. Полки бригады и другие воинские части уже втянулись в бои на Видземском фронте. Фронт бригады протянулся от Валки до Айнажи. На этом фронте приходилось сражаться главным образом против эстонских и финских белогвардейцев. Сформированная в Тарту так называемая Северолатвийская бригада, или бригада Земигана, солдаты которой часто симпатизировали нам, «красным», большой роли в этих боях не играла. Переход большей части этой бригады на нашу сторону был только вопросом времени. Но события на Курземском фронте и последовавшее затем падение Риги свели на нет наши успехи на фронте. В тылу бригады со стороны Даугавы рвался вперед враг. Последовало распоряжение командования оставить занятую территорию и отступить.

А. А. БИТОВТ,
бывш. красноармеец
28-й стрелковой дивизии

В. М. АЗИНЬ

В. М. Азинь — командир 28-й стрелковой дивизии.

Моя первая встреча с Азиным произошла в августе 1918 года в боях под Казанью, на левом берегу Волги.

Незадолго до этого произошли следующие события: я командовал небольшим отрядом (величиной с роту) под названием «III Интернационал» (это название отряд получил от сформированного в городе Скопине, Рязанской области полка им. III Интернационала, из которого он был выделен). В июле 1918 года мой отряд был прикомандирован к продкомиссару Шлихтеру и вместе с ним направлен из Москвы на железнодорожную линию Казань—Екатеринбург для заготовки хлеба. В этом отдаленном районе сохранились богатые запасы хлеба. Местами необмолоченные скирды (местные жители их называли «кабанами») стояли долгое время, и после разъяснительной работы о серьезности положения местное население добровольно поставляло государству свои запасы. Ежедневно в Москву направлялись эшелоны хлеба.

В то время, когда отправка хлеба уже была налажена и эшелоны с зерном непрерывным потоком шли в столицу Советского государства, в начале августа 1918 года мятежники чехословацкого корпуса и белогвардейцы захватили Казань и путь для вывоза хлеба в Москву был перерезан.

Продкомиссар Шлихтер вызвал меня к себе в вагон и, объяснив создавшееся положение, указал, что моему отряду надлежит немедленно направиться в сторону Казани, чтобы принять участие в боях с бело-

гвардейцами, а он попытается доставить хлеб по другим дорогам, возможно, севернее — по реке Каме.

В тот же день мой отряд был отправлен по железной дороге из района Вятские Поляны к Казани. По дороге на одной из станций я встретил отступившие из Казани подразделения Вацетиса. Они дали моему отряду часть вооружения и одну пушку на платформе, которую прицепили к моему эшелону, хотя артиллеристов в отряде не было. Мы продвигались по железной дороге до тех пор, пока паровоз не наткнулся на разобранный участок пути и не сошел с рельсов. Это произошло на последнем перегоне перед Казанью. Отряд высадился. Обстановка была совершенно неясной. Карт не было. Ориентироваться пришлось по железнодорожной линии и сведениям, полученным от местных жителей. Но инициативные командиры и бойцы с прекрасными боевыми качествами, которыми в то время отличались добровольческие отряды Красной Армии, быстро освоились с новыми условиями боевой ситуации и отбили патрули противника. Вскоре стали прибывать новые отряды Красной Армии, и восточнее Казани на левом берегу Волги создавалась значительная группировка сил.

Одним из первых прибыл к Казани сформированный в городе Вятке отряд во главе с Азиным. Этот отряд был величиной с батальон и имел хорошо подготовленный командный состав. Дисциплина и высокие боевые качества резко выделяли его среди других отрядов. Отряд Азиня занял позиции фронта в самом важном направлении, контролируя магистральную грунтовую дорогу, которая вела из Казани на восток. Мой отряд занял позицию левее — против водокачки. Создалась необходимость объединить все группировки левого берега под единым командованием. Командование поручили Азиню, который уже с первых дней появления на фронте благодаря своим исключительным боевым качествам показал себя командиром, способным поддержать в красноармейцах высокий революционный и боевой дух.

Я посетил Азиня на первый или на второй день после его прибытия под Казань, чтобы познакомиться с ним и согласовать боевые задания. Он находился на западной окраине деревни, где расположился его штаб. Западнее на холмах занимал позиции его отряд. В штабе наблюдалось большое оживление. Азинь, находясь во дворе усадьбы, отдавал разные распоряжения. Чувствовалась живая, деятельная обстановка.

Мы договорились, что Азинь скоро прибудет ко мне в отряд. Я не успел еще выехать из расположения отряда Азиня, как внезапно началась атака нескольких бронемашин белых, выдвинувшихся по дороге из Казани. Завязался тяжелый бой. Для отряда Азиня это было неожиданностью и первым боевым крещением. Броневой бой в отряде не было. Азинь был в сильном возбуждении, и напряжение его нервной системы в этом бою было, видимо, так велико, что после отражения атаки (атака была отбита огнем артиллерии прямой наводкой) он в полном изнеможении уселся на обочине дороги. Подъехавший ординарец посадил его на лошадь и увез в штаб.

В районе расположения моего отряда Азинь побывал несколько раз. Его внимание привлекла башня водокачки, против которой занимал по-

зии мой отряд. Водокачка была сильным опорным пунктом противника с оборудованными блиндажами и проволочными заграждениями, с наблюдательным пунктом на башне, откуда противник мог хорошо наблюдать за нашими позициями. Во время атак на этот опорный пункт отряд нес тяжелые потери, особенно в командном составе. В одной из этих атак был убит командир взвода — латыш (фамилии я не помню). Во время атаки этот еще совсем молодой командир лежал в цепи в трех-четыре шагах левее меня. Как только он немного приподнялся, чтобы отдать команду взводу, его ранило в голову. С наступлением сумерек бойцы отряда разыскивали на поле боя его труп и похоронили.

9 сентября мы начали новую атаку этого опорного пункта, но под сильным оружейным и пулеметным огнем пришлось залечь у проволочного заграждения противника и ждать наступления темноты. Только ночной атакой удалось наконец занять высоту с водокачкой и с рассветом беспрепятственно продолжать продвижение на Казань.

В это же время отряд Азиня с востока прорвал фронт противника и быстрым переходом на рассвете достиг Казани, где мы встретились. После разгрома белых в Казани все отряды были направлены по железной дороге Казань — Екатеринбург на восток, где началось формирование 2-й сводной дивизии под командованием Азиня.

Мой отряд соединился с 1-м Полтавским полком, а меня лично Азинь вскоре взял к себе для специальных поручений. Войска дивизии без промедления перешли в наступление на Сарапул, а штаб и база дивизии расположились в вагонах на станции Агрыз. С этого времени я мог наблюдать за жизнью и деятельностью Азиня как в штабе, так и во многих боях.

Командир дивизии Азинь был одним из тех замечательных командиров Красной Армии, которые, обладая высокими политико-моральными качествами, сочетали в себе силу воли и личный героизм.

Азинь был высококультурным человеком. Крепко сложенный, среднего роста, с тонкими, правильными и приятными чертами лица, он в обычных условиях разговаривал спокойно и непринужденно, иногда шутил и звонко смеялся. Всегда вдумчиво выслушивал бойцов и командиров и, не вдаваясь в спор, коротко давал свои заключения и указания. При обнаружении неполадок он был вспыльчив. В этих случаях делал несколько резких, громких замечаний и, нахмурившись, уходил, но я не помню случая, чтобы виноватый был жестоко наказан. К белогвардейцам же он был беспощаден и суров.

Приходилось поражаться необычной энергии и подвижности командира Азиня. Он находился в действии почти без отдыха. Еще задолго до рассвета он выезжал из штаба на фронт, иногда в сопровождении меня, начальника артиллерии Гундорина или командира кавалерийского полка Турчанинова. На фронте он бывал всюду, и большей частью среди бойцов передовой линии. Когда к вечеру боевые действия прекращались и были отданы все нужные распоряжения, он возвращался в штаб, быстро входил в свое купе и приказывал вызвать к аппарату командира армии. Разговор со штабом армии обычно продолжался несколько часов, так

как командующий II армией Шорин любил подробно расспрашивать о всех происшествиях дня и давал также подробные указания. Азинь, хотя и усталый, всегда говорил бодро и иногда даже шутил. Так, например, когда командир армии спросил, как он использовал присланных на пополнение мобилизованных бывших офицеров, Азинь шутя ответил: «Утопил в Каме», — и громко засмеялся. Переговоры с руководством армии кончались уже за полночь. Затем следовал скудный ужин и короткий отдых. И опять ранний выезд на фронт по бездорожью, лесам в ненастье.

Азинь часто повторял: «Сейчас нужно воевать, а не заниматься посторонними делами». Это означало, что необходимо проявлять большую активность в разгроме белогвардейцев. Его самым горячим желанием было наступать и беспощадно громить белогвардейские банды. С величайшим вниманием относился Азинь к политико-воспитательной работе в дивизии. Дивизия славилась высокими боевыми качествами, сплоченностью и непоколебимой преданностью делу рабочих и крестьян. Примером служил сам Азинь. Говорили, что туда, где появляется Азинь, прибывает еще одна дивизия. Бойцы дивизии хорошо его знали и ценили, так как он всегда умел внушать уверенность в победе над врагом.

Вспоминаю такой случай: в дивизию прибыл первый комиссар дивизии товарищ Кузьмин. Вначале комиссар неотлучно находился при Азине и всюду сопровождал его. По-видимому, он так понимал свои обязанности. В разговоре со мной Азинь высказался, что ему кажется странным, что комиссар все время находится при нем и не занимается партийными организациями в частях, которые очень нуждаются в его помощи. Аналогичный разговор произошел у него вскоре и с самим комиссаром дивизии. На следующий день комиссар дивизии уже самостоятельно выехал в части дивизии и, видимо, нашел там достаточно полезной работы, так как впредь его в штабе видели редко. Был создан политический аппарат дивизии, в подразделениях образовались партийные ячейки, широко развернулась агитационная работа, даже самолет, находившийся на аэродроме у ст. Агрыз, был использован для сбрасывания листовок в районе Ижевска над позициями противника.

Штаба дивизии в полном смысле этого слова фактически не было. Он состоял из нескольких человек: начальника связи, коменданта, двух писарей и меня как лица для особых поручений (адъютанта), выполнявшего все оперативные обязанности. При штабе находились узел связи и комендантская команда. Поэтому основную тяжесть по управлению частями взял на себя сам Азинь.

Еще под Казанью Азиню была выдана крупная сумма денег (около миллиона рублей). Эти деньги находились в седельной сумке его ординарца. При закупках у местного населения брались квитанции, которые вместе с другими документами укладывались в другую кобуру седла. С прибытием в Агрыз в штаб был взят счетовод, которому Азинь поручил составить отчет на израсходованные деньги. Этот счетовод с большой тщательностью подобрал документы и составил отчет. Азинь постоянно интересовался его работой. В этом было видно его чувство ответственности за доверенные ему материальные ценности.

Наступление на Сарапул и взятие этого района происходили под непосредственным руководством Азиня. Это была его первая крупная операция, и он приложил много усилий для ее выполнения. Он постоянно находился среди бойцов, во многих случаях лично подбадривал их и поднимал части в атаку, так что дивизия, стремительно наступая, достигла реки Камы в районе города Сарапул. Для наступления на Сарапул были использованы главные силы дивизии. Для прикрытия левого фланга на ст. Агрыз в направлении Ижевска остались только один батальон 1-го сводного Полтавского полка и бронепоезд.

Белогвардейцы, засевшие в Ижевске, к тому времени значительно активизировали свою деятельность. В один из опасных моментов мне пришлось стянуть в пункт расположения тылов дивизии всех людей и отражать наступление белогвардейцев на подступах к Агрызу. Стреляли с крыш вагонов и с железнодорожной насыпи. В это время прибыл Азинь. Находясь на позициях гаубичной батареи, он командовал ее огнем. Меткими нападениями снарядов батареи белогвардейские банды были рассеяны.

В. И. Ленин придавал большое значение Ижевско-Воткинскому промышленному району. Основной очередной задачей дивизии было овладеть этим районом. На Ижевском направлении происходила срочная перегруппировка дивизии. В начале ноября сосредоточение войск было закончено и можно было начать наступление. Но командир 2-й сводной дивизии Азинь очень хотел взять Ижевск 7 ноября, к первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще до рассвета 7 ноября на командном пункте южнее Ижевска уже находился командир дивизии Азинь, с ним вместе также командарм Шорин и член Реввоенсовета армии Гусев. Командный пункт располагался на высоте, подвергавшейся обстрелу противника.

Дивизия должна была сильным наступательным ударом овладеть городом Ижевск и не допустить взрыва белыми плотины Ижевского озера, у которой была построена гидростанция Ижевского промышленного района. Как только части дивизии перешли в наступление, белогвардейцы в Ижевске ударили в колокола, поднимая тревогу, и двинули свои силы и колонны обманутого населения с крестами и знаменами во встречное наступление. Наш 3-й сводный полк, который стоял на главном направлении и был хорошо вооружен (особенно пулеметами), уничтожил колонны противника (затем было подсчитано около 800 павших белогвардейцев), но психическая атака белых еще продолжалась. Отряд 1-го Полтавского полка, обходивший Ижевск с востока, попав в лесистый бездорожный район, не смог своевременно перерезать железнодорожную линию Ижевск — Воткинск.

Ноябрьский день короток. Бой затянулся до сумерек, и Азиню стало ясно, что пехота сегодня не сможет достигнуть Ижевска. Тогда он принял решение, достойное его собственного героизма. Он помчался к бронепоезду «За свободу», курсировавшему на железнодорожной ветке Агрыз — Ижевск. В предыдущих боях этот поезд неоднократно поддерживал дивизию. Командир дивизии Азинь взшел на паровоз бронепоезда и приказал командиру бронепоезда прорваться к станции Ижевск.

Командир бронепоезда, опасаясь за исправность железнодорожного пути, проявил нерешительность, но категорическое требование Азиня заставило его двинуть бронепоезд вперед. Когда он вместе с Азиным подъехал к станции Ижевск, было уже темно. Белогвардейцы уже начали отступление, и когда они толпами подходили к станции Ижевск, к бронепоезду, и спрашивали, куда отступать, их расстреливал огонь бронепоезда. Среди белогвардейцев началась страшная паника. Ижевск был за короткое время освобожден.

Командир дивизии Азинь немедленно вернулся с бронепоезда на станцию Агрыз. Он быстро прошел на телеграфную станцию и велел прямым проводом связаться с Кремлем. Связь была дана без промедления, и Азинь передал телеграмму на имя В. И. Ленина с поздравлением. Советской стране к первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в дар был преподнесен город Ижевск. Вскоре была получена ответная телеграмма В. И. Ленина освободителям Ижевска. Получив телеграмму, Азинь уехал на бронепоезде в Ижевск, чтобы сообщить войскам приветствие Ленина. Через несколько дней был занят и Воткинск и затем очищены от белых как левый, так и правый берега реки Камы. Штаб дивизии переместился в Сарапул. Морально-политическое и боевое состояние дивизии все больше укреплялось. Слава о ее сокрушительной силе распространилась далеко, даже в белогвардейском стане.

После короткой зимней передышки на Каме, во время которой 2-я сводная дивизия была реорганизована в 28-ю стрелковую дивизию, она вновь в сильные морозы и в крайне тяжелых условиях стала стремительно продвигаться на Красноуфимск с конечной целью достигнуть Екатеринбурга. Штаб дивизии переместился на Бикбардинский завод.

Командир 28-й стрелковой дивизии Азинь работал в это время с особой напряженностью, так как предстояли сильные бои за овладение Уралом, а колчаковцы уже готовили контрнаступление. В это время (март 1919 года) я должен был оставить дивизию, так как был командирован в Москву на курсы усовершенствования. Азинь тепло простился со мной и при расставании взял слово, что после окончания курсов я вернусь в дивизию. Но вернуться к нему мне не удалось. Позднее я всегда интересовался боевыми подвигами 28-й стрелковой дивизии и ее командира Азиня. До сих пор меня волнуют воспоминания тех боевых дней моей юности, когда я был соратником Азиня.

17 февраля 1920 года на Северном Кавказе, у берегов Маныча, при разгроме остатков денкинцев Волдемар Азинь попал в плен к врагу и был им замучен.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Приветственные телеграммы Объединенного Совета латышских стрелковых полков К. Либкнехту, В. И. Ленину, П. Стучке, Ф. Розиню, Я. Райнису, газетам «Сīпа» и «Правда».

17 мая 1917 г.

Тов. К. Либкнехту

Шлем Вам, самоотверженный вождь пролетариата, свой прочувствованный товарищеский привет.

Мы с Вами.

Да здравствует III Интернационал!

Война войне!

Тов. Ленину

Мы приветствуем Вас как величайшего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум, и желаем видеть Вас в нашей среде.

Тт. Стучке, Розиню и Райнису

Шлем свои горячие поздравления как первым латышским революционерам и основателям социал-демократии.

«Сīпа»

Совет депутатов латышских стрелковых полков шлет выразительнице наших мыслей и классовых интересов — «Сīпа» — сердечный товарищеский привет.

«Правде»

Мы приветствуем тебя, «Правда», как центральный орган РСДРП и подлинного выразителя мыслей рабочего класса, который выше всего держит знамя социал-демократии в борьбе против шовинизма.

Честь и слава тебе!

Газ. «Сīпа», № 6, 19 мая 1917 г., стр. 3. Перевод с латышского.

№ 2

Донесение Искосола XII Народному комиссару по военным делам об отправке 6-го латышского полка в Петроград и о вступлении командующего 43-м корпусом в должность временно исполняющего обязанности командующего XII армией.

22 ноября 1917 г.

Вне очереди. Срочно.

6-й латышский полк двумя эшелонами сегодня отправлен в Петроград. Завтра надеемся грузить 17-й Сибирский полк, послезавтра — артиллерию. Сводную роту — завтра. Командующий XII армии Новицкий сегодня уехал в Псков [с] главкосево. Временно [в] исполнение обязанностей командира вступил командующий 43-м корпусом генерал Гунцадзе, признавший власть Народных Комиссаров и работающий [в] согласии [с] Искосолом.

Председатель Искосола XII, комиссарм XII Нахимсон
Секретарь Искосола Тракман

ЦГВИА, ф. 94/с, оп. 1, д. 17, л. 228. Телегр. бланк.

№ 3

Донесение Искосола XII Народному комиссару по военным делам об отправке сводной роты латышских полков в Петроград.

25 ноября 1917 г.

Сводная рота латышских полков [в] составе 5 офицеров и 248 стрелков отправилась 24 ноября [в] 21-м часу из Валка в Петроград. Прошу приготовить пищу и квартиры, также прислать проводника на Балтийский вокзал.

Начальник сводного отряда подпоручик Петерсон
Председатель Искосола XII Нахимсон
Секретарь Тракман

ЦГВИА, ф. 94/с, оп. 1, д. 17, л. 233. Телегр. бланк.

№ 4

Решение Совета 2-й латышской стрелковой бригады в связи с отправкой латышских стрелков на Южный фронт против контрреволюционных сил генерала Каледина.

18 декабря 1917 г.

Принимается следующая резолюция 41 голосом при 14 воздержавшихся.

Мы, латышские стрелки — авангард революции, который, несмотря ни на что, всегда стоял за свободу, высоко держал красное знамя, — теперь, в этот важный момент также считаем своим долгом бороться про-

тив контрреволюции там, где подняли свои мерзкие головы Корнилов, Каледин и компания, чтобы уничтожить завоеванную дорогой ценой свободу, добытую нашей кровью, пришли к заключению: несмотря на тяжелое положение с одеждой и другим военным снаряжением, мы все же готовы по мере наших сил выполнить каждый приказ, который вышестоящие инстанции признают необходимым для укрепления Советского правительства; вместе с тем [мы считаем необходимым] обратиться к нашим выборным органам, чтобы были предприняты энергичные меры по снабжению полков всем необходимым. В данный момент более всего необходимо единство, которого можно достигнуть, сплотившись вокруг своих выбранных организаций.

Нет места в нашей среде тем, кто вносит в наши ряды дезорганизацию!

Партаpхив ЦК КПЛ, ф. 42, оп. 1, д. 9, лл. 106 и 107. Перевод с латышского.

№ 5

Резолюция общего собрания 5-й роты 1-го Даугавгривского латышского стрелкового полка о текущем моменте.

22 декабря 1917 г.

5-я рота 1-го Даугавгривского латышского стрелкового полка на общем собрании 22 декабря, рассмотрев текущий момент, приняла следующую резолюцию.

Ныне, когда контрреволюция угрожает нашей Советской власти и хочет дезорганизовать наши ряды, мы выражаем полную преданность Советскому правительству и готовность в любой момент выполнить его приказ. Выносятся постановления считать контрреволюционерами тех офицеров, которые самовольно оставили роту, немедленно на месте арестовать их и предать революционному суду.

Резолюция принята всеми голосами при одном воздержавшемся.

Газ. «Brīvais Strēlnieks», № 53, 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.). Перевод с латышского.

№ 6

Приказ Искосола XII Исколастрелу подготовить 7-й Бауский латышский стрелковый полк к отправке на фронт против контрреволюционных войск Каледина и Украинской рады.

Не ранее 6 января 1918 г.*

Срочно.

Немедленно приготовьте [к] посадке 7-й Бауский полк**. Придайте ему 36 пулеметов, соответствующий запас пулеметных лент и 1 шестиорудийную легкую батарею. Полк, согласно приказа начальника револю-

* Датируется по содержанию документа.

** См. док. № 8.

ционного штаба при Ставке, должен направиться в Могилев для дальнейшего следования против Центроряды и Каледина. Приказ о подаче вагонов на станцию Вольмар сделан 6 января.

Управление Северного фронта Щербаков
Товарищ председателя Искосола XII Дешевой
Секретарь Тракман

ЦГВИА, ф. 2152, оп. 7, д. 18, л. 217. Телегр. бланк.

№ 7

*Резолюция президиума 2-й латышской стрелковой бригады о
необходимости сплочения вокруг Советов.*

7 января 1918 г.

Теперь, когда революция достигла высшей ступени, когда черные силы объединились против трудового народа, чтобы опять заковать в кандалы нас, столетиями задыхавшихся под гнетом рабства, теперь, когда цепи порваны и мы так близки к цели, мы должны быть и мы готовы идти в победный бой, наперекор контрреволюции, считая все, что стоит на пути. Мы знаем, что борьба еще не окончена, хотя заняты главные позиции, которые мы должны укрепить. Жить или умереть, отступить не можем. Коварно-прекрасные слова наших кровопийц не сломят нашей воли к борьбе. Они поднимают в нашем сердце только горечь. Мы верим в победу; теснее сплотимся вокруг своих Советов, которые одни могут провести в жизнь волю народа. Мы против всякого Учредительного собрания, в которое входят предатели народа и душители свободы, идущие против правительства Совета Народных Комиссаров и III съезда Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов. Долой кровопийц и предателей! Да здравствует Советское правительство! Да здравствует классовая борьба! Да здравствует III съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Руководитель заседания Янсон

Газ. «Brīvais Strēlnieks», № 10, 16 января 1918 г., стр. 4. Перевод с латышского.

№ 8

Телеграмма Искосола XII коменданту станции Валмиера о подаче вагонов для посадки 3-го латышского полка и 1-го батальона 4-го латышского полка для отправки на фронт против контрреволюционных войск Каледина.

7 января 1918 г.

Вне всякой очереди.

Эшелоны, поданные для 7-го латышского полка [в] Вольмар, направьте немедленно по приказанию Управсева на станцию Венден для посадки 3-го латышского полка. Из оставшихся эшелонов 40 вагонов

отправьте на станцию Лигат для посадки 1-го батальона 4-го латышского полка. Обе посадки носят срочный характер, станция назначения — Могилев. Об исполнении донесите Искосоу XII, Валк.

Товарищ председателя Искосола XII Дешевой
Секретарь Тракман

ЦГВИА, ф. 2152, оп. 7, д. 18, л. 285. Телегр. бланк.

№ 9

Резолюция общего собрания организации СДЛ 2-го Рижского латышского стрелкового полка по вопросу о демобилизации.

*Не позднее 14 января 1918 г.**

Собрание социал-демократической фракции 2-го латышского стрелкового полка, рассмотрев вопрос о демобилизации, постановляет, что каждому сознательному стрелку, пока продолжается демобилизация армии и пока необходимо вести борьбу с внутренней контрреволюцией, а также с возможным наступлением отдельных немецких контрреволюционных полков, необходимо оставаться на своем месте в качестве составной части Красной гвардии.

Каждый член социал-демократической фракции, который не выполнит это решение, не может остаться членом фракции и будет считаться выбывшим из фракции.

(Принято 113 голосами при 16 воздержавшихся.)

Газ. «Сīņa», № 26, 16 (3) февраля 1918 г. Перевод с латышского.

№ 10

ДЕКРЕТ

Совета Народных Комиссаров РСФСР «Социалистическое отечество в опасности», написанный В. И. Лениным в связи с нападением германских империалистов на Советскую Россию.

21 февраля 1918 г.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!

Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира. Наши парламентарии 20 (7) фев-

* Вопрос обсуждался на общем собрании 2-го Рижского латышского стрелкового полка 14 января 1918 г. после того, как он был обсужден организацией СДЛ полка.

раля вечером выехали из Режицы в Двинск, и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии. Совет Народных Комиссаров постановляет: 1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны. 2) Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови. 3) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны. 4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы под личной ответственностью их председателей. 5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. 6) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать. 7) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ. 8) Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления.

Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!

Совет Народных Комиссаров

21-го февраля 1918 года.

Петроград.

В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 13, 14.

№ 11

Выписка из протокола собрания организации СДЛ 6-го Тукумского латышского стрелкового полка об отправке полка в Псков против наступающих немецких войск и об участии в охране помещения Совета Народных Комиссаров и ВЦИК в Петрограде.

22 февраля 1918 г.

1. Всеми голосами при одном воздержавшемся принята следующая резолюция: «Рассмотрев современное политическое положение, социал-демократическая фракция 6-го Тукумского полка считает, что необходимо всеми силами держаться против наступления немецких империалистов. Вместе с этим считаем необходимым выполнить приказ главного штаба и полку отправиться во Псков. Просим, чтобы во Псков вместе с 6-м полком были посланы также русские товарищи».

2. Товарищ Шнук указал, что от нашего полка затребованы 30 человек для охраны общего помещения Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета. Из-за этого в основном и созвано в этот вечер собрание. В любом случае необходимо послать людей благонадежных, и, по существу, ни один член фракции от этого отказаться не может. Но так как наша организация слишком мала, то можно послать также нечленов [фракции] из тех стрелков, которые в последний раз добровольно ездили в Финляндию.

О важности поста посылаемого отряда еще высказался т. Зенс. Туда же необходимо послать также два пулемета.

Единогласно принимается решение, что отряд необходимо выделить. Решено, что после закрытия собрания участники собрания — добровольцы записываются на указанный сторожевой пост.

Решено избрать немедленно из среды общего собрания командира отряда. Выставлены следующие кандидаты: Зенс, Эгле и Фрей. Закрытым голосованием большинством голосов избран т. Зенс, который тотчас же должен начать запись.

Партархив ЦК КПЛ, ф. 683, оп. 1, л. 10. Подлинник. Перевод с латышского.

№ 12

Приказ Народного комиссариата по военным делам РСФСР об организации Латышской стрелковой советской дивизии.

13 апреля 1918 г.

Из всех латышских стрелковых полков, вошедших в состав Советской Армии, сформировать дивизию согласно выработанных штатов под названием «Латышская стрелковая советская дивизия».

Начальником Латышской стрелковой советской дивизии назначается тов. Иоаким Иоакимович Вацетис. Комиссарами при Латышской стрелковой советской дивизии назначаются тов. Карл Андреевич Петерсон и тов. Карл сын Марии Дозит.

Народный комиссариат по военным делам:

Газ. «Правда», № 73, 16 апреля 1918 г.

Подписи

№ 13

Сообщение заведующего оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам Реввоенсовету Восточного фронта о назначении И. И. Вацетиса главнокомандующим фронтом.

№ 02008
гор. Москва

12 июля 1918 г.,
16 час. 15 мин.

Военная. Оперативная.

Декретом Совнаркома генштаба тов. Вацетис назначен главнокомандующим чехословацким фронтом, тов. Данишевский назначен членом Революционного военного Совета. До приезда тов. Вацетиса командование сохраняется в том виде, как оно установлено тов. Мехоношиным

Москва, 12 июля
16 час. 15 мин.

Аралов

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 45, л. 7. Телегр. бланк.

№ 14

Телеграмма главнокомандующего Восточным фронтом комиссариату Латышской стрелковой советской дивизии с просьбой ускорить отправку 5-го латышского стрелкового советского полка на Восточный фронт.*

гор. Казань

22 июля 1918 г.

Поспешите отправить из Бологое 5-й латышский полк в Казань.

Подписали: главком Вацетис
член Реввоенсовета Данишевский
наштаба Майгур

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 47. Заверенная копия телеграммы.

№ 15

Отношение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики с ходатайством о направлении Латышского кавалерийского полка на Восточный фронт.

№ 216
гор. Казань

22 июля 1918 г.

Экстренно. Вне всякой очереди.

Немедленно нам необходимо создать 1 кавалерийский полк для действия на фронте Тетюши — Чистополь. Это необходимо сделать теперь же, немедленно. Нужна кавалерийская ячейка, крепкая и боеспособная. Такой может быть ячейка Латышского кавалерийского полка, кварти-

* Копия телеграммы направлена Реввоенсовету Республики.

рующая в Павловской слободе, в 30 верстах от Москвы. Командир Латышского кавалерийского полка прибыл в Казань; скупка лошадей производится успешно. Конная завеса на означенном фронте крайне необходима. По сформировании этого полка я 1 эскадрон отправлю обратно в Москву, недели через 3. Предлагаемая мною мера крайне необходима, и прошу приказать начальнику Латышской стрелковой дивизии немедленно, сегодня же, всю ячейку Латышского кавалерийского полка (имеющихся вполне здоровых лошадей и всех кавалеристов) отправить в экстренном порядке в Казань. Прошу войти в мое тяжелое положение. Приходится сдерживать напор противника при помощи свежих формирований, среди коих приходится остановиться на более [или] менее стойких элементах.

Подписали: главком Вацетис и член Реввоенсовета Данишевский
ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 28. Заверенная копия телеграммы.

№ 16

*Доклад главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету
Восточного фронта о положении на фронте с изложением плана
развернутого наступления по всему фронту.*

гор. Казань

Не ранее 25 июля 1918 г.*

В последнее время противник на Восточном фронте достиг значительного успеха как в стратегическом смысле, нанеся нам ряд поражений, так и в политическом смысле, заняв ряд пунктов, важных в политическом и общественном своем значении (Екатеринбург, Симбирск и др.). Это печальное обстоятельство крайне отрицательно действует на дух наших войск и увеличивает в нашем тылу число врагов Советской власти.

Наступает критический момент, когда надо всеми средствами поднять боевой дух наших войск и показать нашим врагам, что мы еще сильны. Правительство тоже осознало эту насущную задачу и в настоящее время перебрасывает с Западного фронта на наш целый ряд войсковых частей.

Пользуясь этим обстоятельством, я решил в самое ближайшее время нанести противнику решительный удар и отбросить его с линии р. Волги на восток.

Операцию эту предлагаю произвести следующим образом:

I. Усилив 2—3 полками I армию, дать ей пока пассивную задачу — всеми мерами сдерживать противника и не допустить его распространения от Симбирска на запад, а в нужный момент перейти в лобовое наступление и сбросить противника в Волгу.

* Датируется на основании даты захвата белыми Екатеринбурга. См. ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 88.

II. В районе Чистополь — Тетюши сосредоточить возможно большую группу войск и, назначив особого руководителя этой группы, немедленно перейти в решительное наступление в общем направлении на линию Самара — Бугуруслаң — Бугульма, дабы этим движением принудить противника очистить правый берег Волги в районе Симбирска.

III. Одновременно перейти в наступление и IV армией в общем направлении на Самару, дабы принудить противника очистить правый берег Волги в районе Сызрани.

IV. II армия должна согласовать свои действия с наступлением Чистопольской группы и энергично продвигаться на Уфу, дабы не дать противнику возможности перебрасывать свои резервы против наших главных активных групп.

V. III армия также не должна стоять пассивно, а, будучи усилена на своем правом фланге несколькими полками, тоже перейдет в наступление для овладения Екатеринбургом.

По данным войсковой и агентурной разведки, противник вовсе не так силен, как это кажется вследствие достигнутых им успехов.

Вся наша беда была в том, что наши армии действовали разрозненно, т. е. в то время как противник значительными силами обрушивался на одну армию, остальные стояли пассивно. Уверен, что совсем иная картина будет, когда большая часть наших армий перейдет одновременно в наступление — немногочисленный и слабо вооруженный противник, теснимый почти на всем фронте, не выдержит этого натиска и поневоле принужден будет начать отступление, а это обстоятельство сразу поднимет боевой дух наших войск, чего нам крайне важно достигнуть в данный момент.

Главком

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 45, лл. 414, 415. Отпуск.

№ 17

Распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом командующему III армией направить Торошинский латышский стрелковый отряд в гор. Казань.

№ 710
гор. Казань

27 июля 1918 г.

Латышский Торошинский стрелковый отряд сосредоточьте в Перми и при первой возможности пароходом отправьте в Казань для обращения его в ездящую пехоту.

Подписали: главком Вацетис

член Реввоенсовета Данишевский

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 107. Заверенная копия телеграммы.

№ 18

Распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом командиру 4-го Латышского стрелкового советского полка направить полк в гор. Казань.

№ 0935

4 августа 1918 г.

гор. Казань.

В экстренном порядке следуйте с полком на Казань; свои батареи берите с собой.

Подписали: главком Вацетис
член Реввоенсовета Данишевский
наштафронта Майгур

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 15, л. 207. Заверенная копия телеграммы.

№ 19

Донесение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики о положении на фронте и боевых действиях армий.

№ 0970

5 августа 1918 г.

гор. Казань

I армия успешно атакует Симбирск, II армия прорвала ж. д. Симбирск — Уфа на участке Нурлат — Бугульма. III армия занята перегруппировкой своих войск из прежнего положения завесы в нормальный боевой порядок для полевой войны. IV проявляет активность в направлении Симбирск. На участке Чистополь — устье р. Камы — Буинск собираются войска V армии, подкрепления из центра идут чрезвычайно медленно.

Подписали: главком Вацетис
член Реввоенсовета Данишевский
наштафронта Майгур

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 224. Заверенная копия телеграммы.

№ 20

Телеграмма главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики о тяжелом положении на фронте с просьбой направить в гор. Казань латышские части.*

№ 0985

5 августа 1918 г.

гор. Казань

Флотилия противника находится верстах в 7 от Казани. Наша флотилия отступила к Казани, резервы не прибывают. Прошу сделать все возможное, чтобы железные дороги работали. Отправьте из Москвы на Казань один латышский полк и конницу латышского полка.

Подписали: главком Вацетис
члены Реввоенсовета Данишевский, Раскольников
наштафронта Майгур

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 232. Заверенная копия телеграммы.

* Копия телеграммы направлена В. И. Ленину.

№ 21

*Донесение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету
Республики об отражении наступления речной флотилии
белочехословаков в районе гор. Казани*.*

№ 0995
гор. Казань

6 августа 1918 г.
02 час. 30 мин.

К 10 час. вечера удалось артиллерийским огнем заставить флотилию противника отойти от Казани вниз по течению реки. Десант противника, атакуемый в штыки частями 5-го латышского стрелкового советского полка, был загнан на пароходы.

3-я рота 5-го латышского полка взяла 4 пулемета. Командир 3-й роты во время атаки тяжело ранен. Флотилия противника на якоре верстах в 7 ниже города у деревни Нижний Услон. Причиной такого быстрого появления флотилии противника под Казанью является бегство нашей флотилии и оставление сухопутными артиллеристами орудий в критическую минуту. Железнодорожный мост удалось отстоять. Поддержка не прибывает. От армии сведений нет.

Подписали: главком Вацетис

член Реввоенсовета Данишевский

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 244. Заверенная копия телеграммы.

№ 22

Распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом командиру 4-го латышского стрелкового советского полка о дислокации и боевых задачах полка.

гор. Казань

6 августа 1918 г.

Один батальон 4-го латышского полка должен оборонять Романовский мост через Волгу, другой батальон должен приспособить к обороне поезд и составить подвижной резерв для охраны участка ж. д. Романовский мост — Казань. Хозяйственную часть прислать в Казань. Батарея должна быть расположена для обороны моста; все должно быть выполнено быстро.

Подписал: главком Вацетис

Скрепил: член Реввоенсовета Раскольников

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 251. Заверенная копия телеграммы.

* Копия донесения направлена В. И. Ленину и Я. М. Свердлову.

*Сообщение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету
Республики о положении на фронте и боеспособности войск.*

гор. Сарапул

9 августа 1918 г.

Военная. Срочная.

Казань была занята чехословаками около полуночи на 7 августа. 7 августа бой происходил на окраинах города. Чехословаки развивают свой успех в двух направлениях: на северо-восток и на ст. Свияжск по левому берегу Волги. Необходимы весьма энергичные меры со стороны ст. Свияжск и по обоим берегам р. Волги для наступления на Казань. Необходимо немедленно вырвать из рук противника гору Верхний Услон и поставить там наши батареи. Нахожу полезным при нынешней обстановке усилить I армию, дав ей задачу энергичнее атаковать Симбирск. Со стороны устья р. Камы и северо-востока мною организуются ударные группы на Казань под руководством командующего II армией. Штаб фронта предполагаю перенести в гор. Арзамас. Сегодня в Сарапул прибывает Мехоношин. Бои за гор. Казань обнаружили совершенную небоеспособность рабочих дружин, организация каковых существовала лишь на бумаге. Рабочие не умели ни стрелять, ни наступать, даже не умели строить баррикады. К вечеру 6-го все рабочие боевые дружины рассеялись. Местные партийные товарищи, занимавшие ответственные посты, приложили всю возможную* энергию и труд, чтобы способствовать нашей обороне города, но все их усилия тонули в хаосе неподготовленности. Войска оказались крайне недисциплинированными. Как я уже телеграфировал, вся тяжесть обороны и жертв легла на 5-й латышский стрелковый полк.

Подписал: главквсфронта Вацетис

Скрепил: адъютант главкома Дилан

ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 15, л. 257. Заверенная копия телеграммы.

№ 24

*Донесение врид командира 3-й бригады Латышской стрелковой
советской дивизии начальнику дивизии о гибели командира бригады
и перемещении штаба бригады в гор. Арзамас.*

Не ранее 11 августа 1918 г.**

Доношу, что в ночь с 11 на 12 августа с. г. в бою под Красной Горой убит снарядом командующий левобережной бригадой тов. Юдин, и по преемству командования во временное исполнение обязанностей командира 3-й латышской стрелковой советской бригады вступил я.

* В тексте «возложенную».

** Датируется на основании даты, упоминаемой в документе.

Сего августа штаб временно вверенной мне бригады выбыл из расположения V армии в ставку главнокомандующего Восточным фронтом в гор. Арзамас, где по распоряжению главнокомандующего штабы 2-й и 3-й латышских стрелковых советских бригад объединены для образования из них штаба фронта, причем лицам командного состава штабов поручено ведение дел по различным отделам штаба фронта, а прочие служащие и стрелки команд призваны для обслуживания* штаба и его отделов. Продолжение дел, касающихся 3-й латышской стрелковой советской бригады, будет поручено особо назначенному лицу.

Врид комбригат 3 Бухман

Комиссар Тупин

За начальника штаба**

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 233. Подлинник.

№ 25

Резолюция протеста собрания 2-го, 3-го и 9-го латышских стрелковых советских полков и других латышских стрелковых частей в связи с покушением на В. И. Ленина.

4 сентября 1918 г.

Общим собранием 2-го, 3-го и 9-го латышских советских стрелковых полков, батальона связи, тяжелой батареи литера «Г», тяжелого дивизиона, легкого дивизиона, мортирного дивизиона, противозаэропланной батареи, Латышского кавалерийского полка, этапной команды и продовольственного транспорта Латышской стрелковой советской дивизии, в котором приняли участие комиссары дивизии, Исколастрел и Организационный комитет коммунистических фракций Латышской стрелковой дивизии, была единогласно принята следующая резолюция:

Социал-предатели, саботажники и жалкие трусы, которых совершенно ослепила ненависть к пролетарской революции, в открытой борьбе совершенно беспомощны. Они придерживаются самых низких приемов борьбы — убийства из-за угла наших вождей. Эти выродки, эти подлецы и жалкие трусы не понимают ту исключительную роль, которую в мировой социальной революции играет наш великий вождь, вождь пролетариата всего мира Владимир Ильич Ленин. Олицетворение пролетарских мыслей и разума, нашего гениального вождя, товарища Ильича, эти негодяи решили убить из-за угла. Безумные! Они не понимают, что миллионы пролетариев останутся живы и призовут их к ответу.

Мы, сыны трудового народа, латышские стрелки, воспринимаем нападение на нашего дорогого Владимира Ильича, как вызов к открытому

* В документе «обследования».

** Подпись неразборчива.

бою, и мы готовы к нему. Но мы ошиблись. Негодяи не могут не быть трусами. Такого рода «герои» попрятались в своих норах. С грабителями с большой дороги, отказавшимися от открытой борьбы, мы можем только расправиться. Мы требуем беспощадной расправы с контрреволюционными партиями, вдохновителями и организаторами этого нападения.

Смерть врагам революции!

Смерть бандитам!

Да здравствует вождь мировой революции тов. Ленин!

Газ. «Krievijas Sīra», № 136, 4 сентября 1918. Перевод с латышского.

№ 26

*Доклад комиссара Латышской стрелковой советской дивизии
К. А. Петерсона председателю ВЦИК Я. М. Свердлову о заговоре
Локкарта и участии латышских стрелков в его ликвидации.*

6 сентября 1918 г.

В первой половине августа месяца с. г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией тов. Петерс сообщил мне, что по его сведениям дипломатическая миссия союзников, англо-французов, поручила своим агентам установить связь с Латышской стрелковой советской дивизией, с целью подкупа командного состава и стрелков. Глухие слухи о попытке англо-французов подкупить командный состав нашей дивизии доходили до меня уже и раньше. Совместно с тов. Петерсом мы решили, что необходимо во чтобы то ни стало сорвать маску с англо-французских империалистов и вывести их на чистую воду. С этой целью я, по предложению тов. Петерса, пригласил командира латышского артиллерийского дивизиона тов. Берзина, которого я знал как преданного Советской власти и честного командира и предложил ему познакомиться с агентом английской миссии и притвориться «разочарованным большевиком», дабы заручиться доверием жаждущих подкупа стрелков англичан. Тов. Берзин охотно на это согласился. Дальнейшее уже известно из данных, опубликованных Чрезвычайной комиссией, но я считаю не лишним сообщить Вам некоторые интересные детали.

Кстати, я должен указать на неправильную передачу фактов, допущенную корреспондентами газет при печатании интервью с тов. Петерсом. Там сказано, что «ВЧК прибегла к устройству фиктивного заговора, создав специальный комитет из представителей войсковых частей»... и, что на третий день англичане принесли членам этого комитета семьсот тысяч рублей... и т. д. Никакой специальный комитет не был создан. Агент английского посла Локкарта Шмидхен, познакомившись с тов. Берзином и узнав в нем «разочарованного большевика», с места в карьер потащил его прямо к своему патрону к г-ну Локкарту. Там тов. Берзина ожидали распростертые объятия г-на Локкарта. Локкарт пона-

обещал латышскому народу от своего правительства всякие блага, а на подкуп латышских стрелков — предварительно 5—6 миллионов рублей, каковая сумма впоследствии, если потребуется, может быть увеличена вдвое и втрое. Тов. Берзин, зная, что имеет дело с дипломатом «культурнейшей» страны, решился пустить в ход «свою большевистскую «дипломатию». Он резко обрывает Локкарта и заявляет, что латышские стрелки за деньги не продаются и что платонической любви английского правительства к латышскому народу он не верит. Нам ваши деньги и ваша любовь не нужны, если я к вам явился, то только потому, что я убедился, что нам выгоднее союз с вами, нежели с большевиками. Дипломат «культурнейшей» страны г-н Локкарт сконфуженно признается, что тов. Берзин прав: действительно, английское правительство рассчитывает использовать латышей в войне против немцев, и для английского капитала крайне важно завоевать промышленность Латвии и иметь дружественную страну у Балтийского моря. Конечно, г-н Локкарт убеждает, как выгодно Латвии покровительство доброй, щедрой Англии.

Старый дипломат «культурнейшей» страны на «экзамене» позорно срезался, а тов. Берзин, первый раз в жизни соприкасавшийся с «дипломатией», выдержал экзамен на «пятерку».

Несмотря на заявление тов. Берзина, что латышские стрелки за деньги не продаются, Локкарт всячески доказывал, что для такой операции деньги необходимы, и Берзин в конце концов «соглашается». По предложению Локкарта условились, что дальнейшие сношения с Берзиным будет вести лейтенант английской службы Рейли, принявший клички «Рейс» и «Константин».

17 августа Рейли вручил т. Берзину 700 000 рублей и извинился, что сумма не округлена до полного миллиона. Рейли объяснил это тем, что из банков денег получить нельзя и что их агенты деньги собирают от русских богачей, которым выдаются чеки на получение задолженной суммы в Лондоне. Рейли говорил, что у него работают два специальных агента по собиранию денег.

Получив деньги, тов. Берзин сейчас [же] передал мне их. Тов. Петерс в это время отсутствовал и я деньги отвез прямо тов. Ленину, но Владимир Ильич посоветовал лучше передать деньги в Чрезвычайную комиссию, что мною было и сделано. Через несколько дней Рейли вручил тов. Берзину 200 000 рублей, а 28 августа — еще 300 000 рублей. Каждый раз Рейли жаловался, что большие затруднения с собиранием денег от русских богачей, но что после поездки в Петроград он сумеет дать сразу несколько миллионов.

После получения денег тов. Берзину необходимо было показать, что он успел уже что-нибудь сделать и тов. Петерс организовал несколько латышских сотрудников ВЧК, которые переоделись в военную форму и должны были явиться на общее совещание с участием Рейли как «представители» разных латышских полков.

На 29 августа Рейли предложил тов. Берзину поехать в Петроград, «установить» связь с петроградскими белогвардейцами, причем он хвастался, что в Петрограде у них организация гораздо сильнее и что там легко будет справиться с большевиками. Рейли объяснил тов. Берзину

план захвата власти и заявил, что сейчас же после свержения большевиков будет объявлена военная диктатура. Рейли объяснил, что полномочным органом объявит себя «директория» из трех лиц, причем председателем «директории» будет объявлен тов. Берзин, а одним из членов будет сам Рейли. Покуда Рейли советовал тов. Берзину нанять на себя отдельную квартиру, а для «ведения» хозяйства навязывал ему «хорошенькую барышню», которая одновременно будет поддерживать постоянную связь между Берзином и Рейли. Квартиру тов. Берзин нанял, но от «хорошенькой барышни» разными ухищрениями ему удалось отделаться.

В газетах писали, что англичане предполагали в десятых числах сентября арестовать пленарное заседание ЦИК и Московского совета. Рейли говорил, что охрана этого заседания будет поручена латышским стрелкам и что нужно устроить так, чтобы та часть, которая будет нести караул, сама арестовала это заседание. Но Рейли беспокоило одно: если Ленин получит возможность выступать на этом заседании, то солдаты могут заколебаться и план может провалиться, ибо, по признанию Рейли, Ленин своей простотой и прямой подкупает слушателей и особенно сильно действует на простых людей... Поэтому Рейли полагал, что Ленина нужно «убрать» до этого заседания.

Узнав о грозившей опасности тов. Ленину, я сейчас же поехал к нему и доложил о «дьявольских планах негодяев» и предупредил его быть осторожным. Но Владимира Ильича все эти планы английских мерзавцев только развеселили, он расхохотался и воскликнул: «Совсем как в романах!» Это было дня [за] три — четыре до выстрела Каплан...

Рейли тов. Берзину были даны следующие инструкции: 1) Найти предлог добиваться, чтобы два латышских полка к этому времени были отправлены в Вологду, где они во время «переворота» должны объявить свою солидарность с «союзниками».

2) Разузнать, какая часть латышских стрелков стоит на ст. Митино, где, по его сведениям, латыши охраняют вагоны с золотом. Необходимо принять все меры, чтобы это золото отбить и захватить в свои руки.

3) Как можно больше ухудшить материальное положение стрелков, чтобы недовольство стрелков против Советской власти вызвать уже на чисто «желудочной почве».

4) Всеми мерами мешать Советской власти [в] деле доставки продовольствия в Москву, дабы на почве голода возбудить население против большевиков. Одновременно заботиться, чтобы некоторый запас хлеба находился недалеко от Москвы, чтобы сейчас же после [переворота] выдавать населению усиленную порцию хлеба и этим подкупить симпатии самых широких масс населения. Затем Берзину были даны несколько мелких указаний: найти типографию, чтобы немедленно приступить к печатанию прокламаций и воззваний к населению; организовать общество, объединяющее всех недовольных большевиками латышей и т.д. В заключение своего доклада я позволю сделать следующее примечание.

Г-н Локкарт засвидетельствовал «любовь» своего правительства к латышскому народу и «пожертвовал» латышским стрелкам «пока» 1 200 000 рублей. Г-ну Локкарту, вероятно, придется отчитываться перед

своим правительством и предъявить «оправдательный документ». Во имя справедливости я прошу не лишать Локкарта возможности «документально» доказать, что деньги действительно переданы им по «адресу», и поэтому предлагаю эту сумму распределить следующим образом.

1) Создать фонд единовременных пособий:

а) семьям павших во имя революции латышских стрелков;
б) инвалидам латышских стрелков, получившим увечья в боях против контрреволюционеров всяких мастей (в том числе и против англо-французов и чехословаков). Для этого фонда отчислить от суммы полученной через г-на Локкарта от английского правительства 1 100 000 рублей.

2) 50 000 рублей передать в распоряжение Исколастрела с условием, что эта сумма будет израсходована на издание агитационной литературы для латышских стрелков.

3) 40 000 рублей артиллерийскому дивизиону Латышской стрелковой дивизии, командиром которого состоит тов. Берзин как основной капитал для открытия лавочки и для культурно-просветительных целей.

4) 10 000 рублей выдать тов. Берзину, дабы он мог обеспечить своих родителей, оставшихся без всяких средств в г. Риге.

Комиссар Латышской стрелковой советской дивизии

К. Петерсон

Партархив ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 2, д. 160, лл. 160—167.

№ 27

Поздравительное письмо В. И. Ленина красноармейцам, участвовавшим в освобождении Казани.

12 сентября 1918 г.

ПРИВЕТСТВИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПО ПОВОДУ ВЗЯТИЯ КАЗАНИ

Приветствую с восторгом блестящую победу Красных Армий.

Пусть служит она залогом, что союз рабочих и революционных крестьян разобьет до конца буржуазию, сломит всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечит победу всемирного социализма.

Да здравствует всемирная рабочая революция!

Ленин

В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 74.

№ 28

Отношение командира 3-й бригады Латышской стрелковой советской дивизии начальнику дивизии о сформировании бригады в новом составе.

№ 085

28 сентября 1918 г.

гор. Арзамас

К формированию штабов бригады приступлено. Согласно предположению главкома Вацетиса все латышские части будут постепенно объе-

динены вокруг дивизии. В данное время не представляется возможным восстановить 3-ю бригаду в составе полков, прежде входивших в нее, в силу того, что 6-й, 7-й и 8-й полки находятся в разных армиях и подчинениях. Нет возможности сформировать также и бригаду в составе 1-го, 6-го и 7-го полков по той же причине. К объединению этих полков в бригаду приступлено может быть лишь по сосредоточении их в одном районе или армии, что главком обещает сделать постепенно или при условии отвода в резерв. Сосредоточенными в данном районе и могущими быть соединенными в одну бригаду являются полки 5-й, 4-й и бывший Торошинский, из которых последний в свое время также был включен в состав 3-й бригады. Таким образом, общий вывод таков, что сформировать в данное время можно лишь одну бригаду в составе 4-го, 5-го и бывшего Торошинского полка, причем может быть удастся включить в состав этой бригады и Латышский кавалерийский полк, причем желательным представляется объединение разрозненных частей этого полка, частью находящихся здесь, на фронте, а частью — в Москве. Прошу указать, во-первых, какой из бригад принимать на себя руководство действиями полков, уже сосредоточенных в одном районе, во-вторых, какой бригаде дожидаться сосредоточения остальных полков для соединения в бригаду, в-третьих, точно указать, какие полки войдут в состав какой из бригад. Со своей стороны считаю нужным донести, что штаб 3-й бригады будет сформирован в кратчайший срок, посему и представляется желательным для немедленного соединения латышских частей руководство действиями уже объединенных в одном районе полков [передать] штабу 3-й бригады, как уже сформировавшемуся. Для успешности дальнейших работ прошу срочно ваших распоряжений.

Врид комбригат 3 Бухман
Политкомиссар Тупин
Наштабриг Микит

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, лл. 262—265. Телегр. лента.

№ 29

Отношение начальника Латышской стрелковой советской дивизии командующему V армией с ходатайством об отводе 1-го и 6-го латышских стрелковых советских полков в резерв в связи с большими потерями в личном составе.

№ 0626
гор. Москва

14 октября 1918 г.

Ряд полученных мною за последнее время донесений устанавливают критическое положение 1-го и 6-го латышских стрелковых советских полков, входящих в состав V армии.

1-й латышский стрелковый советский полк находится в непрерывных боях и походах более 7 недель и потерял около $\frac{1}{3}$ своего состава. Малочисленность боевого состава вынуждает нести сторожевую службу беспрерывно, находясь по несколько суток подряд под открытым небом в караулах и в цепи. Санитарное состояние крайне неудовлетворительное —

происходят частые заболевания, могущие принять характер эпидемический.

Положение 6-го латышского стрелкового советского полка аналогичное с 1-м полком.

Основываясь на вышеизложенном, прошу Вашего распоряжения в случае, если обстановка позволяет, отвести 1-й и 6-й латышские стрелковые советские полки в резерв.

Начальник дивизии
Правительственный комиссар
Начальник штаба

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 303. Отпуск.

№ 30

Резолюция общего собрания запасного эскадрона Латышского кавалерийского полка о готовности отправиться на фронт.

15 октября 1918 г.

Резолюция (принята единогласно):

Ввиду того, что в настоящее время обнимает нас наружная контрреволюция со всех сторон все тверже и тверже своими жадными лапами, желая погубить нашу молодую Советскую республику, мы считаем себя здесь, в глубоком тылу, не на страже революции, а равно потому просим ходатайствовать перед соответствующими и надлежащими властями о скорейшем отправлении нас на фронт, чтобы, присоединясь к полку, совместными силами оказывать наитвердейшее сопротивление врагам революции. Мы верим окончательной победе.

Да здравствует победа над контрреволюцией!

Да здравствует Советская Россия!

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 327. Заверенная копия.

№ 31

Приказ Реввоенсовета Республики о подчинении Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики.*

№ 116
гор. Москва

19 октября 1918 г.

Латышскую стрелковую дивизию подчинить непосредственно главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики Вацетис

Члены Реввоенсовета Республики Данишевский, Смирнов
Врид начальника штаба Раттэль

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 519, л. 25. Копия.

* Объявлен приказом по Латышской стрелковой советской дивизии № 200 от 30 октября 1918 г.

№ 32

*Приказ по Латышской стрелковой советской дивизии о слиянии
Саратовского и 8-го полков, 4-го полка и Торошинского отряда.*

№ 198
гор. Москва

28 октября 1918 г.

Секретно.

§ 1.

На основании предписания Революционного военного совета Республики*:

1. Особому Саратовскому латышскому советскому полку влиться целиком в состав 8-го латышского стрелкового советского полка с передачей всего имущества, денежных сумм и отчетности. Командиру 3-й латышской стрелковой советской бригады назначить комиссию по проверке, приемке и сдаче при слиянии имущества, денежных сумм и всей отчетности. Полку именоваться впредь 8-м латышским стрелковым советским полком.

Командиром полка назначается тов. Штейн.

2. 4-му латышскому стрелковому советскому полку слиться с Торошинским отрядом. Объединенную группу именовать: 4-м латышским стрелковым советским полком. Командиром этого полка назначается начальник Торошинского отряда тов. Фридрихсон.

По сгруппировании обоих полков в одном месте, о чем последует соответствующее распоряжение, командиру 2-й латышской стрелковой советской бригады назначить комиссию из представителей обоих полков для проверки и слияния всей отчетности, денежных сумм и имущества.

О ходе работ командирам 2-й и 3-й бригад срочно доносить.

Основание: телеграмма главкома всеми вооруженными силами Республики тов. Вацетиса, № 01980**.

Подлинный подписали: врид командующего дивизией Мяновский

Правительственные комиссары: Петерсон и Дозит

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 519, л. 79. Заверенная копия.

№ 33

*Распоряжение главнокомандующего всеми вооруженными силами
Республики командующему V армией направить 1-й и 6-й латышские
стрелковые советские полки на подавление эсеров-кулацкого восстания в
Рязанской губ.*

№ 383
гор. Козлов

8 ноября 1918 г.

Экстренно направьте 1-й и 6-й латышские полки по маршруту Инза — Рузаевка — Пенза — Ряжск для занятия Ряжска, для подавления восстания в Рязанской губернии. По прибытии на ст. Ряжск полкам полу-

* Не обнаружено.

** В деле не обнаружено.

чить задачи от начальника обороны дорог Юфимова и действовать по его указаниям. Ожидаю срочного донесения об исполнении. По ликвидации восстания полки будут направлены в район сосредоточения Латышской дивизии.

Главком Вацетис
Член Реввоенсовета Данишевский

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 387. Телегр. бланк.

№ 34

Приказ по Латышской стрелковой советской дивизии о включении в состав дивизии Латышского кавалерийского полка и переименовании его в Витебский латышский кавалерийский полк.

№ 214
гор. Москва

9 ноября 1918 г.

Секретно.

§ 1.

Во исполнение приказа Революционного военного совета Республики от 5 ноября с. г. за № 192* объявляется для сведения и руководства нижеследующее.

Прибывший на Южный фронт из Витебска и вошедший в состав особой ударной группы войск Южного фронта Латышский кавалерийский полк считать включенным в состав Латышской стрелковой советской дивизии с придачей к 3-й латышской стрелковой советской бригаде и подчинить непосредственно командиру означенной бригады.

Означенный полк именовать Витебским латышским кавалерийским советским полком.

Командиру 3-й бригады представить в штаб дивизии по приемке означенного полка подробные сведения о состоянии людского и конского состава и о состоянии имущества, отчетности и вообще о снабжении полка.

Подлинный подписали: врид командующего дивизией Мяновский
правительственные комиссары Петерсон и Дозит
ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 519, л. 102. Заверенная копия.

№ 35

*Выписка из сообщения о II конференции партийной организации
Латышской стрелковой советской дивизии. Приветствия.*

15—19 ноября 1918 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ЛАТЫШСКОМУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ

2-я конференция коммунистических фракций латышских стрелковых полков шлет товарищеский привет латышскому трудовому народу.

В настоящее время близится момент, когда снова будет решен вопрос об освобождении Латвии от бремени капиталистического и помещичьего рабства.

* В деле не обнаружен.

Латышские стрелковые полки всеми своими силами придут на помощь своим братьям по национальности и по труду в этой борьбе. Однако вы знаете, что те ответственные посты, на которых находятся полки латышских стрелков, защищая Российскую советскую республику, есть одновременно сторожевые посты освобождения Латвии и всего мира.

Полки латышских стрелков понесли много жертв в этой борьбе, понесут их еще и впредь, и сделают это с еще большим подъемом, сознавая, что частично и их стараниями также в Германии, Австрии и других странах Европы уже началась революция, которая идет по тому же пути Советов рабочих и солдатских депутатов.

Уже встает утро свободы человечества! И солнце социалистической свободы будет свободно сиять и над Латвией! Какие бы опасности не угрожали со стороны побеждающих англо-франко-американских империалистических властей, будьте уверены в своем будущем!

Полки латышских стрелков с воодушевлением выполняют свой долг. Они с негодованием отвергают все распространяемые англо-американскими империалистами лживые выдумки об усталости латышских стрелков и об их уходе из рядов Красной Армии Российской Советской Республики.

Они [латышские стрелки] сознательно идут в огонь за свободную Латвийскую коммуну в свободной Российской Социалистической Федеративной Советской Республике. И в какой бы момент, в какое бы место не были бы они призваны, они гордо и всегда ответят паролем парижских коммунаров: «Мы стоим здесь за освобождение всего человечества».

Да здравствует всемирная пролетарская революция!

Да здравствует освобожденная Латвийская Коммуна в Российской Социалистической Федеративной Советской республике!

2-я конференция коммунистических фракций
латышских советских полков

ПРИВЕТСТВИЕ КАРЛУ ЛИБКНЕХТУ

Берлин.

2-я конференция коммунистических фракций латышских стрелковых советских полков, с ответственных сторожевых постов, где они поставлены в интересах Российской и всемирной пролетарской революции, шлет пролетарский товарищеский привет сознательному рабочему классу Германии в лице его революционного борца и представителя Карла Либкнехта.

2-я конференция коммунистических фракций
латышских стрелковых советских полков

Газ. «Krievijas Cīņa», № 206—214, 26, 28—30 ноября, 1, 3—7 декабря 1918 г. Перевод с латышского.

Описание боевых действий 8-го латышского стрелкового советского полка в районе ст. Поворино—Косарка Царицынской ж. д.

№ 2151

13 декабря 1918 г.

17 октября с. г., в 4 час. утра, полк, только что прибывший накануне того же числа на ст. Поворино, совершенно неожиданно получил боевой приказ с задачей: в 6 час. утра того же дня в составе правофлангового отряда Особой ударной группы Южного фронта, под общим командованием комполка гр. Штейна, принять исходное положение для боевых действий наступательного характера на юго-восточной окраине линии ст. Поворино, что в 7 верстах от места расположения полка, — деревня Рождественское — и двинуться параллельно железнодорожной линии по направлению ст. Косарка, находящейся в 17 верстах от ст. Поворино, атаковать по пути следования занятые противником пункты и овладеть ст. Косарка и т. д. Несмотря на слишком запоздалое получение приказа, а также не придавая никакого внимания своей физической усталости — последействие 10-дневного пребывания в пути, — полк явился первым из всех частей отряда на место исходного пункта. Там же получив от начальника отряда дополнительные указания в связи с предстоящими действиями, стройными рядами двинулся вперед.

К 8 час. 30 мин. полк уже успел пройти укрепленную полосу, что в верстах 6 от ст. Поворино; продвигаясь еще около версты, батальоны вынуждены были развернуться поротно, а последний в свою очередь — повзводно, т. к. противник, обнаружив наше наступление, открыл по нам сравнительно меткий артиллерийский огонь. Впереди происходила и ружейная стрельба — видно сцепились дозоры со сторожевыми заставами противника. В это же время были получены донесения о пунктах, занятых противником. Роты перешли в рассыпной строй и, оставляя без внимания неприятельские снаряды, разрывающиеся впереди и сзади в цепи, продолжали упорно наступать. Около 9 час. 30 мин. цепи должны были залечь и тем образовать свою первую стрелковую позицию, т. к. уже находились под дальним пулеметным огнем. Последний не послужил поддержкой нашему дальнейшему наступлению, но главной причиной приостановки движения явился отказ влево по соседству действующей части — 2-го Революционного полка — наступать.

Имея в виду важность полученной задачи, полк решил продолжать наступление, во-первых, полагая, что все-таки русская часть догонит нас, а во-вторых, необходимо было обеспечить [соседа], действующего в верстах 4 левее. Так как с отказом 2-го Революционного полка образовался между нами и Латышским полком особого назначения громадный прорыв с глубокими лощинами, так называемыми балками, весьма благоприятными для противника в смысле обходов, в эти прорывы были выдвинуты взводы, чтобы хотя бы временно взять это пространство под свое наблюдение. Наступление было восстановлено, но уже под значительно сильным артиллерийским огнем, который при нашем приближении стал принимать все более и более интенсивный характер. Дойдя до

линии дер. Дуплятская и взорванного железнодорожного моста, наши цепи подверглись действительному ружейному и пулеметному огню. Залегшие на противоположном обрыве оврага неприятельские цепи весьма устойчиво обороняли свою позицию, но при помощи 37-мм пушки-пулемета, который благодаря храбрости инструктора гр. Махова, лично управляющего действием последнего, цепи первого все-таки должны были очистить обрыв, но в это же время противник, успевший сосредоточить свои кавалерийские части в плохо заметной с нашей стороны балке, приблизительно от 5 до 6 эскадронов, бросился нам навстречу и в обход. Минута показалась катастрофической — малейшая неустойчивость могла бы отразиться гибелью не только на наши цепи, но и на другие части отряда. Стрелки не дрогнули, а с редкой выдержкой ожидали приближения атакующих нас. Энергичным и ловким приемом были выдвинуты части для парализования обходов. Противник, выскочивший* на значительно близкое расстояние, по-видимому, неожиданно для него, наткнулся на наш ружейный огонь, открытый действительно в момент необходимости. Конница не выдержала — с потерями хлынула назад. Первая атака была успешно отбита, что в высшей степени подняло дух наших стрелков. Но тут же стала приближаться пехотная цепь противника, по количеству превосходнее нас, — опять завязался сильный бой, наконец наступающие нашей огневой атакой были отброшены. После этой схватки удалось без особых препятствий со стороны противника продвинуться вперед версты 3 и захватить линию конечного пункта задачи. В 15 час. ст. Косарка была в наших руках, но здесь противник стал проявлять весьма отчаянное сопротивление, получив, по-видимому, значительные подкрепления, бросил на наши роты несколько рядов, цепями один за другим, вроде волн. Сила противника здесь могла равняться не менее 2 полков пехоты, — наших сил насчитывалось не более 400 человек. (После выяснилось, что здесь оперировал отряд полковника Сытникова, состоящий из нескольких полков пехоты и значительного количества кавалерии, брошенных с целью нанести удар на ст. Поворино.) Завязалась жестокая бойня — была вынуждена влиться в общую цепь и резервная рота, т. к. фронт пришлось все еще более растянуть ввиду окончательного отказа 2-го Революционного полка наступать и этим оказать нам поддержку, а также правофланговой части, дрогнувшей от неприятельского огня и принявшей вправо.

Дрались в первых сражающихся рядах все, не исключая даже письмоводителей, лекарских помощников и некоторых музыкантов во главе с капельмейстером (1 из первых тяжело ранен, из вторых убит). Там же под убийственным огнем работали санитарки-женщины, подбирая подбитых храбрецов.

Победа, казалось, была в полном смысле в наших руках, но противник, заметив образовавшееся пространство справа, решил воспользоваться этим и бросил туда свежие части, которые стали нам угрожать ударом на правый фланг. Для восстановления положения, менее опасного для цепи, правый фланг был вынужден принять дугообразную

* В документе: «наскочивший».

форму, отойдя несколько назад. Положение было восстановлено, но волны противника стали все более и более напирать на наши редееющие ряды, несмотря на то что и первые из них, сраженные нашим огнем, выходили из строя.

Противнику удалось привести в негодность наши 4 пулемета, остальные 2 еще работали, но также с пробитыми водохранилищами. Добрая часть пулеметчиков переранена, некоторые убиты. Пушка-пулемет, прорвавшаяся наравне с цепью, была повреждена шрапнелью, прислуга переранена, и в цепи насчитывалось более десятка убитыми, в том числе помощник командира полка гр. Петерсон, и около 50 ранеными, среди которых лучший элемент командного состава — командир 1-й роты гр. Люмань, помощник командира 2-й роты гр. Друнка, помощник начальника пулеметной команды гр. Безмерь, помощник заведующего полковой школой гр. Янсон, взводные командиры пулеметной команды: гр. Руштейн, Берг, Толпек, письмоводитель командира 11-го батальона гр. Эмарь и лекарский помощник Томкевич (убит). Положение в цепи явилось критическим, тем более что замечалось движение кавалерийских частей противника. Чтобы поставить полк в более благоприятное положение, цепи оттянулись на версту назад, но обессилел также и противник; подбирая своих раненых и убитых, стал отходить. Наши роты, ввиду сильной усталости и значительных потерь, не были в силах в данную минуту преследовать противника. Около 18 час. цепь опять [была] готова продолжать дальнейшие действия по преследованию противника, хотя и сильно чувствуя физическую усталость, но стремление отомстить противнику за своих товарищей и сознание долга воина брали вверх — начали было двигаться, но тут же застал нас приказ задержаться на месте, во-первых, потому, что возможно скорейшее прибытие поддержки, а во-вторых, как это и было неприятно, осложнение положения соседних групп, которые, якобы не выдерживая натиска противника, отходили. Задача, хотя с невероятными усилиями с нашей стороны, была выполнена.

Наши потери равнялись: убитыми 12 и ранеными около 60 человек, в том числе командного состава 8 человек. Потери противника, как выяснилось после, превышали наши более чем в 5 раз.

По рассказам перебежчиков — крестьян, казаки насчитывали в этот день убитыми в районе ст. Косарка около 140 человек, ранеными около 300 с чем-то. Цифра эта подтверждалась и после показаниями первых.

В заключение успеха следует принять следующее:

1. Нанесение противнику решительного удара в то время, когда последний меньше всего этого ожидал, чем был разрушен составленный им план действий.

2. Ликвидация наступления противника на пункт, имеющий особо важное значение (железнодорожный узел).

3. Нанесение противнику весьма заметного как физического, так и морального ущерба.

Вр. командующий полком Приедит
Военный комиссар Приверт
Врид адъютанта полка Аматниек

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 30, лл. 54, 55

Донесение командира 1-й батареи 1-го дивизиона Латышской стрелковой советской артиллерийской бригады командиру 3-й латышской стрелковой советской бригады о боевых действиях бригады на Новохоперском фронте с 24 по 28 ноября 1918 г.

*Не позднее 25 декабря 1918 г.**

По распоряжению командира 3-й латышской стрелковой советской бригады, батарея через день после своего прибытия из Москвы на ст. Поворино была переброшена на Новохоперский фронт, где ей было поручено содействовать пехоте, в частности 9-му латышскому стрелковому советскому полку, сбить неприятеля с высот южнее дер. Русановки и занять дер. Пыховку, в районе которой находились крупные кавалерийские отряды противника и легкая батарея в дер. Пыховке и другая — в районе Ивановки — Буржевская. Наша пехота, пройдя дер. Русановку, была встречена из-за бугров со стороны Ивановки сильным пулеметным и артиллерийским огнем, поэтому она окопалась верстах в 2 к юго-востоку от Русановки.

Наша батарея обстрелять неприятельскую артиллерию и пулеметные гнезда не могла за неимением наблюдательских пунктов. Я решил действовать с левого фланга. Переехав р. Савалу со стороны Новохоперска, в дер. Русановке, батарея, двигаясь с большими усилиями, укрыто по самому берегу, пересеченному на каждом шагу оврагами, р. Савалы, — незаметно для неприятеля заняла закрытую позицию перед самой деревней Пыховкой, в верстах 3 от нее на левом фланге пехотной цепи, имея стык до нее 2—3 версты и уступом на 2—3 версты впереди нее, охраняя себя пулеметами и прикрытием из резервных номеров. Наблюдательный пункт в 1½ верстах от дер. Пыховки (в то же время наша пехота находилась в верстах 4 от Пыховки) — батарея заняла сама с бою при помощи орудийной боевой прислуги, вооруженной винтовками, и пулеметчиков. Заняв позиции, батарея немедленно открыла огонь по лесным ложинам северо-западнее от дер. Пыховки, где с пункта заметно было большое скопление неприятельской кавалерии [и] взвод артиллерии. Наш артиллерийский огонь с этой позиции явился полной неожиданностью для неприятеля — по-видимому, он не предполагал, что эту позицию можно занять незаметно вследствие пересеченной оврагами дороги. Наш артиллерийский огонь скоро заставил замолчать его ответный огонь и прогнал кавалерию из лесного района то шрапнелью, то химическими снарядами и этим помог пехоте легко занять подступы к дер. Пыховке без больших потерь. Неприятель отступил к самой деревне и сильным артиллерийским и пулеметным огнем стал обстреливать подступы, занятые нашей пехотой. Со старой позиции его уже обстрелять нельзя было, ибо неприятельская артиллерия убралась уже далеко — в другой конец деревни, но сильно обстреливала лесные подступы, где располагалась наша пехота. Нужно было переменить позицию и пункт, чтобы

* Датировано по пометке на полях документа.

обстрелять неприятельскую артиллерию, но, кроме лесных подступов, обстреливаемых пулеметным и артиллерийским огнем, другой позиции для батареи не было. Я приказал одному взводу выехать к опушкам леса, к передовым заставам пехоты, на полузакрытую позицию. Пункт выбрал впереди опушки на бугре, по обыкновению в настоящей войне впереди пехотных цепей, и открыл огонь по неприятельской артиллерии. Неприятельская артиллерия, увидев наш взвод в непосредственной близости, ураганным огнем обрушилась на нас. Их снаряды рвались около самых орудий, один снаряд даже попал в зарядный ящик и тяжело ранил одного наводчика и одного номера, но тем не менее наш взвод, храбро оставаясь на месте под сильным огнем неприятеля, беглым огнем как шрапнелью, так и гранатой и химическими снарядами стал метко стрелять по неприятельской артиллерии. Ураганная дуэль продолжалась недолго. Неприятельская батарея замолчала. Оказалось, что у них одно орудие было разбито нашими снарядами, много боевой прислуги убито и ранено. После этого в деревне наблюдалось своеобразное оживление: бегали конные и пешие. Как выяснилось позже, неприятель собирался в атаку с целью прорвать наше расположение полукольцом около деревни. Батарея открыла перекрестный траншейный огонь по деревне, главным образом по садам около речки. Неприятель был рассеян и бежал в другой конец деревни. Вследствие нерешительности пехотных полков казаки успели благополучно эвакуироваться ночью из деревни — и самая деревня была занята пехотой без боя. По рассказам местных жителей, казаки проклинали латышскую батарею за ее меткую стрельбу и причиненные жертвы, которых у них было немало от артиллерийского огня; также удивлялись храбрости артиллеристов, которые с передовой пехотной цепи под траншейным и пулеметным огнем беззаветно работали, и пришли к заключению, что у латышей артиллерия вообще находится в пехотных цепях.

С занятием дер. Пыховки кончились бои на Новохоперском фронте, и через день батарея была перебросена обратно на Поворинский участок и заняла позицию в дер. Дуплятской. В этом районе особых боевых действий не происходило до 24 ноября. Каждый день легкая перестрелка с неприятельской артиллерией, стрельба по разведке, броневому поезду и т. д. После артиллерийской подготовки 25 ноября была взята дер. Орлово. Более ожесточенные бои начались опять с 26 ноября. В этот день неприятельская разведка была особенно деятельна, наседая с трех сторон на дер. Орлово, их броневой поезд пытался несколько раз подойти к буграм против самой деревни Орлово, но каждый раз был прогнан нашим артиллерийским огнем, причем замечен был большой клуб дыма на самом паровозе во время нашей стрельбы. К вечеру батарея открыла сильный огонь по самой ст. Алек [сиково] и по паровозу бронированного поезда, который стоял на самой станции, а также по пехотным цепям около поселка станции. После артиллерийской подготовки наша пехота заняла ст. Алексиково вечером 26 ноября. Рано утром 27 ноября до рассвета батарея прибыла на станционный поселок и заняла позицию перед разветвлением железных дорог на Царицын и Урюпинск. 27 числа ничего особенного не было, стреляли по бронированному поезду на Ца-

рицынской ж. д. и по наседающей неприятельской разведке. 27 вечером мы узнали, что наша бригада окружена неприятелем и дер. Дуплятская занята казаками и что снарядов больше неоткуда получить. Так как мы были готовы на это вследствие слабости флангов и больших стыков между нашей бригадой и соседними частями, то уже заблаговременно запаслись снарядами.

27 вечером я созвал людей и объяснил положение вещей. Мы дали клятву биться до последнего солдата и трусов расстреливать на месте, если таковые окажутся в нашей среде, чтобы организованно вырваться из неприятельского кольца. В наших руках были две деревни — Орлово и ст. Алексиково с поселком. 28-го утром неприятель стал со стороны Двойных наседать на дер. Орлово, обхватывая ее полукольцом. Приказал одному взводу перейти в северный конец поселка станционного, чтобы обстрелять наступающую неприятельскую пехоту со стороны дер. Двойные. В то же время появились крупные неприятельские кавалерийские отряды на западе и востоке от ст. Алексиково, а бронированный поезд наседали сзади. Уже приходилось стрелять вечером во все стороны по многочисленным группам противника, особенно после отступления 8-го полка из дер. Орлово на Алексиково. Наша пехота, сомкнув свои ряды, в составе Особого 9-го и отошедшего из Орлова 8-го полка стала наступать на Орлово. Батарея в это время, став на позиции около северной окраины дер. Николаевской (около ст. Алексиково), поддерживала пехоту своим огнем, стреляя во все стороны. Как только пехота заняла дер. Орлово, батарея быстрым аллюром на разомкнутых интервалах с обозом и резервом переехала туда же и открыла огонь по неприятельской кавалерии со стороны дер. Дуплятской и Двойных.

Самая трудная задача наступила тогда, когда 8-й и 9-й полки уже скрылись за железной дорогой и около железной дороги уже появились казаки; Особый полк в верстах 3 находился правее нас — под дер. Двойные, и нам было приказано отступить за железную дорогу от дер. Орлово, а потом двигаться на ст. Поворино вдоль железной дороги. Так как 9-й и 8-й полки уже давно скрылись за железной дорогой, а Особый полк остался вправо версты 3, а двигаться нам [надо было] к железной дороге влево, то батарея оказалась без всякого прикрытия со стороны пехоты и [была] окружена неприятелем с 4 сторон. До железной дороги от дер. Орлово участок был около 3 верст. Этот промежуток я решил проскочить карьером на полных интервалах, ибо неприятельская артиллерия стала нас сразу обстреливать беглым огнем, как только наши запряжки появились из-за дер. Орлово по направлению к дороге. Минута наступила критическая: шрапнель рвалась над головами запряжек, несколько лошадей сразу ранило и 4 убило, поэтому правильность движения стала нарушаться, и, кроме того, вместо того чтобы встретить около железной дороги своих, т. е. 9-й и 8-й полки, нас встретили там казаки ружейным и пулеметным огнем. Поэтому запряжки вперед двигаться не могли, а на месте стоять было невозможно, ибо место [было] совершенно открытое как для глаз, так и для огня противника и по нам стреляли беглым огнем. Пославши разведчиков и пулеметчиков вперед, я решил одним орудием во что бы то ни стало,

несмотря ни на пулеметный, ни [на] ружейный огонь, перескочить железную дорогу, чтобы прогнать неприятельский пулемет. Так и удалось. Перебросились с одним орудием через линию железной дороги — я немедленно открыл огонь по неприятельским стрелкам и пулемету за железной дорогой, а тем временем перебежали остальные запряжки, и орудия сразу снимались с передков, стреляли по наседающей неприятельской кавалерии на прицеле от 20—30 и по неприятельскому пулемету на картечь. Здесь я решил подождать Особый полк, который приближался из-за Двойных все ближе и ближе к нам. Боевая прислуга действовала храбро, стреляя на прицеле 20 и находясь под неприятельскими ружейными пулями. Никто около орудий на колени не становился, а спокойно исполняли свои обязанности. Неприятельская кавалерия подсакивала с разных сторон и, спешившись, пыталась открывать ружейный огонь по нам, но каждый раз отбрасывалась успешно нами. С приближением пехоты мы стали продвигаться вперед, но с таким расчетом, что один взвод постоянно стрелял по неприятелю, наседающему на батарею и подходящий Особый полк, а другой взвод с резервом и обозом продвигался вперед вдоль полотна железной дороги. Так мы продвигались, отбиваясь во все четыре стороны от неприятеля до самой ст. Косарки, где, вышедши из неприятельского огня, нас поджидали 9-й и 8-й полки. Боевая прислуга и командный состав с комиссаром работали сверх похвалы, самоотверженно удерживая малодушных и ободряя нерешительных, и благодаря этой стойкости и храбрости батарея только вышла целая в полном составе из неприятельского кольца. От ст. Косарки двигались беспрепятственно до ст. Поворино и прибыли на ст. Поворино 27-го около 12 часов¹.

Командир батареи Сакенфельд

На полях пометка:
«Видна хорошая работа батареи»
25/XII 1918 г. П. Авен

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 30, лл. 1—7. Подлинник.

¹ Дата указана ошибочно. Батарея прибыла на ст. Поворино 28 ноября. — Сост.

II

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ
В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ЛАТВИЮ
(1918 — 1919)

А. Ф. РЕЙНАРТ,

бывш. латышский стрелок

ПОХОД НА РИГУ

В апреле 1918 года, находясь в Петрограде, я явился в Смольный. Там мне довелось встретить многих латышских стрелков, которые ожидали документов о зачислении их в ряды Красной Армии. Получив документы, я направился в Москву, где организовывался 1-й латышский кавалерийский полк.

В Москве в это время было много латышских стрелков из разных частей. В штабе формирующегося кавалерийского полка я познакомился с командиром полка Кришьяном и командиром эскадрона Федоровым.

Я. Е. Кришьян оказался высоким, стройным человеком средних лет с бритой головой и серьезным взглядом. С интересом расспрашивал он меня, в каких боях я участвовал и в каких частях служил в царское время и при Временном правительстве. Расспрашивал также и о том, какова теперь жизнь в Петрограде. Меня зачислили в 3-й эскадрон, которым командовал Федоров.

Когда полк был полностью сформирован, мы расположились недалеко от Москвы, в Павловском Посаде, где разместились в артиллерийских казармах. Там происходило обучение. 30-го июля 1918 года 1-й и 2-й эскадроны кавалерийского полка были по распоряжению командования направлены на Восточный фронт, где происходили бои с белочехами. 3-й эскадрон остался при штабе дивизии в Москве. Осенью 1918 года 3-й эскадрон был переименован в кавалерийский дивизион, и командиром его был назначен Миезис. Дивизион нес караульную службу, выполнял различные специальные задания по борьбе с контрреволюцией. Позднее он был снова присоединен к своему полку и в начале декабря 1918 года прибыл в район Пскова, откуда началось освобождение территории Латвии от войск германских оккупантов и латышских буржуазных националистов. Наш кавалерийский дивизион продвигался по территории Эстонии. Настоящих боев не было, происходили только стычки с отступающим противником. После взятия Валки мы отправились на юг в направлении Риги. С приближением к Риге сопротивление немцев возрастало. Бывали случаи, когда завязывались настоящие бои. Немцы сжигали мосты, чтобы задержать наше продвижение вперед.

Когда мы находились недалеко от Сигулды, наше командование узнало, что недалеко от Риги, в имении какого-то бежавшего барона, расположился штаб немецкой бригады. Нам было приказано окружить имение и взять в плен немецкий штаб. В 2 часа ночи наш дивизион, спешившись, окружил имение. Немцы не ждали нападения. Кругом царила

Члены правительства Советской Латвии. Стоят слева направо: Д. Бейка, Я. Ленцман, О. Карклинь, Я. Шильф, П. Стучка, К. Петерсон, Ю. Данишевский.

полная тишина. Так как ночь была морозной, посты, охранявшие штаб, находились в помещениях. На балконах имения были установлены пулеметы. Немецкий часовой, стоявший вблизи имения, заметил все же цепи стрелков и выстрелом дал сигнал тревоги, но было поздно: мы уже начали штурм здания. В результате боя штаб немецкой бригады был взят в плен; стрелки выполнили свое задание с честью.

Вскоре после этого невдалеке от хутора Блузи разъезд наших кавалеристов наткнулся на немецких разведчиков, которые пробовали выяснить, как велики силы частей Красной Армии, преследующих немцев. Когда немецкие разведчики приблизились к хутору, наш отряд укрылся в сарае и подпустил немцев на расстояние нескольких шагов; затем неожиданно для них мы приказали немцам слезть с коней и сдать в плен. Видя безвыходность своего положения, немцы сдались. Так мы взяли в плен немецкого обер-лейтенанта Шмидта и 12 кавалеристов.

На подступах к Риге, в районе Инчукална, мы встретили сильное сопротивление противника. Накануне нового, 1919 года произошел ожесточенный бой. Кавалеристы нашего дивизиона получили задание обойти врага с флангов и тыла, чтобы затруднить его отступление со станции Инчукална на Ригу. Немцы всеми силами хотели удержаться в Инчукальне, но не смогли устоять перед латышскими стрелками. Разбитый противник в панике бежал к Риге. Кавалерийский дивизион находился в авангарде наших войсковых частей.

3 января 1919 года наши разведчики, а затем и весь дивизион наконец достигли окраины города у Юглаского моста. Спешившись и оставив коней на каком-то хуторе, мы незаметно для противника перебрались через мост и расположились так, чтобы удобно было наблюдать шоссе, по которому в это время двигался большой обоз противника. Мы открыли огонь по солдатам, охранявшим его. Немцы растерялись, бросили обоз на шоссе и укрылись. Перестрелка на мосту привлекла внимание других немецких частей, которые выслали на помощь артиллерийский взвод. Произошла стычка.

Вечером того же дня мы получили приказ командования выслать разведку, чтобы выяснить, какие немецкие силы находятся в Риге. Продвигаясь по шоссе к городу, мы заметили немецкую конную разведку, которая, не приняв боя, вернулась обратно в город. Наши кавалеристы приблизились к городу. Нас встретили рижские рабочие, которые подняли восстание и захватили уже важнейшие объекты города. Штаб нашего дивизиона расположился на Александровской улице. В некоторых местах города возникли пожары, горела таможня. Немцы отступили за Даугаву в надежде удержаться там до подхода подкреплений. Мы должны были следить за тем, чтобы отходящие немецкие части не взорвали мост через Даугаву. Нам помогали рабочие дружины. Мост немцам взорвать не удалось.

После того как нам удалось обезопасить мосты, командир дивизиона Миезис созвал командиров и разъяснил положение, сказав, что мы получим подкрепление — латышский пехотный полк. И действительно, на следующий день в город вступили наши воинские части. В городе еще происходили отдельные столкновения, в то время как на станцию прибыл поезд с правительством. Председатель правительства П. Стучка и его заместитель Ю. Данишевский рассказали о текущем моменте, о задачах дальнейшей борьбы и поблагодарили нас за взятие города.

Через несколько дней по приказу командования наш кавалерийский дивизион был направлен на Эстонский фронт, где белогвардейцы развили активную деятельность. На территории Эстонии в это время концентрировались большие силы противника, начавшего наступление на Советскую Латвийскую республику. На Эстонском фронте в одном из боев я был ранен и отправлен в госпиталь.

В строй я возвратился уже осенью 1919 года после отступления из Латвии.

3 января 1919 года наши разведчики, а затем и весь дивизион наконец достигли окраины города у Юглаского моста. Спешившись и оставив коней на каком-то хуторе, мы незаметно для противника перебрались через мост и расположились так, чтобы удобно было наблюдать шоссе, по которому в это время двигался большой обоз противника. Мы открыли огонь по солдатам, охранявшим его. Немцы растерялись, бросили обоз на шоссе и укрылись. Перестрелка на мосту привлекла внимание других немецких частей, которые выслали на помощь артиллерийский взвод. Произошла стычка.

Вечером того же дня мы получили приказ командования выслать разведку, чтобы выяснить, какие немецкие силы находятся в Риге. Продвигаясь по шоссе к городу, мы заметили немецкую конную разведку, которая, не приняв боя, вернулась обратно в город. Наши кавалеристы приблизились к городу. Нас встретили рижские рабочие, которые подняли восстание и захватили уже важнейшие объекты города. Штаб нашего дивизиона расположился на Александровской улице. В некоторых местах города возникли пожары, горела таможня. Немцы отступили за Даугаву в надежде удержаться там до подхода подкреплений. Мы должны были следить за тем, чтобы отходящие немецкие части не взорвали мост через Даугаву. Нам помогали рабочие дружины. Мост немцам взорвать не удалось.

После того как нам удалось обезопасить мосты, командир дивизиона Миезис созвал командиров и разъяснил положение, сказав, что мы получим подкрепление — латышский пехотный полк. И действительно, на следующий день в город вступили наши воинские части. В городе еще происходили отдельные столкновения, в то время как на станцию прибыл поезд с правительством. Председатель правительства П. Стучка и его заместитель Ю. Данишевский рассказали о текущем моменте, о задачах дальнейшей борьбы и поблагодарили нас за взятие города.

Через несколько дней по приказу командования наш кавалерийский дивизион был направлен на Эстонский фронт, где белогвардейцы развили активную деятельность. На территории Эстонии в это время концентрировались большие силы противника, начавшего наступление на Советскую Латвийскую республику. На Эстонском фронте в одном из боев я был ранен и отправлен в госпиталь.

В строй я возвратился уже осенью 1919 года после отступления из Латвии.

П. Я. ПЛАУДИС,
бывш. латышский стрелок

ЗА СОВЕТСКУЮ ЛАТВИЮ

ВСТУПЛЕНИЕ ЛАТЫШСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА

П. Я. Плаудис (снимок 1950 г.).

Это было в один из последних дней декабря 1918 года. В Цесис в базарный день (если не ошибаюсь, на ярмарку) съехалось очень много народа из ближних и дальних окрестностей.

Все были в приподнятом настроении: знали, что к Цесису приближается Красная Армия — латышские стрелки.

Около полудня со стороны Валмиеры показались первые красные конные разведчики. Стрелки на резвых конях лихо проскакали мимо старой замковой корчмы (старая замковая корчма находилась на месте нынешней гостиницы «Тервете»), затем через Кавенскалнынь — дальше по улицам Раунас и Ригас, мимо базарной площади и до старой коннопочтовой станции. Здесь разведчики разделились на две группы: одна отправилась мимо немецкого кладбища на Калнмуйжу, другая — мимо тюрьмы в направлении Райскума.

Убедившись, что немцев и белогвардейцев поблизости нет, разведчики так же стремительно усаkali обратно в сторону Валмиеры.

Трудящиеся Цесиса от всего сердца приветствовали первых красных стрелков, вестников свободы, радуясь освобождению от ига немецкой оккупации и местных белогвардейцев, буржуазных националистов. Многие бросали вверх шапки, обнимали друг друга, целовались. Со всех сторон звучали возгласы: «Да здравствует Красная Армия!» Да здравствует Советская Латвия! Привет нашим долгожданным, любимым сынам народа — героическим латышским стрелкам!»

Вскоре показалась первая цепь стрелков, которая в полной боевой готовности двигалась мимо старой замковой корчмы на Кавенскальнине. Это были brave, закаленные в буре гражданской войны сыны латышских рабочих и трудящихся крестьян, одетые в серые шинели. Ликование на переполненных народом улицах Цесиса возобновились с еще большей силой.

Первые стрелковые части не остановились в Цесисе, а в боевой готовности быстро продолжали двигаться на Ригу, где их с нетерпением ожидал рижский пролетариат. За передовыми частями стрелков следовали другие части, которые задержались в Цесисе более длительное время.

Около стрелков собирались люди, сердечно пожимали им руки, поздравляли с победой и возвращением на родину. Каждый старался угостить освободителей-стрелков тем чем мог. Таковую дружескую встречу народа с армией Цесиса еще никогда не переживал. Только трудовой народ мог так встретить свою родную рабоче-крестьянскую армию.

Многие матери стрелков, чьи сыновья также воевали в рядах Красной Армии, неотступно расспрашивали стрелков о них, называя стрелковые полки, в которых их сыновья служили раньше. Стрелки старались всем этим женщинам дать успокаивающие ответы, разъясняли, где могут находиться стрелковые части, которыми интересовались матери, разыскивая своих сыновей.

Так этот день для жителей Цесиса превратился в великий праздник освобождения трудового народа. Над городом снова свободно и гордо развевалось боевое красное знамя трудящихся.

Началась работа по восстановлению Советской власти.

НОВАЯ СМЕНА

Боевой путь Цесисской роты красных стрелков в 1919 году

Трудящиеся Цесиса активно участвовали в общественной и политической работе по восстановлению органов Советской власти и укреплению советского строя как в городе, так и в деревне.

Революционная молодежь жаждала скорее вступить в ряды красных стрелков, чтобы пополнить полки борцов, которые готовились к новым боям за Советскую власть.

На окраине Цесиса, в Рудкасмуйже, разместилась одна из артиллерийских частей, и мы обратились к ее командиру с просьбой принять нас. Командир, очень приветливо поговорив с нами, в конце разговора объяснил, что его часть, к сожалению, полностью укомплектована. Не отказывая нам окончательно, он предложил прийти через неделю, так как ожидалось, что командование увеличит число орудий в части. Через неделю этот командир сообщил, что командование не сочло нужным увеличить число орудий в его части и что принять пополнение бойцов он не может. Мы продолжали искать другую возможность вступить в армию.

В Цесисе в это время начала организовываться рота добровольцев. Я обратился к командиру этой роты, фамилия которого, если не ошибаюсь, была Мауринь, с просьбой зачислить меня в роту. Узнав, что только 22 марта мне исполнится 17 лет, Мауринь отказался меня при-

Началась будничная жизнь в стрелковой роте. Прежде всего нас усиленно обучали строевому делу — стрельбе и другому. В то же самое время наша рота исполняла обязанности городского гарнизона: мы охраняли важнейшие объекты города — почту, телеграф, склады боеприпасов — и ночами патрулировали по улицам.

Вначале мы очень энергично исполняли свои обязанности, но скоро однообразная учеба и гарнизонная служба начали надоедать. Мы рвались на фронт, к активной борьбе с белогвардейцами. В нашей роте был организован кружок молодых стрелков. Молодежь, члены кружка, непрерывно обращалась к парторгу роты Озолиню с просьбой о скорейшей отправке на фронт. (В это время в Латвии образовались три фронта: в Курземе, в окрестностях Валмиеры — так называемый Эстонский фронт, и третий — фронт борьбы с бандами «зеленых», которые организовывали кулаки.) Озолинь нас обычно успокаивал: не волнуйтесь, ребята! Все попадете на фронт, за это я вам ручаюсь. Пока ваша главная обязанность — учиться и еще раз учиться, чтобы стать хорошо подготовленными стрелками. Научитесь не тратить зря патроны, хорошо целиться, метко стрелять, ориентироваться в боевых условиях.

И мы учились упорно, настойчиво, так, как это полагалось новой смене стрелков.

Вскоре часть молодежи нашей роты откомандировали в Ригу в помощь гарнизону столицы. Рижане нас приняли хорошо. Мы остановились в лучшей гостинице Риги — «Империяль». Первый раз в своей жизни мы видели так роскошно и богато убранные помещения. Это была старая господская роскошь. Здесь до революции останавливались только графы, бароны и другие богачи, а теперь мы — их вчерашние рабы, которых они не считали людьми. Только помещения не отапливались, потому что в Риге не хватало топлива.

В свободное время мы осматривали Ригу — столицу нашей освобожденной родины. На площади Эспланада недавно были похоронены павшие в бою коммунары. Их братская могила находилась недалеко от кафедрального собора, там, где теперь зеленеют пышные елочки. В память павших героев площадь переименовали в площадь Коммунаров. Торжественные похороны коммунаров еще очень ярко сохранились в памяти рижан, и об этом много говорили.

В Риге мы пробыли недолго. Когда наша группа молодых стрелков вернулась в Цесис, ее ждало новое, на этот раз уже боевое задание. Нам предстояло очистить пиебалгские леса от банд «зеленых», которые стали чересчур нахальными, дерзкими и начали терроризовать местных партийных и советских работников.

Вернувшись в Цесис после пиебалгской операции, мы снова не давали покоя Озолиню. Все собрания молодежной группы кончались вопросом, когда же пошлют нас на фронт.

Наконец долгожданный момент наступил.

В конце апреля 1919 года мы получили приказ собраться и отправиться на фронт. Была создана специальная рота, в которую выделили всю нашу трудовую молодежь (комсомол), или, как мы сами себя называли, кружок молодых стрелков.

Стали собираться в дорогу. Чистили и проверяли оружие, обменивали свои старые винтовки на новые, более соответствующие боевым условиям, получали ручные гранаты.

В прощальный вечер, который происходил в казармах на улице Яуна, трудящиеся Цесиса пришли проводить свою молодежь на фронт. Среди провожавших было много молодежи, учащихся, членов кружка трудовой молодежи города и другие. Они пожелали нам, молодым стрелкам, успехов в борьбе с белогвардейцами.

Фронт находился в каких-нибудь 10 километрах от имения Эвеле в сторону Валки. Наша рота стояла в этом имении около двух недель. Мы выполняли особые задания командования фронта.

В середине мая мы уже сражались на фронте. Белогвардейцы, терпевшие неудачи, стали усиленно посылать в бой свежие резервные силы — финнов, русских, латышей и эстонцев. Бои становились все ожесточеннее. На наш участок фронта прибыл также добровольческий батальон валмиерской молодежи. Молодежь храбро противостояла значительно превосходящим силам противника. Но через несколько дней боев ряды красивых бойцов стали редеть. Прибывавшие в наши части дополнительные силы были не в состоянии обеспечить перевес наших войск. В этот критический момент мы получили печальную весть: 22 мая силами международной контрреволюции была взята Рига.

После падения Риги наша молодежная рота, как и другие стрелковые части, продолжала сопротивляться непрерывно наступающим белогвардейским силам, которые угрожали нам окружением.

В конце концов мы были вынуждены отступить к Стренчи.

Стояли последние дни мая. Погода была солнечной, теплой, приятной. По всем дорогам в наш тыл двигались потоки повозок беженцев, гнали скот из имений, ехали воинские обозы, артиллерия. Белогвардейцы стремились парализовать отступление нашей армии и трудящихся, непрерывно нападали, стремясь захватить большаки, которые вели на Валмиеру. Особенно велик был натиск противника на расположенных в окрестностях Стренчи скрещении дорог. Эти узлы дорог надо было сохранить любой ценой, поэтому там происходили ожесточенные бои. Белогвардейцы в этом районе атаквали и с фронта и с флангов, стремясь обойти наши стрелковые части. Нужно было сорвать и парализовать непрерывные атаки противника, чтобы дать возможность нашим обозам, артиллерии и беженцам со своим имуществом и скотом отступить и перейти мост через Гаую у Валмиеры.

Командование нашего участка фронта решило послать в тыл белогвардейцев ударную группу с заданием деморализовать наступающего противника и на время задержать его стремительное продвижение вперед. Эта группа была составлена из проверенных в боях бойцов, которые добровольно пожелали участвовать в рискованной операции. В группу вошли молодые ребята из цесисской добровольческой роты и валмиерского добровольческого батальона — около 20 стрелков, вооруженных винтовками, ручными гранатами и 3 или 4 легкими ручными пулеметами. В эту группу вошел и я.

Взяв с собой изрядное количество боеприпасов, мы отправились в дорогу еще до рассвета. Наш путь в тыл противника шел через труднопроходимое болото, тропинку через которое мог найти только человек, хорошо знавший его. Среди нас был один стрелок из валмиерского батальона, местный батрак, который знал это болото как свои пять пальцев. Примерно через час быстрой ходьбы, прыгая с кочки на кочку и часто проваливаясь в черную болотную воду, добрались мы до противоположной стороны болота, в тыл белогвардейцев.

На пригорке у края болота стоял крестьянский хутор, вокруг него был небольшой сад и деревья. В низине за этим хутором проходил большак, по которому белогвардейцы отправляли на передовую линию свою пехоту, артиллерию и обозы с боеприпасами.

Было раннее утро. В прохладной тишине можно было расслышать разговоры находившихся поблизости белогвардейцев: говорили на русском, эстонском и латышском языках. Мы заняли удобную позицию близ хутора, разделились на несколько групп и снабдили каждую группу пулеметом, чтобы белогвардейцам казалось, что нападают большие силы. Затем все наши группы одновременно открыли огонь. Эффект был великолепный. Вначале масса белогвардейцев как будто замерла, не понимая, что происходит и откуда стреляют. Вслед за этим началась неопишуемая паника. Охваченные страхом белогвардейцы, издавая дикие вопли, метались из одной стороны в другую. Наше внезапное, неожиданное нападение так ошеломило врагов, что они даже не помышляли о сопротивлении. Часть белогвардейцев, не отдавая себе отчета в том, с какой стороны их атакуют, бросилась в нашу сторону и попала под ураганный огонь. Вражеские артиллеристы в ужасной спешке рубили постромки и прыгали на коней, желая бежать, но большая часть тут же пала вместе с конями.

Только тогда, когда на дороге уже лежали убитые и раненые белогвардейцы и валялись застреленные лошади, из противоположных кустов раздались редкие выстрелы. Неизвестно, в какую сторону они были направлены, потому что у нас посвистывание пуль не слышалось.

Так продолжалось до тех пор, пока белых не стало видно ни на большаке, ни в ближайших кустарниках и в поле.

Свое задание мы выполнили. Наступление белогвардейцев на время было сорвано. Наши части получили передышку для того, чтобы подготовиться к новым боям, обозы, артиллерия и беженцы могли организованно отступить в тыл по мосту через Гаюю.

Наша молодежная оперативная группа, не ожидая, пока белогвардейцы опомнятся от растерянности, незаметно исчезла на большом болоте — враг так и не узнал нашу численность — и спешно отправилась через трясины к своим. Когда мы приближались к противоположному концу болота, на белогвардейской стороне была слышна сильная перестрелка. Как выяснилось позже, белогвардейцы по ошибке начали драку между собой, принимая своих за красных.

В свою часть мы явились в ужасном виде, промокшие и измазанные болотной грязью с головы до ног. Командование наше было очень

довольно результатами операции, и мы удостоились похвалы за хорошо выполненное боевое задание.

Теперь мы могли свободнее и успешнее бороться, так как не мешали ни обозники, ни беженцы, которые через гауенский мост были переправлены в безопасное место. Эстонские белогвардейцы непрерывно нападали и стремились захватить Смилтене и Алуksне. Положение на

Р. Я. Плаудис.

Валмиерском фронте ухудшилось; все туже стягивалось кольцо окружения. Чтобы не дать ему сомкнуться совсем, нужно было оставить один из древнейших городов Латвии — Валмиеру. Наша молодежная стрелковая рота, прикрывая отступление, оставила город последней. Нам, стрелкам Цесисской роты, командование разрешило отправиться в Цесис и там присоединиться к гарнизону города, чтобы помочь эвакуировать партийных и советских работников. Отойдя немного от Валмиеры, мы увидели черные клубы дыма — горел мост через реку Гаюю.

В Цесис мы прибыли без происшествий. Потери нашей добровольческой роты были невелики, а боеспособность ее возросла — мы закалились в условиях фронта. В Цесисе мы получили приказ отступить в направлении Мадоны. Одними из последних мы оставили

родной город, где прошло наше детство и первые годы юности. Город словно вымер, только кое-где видны были одиночные прохожие.

В Лауцини (на окраине Цесиса за железной дорогой), у кладбища и дома Циниса, собралось несколько матерей, чтобы проводить своих сыновей в неведомый путь. Хорошо запомнилась старуха-мать стрелка Сермукслиса. Провожая нас, она махала платочком и со слезами на глазах просила: «Не забывайте нас, сыночки! Возвращайтесь скорее с победой!» Сын ее, рабочий-стрелок, вместе с товарищами отправлялся в далекий путь борьбы за власть Советов.

Мы ушли из Цесиса, обещав скоро вернуться с победой. Продвигаясь через местечко Некене в сторону Мадоны и дальше на Резекне, мы несколько раз сталкивались с бандами «зеленых», которые пытались преградить нам дорогу. Однако каждый раз они получали крепкую взбучку, и многие из этих холуев международной буржуазии в столкновениях поплатились жизнью.

По дороге вблизи Мадоны мы встретили знакомых из Рауны, которые расположились на отдых у обочины дороги. Мы взяли на себя охрану этой группы и вместе продолжали двигаться на Резекне. В Резекне началось формирование новых латышских стрелковых полков из отдельных стрелковых частей и съехавшихся сюда беженцев. Многие рауненцы и цесисцы добровольно записались в Красную Армию. Из них была создана отдельная стрелковая рота, которую направили для дальнейшего формирования в Великие Луки.

Нашу цесисскую добровольческую роту включили в батальон особого назначения, который затем преобразовали в полк особого назначения при XV армии. Командиром полка был назначен Я. З. Бейка (Черный Бейка), старый член Коммунистической партии, очень способный, энергичный и смелый человек. Под его командованием полк превратился в боеспособную часть Красной Армии, гордость XV армии. В боях против эстонских, латышских, литовских и польских белогвардейцев полк особого назначения проявил истинное мужество и невиданный героизм.

На станции Резекне я случайно встретил своего брата Роберта Плаудиса (коммуниста с 1916 года). Он командовал в то время эскадронном одного из кавалерийских полков (название полка запомнил, знаю только, что он не входил в Латышскую дивизию). Его эскадрон в это время готовился к погрузке в вагоны, чтобы отправиться на фронт против белополяков. Это была моя последняя встреча с братом. Летом 1920 года он пал в боях под Варшавой.

БОЕВОЙ ПУТЬ ПОЛКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В Латышском полку особого назначения при XV армии было много членов Коммунистической партии и комсомольцев. Партийная организация за короткое время сумела сплотить полк, укрепить дисциплину, воспитывая стрелков в большевистском духе. В составе полка было много цесисцев, валмиерцев, смилтенцев и рижан.

Наш полк готовили для выполнения особого задания — для отправки на те участки фронта, где обычные армейские части не справлялись с белогвардейцами, где надо было внезапно наносить решающий удар по врагу, уничтожать сконцентрированные силы противника, парализуя его наступление на части XV армии.

В период обучения, как это бывает всегда, стрелки, особенно наша молодежь, рвались на фронт и все чаще стали беспокоить своих командиров и политруков просьбами послать их в бой. Коммунистическая организация нашей роты, принимая во внимание желание стрелков, решила просить командование быстрее завершить все подготовительные работы, ускорить отправку полка на фронт, дать стрелкам возможность участвовать в борьбе с белогвардейцами.

В конце июня или в начале июля 1919 года наш полк наконец отправили на фронт. Мы заняли позиции неподалеку от Даугавпилса, в окрестностях станции Ваболе. Целый год, с июня 1919 года до июня 1920 года, полк находился на фронте, непрерывно участвуя в боях. Все

эти сражения я не берусь описать. Попробую рассказать только о тех, которые больше других запечатлелись в моей памяти и в которых я вместе со стрелками нашей роты принимал участие.

Берег Даугавы, на котором наш полк занял позиции (траншеи старой русской армии), очень пострадал во время первой мировой войны. На противоположном берегу Даугавы, на прежних позициях немецкой армии, укрепились литовские белогвардейцы. Интенсивно начали действовать разведчики. Подготовка наступления и форсирования Даугавы требовала тщательной разведки сил противника.

В районе позиций нашего полка местных жителей в то время почти не было видно. Вся эта местность в годы первой мировой войны была совершенно разорена, а жители эвакуировались в глубь России. Только изредка можно было встретить какую-нибудь семью, обосновавшуюся в землянке старой армии. Эти люди жили впроголодь, питаясь главным образом щавелем и другими дикорастущими растениями. И хотя нас плохо снабжали продуктами, мы не упускали возможности поделиться нашими скудными запасами с местными жителями, особенно с детьми, которым мы отдавали весь свой сахарный паек.

Ранним утром в начале июля 1919 года, когда матушка-Даугава еще дремала, окутанная утренним туманом, наш полк начал форсирование реки. Операция происходила очень организованно. Лодки и плоты, направляемые умелыми руками даугавчан, быстро скользили по воде. Среди знающих свое дело перевозчиков были стрелки-даугавчане из Екабпилса и Крустпилса — Эглитис, Карл Рутманис и другие. Операцией форсирования руководили командир нашей роты Печкурис (по национальности литовец), командир взвода — рижский рабочий Янис Гутманис (погиб на польском фронте в 1920 году) и вожак нашей коммунистической молодежи Валдемар Балодис.

Наше дружное «ура», бурная, стремительная высадка на земгальском берегу и вторжение в траншеи белогвардейцев ошеломили их. Ручными гранатами мы начали очищать старые немецкие траншеи от литовских белогвардейцев. Те, не приняв рукопашный бой, в чрезвычайной панике кинулись бежать, бросая свои пулеметы, винтовки и даже обозы с боеприпасами. Даугаву мы форсировали со сравнительно небольшими потерями.

Стрелки стремительно продвигались вперед, не давая противнику опомниться от первого удара и оказать сопротивление. Правда, некоторые белогвардейские части пытались организовать сопротивление, используя старые немецкие укрепления — траншеи, бетонированные землянки и т. д., которых было очень много на всем широком земгальском побережье. Но все эти попытки были подавлены. Противник был не в силах ни остановить, ни даже замедлить наступление стрелков.

Мы должны были спешить, чтобы в тот же день взять Бебрене. Имение Бебрене в годы первой мировой войны принадлежало к числу важных стратегических пунктов немецкой армии. Немцы построили здесь узкоколейную железную дорогу, окружили центр имения глубокими окопами, землянками и большими помещениями для нужд армии.

Со стороны Даугавы и Илуксте взять Бебрене было трудно, так как приходилось двигаться через большое открытое поле. Мы маскировались в густой ржи. Были также посланы две группы стрелков в тыл белых в направлении Боканы и Анцены.

Начался бой. Окрестности имения Бебрене наполнились грохотом сражения. Работали пулеметы и винтовки. Артиллерия, поспешив на помощь, открыла огонь по позициям белых. Хотя белые держались упорно и открыли по нам сильный ружейно-пулеметный огонь, цепь стрелков приближалась к их окопам. Местами уже пошли в ход ручные гранаты. Рукопашная была неизбежна. Белые, опасаясь окончательного разгрома, начали отступать, бросая своих раненых и убитых. Когда они, откатившись через Бебрене, начали собираться на большаках, ведущих на Боканы и Анцены, их встретили там сильным ружейно-пулеметным огнем два заранее высланных отряда стрелков.

На полях густой, еще зеленой ржи осталось лежать много раненых и убитых белогвардейцев. Наш полк взял трофеи и пленных. Большинство белогвардейцев было одето в форму старой русской армии.

Имение Бебрене мы нашли в хорошем состоянии: там было много скота, инвентаря, поля были засеяны и обработаны, хозяйственные постройки во время войны не пострадали. Старым коммунистам нашей роты было поручено передать имение Бебрене со всем движимым и недвижимым имуществом — скотом, семенами и орудиями труда — в распоряжение батраков имения. Из среды батраков были выдвинуты руководители имения. Эти же коммунисты помогли бебренским батракам организовать управление имением. Батрацкий комитет, в свою очередь, выдал стрелкам из амбаров имения продукты — хлеб, мясо, молоко. Едой мы были обеспечены хорошо. Хороший хлеб, сытные обеды с мясом и каждому по штофу молока в день — такой пищи мы уже давно не имели.

Группа молодых стрелков каждый день отправлялась в разведку в сторону Вилишки и Алксне. Иногда уходили на 15—20 км в глубь занятой белогвардейцами территории. Здесь нам часто приходилось сталкиваться с их полицией. В одну из таких разведывательных вылазок мы натолкнулись на дом волостного правления, где белогвардейская поли-

К. П. Рутманис — политработник Латышского полка особого назначения при XV армии и позднее — 5-го (бывш. Земгальского) латышского стрелкового полка.

ция держала арестованных коммунистов и сочувствующих им. Мы окружили дом (к сожалению, я не помню названия этой волости). После короткого боя полиция была уничтожена и арестованные освобождены. Среди них были женщины с детьми; последние, слыша выстрелы и взрывы ручных гранат, громко плакали. Освобожденные обрадовались, узнав, что мы красноармейцы, латышские стрелки. Женщины с детьми и старики скрылись у своих. Те мужчины, которые были в состоянии носить оружие, присоединились к нам, воспользовавшись оружием бежавших и убитых полицейских. Позднее из них получились храбрые стрелки.

С нетерпением ждали мы приказа о наступлении. В Бебрене мы стояли почти две недели. Хорошее питание и сравнительно беззаботная жизнь сделали свое — стрелки хорошо отдохнули после дней, проведенных впроголодь на опустошенном берегу Даугавы, легко раненные почти совсем поправились и вернулись в строй. Мы подружились с бебрэнцами и батраками имения. Только местный католический ксендз нас страшно возненавидел. Он ненавидел нас как «красных» и еще более за то, что некоторые наши ребята очень усердно и не без успеха заигрывали, «подъезжали» к молодым, хорошеньким служанкам ксендза, которые потихоньку охотно встречались с ними. Продуктовые запасы ксендза основательно поубавились в пользу стрелков, приглянувшихся служанкам.

Наступил час расставания с гостеприимным Бебрене. Мы должны были перейти на другой участок фронта, ближе к Даугавпилсу, где концентрировались силы белых, и задержать продвижение противника на Даугавпилс. Оставив Бебрене, мы отправились в сторону Илуксте — Эглайне.

На новом участке фронта противник стянул против нашего полка значительные силы — всевозможный сброд — немцев, русских, литовцев, великолепно вооруженных немецким оружием. Белогвардейцы несколько раз атаковали нас, не жалея даже артиллерийских снарядов. В этих боях я получил свое первое ранение — осколок снаряда попал мне в голову.

Вскоре мы перешли в наступление и разбили белогвардейцев на участке нашего полка. На некоторое время белые оставили нас в покое.

На этом участке фронта нам пришлось впервые столкнуться с так называемым батальоном Балодиса. Боеспособность этого батальона была очень низкой. Многие солдаты были мобилизованы насильно, и после первых столкновений некоторые из них перешли на нашу сторону. Среди перебежчиков были члены рижской комсомольской организации, которых лично знали молодые рижане из нашей роты. Перебежчики принесли нам первые вести из Риги. Рассказы о зверствах, которые совершали реакционные немецкие помещики и капиталисты вместе с латышскими буржуазными националистами, убив за несколько дней в одной только Риге около 5000 рабочих, вызвали у стрелков возмущение и ненависть к белогвардейцам.

К осени белогвардейцы получили значительные пополнения. Из Польши явились свежие, хорошо вооруженные силы. Начались ожесточенные бои. Белогвардейцы рвались к Даугавпилсу. Наш полк, выдер-

жав тяжелые бои со значительно превосходящими силами противника, оказался в окрестностях Краславы. Польские белогвардейцы непрерывно нападали здесь на наши части, стремясь переправиться через Даугаву, взять Краславу и со стороны Краславы напасть на Даугавпилс (их фронтальное наступление на Даугавпилс потерпело неудачу). Следовало своевременно рассеять и разгромить сконцентрированные в районе Краславы силы поляков. Это важное задание доверили нашему полку особого назначения.

В то же самое время ожесточенные бои происходили также у Даугавпилса. Белогвардейцы возобновили наступление, стремясь любой ценой взять этот стратегически важный пункт.

Оставив часть полка и все хозяйственные подразделения в районе Краславы, мы переправились через Даугаву и перешли в наступление против крупных воинских частей поляков. Для осуществления этой операции был создан специальный ударный отряд, в состав которого вошли также кавалерийский взвод и команда самокатчиков.

Задачей ударной группы было рассеять силы польских белогвардейцев, уничтожить их штаб и сорвать задуманное ими нападение на Краславу. Польский штаб находился в одном из имений (название его я не помню) на левом берегу Даугавы, напротив Краславы.

Через Даугаву мы переправились по деревянному мосту, который тогда стоял в восточной части Краславы. Нам удалось незамеченными пройти несколько километров. Мы приближались к имению. Было видно, что поляки нас не ждали, и это создало благоприятные условия для атаки.

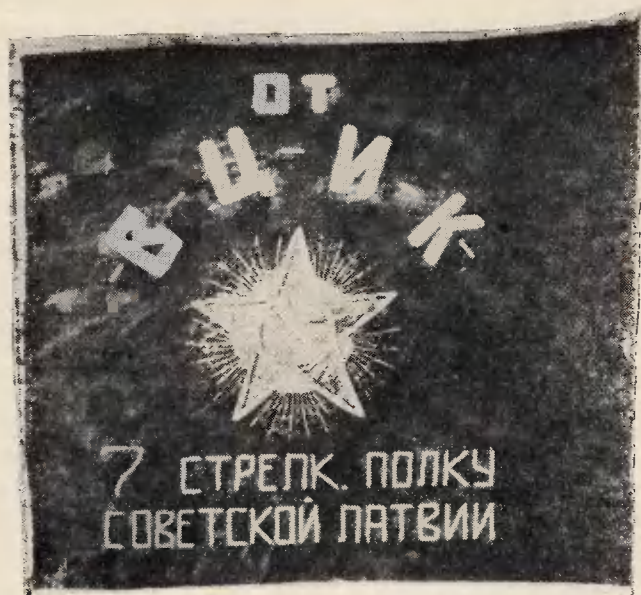
Имение, где расположились поляки и их штаб, местами огораживал забор из колючей проволоки и глубокие окопы. В окопах находились только дежурные подразделения, остальные польские солдаты бродили по имению и его окрестностям. Офицеры находились на собрании в главном жилом доме имения.

Нашим нападением руководили командир батальона Печкурис и ротный командир Лацис. Прорвав проволочное заграждение, мы молниеносно напали на первую линию окопов и ликвидировали ожесточенно сопротивлявшихся белогвардейцев. Услышав шум борьбы, из имения к окопам бросились польские солдаты, но стрелки с собственных позиций поляков открыли по ним сильный огонь. В то же время наши конники под командой командира разведки полка Стипниека начали действовать на фланге белогвардейцев. Размахивая обнаженными саблями, они лихо поскакали в тыл противника. Со стороны могло показаться, что туда прорвался целый кавалерийский полк. Белые, растерявшись, метались из стороны в сторону.

После того как мы очистили окопы и подвергли сильному обстрелу имение, взвод Я. Гутманиса вместе с нашей группой молодежи и во главе с командиром отделения комсомольцем В. Балодисом прорвался в центр имения.

Обыскав дом владельца имения, мы обнаружили одну комнату, отведенную для богослужения. На одной из ее стен висели изображения божьей матери и разных святых. В освещении множества горящих

свечей все сверкало и переливалось. Было видно, что здесь только что происходило или должно было происходить богослужение. Во втором зале стоял большой, массивный, накрытый зеленым сукном стол. На столе были аккуратно разложены записные книжки, писчая бумага, карандаши, топографические карты, несколько офицерских планшетов, папи-

Почетное революционное красное знамя ВЦИК, врученное 7-му латышскому стрелковому полку за заслуги в боях против эстонских белогвардейцев в 1919 г.

росы, спички и другие тому подобные вещи. Беспорядочно разбросанные и опрокинутые около стола стулья свидетельствовали о том, что те, кто сидел здесь, оставили комнату в чрезвычайной спешке и волнении. В прихожей на вешалках висели шинели и форменные фуражки польских офицеров. В кухне, которая привлекла наше внимание не менее других комнат, на большой великолепной плите в сверкающих больших котлах варился, судя по запаху, очень вкусный суп. Из духовки тянуло соблазнительным ароматом жаркого. Мы сорвали панам приятный обед. Как ни старательно мы искали повара, который готовил эти вкусные кушанья, мы не могли его найти. Раздавать обед пришлось одному из ребят нашего взвода.

В то же самое время команда наших кавалеристов и самокатчиков продолжала преследовать польских белогвардейцев, которые в страшной панике рассыпались по окрестным полям, канавам и лесам.

Позже выяснилось, что на оперативное совещание были созваны польские офицеры из всех соседних частей, которые были сконцентри-

рованы для наступления в районе Краславы. Наше внезапное нападение сорвало это совещание. Услышав неожиданно перестрелку, участники совещания, не медля ни секунды, покинули помещение. Благодаря поспешному бегству большинству офицеров посчастливилось невредимыми выскользнуть из нашего полностью еще не сомкнутого кольца окружения.

Мы захватили богатые военные трофеи. В руки командования попали ценные оперативные документы штаба польских белогвардейцев. Наш первый удар по главному штабу поляков в районе Краславы вызвал среди белых панику.

После разгрома польского штаба мы продолжали рейд в тылу польской армии по направлению к Даугавпилсу, громя их воинские части и вызывая панику на польском фронте. Во время рейда наша комсомольская группа во главе с В. Балодисом проявила высокую боеспособность и героизм. Из старых стрелков своим героизмом особенно выделялись командир нашего взвода Гутманис, стрелки Эглитис, Рутманис и многие другие. Во время рейда мы как следует обломали рога заносчивым польским панам. Не удался задуманный ими план — разбить наши силы в районе Краславы и напасть на Даугавпилс с этой стороны.

Осенью 1919 года положение молодой Советской России было чрезвычайно напряженным. Под Петроградом шли бои с армией генерала Юденича. Там вместе с другими доблестными частями Красной Армии героически сражался 5-й латышский особый стрелковый полк. На западном фронте происходили ожесточенные бои с эстонскими, латышскими, литовскими, немецкими и польскими белогвардейцами. Здесь героически сражались полки Латышской дивизии и части полка особого назначения. С юга на Советскую Россию наступала армия генерала Деникина, которая объединила контрреволюционные силы России.

Вся международная буржуазия, особенно империалисты США, Англии, Франции и Японии, организовывала и поддерживала эти контрреволюционные армии и посылала также свои войска против Красной Армии.

Осенью 1919 года, когда армия Деникина, двигаясь с юга на Москву, взяла Орел и приближалась к Туле, глава Советского правительства В. И. Ленин лично дал распоряжение срочно перебросить на Южный фронт Латышскую стрелковую дивизию. В ударную группу, организовавшуюся из лучших, наиболее боеспособных частей Красной Армии, включили также Латышскую дивизию. Всем, кому знакома история гражданской войны, известно, что в боях против армии Деникина Латышская стрелковая дивизия сыграла большую роль.

Наш полк особого назначения вместе с другими частями Красной армии сражался на Западном фронте против намного превосходивших нас сил противника. Стрелки это знали, но не падали духом и не боялись трудностей, будучи уверены в неизбежной победе пролетариата.

Латышский стрелковый полк особого назначения на Западном фронте был там, где частям XV армии приходилось труднее всего. В одном из боев против польских белогвардейцев пал любимец нашего взвода, лучший друг и воспитатель комсомольцев Сирснынь. Сирснынь

вместе с несколькими другими погибшими стрелками мы похоронили в прифронтовой полосе на одном из красивых латгальских пригорков, поросшем соснами. У могилы павших стрелков мы поклялись отомстить за погибших товарищей, продолжать борьбу с еще большей энергией, не забывая добрые советы и наставления Сирсныня.

В начале ноября 1919 года мы получили приказ срочно погрузиться в вагоны (мы располагались у какой-то железнодорожной станции, название которой я не помню) и выставить в дверях вагонов пулеметы со вложенными полными лентами. Нам дополнительно выдали патроны и ручные гранаты. Мы стали ждать подхода вагонов.

Только оказавшись в вагонах, мы узнали, что эстонские белогвардейцы угрожают железнодорожной станции Пыталово и хотят перерезать в районе фронта XV армии железнодорожную линию, которая соединяла Даугавпилс с Островом, Псковом и Петроградом.

6 ноября 1919 года, накануне второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, мы быстро приближались к станции Пыталово. Мы прибыли вовремя. Когда наш первый эшелон въехал на станцию Пыталово, эстонские белогвардейцы «приветствовали» его ружейным огнем. Стрелки выскочили из вагонов, рассыпались в боевую цепь и вступили в бой.

Наше наступление было столь неожиданным и стремительным, что после короткого боя белоэстонцы отступили. Преследуя их, мы дошли до окрестностей Виляки. С наступлением темноты наша рота расположилась в какой-то большой деревне близ Виляки.

Под утро 7 ноября вместе с одним из комсомольцев нашего взвода мы стояли на передовом посту. Я наблюдал за окрестностью и внезапно мне показалось, что вдоль большака, который вел из Виляки в Вецуми, прижимаясь к заиндевевшей траве, стали двигаться черные тени. Я крепко протер глаза, предупредил своего товарища, и мы стали внимательно наблюдать за дорогой. Сомнений не было — между деревьями вдоль большака скрывались разведчики белогвардейцев, которые готовились к нападению. Мы бросились в деревню, чтобы поднять тревогу. В несколько минут все стрелки роты были на своих местах, отведенных им еще накануне вечером. Используя утренние сумерки, белые перешли в наступление. Начался бой.

Командование эстонских белогвардейцев было чрезвычайно разъярено неудачным сражением 6 ноября под Пыталово. Как мы узнали позднее, вечером 6 ноября белоэстонцы хвастались, что рассчитаются с красными латышскими стрелками: на следующий день и духа красных не будет в окрестностях Пыталово. Белогвардейцы в своем хвастовстве просчитались. А 7 ноября оказалось для них еще более неудачным, чем 6 ноября. Многие из них навеки остались лежать в окрестностях Виляки. Белые, стремясь добиться перевеса, бросили в бой также всю команду бронепоезда. Видно было, что Антанта не жалеет денег, так как все наступавшие белогвардейцы были одеты в новую английскую форму. Стрелки прозвали их «эстонскими англичанами».

В начале боя белые стремительно и непрерывно нападали на нас и, игнорируя тактику полевого боя, приближались к деревне во весь рост.

Группа командиров Латышского полка особого назначения при XV армии. Слева направо: сидят — комиссар полка Карклинь, командир полка Я. З. Бейка, заместитель командира полка Эркс; стоят — командир разведки полка Стипниек, командир 1-го батальона Печкурис, адъютант штаба полка Виетынь.

Это хвастовство им обошлось дорого. Огонь наших пулеметов и винтовок безжалостно косил цепи белых. Бой был жестоким. Один из наших флангов, где преобладали недавно мобилизованные, не выдержал натиска белых и начал отходить. Такого позора наш особый полк и наша боевая рота еще не переживали.

В то же самое время наш второй фланг, где сражались старые, закаленные в боях стрелки, перешел в наступление, гоня белых на открытое поле под огонь наших пулеметов. Создалась такая ситуация: на одном фланге наши углубились в тыл белых, а на другом — белые в наш. Необходимо было срочно прекратить отступление наших. Эту задачу командир роты доверил нашему комсомольскому отделению, которым командовал комсомолец Волдемар Балодис.

Мы быстро двинулись на правый фланг. На краю деревни белые уже захватили первые дома. Собрав наших молодых стрелков и крепко пристыдив их за проявленное малодушие, мы вместе с ними бросились на белых. Мы загнали белых в овраг, который находился на краю деревни. Здесь можно было пустить в ход ручные гранаты, что мы без промедления и сделали, заставив белых выйти в открытое поле, где они попали под наш перекрестный огонь.

В ходе дальнейшего боя мы оттеснили белых к озеру, которое находилось у деревни за большаком. Им ничего больше не оставалось, как перебираться по замерзшему краю озера или сдаваться в плен. Часть сдалась в плен, но остальные продолжали бежать по льду на другой берег озера, пытаясь достичь растущего там кустарника. Это удалось только немногим.

Наши стрелки, охваченные азартом боя, преследовали «эстонских англичан», уничтожая тех, кто продолжал сопротивляться, и захватывая в плен тех, кто сдавался. Белые понесли большие потери. Даже командующий состав белоэстонцев попал к нам в плен.

Около полудня мы были уже далеко от деревни, у которой начался бой. Стрелки очень устали, но чувствовали себя счастливыми и удовлетворенными великолепными результатами боя. Мы узнали, что наши соседние роты сражались также успешно и оттеснили белогвардейцев в сторону Балвы. Была освобождена Виляка, и мы находились недалеко от Балвы. Догнать белых нам не удалось. Они в панике отступали в свой тыл, распространяя вести о большом наступлении сил Красной Армии.

Приближался вечер. Все мы чувствовали себя сильно проголодавшимися. Нас приятно поразила неожиданная оперативность хозяйственной части роты — подъехала ротная полевая кухня. На двуколке кухни, закинув за спину винтовку, с которой он никогда не расставался, гордо восседал наш ротный повар — молодой рослый парень. Еда действительно получилась великолепная — жирный мясной суп с порядочной порцией мяса и куском белого хлеба. Такого вкусного обеда мы уже давно не ели.

Во время праздничного ужина к нам явился батальонный командир Печкурис. Он поздравил стрелков со второй годовщиной Октябрьской революции и разгромом белых и поблагодарил за проявленный в бою героизм. Командир призывал нас оставаться такими же верными бойцами большевистской партии, какими мы были до сих пор, и еще беспощаднее бороться против международной контрреволюции за окончательную победу пролетариата во всем мире.

Когда все стрелки наелись, Печкурис приказал покормить также пленных. Белые, видя гуманное обращение, стали смелее и разговорчивее. Наш обед ели даже пленные офицеры. Они признались, что если бы они сами не попробовали обед, никогда бы не поверили, что Красную Армию так хорошо кормят.

После этого боя эстонские белогвардейцы ушли с нашего участка фронта и на их место явились воинские части латышских буржуазных националистов, с которыми мы имели дело в ходе дальнейших боев. В армии буржуазной Латвии было немало офицеров бывшей царской армии, которые в свое время служили в контрреволюционных армиях международной буржуазии, боролись под командованием монархистских генералов Деникина, Юденича и Колчака за неделимую Россию, ползали у ног русских и иностранных банкиров, пели «Боже, царя храни...»

Реакционное ядро армии буржуазной Латвии комплектовалось из сынков богатей, кулаков, студентов, гимназистов, а также обманутых

попутчиков. Эта реакционная группа в белогвардейской армии развернула шовинистскую агитацию, раздувала ненависть против других народов и таким путем старалась затуманить классовое самосознание рабочих, превратить их в послушных слуг буржуазии. Реакционеры распространяли самую подлую ложь о Красной Армии, Советской власти и тех революционных силах, которые самоотверженно боролись за свободу трудящихся в России и Латвии. Командование белогвардейской армии организовало преданные себе отдельные военные соединения из представителей кулачества и буржуазии — такие, как добровольческие роты студентов и школьников, которые должны были «поднимать боевой дух» остальных армейских частей.

В окрестностях Балвы белые также создали одну такую часть, которая называлась «партизанской группой». Белые «партизаны», хорошо зная окрестные леса и тропы, переодевались в красноармейскую форму, прокрадывались через линию фронта в наш тыл, где занимались грабежами и убийствами, не жалея ни детей, ни женщин. Все эти преступления производились под маской Красной Армии, чтобы вызвать у населения возмущение, недовольство и ненависть против Красной Армии и Советской власти. Они убили также многих местных советских и партийных работников. Этот белогвардейский сброд долгое время был неуловим. (После гражданской войны буржуазное правительство Ульманиса поставило этим бандитам памятник в городе Балвы.) С этой бандой встретился наш полк особого назначения.

Находясь на передовой линии между Вилякой и Балвы, мы развернули активную агитационную работу. Отправляясь в разведку в так называемую нейтральную полосу, мы всегда брали с собой много различных воззваний и газет, которыми нас обильно снабжал политотдел штаба XV армии. Все эти воззвания и газеты мы оставляли в нейтральной полосе, откуда они попадали в руки солдат белой армии.

Наши усилия не были напрасными — к нам являлось все больше перебежчиков из белогвардейской армии. Командование белогвардейской армии чрезвычайно бесило наше беспокойное поведение, которое дезорганизовало его армию. Белогвардейские офицеры пытались ставить в нейтральной зоне всевозможные ловушки и хватать наших агитаторов. Иногда мы действительно попадали в рискованное положение, но всегда нам удавалось счастливо вырваться из западни. Прежде всего нам помогало то, что у нас были хорошие отношения с местными крестьянами, которые сообщали нам сведения о замыслах белогвардейцев. Во-вторых, в вылазках агитаторов-разведчиков нам помогали перебежчики, которые сообщали сведения о дислокации постов и армейских частей белогвардейцев.

В декабре 1919 года наше командование обсуждало вопрос, как захватить и обезвредить белых «партизан» и освободить население нашего тыла от террора этих бандитов.

Нашим разведчикам удалось узнать, что на рождество вся группа белых «партизан» соберется вместе в тылу своего прифронтового района, чтобы отпраздновать рождество. Такой выгодной возможности — захва-

тить этих негодяев в их собственном тылу — наше командование только и ждало.

Разгром белых «партизан» поручили командиру батальона Печкурису. Для проведения этой операции Печкурис выбрал самых храбрых стрелков полка, в том числе также бывшую свою 2-ю роту и нашу молодежную стрелковую группу в полном составе.

Чтобы ввести в заблуждение вражеских шпионов, которые, без сомнения, шныряли в районе нашей дислокации, были распущены слухи, будто наш полк скоро выйдет на позиции, неизвестно только пока, когда и в каком районе.

В канун рождества наша боевая группа вступила в местечко Виляка. За нами следовали обозы, санитарная часть и полевые кухни. Общее впечатление было таким, что мы явились сменить находящиеся на фронте части. До вечера мы устроились в домах местечка.

С наступлением темноты наша боевая группа, за исключением хозяйственной и санитарной части, отправилась на линию фронта, которая находилась в нескольких километрах по направлению к городу Балвы. В этом районе фронта стоял полк петроградских рабочих. Питерцы слышали, что в местечко явились латышские стрелки, чтобы сменить их. Поэтому велико было их удивление, когда мы в полной боевой готовности двинулись мимо них через линию фронта.

Во главе нашего отряда вместе с командиром батальона Печкурисом шагал комиссар полка, кажется, Крастынь или Карклинь (фамилию точно не помню, так как комиссары в нашем полку часто менялись) и комиссар нашего батальона Янсон — старый член партии большевиков. Группа продвигалась к позициям белых. До наступления рассвета мы подошли к какому-то полю, которое со всех сторон окружали лес и кустарники. В центре поля сквозь ночную темноту можно было различить несколько строений. Это была наша конечная цель. В домах находились белые «партизаны».

Командир батальона Печкурис разместил боевые группы на исходных позициях. Часть стрелков была отправлена в обход поля в тыл белых, чтобы с началом наступления бандитам не удалось удрать.

Наступление намечено было начать на рассвете, после того как посланная в тыл белых группа даст сигнал ракетой. Этот сигнал также должен был обозначать, что группа заняла исходные позиции.

Тьма зимней ночи рассеивалась. Приближалось утро. Уже явно можно было различать дома в центре поля. Время от времени слышался стук дверей, характерный скрип колодезных журавлей. Очевидно, женщины начали кормить скотину.

Наступил самый подходящий момент, для того чтобы начать наступление. Белых нигде не было видно. Они, очевидно, еще крепко спали после попойки. Условного сигнала все еще не было. Вторая группа, неизвестно почему, молчала. Командир батальона явно нервничал. Зная меня как аккуратного исполнителя поручений, он шепотом приказал мне: «Плаудис, возьми двух парней и бегите сколько есть сил в обход поля по лесу, отыщите нашу группу и разузнайте, что случилось, почему они медлят с сигналом». Я разыскал хороших бегунов, и мы втроем от-

Партийное бюро Латышского полка особого назначения при XV армии.

правились выполнять приказ. Пробежав порядочное расстояние, мы наткнулись на линию полевого телефона, который соединял «партизан» с ближайшей воинской частью белых. Поспешно вырезав большой кусок провода, мы бросились дальше. Быстро двигаясь по глубокому снегу, мы взмокли от пота. Вдруг недалеко от нас в воздух взвилась ракета. Началось наступление. Мы находились в 100—150 метрах от разыскиваемой боевой группы. Вначале мы услышали только, как скрипит снег и трещит под ногами стрелков кустарник, затем в открытом поле на белом снегу показалась цепь серых фигур, которая бесшумно и быстро двигалась к логову бандитов. Со стороны строений прозвучали отдельные выстрелы. Как видно, сторожевые посты белых, заметив приближение цепи стрелков, подняли тревогу. Мы остановились, растерявшись, не зная, что предпринять, оказавшись оторванными как от одной, так и от другой боевой группы. Бежать обратно и искать командира в том месте, где мы его оставили, не имело смысла. Мы выскочили из кустарника в поле. Ноги несли нас так быстро, что мы догнали цепь стрелков и вместе с остальными стали двигаться к белым. Около жилых построек уже шел бой: слышны были пулеметные очереди, винтовочные выстрелы, взрывы ручных гранат, крики, проклятия... Все это слилось в общий страшный шум. Белые «партизаны» держались до последнего. Они не выходили из домов и стреляли в нас из окон. На предложение стрелков прекратить

стрельбу и сдаться они отвечали самой отвратительной бранью и еще более яростным огнем. Тогда самые ловкие наши гранатометчики подползли под окна и гранатами подавили огонь пулеметов и ружей белых.

Бой кончился, только кое-где изредка раздавались выстрелы. Из всей группы белогвардейцев в плен сдались только двое. Осмотрев окрестности построек при дневном свете, мы заметили по оставшимся на снегу отпечаткам следов, что только три белых «партизана» босиком под прикрытием утренних сумерек удрали в лес.

Так закончилась преступная деятельность одного из отрядов белых «партизан». Этой операцией завершился наш боевой путь в окрестностях Виляки. Нашему полку здесь больше нечего было делать — эстонские и латышские белогвардейцы были основательно проучены. В конце февраля мы заняли позиции в одном из лесных районов между Носово и Зилупе (название места не помню). Роты нашего полка были размещены довольно далеко одна от другой, и большие промежутки охраняли только патрули. До нашего появления на этих очень невыгодных позициях белогвардейцы несколько раз нападали на красноармейские части и в некоторых местах их уничтожили. Наш полк должен был усмирить и проучить осмелевших белогвардейцев. Стрелкам было ясно, что на этом лесистом участке фронта нужно быть очень осторожными. Малейшая поверхностность и небрежность могли кончиться для нас трагично, как это случилось с предыдущими армейскими частями.

Мы начали широкую разведывательную работу. Познакомились с окрестностями, нейтральной полосой, которая здесь была очень широкой, и изучили силы противника и их дислокацию. Коммунисты и комсомольцы вместе с другими стрелками начали активные агитационные рейды. Мы обошли нейтральную полосу и разбросали там воззвания политотдела XV армии и наши газеты на латышском языке.

В результате нашей упорной агитационной работы боевое настроение белых солдат заметно упало. Бывали случаи, когда к нам являлись сразу несколько перебежчиков из частей белых. Это беспокоило белогвардейских офицеров и их высшее командование. Они решили активизировать военные действия, надеясь таким образом поднять боевой дух своих солдат и возбудить ненависть против красноармейцев.

Наша 2-я рота находилась в деревне в центре большого леса в нескольких километрах от остальных частей полка.

Ранним утром в один из первых дней марта оказалось, что наша рота окружена белыми со всех сторон. Это нападение не было для нас неожиданным и не застало нас врасплох. Стрелки заняли свои боевые посты вокруг деревни. Начался яростный бой. Соседняя рота поспешила нам на помощь, и таким образом нападающие части белых сами попали в окружение. Вначале солдаты вражеского Цесисского полка, и особенно офицеры, сражались очень ожесточенно и самоотверженно, но их старания оказались безуспешными. Это было заслугой наших командиров и стрелков, боевой дух которых был высок.

С наступлением дня оставшиеся в живых белогвардейцы, видя безвыходность своего положения, начали сдаваться в плен. Последними сдались офицеры, капралы и солдаты — выходцы из реакционных слоев.

За свое упрямое сопротивление белогвардейцы заплатили очень дорого — многие из них пали в бою. Так кончилось неудачное нападение белых на нашу роту.

Скоро дни стали длиннее и мы могли шире развернуть вылазки разведчиков в тыл белых. Белогвардейцы нас очень боялись и уклонялись от открытой борьбы с нами. Однажды во время такой разведывательной вылазки мы наткнулись на обоз белых, который под охраной нескольких солдат перевозил посылки белым на фронт. Солдаты белых — мобилизованные трудящиеся — не сопротивлялись. Всех их вместе с обозом мы доставили в штаб батальона. Добыча оказалась весьма ценной. Кулацкие мамашы приготовили своим сынкам белье, носки, варежки, а также жирные окорока и другие продукты. В двух возах нашлось даже обмундирование — английская форма и вязаное шерстяное белье. Все это мы сдали в хозяйственную часть полка.

Латышский полк особого назначения превратился в один из лучших, наиболее боеспособных полков XV армии. Командование армией всегда ставило в пример другим полкам полк особого назначения и гордилось высоким уровнем самосознания его бойцов и командиров.

Коммунистическая организация полка проводила среди стрелков широкую политико-воспитательную работу, воспитывала в стрелках большевистский дух.

Одним из активнейших организаторов и руководителей партийной организации полка с момента создания полка (июль 1919 года) до его расформирования (июнь 1920 года) был заместитель комиссара полка и секретарь парторганизации П. Красовский (несмотря на то, что комиссары полка часто менялись, П. Красовский оставался на своем посту вплоть до расформирования полка, часто заменяя полкового комиссара). П. Красовский был одним из старых, закаленных в боях и преданных Коммунистической партии латышских стрелков. П. Красовский всегда был среди стрелков полка, пользовался у них заслуженным авторитетом. Во время отдыха стрелков П. Красовский проводил большую работу по организации спектаклей, которые ставились силами стрелков. Нам, стрелкам-цесисцам, очень нравились стихи поэта-революционера Э. Вейденбаума — уроженца наших краев.

Читались лекции, рефераты, проводились политические беседы, доставлялись книги, газеты, журналы, проводились коллективные читки с критическим разбором прочитанных фрагментов или отдельных статей. Все это повышало политический и культурный уровень стрелков.

Наш полк особого назначения состоял из представителей различных национальностей — латышей, русских, поляков, литовцев, эстонцев, евреев и др. Большинство в полку составляли латыши. В последний период в связи с большими потерями в результате непрерывных боев, в особенности на польском фронте, полк получил пополнение — мобилизованных из разных районов России.

Наш полк представлял собой многонациональную семью, которая жила, боролась и росла как интернациональная единица, строго соблюдающая принцип — все за одного, один за всех.

Всему полку был известен смелый командир пулеметной команды

полка Рогожников — русский по национальности. Стрелки его уважали, как храброго боевого командира. Одним из популярнейших ротных командиров был литовец Печкурис, который впоследствии был выдвинут в командиры батальона. Стрелки его очень любили, уважая в нем образцового командира — смелого и умного. Он всегда был среди стрелков на самых ответственных участках боя. За храбрость он был награжден орденом Красного Знамени. Все мы знали храброго разведчика 2-й роты Гольсбанда, крустпилсца, по национальности еврея. Любили его все и уважали как самоотверженного борца за Советскую власть. Я часто бывал вместе с ним в боях, ходил и в разведку. Таких героических парней, представляющих различные национальности, в полку было много.

Активная работа Коммунистической организации полка дала ощутимые результаты — стрелки во всех подразделениях полка были сплочены, дисциплинированы, сознательны, самоотверженно выполняли свои боевые задания, были проникнуты духом интернационализма. Многие командиры подразделений полка и стрелки были награждены орденами Красного Знамени.

В конце 1919 года, когда полк стоял на отдыхе недалеко от Виляки, в деревне Носово, была проведена партийная неделя — массовый прием стрелков в Коммунистическую партию.

С наступлением весны начались мирные переговоры между представителями буржуазного правительства Латвии и Советского правительства. Части Красной Армии получили приказ отойти на новую оборонительную линию, которая позднее, после заключения мирного договора, стала государственной границей между Советским Союзом и буржуазной Латвией.

По дороге на новую оборонительную линию у нас произошло несколько столкновений с белогвардейцами. Последние, желая создать видимость того, что Красная Армия отступает в результате наступления их армии, неотступно насакивали на нас. Было смешно читать в буржуазных газетах и журналах Латвии, что их «славная» армия «в героической борьбе освободила отечество и принудила Москву заключить мир». Это была бесчестная ложь, которую сознательно распространяла латышская буржуазия, чтобы поднять свой престиж в глазах населения и обмануть своих наивных попутчиков.

Мир был заключен в результате мирной политики Коммунистической партии и Советского правительства. Не напрасно еще в 1917 году первый декрет Советского правительства призывал кончить войну и заключить мир между всеми воюющими державами. Не Советское правительство начало гражданскую войну, а империалисты Германии, Англии, США, Японии, Франции и других государств со своими подручными — русскими, латышскими, литовскими, эстонскими, польскими и другими белогвардейцами. Советское правительство, заключая мирные договоры с Латвией, а также с правительствами других прибалтийских государств, которые пришли к власти при поддержке иностранных капиталистов, было убеждено, что придет время, когда трудящиеся прибалтийских государств найдут в себе силы освободиться от капиталистического ига. Это и произошло через 20 лет.

Я. С. АДАМСОН

БОЕВОЙ ПУТЬ 10-ГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА АРМИИ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ В КУРЗЕМЕ И ЛАТГАЛЕ В 1919 ГОДУ

После боев на Южном фронте в районе Поворино и Алексиково Латышский стрелковый полк особого назначения перебросили на территорию Советской Латвии, где он был переименован в 10-й стрелковый полк армии Советской Латвии. Я вначале командовал 1-й ротой полка, а в первые дни января меня назначили командиром 1-го батальона.

7 января 1919 года наш воинский эшелон прибыл на станцию Скривери. 8 января мы по льду перешли через Даугаву в Яунелгаву. Дальнейший наш маршрут был следующим: Бауска — Элея — Жагаре — Вецауце — Эзере — Нигранде и конечная цель — Лиепая.

15 января мы вступили в Жагаре, где остались на ночь. На следующее утро мы продолжали путь в Вецауце. В авангарде шла 1-я рота. Я ехал верхом вместе с пятью разведчиками. О силах противника, находившихся в Вецауце, у нас определенных сведений не было. По рассказам местных жителей, там было 200 солдат, несколько пулеметов и два орудия. Удалось выяснить, что в Вецауце действительно располагается усиленный батальон противника с несколькими пулеметами и двумя орудиями.

Мы подъехали к школе, что восточнее Вецауце. Жители рассказали, что здесь совсем недавно были замечены белые разведчики. Мы отправились дальше. Уже видна была Вецауце. Оттуда вдоль опушки леса по направлению к нам выехало трое саней с солдатами. Увидев нас, они свернули вправо. Сделав вид, что бегут в лес, солдаты установили в придорожной канаве пулемет и открыли по нам огонь.

Вражеские пули тяжело ранили моего прекрасного коня, которого командир полка Матисон дал мне в Бауске всего несколько дней назад и который в походе шел пританцовывая. Я упал вместе с конем. Поднявшись, я увидел, что несколько пуль пробили ему горло. Кровь фонтаном била из раны, заливая меня. Вместо этого коня я получил от команды конных разведчиков какую-то упрямую клячу.

Вместе с тремя разведчиками мы поехали вперед по дороге, чтобы выяснить положение на левом фланге. По обеим сторонам дороги тянулись глубокие, огороженные колючей проволокой канавы. Мы стали рассуждать, что следовало бы заблаговременно свернуть с дороги, так как потом, когда нас станут обстреливать, будет уже поздно. К счастью,

нам встретился мостик через канаву, и мы свернули с дороги. Когда белые открыли пулеметный огонь, у моей клячи появилась такая прыть, что я едва мог сдержать ее.

Мы повернули обратно. Тем временем подошли наши главные силы — 2-я и 3-я роты и команды полка. Коня я отдал конной команде, поскольку в бою он был не нужен. Затем я отдал распоряжение перейти в наступление — 1-й роте на правом фланге, 2-й — в центре, а конным разведчикам с легким пулеметом «люйс» и 3-й роте продвинуться вдоль опушки леса налево и отрезать белым путь в Яунауце. Позиции заняла также приданная полку артиллерийская батарея, которой командовал Сакенфельд. Взвод коммуниста Аболкална стрелял отлично, и уже первый снаряд попал в колокольню церкви, сбив белого наблюдателя. (Аболкалн умер в 1956 году, похоронен в Риге на кладбище Райниса.)

Задачей команды конных разведчиков, как я уже упоминал, было отрезать белым путь к отступлению. Надо сказать, что кавалеристы очень любят свое оружие — шашку. И на этот раз начальнику наших конных разведчиков Юлию Винделису не терпелось испытать свою руку в рубке. Выехав на открытое место и заметив там врагов, он со своими немногими разведчиками бросился на них и успел зарубить одного белого, который находился по эту сторону железной дороги. Остальные солдаты вражеской группы были за железной дорогой. Хорошо обученный конь Винделиса первым перескочил глубокие канавы по обе стороны железнодорожного полотна, остальные же всадники замешкались. Белые окружили командира, и пуля ударила его в висок. Юлий Винделис, родившийся и выросший в Вецауце, погиб у ворот родного местечка, так и не войдя в него.

Наши роты яростно бросились в бой, чтобы отомстить за павшего товарища. 16 января 1919 года мы заняли Вецауце и Бене. Белые поспешно отступили, оставив на поле боя 13 убитых и 2 раненых. На стороне белых в бою участвовала рота барона Редера, эскадрон барона Гана и батарея Зиверса — баронов, столетиями пивших кровь и пот латышского народа.

Справа от нас на Салдус шел 2-й стрелковый полк Советской Латвии, слева, по территории Литвы, двигался 39-й интернациональный полк.

Силы Красной Армии в Курземе были весьма незначительными — три полка армии Советской Латвии — 2-й, 3-й и 10-й, к тому же полностью не укомплектованные. Ряды 10-го полка сильно поредели в жесточайших боях на Южном фронте. Единственным пополнением были молодые добровольцы, которые стали вступать в полк, как только мы оказались на территории Латвии. В январе и первой половине февраля в полк всего вступило 532 добровольца, в большинстве своем из Вецауце и окрестностей. Юношей моложе 17 лет мы в полк не принимали. Обучить добровольцев как следует мы не успели. Нашим военным действиям мешали и другие обстоятельства. Иногда для того чтобы установить связь с соседними частями, мы вынуждены были отходить в тыл километров на 10—15 и оттуда наощупь искать, где находится сосед, так как расстояние между частями составляло 15—20 км.

Тесные связи мы имели с Лиепайской партийной организацией. К нам дважды приходила связная из Лиепай с важными сведениями о вооруженных силах лиепайских рабочих и тех частях немецкой «железной» дивизии, которые отправлялись из Лиепай навстречу нам.

В ночь с 23 на 24 января полк отправился освобождать имение Эзере. Как обычно, в авангарде шла 1-я рота. Я вместе с пятью разведчиками ехали верхом. Дорога шла через лес. Был сильный мороз. Под утро, оставив на дороге наблюдателя, мы зашли погреться на хутор, находившийся шагах в ста от большака. Но уже через некоторое время одна из женщин хутора встревоженно сообщила нам, что только что из Эзере в сторону Вецауце проехали трое саней с людьми. Оказалось, что наш наблюдатель бросил свой пост и тоже отправился погреться.

Сообщать о едущих роте было уже слишком поздно. Я без промедления велел разведчикам занять позиции по обочинам дороги. Между тем немцы, увидев перед собой на дороге нашу колонну, поспешно повернули назад. Мы встретили их огнем. В числе наших трофеев оказались вражеские сани, один пулемет «максим», много патронов и различные мелочи.

Эзере мы освободили 24 января, вытеснив оттуда небольшую группу противника. 26 января полк перешел реку Венту у Нигранде. Здесь все было мне знакомо, так как я вырос в Ниграндской волости. Я хорошо знал и имение Нигранде, где когда-то работал. Когда мы входили в имение, то не заметили ни одного человека. Я стал звать прежних обитателей имения, и кое-кто из них вышел к нам. На вопрос, почему никто не показывается, они ответили, что вообще Красной Армии не боятся, но немного опасаются встречи с ее передовыми частями. Я вкратце рассказал им о задачах Красной Армии.

Далее мы направились в имения Алши, Дзирас и Юргене и освободили их. 3-я рота, которой командовал товарищ Глужге, заняла железнодорожную станцию Муравьево (Мажейкяй). Таким образом, наш полк с его тремя ротами прикрывал Эзере и Мажейкяй, причем ширина фронта составляла 13 км. До Лиепай оставалось 69 км.

Взвод, который стоял в имении Алши, донес, что в лесу и на ближайших хуторах замечен противник. Я поехал туда проверить обстановку. Взвод расположился в имении Алши в полуподвальной квартире моего отца, конюха имения. Меня ожидала здесь непродолжительная встреча с родителями. Мать дала мне связанные ею теплые чулки и собранный с 1905 года сборник революционных песен.

27 января под натиском немецкой «железной» дивизии мы отступили из названных имений в Нигранде. Однако затем пришлось оставить и Нигранде, и мы перешли на правый берег Венты.

Вражеская артиллерия сильно обстреливала нас. Между прочим, снаряд попал в повозку, на которую я положил свою сумку с подаренным матерью сборником революционных песен.

Мы отступили в Эзере. На линии Эзере — Мажейкяй мы держались на своих позициях прочно и отбили все атаки немецкой «железной» дивизии, нанеся противнику большой урон. Однако наши потери тоже были немалыми. В боях под Эзере, Нигранде, Гriezе и Мажейкяй за время

26 января по 2 февраля наш полк из своего и без того уже немногочисленного личного состава потерял 19 человек, в том числе командира 2-й роты Андрея Земгалиса и начальника хозяйственной команды Херберта Тилика.

В первой половине февраля 1919 года нас сменил 3-й стрелковый полк армии Советской Латвии, а наш 10-й полк был отправлен в район Грауздупе и Кулдиги.

Следует отметить, что местное население всюду принимало нас хорошо. Возчики, которых часто приходилось брать на местах, отлично выполняли свои задания.

Когда мы прибыли в указанный район, я получил приказ перейти с двумя ротами на левый берег Венты к северу от Кулдиги и занять город, за несколько дней до этого захваченный врагом. Командир батареи Сакенфельд обещал поддержать нас в этой операции и сказал, что его батарея будет стрелять так же хорошо, как при занятии Ауце.

Товарищ Кинслерис с 4-й (кажется) ротой двинулся в атаку по левому берегу Венты и захватил у немецкого эскадрона несколько лошадей. Обещенного артиллерийского огня мы не дождались. Зато у противника артиллерия была, и она беспрепятственно обстреливала нас. Несколько наших атак было отбито. Мы заметили, что к противнику в Кулдигу прибыли подкрепления — целая рота белогвардейцев.

На другой день я получил приказ командира полка Матисона вернуться на правый берег Венты. Там, вблизи имения Грауздупе, мы удерживали наши позиции довольно продолжительное время.

Вскоре Матисон получил повышение и был переведен в другую часть. Его сменил прежний помощник командира полка Спростынь.

Полку была придана тяжелая дальнобойная батарея, которой командовал Кронберг. Командир бригады принял правильное решение — отослать батарею подальше в тыл, так как город Салдус был уже в руках немцев. Спростынь же неверно понял присланный шифрованный приказ и приказал отступить в Сабиле вместо батареи всему полку.

Ночью командование бригады предъявило Спростыню категорическое требование, чтобы полк занял свои прежние позиции в Грауздупе. Не успев отдохнуть, мы отправились обратно. Однако отбить старые позиции нам не удалось. Немецкая кавалерия встретила нас частым огнем, когда мы находились еще далеко от Грауздупе. Наши повторные атаки были противником отбиты.

В то же время ожесточенный бой разгорелся и у Сабиле. После боя, продолжавшегося несколько часов, теснимые врагом, мы начали отход в направлении Ване. В имении Ване Спростынь, не считаясь с обстановкой, приказал полку сделать привал на обед. Имение со всех сторон было окружено высокой каменной оградой. Одна рота осталась на дороге, для того чтобы сдерживать противника. Но она не смогла справиться с немцами, и в помощь ей пришлось послать и вторую роту. Однако и тогда нам с большим трудом удалось выбраться из имения, причем без обеда и вовсе не той дорогой, по которой мы пришли: сопровождаемые огнем противника, мы со всем обозом пустились прямо через поля и глубокие канавы.

Парад латышских стрелков в Елгаве в феврале 1919 г.

На ночь мы остановились в имении Земите. И здесь Спростынь отдал странное распоряжение: полку расположиться в имении, а штабу с его небольшой командой связистов — в пасторате, находившемся более чем в километре восточнее имения. Услыхав все это, я вечером хорошенько осмотрел и оценил окрестности имения. Было понятно, что враг не даст нам спокойно отдохнуть. На дороге к западу от имения занял позиции заслон — стрелковый и пулеметный взводы. Эту дорогу противник легко мог блокировать, так как между имением и пасторатом на пригорке стояла церковь, а к югу от нее вблизи дороги возвышался холм.

Из штабных командиров никто не разделся, за исключением одного лишь полкового адъютанта Нейланда, который решил сделать это — и будь что будет.

Я немного вздремнул. Часа в четыре утра дежурный доложил, что взводы нашего заслона оттеснены, тяжело ранен командир пулеметного взвода, немцы уже приближаются к имению и дежурная рота заняла позиции вдоль каменной ограды в западной части имения. В то время в полку были только четыре роты. Я отдал распоряжение объявить тревогу. Разбудив штабных, я вместе с коноводом отправился в имение.

Обозники, узнав о бое, уже выехали на большак, который вел на восток. Организуя оборону имения, я вдруг услышал выстрелы у пастората, который, как оказалось, был окружен немцами. Все же штабные

командиры и связисты сумели удержать дом. Но зато на той стороне врагу удалось занять пригорок с церковью. Одна из наших рот стремительно атаковала немцев — ружейным огнем, пустив в ход гранаты и штыки, мы освободили этот пригорок, а также и окруженный пасторат.

В ходе боя немцы начали обстреливать нас с упомянутого холма к югу от церкви. Когда подошла 4-я рота под командованием Роберта Янкина, я приказал ей овладеть холмом, так как надо было обеспечить отступление полка. Рота бросилась в атаку и прогнала немцев. В темноте только слышно было, как они, убегая, бросали на замерзшую землю свои легкие пулеметы.

Замысел немцев, намеревавшихся на рассвете окружить нас, провалился. Их атаки, которые велись с трех сторон, энергично отражались. Когда враг покинул поле боя, я приказал обозу рысью двинуться вперед, за ним должны были идти роты, уже построившиеся в колонны.

После сложного ночного боя мы вышли из окружения со всем обозом, который вез около 40 тяжело раненных бойцов. Наш небольшой по численности полк отразил все атаки врага, сохранив силы для дальнейших боев.

Немцы, убедившись в том, что им не удастся разгромить наш полк, отказались от дальнейшей активной погони. Мы продолжали свой путь и ночью прибыли в Калнцием, не попав ни в Елгаву, ни в Тукум, занятые немцами. Здесь в полк был назначен новый командир. Но и он недолго удержался на своем посту — после неудачной операции, целью которой было перерезать железную дорогу между Елгавой и Тукумом, на его место был прислан бывший начальник бронепоезда Семенов. Он командовал 10-м полком вплоть до ликвидации армии Советской Латвии.

В период с конца февраля до дня падения Риги — 22 мая — нашему полку пришлось сражаться в нескольких районах — у Калнциема и на исторической Пулеметной горке, у корчмы Голлендера и в лесах к югу от Олайне. Эти леса и болота были памятны мне и многим другим бойцам еще с дней первой мировой войны.

Зима была очень морозной. Шли довольно интенсивные бои. Особенно сильно докучала нам вражеская артиллерия. Боевой участок 1-й роты, при которой был я, включал имение Цена с окрестностями и кладбище. Артиллерийский огонь противника превратил здания имения в сплошные развалины. И тем не менее ни дневные, ни ночные атаки не дали возможности немцам захватить имение.

В результате непрерывных боев, нехватки одежды и продовольствия положение на фронте ухудшилось. Члены партии разъясняли стрелкам причины трудностей и учили их до конца оставаться верными делу социалистической революции.

22 мая 1919 года противник под прикрытием ураганного артиллерийского огня, сосредоточив превосходящие силы, выбил нас с позиций и нам пришлось отступить. Но тут оказалось, что враг прорвался в наш тыл. Рижские мосты также были уже в руках немцев.

У станции Огре наш 10-й полк переправился на правый берег Даугавы. Спростынь, а также другие кулацкие элементы остались у противника.

Видя, что Красная Армия отступает, начали поднимать голову серые бароны. Было много случаев обстрела мелких групп красноармейцев из-за угла. На мостах и в других видных местах появились надписи: «Бейте коммунистов и спасайте свои хутора!» Кулачки отказывались брать в уплату за продукты выплаченные нам в виде жалования денежные знаки Советской Латвии; положив деньги на ладонь, они демонстративно сдували их, требуя деньги «с птицей», т. е. керенки. Зато трудящиеся, поддерживавшие Советскую власть, тяжело переживали наши неудачи. Они с болью в голосе спрашивали, почему мы оставляем их, и обещали ждать нашего возвращения. Их надежды исполнились в 1940 году.

Дальнейшие бои происходили на линии Вилцаны — Рудзеты — Ливаны. Наше высшее командование умышленно выбрало для установления линии фронта район больших болот — Тейчу, Медню, Степеру и Скребелю, где узкие полосы твердой земли можно было оборонять небольшими силами, не давая противнику возможности продвигаться на восток.

Центром боевого участка 10-го полка было имение Рудзеты. Справа от нас должен был занять позиции 14-й стрелковый полк армии Советской Латвии, но он еще не успел прибыть на свой участок. Этим воспользовался противник: зайдя нам в тыл, он решил попытаться захватить нашу батарею.

Разъяренные наглостью врага, артиллеристы 1-й батареи, которой командовал К. Заул, ударили по атакующим картечью, а группа стрелков во главе с Р. Янкиным отогнала врага. Многие солдаты противника попали в плен. Среди них был некий пасторский сынок, у которого мы обнаружили длинное письмо домой; в этом письме он хвалился, что с наступлением темноты они возьмут в плен батарею красных. В действительности все получилось наоборот.

Получив чувствительный урок, части армии буржуазной Латвии оставили нас в покое вплоть до августа 1919 года.

ЛИКВИДАЦИЯ АРМИИ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ И 3-Й ЛАТЫШСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

Летом 1919 года армия Советской Латвии была ликвидирована. Части ее были расформированы, а затем сведены в 53-ю стрелковую дивизию, вскоре переименованную в Латышскую стрелковую дивизию. Наш 10-й полк был присоединен к 3-му латышскому стрелковому полку и составил его 2-й батальон.

Командный состав 3-го латышского стрелкового полка был следующим: командир полка — Я. Элсис, комиссар полка — М. Даниэль, заместитель командира — Я. Адамсон, секретарь (вернее, секретарша) партийной организации — З. Пигене, полковой адъютант — Каспарсон, позднее Мисинь, командир 1-го батальона — А. Брильянт, командир 2-го батальона — Целминь, завхоз — Магонис.

3-й полк занял на рудзетском боевом участке 12-километровую линию фронта. Справа от позиций полка находилась деревня Вилцаны, слева — Саркандрува.

Части буржуазной Латвии, получив подкрепления, попытались штурмом взять наш центр — Рудзеты. Несколько дней подряд мы отражали их атаки. Наступающие несли тяжелые потери. Среди пленных были пожилые мужчины — мобилизованные, а также добровольцы — семнадцатилетние мальчишки. Однако белые не унимались. Видимо, они, не добившись успеха в дневном бою, решили повторить атаку темной ночью в самом слабом месте нашего фронта. Белые атаковали деревню Кивленеки, где фронт протяженностью в два километра прикрывал только один взвод. Последний не выдержал натиска усиленного батальона противника, насчитывавшего до 600 человек, и, расстреляв почти все патроны, отступил.

Командование белолатышских войск похвалялось, что их армия провела фронт Красной Армии, но один взвод — это еще не был фронт.

Как только в нашем штабе стало известно о прорыве, командир полка Элсис поручил мне немедленно ликвидировать его.

Отступивший взвод я нашел на опушке леса. Собрав последние 15 патронов, лучшие стрелки открыли огонь и приостановили продвижение противника. Мы быстро установили связь с двумя батареями, и те так ударили по наступающим, что они за весь день не пытались больше возобновить атаку. Когда подвезли патроны и когда затем подошел резерв полка — саперная команда, мы почувствовали себя совсем уверенно.

На боевом участке 1-го батальона противник даже не показался, так что мы смогли взять отсюда часть стрелков. С их помощью мы ночью нанесли врагу решительный удар и заставили его бежать. Больше он нас здесь уже не тревожил. Так завершились наши военные действия на территории Советской Латвии в 1919 году.

В сентябре Латышская дивизия на непродолжительное время была послана в Белоруссию против белогвардейских польских легионов. Оттуда, по предложению В. И. Ленина и по решению Реввоенсовета Республики, которое 21 сентября 1919 года было утверждено пленумом ЦК партии, Латышская дивизия была направлена на Южный фронт. Приказ этот стрелки встретили с воодушевлением. Взаимодействуя с другими частями Красной Армии, латышские стрелки в боях с Деникиным с честью оправдали доверие В. И. Ленина.

К. Л. ЗАУЛ,

командир 1-го латышского легкого артиллерийского дивизиона

1-Я БАТАРЕЯ В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ ЛАТВИЮ¹

Еще в ноябре 1918 года, во время боев с контрреволюционными казачками генерала Краснова в Донской области, до нас дошли слухи о том, что 3-я латышская бригада будет послана в Латвию против немецких оккупантов, баронов и латышской буржуазии.

Части бригады после проведенных в октябре и ноябре ожесточенных боев находились в резерве 14-й дивизии. 1-я батарея 1-го латышского легкого артиллерийского дивизиона, в которой я командовал взводом, а позднее был помощником командира батареи, вместе с Особым латышским стрелковым полком располагались в Алешках — в 5 км северо-западнее станции Волконская (на железнодорожной линии Поворино — Борисоглебск — Грязи). Штаб бригады находился на станции Терновка, к северу от нас.

15 декабря бригада получила приказ — часть ее должна была отправиться в Даугавпилс, часть — в Москву. Всех охватило невиданное воодушевление. Быстро погрузившись в вагоны, мы отправились в Москву. Когда неподалеку от Козлова наш эшелон расцепился и часть вагонов осталась где-то позади, мы все как один, несмотря на ужасную метель, не обращая внимания на слова начальника станции, который пытался нас отговорить, разыскали лопаты и на паровозе поехали за отцепившимися вагонами. После шести часов упорной работы мы очистили от снега путь, а также и вагоны, на которых уже успели вырасти сугробы, и части эшелона вновь были соединены.

В конце декабря мы достигли Москвы и остановились на станции Воробьевы Горы. Здесь мы пополнили запасы фуража и продовольствия, дали лошадям отдых и, получив дальнейшие указания, отправились в Даугавпилс.

12 января мы прибыли в Скривери. Здесь нам надо было выгрузиться и перебраться через Даугаву, чтобы догнать 2-й латышский полк и вместе с ним, преследуя противника, освободить Курземе.

При переправе через Даугаву неподалеку от берега с обледеневшего паромы в воду соскользнул ящик со снарядами. Командиру виновного взвода и прислуге орудия, несмотря на мороз, пришлось лезть в воду. Ящик со снарядами удалось достать, батарея успешно переправилась через Даугаву, и мы отправились дальше в Елгаву.

¹ Статья опубликована в сборнике «Latvju revolucionārais strēlnieks» (т. II.), выпущенном в 1935 году издательством «Prometejs». Здесь печатается в сокращенном виде.

Боевое знамя 2-го латышского стрелкового советского полка.

В Елгаве мы 2-го полка не нагнали — он преследовал отступающие части латышских белогвардейцев и немцев. Елгавские рабочие встретили нас с энтузиазмом. Они приходили осматривать орудия и радовались тому, что у рабочих есть своя артиллерия. Елгава, недавняя столица курляндских баронов, кишмя кишевшая отпрысками немецких дворян, теперь была полупустой. Бароны бросили дома и имущество и бежали искать убежище в «фатерланде».

Утром 17 января мы выехали из Елгавы и отправились дальше. Многие трудящиеся очень хотели, чтобы их приняли в состав батареи, однако пришлось им отказать, так как штаты батареи были заполнены (15 декабря 1918 года в списках батареи числилось 213 человек, 121 лошадь и 4 орудия). Мы посоветовали желающим вступить в стрелковые полки. В Добеле мы наконец нагнали 2-й полк. Здесь мы получили подробные сведения о положении на фронте. Оказалось, что белые все время отступают и стараются избегать боев.

Из Добеле полк отправился занимать мост через Венту у имения Скрунда. Оказалось, что у Венты белые решили завязать бой. В Салдусе мы получили распоряжение командира полка — поспешить на помощь стрелкам. Один взвод на рысях бросился вперед, но мост через Венту уже был в огне и орудие белых обстреливало цепи полка. Мы установили оба своих орудия и открыли огонь по артиллерии противника и по наблюдательному пункту на башне церкви. Прицельный огонь застиг белых врасплох и вынудил их батарею умолкнуть.

22 января мы решили занять имение Скрунда. В этих целях одно орудие, чтобы ввести врага в заблуждение, было установлено почти напротив имения, главный же удар мы должны были нанести с тыла,

обойдя фланг противника. Рота 2-го полка с одним орудием отправилась через лес, чтобы обойти неприятеля. Выйдя на поляну у школы, мы столкнулись с отрядом белых, который точно так же хотел обойти нас. Белые намеревались занять район моста и таким образом захватить в свои руки господство над всей окрестностью.

В первый момент обе стороны от неожиданности не могли сообразить, что делать. Но это длилось только мгновение. В ход были пущены пулеметы, винтовки и ручные гранаты. У обеих сторон были раненые, и снег местами окрасился в кроваво-красный цвет. Белые укрепились в здании школы и в лесу и безостановочно стреляли из пулеметов. Мое орудие в начале стычки оказалось так близко от противника, что картечь могла бы поразить и наших стрелков. Мы оттащили орудие назад, и уже после нескольких десятков выстрелов белые были вынуждены бежать в лес.

Этот маневр сильно подействовал на противника, и мы вскоре заняли имение. Батраки имения приняли стрелков по-дружески, пригласили в свои дома поест и отдохнуть.

В районе Скрунды господствовали теперь мы. На башню церкви вместо белого наблюдателя забрался наш — наблюдатель 1-й красной латышской батареи. Однако двинуться дальше, в Лиепаю, нам не удалось. Заняв Скрунду, 2-й полк вместе с батареей выдвинулся слишком далеко вперед. В то же время оба фланга или отстали, или же встретили значительно более сильного противника. Враг начал активнее сопротивляться и на участке 2-го полка: белые получили подкрепления — из Германии прибыли добровольческие части. Поэтому контрудара белых можно было ожидать со дня на день.

Во второй половине февраля наша батарея оставила в районе 2-го полка два орудия под командованием командира взвода Блумберга, а мы вместе с командиром батареи Сакенфельдом и двумя орудиями отправились в район Кулдиги, так как она 13 февраля была захвачена белыми. В окрестностях Кулдиги мы встретили отряд талсинских красногвардейцев. Он был организован и вооружен наспех, красногвардейцы носили гражданскую одежду. Мы ждали прибытия двух 107-миллиметровых пушек и 3-го латышского кавалерийского дивизиона из Салдуса, чтобы общими силами выбить противника из Кулдиги.

Хотя мы и стремились к тому, чтобы противник не заметил, что у нас есть артиллерия, все же вечером 18 февраля одно орудие нам пришлось пустить в ход. Слишком уж заманчивой была цель. Противник, не подозревая того, что у нас есть пушки, установил на открытом месте за городом орудие и нагло обстреливал наши позиции. Точно так же белые не замаскировали свой наблюдательный пункт, устроенный на чердаке одного из хуторов, которого наши пули не достигали.

Мы подвезли одно орудие как можно ближе к реке и, немного замаскировав его, тщательно нацелили на наблюдательный пункт. Тричетыре выстрела — и он был уничтожен. Затем мы поспешно, чтобы противник не обнаружил наше орудие, открыли огонь по его пушке. Прислуга тотчас же бросила пушку и удрала. Само орудие нам уничтожить не удалось, так как стемнело. Тем не менее командир батареи,

некий барон из бывших офицеров-артиллеристов, как выяснилось позднее, был убит на чердаке.

Вскоре подошел 3-й кавалерийский дивизион — 150 сабель под командованием Буллита. Мы решили не медлить и утром 21 февраля начать наступление. Кавалерийский дивизион должен был перейти Венту, чтобы атаковать Кулдигу с левого фланга — со стороны кирпичного завода. Сто тридцать штыков Талсинской роты получили задание атаковать противника с фронта. Сигнал к атаке должен был дать кавалерийский дивизион ракетой в семь часов утра. Но вот часы показывают семь, восемь, девять — уже совсем светло, а о кавалерии ни слуху ни духу. Только в десять кавалеристы завязали бой у кирпичного завода, но неудачно — ворваться в город они не сумели. Самый выгодный момент — утренние сумерки — был упущен, и теперь бросаться на пулеметы не имело никакого смысла. Из-за того что кавалерия запоздала, операция не принесла успеха. Белые, видя нашу нерешительность, открыли сильный артиллерийский огонь, чтобы, судя по всему, перейти в контратаку.

Замысел противника надо было сорвать. Наша группа была усилена 10-м латышским полком (четыре роты) и 1-м взводом 1-й латышской тяжелой батареи. Было принято решение 28 февраля снова атаковать Кулдигу.

С Сакенфельдом — командиром артиллерийской группы — была достигнута договоренность, что в ход будут пущены все орудия. С наблюдательного пункта, находившегося на самом берегу реки, так близко от противника, что нас могли настигнуть его пули, я сначала никак не мог обнаружить вражескую батарею, хотя выстрелы ее, казалось, раздавались под самым носом. Но вскоре вызванные выстрелами облака дыма помогли нам установить местонахождение одного орудия. Командир орудия заслуживал одобрения — свою пушку он спрятал отлично. В заборе была проделана дыра, через которую был высунут наружу ствол орудия, прислуга же находилась за оградой. — Хорошо же, — подумал я, — скоро тебе станет жарко. Предупредив батарею о том, что орудие противника обнаружено мной, я велел хорошенько прицелиться и дал команду. После первого выстрела я произвел корректировку. Две гранаты смели забор и взорвали снарядный ящик — послышался сильный взрыв. Теперь пушка была как на ладони. Еще несколько выстрелов, и уцелевшая часть прислуги разбежалась во все стороны. Когда дым рассеялся, мы увидели опрокинутое набок орудие. Прислуга второго орудия, чтобы избежать судьбы первого, попыталась утащить свое орудие за кирпичный дом. Снова летят гранаты, прислуга бросает орудие и удирает, а несколько человек остаются лежать на земле. Не рассчитав скорострельности нашего орудия, белые опять схватились за колеса своей пушки, но следующие гранаты уложили и этих смельчаков. Вплоть до наступления темноты противник больше не пытался спасти орудие.

Тяжелая артиллерия столь же успешно бомбардировала правый фланг противника. Видно было, как белые обозники и пехотинцы в замешательстве стали отступать и покинули город. Почему наши не вос-

Группа командиров 1-го легкого артиллерийского дивизиона, 1919 г. Слева направо: сидят — помощник командира дивизиона К. Л. Заул и командир пулеметного взвода Калнынь, стоят — комиссар 1-й батареи Штиллер и командир артиллерийского взвода Блумберг.

пользовались этим — трудно объяснить. Скорее всего потому, что не доставало общего руководства, которое согласовывало бы действия частей.

В связи с наступлением противника в направлении Салдуса наш взвод был послан назад на участок 2-го полка, куда он и явился к 7 марта. Положение на фронте к этому времени значительно ухудшилось. Противник, получив подкрепления, возобновил наступление и 10 марта занял Салдус. У Лиелблидене враг 15 марта внезапно атаковал батарею и штаб полка. Мы едва успели отбросить неприятеля. Волей-неволей пришлось отходить к Яунпилсу. В конце концов создалось впечатление,

что отряды белых действуют повсюду. Положение еще больше осложняла вражеская кавалерия, которая действовала на неохраняемом участке между внутренними флангами 2-го и 3-го полков.

В любой момент можно было ожидать нападения конницы, поэтому приходилось все время быть начеку. Артиллеристы были предупреждены действовать в случае нападения хладнокровно и не поддаваться панике. Бои в Москве и в казачьем кольце в Донской области уже приучили нас к неожиданностям.

В ночь с 18 на 19 марта мы узнали, что пала Елгава. Той же ночью командир 3-го полка К. А. Стуцка сообщил, что оставшиеся на этой стороне полки готовятся атаковать Елгаву и что 2-й полк и батарея должны занять исходное положение в имении Ауце.

19 марта под Добеле два наших орудия едва не попали в руки врага. Насколько я помню, эти пушки должны были прикрывать отход 5-й роты. Я решил, что 5-я рота пройдет мимо нас и мы вместе с ней последуем за главными силами. Рота ушла своим путем, но я, сидя на крыше дома, так увлекся наблюдением, что спохватился только тогда, когда несколько пулеметов стали поливать нас свинцовым дождем. Мы быстро взяли орудия на передки и рысью двинулись на Кримунас — Ауце вслед главным силам.

Я уже считал, что мы в безопасности, как вдруг у телефонной двучолки сломалась оглобля. И в тот же самый момент на телефонистов бросились 40—50 кавалеристов. Оставшиеся у двучолки 4—5 телефонистов схватились было за винтовки, но тут земля вздрогнула от взрыва картечи, и половина кавалеристов и коней противника, подстреленные, уже извивались на земле. Уцелевшие не стали ждать второго выстрела — они исчезли, как сквозь землю провалились. В несколько минут оглобля была связана, и еще минут через 20—25 мы уже догнали полк.

В три часа дня 19 марта командир 2-го полка получил сообщение командира 3-го полка, что его полк занимает Қалнамуйжу к юго-востоку от Ауце. В имении Ауце наши разведчики белых не встретили.

Достигнув Ауце, мы, в соответствии с договоренностью, имевшейся с 3-м полком, решили занять здесь позиции, а также отдохнуть и дать отдых лошадям. Оставив один батальон для прикрытия на дороге из Ауце на станцию Кримунас, командир батареи Сакенфельд с батареей и другим батальоном вступил в Ауце. Жители сообщили, что белые здесь не появлялись. Почти каждая хозяйка у дверей своего дома раздавала стрелкам хлеб и молоко, бутерброды. Батарея все время находилась за именем. Командир батареи с разведчиками пересек дамбу и выбрал на опушке леса позицию для орудий. Затем командир приказал колонне ехать через дамбу, чтобы установить орудия на выбранном месте и разместить батарейный резерв. Однако, как только орудия построились в имении в колонну и передний конец ее въехал на дамбу, нас вдруг стали обстреливать из винтовок и нескольких пулеметов. Началось нечто неопределяемое: лошади падали, сбруя путалась, ящики со снарядами и орудия валились в канавы. Оказалось, что белые, заранее заняв позиции на обочине дороги, выжидали, пока мы выедем на открытое место, и затем открыли огонь.

Как только раздалась выстрелы, Сакенфельд скомандовал: «Галопом за мной!» — чтобы проехать хотя бы еще несколько сот метров и укрыться за пригорком. Но мы не успели проехать и 20 метров, как несколько лошадей упало и пришлось дать приказ снимать орудия с передков, хотя мы и находились под перекрестным огнем неприятеля. Мы с Сакенфельдом взяли на себя обязанности наводчиков и немедленно открыли по ближайшим хуторам и садам огонь картечью и гранатами. Завязалась борьба не на жизнь, а на смерть: мы на открытом месте — белые в укрытии, мы в середине — они повсюду кругом нас, мы застигнуты врасплох — они заранее все хорошо подготовили. С ближайшего хутора мы их вскоре прогнали, поэтому уже стало легче, но и теперь мы не могли поднять головы, так как пулеметы по-прежнему осыпали нас градом пуль.

Все же решающий момент белые упустили. Открой они огонь минутой раньше и целься они лучше — все лошади батареи были бы перебиты. У нас паника была кратковременной — уже через минуту у каждой пушки распоряжался командир: у одной Блумберг, у другой — Сакенфельд, у третьей — я. Однако оружейная прислуга была слишком малочисленной, так как многие артиллеристы укрылись от пуль. Мою пушку пришлось обслуживать втроем — с командиром орудия Спринцисом и еще одним стрелком, который подносил гранаты. Белые обстреливали нас пулями, мы их — гранатами, которые мы посылали прямо в окна, чердаки домов, в сарай — во все те места, откуда раздавались выстрелы. В спешке я и не заметил, что под стволом моего орудия устроился пулемет батареи. После первого выстрела из орудия пулеметчики прямо-таки одурели от грохота и шапки их полетели, как будто их ветром унесло.

Схватка была адской. Белые, не обращая внимания на большие потери, держались упорно и о бегстве, казалось, и не помышляли. Тогда я вспомнил, что в одном из ящиков находятся зажигательные снаряды, и немедленно велел принести их. Через десять минут были доставлены четыре таких снаряда. Больше всего нам угрожал сарай, откуда непрерывно сыпали пулями несколько пулеметов и винтовок. Мы навели орудие на этот сарай и открыли огонь. — Теперь-то вам станет жарко, — произнес Спринцис. После двух выстрелов сарай был уже в огне. Белых, выбежавших из него, настигли наши пули, остальные сгорели вместе с пулеметами. И тут раздалось громкое «ура!» Оборачиваюсь и вижу: комиссар 2-го полка Бриедис с сотней стрелков бросились на белых.

Бой длился уже довольно долго. Пули беспрестанно отскакивали от щита нашего орудия. Уничтожив сарай, я начал подбирать новую цель. И тут что-то сильно ударило меня в живот, так, что я упал навзничь. Пуля, рикошетируя, вонзилась тупым концом мне в живот, так что острие ее торчало наружу. Пулю тут же вынули, рану перевязали, и я продолжал командовать и подбадривать ребят. Батарейный кузнец Турк на штыке приташил двух немцев, говоря: «Эти — возмещение за вашу рану».

Между тем противник, несмотря на свои большие потери и безвыходное положение, не сдавался, а начал отстреливаться еще яростнее. Моя

рана сильно разболелась, и двое пулеметчиков увели меня с поля боя. Бой продолжался часа три, до тех пор пока части полка во главе с командиром и комиссаром не охватили противника с флангов. Мощным ударом белые были разбиты, оставшиеся в живых бежали. Наши захватили несколько пулеметов и много другого военного имущества.

Благодаря хладнокровию артиллеристов была спасена не только батарея, но и обоз полка, ехавший позади батареи. На батарее 6 человек были тяжело ранены, 12 лошадей убиты и многие ранены. Несколько лошадей оборвали построики и разбежались, так что орудия дальше пришлось тащить четверем лошадям, а снарядные ящики — трем.

Двигаться следовало через Калнамуйжу, но разведчики полка донесли, что белые уже опередили нас там. Поэтому, взяв проводников, мы всю ночь брели по лесным дорогам. Под утро мы пересекли железную дорогу Шяуляй — Елгава и выбрались из мешка. У Элеи мы сделали привал, чтобы отдохнуть, на всякий случай выставив на позиции два орудия. Белых долго ждать не пришлось. Нас стал обстреливать их бронепоезд. Непрерывные бои и трудное маневрирование совершенно замучили нас, поэтому особенного сопротивления мы белым не оказали. Задержав на время их продвижение, мы отправились в сторону Бауски. Поскольку я был ранен, пришлось ехать в Ригу лечиться, и поэтому само отступление в Бауску я описать не могу...

В Риге я выздоровел и на батарею выехал в середине мая, незадолго до падения Риги. Батарея вместе с 8-м латышским полком действовала южнее Бауски, в районе Кеменай у реки Мусы.

После падения Риги мы все время отступали на восток. В батарее было несколько случаев дезертирства. Между прочим, исчез батарейный старшина. В связи с отступлением слышны были недовольные пересуды по поводу того, почему мы отступаем, почему нам не шлют подкреплений, так как одни латышские стрелки не могут сдерживать несколько немецких дивизий. Я старался разъяснить, что сейчас иного выхода нет, так как все резервы поглощают Восточный и Петроградский фронты, и приходится отступать, чтобы занять лучшие позиции, где можно было бы обороняться.

Поскольку белые гнались за нами не слишком усердно, то отступали мы потихоньку. На некоторое время мы даже утратили связь с пехотой, но это нас не особенно тревожило. Никаких серьезных событий в это время не было.

Вначале июня мы остановились и заняли позиции на участке 10-го латышского полка в окрестностях Рудзеты, в 21 км северо-западнее местечка Прейли.

Вскоре после нашего отступления в Латгалию, а именно 7 июня около 12 часов, белые со стороны Пелши атаковали Виймани, а со стороны леса — Лоцупы. Поскольку в это время в 10-м полку было всего около 120 штыков, да и те были разбросаны на широком фронте, маленькая группка стрелков, находившаяся в Виймани, уже начала отступать к Рудзеты. Однако огонь батареи вскоре отогнал противника численностью до 80 штыков и 130 кавалеристов, и прежнее положение было восстановлено.

Один взвод батареи был размещен на правом фланге полка, неподалеку от штаба полка, а наблюдательный пункт — на опушке леса на крыше сарая. Вечером 7 июня часов около 8 я пришел в батарейную канцелярию в районе расположения 2-го взвода. Вдруг прибегает запыхавшийся командир взвода Блумберг и докладывает, что в леске восточнее Рудзеты якобы появились белые. Я был очень удивлен этим, так как наблюдатель не заметил ничего, а, во-вторых, перед леском в окопах находились части полка. Пробраться незамеченным в лесок, в тыл наших частей, противник, казалось, никак не мог.

Я велел Блумбергу сейчас же отправиться ко взводу, так как там не было ни одного командира, а сам пошел на наблюдательный пункт.

Смотрю в лесок, но ничего подозрительного не замечаю. Все же инстинкт удержал меня от того, чтобы углубиться в него. Я велел взять пулемет, и мы направились в сторону по дороге, ведущей вдоль опушки леска. Пулемет я установил между опушкой и передовыми позициями так, чтобы всякое движение в сторону леса оказалось в поле наблюдения. Вернувшись на наблюдательный пункт, я, не зная еще, что в лесу действительно спряталось до 100 белых с 5—6 пулеметами, позвонил в штаб и попросил прислать взвод стрелков, чтобы прочесать лесок.

Артиллерийский взвод стоял метрах в 400—500 от опушки. В ожидании стрелков я вышел на дорогу, которая отделяла батарею от леска. Рядом со мной встали командир полка, комиссар батареи и другие, которые пришли посмотреть, как стрелки будут пугать «ворон», которые «нагнали страху» на артиллеристов.

Стрелковый взвод, действительно не рассчитывая встретить в леске белых, двинулся туда с винтовками за плечами. До леска оставалось еще метров двести, как оттуда раздался треск яростной пулеметной и ружейной стрельбы и крики «ура». Одна пуля оцарапала мне щеку, другая — пальцы руки. Мы разбежались кто куда. Я успел крикнуть Блумбергу, чтобы он укрылся за щитом орудия и приготовил картечь. Сам я бросился к орудиям, так как белые уже пошли в атаку. Первый выстрел картечью сразу остановил белых, после второго они бросились обратно в лесок. Мы ударили по леску гранатами так, что только щепки полетели.

Между тем командир батареи Сакенфельд под градом пуль (он находился всего метрах в 70—80 от противника) поскакал на коне ко 2-му взводу, находившемуся на пригорке у костела, и приказал взводу также открыть огонь. Попад под перекрестный огонь артиллерии, белые побросали пулеметы и винтовки и пустились наутек. Только наш кавалерийский эскадрон «проспал» — в противном случае все бежавшие белые попали бы в плен. Эскадрон находился к востоку от деревни Лощупы, на опушке леса. Белые пробежали мимо эскадрона, назвавшись 4-й ротой 10-го полка. Кавалеристы поверили им и позволили беспрепятственно перейти речку и исчезнуть в лесу.

Некий телефонист, освобожденный из плена, рассказал, что белые собирались ночью напасть на батарею, чтобы захватить пушки. Каким путем они пробрались в лесок, неизвестно.

Не прояви батареицы такой выдержки, белые прорвали бы фронт и нанесли бы тяжелый урон также соседним частям. Теперь же они сами были разбиты и отступили на 16 км — к станции Аташиене (Борхи)...

В дальнейшем в Латгалии более или менее серьезных боев почти не было. Мы ходили косить сено в нейтральную зону. Здесь, в Латгалии, мы отпраздновали первую годовщину со дня создания батареи. Нашелся специалист, сваривший пиво, мы зарезали двух свиней и зажарили их, так что праздник получился замечательный. Мы вспоминали минувший год, пройденные нами сотни и тысячи километров, победы и неудачи. Лишь поздней ночью умолкли песни и танцы.

День за днем проходили спокойно. Лишь изредка раздавался где-нибудь посвист пущенного белыми снаряда. Батарея даже не отвечала, чтобы не выдать местонахождение пушек.

Однажды (кажется, в августе) пришлось пустить в ход два орудия, чтобы помочь стрелковому батальону овладеть какой-то деревней на холме. Белые занимали здесь выгодные и замаскированные позиции и наносили полку чувствительный урон. С двумя орудиями мы подъехали ночью совсем близко к деревне и, как только забрезжил рассвет, открыли такой огонь, что, по-моему, белые и по сей день еще его вспоминают. После того как мы обстреливали белых в течение получаса, батальон пошел в атаку и уже не встретил никакого сопротивления. Белые, захватив с собой раненых и убитых, бежали. Лишь подбитый пулемет и лужи крови свидетельствовали о причиненных нашим огнем потерях.

Осенью Латышская дивизия, освободившись от примазавшихся и чуждых элементов, в качестве ударной группы была направлена против Деникина, который уже занял Курск и, продвигаясь к Москве, угрожал Орлу и Туле.

Ф. Я. КРУСКАЛН,

начальник команды разведчиков
Рижского отдельного коммунистического батальона
позднее — командир батальона

ВОСПОМИНАНИЯ О БОЕВОМ ПУТИ РИЖСКОГО ОТДЕЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО БАТАЛЬОНА В 1919—1920 ГГ.

Широким массам трудящихся и молодежи почти ничего или очень мало известно о Рижском коммунистическом батальоне, который в кровопролитных боях с врагами Советской власти с честью пронес свое боевое красное знамя от седой Риги до Севастополя. В некоторых газетах, в брошюрах по истории латышских стрелков, а также в книге «Latvju revolucionārais strēlnieks» («Латышский революционный стрелок»), изд. «Прометей», 1934 г., комиссар бывшего 5-го латышского стрелкового полка Борис Звайгзне написал несколько страниц о Рижском коммунистическом батальоне. Первый комиссар батальона Симан Бергис в своей статье «Возвращайтесь скорее обратно!» (в журнале «Celtne») также вспоминает о боевых делах Рижского коммунистического батальона на Бауском фронте, однако в этой статье не упомянуты многие коммунары, активно участвовавшие в боях. Поэтому я как участник гражданской войны и создания Рижского коммунистического батальона, занимавший все время командные посты (начальник команды пешей разведки, затем командир роты, батальонный адъютант, командир батальона и временно исполняющий обязанности командира 5-го латышского стрелкового полка), счи-

Ф. Я. Крусткалн — бывш. командир
Рижского отдельного коммунистиче-
ского батальона.

таю своим долгом написать воспоминания об отдельных боевых эпизодах.

Рижский коммунистический батальон был создан под непосредственным руководством ЦК КПЛ в последние дни марта 1919 года. В него добровольно вступили коммунисты, беспартийные активисты, советские работники, рабочие. Батальон был укомплектован в Исполнительном комитете Рижского городского Совета рабочих депутатов и 28 марта собрался в Старой Гертрудинской церкви. Вначале он состоял из трех взводов пехоты, которые, получив пополнение, образовали на фронте три стрелковые роты, команды конной и пешей разведки, пулеметную команду и команду связи, а также хозяйственный и санитарный отряды; всего в составе батальона было более 300 человек. Командовал им Борис Казак, заместителем его был Ансис Шенынь — один из первых красных офицеров, окончивший в Петрограде командирские курсы. Комиссаром батальона был любимец всех стрелков — Симан Бергис, председатель Исполнительного комитета Рижского городского Совета рабочих депутатов, секретарь Рижского городского комитета партии, член правительства Советской Латвии и ЦК КПЛ, писатель, член Коммунистической партии с 1903 года. Первой ротой командовал Артур Рашмаков, второй — Витенберг, третьей — Янис Грузитис; начальником конной разведки был Екаб Мурниец, начальником команды связи — Юлий Крастынь, начальником пулеметной команды — Петерис Дзегузе, начальником пешей разведки — Фрицис Крусткалн, позднее — батальонный адъютант, а затем командир батальона.

В санитарном отряде было несколько женщин, в том числе жена помощника командира батальона Шеныня, санитарка Эглите и др. В пулеметной команде также было несколько женщин, фамилии которых я запомнил, помню только одну — Отилию Лайвиню из Икшкиле. Бесстрашный дух этих борцов и их беспредельная преданность Коммунистической партии и Советскому правительству вечно будут жить в памяти новых поколений, которым они послужат примером в борьбе за окончательную победу коммунизма. Добровольно вступили в батальон и боролись на разных фронтах также некоторые члены Совета рабочих и безземельных Ирлавской волости (Янис Зиринь, Густав Старпинь, Карл Лиена, Янис Озол и др.).

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ БАТАЛЬОН ПО ПУТИ НА ЕЛГАВСКИЙ ФРОНТ

29 марта 1919 года после полудня Коммунистический батальон с выско развезающимся красным знаменем впереди, под звуки боевых песен прошел по улицам Риги к понтонному мосту и, перейдя через него, по Рижско-Елгавскому шоссе направился на фронт. Погода стояла скверная: моросил дождь, улицы, мост и шоссе были грязными. Жители Риги, услышав звуки боевых песен, бросались к окнам, толпились в воротах домов, останавливались на тротуарах. Некоторые сердечно провожали нас, махали вслед, желали успеха в обороне города, кое-кто глядел в нашу сторону с перекошенным от злобы лицом.

Газета «Циня» в номере за 2 апреля опубликовала такое приветствие нашему батальону от коммунистов II района Риги:

«Привет 1-му боевому отряду рижских коммунистов! Мы, коммунисты второго района, собравшиеся в воскресенье, 30 марта, для несения службы по охране Риги, шлем 1-му Рижскому боевому коммунистическому отряду сердечные приветствия. Вы сформировались из лучших наших товарищей и ушли из Риги, чтобы выступить против наемных контрреволюционных помещичьих банд, которые хотят повергнуть в рабство освобожденный рабочий класс Латвии. Идя в бой, высоко держите красное знамя коммунизма. Мы с вами в этой борьбе.

Коммунисты второго района».

Батальон направлялся на фронт, против врага, однако никто как следует не знал, где этот враг фактически находится, какие у него силы и вооружение. Поэтому уже за Олайне, перейдя мост через Мису, мы стали осторожными, ибо в любую минуту возможно было столкновение с вражескими частями. Оставив свой транспорт в тылу, стрелки, сойдя с шоссе, развернулись в цепь по обеим сторонам шоссе и железной дороги. Продвинувшись до Ценаской корчмы и железнодорожной станции, мы неожиданно увидели, что по железнодорожному полотну на нас движется бронепоезд немецкой «железной» дивизии, который, заметив нас, открыл ураганный огонь из всех пулеметов. Бронепоезд прорвался сквозь нашу цепь, стрелки же, развернув правый фланг цепи в сторону железнодорожной линии, открыли сильный ружейно-пулеметный огонь по амбразурам бронепоезда. Одновременно команда конных разведчиков с взрывчаткой поспешила в тыл бронепоезду, для того чтобы взорвать железнодорожное полотно и тем самым отрезать бронепоезду путь к отступлению на Елгаву. Враг, видя смелость и находчивость наших стрелков, готовых окружить и уничтожить его, отступил в направлении Елгавы. Использовать артиллерию в условиях леса он не мог. Мы не понесли никаких потерь. Перестроившись, батальон осторожно, выслав вперед разведчиков, двинулся дальше в сторону Елгавы. Вдруг почти что на самом правом берегу реки Иецавы мы столкнулись с немцами из «железной» дивизии. Стремительной атакой мы отбросили противника на левый берег за железнодорожный и гужевой мосты.

БОИ НА БЕРЕГАХ ЛИЕЛУПЕ

Вечером 30 марта наш батальон пересек шоссе и свернул направо; через лес, лежавший между Қалнциемом и Елгавой, мы направились к Лиелупе. Продвигаясь в темноте по лесу, мы встретили подразделения какого-то (вероятно, 10-го) латышского стрелкового полка, которые двигались в том же направлении. По полученным сведениям, противник должен был находиться где-то недалеко от Лиелупе.

Ранним утром 31 марта наш батальон совместно с подразделениями 10-го латышского стрелкового полка атаковал позиции «железной» дивизии и отбросил немцев с правого берега Лиелупе на левый. Ввиду того что лед на реке был непрочным, мы не стали переправляться по

пятам врага через реку, а заняли позиции на самом берегу реки в районе Кишского монастыря. Первого апреля во время перестрелки на берегу Лиелупе геройской смертью погиб первый коммунар нашего батальона, бывший член Совета рабочих и безземельных Ирлавской волости Янис Зиринь. Вражеская пуля, настигнув его в окопе, попала ему в голову. Несколько стрелков было легко ранено.

Наш погибший товарищ Янис Зиринь был доставлен в Ригу и 6 апреля похоронен с большими воинскими почестями на кладбище стрелков (Братском кладбище). По словам очевидца К. Мункевича, в похоронной процессии участвовал весь рижский гарнизон, партийные и профсоюзные организации, многие жители города.

НА ПОЗИЦИЯХ У ШОССЕ РИГА — ЕЛГАВА И БЛИЗ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МОСТОВ ЧЕРЕЗ ИЕЦАВУ

Через несколько дней Коммунистический батальон занял важные позиции на правом берегу реки Иецава, охраняя дороги на Ригу. На этом важнейшем участке фронта, отделявшем нас от частей вражеской «железной» дивизии, протекала река Иецава, на обоих берегах которой имелись окопы, сохранившиеся со времени мировой войны. В течение полутора месяцев Коммунистический батальон вел успешные позиционные бои с врагом на самых подступах к Елгаве — в семи километрах от нее. За это время батальон получил из запасного полка 1-й латышской дивизии, 1-й Рижской рабочей роты и 4-й отдельной коммунистической роты 200 человек пополнения. Это позволило сформировать его в полном составе — преобразовать взводы в роты, пополнить различные команды и подразделения. В начале второй половины апреля сам батальон был переименован в Рижский отдельный коммунистический батальон. В нашем батальоне теперь было около 500 человек и сильная пулеметная команда.

Занимая позиции на берегу Иецавы, когда часть стрелков и пулеметчиков становилась на указанные места, два пулеметчика тянули через открытую площадку на позиции своего «максимку». Заметив их, враг открыл из пулеметов такой сильный огонь, что наши парни, не выдержав «бани», бросили свой пулемет шагах в тридцати, а сами прыгнули в траншеи. Увидев это, две девушки-пулеметчицы выскочили, схватили пулемет и стянули его в траншею, причем вражеские пули не коснулись их. Стрелки были так посрамлены, что им некуда было деться: все смеялись и издевались над их трусостью, хвалили отважных женщин. К сожалению, в моей памяти не сохранились фамилии ни трусов, ни самоотверженных пулеметчиц.

В дальнейших боях большая часть пулеметчиц, особенно те, кто исполнял обязанности первого номера, либо погибли геройской смертью, либо, тяжело раненные, были эвакуированы в тыл и обратно не вернулись.

В середине апреля оживилась деятельность разведчиков, не прекращавшаяся ни днем, ни ночью: нужно было нащупать все дневные и ночные вражеские сторожевые посты, отметить на карте их расположение,

определить время смены часовых, установить местонахождение наблюдательных пунктов и батарей вражеской артиллерии, количество вражеских сил, разведать охрану железнодорожных и шоссейных мостов в ночное время, для того чтобы враг не мог незаметно для нас сконцентрировать свои силы вблизи мостов и перейти ночью в наступление. Паводок на небольшой речке Иецаве не давал нам возможности незаметно перебраться под покровом ночной темноты на вражеский берег и захватить в плен или уничтожить противника. Вражеские тылы мы разглядывали и с верхушек высоких деревьев, если только кроны их были достаточно густыми. У немцев за обоими мостами стояли пулеметы, огнем которых они отбивали наших разведчиков во время их ночных операций у мостов.

Немцы, убедившись, что Коммунистический батальон прочно перекрыл все главные дороги на Ригу и что нас никаким огнем назад не сдвинуть, прибегли к отравляющим газам (фосгену), надеясь, что это им поможет. 10 или 12 апреля после полудня противник, бронепоезд которого незаметно под прикрытием лесочка подкрался к нашим позициям, открыл ураганный огонь из орудий бронепоезда и ближайших батарей снарядами с отравляющим газом, сначала по нашей передовой линии, а затем, перенеся волны артиллерийского огня в тыл, накрыл штаб батальона, санитарную часть и обоз, которые расположились в Ценаской корчме. Кое-кто из санитаров и обозных, для того чтобы избежать отравления, не одевая противогазных масок, бросился бежать по шоссе в направлении Олайне.

В это время враг перенес огонь и вперед, а наши, спасаясь бегством, попали в новую газовую волну и отравились. Было несколько жертв, кое-кого доставили в Ригу, в госпиталь. В то же время стрелки, находившиеся на передовой линии, тотчас же после первого залпа надели противогазные маски и во время обстрела передовой вылезли даже перед окопами в сухую посеревшую траву и поэтому не понесли никаких потерь. Те же, которые находились у железнодорожного моста, надев противогазы, открыли огонь по амбразурам бронепоезда. Уже при выходе из Риги весь батальон был снабжен противогазами, которые весьмагодились.

Таким образом, большие надежды немцев, несмотря на великий шум, не оправдались. Когда после окончания газовой атаки мы, несколько разведчиков, прибыли с передовой в штаб батальона, то увидели, что здесь натворили немецкие снаряды. Все пространство вокруг Ценаской корчмы выглядело как перепаханное поле. На следующий день вся хвоя на соснах близ штаба батальона и у позиций стала бурой, как беличий хвост.

Справа от нашего батальона на позициях стояла 2-я латышская стрелковая бригада под командованием Паула Матисона, а также какая-то часть (полк или более крупная), которая была по своему составу интернациональной. Слева от нас стоял 3-й латышский стрелковый полк.

Незанятые участки фронта каждую ночь охраняла часть наших разведчиков. Вооруженные ракетницами и ракетами, разведчики передвигались каждый на своем участке незанятых позиций и то здесь, то там

через каждые 20—25 минут выпускали ракеты, для того чтобы ввести в заблуждение противника и заставить его думать, что весь фронт занят. Ракет было мало, поэтому мы их экономили; у немцев же их хватало, и они непрерывно освещали ими свои позиции и реку. Часто случалось, что в темноте, когда погасала наша ракета, разведчики, охранявшие незанятые позиции, передвигаясь, попадали в залитые водой волчьи ямы, вырытые еще во время мировой войны.

ПЕРВОЕ МАЯ НА НАШИХ ПОЗИЦИЯХ

Подошло 1 Мая — день солидарности трудящихся всего мира. Как же встретил и провел этот праздник Коммунистический батальон? Накануне 1 Мая из Риги нам прислали духовой оркестр и целый пакет первомайских прокламаций на немецком языке, которые надо было передать солдатам «железной» дивизии. Прислали нам и подарки от Коммунистической партии Латвии и Советского правительства.

Предмайский вечер был на редкость красивым, тихим и сравнительно теплым. После захода солнца начались переговоры с немцами о прекращении огня на 1 Мая и о встрече воюющих групп в нейтральной полосе на железнодорожном мосту. В тихую погоду мы со своих позиций вполне могли переговариваться с немцами через Иецаву, так как расстояние до их окопов было небольшим. Тем не менее успешно завершить переговоры с немцами в этот вечер не удалось, так как немецкие командиры не разрешили своим солдатам встретиться с коммунистами и заявили, что огонь не прекратят.

Наши разведчики принесли после обеда из обоза колокол с какого-то кладбища в тылу. По собственной инициативе мы решили использовать этот колокол, для того чтобы позлить немцев в первомайскую ночь и отзвонить им за упокой. Можно было предположить, что немцы, услышав ночью колокольный звон с наших позиций, откроют артиллерийский огонь, не исключено, что и снарядами с отравляющими газами, думая, что мы идем в наступление. Мы облюбовали себе пустые окопы между позициями нашего батальона и 3-го латышского стрелкового полка. У кавалеристов достали пустой мешок, которым обвязали колокол, к толстому сосновому суку прикрепили проволоку, для того чтобы подтянуть его, а второй конец проволоки протянули в окопы. Вечер был так тих, а немецкие позиции настолько близки, что малейший шум на нашей стороне мог привлечь внимание противника и стать причиной ненужного в первомайский вечер обстрела. Мы осторожно сняли с колокола мешок и стали ждать полуночи. Нас было трое (имен двух стрелков я уже не помню). Напротив нашего колокола на стороне противника находилась разрушенная кирпичная фабрика, труба которой осталась невредимой. На наших, а также и на немецких позициях вечером и ночью было хорошо слышно, как в Ценаской корчме оркестр играет «Интернационал» и другие революционные песни. Санитарки и солдаты обоза пели. Сначала немцы внимательно слушали нашу музыку — лишь кое-где раздавались редкие выстрелы; затем по приказу своих команди-

ров немецкие дозорные, насадив на штыки винтовок пустые консервные банки, стали кричать и грохотать пустыми банками, поднимая страшный шум всякий раз, как только раздавалась музыка нашего оркестра, для того чтобы их солдаты не могли слушать большевистскую музыку и песни. Когда противник стал мешать нашим и своим слушать музыку, мы начали в промежутках звонить в кладбищенский колокол. Немцы, не ожидавшие этого, перестали шуметь и стали слушать. Как только они снова поднимали шум, опять звонил колокол.

Наконец рядом с кирпичной фабрикой прозвучала громкая команда: «Feuer!», а за ней последовал артиллерийский огонь в направлении колокола. Стреляла скрытая за ближайшим леском батарея. Позиции, которые занимали мы втроем, защищали толстые сосны, а через наши головы в окопы летели сосновые ветки, верхушки деревьев, песок, копать от выстрелов. Поднялась такая пыль, что мы уже подумали, не пустили ли на нас газы. Осторожно просунув палец под противогазную маску, мы слегка вдохнули воздух — оказалось, что газов нет. Время от времени, когда артиллерийский огонь стихал, мы опять позванивали. Немцы снова начинали обстрел. Только под утро мы ушли в расположение батальона. Весь батальон смеялся над немцами, которые всю ночь напролет целой батареей палили впустую.

Утром 1 мая, после шумной ночи, под руководством комиссара батальона Симана Бергиса продолжались переговоры с немцами относительно встречи на железнодорожном мосту для передачи первомайских листовок. Но и сейчас переговоры были вначале неудачными, однако позднее, часам к десяти, немцы сообщили, что их офицеры согласны разрешить встречу при условии, что с каждой стороны в ней будут участвовать по три невооруженных человека. Но кто же пойдет первым на такую встречу со столь вероломным врагом? Добровольно вызвались два разведчика во главе с начальником команды Ф. Крусткалном. До того как двинуться по открытому полю к немцам, мы перетащили к мосту пулемет, положили каждый в карман шинели по паре ручных гранат, а я спрятал в правом рукаве шинели браунинг, левой рукой подхватив большой пакет с прокламациями. Мы договорились с пулеметчиками, что они будут готовы каждую минуту открыть огонь в случае, если коварный враг попытается утащить нас через мост к себе. Нас в таком случае все равно ждала смерть. На виду у немцев мы вылезли из своих окопов, оставив винтовки, и двинулись все втроем в шахматном порядке через поле к мосту. Когда мы приблизились к мосту, навстречу нам с другой стороны вышли трое здоровенных высоких немцев с блеклыми, как будто стеклянными, глазами. Мы поздоровались, поздравили их с 1 Мая и вручили первомайские воззвания; затем мы повернули в сторону своих позиций, а немцы — в свою сторону. Не успели мы отойти от них на несколько десятков шагов, как враг открыл по нам пулеметный огонь. К счастью, рядом была волчья яма, полная воды. Двое разведчиков сразу бросились в эту яму, а я — в канаву у железнодорожной насыпи, где тоже была вода. Наш пулемет открыл огонь, немцы отвечали ему и обстреливали одновременно нас, так что мы не имели возможности оторваться от противника. Небольшая кривизна железно-

дорожной насыпи мешала обстреливать меня. Наши не прекращали огонь в течение всего дня, для того чтобы не дать немцам подобраться и прикончить нас. Лишь с наступлением вечерних сумерек нам удалось незаметно оторваться от врага. Намокшие, голодные, в сапогах с оторванными подметками и в порванных шинелях, мы добрались наконец до своих позиций.

Первомайское боевое задание было выполнено без потерь. На следующий день никаких особенных военных действий не предпринималось ни с одной, ни с другой стороны. Однако нас все же интересовал вопрос, где сидел вражеский артиллерийский наблюдатель, который так энергично командовал вечером накануне 1 мая и находился где-то совсем неподалеку от нас. Для того чтобы узнать это, пятеро наших разведчиков забрались в окопы, пустовавшие еще с 1 мая, и под прикрытием леса, заслонявшего нас от противника, с помощью биноклей стали детально изучать противоположный участок фронта «железной» дивизии. Мы долго наблюдали за развалинами кирпичной фабрики, и особенно за трубой, в которой имелось круглое отверстие, обращенное в нашу сторону, пока не заметили, как там мелькнуло лицо наблюдателя. Мы все впятером, устроившись в окопе поудобнее, положили на упор винтовки; по команде раздался залп в направлении отверстия в трубе — и лицо наблюдателя исчезло. Дальнейшее наблюдение подтвердило, что артиллерийский наблюдатель в трубе больше не появлялся.

Стремясь причинить врагу по возможности больший ущерб, главным образом в живой силе, и для того чтобы внушить ему почтение к нам, наши разведчики появлялись там, где противник их не ждал. Так, в один прекрасный день, числа 10 мая, изучая незанятый участок между нашим батальоном и 3-м латышским стрелковым полком, располагавшимся правее нас, наши разведчики увидели, что на самом берегу Иецавы 10—15 немецких солдат сколачивают мостки из принесенных досок, обтесывают длинные колья и собираются переправиться на нашу сторону. Немцы работали усердно — без шинелей, побросав даже на них свои ремни. Рядом с работавшими был установлен пулемет, другой стоял на крыльце каменного дома, без единого человека прислуги, так как все работали. Мы разглядывали этот лакомый кусок, лежавший у нас под самым носом, но, к несчастью, у нас не было с собой ни одного пулемета — только винтовки и ручные гранаты. Как в этих обстоятельствах причинить побольше ущерба противнику? Послать к своим за помощью, чтобы явились с пулеметом? — Довольно далеко, немцы пока могут прервать работу. Забросать гранатами? — Немного далековато. Мы устроились в окопе, оставшемся от первой мировой войны, положили на упор винтовки и взяли на мушку каждый «своего» немца. Раздался залп — три вражеских солдата остались на месте, один, тяжело раненный, пополз, немалосердно вопя. Остальные удрали за кирпичную фабрику, побросав на берегу шинели, пулемет, убитых и раненого. Мы продолжали интенсивно обстреливать каждого, кто появлялся из-за угла здания, для того чтобы увести брошенный немцами пулемет; одновременно мы не подпускали немцев к

пулемету, который стоял на крыльце, обезопасив себя таким образом от вражеского пулеметного огня. Из-за угла соседнего дома по нам ударил третий пулемет. Мы продолжали обстреливать немцев, а те — нас. Будучи не в состоянии заставить нас замолчать, противник открыл артиллерийский огонь. Наша батарея ответила — началась артиллерийская дуэль, так как наши, не зная истинных причин, полагали, что противник готовится к наступлению. Лежа в окопах и прячась за толстыми соснами, мы наблюдали за врагом и время от времени постреливали в его сторону. Когда артиллерийский бой кончился, мы отправились назад, в свой батальон, и давай все вместе насмехаться над солдатами из «железной» дивизии, которые стреляют «из пушек по воробьям». У нас не было никаких потерь, а противник оставил на берегу реки три трупа и одного тяжело раненного; другие потери мы определить не смогли.

Числа 16 мая Коммунистический батальон на позициях сменили мобилизованные и присланные из Риги резервисты старших возрастов призыва, боеспособность которых нам показалась невысокой. Не хотелось нам покидать фронт, но, с другой стороны, привлекала возможность провести несколько дней в Риге. В Риге мы пробыли два дня, получили небольшое пополнение — человек 70 из рижских учреждений.

17 мая Рижский отдельный коммунистический батальон был переименован в 3-й батальон 5-го латышского стрелкового полка. Однако фактически ничего не изменилось: батальон действовал самостоятельно, да и командный состав остался тот же.

ПО ДОРОГЕ НА БАУСКИЙ ФРОНТ

Не успели мы толком осмотреть Ригу, как батальон получил приказ фронта: 18 мая вместе с 8-м латышским стрелковым полком переправиться через реку Мемеле и ударить на Бауску по правому берегу Мусы. Однако батальон находился еще в Риге. Командование фронта обещало доставить нас на новые позиции на автомашинах, но мы их вовремя не получили. После полудня 18 мая мы двинулись на фронт пешими и к ночи достигли местечка Иецава, откуда, немного отдохнув, пошагали дальше. Мы двигались цепью: впереди — разведчики, на флангах — конная команда. По данным штабных работников Видземско-Курземского фронта, противник должен был находиться за местечком Иецава, у имения Вецауле. Мы прошагали полдня и целую ночь, очень устали, но противника не обнаружили. Только следующим утром на рассвете наши разведчики наткнулись на вражеские дозоры.

Ввиду того что мы выступили из Риги 18 мая, мы никак не могли вступить в бой с противником в указанное приказом время — 18 мая. Приказ о наступлении вследствие задержки нашего батальона был продлен до утра 19 мая. В спешке мы выступили из Риги без достаточных запасов снаряжения, которое командование фронтом обещало выдать нашему представителю Лаздыню, оставленному для этой цели в Риге. Наши разведчики ранним утром 19 мая встретили противника и пресле-

довали его по пятам, выбив за реку Мемеле. Подоспевшие стрелковые роты форсировали реку кто как мог — кто вплавь, а кто на лодках, которые доставили с противоположного берега конные разведчики и местные жители.

Части «железной» дивизии располагались в Брунаве, Гренцтале, Церауксте и окрестных лесах, но главным логовом врага была Бауска, которую нам предстояло взять. Наш батальон стремительным броском, не встретив серьезного сопротивления со стороны противника, занял имение Гренцтале, хутор Рудзини и стал преследовать врага, пытавшегося закрепиться за рекой Муса. Слева от нас дрался 8-й латышский стрелковый полк, на участке которого происходили ожесточенные артиллерийские бои, горело несколько деревень и хуторов, в том числе литовская деревня Кеменай; справа действовал 98-й полк, который в свое время не был как следует сформирован и плохо оборонял наш правый фланг. Ранним утром 20 мая наш батальон после ожесточенных боев занял имение Церауксте и окрестные хутора. Подразделения «железной» дивизии бежали из Церауксте с такой поспешностью, что в панике бросали даже оседланных лошадей и прочее имущество. В наши руки попали 28 оседланных лошадей, 3 пулемета, винтовки, патроны и другое военное снаряжение. Немцы не успели даже позавтракать и удрали, оставив все на столе.

На Бауском фронте против нашего батальона воевали не только немцы, но и подразделения литовских драгун, с которыми мы столкнулись в немецком тылу. 20 мая наши разведчики незаметно для врага вышли за Гренцтале через лес и наткнулись в тылу противника у остатков какого-то сарая на драгун, направлявшихся на помощь частям передовой линии. Противник сначала не понял, кто его обстреливает с тыла, но затем другие вражеские резервные части, нащупав нас, открыли по нам пулеметный и артиллерийский огонь. Мы оказались зажатыми с двух сторон, поэтому нам не оставалось ничего другого, как, отстреливаясь, отступить оврагами в лес, где мы присоединились к штабу батальона в Гренцтале. Не успели мы отдышаться после похода по вражеским тылам и высушить свою пропотевшую одежду и портянки, как попали под внезапный налет вражеской авиации (10—12 аэропланов) на Гренцтале. Немецкие аэропланы с черными крестами на крыльях летали так низко, что некоторые чуть не застряли между деревьями помещицкого фруктового сада, а один из них колесами задел скворешню на безверхой березе по самой середине двора имения. Аэропланы, обстреливая нас из пулеметов и забрасывая гранатами, почти совсем ложились на крыло, для того чтобы вернее попасть в цель. Мы, разведчики и штабисты, открыли из-за колонн и углов помещицкого дома огонь, и аэропланы исчезли в направлении фронта, где были встречены пулеметным огнем с наших позиций. Большого урона налет нам не причинил: была ранена лошадь одного из конных разведчиков, за которым аэроплан гнался в открытом поле, не давая разведчику спрятаться в лес, однако сам разведчик уцелел. Налеты вражеской авиации на наш фронт происходили несколько раз, однако, встреченные прицельным пулеметным огнем, самолеты обычно поспешно улетали, не причинив нам ущерба.

Группа стрелков 8-го латышского стрелкового полка в Латвии, май 1919 г.

21 мая состоялось совещание командиров двух бригад относительно дальнейших действий. Наш батальон должен был в ночь с 21 на 22 мая переправиться через Мусу и уйти в тыл врага. Однако с 22 мая на нашем фронте началась полоса неудач. 98-му полку было поручено оборонять правый фланг и тыл нашего батальона. Полк переправился через Мемеле, а его 4-я рота расположилась в нашем тылу, в местечке Брунава. Небольшого нажима противника 22 мая было достаточно, для того чтобы отбросить 98-й полк назад за Мемеле и выбить 4-ю роту из Брунавы. Таким образом, правый фланг и тыл нашего батальона были оголены, и туда прорвался противник. Командир батальона послал в тыл команду разведчиков с заданием занять Брунаву и задержать дальнейшее отступление 98-го полка. К тому времени, когда разведчики прибыли в район Брунавы, местечко уже горело, будучи занято немцами, которые встретили нас в открытом поле огнем пулеметов и бомбометов.

Сначала мы оказались близ местечка, а позднее заняли выгодную позицию на ближайшем кладбище. Попытки противника выбить нас с занятой позиции были тщетными. Когда мы занимали позицию на кладбище, нашим глазам открылась неприятная картина: охранявшие наш правый фланг солдаты 98-го полка, теснимые противником, в панике бросались в Мемеле, кто с оружием, а кто и побросав его, или бежали в тыл в направлении Скайсткальне. Наши попытки задержать бегущих

солдат и присоединить их к своей команде оказались безуспешными. Основной нашей задачей в настоящий момент было, блокируя Брунаву, не допустить немцев в тыл батальона. Мы выслали разведчиков к своему батальону, а также на хутора и холмы близ Брунавы, для того чтобы враг не напал на нас неожиданно. Одновременно и противник послал своих разведчиков атаковать трех наших невнимательных разведчиков, расположившихся близ хутора у подножья холма. Начальник команды разведчиков заметил это со своих позиций, и, для того чтобы обратить внимание наших разведчиков на грозящую им опасность, мы открыли по немцам огонь. Наши кинулись обратно, немцы превосходящими силами — за ними, мы со своих позиций бросились на помощь своим и столкнулись с противником на большаке, поросшем с обеих сторон большими березами. В этой стычке с нашей стороны погиб отважный разведчик Майзитис; тело его мы увезли и на следующий день похоронили на Скайсткалнском (Шенбергском) кладбище. Немцы были пьяны и бежали прямо на наши штыки и взрывы гранат, поэтому их потери были весьма велики. Все послеобеденное время и ночь мы провели на кладбище, отражая попытки врага приблизиться, в ожидании своего батальона, который до утра 23 мая стоял на своих прежних позициях и по приказу командира бригады начал отступать вместе с 8-м латышским стрелковым полком на новые позиции в районе Скайсткалне. На правом фланге находилась команда разведчиков, а где-то правее в сторону Иедавы дрался Латышский кавалерийский полк. Не зная еще о падении Риги, санитарная часть батальона утром 22 мая направила туда на излечение нескольких раненых стрелков в сопровождении санитарки Шенынь. О дальнейшей судьбе их и санитарки Шенынь никаких сведений получить больше не удалось. Следует полагать, что все они погибли героической смертью от рук убийц.

Ввиду того что Рига пала, ожидавшие снаряжение и боеприпасы не прибыли; это вызвало большие затруднения и волнение в батальоне. Связи с бригадой не было, фронт развалился. На новых позициях комиссар батальона собрал партийное собрание, для того чтобы обсудить создавшееся положение: он очень резко осуждал неумелость командования фронта, особенно ругал предателя Мангула и некоего Калныня — провокатора, пробравшегося в штаб фронта и действовавшего в качестве шпиона. Настроение у стрелков батальона было плохим.

Под вечер 25 мая какой-то местный крестьянин, возвращавшийся из Яунелгавы, сообщил, что в нашем тылу главная Яунелгавская дорога через лес занята противником. Сначала мы думали, не провокация ли это. Посылать так далеко разведчиков и ждать было уже поздно. Собрались мы все командиры и обсудили, что делать. Решено было вечером, с наступлением темноты, собрать колонну на дороге; была организована небольшая ударная группа, в которую вошли командиры Симан Бергис, Борис Казак, Ансис Шенынь, Фрицис Крусткали и другие; мы привели в боевую готовность последние ручные гранаты. Ударная группа, находившаяся во главе батальона, продвигалась в темноте придорожными канавами в направлении Яунелгавского леса. Дошли мы до опушки, но никакого противника не встретили. Батальон следовал за

нами. Когда ударная группа продвинулась дальше в лес, мы услышали приглушенные голоса с большака, на каком языке — мы не могли разобрать. Подошли поближе к говорившим и явственно услышали, что разговор шел на русском языке. Значит, это из наших отступающих частей! Мы подползли овражками поближе к говорунам, а несколько командиров вышли навстречу им по большаку. Оказалось, что это остатки 98-го полка, отступившие в направлении Яунелгавы. Таким образом, дорога на Тауркальне оказалась свободной, и батальон занял оборонительные позиции в районе железнодорожной станции Тауркальне.

Простояли мы на новых позициях только один день, а на следующее утро, на заре перед нашими позициями из леса выскочила банда баронских и других белогвардейских наймитов, одетых в немецкую форму, в зеленых шапках с черными перьями. В группу входили и кавалеристы на отличных буланых конях, и пехотинцы. По всей линии завязался ожесточенный бой. Один из наших пулеметов, установленный на водокачке железнодорожной станции, чуть-чуть не попал в руки врага из-за небрежности пулеметчиков, так как весь расчет ушел с водокачки по различным делам и пулемет был оставлен без присмотра. С большим риском пулеметный расчет взобрался на водокачку, снял оттуда пулемет и открыл огонь по врагу. Вторая рота во главе с командиром Витенбергом укрепилась на кладбище в окрестностях Виткапи и упорно сражалась с противником, сопротивляясь его попыткам окружить занятые ею позиции. Команда разведчиков, позиции которой находились в центре расположения батальона, у самого полотна железной дороги, задержала наступление противника, пока санитарная часть, обозные и команда конных разведчиков, которые с распряженными конями расположились в лесу близ передовой линии, привели себя в порядок и отступили в сторону Яунелгавы. После боя лесными тропинками отступила и 2-я рота, которая присоединилась к батальону на новых позициях за Яунелгавским лесом. Последними отошли разведчики, которые небольшими группами вдоль обочин большака следовали за батальоном, охраняя его передвижение. Одним из последних, отражавших нападавшего врага, был старый стрелок невысокого роста, плечистый — Буманис, насколько помню, из Гренчской волости Тукумского уезда.

Атака немецких баронов и прочего белогвардейского сброда стоила им жизни десятка-другого баронов и их жеребцов. Несколько буланых жеребчиков без всадников заскочило во время боя на наши позиции. Те из стрелков, которые успели поймать их, отправились на новые позиции верхом.

Через пару дней наш батальон был перемещен в Екабпилс для обороны города. Через Даугаву из Екабпилса в Крустпилс сохранился pontонный мост, по которому части Красной Армии понемногу переправлялись на правый берег Даугавы. Предусматривалось, что наши воинские части вскоре оставят левый берег Даугавы, и нашему батальону было приказано с отходом последних подразделений подвезти к мосту сухую солому, чтобы можно было поджечь его. Наша команда разведчиков должна была покинуть Екабпилс последней и сжечь мост, но позднее приказ был изменен, так как наш батальон переправлялся

предпоследним, и мост уничтожил кавалерийский полк Латышской дивизии, которым командовал отважный Я. Кришьян. 4 июня Коммунистический батальон занял позиции на правом берегу Даугавы — от места впадения Дубны в Даугаву до железнодорожной станции Ерсика (Царьград). Здесь он простоял до середины июня.

Настроение стрелков по время отступления на латгальские позиции было подавленным. Не были еще забыты последствия падения Риги. Для проведения сколько-нибудь серьезной политической работы времени тоже не было, так как стрелки постоянно находились в движении и очень устали.

Однако вскоре после прихода на новые оборонительные позиции настроение стрелков уже через несколько дней резко повысилось. Комиссар Симан Бергис и другие опытные коммунисты проводили разъяснительную работу в ротах и взводах. Боеспособность стрелков возродилась, каждому была ясна обстановка на фронте, и через несколько дней в штабе батальона стали появляться представители стрелков с просьбой разработать план боевых действий, чтобы «пощекотать» белых и захватить трофеи, ибо сидеть в окопах надоело. Такой случай вскоре представился. Ранним утром, когда хозяйственный взвод батальона, меняя расположение направлялся в тыл, его из леса атаковала какая-то группа «зеленых» — банда кулацких сынков и дезертиров, которая хотела захватить обоз. Однако обозные, немедленно открыв огонь из своего пулемета «максим», прижали «зеленых» на опушке к земле. Все обозные с криками «ура!» бросились на напавших, истребив часть из них; остальные успели бежать в глубь леса.

ПОЕЗДКА РАЗВЕДЧИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО БАТАЛЬОНА В КАНУН ТРОИЦЫ В КУРЗЕМЕ

Из штаба фронта было получено сообщение о возникновении очага банд «зеленых» в Дигнайской и Биржской волостях, а также в лесах неподалеку от левого берега Даугавы. Мы получили задание переправиться через Даугаву, уничтожить банды, захватить трофеи и вернуться обратно. Рано утром в субботу команда разведчиков разделилась на две части: около 40 стрелков стали переправляться на понтонах через Даугаву на курземский берег, а для охраны лодок, находившихся на левом берегу, на правой стороне был установлен пулемет, обращенный к противоположному берегу; расчет пулемета должен был дожидаться нашего возвращения. Мы были вооружены винтовками немецкой системы; кроме того, мы надели имевшиеся у нас немецкие солдатские бескозырки, решив выдать себя за немецких разведчиков. Так как настоящий начальник команды разведчиков не был похож на немца, мы выдвинули начальником одного разведчика из Риги, у которого была истинно баронская рожа — бледное удлиненное лицо — и который хорошо говорил по-немецки. Настоящий начальник команды превратился в переводчика для переговоров с народом, плохо знавшим немецкий язык.

Мы заявили к мельнику на какую-то ветряную мельницу, назвались передовыми немецкими разведчиками, за которыми следуют главные силы, и спросили, где здесь в окрестности располагаются «зеленые». Затем мы потребовали у ближайших хозяев запрячь коней в дрожки и отправиться в путь. Все было исполнено очень быстро. Сам мельник со своим сыном тоже запрягли лошадь в дрожки, и мы двинулись в глубь Курземе. Мы отказались от завтрака, предложенного мельничихой и ее дочкой, сказав, что мы плотно покушали и с собой у нас всего вдоволь; не взяли мы и предложенные куски масла.

В указанном месте «зеленых» мы не встретили, так как те удрали в другое место; мы достали лишь кое-какие документы: топографические карты и списки. Зашли мы и в помещение бывшего Исполнительного комитета Дигнайской волости. На стенах здесь уже не было ни одного плаката, никаких следов чего-нибудь, что напоминало бы о том, что здесь когда-то находился и работал Исполнительный комитет.

В разговорах с местными жителями о том, как здесь хозяйствовали большевики, прозвучало мнение простых людей: большевики исполняли приказы свыше и с крестьянами не обходились плохо. Однако наши возницы и мельник с сыном весь день ругали большевиков. Мы, со своей стороны, тоже добавляли иногда словечко-другое, чтобы кулаки свободнее чувствовали себя, ругая представителей Советской власти. Кулаки готовы были отказаться от празднования троицы и везти нас в Даугавпилс, для того чтобы мы скорее отрезали большевикам путь к отступлению в Советскую Россию. Жители прибрежных районов Даугавы рассказывали якобы кулакам о том, что пару дней тому назад слышали уход последнего поезда большевиков из Крустпилса в направлении Даугавпилса, ибо с того времени не слышно больше ни паровозных гудков, ни шума поезда. Мы тоже подтвердили, что сегодня утром побывав на самом берегу Даугавы, мы не видели ни одного вражеского солдата на противоположном берегу, никто нас не обстреливал и, следовательно, красных там уже нет.

Уже издалека мы заметили настоящий немецкий отряд, который ехал, вздымая тучи пыли. Спросив у возниц, «не наши ли это», и получив утвердительный ответ, мы приказали свернуть по боковой дороге, чтобы не столкнуться с превосходящими силами врага вдали от своего батальона и не оказаться вынужденными принять бой в невыгодном для нас положении — на телегах. Возницам мы сказали, что не стоит одной команде ехать по следам другой — лучше охватить более широкую полосу.

Перед восходом солнца мы отправились не в Даугавпилс, а свернули к Даугаве. По мере приближения к берегу реки возницы все больше проявляли свой страх по поводу того, что мы так смело движемся к реке, беспокоясь, нет ли на противоположном берегу красных. Подъехав к берегу Даугавы, наши возницы увидели, что они обмануты, что мы-то и есть красные и что им придется ответить за ругательства, которыми они осыпали большевиков. Кулачье упало на колени и просило пощадить их жизнь. Приставив кое-кому из них ко лбу браунинг, мы

заявили, что они заслужили того, чтобы быть расстрелянными или утопленными в Даугаве, затем погрузив их вместе с лошадьми и дрожками в лодки, сели сами и переправились на свой берег. Кулаков, правда, позднее мы отпустили, но их коней оставили в распоряжении обозных. Так расстроилось у курземских кулаков празднование троицы, а кроме того, им был внушен панический страх.

Через несколько дней мы снова получили сведения о том, что «зеленые» на одном из хуторов посреди леса недалеко от левого берега Даугавы организовали из местных жителей банду и собрали скот для провианта. Через Даугаву переправилась 1-я рота, разогнала банду, захватила скот и переправила его на свой берег.

В середине июня Коммунистический батальон был сменен кавалерийским полком Латышской дивизии, мы же заняли новые позиции в районе деревень Ванаги и Вилцаны, а позднее расположились вдоль берега Уши до деревни Муциниеки. В районе этих позиций особых боев не было, если не считать стычек разведчиков и отдельных вылазок. Белые в это время были слабыми, так как их главные силы совместно с эстонскими белогвардейцами воевали с немцами у Цесиса и Риги.

КАК ЛАТЫШСКИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ СОБИРАЛИСЬ ЗАНЯТЬ РЕЗЕКНЕ

Около 15 июня наши позиции готовились атаковать значительными силами набранные местные белогвардейцы. Для того чтобы поднять боевой дух своих солдат, белогвардейские командиры и другие агитаторы всячески поносили красных стрелков, говоря о них, что это-де слабые солдаты, которые при первом же столкновении с белыми в панике побегут, освобождая дорогу на Резекне. Для того чтобы было что пожевать в пути, каждому «удалому» белому вояке дали по куску белого хлеба. Выдали также по 120 патронов.

Атака должна была начаться утром, когда на лугу перед нашими позициями после дождя стоял небольшой туман. Как только на лугу перед нами появились вражеские цепи — численностью приблизительно в роту, — наши пулеметчики стерли передовые цепи с лица земли, после чего задние бросились в лес. На лугу остались лежать убитые, раненые, разбросанные шинели, куски белого хлеба, патроны, винтовки. Стрелки преследовали бегущего противника, гоняя с одного места на другое, обходили с флангов и нигде не давали ему возможности закрепиться.

Гоня белогвардейцев в течение целого дня, мы углубились на 10—12 км к ним в тыл. На занятых хуторах наши стрелки получали в качестве трофеев главным образом горшки со сметаной и большие круги сыра; напившись вместо воды сладкого молока, они гнали врага дальше. Все мы вспотели, лица наши были покрыты пылью — только глаза блестящие. К вечеру мы возвратились на свои позиции с продуктовыми трофеями. Наши потери — один раненый. Печально для латышских белогвардейцев кончился их поход на Резекне.

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ГАРНИЗОНА В ДЕРЕВНЕ ТУРКИ

В соответствии с приказом командира бригады, нашему батальону было поручено рано утром 24 июня внезапно атаковать деревню Турки и ликвидировать расположившийся там гарнизон латышских белогвардейцев, состоявший из 250 человек. От перебежчиков штабу батальона также было известно, что в этой деревне, находившейся в 25 км от наших позиций, стояли 250 удалых вояк, готовых стереть с лица земли всех красных. Для поддержания высокого боевого духа у белых имелась полевая кухня, небольшое количество скота для провианта, а для поднятия настроения — католический ксендз. Укрепленный пункт — кладбище на краю деревни.

Штаб батальона во главе с его начальником Ф. Крусткалном разработал план атаки. В соответствии с этим планом, батальон разделили на две части, причем обе части вышли одновременно в четыре часа 23 июня разными дорогами, с тем чтобы окружить к четырем часам 24 июня деревню и ликвидировать гарнизон. Команда конных разведчиков должна была явиться в условленное место раньше, для того чтобы перерезать всякую связь белых с тылом, не дать им возможности отступить или получить помощь.

До захода солнца мы продвигались успешно: легко перешли вброд несколько маленьких речек, ручейков и болот, но ночью лесные тропинки казались длинными и пересекались они в разные стороны. Тогда мы взяли проводника с одного из лесных хуторов и двинулись дальше. В ранних утренних сумерках мы увидели деревню Турки, лежащую на холме. За полями со всех сторон ее окружал лес, луга на склонах были еще не скошены.

За лугом на всхолмье мы увидели костер и сразу поняли, что это — сторожевой дозор белых. Мы бесшумно со всех сторон окружили дозор, состоявший из 7 солдат, которые сладко спали у костра, положив рядом винтовки, а некоторые — прижав их ногой. Не поднимая шума, без единого выстрела, мы разоружили дозор и взяли его в плен.

Сняв дозор, мы поспешили по лугу вперед, чтобы полностью окружить деревню, как вдруг на другом конце ее в воздух взвилась красная ракета и две роты бросились в атаку на кладбище, которое было занято без единого выстрела, так как белые спали и не успели открыть огонь из своих пулеметов и другого оружия. Проснувшись наконец, белые в смертельном страхе бросились бежать во все стороны в лес, но всюду их встречали наши стрелки. Только сквозь небольшую щель между нашими двумя группами сумели выскочить несколько белогвардейцев, преследуемые нашими пулями. Солдаты одного отделения белых — 7 человек — растерявшись, объятые смертельным ужасом, бросились с холма вниз, чтобы достичь леса, но здесь я один, оторвавшийся от своих, поджидал их и крикнул: «Бросай оружие!» Все они, побросав винтовки, сдались в плен. Тут же на помощь подоспели стрелки, и пленных увели. Лица белых были покрыты пеной, как будто они только что выскочили намыленные из парикмахерской. На фуражках у них была кокарда

царской армии, которая пересекалась узенькой красной ленточкой. В качестве трофеев батальон захватил 50 пленных, а также винтовки, возы с продовольствием и различным военным снаряжением, ксендза, много скота, полевую кухню. Часть белых попряталась на чердаках и в погребках. Противник потерял около 20 человек убитыми и ранеными. Мы потеряли 2—3 человек ранеными. Мы выстроили на большаке целую колонну пленных и двинулись с ними в направлении наших позиций. Услышав шум боя, на помощь гарнизону деревни Турки поспешили белые из тыла. Однако было уже поздно — трофеи находились в пути. Наш арьергард только изредка отстреливался от подкреплений белых.

Во время этой операции за день до наступления ночью в тылу белых произошел следующий эпизод. Наши конные разведчики, заняв в тылу белых большак, встретили ночью какого-то конного связного белых, направлявшегося в деревню Турки. Задержав его, они приказали ему слезть с коня и отдать оружие. Тот отказался сделать требуемое, заявив: «Что вы от меня хотите, я — белый!». Наши кавалеристы отвечали: «Слезай с коня, мы — красные!» Однако беляк никак не хотел поверить, что встретил красных ночью так глубоко в тылу, пока наши не скинули его с лошади и не разоружили.

Так стрелки Коммунистического батальона ликвидировали логово белогвардейцев в Турки и расстроили им празднование Иванова дня.

* * *

В ближайшие дни после разгрома белогвардейцев происходили стычки наших разведчиков с противником. Так, 27 июня близ деревни Скруги на участке 3-й роты произошла стычка разведчиков у моста через реку Уша. Белогвардейцы в панике бежали и рассеялись в лесу. Утром 1 июля противник попытался приблизиться к нашим позициям у Антыньцема, но, встреченный ружейно-пулеметным огнем, поспешно бежал, разбросав по дороге снаряжение. На следующий день наш батальон сменили на позициях, и мы отправились на станцию Рушоны, где нас ждал эшелон. Мы поступили в распоряжение 2-й бригады 1-й латышской дивизии.

В июле и в начале августа Коммунистический батальон занимал позиции вдоль южного берега озера Лубанас и западнее его. От врага нас отделяло озеро Лубанас, а на запад простирались болота, леса, реки. Так как в условиях этой местности создать укрепленные позиции было трудно, мы расставили вдоль берега озера и в других труднодоступных местах отдельные сторожевые посты, которые сообщались между собой с помощью отдельных связных. Широкая нейтральная полоса между нами и противником и пересеченная местность способствовали постоянным вылазкам разведчиков. На участке наших позиций через линию фронта в тыл врага по специальным пропускам штаба армии непрерывно переходили группы партизан. Через наш же участок возвращались те, кто выполнял специальные задания в тылу у врага.

Из Даугавы по реке Айвиекте белые спустили в озеро Лубанас несколько моторных лодок, на которых они обычно разъезжали по озеру,

пытаясь приблизиться к нашему берегу и даже незаметно высадиться на него. В одну из таких поездок в конце августа противнику удалось пробраться незамеченным в тыл крайнего на правом фланге сторожевого поста наших и взять в плен неосторожных стрелков. Пленных белые перевезли через озеро и засадили в какой-то погреб в местечке Лубана.

На следующую ночь двум сильным стрелкам все-таки удалось вырваться из погреба, и они явились к своим.

Этот печальный случай заставил командование батальона усилить охрану берега озера и строже проверять посты, особенно ночью. Днем наши разведчики доходили до Айвиексте, на противоположном берегу которой гарцевали кавалеристы белых. Время от времени наши подстреливали одного-другого белогвардейца, «форсившего» на том берегу, чтобы внушить им страх и почтение к красным и отучить их шнырять рядом с нашими позициями.

Приказом от 17 мая 1919 года Рижский отдельный коммунистический батальон еще на фронте под Ригой был переименован в 3-й батальон 5-го латышского стрелкового полка. Таковым он считался до августа, фактически, однако, как уже говорилось, продолжая оставаться тем же Рижским коммунистическим батальоном со всеми своими командирами и стрелками. Лишь когда мы стояли у озера Лубанас в районе Варакляны, с переходом в распоряжение 2-й бригады Латышской дивизии, явилось новое начальство — вновь назначенный командир 5-го полка Альфред Тупе, новый полковой адъютант Янис Штраус и военком — Борис Звайгзне. Бывший комиссар Симан Бергис и командир батальона Борис Казак были отозваны.

НАСТРОЕНИЕ СТРЕЛКОВ НА ЛАТГАЛЬСКОМ ФРОНТЕ

После того как в начале июня Коммунистический батальон перевели на Латгальский фронт, подавленное ранее настроение стрелков через несколько дней резко улучшилось. Проходили собрания стрелков, на которых разъяснялось международное положение. Состоялись также собрания коммунистической фракции батальона и заседания бюро.

Во время перемещения Коммунистического батальона на Латгальский фронт из двух латышских дивизий сформировалась одна, зато более сильная, сплоченная и полностью боеспособная, под командованием Мартусевича. Кое-кто из недавно мобилизованных, кулацкие сынки, трусы и предатели по пути исчезли. Остались верные Коммунистической партии и Советской власти закаленные стрелки из рабочих, батраков, бывшие советские работники, комсомольцы, которые группировались вокруг коммунистов.

Если стрелки в то время уже решили, кто с нами, а кто против нас, то среди командиров было немало темных элементов, которые, занимая различные командные посты в Красной Армии, подумывали о том, как бы перебежать к белым. Переходы на сторону врага стали особенно частыми в 1-й бригаде, когда в июле стало известно, что бригаду пере-

брасывают на Польский фронт. 14 июля из 2-го Рижского полка к белым перебежали командир батальона, временно исполнявший обязанности командира полка Жанис Стурис из Ирлавской волости и его брат — бывший заведующий продовольственным отделом Иецавского волостного Исполнительного комитета Теодор Стурис, получивший в 1924 году землю в центре имения Аузини Струтельской волости. Случаи перехода имели место и в других полках. Однако в нашем батальоне почти на всех командных постах находились коммунисты, к которым примыкали старые стрелки — бывшие рабочие, советские работники, которые, будучи до конца преданными долгу пролетарского интернационализма, безоговорочно отдавали себя полностью борьбе за окончательную победу Советской власти.

В первой половине сентября мы активно готовились к борьбе с польскими панами. Мы знали, что предстоят ожесточенные и кровопролитные бои. Вскоре Коммунистический батальон покинул поля и леса родной Латвии и отправился на фронт в Белоруссию, а уже 22 сентября, по личному распоряжению В. И. Ленина, вся Латышская дивизия была спешно переброшена на Южный фронт против Деникина, а позднее — против барона Врангеля. Вместе с другими частями Красной Армии мы прошли увенчанный победой путь до Севастополя и сбросили в Черное море остатки белогвардейцев.

К. М. КИРТОВСКИЙ,

бывш. латышский стрелок,
политрук пулеметной команды 5-го латышского полка

В РЯДАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО БАТАЛЬОНА

1919 год начался для нас, латышей, боровшихся еще в годы подполья за победу социалистической революции, радостным событием: почти во всей Латвии была установлена Советская власть. С огромным воодушевлением мы начали претворять в жизнь идеи социализма, создавать Советскую власть. Однако этот творческий период мирного строительства новой жизни продолжался недолго. Несмотря на то что огромное большинство населения поддерживало Советскую власть, объединенным силам международной реакции и местной контрреволюции удалось прервать социалистическое строительство в Латвии. Уже в марте контрреволюционные силы захватили Бауский уезд, в Рундальской волости которого мы с товарищами создали советские учреждения.

Теперь нужно было с оружием в руках защищать Советскую власть от интервентов и латышских белогвардейцев. Поэтому в конце марта 11 активистов из Рундальской волости явились в Ригу и добровольно вступили в Красную Армию. Меня и еще четырех товарищей зачислили в пулеметную команду Рижского коммунистического батальона. Этот батальон был сформирован в марте 1919 года по инициативе Симана Бергиса в основном из коммунистов и профсоюзных активистов Риги. Сначала в батальоне было около 300 человек, но затем он вырос и стал ядром 5-го полка.

После того как мы в течение месяца проходили обучение в торнякалнских казармах, нас в ночь с 30 апреля на 1 мая направили на позиции у Елгавы, где находился Коммунистический батальон. Пулеметная

К. М. Киртовский.

команда батальона состояла примерно из 150 человек, в ее распоряжении находилось 12 станковых и 6 легких пулеметов; все они были установлены на повозках и двуколках. Для транспортировки «хозяйства» команда имела 80 лошадей. Однако вооружение наше было очень пестрым: 18 пулеметов были четырех различных систем. Еще более разнообразными были винтовки: в числе их были и русские, и немецкие, и японские, и английские. Это очень усложняло снабжение боеприпасами. Обмундирования также не было: каждый воевал в своей штатской одежде.

Несмотря на все эти и многие другие трудности, настроение у всех было боевым — мы не собирались отдавать Латвию контрреволюции.

В мае позиции батальона находились близ Елгавы. Наши станковые пулеметы простреливали даже железнодорожный мост. Ввиду того что серьезного нападения мы не ожидали, позиции наши были слабо укреплены, а фланги обнажены. Так мы простояли здесь до 17 мая. Никаких особенных боев не было, хотя обстреливали нас часто.

Пробыв около двух дней в Риге, наш батальон в ночь с 18 на 19 мая оставил ее, не подозревая, что сюда уже больше не вернется. В ту ночь Коммунистический батальон отправился в тыл врага. На рассвете 20 мая мы уже были за рекой Мусой. 20 мая мы атаковали имение Церауксте, где находились подразделения немецкой «железной» дивизии, и после ожесточенного боя взяли его. Мы захватили один пулемет и более 20 лошадей. О неожиданности нашей атаки свидетельствовали оставленные на столах офицерской столовой тарелки с супом (около 60), к которым немецкие офицеры не успели притронуться.

Воодушевленные первым успехом, мы хотели уже 24 мая атаковать Бауску. Внезапно мы получили печальную и совершенно неожиданную весть о падении Риги. Для того чтобы избежать окружения и разгрома, бойцы Коммунистического батальона должны были за 36 часов прошагать 120 км. У Крустпилса мы переправились через Даугаву и соединились с другими частями Латышской дивизии. В районе озера Лубанас Коммунистической батальон вошел в состав 5-го полка Латышской дивизии, а пулеметная команда из батальонной стала полковой.

Я. А. ИСТЕНАЙС,
бывш. латышский стрелок

ПОД ЗНАМЕНЕМ КРАСНЫХ СТРЕЛКОВ

3 января 1919 года наша древняя седая Рига вновь стала свободна от немецких оккупантов и их подручных — «деятелей» Временного правительства буржуазной Латвии. Пролетариат Риги с помощью Латышской стрелковой советской дивизии освободил Ригу.

Я был послан от 7-й роты вестовым в штаб 4-го латышского стрелкового полка. В марте 4-й полк занял позиции на берегу реки Вии, а штаб полка находился на хуторе Плани, а затем — в имении Триката. 19 мая полк занял позиции на берегу Гауи у Стренчи. Командира полка Фрица Фридрихсона и начальника штаба 2-й бригады Латышской стрелковой дивизии Домбровского вызвали в этот день по служебным делам в Ригу, но из Риги они уже не выехали — 22 мая город попал в руки белогвардейских банд. Фридрихсон и Домбровский попали в плен.

Эстонские, а также латышские белогвардейцы под руководством полковника Земитана стали слишком назойливыми. У них был бронепоезд, который каждое утро прибывал из Валки и обстреливал нас из орудий, но мы не могли с ним ничего поделать, так как у нас было всего два орудия с полсотней снарядов. К белым перебежал начальник пулеметной команды — бывший офицер старой армии — подпоручик. Положение было очень тяжелым и сложным как на фронте, так и в тылу. По лесам и дорогам шныряли банды «зеленых», которые нападали на отдельных стрелков. Мы знали, что военные корабли врага 2 и 3 мая обстреливали из орудий Айнажи и Салацгриву, а потом ушли в направлении Пярну. 24 мая мы получили сообщение о том, что враг прорвал наш фронт у Айнажи и Руены и что нам грозит обход с флангов. Полк получил от штаба бригады приказ начать отступление в направлении Смилтене.

В Смилтене мы приехали около половины второго и расположились на холме готовить обед. Неожиданно один из стрелков сообщил, что появились патрули кавалерии белых. Пришлось прервать приготовление обеда и оставить Смилтене.

Из Смилтене мы направились по дороге к имению Ранка. Встречавшиеся на пути старушки-матери и девушки с грустью смотрели на нас. Иная добрая старушка причитала: «Ах, сыночки, зачем вы уходите от нас?» Мы обещали, что осенью обязательно вернемся.

Из Ранки через Яунпиебалгу, Цесвайне, Мадону, Баркаву и Варакляны дошли мы до окрестностей Бикавы, где 4-й латышский стрелковый полк занял позиции на восточном берегу озера Лубанас. Штаб полка расположился в Бикаве, а канцелярия — в Габраны. Здесь полк простоял до сентября, затем его перебросили на Западный фронт — под Полоцк, в распоряжение 17-й дивизии. Примерно в 15 верстах от Полоцка находились польские белогвардейцы, но мы их отогнали от города приблизительно верст на 75. Позднее полк получил приказ ехать в Могилев.

А. Л. КРОНИК,

бывш. красноармеец 1-й литовской советской дивизии,
гвардии генерал-майор запаса

В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

В феврале 1918 года, прервав мирные переговоры в Брест-Литовске, Германия возобновила военное наступление на молодую Республику Советов. В ходе наступления была захвачена также не оккупированная до сих пор территория Советской Латвии — Валмиерский, Цесисский, Валкский уезды (Лифляндской губернии) и Латгалия. Таким образом, в 1918 году вся Латвия попала под иго немецких оккупантов.

Трудящиеся Советской Латвии повели упорную борьбу против оккупантов за освобождение своей Родины. Эта борьба к концу 1918 и в начале 1919 года приняла широкий размах и вылилась в массовые вооруженные восстания. В городах Латвии были организованы военно-революционные комитеты, а 17 декабря 1918 года Временное Советское правительство Латвии опубликовало манифест, в котором объявило о восстановлении в Латвии Советской власти.

Революционные рабочие Латвии совместно с героическими латышскими стрелками перешли в решительное наступление, изгоняя белогвардейские и немецкие части из Латвии. В декабре 1918 года были освобождены Валка, Валмиера и Цесис, 3 января 1919 года — Рига, а к концу января — почти вся территория Латвии. Советская власть восторжествовала. 22 декабря 1918 года правительство РСФСР официально признало независимость Советской Латвии.

Не менее успешно развивалась борьба за установление Советской власти и в Литве. Уже в ноябре и начале декабря 1918 года во многих городах под руководством коммунистов-подпольщиков начали создаваться Советы рабочих депутатов и военно-революционные комитеты. 8 декабря 1918 года было создано в подполье в Вильнюсе Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с В. Мицкявичюсом-Капсукасом.

Наступавшие полки Красной Армии, среди которых успешно действовал 5-й Виленский полк, сформированный в основном из уроженцев Литвы, 6 января 1919 года освободили Вильнюс. Успешно продолжая свой освободительный поход, части Красной Армии к марту дошли до реки Неман, выйдя на подступы к городам Каунас и Гродно. Совет Народных Комиссаров РСФСР и ВЦИК декретами от 22 и 23 декабря 1918 года признали независимость Литовской Советской Республики.

Так в результате могучего революционного движения и при активной всесторонней поддержке со стороны Советской России и полков ее Красной Армии в январе 1919 года во всей Прибалтике восторжествовала Советская власть.

Но Советская власть в Прибалтике в то время просуществовала недолго. Империалисты Америки, Англии и Франции, видя надвигающийся революционный пожар, мобилизовали все свои силы и приступили к организации вооруженного похода против Советской России.

Начался новый этап тяжелой, кровопролитной гражданской войны, в которой еще более закалилось боевое содружество революционных сил народов Прибалтики с великим русским народом.

Особенно памятны мне совместные бои с красными латышскими полками в 1919 году. Перейдя в наступление в конце ноября 1918 года, главные силы Латышской дивизии двигались по направлению к Риге, освобождая территорию Латвии. В первой половине 1919 года части армии Советской Латвии сражались также в северной части Литвы.

21 января 1919 года Псковская дивизия, находившаяся на территории Литвы на правом крыле Западной армии, была по ходатайству правительства Советской Литвы переименована в Литовскую дивизию, а 5-й Виленский полк вошел в ее состав под названием 7-го литовского полка. Части Литовской дивизии, в которой я служил в то время, сражались плечом к плечу с красными латышскими полками. Левофланговые части армии Советской Латвии, в состав которых входили четыре полка Интернациональной дивизии, Лиепайский и Саратовский латышские полки, мортирная батарея и авиаотряд, не раз сменяли на позициях наши полки и неоднократно совместно с нами наносили удары по белолатышам, белолитовцам и немецким войскам.

Так, например, эти латышские части, сконцентрированные в начале декабря 1918 года в районе Дрисса — Дисна и Полоцк, в середине декабря сменили части Псковской дивизии в районе Екабпилс — Даугавпилс. В дальнейшем они наступали в направлении Елгавы и Паневежиса рядом с нашей Литовской дивизией. 9 января 1919 года красные латышские полки с боем заняли литовский город Паневежис. В январе они успешно наступали вдоль железной дороги Радвилишкис — Шяуляй в направлении Паланги.

19 февраля 1919 года был образован Западный фронт, в состав сил которого входила VII армия, армия Советской Латвии и сражавшаяся на территории Литвы против белолитовцев и белополяков Западная армия. В это время белые перешли в наступление по всему фронту. Правофланговые полки Литовской дивизии сражались вместе с полками Латышской дивизии, не раз выручая друг друга в беде.

Вместе, плечом к плечу, сражались латышские и русские красные полки в районе Шяуляй — Паневежис, в феврале 1919 года вместе отбивали яростные атаки немцев. 13 марта 1919 года Западная армия была переименована в Белорусско-Литовскую армию.

18 марта 1919 года немецкие войска совместно с белолатышами захватили город Елгаву и развернули наступление в направлении Бауска —

Главком И. И. Вацietис и члены штаба армейской группы Латвии осматривают Даугавпилсскую крепость. Конец декабря 1918 г.

Екабпилс. Вскоре они нанесли сильный удар по левому флангу армии Советской Латвии, так называемой Паневежской группе, вынудив ее оставить Паневежис. Только 5 апреля Паневежис был вновь отбит у белых.

17 апреля 1919 года произошла так называемая Виленская катастрофа — Вильнюс захватили польские белогвардейцы и наша Литовская дивизия отступила в Укмерге и Паневежис. Приказом от 30 апреля Литовская дивизия была подчинена командующему армии Латвии, и это еще более скрепило боевое содружество латышей и литовцев. С 23 по 30 апреля нашим полкам пришлось совместно сражаться в районе Швенченелей и вместе мы отступали с боями до станции Пабраде. В первых числах мая 18-й латышский советский полк совместно с Литовской дивизией вел тяжелые бои против немцев, латышских и литовских белогвардейцев на участке Неменчине — Белинградас на реке Вилии.

22 мая 1919 года белолатышские и немецкие воинские части заняли Ригу. Положение на фронте еще более осложнилось (см. схему 4). Красные латышские части, отходя на восток, к концу мая достигли линии железной дороги Даугавпилс — Резекне — Псков. В результате тяжелых боев в мае и июне наша дивизия и Паневежская группа армии Советской Латвии вынуждены были отступить на Утена в Новоалександ-

ровск (ныне Зарасай). В начале лета 1919 года армия Советской Латвии была переименована в XV армию, а Белорусско-Литовская армия — в XVI армию. В июле и августе наша Литовская дивизия совместно с левофланговыми частями Латышской дивизии заняли позиции в районе Новоалександровска, где в августе Литовская дивизия была переимено-

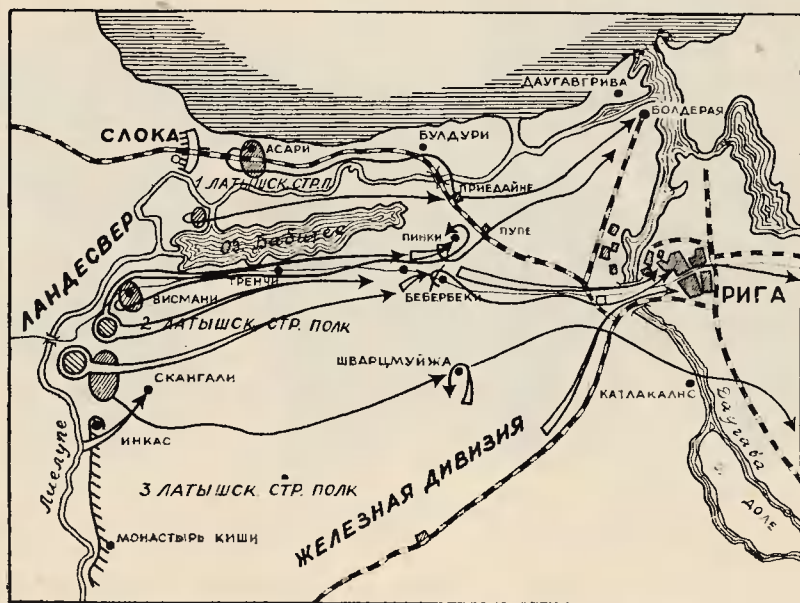

Схема 4. Падение Риги 22 мая 1919 г.

вана в 4-ю стрелковую дивизию. В это же время из отдельных эскадронов и части конной разведки Литовской дивизии был сформирован кавалерийский полк 4-й стрелковой дивизии, куда вскоре были влиты кавалерийские подразделения латышей Паневежской группы. Теперь уже боевая спайка с латышами стала органической. Командиром нашего полка был назначен латыш Виктор Красинский из Резекне.

В тяжелых сентябрьских боях под натиском противника мы вынуждены были отступать к Даугавпилсу, прикрывая отход нашей пехоты.

Никогда не забуду, как в бою под Краславой нам пришлось форсировать Даугаву под натиском превосходящих сил противника. Форсировали вплавь, под прикрытием огня конно-пулеметного взвода, которым командовал отважный сын латышского народа Скудра. Шквальным огнем с тачанок бесстрашные пулеметчики, половину которых составляли латыши, задержали конницу белополяков и обеспечили переправу главных сил полка.

Не забуду и тяжелого боя у деревни Новая, вблизи станции Нишгале, когда в ночь на 8 ноября 1919 года вместе с русскими, литовцами и украинцами самоотверженно боролись вновь зачисленные в наш полк бойцы из расформированного латышского кавалерийского эскадрона.

Вместе с латышскими бойцами мы вынуждены были с болью в сердце оставить в начале сентября территорию Литвы. Вместе с ними сражались мы у Даугавпилса и последними отходили через Резекне на восток, покидая землю Латвии, вместе с ними мы поклялись, что будем сражаться до последней капли крови, пока не освободим родной край от ига капитализма.

Л. А. ИДРЕСАЛ,
бывш. латышский стрелок

В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ЛАТВИЮ

В октябре 1918 года формировавшаяся резервная рота 6-го латышского стрелкового советского полка находилась в Петрограде на Миллионной улице в здании бывшего французского посольства. Я решил вступить в ряды латышских красных стрелков и отправился туда. Поднявшись по широкой красивой лестнице, я неуверенно пошел по коридору в поисках начальника стрелков. У одной из дверей стояли двое стрелков — стройные, подтянутые, вооруженные наганами. Один из них у меня спросил, куда я направляюсь. Я ответил, что хочу вступить в ряды латышских стрелков. Незнакомцы переглянулись, смерили меня с головы до ног испытующим взглядом и стали расспрашивать, кто я, откуда, почему хочу вступить в красные стрелки. Видимо, мои ответы им понравились, и один из них сказал: «Хорошо, такие ребята нам нужны! Идите вниз и подождите, принимаем вас рассыльным».

Итак, я стал рассыльным — получил удостоверение и обмундирование. Вскоре наша рота была уже полностью сформирована и получила приказ отправиться на фронт в состав 6-го латышского полка. Походным порядком мы двинулись на вокзал. На Невском проспекте, недалеко от Гороховой улицы, был дан приказ остановиться. С балкона какого-то здания выступал Петр Стучка. Он поблагодарил нас от имени латышского пролетариата за верную службу делу революции, за доблесть и бесстрашие в борьбе против врагов Советской власти. От лица партии большевиков и Советского правительства он заявил, что боевые дела красных латышских стрелков будут жить в сердцах рабочего класса. Мы ответили дружным «ура!» и продолжали свой путь к вокзалу. Эшелон наш двинулся через Москву к Казани, близ которой тогда располагался 6-й латышский советский полк. Когда мы прибыли, полк стоял на отдыхе. Нас распределили по ротам. Я попал в 3-й взвод 3-й роты 1-го батальона.

Вскоре был получен приказ отправиться в Симбирск. Прибыв в город, мы расположились на отдых. По прошествии небольшого времени наш полк уже находился в пути на фронт. Полк двигался по Уфимскому тракту к Бугульме, преодолевая сопротивление белогвардейцев. Километрах в 30 от Бугульмы наш полк получил приказ погрузиться в эшелоны и направиться обратно в Симбирск. Доехав до Симбирского моста через Волгу, мы вынуждены были остановиться. Мост оказался взорванным во многих местах. Покинув вагоны, мы отправились на паромную пристань. Переправа была опасной, так как начались уже первые мо-

розы, и пароходик с трудом лавировал между плавающими льдинами. Наступила ночь, а переправа все еще продолжалась. Тогда последовал приказ ждать утра. Утром оказалось, что пароходик наш безнадежно застрял среди льда. Полк оказался разъединенным на две части. Нужно было ждать, пока Волга окончательно не станет. На это ушло еще несколько дней.

В конце ноября 1918 года наш полк получил приказ направиться в Москву. Там мы получили новое распоряжение: сосредоточиться в районе Пскова и начать освобождение Латвии. Какое ликование охватило стрелков! Наконец-то можно прогнать ненавистных немцев с родной земли и встретиться с родными и друзьями! С нетерпением ждали мы прибытия в Псков. Казалось, что эшелон движется очень медленно. Предварительно мы получили сведения, что в городе находятся немцы. Когда мы подъехали, готовые к бою, оказалось, что враг уже отступил из Пскова. Таким образом, мы могли беспрепятственно въехать в город и разгрузиться на станции. Не задерживаясь, походной колонной мы направились через реку Великую вслед немцам.

Приближалась ночь, и полк должен был встать на отдых. На следующий день мы снова двинулись вперед, к эстонской границе, по направлению к местечку Печоры. Один батальон шел вдоль железнодорожной линии, другой — по шоссе. Видно было, что полотно во многих местах разрушено. Это сделали немцы, поспешно отступавшие на запад. Сильно пострадала станция Печоры.

Вечером наш полк вошел в эстонский городок Выру и, переночевав, снова двинулся преследовать немцев. Они почти не сопротивлялись, стычки были редкими.

После двух переходов к вечеру мы подошли к имению Карула в 25 километрах от Вальки. От крестьян мы узнали, что там находятся немцы. 6-й полк остановился у одного хутора на краю шоссе, неподалеку от имения. Отправили туда в разведку одного местного крестьянина, который вскоре вернулся и подтвердил, что немцы действительно расположились в имении на отдых. Полк залег в боевой готовности. Командир полка Ф. Лабренцис собрал всех командиров батальонов, рот и взводов на совещание: нужно было решить, дожидаться ли утра или атаковать противника немедленно, ночью. Все командиры стояли за немедленную ночную атаку. Мы приготовились к бою и ждали сигнала — первого выстрела.

В ночной тишине наш полк быстро окружил имение с трех сторон. Стрелки незаметно подошли почти вплотную к строениям. Немецкие часовые беспечно покуривали и переговаривались между собой, так что мы большинство их сняли без шума. Но тревога все же поднялась. После первого выстрела стрелки бросились на врага. Бой длился недолго. Немцы были захвачены врасплох. Вражеский пулеметчик открыл было огонь, но в ту же минуту был пригвожден к земле ударом приклада одного из наших стрелков. Немцев разоружили и согнали в погреб. Оказалось, что это были немецкие кавалеристы и обозники — всего около 200 человек. У них были пулеметы и автоматические винтовки. Мы захва-

тили 200 пленных, 200 лошадей, 5 пулеметов и несколько сот винтовок. Многие стрелки получили в качестве трофея маузеры и парабеллумы. Так окончился наш первый серьезный бой у порога родной Латвии.

Утром следующего дня полк двинулся дальше, к Валке. 18 декабря 1918 года мы вошли в город. Оказалось, что он уже находился в руках восставших рабочих, и жители сердечно встречали нас. Рота, в которой я служил, остановилась на улице Лапу. В Валке мы встретили рождество, но не по-церковному, как было раньше принято, — в местном городском зале весело горела елка, стрелки смотрели театральную постановку «Вей, ветерок» Я. Райниса. У всех было приподнятое настроение. После праздников полк переместился из Валки в Валмиеру, где некоторое время находился в резерве.

Стояли последние дни 1918 года. Части латышских стрелков, сломив жестокое сопротивление врага под Инчукалном, двинулись на освобождение Риги. Наш полк двигался в эшелонах через Цесис, Сигулду и Инчукалн. На станции Баложы мы узнали, что в Риге началось восстание рабочих. Нужно было спешить на помощь. Когда мы подъехали к Югле (окраина Риги), оказалось, что железнодорожный мост взорван. Выгрузившись, мы перешли шоссейный мост, который немцы не успели взорвать. Затем рассыпались в две цепи и двинулись вдоль Петроградского шоссе и железнодорожной линии к центру города. Подойдя к фабрике Озолниека, мы заметили приближавшуюся автомашину. Наши конные разведчики подняли было тревогу, но оказалось, что на машине едут нас встретить представители восставших рабочих. Мы узнали от них, что немцы покинули центр города и отошли в Задвинье.

Стрелки нашего полка спешно погрузились в подготовленный рабочими эшелон, стоявший на пригородной станции, и поехали к Центральному рижскому вокзалу. Там нас ожидали жители города. Многие искали среди стрелков своих родных. Совершенно чужие люди со слезами на глазах бросались к нам на шею и стремились сказать хоть несколько сердечных слов.

Полк вошел в Ригу 3 января вечером. Наша рота расположилась на улице Меркеля № 3. Ночью совместно с вооруженными рабочими мы охраняли мосты и улицы города. Пришлось тушить склады, подожженные немцами. Враг к этому времени уже покинул также и Задвинье. Через сутки наш полк был построен перед зданием главной почты. С балкона выступали ораторы с приветственными речами. Затем мы стали прощаться с близкими и друзьями: полк получил задание идти в Болдераю для охраны крепости. Запомнилось мне теплое прощание одного из наших командиров со своей женой и маленьким ребенком. Фамилии командира я не помню, но твердо знаю, что это было последнее прощание. Он погиб смертью храбрых в степях Северной Таврии в сентябре 1920 года.

В Болдерае наш полк простоял довольно долго, а затем пришел новый боевой приказ: мы должны были срочно отправляться на Эстонский фронт. 6-й латышский стрелковый советский полк в составе одного батальона выехал из Риги в ночь с 7 на 8 января. Путь наш лежал через Валмиеру, Валку на Тарту, где белозстонцы перешли в наступление.

Снова мчится вперед эшелон. Стрелки сурово смотрят в тревожную ночную даль. Вдоль железной дороги стеной стоит сосновый лес, запорошенный снегом. Холодно. В темном вагоне вспыхивают огоньки солдатских закуток. Тихо звучит под стук колес задушевная песня стрелков. Впереди новые бои...

В ночь на 14 января мы прибыли в Тарту. Там получили указание следовать в эшелонах дальше, до следующей станции на железнодорожной линии Тарту — Таллин, чтобы соединиться с другими красноармейскими частями. Однако не успел эшелон отъехать от города на 5—6 километров, как нас обстрелял вражеский бронепоезд. Снаряды сыпались как горох. Мы быстро выскочили из вагонов и залегли. В ночной темноте нельзя было ничего разобрать. Мы не знали, где находится противник и где наши. Пришлось ждать утра.

Утром мы узнали, что Тарту придется защищать собственными силами, так как других наших частей поблизости нет, за исключением одного кавалерийского эскадрона. Когда рассвело, мы увидели впереди реку с железнодорожным мостом, дальше тянулся лес. Слева виднелись домики. Противник находился, по-видимому, в лесу. Он располагал не одним бронепоездом, как мы думали вначале, а двумя. Бронепоезда стояли где-то в лесу, куда уходила железнодорожная линия. Был дан приказ продвигаться вперед. Мой 3-й взвод 3-й роты под командованием Энемберга двигался вдоль железнодорожной насыпи. Неподалеку от нас находился командир полка Фрицис Лабренцис. Приблизившись к железнодорожному мосту, мы перешли замерзшую речку — идти пришлось по глубокому снегу. Противник заметил наше движение и открыл ураганный огонь из орудий бронепоездов. Снаряды рвались все ближе и ближе. Чтобы уйти от вражеского огня, мы часто перебегали с одной стороны железнодорожной насыпи на другую. Огонь противника усилился. К орудийной канонаде присоединились ружейные залпы и стрекот пулеметов. Разрывные пули с треском сбивали замерзшие сосновые ветки. Стрелки отвечали беглым огнем. Командир полка Лабренцис, почти не укрываясь от пуль, стоял на насыпи и стрелял из браунинга. Рядом со мной упал убитым стрелок Цимбул, кое-кто был ранен. Под огнем противника мы вынуждены были залечь в снегу. Затем начались яростные белогвардейские атаки.

Прикрываясь огнем двух бронепоездов, вражеские цепи все более охватывали нас с фронта и флангов. Силы были явно неравны — часам к одиннадцати 14 января белоэстонцы уже почти окружили Тарту. Нам ничего не оставалось делать, как оставить город. Правее нас еще раньше отошли 15-й советский полк и эстонские красные стрелки. Отбивая наседавшего противника, один батальон 6-го латышского полка отошел через Выру и Печоры к Изборску. Оттуда мы эшелонами направились в Куправу, а затем в Гулбене. В Гулбене 6 февраля 1919 года пересели на узкоколейку и поехали на север — в Алуksне, откуда маршем проследовали до Апе, где заняли оборонительные позиции. На этом участке фронта белогвардейцы также вели наступление.

В рядах белогвардейцев были на вербованные иностранными империалистами белофинские добровольцы. Они отличались особой жестоко-

стью, за что их прозвали «мясниками». Белофиннам удалось обойти наш полк и прорваться к Алуksне. Пришлось снова отступить.

19 февраля наш полк был уже у Алуksне. Мы заняли позиции у Алуksне, правее железной дороги до озера Алуksнес. Наш взвод расположился на хуторе Гайлиши. Для усиления нам был придан пулемет с расчетом из русской красноармейской части. Хутор с трех сторон окружал лес, за ним в трех километрах находилось местечко Алуksне.

Командир взвода Энемберг приказал стрелкам занять боевые позиции, уточнил сектора обстрела. Были выставлены посты. С Алуksне поддерживалась постоянная связь. Ночь прошла спокойно, но на рассвете мы слышали со стороны Алуksне стрельбу. Вскоре оттуда прибыли связные и сообщили, что белогвардейцы атакуют станцию и расположенную на правом фланге 6-го латышского полка русскую красноармейскую часть. Наш взвод должен был быть в полной боевой готовности.

Тем временем шум боя нарастал, но мы стояли на месте в ожидании приказа. Наконец снова прибыли связные и рассказали, что пока никакого приказа от командования не поступало, а на станции идет ожесточенный бой. Атаку финнов сдерживает наш пулемет, из которого огонь ведет какой-то стрелок. Он проявляет исключительное хладнокровие и бесстрашие — скошенные цепи белофиннов падают как снопы. Ствол пулемета так накалился, что его пришлось сменить. Соседняя с нами часть на правом фланге с боем отходит.

Бой в Алуksне продолжался весь день. Только к вечеру вдруг раздалась крики «ура!», затем ударил колокол алуksненской церкви и наступила тишина. Мы подумали, что наши отогнали белофиннов. Взводный Энемберг решил отправиться в сторону Алуksне и выяснить обстановку. Через некоторое время он, запыхавшись, прибежал назад и сказал, что по дороге от Алуksне движется колонна финнов, а со стороны селения Алсвики тоже наступает белогвардейская цепь. Теперь стало ясно, что наши, вероятно, отошли. Энемберг приказал взять пулемет и без шума уйти в лес. Наш отход скрывал небольшой холм.

Растянувшись в две цепи, стрелки брели по лесу, утопая по колено в снегу. Свежий снег заметал наши следы. Выходить из леса пока было опасно. Совсем рядом слышался шум передвигающихся вражеских колонн, скрипели полозья саней, раздавалось ржание коней.

Ночью мы подошли к пустому сенному сараю и укрылись в нем. Стали решать, что делать дальше. Некоторые хотели продолжать движение ночью, другие предлагали переждать до утра. В конце концов наш взвод разделился на две группы. Одна группа с пулеметом и несколькими стрелками попрощалась с нами и ушла в снежную ночь. Другая выступила на рассвете.

Нас было 12 человек, все мы были вооружены винтовками, имели по 250 патронов. Кроме того, на всех было еще несколько гранат. Мы решили выбрать момент, когда дорога станет совершенно пустынной, выбраться из сарая, подойти к первой крестьянской хате и узнать, где мы находимся, а также раздобыть какую-нибудь пищу. Если на дороге столкнемся с врагом — примем бой.

Нам повезло, и вскоре мы увидели домик лесника. Лесник, как и

большинство местных жителей, оказался сторонником Советской власти. Он накормил нас хлебом и молоком. Его дочь, приветливая миловидная девушка, взялась показать нам лесную дорогу, по которой мы могли выбраться из окружения. С большими предосторожностями мы прошли мимо имений Зелтыни, Адамы и Илзене, где, видимо, были вражеские солдаты. В дальнейшем на нашем пути никаких осложнений не встретилось, и вскоре наша группа была уже у своих. Сначала мы прибыли в Леясцием, а затем — в Вецгулбене, и наконец попали в свой полк, стоявший в имении Лиепна. Там мы узнали, что первая группа взвода вернулась в часть раньше нас.

Товарищи рассказали о бое в Алуksне, в котором нам участвовать не пришлось. Латышские стрелки в Алуksне стояли насмерть. Геройски погиб бесстрашный пулеметчик и многие другие. Стрелки передали подробности смерти пулеметчика. Он держался до последнего момента, был ранен, но не оставил пулемета и только после приказа взвалил пулемет на свою могучую спину и хотел унести к своим. Вражеская пуля сразила героя. Весь батальон тоже попал в окружение, но вышел из него по льду озера Алуksнес.

Успехи белоэстонцев и белофиннов на нашем участке фронта носили временный характер. Они объяснялись прежде всего тем, что противнику удалось достигнуть многократного перевеса в живой силе и технике. Белогвардейцы непрерывно получали все новые и новые подкрепления. Имperialисты не жалели денег и ресурсов для организации борьбы против Советской власти. Мы, красные латышские стрелки, понимали, что буржуазия всех стран хочет отнять у нас завоеванную свободу. Даже мне, молодому стрелку, за прошедшие несколько месяцев службы в рядах Красной Армии это стало совершенно ясно.

Мы переживали и радости победы и горечь поражения, но вера в рабоче-крестьянскую власть была непоколебима. Попав в окружение, мы не сложили оружие, а сделали все, чтобы вырваться к своим и снова встать в ряды борцов. В тяжелые январско-февральские дни 1919 года подавляющее большинство стрелков 1-го батальона 6-го латышского полка с честью оправдали добрую славу красных латышских стрелков.

К концу февраля 1919 года к нам на помощь прибыл 2-й батальон 6-го латышского полка под командованием Юлия Петерсона. Он атаковал противника под Алуksне, сломил его сопротивление и пошел на север. Белогвардейцы понесли значительные потери. Хваленые белофинские вояки бежали до самой эстонской границы.

1-й батальон полка, потрепанный в предыдущих непрерывных боях, оставался некоторое время в резерве. Наша рота прибыла в Алуksне уже после взятия местечка стрелками 2-го батальона. Помнится, мы посетили место, где пали наши боевые товарищи. Там состоялся траурный митинг. Один из выступавших командиров рассказал, что когда местечко было освобождено, стрелки 2-го батальона стали свидетелями зверств врага. Обезображенные трупы павших стрелков с выколотыми глазами и раздробленными черепами валялись на месте, где шел бой. Здесь же лежали злодейски убитые стрелки, попавшие в плен. Белофинны не позволили

местным жителям похоронить мертвых. Стрелки похоронили боевых товарищей у замка, поклявшись отомстить врагу за их смерть.

Теперь у братских могил стояли мы. Твердо сжимая винтовки в руках, мы дали клятву не жалеть своих сил и жизни, чтобы отстоять Советскую власть. Прозвучал трехкратный прощальный салют, и мы колонной отправились обратно в местечко.

После короткого отдыха 1-й батальон 6-го латышского полка также отправился на фронт в район Гауиены. 2-й батальон 6-го полка в это время сражался под Апе. Белофинны после разгрома у Алуksне не показывались на нашем участке фронта — их перебросили под Валку, а на смену им явились белоэстонцы.

2-й батальон выбил врага из Апе и загнал его в леса за станцией Менцене (Мынисте). У Гауиены и Менцене шли ожесточенные бои — эти пункты несколько раз переходили из рук в руки. В последний раз выбив белоэстонцев из Апе, стрелки при поддержке броневика «Лачплесис» захватили неповрежденный вражеский бронепоезд.

22 марта 6-й полк решительной атакой овладел станцией и имением Койкюла близ Валки. Но дальше продвинуться не удалось. Белофинны, которые находились теперь на этом участке фронта, сильно потеснили соседнюю красноармейскую часть справа и создали угрозу нашему флангу. На наши цепи обрушился сильный артиллерийский огонь.

Ввиду создавшейся обстановки, 25 марта командование решило оттянуть 6-й латышский полк несколько назад и закрепиться на участке Гауиена — Апе. Здесь фронт стабилизировался.

8 апреля 1919 года наша 3-я рота 1-го батальона 6-го латышского полка прибыла в Алуksне. Там мы узнали о боевом подвиге стрелков нашего полка. Три стрелка — Эдуард Аунс, Николай Зелтынь и Андрей Крускоп, находясь в разведке, взяли в плен семерых вражеских солдат, а также помогли разгромить две роты противника. За этот боевой подвиг они были награждены орденами Красного Знамени. Этой высокой награды за взятие вражеского бронепоезда был удостоен также командир батальона Юлий Петерсон. Мы были рады и горды, что советское правительство отметило подвиги наших бойцов и командиров.

10 апреля 1-й батальон 6-го полка снова выступил на фронт. Двигались мы через имение Адами на Сусури и Рупьякалн. В районе Сусури развернутые цепи нашей роты подошли к опушке леса и внезапно столкнулись с цепью белогвардейцев. Обе стороны на мгновение опешили. Первыми пришли в себя красные стрелки. Они открыли огонь и бросились на вражескую цепь. Белогвардейцы не выдержали внезапного натиска и побежали. Наши стрелки их неотступно преследовали в лесу. Один из них с автоматической винтовкой выбрался вперед на лесную дорогу, через которую в панике бежали белогвардейцы. Без промедления он открыл огонь по отступавшим. Вражеские солдаты падали один за другим от метких пуль стрелка — из вражеской цепи мало кто уцелел. Как мы узнали после боя, нами была полностью разбита студенческая рота 1-го Валмиерского белогвардейского полка.

Наш взвод расположился в Индрики, между селениями Бриежи и Муциниеки.

Группа командиров 1-й латышской стрелковой бригады в конце лета 1919 г. Слева направо в первом ряду: командир бригады Ф. Калнынь, комиссар бригады В. Озол; во втором ряду: второй В. Арит, третий — начальник разведки бригады О. Лацис, крайний — начальник связи бригады А. Пуринь.

Бои на участке Гауиена — Менцене — Апе продолжались весь апрель и начало мая 1919 года. В это время на Курземском фронте создалось угрожающее положение. Немецкие войска фон дер Гольца, захватив Елгаву, рвались к красной Риге. Тяжелая обстановка создалась и южнее Даугавпилса, в Литве. В мае по приказу командования 6-й латышский стрелковый полк был смнен другой частью и походным маршем направился в Венгулбене. Оттуда на подводах мы доехали до другой станции, где сели в эшелон. 20 мая наш эшелон проследовал через Ригу на Даугавпилс. В Даугавпилсе мы простояли несколько дней, а затем эшелонами поехали в Литву.

На одной из станций мы выгрузились из вагонов и двинулись к Паневежису. На этом участке наступали немецкие и белолитовские войска. Наши части под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отходить. Прибытие нашего полка уже не могло изменить положения.

Здесь мы узнали о том, что белогвардейцам удалось захватить красную Ригу. Это было для нас страшным ударом. Ведь всего несколько дней тому назад мы проезжали мимо дорогой нам всем столицы Советской Латвии и не думали, что скоро ее улицы будут топтать сапоги немецких головорезов. Многие бойцы были недовольны тем, что мы бесцельно простояли в Даугавпилсе несколько дней, тогда как могли бы принять участие в обороне Риги. Командиры и комиссары объясняли нам создавшуюся обстановку, рассказывали, что Советская Латвия сейчас переживает трудные дни: враги наступают на нее с севера, запада и юга, их вооружают и одевают иноземные империалисты. Наши боевые друзья — русские пролетарии — сейчас тоже не могут оказать достаточной помощи, так как Советская Россия находится в огненном кольце вражеских фронтов.

Большинство стрелков нашего полка поняли создавшуюся обстановку и еще больше сплотились вокруг своих командиров и комиссаров.

6-й латышский полк принял участие в ожесточенных боях против белогвардейцев под Швенченеляй.

В конце мая 1919 года я очутился в рядах 16-го латышского стрелкового советского полка, стоявшего в районе Екабпилса.

НА ЛАТГАЛЬСКОМ ФРОНТЕ

В июле 1919 года 16-й латышский стрелковый полк, входивший в состав 2-й латышской дивизии, стоял у Ливаны. Наши позиции тянулись вдоль реки Дубны против Степерского и Медненского болот. После отступления полк был сильно потрепан — ощущался недостаток в живой силе, в частности в командном составе. Стрелки устали в непрерывных боях и переходах, обмундирование изнашивалось. Правда, когда фронт стабилизировался на границе Латгалии, полк стал быстро пополняться стрелками из других частей, которые выходили из вражеского окружения. Бои в это время носили позиционный характер: поиски разведчиков, небольшие локальные операции, артиллерийская перестрелка. На некоторых участках противник пытался атаковать наши позиции, но был отброшен, понеся потери. Мы также не располагали достаточными силами для ведения активных боевых действий.

Командование армией Советской Латвии решило в это время расформировать 2-ю дивизию и влить ее в состав первой дивизии. Наш полк тоже подлежал расформированию.

6 июля 1-й батальон 16-го латышского полка, в котором я служил, в составе 321 стрелка и двух пулеметных команд влился во 2-й латышский стрелковый полк 1-й дивизии. Мы получили название 3-го батальона 2-го латышского полка. Батальоном командовал Карл Смилтниека, а ротами — Янис Брок, Юрис Лейтис и Альфред Рейх. К 3-му батальону была присоединена пулеметная команда.

Сразу же после слияния со 2-м полком наш батальон сменил части 24-го стрелкового полка и занял участок фронта между деревнями Русини и Муциниеки на левом фланге полка. Против нас со стороны бе-

лых стоял Цесисский батальон. Противник, как и раньше, был очень пассивен. Напротив, с нашей стороны увеличилась активность разведчиков. Помнится, группа наших разведчиков 12 июля направилась через деревни Бикавниеки — Брислы — Варпсалиеши — Стоки в Вецели, которые находились в нейтральной полосе между нами и противником, и обстреляли оттуда врага. Белогвардейцы были в крайнем замешательстве, полагая, что наши перешли в наступление. В последующие дни поиски разведчиков продолжались, но противник в нейтральной зоне почти не показывался. Отдельные группы его разведчиков обращались в паническое бегство при встрече с нашими стрелками. 14 июля, правда, белогвардейцы пытались атаковать наших соседей — 1-й латышский стрелковый советский полк — и овладеть городом Ливаны, но были разбиты и с большими потерями откатились.

В годы буржуазной Латвии продажные писаки всячески расхваливали «доблесть» Цесисского студенческого батальона на Латгальском фронте. Мне как участнику боев с ними хочется отметить, что студенческий белогвардейский батальон был на редкость труслив и всячески уклонялся от боя с нашими стрелками. Правда, они были большими мастерами по подготовке и распространению грязных агитационных листовок, но красивые латышские стрелки не поддавались на вражеские провокации. Мы были плохо одеты и обуты, часто голодали, испытывали недостаток в вооружении и боеприпасах, но ряды наши не знали колебаний. Мы знали, за что и во имя чего боремся. Были, конечно, трусы и малoverы, но они являлись исключением. При отступлении они дезертировали, и от этого мы, пожалуй, только выиграли — ряды красных стрелков стали чище и крепче.

Несколько слов о наших командирах и комиссарах. Большинство командиров были преданы Советской власти и вместе со стрелками переносили все тяготы фронтовой жизни. Правда, как говорится, в семье не без урода: кое-кто из бывших офицеров при отступлении трусливо бежал и перешел к врагам. Но таких было немного. Мы очень любили своего полкового комиссара Карла Бриедиса. Это был исключительно честный, справедливый и отзывчивый человек. Он хорошо понимал нас, стрелков, помогал разбираться в сложных политических вопросах. В августе 1919 года его перевели из полка в бригаду. На его место был назначен комиссар 16-го полка Екаб Петерс. Это тоже был кристально честный коммунист, храбрый воин и прекрасный человек. Как сейчас помню его широкоплечую фигуру и внимательный, добрый взгляд. Со стрелками он говорил простым понятным языком. Даже самые сложные, запутанные вопросы он излагал нам ясно и доступно.

2-й полк находился на Латгальском фронте до 11 августа 1919 года, когда был получен приказ перейти в армейский резерв в район южнее станции Виляны. Нас сменили 1-й и 3-й латышские советские полки. В резерве мы стояли неделю, затем получили приказ направиться в Остров в распоряжение командира 11-й дивизии Нацвалова. 19 августа мы прибыли в Остров.

Еще в двадцатых числах мая 1919 года белогвардейские банды Булак-Балаховича и белоэстонцы прорвали наш фронт западнее и северо-

западнее Пскова и захватили город. Захват Пскова создал серьезную угрозу всей Северной группе армии Советской Латвии. Южнее и юго-восточнее Пскова действовали части 2-й белоэстонской дивизии, а с востока — 2-й русский белогвардейский корпус. Белоэстонцы получали подкрепление и снаряжение по железной дороге Псков — Валка, поэтому ее стратегическое значение было велико. Командующий XV армией Корк разработал следующий план разгрома противника под Псковом.

1-я бригада 11-й дивизии и 1-я бригада 3-й дивизии должны были составить ударную группу и нанести удар в направлении Изборска, расположенного на железнодорожной линии Псков — Валка. Таким образом перерезалась основная коммуникационная линия врага. Белоэстонские части должны были быть отброшены на территорию Эстонии, а фланг и тыл русского белогвардейского корпуса обнажен. Затем силами объединенной бригады 11-й дивизии (командир Матисон) по правому берегу реки Великая следовало нанести удар по белым и овладеть Псковом.

Наступление началось 15 августа 1919 года с исходной линии Аниткино — Гончарово — Грибули. До 18 августа ударная группа продвинулась в направлении Изборска на 12—15 км, а на следующий день была уже в 9 км южнее Изборска. Однако объединенная бригада 11-й дивизии успеха не имела. Это позволило белоэстонцам оттянуть часть сил против прорвавшейся ударной группы и отеснить ее назад. Операция была под угрозой срыва. Тогда по приказу командующего XV армией Корка начальник Латышской дивизии А. А. Мартусевич бросил 2-й латышский полк на поддержку объединенной бригады 11-й дивизии. Наш полк спешно прибыл в Остров и сменил в деревнях Крюково и Гончарово 83-й полк объединенной бригады. Всего во 2-м латышском полку было 740 штыков с 24 пулеметами. Для усиления нам придали 2 орудия из 2-го артиллерийского дивизиона 11-й дивизии.

Перед нами была поставлена задача добиться перелома на участке объединенной бригады. Командование полка решило предпринять ночную атаку. 20 августа после полуночи стрелки без шума окружили занятые противником деревни, сняли посты и, внезапно ударив, застали врага врасплох. Побросав оружие и снаряжение, белогвардейцы в панике побежали. Преследуя противника, наш полк быстро продвигался вперед, занимая одну деревню за другой. За один день наступления мы продвинулись на 10 км. Не имея возможности остановить продвижение 2-го латышского полка, белогвардейцы стали отходить на всем участке объединенной бригады.

21 августа 3-й батальон 2-го латышского стрелкового полка атаковал противника в деревне Луги, где он пытался закрепиться. Позиции противника располагались на возвышенности, с которой контролировалась вся окружающая местность. Нам приходилось идти в атаку по ровному полю под сильным огнем. Чтобы избежать лишних потерь, в помощь нам была придана одна рота 1-го батальона, которая обошла Луги с севера и ударила по противнику с тыла.

Белогвардейцы были разбиты и в панике бежали. Мы преследовали их в направлении Ореховой Горы. В одном километре от этой деревни

нам во фланг ударил противник, поддержанный бронепоездом. Завязалась горячая схватка. На помощь нам был брошен 2-й батальон полка, и он-то и решил исход боя. Враг не выдержал и повернул обратно, убрался восвояси и его бронепоезд. В эти дни стояла сильная жара. Во рту все пересохло, и нас очень мучила жажда. Стрелки пили воду даже из луж.

Наше успешное наступление приостановило белоэстонцев южнее Пскова и заставило их прекратить наступление на участке ударной группы. 22 августа 2-й латышский полк отбросил белоэстонцев на левый берег реки Великой. Командование дало нам приказ форсировать реку Великую в районе деревни Видра и двинуться на полустанок Моглино, расположенный на железнодорожной магистрали Псков — Валка. Белоэстонцы укрепились на противоположном высоком берегу реки и вели сильный огонь. У них были также бронемашины, которые разъезжали по дороге вдоль реки. Средств переправы мы не имели, так что все зависело от самих стрелков. Река была в некоторых местах сравнительно мелкой, но зато течение ее было сильным.

Форсирование реки Великой начали 3-й батальон и две роты 2-го батальона полка. 23 августа в 12 часов наша артиллерия открыла сильный огонь по позициям противника и его бронемашинам. Белогвардейцы тоже ответили сильным огнем. Около двух часов продолжалась артиллерийская дуэль. Наконец огонь противника немного ослаб, и стрелки бросились в реку. Сильное течение сбивало с ног, так что приходилось держаться вместе по несколько человек. Над головами с воем проносились снаряды. Когда мы приблизились к противоположному берегу, артиллерийская канонада вдруг смолкла. С криком «ура!» мы выскочили на берег и стали карабкаться по крутому обрыву. Завязался ожесточенный бой. Пробегая вперед, я вдруг заметил, что один стрелок лежит раненый и зовет на помощь. Оказалось, что у него прострелены обе руки и обе ноги. Он просил наган, чтобы покончить с собой. Я крикнул ему: «Держись, парень, не падай духом! Сейчас придут санитары», — и бросился в бой. Его действительно подобрали санитары, и он остался жив. Во время боя у нас стали иссякать патроны. У многих стрелков не было штыков, поэтому им приходилось действовать прикладами. Наконец противник не выдержал удара красных латышских стрелков, дрогнул и побежал. Не останавливаясь и не давая врагу передышки, мы быстро продвинулись вперед. Белогвардейцы подбросили свежие силы и пытались контратаковать нас, но были отбиты. Наступление 2-го полка продолжалось.

В бою при форсировании Великой мы захватили много пленных, 3 пулемета, повозки с 25 тыс. патронов и другими материалами. Наши соседи, ободренные успехами 2-го латышского стрелкового полка, также теснили противника, однако значительно медленнее, чем мы. Наш полк сильно вырвался вперед, и у него оголились фланги. Во время артиллерийской дуэли истощился также запас снарядов. Несмотря на все это, обстоятельства требовали продолжать наступление.

Преследуя белогвардейцев, наш полк достиг железнодорожного полустанка Моглино, западнее Пскова, и начал бой за овладение им. Бело-

эстонцы хотели любой ценой удержать полустанок. Они сконцентрировали против нас три бронепоезда, которые открыли по нашим цепям ураганный артиллерийский и пулеметный огонь. Бой за полустанок продолжался до вечера. Группа стрелков 2-го батальона прорвалась на полустанок, но была оттеснена превосходящими силами противника. Мы отошли на 4—5 км к юго-востоку и закрепились. Белоэстонцы атаковали нас, однако, понеся большие потери, тоже оттянули свои силы. Находясь на позициях, мы хорошо видели, как из Пскова через Моглино идут эшелоны с награбленным добром, но сделать пока ничего не могли. Слева от нас 23-й полк продвигался вперед медленно и достаточной помощи нам не оказывал. Справа 83-й полк тоже проявлял недостаточную активность.

Утром следующего дня 2-й латышский полк внезапно атаковал противника и отбросил его к железной дороге. Но там нас снова встретил сильный огонь трех бронепоездов. Пришлось залечь. Воспользовавшись этим, белоэстонцы кинулись на нас в атаку, но были отбиты. Атака повторилась и опять безуспешно. Так продолжалось всю первую половину дня. На помощь противнику прибыли еще два бронепоезда: теперь их было уже пять. Кроме того, из Пскова подошли колонны пехоты. Объединенными силами противник снова пошел в наступление на наш полк. В полдень сильная вражеская колонна стала обходить наш правый фланг. Однако 1-й батальон отбросил ее назад. За несколько часов горячего боя многие наши пулеметы выбыли из строя, ряды стрелков поредели, а атаки врага продолжались. Его цепи подходили все ближе и ближе. Тогда командир батальона Заринь отдал команду: в штыки! Наши стрелки лавиной бросились вперед. Белоэстонцы не выдержали нашего натиска и повернули вспять. Мы гнали их до железнодорожной линии. От пленных мы потом узнали, что на стороне белых участвовали несколько усиленных батальонов белоэстонцев и части русского белогвардейского корпуса. Мы тоже понесли огромные потери. В 1-м батальоне пало или было ранено более половины всех командиров, в том числе комбат Заринь и начальник пулеметной команды Титар. Ранены были командир 7-й роты Брок и командир 8-й роты Лейтис. Много убитых и раненых было и среди стрелков. Но мы отбили атаки противника, и он перешел к обороне. В ночь с 25 на 26 августа 2-й латышский полк окончательно овладел полустанком Моглино и перерезал железную дорогу. Затем, оставив 1-й батальон для прикрытия, полк 26 августа вошел в Псков. Нам достались богатые трофеи: 5 тыс. гранат, 60 тыс. патронов и большие запасы продовольствия. При освобождении Пскова пало 97 наших стрелков, было много раненых и пропавших без вести.

Так 2-й латышский стрелковый полк выполнил возложенную на него задачу. Более того, он обеспечил успех всей задуманной операции по освобождению Пскова. Белоэстонцы, опасаясь окружения, оставили Псков и отошли на свою территорию. Русский белогвардейский корпус, видя безнадежность сопротивления, поспешно отступил к Гдову. Прорыв 2-го полка к Моглино решил исход сражения.

После взятия Пскова наш полк не получил заслуженного отдыха: под

Даугавпилсом создалось напряженное положение, и наше место было там. Сначала командование дало приказ 2-му латышскому полку отправиться в Резекне в резерв. 29 августа мы выступили из Пскова походной колонной, так как железная дорога во многих местах была повреждена. Делая короткие привалы, наш полк спешным маршем достиг Резекне. Там нас ожидал новый приказ: направиться к Даугавпилсу в распоряжение командира 4-й дивизии. В полдень 30 августа мы прибыли в Даугавпилс. Обозы прибыли в Даугавпилс позже. Без промедления нам приказано было явиться к штабу 1-й бригады 4-й дивизии, который располагался у деревянного моста. Построившись в колонны, мы пошли по улицам в сторону реки Даугавы. Город обстреливала вражеская артиллерия. На улицах видны были группы красноармейцев, которые отступили из Гривы. На деревянном мосту царила неразбериха. Враг вел по нему беглый артиллерийский и пулеметный огонь.

В штабе 1-й бригады нашему командованию сказали, что противник прорвался в Гриву и с часу на час может войти в Даугавпилс. Наш полк рассыпался в цепь перед деревянным мостом через Даугаву в тот момент, когда по нему пробежали последние отступающие красноармейцы. По неопределенным сведениям, на той стороне реки наступали польские легионеры и белолитовские части. Белолитовцы 30 августа овладели станцией Калкуны южнее Даугавпилса и местечком Грива, расположенным на противоположном берегу Даугавы. С ними соединились части белополяков, которые также вошли в Гриву и находились от деревянного моста в нескольких сотнях метров. На помощь противнику подошел бронепоезд, — силы врага значительно превосходили наши. Несмотря на это, 2-й латышский стрелковый полк бросился вперед через мост навстречу белогвардейцам. Вражеские снаряды в некоторых местах повредили настил моста, пулеметный и ружейный огонь усилился — среди стрелков появились убитые и раненые. Но наша решительность не поколебалась. Некоторые стрелки передвигались перебежками, другие ползком, третьи — перебирались по балкам моста. Противоположный берег был все ближе и ближе, и наконец мы достигли цели. Вновь рассыпавшись в цепь, не ожидая отставших товарищей, стрелки бросились на врага. Натиск наш был поистине сокрушительным: штыками и прикладами прокладывали мы себе путь вперед. Белополяки и белолитовцы не выдержали удара и побежали. Полк, разделившись на две группы, продолжал гнать противника.

Местечко Грива было освобождено, а затем стрелки овладели станцией и именем Калкуны. Часть белополяков, которая атаковала цитадель, была отрезана от своих основных сил. Чтобы избежать разгрома и восстановить положение, противник бросил в контратаку резервы. Его поддерживал огонь с польского бронепоезда. После упорного боя нам пришлось оставить Калкуны и отойти к старым окопам, которые остались с империалистической войны перед Гривой.

Другая, левая, группа нашего полка продолжала преследовать врагов по дороге Даугавпилс — Лауцесе до самой ночи. Ночь застала ее в лесу. Связь со своими была прервана. Стрелки этой группы не знали, что их товарищам пришлось отойти от Калкуны назад к Гриве. Поэтому

решено было временно прекратить наступление и установить связь с другой группой полка.

30 августа мы захватили 20 пленных, 2 тяжелых пулемета, много винтовок и важных материалов. Враг потерял несколько десятков солдат убитыми. У нас был тяжело ранен ротный командир Рудольф Лацис, который всегда был впереди бойцов, 50 стрелков ранено и 6 убито. Многие легко раненные остались в строю.

Остальные полки 1-й бригады и дивизии после нашей успешной атаки несколько оправились и тоже вступили в бой на флангах нашего полка.

31 августа утром нас атаковали польские легионеры. После ожесточенного боя им удалось несколько потеснить наши части и соседний 30-й полк. Атаки противника продолжались весь день, но больше они успеха не имели. Вечером 2-й латышский полк вновь перешел в наступление и восстановил утраченные с утра позиции. Нам на поддержку подошел полк Эстонской бригады, остальные полки задержались в пути.

1 сентября мы совместно с Эстонским полком атаковали противника и после часового боя вновь овладели станцией и имением Калкуны. Последовала контратака белолитовцев, которые пришли на помощь польским легионерам. В течение 5 часов нам пришлось отбивать натиск врага. С наступлением темноты наш полк и эстонцы отошли на старые позиции — траншеи времен первой империалистической войны.

Так закончились активные действия 2-го латышского стрелкового полка на Гривском плацдарме. 2-й латышский полк выполнил основную свою задачу — не дал возможности противнику овладеть Даугавпилсом. Мало того, он захватил важный плацдарм в районе Гривы — Калкуны и принял на себя основной удар польско-литовских частей. Полку не удалось развить успех, так как противник имел значительное превосходство в живой силе и технике. За три дня боев мы потеряли около 170 убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Правда, через несколько дней к нам прибыло пополнение в количестве 199 стрелков.

После боев под Даугавпилсом 2-й латышский полк получил приказ покинуть вместе с Латышской дивизией Латгальский фронт и направиться в Белоруссию, под Могилев, где польские легионеры начали теснить части Красной Армии.

7 сентября 1919 года нас сменил 28-й стрелковый полк и мы возвратились в город Даугавпилс. Началась спешная погрузка в эшелоны, и в полдень мы находились уже на пути в Могилев. 9 сентября мы прибыли в Могилев, разгрузились и походной колонной направились к деревне Голинец, находившейся в 6 км южнее города. Нам предоставили отдых до 18 сентября, а затем был получен приказ отправиться в район Козлова Берега. Идти пришлось по непроходимым осенним дорогам. До сих пор запомнились дождь, слякоть, холодный ветер, сопутствовавшие нам в походе. К вечеру 21 сентября мы пришли в Козлов Берег, находившийся примерно в 25 км от реки Березины. Дальше наш полк не двигался: был получен новый приказ: возвратиться в Могилев и отправиться на Южный фронт.

ДОКУМЕНТЫ

№ 38

*Приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики
начальнику Латышской стрелковой советской дивизии о переброске
частей дивизии в район Старой Руссы.*

№ 262/III

гор. Серпухов

16 ноября 1918 г.

1-му и 6-му латышским полкам приказано немедленно сосредоточиться в районе Старая Русса — Дно. К этим полкам должна быть придана Вашим распоряжением легкая и тяжелая батарея и вся имеющаяся и находящаяся в Москве латышская конница и контрразведческие команды 2-го и 3-го латышских полков. Переброска этих частей из Москвы на Старую Руссу — Дно должна начаться немедленно, для чего вам необходимо обратиться к главному начальнику военных сообщений в Москве Загю. Начальник всех этих латышских частей назначается Вашим распоряжением. Для получения указаний о пунктах сосредоточения всех вышеозначенных латышских частей и директивы о дальнейших действиях немедленно командуйте доверенное лицо в Петроград к командарму VII Искрицкому (пл. Урицкого, 4). Об избранном Вами начальнике отряда, а также об отправлении из Москвы латышских частей немедленно донесите.

Главком Вацетис

Член Реввоенсовета Республики Данишевский

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 413. Телефонограмма.

№ 39

*Донесение начальника штаба Латышской стрелковой советской дивизии
главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики об
отправлении 1-го и 2-го латышских полков в гор. Старую Руссу.*

№ 0766

гор. Москва

24 ноября 1918 г.

Срочно. Секретно. Оперативная.

2-й и 1-й латышские полки проследовали Москву и отбыли в Старую Руссу.

Наштадивлат Лерхе

Комлатдим Дозит

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 469. Копия телеграммы.

№ 40

*Телеграмма военного комиссара Торошинского участка
Я. Ф. Фабрициуса В. И. Ленину об освобождении гор. Пскова.*

26 ноября 1918 г.

Вчера вечером, 25 ноября с. г., [в] 16 час. 30 мин. доблестными красноармейскими частями Торошинского участка с боя взят г. Псков. Белогвардейские банды при дружном натиске наших частей разбежались. В городе приступлено к восстановлению Советской власти.

Военком Фабрициус

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 562, л. 83. Телегр. лента.

№ 41

*Донесение командира 2-й бригады Латышской стрелковой советской
дивизии начальнику дивизии о дислокации бригады.*

*№ 01371
гор. Дно*

*27 ноября 1918 г.
12 час. 40 мин.*

В. И. Ленин

Оперативная. Срочно. Секретно.

1-й полк отправлен в Псков в распоряжение начдива 2-й Новгородской, штабриг — в Порхове, остальные части сосредотачиваются в [гор.] Дно.

27 ноября 1918 г.

Комбригат 2 Лелбикс
Комиссар Апин

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 484. Телегр. лента.

№ 42

*Донесение начальника штаба Латышской стрелковой советской дивизии
главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики об
отправлении 2-го кавалерийского дивизиона в гор. Старую Руссу.*

*№ 0777
гор. Москва.*

27 ноября 1918 г.

Сегодня, 27 ноября, в 12 час. из Москвы в Старую Руссу в распоряжение комбригат 2 отбыл 2-й кавалерийский дивизион в составе 7 инструкторов, 193 солдат, 185 лошадей. Из Москвы прибыл 1 эшелон 4-го латышского полка.

Наштадивлат Лерхе
Комлатдив Дозит

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39, л. 475. Копия телеграммы.

Телеграмма В. И. Ленина главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетису о необходимости всячески поддерживать временные Советские правительства Латвии, Эстонии, Украины и Литвы.

29 ноября 1918 г.

ТЕЛЕГРАММА ГЛАВКОМУ В СЕРПУХОВ

29/XI

С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства.

Ленин

В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 205.

Донесение начальника штаба Латышской стрелковой советской дивизии командующему VII армией об отправлении 6-го латышского стрелкового советского полка в гор. Дно.

гор. Москва

*Не ранее 30 ноября 1918 г.**

Срочно. Секретно. Оперативная.

Сообщается, что 6-й латышский полк в составе: 3 эшелона, 827 человек, 413 штыков, 8 пулеметов, 223 лошади отбывает на Дно, распоряжение комбригат 2. 1 эшелон проехал Москву 30 ноября.

Наштадивлат Лерхе
Комдивлат Дозит

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 39. л. 498. Копия телеграммы.

* Датируется на основании даты, упоминаемой в документе.

*Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии
начальнику колонны об освобождении 4-м латышским стрелковым
советским полком имени Вастселийна.*

№ 083

4 декабря 1918 г.

Срочно. Военная.

Доношу: левофланговая группа 4-го латышского полка в 19 час. 3 декабря с боем заняла им. Нейгаузен. Находящиеся в имении германцы открыли сильный огонь. Работало и 2 неприятельских орудия. В бою принимали участие и белогвардейцы. Немцы отступили на Верро. Захвачены 4 белогвардейца. Через 30 мин. после взятия имения явились переговорщики от германцев: унтер-офицер и рядовой 388-го пехотного полка, которые заявили, что полк расположен в Верро в составе 3000 человек, что не хотят воевать с красными, их желание — скорее отправиться на родину. По их словам, перестрелка завязалась по внушению офицеров. Переговорщики просили дать им срок 2 или 3 дня, дабы иметь возможность эвакуироваться. Высшим командованием обещана отправка 7 или 11 декабря. По их словам, немцы эвакуируют Латвию. 388-й полк прикрывает тыл до полной эвакуации. Забран один офицер-эстонец, который показал, что 4 декабря [проведена] мобилизация эстонцев. 2 дня тому назад прошли 200 белых по направлению к Верро. Потери с нашей стороны: пропали без вести 3 конных разведчика, со стороны противника потери не выяснены. С правого участка сведений нет.

Подлинное подписал начальник штаба Домбровский
Комиссар Апин

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 3, л. 26. Заверенная копия телеграммы.

*Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии
начальнику колонны об освобождении латышскими полками мызы Орава.*

№ 089

5 декабря 1918 г.

9 час. 20 мин.

Оперативная.

В дер. Линдеры и Тоббино расположились немцы с пулеметами и орудиями, в этом районе производится усиленная разведка с целью захвата дороги к ус. Линдеры. Мыза Орраво, что 8 верст правее железной дороги, занята вчера 4-й ротой 4-го латышского полка и 3-м и 4-м взводами 2-го эскадрона латышского кавалерийского полка в 23 час. 4 декабря. Трофеи — пленных немцев 39, 2 пулемета, около 40 винтовок, ручных гранат и много патронов. Потери: в 4-м латышском полку — убитых 2, раненых 6 человек; во 2-м эскадроне Латышского

кавалерийского полка — убитых 1, раненых 2 и без вести пропавших 3. Ст. Нейгаузен еще не занята. По рассказам вернувшихся пленных, на разъезд Гусар прибыл эшелон белогвардейцев в составе 15—20 вагонов. Кроме того, сообщают, что в Верро прибыли войска: кавалерия, артиллерия, пехота, бронированные автомобили, и будто бы готовятся к наступлению. От 1-го латышского полка сведений не поступало.

Подлинное подписал начальник штаба главных сил правой колонны
Домбровский
Военный комиссар Апин

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 24. Заверенная копия телеграммы.

№ 47

*Донесение начальника Латышской стрелковой советской дивизии
главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики
об освобождении 4-м латышским стрелковым советским полком
гор. Выру.*

№ 0859

10 декабря 1918 г.

4-й латышский полк с эскадромом 8 декабря занял гор. Верро. Немцы отходят.

Начдивлат Авен
Комлатдив Дозит
Наштадивлат Лерхе

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 12. Копия телеграммы.

№ 48

*Рапорт начальника Латышской стрелковой советской дивизии
главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики с
просьбой о передаче в ведение дивизии технического поезда при 1-м
Московском инженерном полку.*

№ 0882

12 декабря 1918 г.

гор. Москва

Ввиду настойчивого желания служащих технического поезда при 1-м Московском инженерном полку, состоящего главным образом из латышей и под командой тов. Аманника, перейти в полном составе и со всем имуществом для службы в Латышскую стрелковую дивизию и отправиться на Западный фронт, прошу Вашего распоряжения о передаче этого поезда со всем личным составом и техническим имуществом в ведение дивизии. Поезд этот боевой службы не несет, бездействует и находится в данное время на ст. Митьково.

Начальник дивизии
Правительственный комиссар
Начальник штаба

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 37. Отпуск.

*Распоряжение главнокомандующего всеми вооруженными силами
Республики командующему Южным фронтом направить латышские
полки в гор. Даугавпилс.**

№ 469
гор. Серпухов

12 декабря 1918 г.

Весьма секретно. Срочно.

8-й и 9-й латышские полки срочно направьте в Москву. Латышскую конницу в лице Витебского латышского кавалерийского полка, всю артиллерию 3-й латышской бригады и авиационное отделение латышской авиагруппы при ней направьте на Двинск. Все вышеозначенные части должны быть снабжены продовольствием по раскладке, утвержденной правительством для фронта, на один месяц. Об исполнении донести.

Главком Вацетис

Член Реввоенсовета Данишевский

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 85. Телегр. лента.

№ 50

*Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии
начальнику штаба колонны об освобождении 6-м латышским стрелковым
советским полком имени Канепи.***

№ 132
гор. Выру

12 декабря 1918 г.

Сегодня 6-й латышский стрелковый полк взял мызу Канепе. Взято пленных 17 немецких солдат, управляющий имением, 1 пулемет, 16 винтовок, 1 ружье-пулемет. С нашей стороны потерь нет. По сведениям жителей, в мызе Кергел около 300 мобилизованных, при пулеметах. Для выяснения положения туда высылается разведка.

Начальник штаба главных сил Домбровский

Военком Баузе

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 59. Телегр. лента.

* Копия распоряжения направлена начальнику Латышской стрелковой советской дивизии.

** Копия донесения направлена начальнику Латышской стрелковой советской дивизии.

№ 51

*Приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики командующему армиями Восточного фронта сформировать и направить в гор. Даугавпилс кавалерийский эскадрон.**

№ 477/оп
гор. Серпухов

13 декабря 1918 г.

Секретно. Срочно.

Из кавалерийского отряда Баллода составьте 1 эскадрон, включив туда всех латышей, желающих русских, и в срочном порядке направьте на Двинск. Этот эскадрон снабдить полностью всей имеющейся конской амуницией для продолжения формирования в Латвии, остальная часть отряда передается в Ваше распоряжение. О последующем донести мне.

Главком Вацетис

Член Реввоенсовета Данишевский

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 78. Телегр. бланк.

№ 52

Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии начальнику штаба колонны о дислокации латышских полков в районе гор. Выру.

№ 0123
гор. Выру

13 декабря 1918 г.**

Оперативная.

4-й латышский полк, 1-й латышский полк, 7-я легкая батарея и мортирная батарея расположены в гор. Верро. Эскадрон 6 конного полка в мызе Альтваймел. Эскадрон Латышского кавалерийского дивизиона в мызе Зоммерпален. 2 роты 6-го латышского кавалерийского дивизиона в мызе Зоммерпален. 2 роты 6-го латышского полка занимают Серрист, 2 роты того же полка — Сиенен. По сведениям, немцы занимают мызы Канкан и Ерестфер. Для очистки их направлен 2-й эскадрон 6-го латышского полка.

Начальник штаба главных сил Домбровский

Военный комиссар Апин

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 50. Телегр. лента.

* Копии приказа направлены командующему армейской группой Латвии и начальнику Латышской стрелковой советской дивизии.

** Дата приема телеграммы.

№ 53

Директива главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики войскам Северного фронта и Западной армии об овладении гор. Елгавой и Ригой.

№ 491/III

15 декабря 1918 г.

гор. Серпухов

Приказываю в ближайшие дни энергичным действием в сторону Прибалтийского края овладеть Митавой и Ригой.

Главком Вацетис

Член Реввоенсовета Республики Аралов

ЦГАСА, ф. 918/33987, оп. 3, д. 5, л. 309. Копия.

№ 54

Предписание начальника Латышской стрелковой советской дивизии командиру 1-й бригады направиться в гор. Даугавпилс.

№ 01604

16 декабря 1918 г.

гор. Москва

С получением сего предписываю Вам со штабом отправиться в гор. Полоцк и далее в Двинск в распоряжение командующего Двинской группой Андреева. В случае отсутствия тов. Андреева в гор. Полоцке Вам надлежит за дальнейшими распоряжениями обращаться в гор. Смоленск к командарму Западной Снесареву.

В Ваше подчинение должны войти нижеследующие части: отправленный в Двинск 3-й латышский стрелковый советский полк и авиаотряд и отправляемый с Южного фронта Латышский полк особого назначения, Витебский кавалерийский латышский полк, 3-й легкий латышский артиллерийский дивизион и авиаотделение и из Арзамаса — конный эскадрон тов. Баллода. Об отбытии донести. В состав 4-го легкого дивизиона в числе прочих входит 1 батальон 1-й дивизии.

Подлинное подписали: начальник дивизии

правительственный комиссар

начальник штаба

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 70. Копия.

№ 55

*Донесение командира 3-й бригады Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики об отбытии бригады в гор. Москву.**

№ 0636

17 декабря 1918 г.

ст. Жердевка

Военная. Срочно.

Сего 17 декабря штаб 3-й латышской бригады и первые эшелоны частей отправляются по месту нового назначения в Москву.

17 декабря

Жердевка

Комбригат 3 Штейн
Военком бригаат 3 Бейка

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 144. Телегр. бланк.

№ 56

Протокол общего собрания красноармейцев 1-й батареи Латышского тяжелого полевого артдивизиона о готовности отправиться на фронт.

20 декабря 1918 г.

Председатель собрания — тов. Бредит.
Секретарь собрания — тов. Петерсон.

П о р я д о к д н я

1. О скорейшей отправке на фронт.

2. Текущие дела.

Тов. Бредит открывает собрание следующими словами, [что] созданное собрание является по инициативе массы 1-й батареи обсудить вопрос о скорейшей отправке на фронт. Слово тов. Петерсону. Высказав желания массы, товарищ подтверждает, что действительное стремление массы к** скорейшей отправке на фронт и что батарея состоит в боевой готовности, кроме некоторых недостатков, чтобы освободить своих братьев трудящихся от второго нашествия империалистов. В крайнем случае при*** возможности неотправки масса высказывается разойтись по полкам латышских стрелков.

Единогласно приняли вручить резолюцию, вынесенную общим собранием, тов. Петерсону и тов. Штрабергу для вручения высшей инстанции**** латышских стрелковых полков.

Председатель собрания
Секретарь

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 33, л. 247. Подлинник.

* Копия донесения направлена начальнику Латышской стрелковой советской дивизии.

** Далее неразборчиво.

*** В документе — «по».

**** В документе — «дистанция».

*Телеграмма военного комиссара Новгородской дивизии
Я. Ф. Фабрициуса В. И. Ленину об освобождении гор. Валмиеры.*

№ 435
гор. Псков

22 декабря 1918 г.

Сегодня [в] 4 час. 5 мин. латышскими частями взят гор. Вольмар.

Военком Фабрициус

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 562, л. 91. Телегр. лента.

*Приказ по комиссариату Латышской стрелковой советской дивизии с
объявлением отношения Исколастрела о вновь избранном составе
Исколастрела.**

№ 28
гор. Москва

23 декабря 1918 г.

Объявляем для сведения отношение Исколастрела от 20 декабря с. г. № 3579.

«Просим объявить в приказе по Комиссариату новый состав Исполнительного комитета Совета депутатов латышских стрелковых советских полков, избранный на II съезде латышских стрелковых советских полков, и распределение функций между членами Комитета.

1. Президиум: председатель — Эрнст Интович Юревич, товарищ председателя — Теодор Янович Зекке, секретарь — Оскар Ансович Стига, товарищ секретаря — Альберт Николаевич Скайдынь, казначей — Крест Иоганович Кригер.

2. Контрольная комиссия: председатель — Роберт сын Марии Рутынь, секретарь — Жано Карлович Ульман, члены — Эдуард Циммерман, Ян Янович Шварте (он же комиссар интендантского снабжения дивизии). Кооптированные члены при комиссии: Карл Карлович Брильянт, Ян Карлович Зауэрман и Карл Карлович Тетер.

3. Юридическая комиссия: председатель — Эрнст Янович Бредис, секретарь — Матис Оттович Витол, член — Оскар Андреевич Казимир.

4. Комиссар при дивизии: Карл Дозит.

5. Члены, не входящие в состав комиссии: Ян Микелевич Лепинь, Ян Густавич Думинь и Александр Давидович Рихтер.

Председатель Исколастрела Юревич

Секретарь Стига»

Подлинный подписали: комиссары Петерсон и Дозит

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 519, л. 195. Заверенная копия.

* Объявлен приказом по Латышской стрелковой советской дивизии № 272 от 24 декабря 1918 г.

Телеграмма военного комиссара Новгородской дивизии Я. Ф. Фабрициуса В. И. Ленину об освобождении гор. Цесиса.

№ 436
гор. Псков

24 декабря 1918 г.

Латышские стрелки, разбив под Вольмаром наголову части немецкой железной дивизии и белогвардейские банды и севши на них верхом, въехали в Венден. 23 декабря в 17 час. 4-м латышским стрелковым полком занят Венден.

Военком Фабрициус

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 562, л. 93. Телегр. лента.

№ 60

Приказ по армейской группе Латвии о дислокации и боевых задачах группы.

№ 003
гор. Даугавпилс

1 января 1919 г.

Секретно.

§ 1.

Наши войска в районе Двинск—Рига—Митава заняли нижеследующие пункты на проходящих в указанном районе железных дорогах: Зегевольд (ж. д. Псков—Рига), Ремерсгоф (Риго-Орловская ж. д.), Тауэркальн (ж. д. Крейцбург—Митава) и Ракишки (ж. д. Двинск—Поневеж).

Нами также занят Фридрихштадт.

§ 2.

Согласно телеграммы командующего Западной армией от 28 декабря 1918 г. № 060 и переданной телеграфно директивы командующего VII армией от 29 декабря 1918 г. № 01013, армейская группа Латвии исключена из состава Западной армии и включена с 28 декабря 1918 г. в состав VII армии (Северного фронта).

Разграничительные линии: на юге с Псковской дивизией Западной армии — линия Бологое, Великие Луки, оз. Освея, Двинск, Поневеж, Радзивилишки, Шавли, Поланген — все пункты включительно для армейской группы; на севере со стрелковой, бывшей 2-й Новгородской — линии Дно, Пыталово, Штокмансгоф, Шлок — все пункты включительно для 2-й Новгородской дивизии. В число задач VII армии входит овладение Ревелем, Ригою, побережьем Прибалтики и наступление левым флангом армии на Митаву.

Задачей армейской группы Латвии ставится по окончании смены частей Псковской дивизии наступать на Митаву и Поневеж с целью

овладения этими пунктами. Сосредоточивая латышские части на Митавском направлении, поддерживать тесную связь со 2-й Новгородской дивизией и оказывать содействие наступлению левой колонны этой дивизии от Ремерсгофа на Ригу. Ближайшей задачей ставится овладение Нейгутом и Бауском и восстановление укреплений у Якобштадта и Двинска.

§ 3.

Во исполнение указанных в п. 2 задач приказываю:

1. Правый участок — командир 1-й бригады Латышской стрелковой советской дивизии тов. Дудынь.

Продолжать энергичное и быстрое продвижение на Митаву, имея ближайшей задачей овладение Нейгутом.

2 роты 3-го латышского стрелкового полка, 20-ю особую гаубичную батарею и бронированный поезд объединить под командованием заместителя комполка 3-го латышского тов. Саусверда и направить по Риги-Орловской ж. д. для содействия левой колонне бывшей 2-й Новгородской дивизии для скорейшего овладения мостом через р. Огер.

По закреплению за ними названного моста ротам 3-го латышского полка присоединиться к своему полку.

20-ю особую гаубичную батарею по выполнении задачи возвратить в состав Особой интернациональной дивизии.

3-й латышский стрелковый советский полк. 20-я особая гаубичная батарея (временно). 2-я легкая батарея 1-го латышского легкого дивизиона. Бронированный Саратовский поезд № 05.

2. Левый участок — начальник Особой интернациональной дивизии тов. Окулов.

Продолжать наступление вдоль ж. д. Двинск—Поневеж—Шавли, имея ближайшей задачей овладение Поневежем, стремясь захватить подвижной состав и тщательно охраняя оставленное немцами имущество в освобожденных местностях.

39-й интернациональный рабочий полк. 47-й рабочий интернациональный полк. 20-я особая гаубичная батарея (временно в правом участке). Батальон связи.

3. Разграничительная линия между участками: Антонополь (на ж. д. Двинск—Режица), Царьград (на ж. д. Двинск—Крейцбург), Биржи, Янишки — все пункты включительно для левого участка.

4. Начальникам участков немедленно обрекогносцировать и приступить к восстановлению бывших русских укреплений у Якобштадта и Двинска, при содействии и распоряжением начальника инженеров VII армии.

5. Снабжение войск армейской группы Латвии предписано организовать начальнику снабжения VII армии, создав для этого магазины в Великих Луках или Новосокольниках.

Начальникам снабжения Особой дивизии и 1-й латышской стрелковой советской бригады по всем вопросам снабжения обращаться непосредственно в соответствующие отделы управления снабжения VII армии.

6. Срочные донесения присылать ежедневно в штаб армейской группы (временно Двинск, Рижская ул., гостиница «Континенталь») в установленные сроки.

7. Мои заместители: помощник командующего тов. Рекст и начальник штаба генерального штаба Косматов.

8. О получении этого приказа срочно (телеграфно) донести.

Подлинный подписали: командующий армейской группой Латвии
Андреев
комиссар Пече .

ЦГАСА, ф. 1042, оп. 1, д. 23, лл. 1, 2. Заверенная копия.

№ 61

Постановление Советского правительства Латвии о вручении 1-му латышскому стрелковому советскому полку и 4-й латышской стрелковой советской батарее Почетных боевых красных знамен.

2 января 1919 г.

ПРИКАЗ

2-Й ЛАТЫШСКОЙ СРЕЛКОВОЙ СОВЕТСКОЙ БРИГАДЕ

Ст. Хинценберг

2 января 1919 г.

№ 3

§ 1

При сем объявляется отношение Военного комиссариата Советского правительства Латвии от 2 сего января за № 26:

Вследствие Вашего представления, сообщаю Вам в копии постановление Советского правительства Латвии.

Советские войска с боем непрерывно продвигаются к столице Латвии, где в последние минуты своего безобразничания бружуазное правительство вместе с английскими империалистами и их наймитами — германцами — занимаются избиением артиллерией рабочих и войсковых частей, заявивших свою преданность Советской Латвии. Советские войска спешат на помощь своим братьям — рабочим Риги. В этой боевой работе и энергичном продвижении вперед, особенно при занятии Хинценберга 1 января и разгроме белогвардейцев, храбростью, выносливостью и находчивостью, кроме уже отмеченного советской благодарностью 4-го латышского стрелкового советского полка, особо отличились 1-й латышский стрелковый советский полк и 4-я латышская советская батарея.

В связи с этим 2 января 1919 года Советское правительство Латвии, заслушав представление Военного комиссара Латвии, постановило:

1-му латышскому стрелковому советскому полку и 4-й латышской стрелковой советской батарее поднести от имени трудовой Латвии Почетные красные боевые знамена.

Товарищи, несите без страха и стойко Красное знамя вперед на страх всем врагам рабочего народа и на радость трудовой Латвии.

Подписали: председатель Советского правительства Латвии
П. Стучка
товарищ председателя Данишевский
товарищ военного комиссара Латвии Томашевич

Подлинный подписали: вр. командующий 2-й латышской стрелковой
советской бригадой Лелбикс
военный комиссар Апин

ЦГА Латв. ССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 67, л. 3. Заверенная копия.

№ 62

*Донесение начальника латышских частей Южного фронта
главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики
о прибытии в гор. Даугавпилс латышских частей.**

№ 49
гор. Даугавпилс

3 января 1919 г.

Оперативно. Срочно.

Прибыли штаб 3-й латышской бригады и полк особого назначения. Последний отправлен дальше в Крейцбург, остальные части следуют сюда.

Начальник латышских частей Южного фронта Чарин

ЦГАСА. ф. 1564, оп. 1, д. 35, л. 11.

№ 63

*Из протокола заседания Реввоенсовета Республики о создании армии
Советской Латвии*

гор. Серпухов

4 января 1919 г.

...3. Реввоенсовет Республики постановляет: создать армию Советской Латвии [из] двух дивизий: нынешней 1-й советской латышской стрелковой дивизии и 2-й, формирующейся на основании существующих штатов.

Главкомандующий вооруженными силами Советской республики является вместе с тем командующим Латышской советской армией. Его помощником назначается нынешний начальник 1-й латышской дивизии т. Авен...

ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 44, л. 39. Копия.

* Копия донесения направлена начальнику Латышской стрелковой советской дивизии.

№ 64

*Сообщение Советского правительства Латвии В. И. Ленину,
Я. М. Свердлову и другим членам правительства Советской России
о взятии Риги латышскими советскими стрелками.*

4 января 1919 г.

Во время боев 31 [декабря] и 1 января под натиском доблестных латышских стрелков пала передовая твердыня Риги, укрепленная еще немцами в прошлом году, в Хинценберге. Белые разбиты наголову. Вся их артил[лерия], пулеметы были захвачены героями-латышами. Этот бой предрешает падение Риги. Сегодня, 4 [января], в 2 час. 45 м[ин]. наши доблестные латышские стрелки принесли в подарок пролетариату Латвии Ригу.

Да здравствует ныне навсегда Красная Рига! Поздравляем вас, передовых пролетарских вождей, с этой крупной победой красных войск. Уверены, что со взятием Риги его освобождение [и освобождение] мирового пролетариата от власти капитала и империалистов пойдет еще быстрее.

Да здравствует всемирная революция! Да здравствует III Интернационал и диктатура пролетариата!

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 94, д. 573, л. 127. Телегр. лента.

№ 65

*Из телеграммы Советского правительства Латвии во ВЦИК
о вступлении Красной Армии в Ригу.*

4 января 1919 г.

[С 3] января, 23 часов, над Ригой развевается красное знамя Советской Латвии. После решительной победы под Хинценбергом сопротивление контрреволюционеров было сломлено... Оповестите всех, всех о победе пролетариата Латвии. Всем привет — Советской России и всем братским советским республикам...

Председатель Советского правительства Латвии Стучка
Товарищ председателя Данишевский

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 94, д. 573, лл. 120, 121. Телегр. лента.

№ 66

*Из воспоминаний главнокомандующего всеми вооруженными силами
Республики И. И. Вацетиса о создании армии Советской Латвии.*

*Не ранее 4 января 1919 г.**

Мысль о создании Латышской советской армии и овладении ее силами Латвией, эта мысль была чрезвычайно популярна среди латышского пролетариата. Латышский пролетариат видел, что силы его противника

* Датируется на основании упоминаемой в документе даты.

больше и что только при помощи РСФСР он может достаточно хорошо вооружиться, чтобы вступить в бой с вышеприведенными врагами диктатуры пролетариата.

Оформление образования армии Советской Латвии последовало 4 января 1919 г., т. е. после занятия нами Риги. Такое запоздание было вызвано теми же причинами, которыми тормозилось оформление Украинского фронта.

В постановлении Реввоенсовета республики от 4 января 1919 г. было сказано:

«п. 3. Реввоенсовет республики постановляет создать армию Советской Латвии в составе двух стрелковых дивизий: нынешней 1-й латышской советской стрелковой дивизии и 2-й, формирующейся на основании существующих штатов. Главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР является вместе с тем командующим Латышской советской армией. Его помощником назначается нынешний начальник 1-й латышской дивизии тов. Авен.»

Вся полнота власти над армией была вручена Революционному военному Совету под председательством Данишевского.

Исполнительный комитет латышских стрелков был сохранен. В войсках были созданы также комитеты.

Такая двойственная политическая структура нарушала единство организации и приводила к путанице.

Штаб армии был расположен в Двинске. Начальником штаба был назначен генштаба тов. Майгур.

Кадры для формирования 2-й стрелковой дивизии брались из состава 1-й дивизии. Армейская кавалерия в составе двухполковой кавалерийской бригады при конноартиллерийском дивизионе формировалась в районе Кирсанов—Ртищево—Пенза.

Партархив ЦК КПЛ, ф. 45, оп. 3, д. 35, лл. 165, 166. Копия.

№ 67

Воззвание Исколастрела и Комитета коммунистической организации латышских советских стрелковых полков «Латышскому трудовому народу!» с призывом вступать в ряды латышских стрелковых советских полков.

*5 января 1919 г.**

ЛАТЫШСКОМУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ!

После победы Октябрьской революции, когда пролетариат сломил сопротивление буржуазии и взял государственную власть в свои руки, для Российской социалистической революции наступила эпоха тяжелых испытаний. Российская буржуазия, чтобы задержать героический победный поход пролетариата, бросилась в объятия германского империализма.

* Дата опубликования.

листического правительства. Поэтому ей вместе с финской, украинской и латышской буржуазией и серыми баронами удалось с помощью германских штыков временно уничтожить в оккупированных областях завоевания революции и вернуть власть местной буржуазии, чтобы снова превращать кровь рабочих в блестящее золото и гнать их лучших сынов в тюрьму, на каторгу и на виселицы. Вместо разгромленного германского империализма в роли душителей российской социалистической и вместе с тем всемирной революции выступает англо-американский империализм в союзе с «партиями» и группами социал-предателей меньшевиков и эсеров.

Плотное железное кольцо, которое замыкало нас со всех сторон, начинает распадаться. Мы, которые первыми зажгли факел социалистической революции в России, больше не одни. Нам на помощь спешат рабочие Германии, Австрии и других воюющих государств. Недалек тот день, когда весь мир охватит красный пожар революции. Как бы ни старались вожди капиталистов Вильсон и все союзники с помощью меньшевиков и эсеров обмануть своих трудящихся и послать их против революционного пролетариата России и Латвии, им это не удастся. Ибо, идя на борьбу против революционных народных масс России, Германии и Австрии, подавляя революцию в этих странах, измученные войной солдаты стран-союзников сами заболевают революционными идеями и отказываются подчиняться своим господам: американские солдаты на Северном фронте уже братаются с Красной Армией России, в их собственном доме революционные рабочие на каждой фабрике, на каждом заводе выдвигают политические и экономические требования, на место недавнего гражданского мира приходит острая классовая борьба, гражданская война. Скоро наступит тот час, когда империалисты стран-союзников сами окажутся окруженными и взятыми в железное кольцо своим рабочим классом и революционной Россией.

Старый капиталистический мир, полночь которого уже пробил, без борьбы не сдастся. Поэтому мы должны в эти решающие дни быть вдвойне сильными. *Чтобы выйти победителями из великой борьбы, которую мы ведем за освобождение всего человечества от ига капитализма, за уничтожение классов и государства, мы должны создать крепкую рабочую политическую партию и сильную дисциплинированную вооруженную власть рабочих.*

Поэтому все, кому дорого освобождение латышского рабочего класса от гнета серых и синих баронов,

вступайте в латышские стрелковые полки!

Только окончательно сломив любое сопротивление буржуазии, мы будем в силах создать Социалистическую Советскую Республику Латвии как составную часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Пусть знают все, кто поднимет руку против Советского правительства рабочих, безземельных и стрелков в Латвии, что

пролетариат сметет их с лица земли.

Мы должны вести борьбу за окончательное уничтожение политической и экономической власти буржуазии!

На месте государства капиталистической эксплуатации и насилия мы должны основать трудовое государство социалистического равенства и справедливости!

Долой мировой империализм!

Да здравствует международная революция!

Да здравствует гражданская война!

Да здравствует Латвийская трудовая коммуна!

Да здравствует Социал-демократия Латвии!

Исполнительный комитет Совета
латышских советских стрелковых полков

Комитет коммунистической организации
латышских советских стрелковых полков

Газ. «Cēsu Ziņotājs», гор. Цесис, 5 января 1919 г., № 1, стр. 1. Перевод с латышского.

№ 68

*Из приказа Реввоенсовета армии Советской Латвии о начале
деятельности Совета и задачах армии.*

6 января 1919 г.

I

На основании распоряжений главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской республики, ввиду овладения Ригой и соединения войсковых колонн, наступавших на Ригу, все войска, действующие на территории Латвии, объединяются под управлением Революционного военного Совета армейской группы Латвии, который, по постановлению Временного Советского правительства Латвии, переименовывается с 5 сего января в Революционный военный Совет армии Латвии, со всеми присвоенными ему правами и полномочиями.

II

Основной целью действий войск армии Латвии является полное очищение всей территории от немцев и белых, утверждение и закрепление Советской власти в реоккупированных местностях страны, захват всего побережья и портов Рижского залива и Балтийского моря и прочное обеспечение [не]возможности высадки войск Антанты.

Ближайшей задачей ставится овладение Митавой и районом Янишки — Бауск — Поневеж — Шавли.

III

Все войска для удобства управления, в зависимости от поставленных задач, объединяются в группы: а) правая — тов. Лелбикс — войска, действовавшие на Ригу от Валка, с присоединением к ней левой колонны бывш. 2-й Новгородской дивизии (7-й армии); б) средняя — тов. Дудынь — для действий на Митаву, Янишки и в) левая колонна — тов. Окулов — для действий на направлении Поневеж—Шавли...

ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 136, л. 1. Копия.

№ 69

Приветственная телеграмма главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики войскам армии Советской Латвии в связи с освобождением гор. Елгавы.*

*Не ранее 9 января 1919 г.***

Шлю привет доблестным войскам Латвии и поздравляю с новой победой у Митавы.

Главком Вацетис
Член Реввоенсовета Республики Аралов

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 89. Копия.

№ 70

*Из приказа по армии Советской Латвии о вступлении П. Я. Авена в командование армией с объявлением состава Реввоенсовета армии***.*

№ 1

12 января 1919 г.

§ 2. На основании приказа главнокомандующего всеми вооруженными силами РСФСР от 6 января с. г. за № 1 сего числа я вступил в командование армией.

§ 3. При сем объявляю состав Революционного военного совета армии Латвии: командующий армией Петр Яковлевич Авен, члены тт. Ян Яковлевич Пече и Анс Эрнестович Дауман.

Командующий армией Советской Латвии Авен
Члены Реввоенсовета Пече и Дауман
Начальник штаба Лерхе

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 86. Копия.

* Объявлена приказом по 1-й латышской стрелковой советской дивизии № 10 от 20 января 1919 г.

** Дата освобождения гор. Елгавы.

*** Объявлен приказом по 1-й латышской стрелковой советской дивизии № 8 от 18 января 1919 г.

*Приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики
и командующего армией Советской Латвии о формировании армии
Советской Латвии.*

*Не позднее 12 января 1919 г.**

Объявляю копию распоряжения главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики о формировании армии Советской Латвии:

Армия Латвии состоит из 2 стрелковых дивизий, формируемых согласно существующего для Красной Армии РСФСР штата.

Дивизии именуются так: 1-я стрелковая дивизия Советской Латвии и 2-я стрелковая дивизия Советской Латвии.

Сообразно с этим изменяются и названия латышских полков следующим образом:

1-й стрелковый полк Советской Латвии,

2-й " " " "

и т. д.

Полки получают нумерацию от 1-го до 18-го, и соответственно этому именуются другие роды оружия.

Существующая ныне дивизия укомплектовывается до штатного состава в первую очередь; вновь формируемая 2-я дивизия формируется постепенно, начиная от головного полка каждой бригады. 1-й Либавский латышский полк переименовывается в 13-й латышский советский полк, т. е. становится головным полком 2-й бригады 2-й дивизии.

Для формирования штаба армии и штаба 2-й дивизии выдвигаются соответствующие ячейки из штаба 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии.

Для формирования штаба бригады 2-й дивизии выдвигаются соответствующие ячейки из штабов бригад 1-й стрелковой дивизии Советской Латвии.

Военный и морской комиссар Советской Латвии Петерсон
Главкомандующий всеми вооруженными силами РСФСР
и командующий армией Советской Латвии Вацетис

ЦГА Латв. ССР, ф. 5434, оп. 1, д. 197, л. 23 об. Типогр. оттиск.

*Указания комитета партийной организации Латышской стрелковой
советской дивизии партийным организациям полков и отдельных частей
о их задачах в Латвии.*

17 января 1919 г.

Указания коммунистическим фракциям всех латышских стрелковых советских полков и отдельных частей.

1) Латвия сбросила путы рабства. Основы капиталистического

* Датируется по дате передачи И. Вацетисом должности командующего армией Советской Латвии П. Авену. ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 86.

порядка в связи с этим получили смертельный удар. Буржуазный аппарат притеснения и эксплуатации уже совершенно сокрушен. На его месте должны быть поставлены органы власти рабочих — Советы.

2) Со сломом буржуазной власти и вооруженного сопротивления в Латвии, в осуществлении которого принимали участие также латышские стрелковые полки, борьба еще не закончена полностью. Это только одна из побед. Впереди предстоит еще битвы, к которым мы должны готовиться и организовывать все свои силы.

3) Когда мы вошли в Латвию, в наши ряды вступили тысячи рабочих и безземельных Латвии, чтобы с оружием в руках отстаивать завоевания революции и принять участие в дальнейшей борьбе. Коммунистическим фракциям с удвоенным рвением нужно взяться за организационную и агитационную работу, организуя вокруг себя всех вновь поступивших, указывая цель, ради которой мы идем на борьбу, сплавить всех в прочную боевую единицу, вдохновленную твердым убеждением и революционной дисциплиной. Одна из важнейших задач, которая должна быть претворена в жизнь на местах коммунистическими фракциями — организация Советов рабочих депутатов, разъяснение вопросов текущего момента, вопросов о земле, рабочего и др. вопросов. За эту работу необходимо взяться в первую очередь членам партии везде, где только это позволяет боевая обстановка. Каждый должен быть организатором и агитатором.

(Приняты на заседании Комитета коммунистической организации 17 января 1919 г.)

Комитет коммунистической организации
латышских советских стрелковых полков

Партархив ЦК КПЛ, ф. 43, оп. 1, д. 4, л. 17. Подлинник. Перевод с латышского.

№ 73

Доклад инспектора армии Советской Латвии военному комиссару Латвии о создании и боевых действиях Валмиерского партизанского отряда.*

№ 1239

2 февраля 1919 г.

Вольмарский партизанский отряд сложился из 2 партизанских отрядов: Руенского и Залисбургского. Началом действия их можно считать наступление по узкоколейной ж. д. Валк—Пернов. Возвращающиеся из России товарищи присоединились к группе, наступающей по пятам удиравшей банды ген. Драгомирова.

Босая, неодетая банда Драгомирова отступала по линии железной дороги. Партизаны, число которых было невелико, исполняли разведывательную службу по боковым дорогам. Но с приближением к м. Руен, старому революционному очагу, их число увеличилось и временами достигало нескольких сот человек. Это были по большей части советские

* Копия доклада направлена главиокомандующему всеми вооруженными силами Республики.

работники, к которым примкнул в 1917 г. организованный «Союз молодежи». Разведывательная партия превращается в довольно внушительную боевую силу, которая, оставив далеко за собой регулярные войска, наступает на авангард драгомировской армии. Вооруженная кое-как и чем попало группа преследует неприятеля до ст. Кирбельсгоф, не давая банде белых покоя ни днем, ни ночью. В это время к партизанам присоединяются товарищи, прибывшие на подводах из Залисбурга, и отряд увеличивается до 600 человек.

Драгомировская армия отступает к Мойзекиюлю, и часть партизан приступает к своим обычным занятиям и к организаторской работе. В это время партизанский отряд не имел никакой организации. Каждая группа действовала на свой риск. Собирались, когда надвигалась опасность, и расходились, когда опасность миновала.

Борьба с белогвардейскими бандами приняла затяжной характер.

Регулярные войска получили приказ отступить или, правильнее, самовольно ушли. Оборонять Руен выпало на долю Руенского партизанского отряда, принявшего в это время название Руенского отряда коммунистов. Два раза эстонцы выбивали партизан из Руена, и три раза были белоэстонцы выбиты из местечка. Но партизаны воочию убедились, что с недостаточным количеством винтовок против пулеметов, шрапнельных орудий и блиндированного поезда нельзя будет бороться. И вот новое наступление, уже не по одной железной дороге, а с трех сторон: по железной дороге со стороны Кирбельсгофа, по почтовой дороге с северной стороны и шоссе с дороги со стороны м. Биркен. На почтовой дороге около м. Кенигсберга стоял полевой караул из 7 человек, который отбив наступление первой цепи противника и расстреляв все патроны, отступил к м. Руен. Другая часть в это же время боролась против наступающих с блиндированными поездами со стороны Кирбельсгофа. Оборонялась почти 2 дня и уже окруженная с трех сторон, потеряв 3 убитых и 7 раненых, отступила через Велико-Руен на Олерсгоф.

Состоялось совещание о дальнейшей судьбе Руенского коммунистического отряда. На совещании было решено, что отряд должен принять организацию настоящей боевой части. Начальство над всеми группами партизан поручается тов. Медену (бывший штабс-капитан).

Издается 23 января 1919 г. приказ по отряду руенских коммунистов, и с этого времени он уже начинает существовать как определенная воинская часть. Но здесь отряду приходится столкнуться с положением о Красной Армии. Боевые припасы, собранные где и как попало, иссякли, но новых нигде не отпускают; часть же зачислена в общий список. Необходимы винтовки — их не дают. С большим трудом удалось выхлопотить у Вольмарского военного отдела 1 пулемет системы Кольта и 3 ружья-пулемета. 1 пулемет удалось отбить у белоэстонцев во время налета. Наконец инспектор армии Латвии отпустил 1 пулемет своей команды охраны. Вооруженные 3 пулеметами и 3 автоматическими винтовками, партизаны продвинулись вперед и остановились в разных пунктах Руена.

Весь отряд состоит из 212 человек, из них 162 штыка, в числе которых 21 конный. Отряд разбит на 3 роты. Командиром 1-й роты назначен тов.

Закис (бывший поручик), командиром 2-й роты — тов. Скрастинь (бывший прапорщик), командиром 3-й роты — Лепин (бывший прапорщик).

Командующий отрядом руенских коммунистов тов. Бокис (бывший прапорщик), а вообще командование над залисбургскими и руенскими партизанами, или, официально, вольмарскими партизанами, находится в руках тов. Меден.

С сведением отряда в роты начинаются ежедневные обучения боевому строю, обращению с ручными гранатами и пулеметами. Вводится правильное сторожевое охранение и строгая дисциплина, карающая непослушных вплоть до применения смертной казни.

Приказом от 31 сего января партизаны были зачислены в 7-й латышский стрелковый советский полк, что неблагоприятно отзывалось на партизанах, ибо они хорошо могут действовать только в знакомой местности, под характерным их укладу руководством и [при] известных приемах борьбы. На почве присоединения к регулярному полку уже возник конфликт с Залисбургским отрядом, который отказался повиноваться чьим бы то ни было распоряжениям, а начал действовать самостоятельно, что может в некоторых случаях иметь неблагоприятное влияние на общий ход боевых действий на фронте.

Так как большая часть из партизан находится в боевой жизни уже более месяца, а из дому вышли в чем попало и за последнее время сильно обносились, в отряде поднялся ропот. Всем воинским частям отпускается и жалованье, и обмундирование, а они ходят почти голые и не имеют ни гроша денег даже на починку сапог. Ропот этот вполне обоснованный, если принять во внимание то, что партизаны занимали боевой участок протяжением около 25 верст и действуют в верстах 15 впереди от регулярных войск бессменно, в постоянной тревоге и опасности.

Принимая во внимание вышеизложенное, инспектором армии Латвии было отпущено для отряда руенских коммунистов 3500 руб. на выдачу жалования.

На основании переговоров по телефону с военкомом Латвии тов. Томашевичем отряд партизан переименован в Особый Вольмарский батальон.

Инспектор армии Латвии Берзинь
Секретарь П. Блумфельд

ЦГАСА, ф. 200, оп. 1, д. 159, лл. 392, 393. Подлинник.

№ 74

Отчет заместителя председателя Комитета коммунистической организации латышских стрелковых советских полков о работе Комитета за январь 1919 г.

13 февраля 1919 г.

В начале января центр Организационного комитета переехал в Ригу, где объединился с Балтийским отделом. В Москве была оставлена группа, в задачи которой входило обслуживать находящиеся в России латышские полки. В распоряжении московской группы был также

оставлен симфонический оркестр, который в январе дал в Москве несколько концертов.

В январе основаны 4 новые фракции в разных частях и создано несколько кружков.

Организационный комитет взял в свое ведение и распоряжение военный музей латышских стрелков, который за время немецкой оккупации был сильно разорен немецкими солдатами; но если приложить энергию и старания, привести в порядок оставшиеся материалы и приобрести новые коллекции, будет все же возможно в ближайшее время привести музей в порядок.

С приездом Организационного комитета в Ригу возникла необходимость в центральном стрелковом клубе. За эту работу комитет уже взялся: проделана вся как идеологическая, так и практическая подготовительная работа, и вскоре возможно будет таковой открыть. Организовано несколько публичных лекций, прочитано несколько докладов по различным вопросам на митингах стрелков, массовых и партийных собраниях как в провинции (в Валке, Валмиере, Цесисе, Елгаве, Даугавпилсе и др.), так и в Риге.

С 15 февраля решено издавать 2 раза в месяц литературно-художественный и сатирический журнал «Sarkanā Zvaigzne». Обсуждался также вопрос об издании ежедневной газеты стрелков, но в силу разных обстоятельств дело издания газеты пока еще нельзя было реализовать.

Много труда Организационный комитет вложил в дело доставки периодической литературы находящимся на фронте частям, которая; несмотря на плохие средства сообщения, все же сравнительно хорошо налажена. Для пополнения полковых библиотек приобретены русские и латышские книги примерно на сумму в 15 000 руб. При Организационном комитете основаны курсы пропагандистов, где читаются лекции по истории социализма, по политэкономии, историческому материализму, о Конституции Советского правительства и по другим вопросам.

За председателя Комитета коммунистической организации латышских стрелковых советских полков Крустынь
Секретарь А. Фельдман

Газ. «Cīra», гор. Рига, 13 февраля 1919 г., № 30, стр. 3. Перевод с латышского.

№ 75

Из доклада главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетиса В. И. Ленину о стратегическом положении Советской республики и задачах Красной Армии.

23—25 февраля 1919 г.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Район Западного фронта простирается от линии Нюхча—Белоозеро—Череповец до линии Гомель—Коростень—Ровно.

Соответственно политическим и стратегическим особенностям отдельных участков фронта, с нашей стороны на Западном фронте оперируют три армии:

а) На Олонецком, Петроградском, Нарвском и Псковском направлениях действует 7-я армия численностью до 23¹/₂ тыс., обороняющая подступы к Петрограду со стороны Мурман, Карельского перешейка и от линии Нарва—Псков.

Участок 7-й армии в настоящее время приобрел особо важное значение, т. к. в связи с неудачным наступлением частей 7-й армии к Ревелю, белоэстонскому правительству удалось при поддержке Финляндии и Швеции сформировать армию до 18 тыс., причем к началу февраля войска эти, усиленные белофинскими частями, достигли численности 24 тыс. Этими частями, при содействии англо-финского флота в Финском заливе, противник развил энергичное наступление от Ревеля на Нарву, Псков и Валк. При этом стремление противника прорваться в направлении Нарва—Ямбург в связи с группировкой в Финляндии и на Карельском перешейке крупных сил — до 48¹/₂ тыс. — составляет прямую угрозу Петрограду.

б) В районе Верро—Валк—Гайнаш—Рига—Виндава—Митава—Шавли—Двинск действует бывшая ранее самостоятельной армия Латвии, численностью до 12 тыс. штыков и сабель.

Задача, поставленная армии Латвии, — овладение Курляндией — выполнена в большей своей части, но развитие энергичных активных действий противником в районах Валка и Юрьева заставило красные латышские части на севере перейти к обороне с потерей важного железнодорожного узла Валк. Хотя в настоящее время нет определенных признаков, указывающих на подготовку крупного десанта противником в Риге, Виндаве или Либаве, но продолжающийся нажим противника из района Валка в юго-восточном направлении грозит перерывом железной дороги Псков—Двинск, что может поставить правый фланг Западной армии в трудное положение.

Ввиду этого для улучшения стратегического положения в Прибалтийском крае армии Латвии и 7-й армии, усиленной частями из резерва главнокомандующего, приказано перейти в наступление для восстановления положения на севере Латвии и в Эстонии. Для усиления обороны на Карельском перешейке направлены отряды ЦИК с артиллерией из резерва главнокомандующего и дивизия Южного фронта.

в) В районе Шавли — Ковно — Гродно — Брест — Ровно — Смоленск действует Западная армия численностью до 46 тыс. Общей целью нашего продвижения на этом фронте является достижение наших границ с Польшей, в силу чего фронту поставлена задача достигнуть линии р. Немана с крепостями Ковно, Гродно, рек Шары, Ясельды и Припяти, продолжая разведку на Белосток, Брест-Литовск, Ковель и Ровно.

Имея в виду притязания Польши на некоторые области Литвы и Белоруссии, часть которых уже занята нами, необходимо ожидать, что Польша при поддержке держав Согласия попытается вооруженной рукой остановить наше продвижение, чему сейчас мешает ей борьба с германцами в Пруссии, Познани, Силезии и с украинцами в Восточной Галиции. Нет сомнения, что прекращение борьбы в этих областях поставит нас лицом к лицу с польской армией. Это обстоятельство, а также проявленная за последние дни на Ковенском направлении активность германских

добровольческих частей диктуют необходимость как усиления действующих здесь дивизий, так и создания сильных резервов на Виленском, Гродненском и Брест-Литовском направлениях.

Ввиду создавшейся стратегической обстановки в районе Петрограда и Прибалтики, на случай возможного выступления соединенных сил Финляндии, Эстляндии, Германии, при содействии Антанты, против нашего Западного фронта намечена переброска и разрабатывается план перевозок из внутренних округов пяти дивизий на линию Петроград — Псков и отдельной дивизии из района Могилев — Бобруйск на линию Двинск — Великие Луки.

ЦГАСА, ф. 918/33987, оп. 3, д. 3, лл. 37—47. Копия.

№ 76

Из резолюции VI съезда Коммунистической партии Латвии об основных положениях Коммунистической организации стрелков армии Советской Латвии.

*1—6 марта 1919 г.**

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТРЕЛКОВ АРМИИ ЛАТВИИ

1. Объединение стрелков-коммунистов армии Латвии существует и работает на тех же основаниях, как и прочие организации КПЛ.

2. Основной единицей (ячейкой) организации стрелков-коммунистов армии Латвии является коммунистическая фракция полка или другой соответствующей армейской части.

3. Объединения стрелков-коммунистов отдельных частей армии Латвии входят в местные территориальные организации КПЛ, если только позволяют условия военных действий, причем организационно они связаны с организацией стрелков.

4. Кружки или фракции стрелков-коммунистов армии Латвии при обстоятельствах, указанных в п. 3, исполняют все распоряжения и постановления местной организации КПЛ, относящиеся к местной жизни, работе и борьбе.

5. В вопросах, касающихся жизни стрелков, все группы стрелков-коммунистов получают распоряжения от конференции или Комитета организации стрелков-коммунистов армии Латвии.

6. Высшей, решающей инстанцией организации стрелков-коммунистов армии Латвии является конференция организации, а ее исполнительным органом — Комитет.

7. На съезд КПЛ организация стрелков-коммунистов Латвии, ввиду исполнительных условий их работы, избирает делегатов на своей конференции.

* Дата съезда.

8. Комитет организации стрелков-коммунистов армии Латвии пребывает там, где находится руководящее учреждение армии Латвии — Реввоенсовет.

9. Комитет организации стрелков-коммунистов армии Латвии берет на себя обязанности политического отдела Реввоенсовета армии Латвии.

10. Лицо, ответственное за коммунистическую работу в армии Латвии (руководителя политического отдела), утверждает ЦК КПЛ.

11. Все ответственные работники армии Латвии, работающие в полках, дивизиях, артиллерийских и кавалерийских дивизионах, их органах управления, в Реввоенсовете, штабах и т. д., должны состоять членами какой-либо фракции и раз в месяц должны давать письменный отчет о своей деятельности Комитету организации, причем каждый ответственный работник должен действовать в теснейшем контакте с местной фракцией.

(Устав принят значительным большинством голосов.)

ПРОЕКТ КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТРЕЛКОВ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Революционный военный Совет

1. Высшим руководящим органом действующей армии Латвии является Реввоенсовет.

2. Реввоенсовет армии Латвии состоит из 5 членов: 2 — от ЦИК, 2 — назначенных Исколастрелом и командующего армией, назначаемого правительством.

3. Реввоенсовет руководит оперативной деятельностью армии, ее снабжением, а также активной обороной Латвии, действуя в контакте с Реввоенсоветом России.

4. Реввоенсовет назначает всех командиров, от командиров полка и отдельных частей включительно, а также весь остальной высший административный и хозяйственный состав, который и несет полную ответственность перед Реввоенсоветом.

5. Реввоенсовет назначает военные революционные трибуналы армии и дивизий и действующие при них следственные комиссии.

6. Реввоенсовет отвечает за свою деятельность перед ЦИК и правительством.

7. Право отзыва членов Реввоенсовета принадлежит тем, кто их назначил.

Совет стрелков Красной Армии Советской Латвии

1. Совет армии Латвии состоит из избранных стрелками представителей.

Примечание. Норму представительства определяет Исполнительный комитет (Исколастрел) отдельно в каждом случае.

2. Совет армии созывается раз в 4 месяца. В случае необходимости Исполнительный комитет может созвать чрезвычайный Совет.

3. Совет армии избирает Исполнительный комитет и определяет круг его деятельности согласно решениям съезда [Советов] рабочих Латвии.

Исполнительный комитет Совета стрелков Красной Армии Советской Латвии

Высшим выборным органом Красной Армии Латвии является Исполнительный комитет армии, который проводит в армии Латвии в жизнь решения съезда Советов рабочих Латвии и Совета армии Латвии.

За свою деятельность Исполнительный комитет несет ответственность непосредственно перед ЦИК и правительством.

П р и м е ч а н и е. Комитеты коммунистических организаций латвийских советских полков входят в состав Исполнительного комитета с правом голоса и в принципиальных вопросах пользуются правом вето.

1. Исполнительный комитет назначает 2 членов в Реввоенсовет армии.

2. Исполнительный комитет в случае необходимости назначает своих представителей во все части, начиная от штаба армии, в дивизии, бригады и кончая отдельными частями.

П р и м е ч а н и е. При штабах дивизий и бригад назначаются по 2 представителя. В остальные части — по необходимости.

3. Назначенные представители Исколастрела официально именуются «представитель Исколастрела».

4. Назначенные представители Исколастрела пользуются правами прежних комиссаров и ответственны перед Реввоенсоветом армии.

5. Кандидатуры всех ответственных представителей Исколастрела обсуждаются Комитетом коммунистической организации.

6. Исполнительный комитет выдвигает [кандидатов] на должности командного, а также административного и хозяйственного состава, до командующего армией включительно.

7. Исполнительный комитет имеет право требовать отстранения и предания суду командного и административного состава.

8. Исполнительный комитет является руководящим и определяющим центром комитетов всех отдельных частей армии.

9. Если Комитет [коммунистической организации стрелков] или его члены не стоят на высоте своих задач, Исполнительный комитет отстраняет отдельных членов Комитета либо же весь состав Комитета и назначает новые выборы или в случае необходимости назначает своих представителей.

10. Исполнительный комитет контролирует все снабжение армии и и деятельность ее хозяйственных частей и учреждений, назначая своих представителей и контролеров.

11. Исполнительный комитет разрабатывает постановления и руководит деятельностью товарищеских судов армии и отдельных частей.

12. Исполнительный комитет вместе с Комитетом коммунистической организации ведет всю культурную работу в армии.

*Организационная структура полков, артиллерийских дивизионов
и подобных им отдельных частей*

Совет

1. Полковой Совет состоит из 2 представителей от каждой роты и команды.

Примечание. 1. Команды, в составе которых менее 50 человек, посылают 1 представителя.

2. В состав Совета входят комитеты полка и фракции.

2. Полковой Совет избирает полковой комитет, состоящий из 3—5 членов.

Примечание. На заседании полкового комитета комитет фракции участвует с правом голоса.

Полковой комитет

1. Полковой комитет вместе с командиром назначает помощника командира полка, командиров батальонов, рот, взводов и отделений и весь хозяйственный состав.

Примечание. Во время боя назначение и отстранение командного состава производит председатель комитета вместе с командиром.

2. Контроль над оперативной частью осуществляет председатель комитета и несет за это личную ответственность.

Примечание. Председатель комитета должен быть коммунистом.

3. Комитет осуществляет во всех частях хозяйственный контроль, назначая из своего состава соответствующих контролеров.

4. Комитет [полка] вместе с комитетом фракции проводит всю культурную работу в своей части.

5. За свою деятельность полковой комитет несет ответственность непосредственно перед Исколастрелом.

Рота

Общее собрание роты и команды выбирает из своего состава 1 представителя и его заместителя, которые действуют в пределах, определенных полковым комитетом.

Примечание. Председатель и его заместитель входят в состав полкового Совета в качестве представителей роты или команды.

(Проект принят 60 голосами против 56.)

*Опубликовано в сб.: «Latvijas Komunistiskās partijas VI kongresa rezolūcijas», М. 1919.
Перевод с латышского.*

*Описание подвига партизанского отряда Валмиерского добровольческого батальона при взятии гор. Руены.**

*Не ранее 25 апреля 1919 г.***

Согласно приказанию партизанский отряд в составе 40 человек был выпущен в тыл противника за им. Гензельсгофом. Пробираясь поодиночке в тыл, партизанами были порезаны все провода неприятельской телефонной сети, после чего окружили штаб 3-го батальона 6-го эстонского полка в ус. Вагал и забрали в плен командира батальона, адъютанта батальона, 16 пленных, 1 автомат и 1 пулемет, 6 лошадей и т. д.

После этого партизанский отряд двинулся на им. Гензельсгоф и забрал в плен командира 10-й роты, 27 пленных, благодаря чего образовался прорыв, что и способствовало взятию гор. Руена.

Подлинный подписали: командир батальона
врид эмиссара

ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 1150, л. 70. Заверенная копия.

№ 78

Репорт командира Валмиерского добровольческого батальона командиру 3-й латышской стрелковой советской бригады с ходатайством о награждении группы командиров и красноармейцев батальона, отличившихся в бою при освобождении гор. Руены.

*Не ранее 25 апреля 1919 г.***

Представляя при сем именной список в 3 экз. партизанского отряда вверенного мне батальона отличившихся в боях против белоэстонцев при взятии гор. Руена, прошу представить их к награде в размере месячного оклада красноармейцев, должностных лиц и командного состава.

Приложение: описание подвига*** и именной список в 3 экз.

Подлинный подписали: командир батальона
врид военного эмиссара

ЦГАСА, ф. 200, оп. 3, д. 1150, л. 70. Заверенная копия.

* Заголовок документа.

** Дата освобождения гор. Руены.

*** См. документ № 77.

Сообщения политуправления армии Советской Латвии о политическом настроении, агитации и культурно-просветительной работе в армии.

С 30 апреля по 7 июня 1919 г.

№ 1187

*30 апреля 1919 г.
22 час. 05 мин.*

На Вольмарском фронте в некоторых пунктах наши подвигаются вперед, политическое настроение хорошее. На Митавском фронте артиллерийская перестрелка и столкновение с неприятельскими разведывательными частями, политическое настроение среднее. На Поневежском фронте без перемен, политическое настроение в частях удовлетворительное, так же среди местного населения. В частях организуются ячейки, культурно-просветительные кружки. Инженерный батальон и батальон связи энергично готовят к празднованию Первого мая. В Купишках и Поневеже политический отдел совместно с местными Советами организуют празднование Первого мая. В Купишках открылась первая пролетарская читальня-библиотека. Части нуждаются в красной материи для плакатов.

Заведующий информсправбюро Бейграндт
Секретарь Черочинский

ЦГАСА, ф. 104, оп. 2, д. 323, лл. 15, 16. Телегр. лента.

№ 1228

*2 мая 1919 г.
21 час. 50 мин.*

На Вольмарском фронте политическое настроение в частях удовлетворительно, устная пропаганда в частях производится энергично комитетом фракции и посланным пропагандистом, последний также дает политические объяснения местному населению, политическое настроение в местном населении удовлетворительное, исключая в Венденском уезде, в 3 волостях. В последних было 20 апреля восстание кулаков, но приняты меры восстание ликвидировать. В Митавском районе политическое настроение в частях хорошее, празднование Первого мая произошло оживленно, при большом стечении жителей в м. Купишки и в окрестностях, [при] участии крестьян, также и служащих советских учреждений, организации местного гарнизона. Собственными силами были произведены митинги, прошедшие с большим подъемом, речи производились на русском, литовском, латышском и еврейском языках, также были устроены бесплатные спектакли. Отношение местного населения к красноармейцам хорошее.

Заведующий информсправбюро Бейграндт
Секретарь Черочинский

ЦГАСА, ф. 104, оп. 2, д. 323, лл. 21—23. Копия.

18 мая 1919 г.
20 час. 40 мин.

В Вольмарском районе политическое настроение частей удовлетворительное, 15 мая было заседание представителей фракции и комиссаров, вечером того же дня состоялся митинг на тему: борьба с внутренними контрреволюционерами. В Митавском районе политическое настроение в частях удовлетворительное, политическая работа производится энергично...* В Поневежском районе политическое настроение частей удовлетворительное, культурно-просветительная работа ввиду расположения частей первую линию** лишь ограничивается отдельным беседованием [среди] членов коллектива; ввиду малой численности партийных товарищей [в] 12-м полку — таковые посылаются, материальное положение в частях понемногу улаживается, большая нужда сапог. В Литовской дивизии политическое настроение понемногу улучшается, большая нужда литературы и обмундирования.

Заведующий информсправбюро Бейграндт
Уполномоченный Тамберг

ЦГАСА, ф. 104, оп. 2, д. 323, л. 34. Копия.

№ 2313

7 июня 1919 г.
22 час. 50 мин.

Политическое настроение [общее] в частях армии Латвии в связи с отступлением подавленное, политотделом приняты все возможные меры для установления революционной дисциплины в частях, все партийные работники культурно-просветительного отдела высланы на фронт, также и некоторые товарищи, работающие в секретариате политотдела высланы по частям фронта, части трудно снабжать литературой ввиду того, что не имеется электрического тока для печатания газет, московские и петроградские газеты прибывают с опозданиями и в малом количестве. Во время отступления наблюдалось в великом количестве дезертирство среди командного состава и несознательных стрелков, в данный момент настроение в частях улучшается, но из некоторых частей — 1-я и 2-я дивизия — поступает просьба для отдыха. [В] Литовской дивизии [и] во всей Свенцянской группе политнастроение удовлетворительное.

Заведующий информсправбюро политотдела Бейграндт
Секретарь Черочинский

ЦГАСА, ф. 104, оп. 2, д. 323, л. 63. Телегр. лента.

* Опущены слова «члена коллектива».

** Так в документе, очевидно, «на передовой линии».

*Сообщение В. И. Ленина председателю Реввоенсовета республики
о прорыве фронта у Риги.*

22 мая 1919 г.

Сейчас узнали о прорыве нашего фронта под Ригой*. Рига, видимо, потеряна. Весьма вероятно предательство латышских буржуазных офицеров. Возможна также подготовка общего решительного наступления на всем Западном фронте. Все это обязывает нас удесятерить атаку на Донбасс и во что бы то ни стало немедленно ликвидировать восстание на Дону. Мы со Склянским сверх посланной вчера тысячи курсантов дадим туда еще тысячу курсантов. Советую Вам посвятить себя всецело ликвидации восстания.

Ленин

Ленинский сборник, XXXIV, стр. 148.

*Политическая сводка информационно-справочного бюро политотдела
XV армии о политическом настроении, агитационной и культурно-просветительной работе в армии.*

№ 21

16 июня 1919 г.
00 час. 03 мин.

Настроение в частях дивизии, принимая во внимание острый недостаток продовольствия, обмундирования и сапог, среднее. По выяснению красноармейцами причин, по которым были вызваны недостатки, и указывая на важность момента, положение улучшается. Культурно-просветительная работа ограничивается пропагандой и собеседованием на тему положения текущего момента. Газеты получают удовлетворительно. В гарнизоне Режица культурно-просветительная работа ведется успешно, в 3-м латышском полку 14 июня и во 2-м латышском полку 15 июня с. г. состоялись концерты-митинги, которые прошли с подъемом духа и бодрым настроением стрелков. Во 2-й дивизии политическое настроение в частях среднее, политработа энергично ведется отдельными партийными товарищами, в 4-й дивизии в 31-м и 33-м полках остро чувствуется недостаток материальных и хозяйственных обстоятельств**, стрелки чувствуют усталость и желают отдыха, газетами части снабжаются удовлетворительно. В 1-й дивизии в 1-м полку настроение удовлетворительное, в остальных частях дивизии [в связи] с долгим пребыванием на передовых линиях утомление. В 1-м полку обмундирование, за малым исключением, имеется у всех, газеты полки получают неаккуратно, куль-

* 22 мая 1919 года Рига была занята немецкими войсками генерала Гольца, которым помогли буржуазные офицеры рижского гарнизона (примечание редакции «Ленинского сборника»).

** Так в документе.

турно-просветительная работа ведется слабо за неимением работников. Литовская дивизия: в 1-й бригаде в 1-м и 2-м полку настроение удовлетворительное. В 3-м полку настроение хорошее. Сильно мешает партийной работе недостаток обуви и обмундирования; если в продолжение 2 недель не получат обувь, то половина красноармейцев будут совершенно босые. От 2-й бригады сведения не поступили. 15 мая в гор. Двинске был устроен концерт-митинг, который прошел с большим успехом. Газеты распределяем пропорционально по полкам. В Свенцянской группе настроение частей сравнительно хорошее. Культурно-просветительная работа ведется по мере возможности, сколько это позволяют боевые действия. Тукским исполкомом ведется общее обучение искусства, граждане охотно обучаются.

Заведующий информсправбюро Бейграндт
Секретарь Черочинский

ЦГАСА, ф. 104, оп. 2, д. 323, лл. 76, 77, 78. Телегр. лента.

№ 82

Выдержка из призыва ЦК Коммунистической партии Латвии, правительства Советской Латвии и Реввоенсовета армии Советской Латвии латышскому трудовому народу непреклонно бороться за Советскую власть.

26 июня 1919 г.

ЗАЛИТОЙ КРОВЬЮ ЛАТВИИ, ЗАЩИТНИКАМ ЛАТВИИ — КРАСНЫМ СРЕЛКАМ, РАБОЧИМ

Товарищи стрелки, рабочие! Трудовой народ Латвии!

Силы баронов временно получили перевес над трудовым народом Латвии. Они захватили господство над измученной Латвией и теперь убивают и грабят, отнимают у рабочих все завоевания революции. Рига превращена в поле крови, есть тысячи убитых семей работниц, рабочих и стрелков. Ежедневно ямы, вырытые самими обреченными на смерть рабочими, наполняются изуродованными жертвами — женщинами, молодыми людьми, стариками. Особенно [беспощадно] уничтожаются семьи старых стрелков и их близких. Бароны и кулаки, вновь захватившие власть, хотят уничтожить латышский рабочий класс.

Советское правительство это предвидело и делало все, что можно было успеть за короткое время, чтобы изгнать баронов из Латвии. Декреты Советской власти запретили баронам находиться в Латвии и вместе с Коммунистической партией призывали рабочих и стрелков с оружием в руках вышвырнуть полчища баронов из Латвии. Коммунистическая партия указывала, что победа баронов в Латвии означает истребление латышского трудового народа и адское рабство. Но многие не верили: думали, что все это не будет столь ужасно; иногда верили

сплетням, что бароны идут ведь вместе с ульманисами и меньшевиками и поэтому они будут человечнее и культурнее. Теперь даже легковым приходится убедиться, что меньшевики и ульманисы служат только прикрытием кровавых дел баронов и в действительности поддерживают их. Меньшевики вместе с баронами, ниедрами и ульманисами сломили временно власть трудящихся и таким образом подготовили убийство семей стрелков и рабочих. Падение Советской власти в Латвии повлекло за собой убийства, мучения и порабощение рабочих...*

«Cīņa», № 2, 14 июля 1919 г. «Latvijas Komunas Strelnieks», № 94, 28 июня 1919 г.
Перевод с латышского.

№ 83

Резолюция IV конференции партийной организации Латвийской стрелковой советской дивизии о текущем моменте.

15—19 июля 1919 г.

Исходя из существующих ныне объективных обстоятельств, IV конференция латышских стрелковых полков констатирует:

1) что, учитывая политическое положение в настоящий момент, Российская социалистическая республика переживает серьезный период кризиса, который используют прислужники капиталистов, натравливая несознательные массы против рабочего правительства. Международные грабители мобилизуют последние силы, подкупая и поощряя мелких жуликов — банды капиталистов Финляндии, Эстонии, Латвии и др. Вместо разгромленного и обанкротившегося Колчака они торговали российский трон Деникину, воевали, опираясь на местных кулаков, золото и пушки Антанты, вынудили временно отступить Красную Армию на Украине.

2) С другой стороны, конференция подчеркивает: российская и всемирная революция никогда не была ближе к победе, чем сейчас:

а) внутреннее продовольственное положение в ближайшем будущем заметно изменится, благодаря крупным победам на Восточном фронте, парализации наступления Деникина и его скорой ликвидации на Украине и принимая во внимание богатую школу опыта в области заготовки и распределения продовольствия;

б) смелая и упорная массовая революционная борьба рабочего класса Западной Европы за Советскую власть, которая проявляется во всех западноевропейских государствах в широких политических и экономических забастовках, свидетельствует о скором конце старого строя.

3) Учитывая, далее, общие обстоятельства, конференция признает, что в настоящий момент Латвийский фронт не стоит на первом месте в сравнении с прочими фронтами Советской России.

4) Конференция подчеркивает, что главное внимание следует уделить Украине, нанеся последний удар Деникину, [который] будет вместе

* Многоточие документа.

с тем ударом по умирающему западноевропейскому капиталистическому порядку и его бандам грабителей.

5) Вместе с тем конференция убеждена, что совместное и хорошо обдуманное истребление рабочего класса Латвии со стороны Ульманиса, меньшевиков, Ниедры и немецких баронов создает живой прилив революционной массовой борьбы, который смоем грязь баронокрайтической демократии в ближайшие месяцы и в Латвии.

Партархив ЦК КПЛ, ф. 43, оп. 1, д. 20, лл. 97—102. Подлинник. Перевод с латышского.

№ 84

Доклад заведующего агитпунктами Даугавпилсского ж.-д. узла начальнику агитпунктов Западного фронта о деятельности агитпоезда в дни годовщины Великой Октябрьской революции.

17 ноября 1919 г.

1. Специально был устроен поезд с целью агитации на полевых станциях Двинского фронта, ехали концертное отделение, ораторы, оркестр духовой музыки. 2. 7 ноября с. г. поезд курсировал в сторону Риги, на ст. Ницгаль был устроен концерт-митинг, присутствовало до 700 человек, выступало 7 ораторов; в 5 час. вечера на платформе в Двинске пассаж[ирского] вокзал[а] Рига—Орловской ж. д. при встрече прибывающего поезда был открыт митинг, слушало до 2000 человек, выступало 9 ораторов; в тот же вечер в железнодорожном театре концерт-митинг слушало 2150 человек, выступало 8 ораторов; в тот же вечер на вокзале Северо-Западном концерт-митинг слушало до 500 человек, выступало 4 оратора. 3. 8 ноября с. г. поезд курсировал в сторону Полоцка на ст. Балбиново, концерт-митинг слушало до 600 человек, выступало 7 ораторов; вечером в Двинске, в железнодорожном театре, концерт-митинг слушало до 200 человек, выступало 6 ораторов; на Северо-Западном вокзале концерт-митинг [слушало] до 350 человек, выступало 3 оратора. 4. 9 ноября с. г. поезд курсировал по Северо-Западной ж. д. на ст. Вышки, концерт-митинг слушало 700 человек, выступало 9 ораторов; вечером в Двинске, в железнодорожном театре, концерт-митинг слушало до 2100 человек, выступало 4 оратора; на Северо-Западной станции концерт-митинг слушало до 250 человек, выступало 4 оратора. 5. Поезд останавливался в окрестности крестьянского населения, где распространялась литература и желающие уехать на концерт-митинг садились в поезд.

Настроение масс во время слушания ораторов отзывчивое, т. е. царил атуанизм* к борьбе за Советскую власть, несмотря на грохот орудий и обстрел белогвардейцев, как на ст. Ницгаль в 4 верстах белогвардейцы пытались обстреливать ту деревню, где устраивался концерт-митинг, а также в гор. Двинске вся обывательская молодежь и все граждане очень внимательно выслушивали речи ораторов. В период юбилея Октября-

* Так в документе, вероятно, «энтузиазм».

ской революции распространено литературы разной 2250 экз., расклеено плакатов, воззваний, листовок, портретов 1427 экз., в городе демонстрация не устраивалась ввиду близкого расстояния белогвардейцев.

Празднование Октябрьской революции прошло с большим подъемом и воодушевлением среди красноармейцев, железнодорожных служащих и рабочих в революционном духе.

Заведующий агитпунктом Двинского ж.-д. узла

ЦГАСА, ф. 104, оп. 2, д. 1277, л. 21. Копия.

№ 85

Приветствие II конференции Коммунистической партии Латвии (Латгалии) Латышской дивизии.

2—4 января 1920 г.

Пролетариат Советской части Латвии в лице своих представителей на конференции Коммунистической партии Латвии шлет свой горячий привет славной Латдивизии и ее стрелкам. Мы с гордостью смотрим на геройскую борьбу славных стрелковых полков на разных фронтах за освобождение пролетариата от ига всемирного капитализма. Пролетариат Латвии пока еще истекает кровью под игом латышской буржуазии и соглашателей меньшевиков, работающих под командой хищников Антанты, но мы верим в близость часа освобождения пролетариата всего мира от насилия империализма и выражаем неуклонную волю сознательного пролетариата Латвии крепко держать красное знамя социализма за освобождение Латвии и всего мирового пролетариата от ига капиталистов и помещиков.

Да здравствует Всемирная Коммунистическая революция!

Да здравствует геройская Красная Армия!

Да здравствует новая Советская Латвия и ее сыны, борющиеся за социализм!

2-я конференция Коммунистической партии
Советской части Латвии

Партирхив ЦК КПЛ., ф. 31, оп. 1, д. 53, л. 5. Подлинник.

III

УЧАСТИЕ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ
В БОЯХ
НА ЗАПАДНОМ И ЮЖНОМ ФРОНТАХ
(1919 — 1920)

Я. П. КРАСТЫНЬ.

доктор исторических наук

УЧАСТИЕ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ В БОЯХ В ОРЛОВСКО-КРОМСКОМ РАЙОНЕ¹

Яркую страницу в историю борьбы за Советскую власть вписали латышские стрелки своей героической борьбой на фронтах гражданской войны, особенно осенью 1919 года на Южном фронте.

Летом 1919 года империалисты Антанты начали второй объединенный поход против Советской России. Этот поход был непосредственным продолжением первого, и в нем участвовали в основном те же силы, что и в первом, с той лишь разницей, что главный удар теперь наносился не с востока, а с юга, белогвардейскими войсками Деникина. Уже с конца июня империалисты Антанты начали обращать особое внимание на снабжение армии Деникина оружием, боеприпасами, обмундированием. Главным поставщиком армии Деникина была Англия. К сентябрю 1919 года она израсходовала на войну против Советской России около 100 млн. фунтов стерлингов. Большая часть этой суммы была затрачена на поддержку Деникина, которого снабжали также Франция и США.

Одновременно империалисты Антанты продолжали вооружать малые буржуазные страны, граничившие с Советской Россией, — Финляндию, Польшу, Румынию и др.

Войска Деникина уже летом представляли собой крупную силу. Три деникинские армии — Добровольческая, Донская и Кавказская — были вооружены первоклассной военной техникой, обмундированием, имели опытных командиров, а в Добровольческой армии все подразделения состояли из офицеров. В составе армии имелись и крупные кавалерийские соединения.

Вооружая и снабжая всем необходимым деникинскую армию, империалисты Антанты в то же время старались подорвать изнутри Советскую власть. С помощью белогвардейцев, меньшевиков, анархистов и буржуазных националистов они организовывали мятежи, диверсии, мешали переброске частей Красной Армии на фронт, снабжению промышленных центров продовольствием и т. д.

Империалисты, боясь растущего недовольства народных масс в капиталистических странах антисоветской политикой своих правительств, торопили Деникина, и 3 июля 1919 года он провозгласил поход на Москву. Добровольческая армия генерала Май-Маевского должна была насту-

¹ Статья опубликована в «Известиях АН Латв. ССР», 1960, № 7. Здесь перепечатывается с незначительными изменениями и дополнениями.

✓ пать на Москву через Курск, Орел и Тулу. Донская армия Сидорина — через Воронеж, Козлов, а Кавказская армия генерала Врангеля — через Пензу, Нижний Новгород и Владимир.

Коммунистическая партия предвидела надвигающуюся опасность на юге и принимала меры для мобилизации сил на борьбу с нею. Центральный Комитет в письме партийным организациям, написанном В. И. Лениным, указывал, что с началом нового похода империалистов Антанты наступил один из самых критических моментов, что «все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не оставившая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь»¹.

Несмотря на героическую борьбу, под натиском превосходящих сил противника Красная Армия все же вынуждена была отступить. Положение ухудшалось еще и тем, что 10 августа конный корпус Мамонтова, имевший до 6 тыс. сабель и 3 тыс. штыков при 12 орудиях, прорвал у Новохоперска фронт Красной Армии и совершил крупный рейд по тылам Южного фронта. Он захватил Тамбов, Козлов, Елец, грабил военные базы и расстреливал советских работников. На борьбу с Мамонтовым пришлось оттянуть с фронта значительные силы Красной Армии. В сентябре против Мамонтова был брошен конный корпус Буденного, срочно, по распоряжению Верховного главнокомандующего, против Мамонтова был направлен также 5-й латышский особый полк, охранявший полевой штаб Реввоенсовета Республики.

12 сентября Деникин снова отдал приказ о наступлении на Москву. Этот приказ отличался от июльского тем, что наступление на Москву должна была развивать Добровольческая армия, укрепленная конными корпусами Мамонтова и Шкуро. Донская и Кавказская армии должны были помогать наступлению Добровольческой армии. Новый план противника учитывал относительную малочисленность наших войск в центральном направлении Южного фронта.

✓ 19 сентября противник комбинированным ударом конницы Шкуро и возвращавшегося из рейда корпуса Мамонтова принудил к дальнейшему отступлению красноармейские части. Фронт на стыке VIII и XIII армий оказался прорванным, и 20 сентября противник ворвался в Курск.

В начале осени белогвардейцы заняли огромную территорию. «Они захватили большую часть Украины, Крым, Северный Кавказ, Донскую область, часть Курской, Орловской, Воронежской губерний и район Царицына»². Молодая Советская республика находилась в очень тяжелом положении. Нужно было принять быстрые меры, чтобы остановить и разбить врага.

Партия и лично В. И. Ленин приложили максимум энергии к делу концентрации сил для разгрома деникинской армии. Партия проводила новые мобилизации коммунистов для послышки на фронт. Было решено разделить Южный фронт на два — Южный и Юго-Восточный, перебросить на Южный фронт с Северного и Западного фронтов лучшие войсковые части. Командующим Южного фронта был назначен А. И. Егоров.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 402.

² История гражданской войны, т. IV. М. 1959, стр. 227.

Штаб 9-го латышского полка на деникинском фронте. Октябрь—ноябрь 1919 г. Первый слева — комиссар полка Миезис, крайний — командир полка В. Рундал.

С Западного фронта спешно перебрасывались Латышская стрелковая дивизия, кавалерийская бригада червонных казаков, которой командовал В. М. Примаков, отдельная стрелковая бригада П. А. Павлова и сводная дивизия, в состав которой входила Эстонская стрелковая бригада. Эти войска предназначались для создания Ударной группы в центре Южного фронта, в районе Дмитриев—Навля, южнее Брянска. Ядром ударной группы должна была стать Латышская стрелковая дивизия, состоявшая в основном из рабочих и деревенской бедноты. Она уже закалилась в тяжелых боях на фронтах империалистической и гражданской войны. Около трети Латышской дивизии составляли коммунисты. П. Я. Стучка писал: «Когда с приближением Деникина к Орлу и Туле Советская власть переживала, быть может, наиболее серьезный кризис, Центральный Комитет Коммунистической партии по предложению В. И. Ленина решил перебросить именно латышские стрелковые полки с Западного фронта на Южный. В. И. Ленин наибольшие надежды возлагал на славный кавалерийский полк (червонных казаков) и на латышских стрелков. Я как сейчас помню, что Ленин лично потребовал карту, подсчитал, через сколько дней латышские стрелки будут у Орла, и с большим вниманием следил за ходом переброски, и на этот раз он не ошибся»¹.

Начальником Латышской дивизии был А. А. Мартусевич, начальником штаба — К. Т. Шведе, а комиссаром — К. М. Дозитис.

¹ Latvju strēlnieku vēsture, I sēj., I d. Maskavā, 1928. 4.—7. lpp.

25 сентября началась отправка дивизии с Западного фронта на Южный. Переброска, несмотря на тяжелое состояние железнодорожного транспорта, проходила весьма успешно. Через 10 дней дивизия уже была на фронте.

В то же время на Южный фронт прибывали другие части ударной группы — бригада Павлова и бригада червонных казаков. К утру 10 октября ударная группа в составе Латышской дивизии, отдельной бригады Павлова и бригады червонных казаков сосредоточилась в районе станции Навля на железнодорожной линии Брянск — Дмитриев и в районе станции Шахово на железнодорожной линии Брянск — Орел. Эстонская бригада задержалась в пути и прибыла в район сосредоточения только 15 октября. Командующим ударной группы назначили начальника Латышской дивизии А. А. Мартусевича.

Бригада червонных казаков была сформирована из революционных украинских партизан, имела боевой опыт, командный состав ее состоял в основном из коммунистов. В бригаду Павлова входили отличные бойцы — рабочие киевского арсенала и украинские партизаны. Эстонская бригада, развернувшаяся позднее в дивизию, также состояла из преданных Советской власти бойцов. Начальником Эстонской бригады 15 октября был назначен Я. Пальварде.

Помимо войсковых частей ударной группы, на Южный фронт отправлялись и другие части Красной Армии. В конце сентября и в первой половине октября Южный фронт получил пополнение до 50 тыс. человек. Пополнения шли также за счет проводившихся в прифронтовой полосе мобилизаций. В середине октября на Южном и Юго-Восточном фронтах советские войска уже превосходили силы противника по количеству живой силы и орудий в полтора раза. Общая «численность советских войск обоих фронтов в первой половине октября составляла 155 653 штыка, 21 215 сабель, 4416 пулеметов, 892 орудия. Силы Деникина, состоявшие из Добровольческой, Донской и Кавказской армий, к этому времени насчитывали 63 800 штыков; 48 800 сабель, 2236 пулеметов и 542 орудия»¹.

Как видно, деникинцы имели превосходство в коннице, при этом у них было опытное военное руководство и отборные офицерские полки.

Большое значение для контрнаступления имело прибытие на фронт коммунистов. На обоих фронтах в это время находилось около 40 процентов всех коммунистов и сочувствующих. На один Южный фронт в октябре прибыло 5427 коммунистов². Партия укрепила также командный состав армий Южного фронта. Во главе дивизий были поставлены более опытные командиры. Командующим XIV армией Южного фронта был назначен И. П. Уборевич, а членом Реввоенсовета — Г. К. Орджоникидзе.

Подготовка к контрнаступлению проходила в обстановке ожесточенных боев, когда противник продолжал продвигаться вперед, удерживая инициативу в своих руках. К 10 октября фронт на Юге растянулся более чем на 1130 километров, центр его был обращен в сторону Москвы.

Ударная группа XIII армии должна была к вечеру 10 октября раз-

¹ История гражданской войны, т. IV, стр. 258.

² Там же, стр. 259.

вернуться на линии Турищево—Молодовое (в 60 километрах юго-западнее Орла) и с утра 11 октября перейти в наступление на участке Фомино—Малоархангельск, чтобы под прикрытием войск XIII и XIV армий не позже 12 октября выйти на рубеж Шарыкино—Кромы. Общее направление удара намечалось между Малоархангельском и Фатежом. Латышская дивизия насчитывала в то время 8300 штыков и 600 сабель, бригада червонного казачества Примакова — 800 сабель, бригада Павлова — 1000 бойцов.

9 и 10 октября, когда ударная группа занимала исходное положение, деникинцы прорвали фронт на стыке XIII и XIV армий и заняли Дмитровск и Кромы. Фронт и фланги ударной группы оказались обнаженными, а рубеж Шарыкино—Кромы, на который ей следовало выйти, — занятым противником. Чтобы прикрыть фланги ударной группы, на ее правый фланг была переброшена бригада червонных казаков, а на левый — Латышский кавалерийский полк.

Первые встречи ударной группы с противником произошли 11 октября. Однако это были столкновения с разведывательными группами врага. На следующий день, 12 октября, ударная группа уже встретилась с главными силами противника и завязались ожесточенные бои. Особенно упорные бои в первые дни сражения развернулись у села Мелихова (18 километров северо-западнее Кром) с Дроздовской дивизией. В этих боях противник потерпел тяжелое поражение. Бригада червонных казаков стремительной атакой разгромила батальон Самурского полка белых, взяв в плен 120 белогвардейцев, среди которых было 70 офицеров.

Наступление ударной группы началось в дождливую осеннюю погоду, когда продвижение войск, особенно артиллерии, было сопряжено с большими трудностями. Несмотря на это, 13 октября наступление ударной группы продолжалось. 1-я бригада Латышской дивизии после упорного боя выбила противника из деревни Михерева и к вечеру овладела деревнями Печки, Ефимовка, Егина. 2-я бригада заняла деревни Опальково, Гнездилово и Масловку. Вместе с ударной группой пошли в наступление также отдельные части правого фланга XIV армии, в ночь на 12 октября занявшие Хутор-Михайловский и ряд других населенных пунктов.

Однако положение на Южном фронте, несмотря на этот частичный успех, продолжало оставаться тяжелым, особенно на участке XIII армии, оборонявшей Орел. Белогвардейцы уже вели бои севернее Кром, угрожая выйти в тыл ударной группы. XIII армия продолжала отступать, и деникинцы подходили к Орлу. В помощь Красной Армии для обороны Орла был создан рабочий полк под командованием коммуниста М. Г. Медведева. Полк стойко защищал город, но силы были неравные, и 13 октября части XIII армии и бойцы рабочего полка оставили город.

Деникинцы придавали взятию Орла большое значение. Они считали, что после взятия Орла победа над революционными войсками обеспечена. Корниловцы торжествовали победу и готовились идти на Тулу — военный арсенал республики.

15 октября вопрос о положении на Южном фронте обсуждался на заседании Политбюро ЦК, на котором председательствовал В. И. Ленин. Политбюро решило усилить мобилизацию всех сил и средств на оборону

страны, превратить Советскую Россию в единый военный лагерь. Южный фронт признавался главным фронтом республики. 16 октября этому фронту была передана полностью XII армия, которая до этого входила в состав Западного фронта. С признанием Южного фронта главным изменился и план нанесения основного удара по войскам Деникина. Он намечался теперь «не силами Юго-Восточного фронта через Донскую область, а силами Южного фронта на его центральном участке»¹. Юго-восточный фронт перешел временно к обороне, что позволило основную часть войсковых пополнений послать на Южный фронт. Кроме того, из состава Юго-восточного фронта Южному фронту была передана 40-я стрелковая дивизия. Планы Деникина о быстром продвижении от Орла на Тулу и Москву не сбылись. Предпринятые партией и правительством мероприятия создали условия для перелома в дальнейших сражениях на Южном фронте. Прибывшие на фронт коммунисты и подкрепления Красной Армии усилили мощь и боеспособность последней. Падение Орла осложнило положение ударной группы, и дальнейшее ее продвижение на Фатеж—Малоархангельск, когда деникинцы находились уже севернее Орла, теряло смысл; поэтому направление продвижения ударной группы было изменено.

14 октября ударная группа получила приказ наступать на противника в сторону станций Куракино—Малоархангельск; в тот же день для удобства управления она была подчинена командованию XIV армии. В ночь на 15 октября после ожесточенных боев 2-я бригада Латышской дивизии взяла Кромь и создала угрозу флангу и тылу Корниловской дивизии, вступившей в Орел. Это сорвало дальнейшее наступление корниловцев на Тулу. Все внимание противник обратил теперь на обеспечение безопасности тыла и направил основные отборные силы против ударной группы Южного фронта. На решающем Орловско-Кромском направлении генерал Май-Маевский сконцентрировал «до 45 тысяч штыков, около 14 тысяч сабель и до 200 орудий»².

15 октября Реввоенсовет принял решение сорвать наступление белых против ударной группы и нанести удар вражеской группировке в районе Орла. С этой целью было снова изменено направление ударной группы. «Она должна была теперь наступать в сторону станции Еропкино, непосредственно во фланг и тыл Корниловской дивизии белых и одновременно левым флангом нанести удар на Орел с юго-запада»³. 16 октября отборные офицерские части деникинцев пошли в наступление из Орла на Кромь; белогвардейцы хотели взять Кромь и ударить в тыл Латышской дивизии. Завязались ожесточенные бои. 17 октября противник начал наступать и из района Дмитровска. Дроздовская дивизия наступала с целью разбить части XIV армии, прорвать фронт и атаковать фланг и тыл ударной группы. Против Дроздовской дивизии из частей ударной группы боролись 1-я латышская стрелковая бригада, конная бригада Примакова и пластунская бригада Павлова. Наступление белых успеха не

¹ История гражданской войны, т. IV, стр. 268.

² П. Макеев. На Деникина! Рига 1960, стр. 56.

³ История гражданской войны, т. IV, стр. 269.

Группа стрелков 2-й роты 6-го латышского стрелкового полка осенью 1919 г. под Орлом.

имело. Все атаки противника успешно были отбиты во взаимодействии с 41-й дивизией XIV армии, которой командовал славный сын латышского народа коммунист Р. П. Эйдеман.

Таким образом, с 16 октября на Южном фронте развернулись ожесточенные бои, положившие начало перелому на центральном направлении фронта. Боевой дух частей Красной Армии возрос, части пополнялись добровольцами, и в тылу противника росло партизанское движение.

18 октября командование Красной Армии перехватило приказ командира Дроздовской дивизии, из которого явствовало, что белогвардейское командование намерено уничтожить ударную группу Красной Армии с двух сторон — наступлением Корниловской дивизии со стороны Орла, а Дроздовской — со стороны Дмитровска. Учитывая это, командование XIV армии решило разбить Дроздовскую дивизию. Часть войск XIV армии должна была наступать на Дмитровск через Севск, а 1-я бригада Латышской стрелковой дивизии совместно с кавалерийской бригадой Примакова — нанести удар на Дмитровск со стороны Кром. Остальные части ударной группы должны были продолжать наступать на Орел и станцию Стишь¹.

Таким образом, ударная группа начала действовать в двух направлениях: 1-я бригада Латышской стрелковой дивизии и бригада червонных казаков должны были нанести удар со стороны Кром на Дмитровск, а остальные части — наступать на Орел и станцию Стишь.

¹ История гражданской войны, т. IV, стр. 269—270.

Наступление ударной группы встретило сильное сопротивление противника. Особенно ожесточенные бои развернулись за переправу через реку Кромы. Советские войска все ближе подвигались к Орлу. Корниловскую дивизию окружали с трех сторон — с запада, севера и северо-востока. Оставался лишь выход на юг, вдоль Орловско-Курской железной дороги к станции Стишь. К подступам к Орлу подходили Эстонская дивизия, 9-я дивизия XIII армии и отдельные части 3-й бригады Латышской стрелковой дивизии.

Реввоенсовет дал приказ командованию XIII армии в ночь на 20 октября с боем взять Орел. Но противник, опасаясь окружения, ночью оставил город без боя. Утром революционные войска вошли в Орел.

Взятие Орла, важного стратегического пункта, было крупной победой Красной Армии на Южном фронте. Оно знаменовало собой начало коренного перелома в борьбе с Деникиным.

Но силы врага не были еще сломлены. Уходя из окружения, противник приводил в порядок свои ряды и готовился к новым боям в надежде вернуть Орел. 21 октября при поддержке двух бронепоездов он атаковал у станции Стишь 5-й латышский полк. Латышские стрелки мужественно отразили три атаки противника. На следующий день бои приняли еще более ожесточенный характер — противник бросал в атаку все новые силы. Но советские войска мужественно отразили натиск противника, отстояли Орел, нанеся противнику тяжелые потери.

В это же время противник наступал на Кромы. Развернулись серьезные бои. Противник бросал в бой свежие силы и с помощью бронепоездов атаковал ударную группу. Кромы переходили из рук в руки. Части Латышской дивизии направлялись от Орла к Кромам на помощь сражавшимся там красноармейским частям. Отдельные части 3-й латышской стрелковой бригады еще раньше были переброшены на Кромское направление. 23 октября деникинцам удалось вытеснить части ударной группы из города, но на следующий день латышские стрелки выбили деникинцев оттуда. 25 октября противник снова захватил город, но ночью 3-я бригада Латышской дивизии, которой командовал К. А. Стуцка, внезапной атакой захватила Кромы. Атака Латышской бригады оказалась для белых совершенно неожиданной. Она застигла врасплох 3-й Марковский полк белых; около 200 белогвардейцев бригада взяла в плен и многих уничтожила. После атаки латышских стрелков этот белогвардейский полк перестал существовать.

Одновременно с наступлением на противника ударной группы на Дмитровск наступали 3-я и 4-я бригады 41-й дивизии, а на станцию Стишь с севера — Эстонская дивизия и 2-я бригада 9-й дивизии. Революционные войска нанесли сильные удары противнику и выбили его из Дмитровска. Белогвардейцы отступали к югу и юго-востоку.

В Орловско-Кромском районе развернулись ожесточенные, решающие бои Южного фронта. 24 октября В. И. Ленин писал: «Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту. Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее

Стрелки и командиры 1-й латышской стрелковой бригады в Могилеве осенью 1919 г.

обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте»¹. 25 и 26 октября Латышская дивизия вместе с отдельной стрелковой бригадой Павлова, бригадой червонных казаков при содействии войск XIII и XIV армий отбила все атаки противника, вынудила его к постепенному отходу и прочно удерживала инициативу в своих руках.

28 октября Реввоенсовет республики объявил бойцам и командирам Латышской дивизии и бригаде червонного казачества благодарность за проявленные ими в боях за Орел и Кромы стойкость и мужество. В дни упорных боев с деникинцами на Орловском направлении революционные войска одержали блестящие победы и на воронежском участке фронта. Противник здесь сконцентрировал крупные силы. Генерал Шкуро мобилизовал на защиту Воронежа даже местную буржуазию. Однако удержать город генералу не удалось. Основной удар при штурме Воронежа нанес конный корпус Буденного. 24 октября Воронеж был окончательно освобожден и очищен от белогвардейцев.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 62.

Взятие Орла, Кром, Дмитровска и Воронежа обусловило перелом всей борьбе против второго похода Антанты. Но этот перелом нужно было превратить в общее массовое наступление всех сил Красной Армии Южного фронта, чтобы добиться окончательного разгрома врага. Отходя с боями, противник пытался закрепиться на отдельных рубежах, мобилизовать силы и остановить наступление советской армии, особенно ударной группы. Чтобы прорвать линию сопротивления противника, было решено организовать рейд конницы в тыл врага. Как видно из воспоминаний В. Примакова, 30 октября в деревне Шарыкино, где разместился штаб Латышской дивизии, состоялось совещание, на котором присутствовали командующий XIV армии И. П. Уборевич, Г. К. Орджоникидзе, П. А. Павлов, В. М. Примаков и начальник Латышской дивизии Ф. К. Калнынь, сменивший 20 октября прежнего начальника дивизии А. А. Мартусевича. На этом совещании было решено организовать рейд конницы в тыл врага. Для этого была создана конная группа в составе бригады червонных казаков, Латышского и Кубанского кавалерийских полков, общей численностью в 1700 сабель, 32 пулемета на тачанках и 6 орудий¹. Орудия были выделены 4-м латышским полком.

Перед Латышской дивизией была поставлена задача прорвать фронт противника для выхода конной группы под командованием В. М. Примакова в тыл противника, в направлении станции Поньры — Фатеж. Эта задача была блестяще выполнена Латышской дивизией. На рассвете 3 ноября две бригады дивизии под командованием К. А. Стуцки стремительно атаковали деникинцев юго-восточнее Дмитровска. Латышские стрелки, замаскировавшись белыми простынями, незаметно по выпавшему снегу приблизились к заставам противника, которые они сняли без единого выстрела, и лавиной бросились на дроздовцев. Завязалась ожесточенная борьба, которая длилась около получаса. В результате боя фронт противника в районе деревни Чернь-Домовец был прорван, через пробитую брешь вихрем пронеслась конница.

Рейд конницы был нелегким. Наступили резкие холода, дороги обледенели, что крайне затруднило передвижение кавалерии. Как видно из воспоминаний В. М. Примакова, конная группа, углубившись на 70 верст в тыл противника, поручила Кубанскому кавалерийскому полку занять Фатеж. Значительная часть кавалерии напала на станцию Поньры, а латышский кавалерийский полк Яниса Кришьяна — на станцию Возы. Кубанские казаки, совершив налет на Фатеж, захватили два танка и два тяжелых орудия, уничтожили местный гарнизон и освободили из тюрьмы около 400 пленных красноармейцев, из которых была создана рота бойцов, последовавшая за конницей Примакова.

На станции Поньры красная конница захватила несколько эшелонов с военным снаряжением, взорвала станцию и изрубила до 300 корниловцев. Латышский кавалерийский полк, продвигавшийся на станцию Возы, уничтожил несколько вражеских эшелонов, взорвал станцию и склады с военным снаряжением, а 5 ноября в бою под Сабуровкой совместно со 22-м казачьим полком под общим командованием Яниса Кришьяна «раз-

¹ История гражданской войны, т. IV, стр. 246.

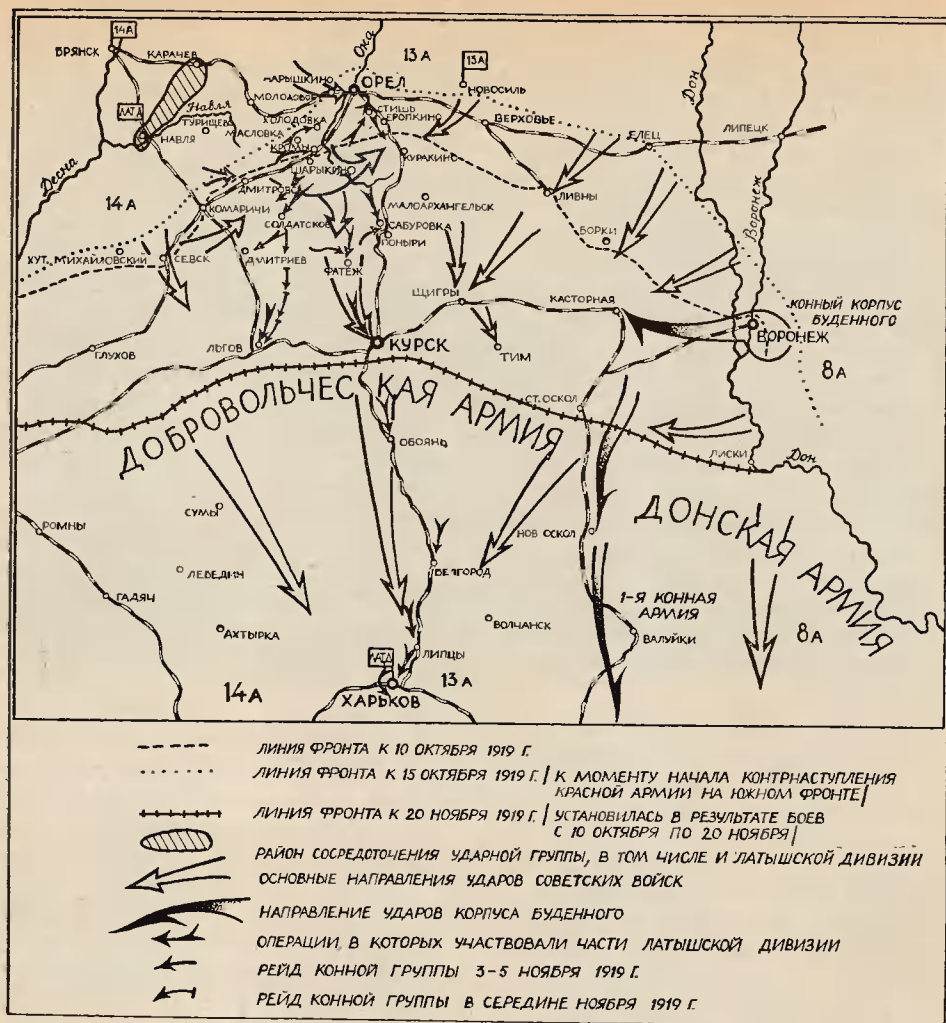

Схема 5. Участие латышских стрелков в разгроме Деникина.

бил 2-й и 3-й Корниловские полки и захватил при этом орудия, пулеметы и пленных»¹.

Рейд красной конницы в тылу противника продолжался около двух суток. За это время конники прошли по тылам врага 120 километров и уничтожили более 6 рот вражеской пехоты, захватили поезд с обмундированием, разгромили тыловые базы и несколько штабов, в 15 местах взорвали полотно железной дороги Курск — Орел, сильно дезорганизовали тыл врага.

¹ ЦГАСА, ф. 898, оп. 2, д. 1, лл. 22.

Блестяще удавшийся рейд конницы ударной группы облегчил общее наступление советских войск. 6 ноября войска ударной группы и XIV армии взяли Севск, а 11 ноября — Дмитриев. Город Дмитриев несколько раз переходил из рук в руки. 371-й полк 42-й дивизии XIII армии 3 ноября с боями занял Ливны, забрав в плен около 300 солдат и офицеров, а 7 ноября части XIII армии заняли Малоархангельск.

Однако враг еще продолжал сопротивляться и пытался вернуть инициативу. На Южном фронте продолжались напряженные бои, в результате которых ударная группа, особенно Латышская стрелковая дивизия, была измотана, ослаблена была и XIII армия. Чтобы окончательно сломить сопротивление противника и развить наступление на Южном фронте, были переброшены еще две дивизии — 45-я и 52-я.

В напряженных боях армии Южного фронта подходили к Курску. Наступление на Курск с севера вели войска XIV и XIII армий и ударная группа. Для быстрейшего разгрома противника был предпринят новый рейд конницы на Льгов. 14 ноября кавалерийская дивизия В. М. Примакова при поддержке латышских стрелков прорвалась через линию фронта противника к станции Льгов, которую на следующий день заняли латышские кавалеристы и кубанские казаки. Во время рейда красная конница разгромила лучшие полки противника — Дроздовский и Самурский — уничтожила до 500 деникинцев и 1700 взяла в плен. Было захвачено много орудий, пулеметов и 200 вагонов с военным имуществом. Еще один рейд в тыл врага был предпринят в декабре на подступах к Харькову.

Боевые действия ударной группы и ее ядра — Латышской дивизии — удачный рейд конницы Примакова, а также крупные успехи конного корпуса Буденного в борьбе с деникинцами под Касторной вдохновили Красную Армию на дальнейшие подвиги, и 18 ноября она заняла Курск. Первыми в город вступили 78-й полк 9-й дивизии и кавалерийская бригада ударной группы Примакова. В штурме Курска активно участвовала Эстонская стрелковая дивизия.

После взятия Курска деморализованные войска противника откатывались назад. 4 декабря войска XIV армии овладели Ахтыркой, а 6 декабря Латышская дивизия вместе с Эстонской освободила Белгород. Успешно развивала наступление и XIII армия. Красная Армия подходила к Харькову, на подступах которого противник оказывал ей сильное сопротивление. 11 декабря Латышская дивизия совместно с кавалерийской бригадой В. М. Примакова ворвалась в предместье Харькова. На следующий день латышские стрелки вместе с другими частями Красной Армии при помощи трудящихся города окончательно освободили Харьков от деникинцев.

Помощь Красной Армии оказывали действующие в тылу врага партизанские отряды.

В боях за Харьков латышские стрелки показали смелость и находчивость. За боевые подвиги на Южном фронте Латышская дивизия была награждена боевым Красным Знаменем. Многие отличившиеся в боях красноармейцы и командиры дивизии получили ордена и ценные подарки.

Взорванный деникинцами мост на шоссе на дороге Кромы—Орел. Осень 1919 г.
Стоит — начальник штаба Латышской стрелковой советской дивизии К. Т. Шведе.

Боевые действия латышских стрелков на Южном фронте, особенно в Орловско-Кромском районе, являются одним из наиболее героических подвигов Красной Армии. Они получили высокую оценку видных работников. Заведующий политотделом Южного фронта В. П. Потемкин писал в письме бойцам Латышской дивизии: «На Южном фронте хорошо знают доблестную Латдивизию. Сокрушительным громом, бурей железа и огня обрушивалась она на врага, когда тот шел на Тулу и хвалился взять Москву. Стальной щетиной штыков гнала она его растрепанные полки к морским берегам... Латышские стрелки бросались рабоче-крестьянской властью в самые опасные места, сражались как львы, умирали как герои, вечной славой покрывали себя и любимую родину Латвию».

Высокую оценку Латышской дивизии дали также командующий Южным фронтом А. И. Егоров, С. М. Буденный и др. Неоднократно командование Красной Армией объявляло благодарность дивизии. Пламенный привет ей прислали петроградские рабочие по случаю взятия Харькова. В знак особой благодарности рабочие Петрограда прислали Латышской дивизии Красное знамя, которое вручила начальнику дивизией Ф. К. Калныню приехавшая в Харьков делегация. Трудящиеся Советской России, трудящиеся Латвии радовались победам Красной Армии

над Деникиным. В годы гражданской войны латышский народ и его славных стрелков объединила с народами Советской России их общая ненависть к врагам революции, их общее стремление отстоять Советскую власть от нападения иностранной и внутренней контрреволюции. В напряженной борьбе за Советскую власть крепла нерушимая дружба латышского народа с великим русским народом.

После взятия Харькова Латышская дивизия продолжала преследовать противника, захватила богатые военные трофеи и много пленных. 16 декабря она освободила от противника Чугуев. Однако непрерывные ожесточенные бои сильно измотали и подорвали силы дивизии. Поэтому 20 декабря она была переведена в армейский резерв и сосредоточена в районе Харьков — Змиев — Чугуев. Но уже в январе 1920 года Латышская дивизия получила задание очистить тыл армии от кулацких банд Махно, а в апреле включилась в борьбу против белой армии Врангеля.

* * *

Бои в Орловско-Кромском районе имели большое значение для разгрома белогвардейской армии генерала Деникина. Ударная группа, ядром которой являлась Латышская дивизия, своей героической борьбой остановила продвижение противника к Туле, вырвала инициативу из его рук, дальнейшими смелыми действиями способствовала коренному перелому в борьбе с белогвардейцами на Южном фронте, в результате которого славная Красная Армия разгромила армию Деникина.

НА ДЕНИКИНСКОМ ФРОНТЕ

В. М. ПРИМАКОВ,

командир бригады червонных казаков

СРАЖЕНИЕ ПОД ОРЛОМ¹

Октябрь — ноябрь 1919 года

Гражданская война в России, разжигаемая, финансируемая и руководимая французским и английским генеральными штабами, достигла своей высшей точки в 1919 году.

Французский десант и эскадра французских военных судов в Одессе; английский десант и английские мониторы в Архангельске; генерал Жа-нен, генерал Нокс и другие агенты в штабах Колчака и Деникина; английские офицеры в танковых батальонах Деникина и тяжелой артиллерии Бредова; английская и французская авиация на юге России; много-миллионные денежные средства на «организационные расходы» — (как признал Черчилль, одна только Англия израсходовала на интервенцию сто миллионов фунтов) — таков вклад интервентов в гражданскую войну в России.

Английский десант в Баку и расстрел 26 комиссаров; французские и греческие десанты в Одессе и Николаеве и зверства одесских контрразведчиков, сожжение 700 военнопленных в военных бараках в Николаеве; англо-американский десант в Архангельске и Мурманске, новые виды пыток (пытка соленой водой и накачивание воды в живот через резиновую кишку); десятки тысяч людей, перебитых в боях, сотни замученных в застенках контрразведки — таково кровавое течение интервенции...

* * *

Молодая Советская республика, зажата в огненном кольце войны, сосредоточила все свои силы для борьбы и победы — и осенью 1919 года Колчак с Волги был изгнан за Урал. Но в то же время армия Деникина, бывшая самым опасным противником, выдвинулась на широком фронте от Волги до Днепра и достигла линии Киев — Чернигов — Воронеж — Царицын.

Армия Деникина, впитавшая в себя огромные офицерские кадры, которые стеклись в Донскую область, снабжаемая Францией, усиленная английскими танками и авиацией, была значительно опаснее армии Колчака, и ее оперативное направление Харьков — Орел угрожало сердцу революции — Москве.

¹ Статья опубликована в сборнике «Latvju revolucionārais strēlnieks» (т. 1), выпущенном в 1934 году издательством «Prometejs». Здесь печатается в сокращенном виде.

Командование Красной Армии, занятое борьбой с Колчаком и поставившее себе цель разбить врагов по очереди — сначала Колчака, затем Деникина, не могло обеспечить Южный фронт силами, достаточными для того, чтобы задержать Деникина. Слабые в численном и организационном отношении части Красной Армии на Юге летом 1919 года могли только задерживать продвижение противника, а Деникин был уже настолько уверен в победе, что 20 июня 1919 года издал следующую директиву белым армиям Южного фронта:

«Считая конечной целью занятие сердца России — Москвы, приказываю:

1) ген. Врангелю выдвинуться на фронте Саратов — Ртищево — Балашов; сменить на этих направлениях части донцов и продолжать наступление на Пензу — Рузаевку — Арзамас и далее — на Нижний Новгород — Владимир — Москву;

2) ген. Сидорину с правым крылом до выдвижения войск ген. Врангеля продолжать выполнение прежних задач по занятию фронта Камышин — Балашов и

3) ген. Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курска — Орла — Тулы. В целях обеспечения западной стороны выдвигаться на линию Днепра и Десны, заняв Киев».

Такую директиву, в которой был уже намечен весь путь армий вплоть до Москвы, мог издать только человек, вполне убежденный в успехе, верящий в свои силы и презирающий силы противника — Красную Армию Советской России.

— На Москву! — вслед за Деникиным повторяли генералы Врангель, Сидорин и Маевский.

— На Москву! — завопила вся белогвардейская печать.

— На Москву! — затрубили диким хором помещики, следовавшие за белыми армиями в надежде вернуться в свои имения.

— На Москву! — так был назван лучший бронепоезд Деникина.

В июле, августе и сентябре белые захватили юг России — почти восемнадцать губерний с сорока миллионами жителей. Деникинцы заняли Киев, Курск и Воронеж. Офицерский корпус Кутепова шел на Орел.

* * *

Гигантский Южный фронт медленно откатывался назад. Война в Сибири и утрата Юга крайне обострили продовольственный вопрос в стране, из-за отсутствия топлива стала промышленность. Обстановка требовала решительных действий... Армии Южного фронта были усилены путем мобилизации коммунистов в рабочих центрах. Были приняты чрезвычайные меры по укреплению боеспособности частей армии: улучшилось снабжение армии, в частности, снабжение боеприпасами, во многих частях изношенное оружие было заменено новым. Южный фронт собрал резервы и мобилизовал все свои внутренние ресурсы; исполнская пружина армий сжалась на путях к Москве, готовясь к решающим боям, готовясь вдруг распрямиться для сокрушительного удара...

Широко развернутое на огромном фронте — от Волги до Днепра — наступление Деникина осенью 1919 года начало выдыхаться из-за недо-

статка резервов. Все свободные резервы белому командованию приходилось посылать в тыл для подавления крестьянских восстаний. Политика помещичьего «правительства вооруженных сил Юга России», лишение крестьян переданной им большевиками земли и возвращение старых господ в родовые поместья и следовавшая за этим военно-полицейская расправа с крестьянами вызывали взрывы крестьянских восстаний. Махно стал фактическим повелителем левобережной Украины. Его отряды хозяйничали от Екатеринослава (ныне Днепропетровск) до самого Крыма и временами угрожали Таганрогу, где находилась ставка Деникина. На Кубани и Черноморском побережье стало шириться движение «зеленых». Осуждение на смерть членов Кубанской Рады не только не успокоило Кубань, но вызвало необходимость увеличить бело-гвардейские гарнизоны в городах Кубани и еще более усилило движение «зеленых». Национальная политика помещичьего правительства явилась причиной того, что восстало местное население в Чечне и Дагестане. Таким образом, хотя армия противника и добилась успехов, в тылу белых все сильнее разгоралась борьба крестьянства и национальное движение против буржуазно-помещичьей контрреволюции. Эта борьба в тылу белых армий развернулась столь широко, что белым приходилось посылать против бунтовщиков войска, поэтому белый фронт не мог рассчитывать на нормальные и значительные подкрепления.

* * *

К моменту, когда на Южном фронте завязывался узел решающих боев, генералу Деникину удалось увеличить свои силы до 100 000 штыков, 50 000 сабель и 600 орудий. У Красной Армии на Южном фронте в это время было 110 000 штыков, 30 000 сабель и 750 орудий¹.

На решающем направлении — от Харькова на Орел — белые сосредоточили 45 000 штыков, до 14 000 сабель и 200 орудий.

На Орловском направлении действовали офицерские дивизии корпуса генерала Кутепова — прославленные «цветные» дивизии (Корниловская офицерская дивизия, офицерская бригада Маркова и 1-я пехотная дивизия Алексеева), на две трети укомплектованные из офицеров, носивших цветные повязки на рукавах и цветные погоны. Эта ударная группа быстро продвигалась от Курска к Орлу, преследуя небольшие и утомленные длительным отступлением части XIII армии.

На Орловском направлении части Красной Армии занимали следующий фронт: XIV армия — от Чернигова до Глухова, XIII армия — в направлении Орла, VIII армия и конный корпус Буденного — в районе Воронежа.

Стремительное продвижение офицерских дивизий на Орел не только заставило красные полки произвести новую стратегическую перегруппировку, но и выдвинуло требование сконцентрировать под Орлом такие части, которые смогли бы в полевом сражении задержать и разгромить офицерские дивизии, потребовало сосредоточить устойчивые ударные

¹ Цифры эти неточны. — *Сост.*

части, которые были бы в состоянии справиться с корпусом Кутепова. Ядром этих частей стала героическая Латышская стрелковая дивизия, которая вместе с остальными частями ударной группы сыграла в Орловской битве решающую роль.

В начале октября в район Карачева на Орловском направлении начали прибывать части Латышской дивизии, которым были приданы отдельная пластунская бригада Павлова (он погиб позднее в Китае), сформированная из кубанцев и украинцев, и особая бригада червонного казачества. Эти части, закаленные в боях и отдохнувшие за время перегруппировки, составили ударную группу Орловского направления.

* * *

В конце сентября Курско-Орловское направление было в центре внимания верховного командования Красной Армии. Телеграмма главкома от 24 сентября (№ 4514) давала указания по концентрации свежих частей в районе Дмитриева в целях развертывания действий на фланге офицерского корпуса. Этими частями были: Латышская стрелковая дивизия (девять полков под командованием начдива Мартусевича), пластунская бригада Павлова и бригада червонного казачества (два полка 1-й бригады). Общая численность боевого состава названных частей составляла 10 000 штыков, 1500 сабель и 80 орудий. Приблизительно в то же время верховным командованием было принято решение об участии конного корпуса Буденного в наступлении на Воронежском направлении. Таким образом, стратегический план верховного командования был составлен из расчета, что по основанию выдвинутого против Орла клина офицерских дивизий будет нанесен удар силами двух ударных групп — группы Латышской дивизии с северо-запада и группы Буденного с востока¹.

10 октября перегруппировка войск была завершена и ударной группе в соответствии с директивой верховного командования было предписано подготовить удар во фланг офицерского корпуса, в общем направлении Кромы — Малоархангельск.

13 октября Корниловская офицерская дивизия после короткого боя заняла Орел и выдвинулась на 5 км к северу от города. После овладения Орлом перед добровольческим офицерским корпусом освободилась дорога на Тулу. Занятие Орла было отмечено множеством банкетов, где у роскошно накрытых столов в звоне бокалов захмелевшим господам офицерам чудился праздничный перезвон московских колоколов. Но во фланг офицерскому корпусу в это время уже угрожающе выдвигалась ударная группа. 12 октября ударная группа получила приказ главкома: «Ударной группе перейти в наступление в направлении на Кромы и нанести удар с тыла и во фланг противнику, наседающему на Орел».

¹ Как свидетельствуют исследования Егорова и Галицкого, такого плана в начале Орловской операции не существовало и возможность использовать конный корпус Буденного для удара в западном направлении создавалась в конце Орловско-Кромского сражения. — *Примечание редакции сборника «Latvju revolucionārais strelnieks».*

Группа командиров Латышской стрелковой советской дивизии во время Орловско-Кромского сражения в октябре 1919 г. Слева направо: начальник разведки дивизии О. Лацис, начальник снабжения дивизии Э. П. Берзинь, начальник штаба дивизии К. Т. Шведе, командир 1-й бригады А. Д. Фрейберг, начальник дивизии Ф. К. Калнынь.

12 октября ударная группа выступила в направлении Кром. Началось сражение под Орлом. Район, где оно разворачивалось, имел холмистый рельеф, был расчленен многими оврагами и сравнительно густо населен. Наличие множества оврагов и рек создавало широкие возможности для обороны. Пути сообщения в этом районе были относительно хорошими, но деревенские дороги под осенним дождем превратились в непроходимые ухабы, что сильно препятствовало передвижению войск.

Под осенним дождем, в тумане, постоянно окутывавшем многочисленные речки и ручьи, на мокрых полях началось Орловское сражение — ударные офицерские части встретились с ударной группой. Исход битвы должен был решить судьбу не только Орла, но и Тулы, потому что в глубоким тылу ударной группы не было резервов: вызванные из Сибири в резерв войска и полки, ожидавшие с Архангельского фронта, не занятые более борьбой с англичанами, еще не подошли.

* * *

13 октября Корниловская дивизия заняла Орел и выдвинулась далеко вперед по отношению к остальным частям белых, прикрывая свой левый фланг рекой Окой. Части Дроздовской дивизии овладели Дмитровском,

выбыв оттуда утомленные длительными боями и отступлением части 7-й стрелковой дивизии и группу Саблина. Вечером 14 октября 1-я бригада червонного казачества, двигавшаяся в авангарде ударной группы, у деревни Мелехово столкнулась с передовыми подразделениями Самурского офицерского полка. 15 октября на рассвете 1-я бригада червонного казачества атаковала деревню Мелехово, порубила батальон самурцев, занимавший деревню, и, преследуя Самурский полк, ворвалась в деревню Кирово Городище, выйдя к реке Кrome. В этом бою наша конница взяла более 120 пленных, в том числе 70 офицеров.

Имевшиеся в распоряжении штаба XIV армии сведения о противнике были очень неясными и незначительными. Поэтому во время авангардных боев у Мелихова в штаб бригады червонного казачества прибыл член Реввоенсовета XIV армии Серго Орджоникидзе. С холмов севернее деревни Мелихово он следил за боем и лихой атакой наших конников. Сразу же после атаки, тут же на поле боя, он допросил пленных офицеров; показания пленных раскрыли картину движения сил противника.

С этого момента ударная группа действовала уже с открытыми глазами, и командование получило возможность правильно нацелить свой удар.

16 октября конница перерезала дорогу Дмитровск—Кромь, прервав связь между Корниловской и Дроздовской дивизиями. В тот же день латышские стрелки двумя колоннами вышли на линию реки Кромь. Получив удар на этом участке, противник — первый Корниловский офицерский полк — отступил за реку, прикрывая фланг главных сил Корниловской дивизии, занявших Орел. Почти одновременно с этим подошедшие из Москвы через Тулу силы Эстонской стрелковой дивизии выбили корниловцев из Орла и задержали фронтальное продвижение Корниловской дивизии¹.

В тумане, под дождем целую неделю продолжались упорные бои за брод на реке Кrome — небольшой, но глубокой и труднодоступной речке. По мокрым полевым дорогам и полям, под дождем, в тумане шли колонны латышских стрелковых батальонов, глухо громыхали колеса артиллерийских батарей, тянулись обозы. Над неширокой текущей в глубоком овраге с вязкими глинистыми берегами Кромой продолжался упорный огневой бой: редкие, меткие прицельные выстрелы латышских стрелков и непрерывный залповый огонь офицерских взводов. В твердом порядке и дисциплине маневрирующих колонн пехоты (дисциплину среди латышских стрелков не ослабляли ни осенняя грязь, ни мороз, ни слякоть), в редком, но прицельном огне стрелков, от которого таяли батальоны корниловцев, в задорных шутках у костров, в словах и разго-

¹ Занятие Орла красными войсками автор освещает весьма неполно и не совсем верно, не упоминая о роли, которую сыграли здесь успешные бои 2-й и 3-й латышских стрелковых бригад 18 и 19 октября, когда они разгромили Корниловскую дивизию, которая из Орла атаковала в направлении Кром северный фланг ударной группы. Потерпевшие в бою поражение корниловцы, которым с тыла угрожали латышские бригады, в ночь на 20 октября оставили Орел, чтобы избежать окружения. Это подробно разбирает и доказывает К. Галицкий в работе «Орловско-Кромское сражение», стр. 171—172. — *Примечание редакции сборника «Latvju revolucionārais strēlnieks».*

Город Кромы Орловской губ., где в октябре 1919 г. происходили ожесточенные бои латышских стрелков с деникинцами.

ворах — во всем проявлялась крепкая, закаленная воля к победе, видно было, что стрелки сознают грозящую республике опасность и понимают, что враг должен быть сломлен. Повсюду царила бодрая боевая напряженность. Приподнятый боевой дух — дух победы витал над войсками.

20-го числа латышские стрелки форсировали реку Крому в районе Красной Роши. Дальнейшее развитие этого удара, который вывел латышских стрелков и конников в тыл Корниловской офицерской дивизии, представляло чрезвычайную опасность для противника, поэтому передовые части Корниловской дивизии сжались и начали отступать из Орла на Становой Колодезь. Но одновременно Дроздовская офицерская дивизия, оставив на Дмитровском участке около стрелкового полка, перешла в наступление в направлении Кирова Городища, во фланг и в тыл ударной группе. Командующий ударной группой оставил на своем правом фланге только небольшие части для наблюдения, поэтому продвижение Дроздовской дивизии было замечено лишь тогда, когда разведчики дроздовских полков показались уже на линии реки Кромы. Кавалерия ударной группы, 1-я бригада червонного казачества, уже форсировавшая к этому времени реку Оку и готовившаяся нанести врагу удар с тыла, была без промедления отозвана и за ночь переброшена в район Кирова Городища. Авангард дроздовцев был отброшен за реку Крому, фланг и тыл ударной группы были прикрыты от атак. Почти в то же самое время 1-й пехотный полк Кошелева выбил дроздовцев из Дмитровска. Однако маневр Дроздовской дивизии спас Корниловскую дивизию от полного разгрома и помешал быстрому решению судьбы Орловского сражения.

Снова разгорелись упорные бои на линии реки Кромы и вокруг города Кромы, который несколько раз переходил из рук в руки.

Начальник Латышской стрелковой дивизии — командующий ударной группой А. А. Мартусевич был снят, и командование ударной группой было передано командиру стрелковой бригады Латышской дивизии Ф. К. Калныню, молодому и менее опытному, но совершенно надежному и энергичному военачальнику. Латышская дивизия, перегруппировав силы, перешла в наступление, отбросила противника к югу от дороги Дмитровск—Кромы и вновь форсировала реку Крому. Противник закрепился на расстоянии 20 км от Кром и некоторое время, стягивая резервы, ограничивался только обороной. Латышская дивизия, понесшая очень большие потери, пыталась выбить врага с этой оборонительной линии, но встретила сопротивление, с которым не удалось справиться. В течение нескольких дней на фронте происходили только небольшие стычки разведчиков.

* * *

Поскольку Латышская дивизия почти совсем не получала пополнений, а боеспособность ее из-за больших потерь (более 50% командиров и до 40% бойцов вышли из строя — были убиты или ранены) значительно понизилась, то она не была в состоянии закрепить достигнутые успехи. Особая бригада червонного казачества, потерявшая до 33% конников, получила пополнение — численно небольшую Кубанскую конную бригаду, которую пришлось свести в один полк. Отдельная пластунская бригада Павлова потеряла убитыми, ранеными и больными до 30% своего состава. Ослабленная ударная группа не могла развить свой успех, резервов же не было никаких. Необходимо было немедленно окончательно разгромить офицерские корпуса, ибо к противнику начали подходить подкрепления. Пленные рассказывали, что к фронту движется танковая группа и два полка, сформированных в Харькове и Белгороде из украинских офицеров. Имелись также сведения, что прибыла французская авиация и английская тяжелая артиллерия. Пленные, захватываемые конными разведчиками ежедневно во время их вылазок, подтверждали известия о возрастании сил противника. Ударная группа, которая уже выполнила часть своей героической задачи, отняв у противника Орел и сломив его наступление, должна была теперь окончательно разгромить офицерские дивизии, разбив их до прибытия вражеских подкреплений.

30 октября в деревушку Шарыкино приехали И. П. Уборевич и Г. К. Орджоникидзе. В деревне Шарыкино располагался штаб Латышской дивизии, туда были вызваны командиры пластунской бригады Павлов и командир бригады червонного казачества Примаков. Командир Латышской стрелковой дивизии Калнынь доложил, что дивизия наличными силами не в состоянии прорвать линию обороны Дроздовской и Корниловской дивизий, что положение является весьма напряженным, поскольку как к корниловцам, так и к дроздовцам подходят резервы и подкрепления. Он выразил сомнение в безопасности Орла и потребовал переброски резервов. Будучи командиром кавалерийской бригады и отвечая за разведку, я подтвердил, что сведения о прибытии к противнику

резервов верны, но отметил также, что наши конники уже получили небольшое пополнение, так что боеспособность бригады восстановлена.

В небольшой закопченной крестьянской горнице, которую слабо освещали добытые у попа восковые свечи, было темно и мрачно. Колеблющийся свет свечей едва освещал карту, над которой склонился Уборевич. В соседней комнате шумели телефонисты и трещал полевой телефон. Уборевич коротко ответил Калныню:

— У главного командования резервов нет. Мы должны довершить разгром офицерского корпуса и сломить его сопротивление наличными силами. Орловское сражение является сейчас центром всего Южного фронта. Достигнутая здесь победа уже вызвала подъем боевого духа на фронте, неудача же и отступление дезорганизуют войска. Мы должны одолеть врага теми силами, которые у нас есть.

Орджоникидзе, остановившийся и молча слушавший Уборевича, сказал, подчеркивая каждое слово:

— Мы, товарищи, должны победить наличными силами.

Начальник штаба червонных казаков, старый большевик Туровский, задал вопрос:

— Итак — рейд?

Я ответил:

— Рейд.

И заявил Уборевичу:

— Может быть, рейд в тыл офицерского корпуса даст возможность Латышской дивизии взломать фронт.

Разговоры о рейде шли в штабе бригады червонного казачества уже несколько дней. Рейд — прорыв масс конницы в тыл врага, разгром его тылов, нарушение связи, уничтожение вражеского руководства, полная дезорганизация его тыла — очень опасная операция для кавалерии, прорывающейся в глубокий тыл противника, но эта операция позволяла надеяться на успех, ибо дезорганизованные офицерские полки после уничтожения их руководства могли бы быть сломлены Латышской дивизией прежде, чем они получат подкрепления.

— А не погибнут ли конники в тылу у белых?

— Справимся!

После недолгого обсуждения предложение о рейде было принято. Уборевич и Орджоникидзе тут же продиктовали директиву армии о подготовке прорыва для кавалерийского рейда и о переходе армии в наступление. Конные вестовые доставили директиву в штабы частей.

Совещание окончилось. Темной ночью командиры отправились в свои части. Примораживало. Копыта коней стучали по замерзшей земле, медленно падал первый осенний снег — приближалась зима.

* * *

2 ноября Латышская дивизия перегруппировалась, и в ночь на 3 ноября две бригады Латышской дивизии под командованием командира бригады К. А. Стуцки сгруппировались в районе Чернь—Чернодье. В деревнях Рыжково и Похвастово у жителей были собраны все простыни, и в полночь под 4 ноября колонны латышей по свежему снегу

двинулись к Черни и Чернодью. Завернувшиеся в простыни стрелки совершенно сливались с окружающим снегом. За ними направилась колонна в составе четырех конных полков¹, занявшая исходные позиции в овраге к югу от деревни Рыжково.

Конники сняли у плененных в предыдущих боях офицеров погоны и нашили их себе. Эскадронные значки и боевые знамена были свернуты в чехлы. Решено было во время рейда по тылам врага выдавать себя за дивизию генерала Шкуро, поспешно отступающую с фронта, — чтобы среди населения распространялись слухи о разгроме всего фронта белых, чтобы партизаны в тылу врага взяли за оружие, а противник упал духом, так как, мол, сам Шкуро уже разбит и бежит со своей конницей на Кубань.

Сторожевые посты противника у Черни — Чернодья были сняты без выстрела, и тогда в этих селах разгорелся ожесточенный бой. Обе бригады лавиной бросились на спящих дроздовцев, и за неполных полчаса прорыв был осуществлен. Конники ринулись в образовавшуюся брешь и серым зимним утром оказались у опушки леса близ деревни Лаврово, по пути взяли в плен артиллерийский обоз Дроздовской дивизии и продолжали мчаться весь день и всю ночь, громя тылы врага, нарушая коммуникации, уничтожая артиллерийские обозы. После четырехчасового отдыха в селе Теплый Колодец, в 70 км за линией фронта, Кубанский полк был выделен для занятия города Фатежа, в то время как три полка атаковали станцию Понеры, захватив при этом несколько эшелонов со снабжением. Станция Понеры была взорвана.

Высланный на станцию Возы эскадрон Латышского кавалерийского полка захватил и сжег эшелон со снабжением и взорвал станцию. Кубанский кавалерийский полк овладел Фатежем, где захватил два танка и два 152-миллиметровых орудия, которые противник вез в Кромь, чтобы передать в распоряжение командира Корниловской дивизии. В Фатеже была захвачена тюрьма и из 400 освобожденных политзаключенных был сформирован батальон, вместе с возчиками присоединившийся к кавалеристам. Разгромив вражеские тылы, конники снова собрались в деревне Ольховатке и весь день 6 ноября спали и отдыхали после 37-часового похода, в течение которого было пройдено с боем 135 км.

В то же самое время, сразу же после того как конники прорвались через линию обороны неприятеля, Дроздовская дивизия перешла в контрнаступление и вытеснила латышей из Черни и Чернодья. Весь день 4 ноября Латышская дивизия отбивала атаки дроздовцев и корниловцев и только 5 ноября вместе с Эстонской дивизией и пластунской бригадой Павлова перешла в наступление.

Противник, дезорганизованный рейдом конницы и лишившийся связи между своими частями, отступил. В ночь на 7 ноября, когда конники уже двинулись в обратный путь, навстречу им полились колонны Корниловской дивизии. У деревни Тагино передовые посты конников встретились

¹ Среди них был также латышский конный полк. — *Примечание редакции сборника «Latvju revolucionārais strēlnieks».*

с авангардом Латышской дивизии, и у села Сабуровки отходящая Корниловская дивизия была зажата в тиски между латышскими стрелками и кавалерийской дивизией. В результате боя и конной атаки Корниловская дивизия оставила на большом Сабуровском поле четыре 76-миллиметровых орудия и три 122-миллиметровые гаубицы, три батальонных значка и кассу 1-го Корниловского офицерского полка. Пять батальонов корниловцев были сжаты этими огромными тисками, охватившими Сабуровское поле с севера и юга. Латышские полки на этом поле встретились со своими конниками, завершившими рейд, и на обширном заснеженном поле над разгромленными батальонами корниловцев было подтверждено боевое братство, скрепленное общей кровью и общей победой.

Корниловская дивизия на продолжительное время была лишена способности организованно сопротивляться. 8 и 9 ноября офицерский корпус продолжал отступать и остановился только у Фатежа. 10 ноября к Фатежу подошли преследовавшие противника части ударной группы. Ударная группа продвигалась медленно, так как наступившая оттепель и гололедица задерживали артиллерию и обозы с патронами. Но уже 14 ноября фронт противника был снова прорван на участке села Солдатское, и под прикрытием сильной метели бригада червонных казаков почти без боя вырвалась в район станции Льгов. 16 ноября на рассвете станцию Льгов заняли спешившиеся Латышский и 3-й Кубанский кавалерийские полки. Станция была взорвана. Поезд командующего армией Май-Маевского едва выскочил из-под внезапного удара и провожаемый шрапнелью удрал в Харьков. Дроздовская дивизия была отрезана от своей армии, зажата между наступающей 7-й дивизией и кавалерией; 17 ноября отступающие части дроздовцев были разбиты под Львовом. На поле боя враг бросил 27 орудий, потеряв 2400 человек пленными¹.

Противник не знал о падении Льгова и полагал, что связь со Львовом прервана только из-за метели. Благодаря этому четыре бронепоезда, которые были отправлены противником из Курска в Льгов и замечены нашими конными патрулями, были пропущены вплоть до станции Льгов, а затем путь позади них был взорван. Они оказались в ловушке и 18 ноября были вынуждены сдаться без боя. Таким образом, в середине ноября основные офицерские дивизии — Корниловская и Дроздовская — утратили боеспособность, потеряли половину своей артиллерии и свои бронепоезда. Удар конницы вынудил корниловцев отступить с фатежских позиций, и остатки Корниловской и Дроздовской дивизий смогли снова занять оборонительные рубежи только под Харьковом.

Так закончилось Орловское сражение. Поддерживаемая английским и французским генеральными штабами армия Деникина оставила в Фатеже свои танки и тяжелую артиллерию и под натиском ударной группы, в центре которой находилась Латышская стрелковая дивизия, покатила на юг. Офицерские полки потерпели в Орловском сражении поражение. Вмешательство в наши дела путем поддержки нашей отечественной контрреволюции обошлось организаторам интервенции во многие сотни миллионов, но не принесло ее вождям и организаторам ничего, кроме бесчестия.

¹ Указанное число пленных неточно. — Сост.

Ю. Я. БАЛОДИС (ЮЛИАН),

бывш. командир взвода,
позднее — комиссар 2-го батальона
5-го латышского полка

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОРЛОВСКО-КРОМСКОМ ГЕНЕРАЛЬНОМ СРАЖЕНИИ

5-й полк Латышской дивизии, где я служил командиром взвода 2-й роты, в начале октября 1919 года был переброшен с Западного фронта на Южный. Полк расположился в деревне Смородино и ее окрестностях, примерно в 25—30 км южнее Карачева, где находились штаб и политотдел дивизии. Здесь мы некоторое время стояли и готовились к предстоящим боям. Особенно тщательно мы повторяли и отработывали приемы борьбы пехоты с атакующей кавалерией, так как ходили мрачные слухи о рейде мамонтовской конницы по нашим глубоким тылам. Ежедневно мы ждали приказа о выступлении навстречу стремительно наступающему противнику — Добровольческой армии генерала Деникина, которая 8 октября заняла Дмитровск, 10 октября — Кромь, а 13 октября — Орел.

11 октября после полудня Латышская дивизия, наконец, двинулась из района сосредоточения на врага. В тот день шел проливной осенний дождь — настоящий ливень. Дороги превратились в сплошное месиво грязи. Промокшие насквозь стрелки с трудом продвигались вперед, орудия и повозки приходилось иногда извлекать из грязи просто на руках. Поэтому к выделенному нам боевому участку мы добрались с большим трудом только в полночь и заняли его, расположившись за какой-то деревней на линии Турищево—Молодовое. На следующий день, 12 октября, дождь еще шел, но когда к вечеру мы начали переход в юго-восточном направлении в сторону Кром, — моросить перестало.

Ночью мы захватили первого пленного — деникинского конного разведчика, который начал плести всякие ужасы об удивительной боеспособности и военной технике Добровольческой армии генерала Деникина: о пулеметах, пушках, броневиках, бронепоездах, которых так много, что не перечесть, и даже о танках, которые он сам видел.

Боевые позиции мы заняли юго-восточнее какой-то деревни. Перед нами находился исток реки Кромь, а за Кромой — деревня Рыжково, в которой уже были деникинцы. К ночи погода прояснилась.

На заре 13 октября бригада червонных казаков, также входившая в состав ударной группы, начала бой с деникинцами и благодаря умелому стремительному удару выбила их из деревни Рыжково. 1-й батальон нашего 5-го латышского полка вслед за червонными казаками вошел в Рыжково. Не давая противнику передышки, стрелки и червонные казаки

начали преследование выбитых из Рыжково деникинцев, отогнав их более чем на 10 км на юг. С наступлением ночи наша 2-я рота взяла одну из деревень и на южной ее окраине заняла оборону. Справа от нас, в другой деревне, стояла 1-я рота 1-го батальона 5-го полка.

Ранним утром 14 октября противник атаковал нашу роту. Стрелки встретили атаку врага на южной опушке леса, находившегося за деревней. Развернутые боевые цепи деникинцев приближались довольно беззаботно, так как нас надежно укрывал от них лес и кустарник, росший на опушке.

Приблизившись на расстояние 40—50 шагов к опушке, деникинцы вдруг остановились. Командир 2-й роты А. Парупиетис крикнул деникинцам, чтобы они сдавались. Один из деникинцев, по-видимому, тоже командир, в свою очередь, призывал нас бросить оружие и сдаться. Эти переговоры продолжались лишь мгновение... В ту же минуту прозвучал наш первый выстрел и одним рывком с громким «ура!» наша 2-я рота выскочила из леса и бросилась на деникинцев. Вперемежку с криками «ура» звучали беспорядочные выстрелы, скрежет штыков, проклятия и стоны умирающих... В одно мгновение цепь деникинцев рассыпалась. Оставшиеся в живых в паническом страхе бежали. Стрелки следовали за ними, преследуя меткими выстрелами.

Вскоре наш 1-й батальон вышел на тракт Кромы—Дмитровск где-то за Новогнездиловской. Здесь он был сменен одной частью 1-й латышской бригады. У деревень Мелихово—Должонки 2-й батальон 5-го латышского полка и червонные казаки вели упорные бои. 6-й латышский полк сражался непосредственно под Кромами. Главное направление движения нашей ударной группы изменилось. Вместо направления на Фатеж—Поныри группа двинулась на юго-восток — на Куракино—Малоархангельск.

Всю ночь с 14 на 15 октября наш полк был в походе и стремительным маршем двигался через деревни Мелихово—Должонки, мимо Белдяжи к Малоархангельску, южнее Кром. Вечером 15 октября, как видно из приказа по XIV армии, противник группировался в районе Дмитровска, а из района Орла вел энергичное наступление на северо-запад, север и северо-восток, а части XIII армии отошли от Орла на 20 км. В это время Эстонская дивизия должна была подготовиться к наступлению на Орел. Правее нее должны были действовать части 7-й дивизии, но они еще не были готовы к наступлению. Таким образом, оба фланга ударной группы, вырвавшейся вперед южнее Орла, оказались совершенно открытыми и при дальнейшем ее продвижении создавалась непосредственная угроза тылу. Поэтому направление наступления ударной группы было еще раз изменено — на юго-восток на Еропкино. Этими маневрами ударная группа устранила непосредственную угрозу своим флангам и тылу и в свою очередь поставила орловскую группировку врага в тяжелое положение.

Таким образом, ударной группе с 16 октября приходилось сражаться по сути на два фронта: на северо-востоке — против Корниловской дивизии Деникина, находившейся в Орле, и на юго-западе — против дивизии Дроздова, находившейся в Дмитровске, причем главной задачей была

немедленная ликвидация группировки неприятеля в Орле, которая угрожала не только всему левому крылу ударной группы, но и всему ее тылу.

Наступило утро 16 октября 1919 года. Оно было по-осеннему хмурым — густые хлопья тумана окутывали всю окрестность. 5-й латышский полк спешно двинулся в заданном направлении на северо-восток, к Орлу. После поспешного и длительного перехода 2-й батальон 5-го полка, куда я был назначен комиссаром, добрался до назначенной возвышенности. Туман рассеялся, и показалось солнце. С возвышенности нам было видно, что мы находимся недалеко от правого берега Оки. Перед нами простиралась долина с большой деревней на ней, за которой на противоположном, левом берегу Оки извивался по возвышенности Орловско-Кромский тракт с разрушенным мостом через реку. Внизу, в долине, в небольшой деревне расположился наш 1-й батальон, вступивший уже в бой с авангардными частями атаковавших нас со стороны Орла деникинцев. Неприятель успел установить свою легкую батарею и пулеметы на боевые позиции и начал расстреливать в упор боевые маршевые колонны 2-го батальона. Поэтому наш батальон сразу же рассыпался в боевую цепь и бегом спустился вниз к деревне, чтобы занять назначенный ему участок правее 1-го батальона. Налево от нас — на противоположном берегу Оки позиции занял 9-й латышский полк. Начался бой, который, не утихая ни на минуту, продолжался весь день до глубокой ночи и фактически решил судьбу Орла.

До сих пор нам не доводилось видеть работу нашей артиллерии, так как утром 13 октября в деревне Рыжково неприятеля громил артиллерия червонных казаков. Теперь мы сами, собственными глазами видели ее прекрасную работу и ощущали ее огромную поддержку. Нашему полку была придана легкая артиллерийская батарея, которой командовал Цветков. Первыми же меткими выстрелами она разгромила легкую батарею деникинского авангарда. Усердно затарахтели наши пулеметы и винтовки. Но противник сомкнутыми боевыми колоннами продолжал идти по тракту со стороны Орла. Приблизившись к нашим позициям, противник неоднократно делал попытку развернуться, чтобы атаковать нас. Однако это ему не удавалось, так как наша артиллерия ураганным огнем заставляла противника отходить. Весь день Орловско-Кромский тракт был покрыт густыми клубами дыма от разрывов снарядов. Стоял адский грохот. Несмотря на огромные потери, боевые колонны противника со стороны Орла снова и снова делали попытки прорваться. Казалось, им не будет конца... Те деникинские колонны, которые подошли ближе и развернулись для боя, крошила легкая артиллерия, а также сильный ружейно-пулеметный огонь, а в глубине на самом тракте их громила наша тяжелая и дальнобойная артиллерия. Потери нашего полка были невелики: в начале боя тяжело ранило командира 1-й роты Канберга и легко, в руку, — его помощника. Погиб только один стрелок 2-го батальона.

Бой стих только с наступлением полной темноты. Ночью посланные нами разведчики констатировали, что противник покинул поле боя и нигде вблизи не обнаруживается.

Пожар в Кромах во время боев за город. Октябрь 1919 г.

В этот день и 17 октября столь же ожесточенное сражение произошло и в нашем «тылу», на юго-западе, за Кромами, где против дмитровской группировки деникинцев — Дроздовской дивизии — сражались конные части червонных казаков В. М. Примакова, 1-я латышская стрелковая бригада и пластунская бригада П. А. Павлова. Последняя, не выдержав контратаки противника, начала отступать в Кромы, одновременно туда же были направлены из резервов два полка 3-й латышской бригады. На Орловском направлении действовали в основном 5-й и 9-й латышские полки; 4-й и 6-й латышские полки находились правее, прикрывая их фланг.

К сожалению, в памяти у меня не сохранилось название деревушки, у которой происходило сражение. Глядя на карту Орловской области, составленную в 1956 году и исправленную в 1957 году (масштаб 1 : 500 000), я подумал, что это могло быть только вблизи деревень Шахово или Хомуты. Еще сегодня я отлично помню находившийся справа от нас разрушенный мост через реку на Орловско-Кромском тракте, у которого слева от нас за Окой сражался в тот день 9-й латышский полк.

На другой день, 17 октября после полудня, наш 2-й батальон направился в авангарде полка боевым маршем вдоль правого берега Оки к Орлу. Под вечер у какого-то пригорка мы заметили цепь деникинцев, которая еще издали начала нас обстреливать из винтовок. Батальон

немедленно развернулся в боевой порядок и пошел в атаку. Нам была придана легкая батарея под командованием Цветкова, которая быстро расположилась на позициях и открыла огонь. После нескольких залпов батареи деникинская цепь бросилась в бегство.

Больше никаких столкновений с врагом на этом участке у нас не было, за исключением одного. Это случилось, кажется, в деревне Гать. Там ночью стрелки взяли в плен нескольких сбившихся с дороги деникинских обозников со всеми их возами, лошадьми и имуществом, а также нескольких конных вестовых с лошадьми и амуницией.

В деревне Гать наш 2-й батальон получил приказ идти не прямо на Орел, а направо, с тем чтобы пересечь железную дорогу Орел — Курск между деревнями Малая и Большая Куликовки и станцией Стишь. В направлении Орла двинулся 1-й батальон 5-го полка. 5-й латышский полк состоял из двух батальонов, так что 1-й и 2-й батальоны резерва не имели, если не считать конных и пеших разведчиков, а также комендантской команды и связистов.

2-й батальон вышел на железнодорожную линию Орел — Курск между станцией Стишь и деревнями Малая и Большая Куликовки около полудня 20 октября. Прежде всего стрелки увидели поток людей с чемоданами и узлами, двигавшийся по обоим сторонам насыпи железной дороги от Орла на юг. «Это беженцы», — подумали мы, потому что впервые на путях гражданской войны встретились с таким невиданным паническим бегством местных жителей. Мы сейчас же остановили их и повернули обратно на Орел. Эти беженцы нам объяснили, что бегут они только потому, что очень напуганы «зверскими расправами», которые якобы чинят повсюду латышские и китайские полки Красной Армии. Везде деникинцы громко кричали, что для китайцев и латышей нет ничего святого — русские люди для них — ничто! Беженцы были очень удивлены, услышав, что мы изыскаемся с ними бегло по-русски; однако самое большое удивление вызвала в них культура наших стрелков, их бравая военная выправка и мужественный облик. Как стало известно, деникинцы 20 октября спешно покинули Орел и отошли на юг, опасаясь окружения, поэтому-то 5-й латышский полк не встречал сопротивления.

Перед 2-м батальоном 5-го полка на следующий день, 21 октября, была поставлена следующая боевая задача: ранним утром атаковать станцию Стишь, занять ее и продолжать наступление на деревню Становой Колодезь, чтобы совместно с наступающими с запада 4-м и 6-м полками 2-й латышской бригады разгромить сгруппированные в районе Стишь — Становой Колодезь главные силы деникинцев. Необходимо было заранее прощупать противника. На станцию Стишь была выслана разведка, а командир 2-го батальона Ансис Шенынь вместе с комиссаром Балодисом подробно исследовали все подходы к этой станции.

От деревень Малая и Большая Куликовки в сторону железной дороги вился лесной овражек. Этот овражек вел к насыпи железной дороги, где пропадал в небольшом виадуке-мостике. Неподалеку от этого виадука-мостика находилась станция Стишь. Станция оказалась совсем пустой, людей вокруг не было видно. На стенах вокзала висело несколько плакатов с портретами генерала Деникина, изданных «агит-

пропом» Добровольческой армии, на них было написано: «Слава храброму генералу Деникину!» Разведчики нашли также несколько засаленных прокламаций Деникина с обращением к «Многострадальному великому православному русскому народу» с призывом громить Советскую власть и убивать без пощады коммунистов. Захватив в целях информации несколько плакатов и пару прокламаций, я отправился вместе с разведчиками в обратный путь. Когда я вернулся в штаб батальона, уже опускались сумерки. Наступил вечер.

Результаты разведки вызвали среди наших живой интерес. В штабе обсуждали дальнейшие действия. Что делать? Идти сейчас и взять станцию Стишь, или отложить это на завтрашний день? Пока шло обсуждение и велись переговоры по проводу с штабом полка, наши передовые посты ввели трех гражданских перебежчиков: одну женщину и двух мужчин, которые сами просили отправить их побыстрее в штаб ближайшей красноармейской части. Они заявили, что пришли с очень важными сведениями и являются связными из Екатеринослава. Они предупредили нас о том, чтобы мы были готовы к немедленному нападению деникинцев, так как к ним на станцию Становой Колодезь подошло значительное подкрепление: два первоклассных бронепоезда, броневики и эшелон свежих частей, сформированный исключительно из офицеров.

Снова встал вопрос: как быть со станцией Стишь? Решили еще раз выслать туда наших разведчиков. Разведчики вернулись уже в темноте и сообщили, что передовые части деникинцев охраняют все подходы с севера. Утром нас ожидала суровая и упорная борьба. Деникинцы любой ценой, во что бы то ни стало, будут пытаться реваншироваться и вернуть себе Орел. Комиссар батальона Балодис предложил разобрать в каком-нибудь месте железнодорожный путь или минировать его, чтобы не пропустить деникинские бронепоезда. Но командир батальона Ансис Шенынь предложил иное: «Пропустим смело бронепоезд мимо нас и затем взорвем железную дорогу. Тогда бронепоезд обязательно окажется в наших руках». На этом и остановились, так как эту идею командира батальона поддержал штаб 5-го латышского полка.

Рано на заре 21 октября 2-й батальон 5-го полка пошел в атаку на станцию Стишь, которую 4-я рота заняла стремительным ударом. Тогда со стороны станции Становой Колодезь из-за поворота дороги, ведя сильный оружейно-пулеметный огонь, вынырнул бронепоезд деникинцев. За ним появился второй. Большая часть нашей 4-й роты вместе с приданным ей взводом пулеметной команды была отрезана от остальных рот 2-го батальона, которые отошли на старые позиции.

Первый деникинский бронепоезд направился к Орлу, но ему преградил путь локомотив с товарными вагонами. Бронепоезд остановился на пригорке неподалеку от Орла (приблизительно там, где на современной карте обозначена станция Светлая Жизнь), чтобы начать обстрел города. И тут обстановка вдруг изменилась. Начала действовать наша артиллерия. Залп следовал за залпом. Снаряды попадали в цель или же падали совсем близко от нее. Дым и пламя разрывов — все смешалось. Весь пригорок, на котором находился бронепоезд, дрожал, как во время сильнейшего землетрясения.

Разрушительный ураганный огонь нашей артиллерии не оставлял сомнений в том, что деникинский бронепоезд окончательно разбит. И действительно: он больше не дымил и дальше не двигался. Однако, как только огонь нашей артиллерии стих, бронепоезд понемножку вдруг ожил, стал дымить и медленно пополз обратно и пропал в направлении станции Стишь.

2-й батальон 5-го полка окопался на самой южной окраине Орла. 1-й батальон, который сражался правее нас, все еще оставался на своем прежнем боевом участке. Потерь у нас не было никаких, если не считать отрезанную часть 4-й роты, которую мы уже считали пропавшей. Но и эта часть 4-й роты явилась к нам под утро. «Пропавшая» часть 4-й роты вместе с командой пулеметчиков под руководством командира взвода Августа Рудзита 21 октября упорно сражалась с деникинцами у станции Стишь вместе с 4-м полком, который совместно с 6-м полком в тот день атаковал с запада группировку главных сил деникинцев у Станового Колодезя. Наступление 6-го и 4-го полков на эту деревню, не позволило деникинцам организовать концентрированный удар главными силами по Орлу 21 октября. Таков был ход боевых действий 5-го латышского полка, и в особенности его 2-го батальона, 21 октября у Орла.

22 октября деникинцы вновь атаковали Орел. На этот раз вместе с бронепоездами шли также их бронемашины и офицерские колонны.

И в этот день попытки деникинцев взять реванш и отбить вновь Орел окончились для них полным поражением: они были разбиты и окончательно изгнаны со станции Стишь. Инициатива с этого времени полностью перешла в руки Красной Армии, которая, преодолевая упорное сопротивление Добровольческой армии генерала Деникина, продолжала гнать ее все дальше и дальше на юг.

В это время на другом участке ударной группы, в районе Кром, с 16 до 22 октября происходили еще более напряженные бои с деникинской дивизией Дроздова. Бои шли с переменным успехом. Мы узнали, что Кром часто переходили из рук в руки. Поэтому частям Латышской дивизии предстояло теперь направиться в сторону Кром на помощь сражавшимся там стрелкам. У Орла оставались Эстонская дивизия и остальные части XIII армии, расположившиеся боевым порядком. 5-й латышский полк после 22 октября больше не принимал участия в боях под Орлом, а спешно готовился к форсированному переходу к Кромам.

Г. А. МАТСОН,

бышл. начальник штаба 2-й
латышской стрелковой бригады

СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПУТИ ЛАТЫШСКИХ СРЕЛКОВ

После падения красной Риги и вынужденного отступления на восток, в Латгалию, в мае 1919 года Латышская стрелковая дивизия была включена в состав XV армии и заняла на Западном фронте участок Остров — Резекне — Даугавпилс. Находясь в составе XV армии и активно сражаясь на фронте с белогвардейцами, дивизия участвовала также в боях вне своего района: в освобождении Пскова и в обороне Даугавпилса. В боях у Даугавпилса особенно отличился 2-й латышский стрелковый полк, который, встретив штыковым ударом белых на мосту через Даугаву, отбросил врага. Стрелки 4-го латышского полка помогали 17-й дивизии в обороне Полоцка, а полки 3-й бригады были брошены против белополяков, угрожавших Орше.

В первые дни июня штаб дивизии прибыл в Резекне и расположился в помещениях здания духовной семинарии в северо-западной части города. Партийная организация, политический и командный состав дивизии всеми средствами старались укрепить морально-политический и боевой дух стрелков. В Резекне в дивизию влились такие отряды негнбаемых бойцов, как Рижский коммунистический батальон Симана Бергиса (он стал основой 5-го латышского стрелкового полка), первая группа коммунистов-добровольцев из Прейли, пополнившая батальон связи дивизии, и др. В результате пополнения людьми и решительной реорганизации полки дивизии заметно окрепли.

Автору этих строк довелось участвовать в смотре маршевых подразделений, который был проведен по указанию начдива А. А. Мартусевича. В памяти сохранились суровые и смелые лица красноармейцев; сомкнутыми рядами твердо шагали они по Петроградскому шоссе, вооруженные винтовками и одетые в самое разнообразное гражданское платье. Грозный вид красноармейцев укреплял нашу уверенность в конечной победе, заставлял забывать о горечи временных неудач.

Примерно в июле—августе 1919 года стало известно, что дивизия, вероятно, будет направлена на Южный фронт. Штаб дивизии, находясь еще в Резекне, предусмотрительно обзавелся необходимыми военно-топографическими картами, которые весьмагодились нам в пути до самой Таврии. Впоследствии эти карты были использованы не только в Латышской дивизии — на Южном фронте эти карты просили также и штабы соседних дивизий, так как карты нужного района в то время достать было трудно.

В первой половине сентября Латышскую дивизию перебросили по железной дороге в Белоруссию, в район действий XVI армии, для участия в контрударе против белополяков, которые наступали в районе Борисова — Бобруйска. По прибытии в район Орши—Могилева стрелки совершили около пяти переходов по очень плохим дорогам (мосты были сожжены)

А. А. Мартусевич.

в направлении Бобруйска, пока не достигли указанной для форсирования линии реки Березины. Снабжение было очень плохое, не хватало обмундирования. Эти недостатки сказывались уже в Латвии, хотя в то время часть стрелков получала из дома кое-что из одежды. Теперь, в боях и походах, шинели и гимнастерки сильно обносились, обувь почти развалилась.

8-й латышский полк вместе с другими войсковыми частями должен был занять позиции у реки Березины в болотах, где окопы были затоплены водой. И все же солдаты были бодры, как всегда, и их бодрый дух явился залогом успешного выполнения боевых задач. Штаб дивизии в то время находился в Шклове, его оперативная часть следовала с полками. Инженер дивизии З. Корин с саперами наводили и строили мост в районе Якшицы (на Бобруйском шоссе).

Существовавшая военная обстановка убеждала нас, что раньше или позже дивизии предстоит действовать на Южном фронте, и мы понимали, что наше пребывание в Белоруссии — временное, что, участвуя здесь в боях, латышские полки выполняют лишь промежуточное задание. И действительно, вскоре в штабе XVI армии мы получили указание о передислокации Латышской дивизии на Южный фронт с переходом в распоряжение главнокомандующего вооруженными силами.

Во второй половине сентября 1919 года полки нашей дивизии совершили несколько длительных переходов в Могилев, чтобы погрузиться в эшелоны и направиться в район Брянска. За срочной погрузкой дивизии в эшелоны и спешной отправкой ее на Южный фронт строго наблюдал по заданию В. И. Ленина член Реввоенсовета XVI армии Г. К. Орджоникидзе. Известно, что В. И. Ленин лично интересовался ходом перемещения Латышской дивизии. Отмечая на карте пути продвижения эшелонов, он от В. Д. Бонч-Бруевича получал информацию о сообщениях от Г. К. Орджоникидзе. Уже одно то, что перемещением частей Латышской дивизии занимался Г. К. Орджоникидзе, свидетельствовало, по нашему мнению, о важности предстоящих боевых операций.

Пункт, который первоначально был предусмотрен в качестве места

сосредоточения дивизии, — в районе к югу от Брянска — менялся. Дважды его переносили все дальше на север. В последний раз по настоянию начдива Мартусевича его перенесли в район Брянска. Это было результатом быстрых изменений фронтовой обстановки в связи с непрерывным отступлением частей Красной Армии. Наконец, 1 октября мы получили приказ занять исходные позиции южнее Карачева.

Прибыв в район Карачева, части Латышской дивизии поочередно и быстро в течение суток разгрузили 12 эшелонов, несмотря на то, что на станции не было специально приспособленного для этого оборудования.

Для того чтобы остановить наступавшего врага, перейти в контрнаступление и опрокинуть его, командование Южного фронта решило создать из прибывших частей ударную группу. В эту группу вошла Латышская дивизия, бригада червонных казаков под командованием В. М. Примакова и Особая (пластунская) бригада П. А. Павлова. Командование ударной группой Южного фронта было поручено начальнику Латышской дивизии А. А. Мартусевичу (военкомом дивизии был К. М. Дозитис). Ударная группа должна была добиться перелома на фронте.

Утром 11 октября 1919 года части ударной группы начали действовать. Нельзя не упомянуть тяжелые условия начала наступления: осенний дождь, слякоть, непроходимые дороги, резкий, пронизывающий ветер. Почти везде мосты находились в плохом состоянии, а местами их не было вообще. Пушки тонули в грязи и соскальзывали в придорожные канавы. Из-за плохих дорог и недостатка корма начался массовый падеж лошадей. Стрелки в изношенной обуви и одежде стыли на осеннем ветру. В результате всего этого продвижение ударной группы вперед неоднократно задерживалось. И все же, несмотря на все трудности, в первый день стрелки прошли 33 километра. В одной из корреспонденций было написано об этом так: «Стрелки рвались быстрее в бой. Зная о предстоящих кровавых сражениях, никто все же не унывал, преодолевая трудности с присущим всем юмором, они двигались вперед».

Нам случалось в те дни читать изданные белогвардейцами газеты: одни из них бесстыдно лгали о непобедимости армии Деникина, другие — вопили и врали о том, что Советская власть держится на латышских и китайских штыках.

Пока ударная группа участвовала в Орловско-Кромской операции, Г. К. Орджоникидзе, который в это время в качестве члена Реввоенсовета XIV армии находился уже на Южном фронте, часто выезжал в полки на передовую линию и участвовал вместе с командованием ударной группы в разработке планов боевых действий. Неоднократно заходил он и к работникам штаба Латышской дивизии и беседовал с ними.

Сохранилось в памяти, как Орджоникидзе, направляясь ежедневно в свою комнату, проходил через помещение, где вместе с одним из работников штаба жил автор этих строк. Несмотря на то, что воспоминания о внешности Г. К. Орджоникидзе затмили впечатления более позднего периода, я помню его то в кожаной куртке, то в шинели с так называемыми «разговорами», с кожаной фуражкой или буденновкой на голове. Если шапки на нем не было, бросалась в глаза его пышная шевелюра.

Группа стрелков и командиров 1-й латышской стрелковой бригады. Сентябрь 1919 г. Сидят слева направо: второй — комиссар бригады В. Озол, третий — командир бригады Ф. Калнынь, четвертый — начальник разведки бригады О. Лацис.

Орджоникидзе всегда был бодр, полон искрящегося оптимизма, разговорчив. Его принципом было — находиться впереди, вместе с воинскими подразделениями, сражавшимися против денкинцев.

В 1-ю латышскую стрелковую бригаду Орджоникидзе прибыл уже в первые дни боевых операций и во время яростного боя с одним из белогвардейских офицерских полков лично вдохновлял стрелков и их соседей — червонных казаков. Вернувшись с поля боя, он подробно и образно рассказывал об этом боевом эпизоде. В тот же самый вечер, 15 октября 1919 года, он написал сообщение В. И. Ленину о своем пребывании в ударной группе. Серго побывал также и в частях 2-й латышской бригады у Кром в дни, когда там происходили кровавые столкновения с белыми.

Моральный дух латышских стрелков и червонных казаков в то время был чрезвычайно высоким: стрелки не сдавались в плен, а раненые, потеряв надежду вернуться к своим, кончали с собой.

Решающие бои с денкинскими отборными отрядами у Кром продолжались. Преодолевая сопротивление врага, Латышская дивизия и бригада червонных казаков стремительно врывались в расположение противника. Иногда продвижение вперед осложнялось тем, что противник на флангах продолжал теснить наших соседей.

15 октября 6-й латышский полк под командованием Лабренциса (комиссар — Эльферт) маневром заставил корниловцев оставить город Кромы. Несмотря на то, что Латышская дивизия и червонные казаки неоднократно громили противника, положение на фронте было все еще очень напряженным. Враг атаковал нас непрерывно, пытаясь вновь занять Кромы. Завязались ожесточенные бои.

На шестой день непрерывных боев части ударной группы продвинулись по линии железной дороги Орел — Курск. Это вынудило белого генерала Кутепова прекратить наступление на север в направлении Тулы и перебросить свои лучшие силы против ударной группы Южного фронта.

18 октября попытки противника силами Корниловской и Дроздовской дивизий окружить и уничтожить ударную группу и взять в плен ее штаб окончились неудачей.

Приказом Мартусевича уничтожение юго-западной группировки белогвардейцев было поручено 1-й латышской стрелковой бригаде и бригаде червонных казаков, а ликвидация Орловской группировки противника — остальным войсковым частям ударной группы.

Латышская, Эстонская и другие дивизии Южного фронта совместными усилиями освободили Орел и выбили белых со станции Стишь. Правда, эту станцию после трех ожесточенных контратак на некоторое время опять захватили белые, которые двинули против 6-го полка почти всю Корниловскую дивизию.

После ожесточенных боев, часто переходивших в рукопашные схватки, наступление противника было остановлено. В последней декаде октября 1919 года войска Южного фронта Красной Армии под Орлом, где действовала ударная группа, и под Воронежем, где воевала славная конница Буденного, окончательно сломили сопротивление деникинцев. Ударная группа вновь двинулась вперед, фронт ее повернул на юг. Наступил решающий перелом в пользу Красной Армии.

20 октября 1919 года командование Латышской дивизией принял новый энергичный командир Фридрих Калнынь, который, как писал Ю. Данишевский, «продолжал славные дела, начатые его предшественником — Мартусевичем». Латышские полки вместе с другими частями Красной Армии продолжали продвигаться вперед, и 11 декабря 1919 года 1-я латышская бригада вместе с червонными казаками ворвалась в предместье Харькова, а на следующий день совместно с другими частями Южного фронта Красной Армии, при поддержке трудящихся города, окончательно освободила Харьков от деникинцев.

В январе 1920 года Латышская дивизия получила задание очистить тыл от банд Махно.

Нужно отметить, что именно в октябре 1919 года ярче, чем когда-либо, проявились замечательные качества латышских стрелков, воспитанные партией: непреклонность и самоотверженность при выполнении заданий партии, глубокое понимание революционного долга, боевая дружба и товарищеская взаимопомощь, пролетарский интернационализм. Эти отличные качества латышских революционных стрелков помогали им идти под руководством Коммунистической партии путем побед в тяжелые годы гражданской войны.

Е. А. ПОЛЯКОВ

ЛАТЫШИ ИДУТ В НАСТУПЛЕНИЕ

Это произошло в октябрьские дни сурового 1919 года. Мы, жители села Бородино Дмитровского района Орловской губернии, со страхом прислушивались к орудийному грохоту и к непрерывному гулу, сливавшемуся с ружейно-пулеметной пальбой, которые быстро надвигались на нас с юга. В течение нескольких дней мы наблюдали отступление Красной Армии: двигались обозы, шли бойцы и гражданское население, эвакуировались учреждения и семьи коммунистов. Из уст в уста тревожно передавали: «Деникин идет».

И вот бой уже идет непосредственно у нашего села. Мы видели, как, отступая, галопом пронеслись походные кухни, орудия и подводы, а затем показалась цепь красноармейцев. Беспрерывно отстреливаясь, они поспешно отступали через наше село на север. Все жители села, мои соседи, бросились в погреба и там спрятались. Я тоже вместе с матерью и сестренкой, стуча зубами от страха, притаился в погребе. Мне было тогда 13 лет. Все же любопытство скоро выгнало меня наружу, и я, пересилив страх, выглянул на улицу. Первое, что я увидел совсем близко, это наших красноармейцев. Они отступали... Поразило меня не то, что они отступали, а то, что они были одеты как попало, кое-как. Среди них были две женщины и мальчик лет 10—11, в огромных ботинках и таких же брюках и фуфайке, с винтовкой японского образца. Было видно, что все они страшно измучены и утомлены. Штыков на винтовках почти ни у кого не было. Я видел, как эта цепочка перешла ручей, поднялась на пригорок и оттуда открыла огонь в направлении нашего села. Недоумевая, куда они стреляют, я посмотрел влево по улице и увидел, как из переулка хлынула и разлилась волна наступающих деникинцев. Все в новых шинелях, сапогах и шапках, с блестящими погонами. Все как один, выставив вперед штыки, деникинцы, громко сопя, промчались за село. Я тогда не знал, что это были офицерские «корниловские» батальоны. Они рвались к Москве. Их хороший внешний вид и великолепное новое вооружение опечалили меня. Я подумал: где уж нашим бедняжкам устоять против таких вояк.

На следующее утро я видел, как деникинцы шли в атаку — не пригибаясь, стреляя на ходу, а вокруг них рвались снаряды. Постепенно бой отходил на север и на третий день больше не был слышен. Поп и местные кулаки радовались, бедняки горевали и почти уже все думали: значит, конец Советской власти. Но вот на третий или четвертый день после прихода к нам деникинцев, бродя по селу, я увидел, что на горе пока-

залась вереница повозок и много людей. Часовой, стоявший у церкви, бросился к первой повозке, спросил о чем-то и, получив ответ, вдруг как-то осел и посерел. Поп Яхневич, вышедший навстречу повозкам, поговорив с прибывшими, вытянул по-петушиному шею и вихрем исчез в своем доме. А подводы и люди все приближались. Я видел, что это деникинцы с погонами. На многих повозках лежали раненные, слышались стоны. А здоровые солдаты и офицеры угрюмо молчали. Многие уже разжигали костры, готовили пищу. Чувствуя что-то новое, неблагоприятное для белых, я вертелся между солдатами и подводами, прислушиваясь к их разговорам. И вот тогда я впервые услышал слово «латыши». И не только услышал, но и увидел живого латыша.

В одном месте толпа солдат и офицеров окружила какого-то человека. Протолкавшись вперед, я увидел высокого мужчину лет 35 в длинной шинели (такие носили тогда командиры Красной Армии), на которой блестел значок с серпом и молотом. Его мужественное лицо было спокойно и даже слегка насмешливо. Я сразу понял, что это командир Красной Армии. И вот, слышу, офицер спрашивает его: «Ты коммунист?» — «Нет, — отвечает пленник, — я беспартийный.» — «А почему ты плохо говоришь по-русски?» — спросил офицер. «Я латыш», — последовал ответ. Окружающие сразу оживились: латыш, вот живой латыш и еще улыбается. Раздавались разные возгласы: «Ну, этому скоро конец... наши их в плен не берут, не велено... — Да они же, черти, и не сдаются. — Да, это верно, но вот этот и еще пятеро нечаянно на нас напались и попались».

В другом месте кучка солдат у костра тоже вела разговор: «Эх, и положили же нынче нашего брата латыши... многих... — Тише, ты, черт, болван...»

Я видел, как пленного увели в поповский дом, где был штаб, и толпа рассеялась. У всех костров и подвод слышалось только одно: «Латыши идут, латыши наступают, и никто не может устоять против них, — ни дроздовцы, ни корниловцы». Во всех этих разговорах белогвардейцев было столько ненависти к латышам, что я мальчишеским чутьем почувствовал: значит, латыши за Советскую власть, значит, это они неодолимая сила революции и стоят за Ленина... Ну, теперь держитесь, белые... А в поповском доме, в штабе белых, офицеры чинили зверскую расправу с командиром, которого я видел, и с пятью его товарищами, тоже латышами. Их допрашивали всю ночь и били плетью, свитыми из телефонных проводов. Некоторым связали проводами руки. До полусмерти избитых их разделили почти донага и на заре повели на болото расстреливать.

Я проснулся, внезапно услышав частую пальбу, и увидел, что белогвардейцы бегут куда-то из всех хат. Крик, грохот, хаос... Не помню, как я очутился в погребе, где уже находилась вся наша семья. Понемногу стрельба утихла, белые опять возвращались домой, и я услышал слова: убежал, собака, ушел, черт...

Немного позже один солдат рассказал, что шестерых латышей вели к болоту на расстрел, но один из них убежал... Страшным ударом он сбил с ног одного конвоира и бросился бежать. Палачи открыли отчаянный огонь по беглецу, но темнота спасла храбреца. В одной рубашке,

без кальсон, он при первых же выстрелах сорвал рубашку и бросил на землю, сам же слился с темнотой. Белые, видя, как что-то белое упало на землю, подумали, что это беглец, и прекратили стрельбу.

Утром жители нашего села увидели в болоте пять полунагих трупов. Это были расстрелянные латыши. Четыре лежали рядом, лицом вниз с раздробленными черепами. Пятый лежал отдельно, на боку, кроме огнестрельных, у него были еще две штыковые раны. Я внимательно осмотрел расстрелянных и с радостью убедился, что убежал мой вчерашний знакомый латыш-командир, которого я случайно видел.

Три дня шли упорные бои за наше село. Оно переходило из рук в руки. На четвертый день белые отступили, и в наше село Бородино вошли красноармейцы. Подростки выгнали на пастбища коров и овец, которые во время боев находились в хлевах. Одно из стад паслось в трех километрах от села в лесу, где находились сараи с сеном. И вдруг ребята увидели, что из одного сарая вышел совершенно голый человек огромного роста. С большим трудом удалось ему успокоить перепуганных ребят и разузнать, кто находится в селе — белые или красные. Это был человек, который обманул смерть, латыш, спасшийся от расстрела. Дети дали ему кое-что из одежды, чтобы прикрыть наготу, и к великой радости наших бойцов и односельчан привели его в штаб красных, расположившийся в селе.

Кто знает, может, и теперь еще жив этот товарищ-герой, с презрительной улыбкой смотревший в глаза ненавистных врагов, обманувший смерть и как будто заново возрожденный для жизни. Я был бы невыразимо счастлив его встретить, увидеть его еще раз через столько лет. А тех пятерых расстрелянных наши бойцы похоронили с честью в братской могиле на кладбище села Бородино. Я видел и слышал, как у открытой могилы бойцы и командиры, обнажив головы, клялись отомстить ненавистному врагу за их мученическую смерть.

Так случайно я стал свидетелем этой трагедии, оваянной геройством и оптимизмом.

Как сегодня помню еще полные недоумения и страха большие глаза белогвардейского солдата и его сдавленный шопот: «Латыши идут...»

Я. П. КАЛНЫНЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О БОЯХ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Осенью 1919 года, когда армия Деникина, заняв Орел, двинулась на Москву, нас перебросили на Орловский фронт. Латышскую стрелковую дивизию включили в ударную группу, которой было поручено задержать противника и перейти в контрнаступление. Спустя несколько дней после взятия Деникиным Орла мы вступили в бой. Бой был ожесточенным и часто переходил в рукопашную схватку. Отдельные пункты, как например город Кромы и другие, по несколько раз переходили из рук в руки. Против нас сражались корниловские и дроздовские офицерские полки. Уже через несколько дней боев обозначился наш перевес. Вскоре Красная Армия заняла Орел, а затем мы повели наступление в направлении Курска. Тяжелые бои продолжались до самого города и при взятии его.

В ударную группу входила бригада червонных казаков под командованием Примакова. В ее составе был также и наш Латышский кавалерийский полк. Совместные действия червонных казаков и наших полков очень сближали нас — между нами установилась тесная дружба. Деятельность конницы была хорошо согласована с наступлением наших полков. Дважды бригада конников вместе с Латышским кавалерийским полком прорывалась в тыл противника, что парализовывало его сопротивление. Деникин нес большие потери. За Курском, в направлении Белгорода, сопротивление деникинцев заметно ослабело. Бои шли главным образом за населенные пункты. Наша пехота стала передвигаться от одного пункта к другому на повозках.

Деникинцы скоро показали населению свое настоящее разбойничье лицо, поэтому рабочие и крестьяне очень радовались нашему приходу. В тылу деникинской армии начали действовать партизанские отряды. В окрестностях Белгорода Деникин объявил мобилизацию, но призывники не являлись на призывные пункты. Мы нашли в одном рву 150 трупов людей, расстрелянных за отказ служить в армии Деникина.

Приближаясь к Харькову, наш 9-й полк повел наступление на город Чугуев. Недалеко от города, в лесу, к нам присоединился большой отряд партизан, который уже много месяцев действовал в этом районе. Трудно описать восторг и радость партизан, когда их отряд соединился с нами. Часть партизан была вместе с женами, а иные — со всей семьей. Чугуев мы взяли общими силами. Пройдя с боями от Орла до Харькова, наша дивизия теперь, после разгрома Деникина, расположилась на отдых в районе Чугуев—Харьков. После отдыха весной 1920 года нас перебросили на врангелевский фронт в район Перекопа. Наш полк стоял неподалеку от имени Чаплинка.

Армия Врангеля благодаря помощи Англии и других капиталистических стран была хорошо вооружена, а Перекопский перешеек был сильно укреплен. Летом 1920 года мы познакомились с танками противника. Получив танки, Врангель пошел в наступление. Наш полк стоял во второй линии, в небольшом населенном пункте левее имения Чаплинка. В самом имении находились батарея, транспортные средства и командование конной разведки. Танки не остановились у первой линии окопов, а пошли дальше в наступление на наш полк. Поскольку появление танков было для нас неожиданным и мы не имели специальных средств борьбы с ними, их наступление нанесло нашему полку значительный урон. Командир полка, оказавшись в безвыходном положении, последней пулей покончил с собой. Пал также полковой комиссар.

К имению Чаплинка двигались три танка. Командир батареи принял решение: орудийной прислуге спрятать пушку и ждать, когда танки подойдут совсем близко, чтобы тогда, стреляя прямой наводкой, уничтожить их. Этот план удался. Два танка были подбиты, а третий развернулся и ушел.

Однако нам все же пришлось отступить в район Каховки у Днепра. На третий день Врангель снова двинул в наступление танки. Бой шел на берегу Днепра. Теперь нам удалось уничтожить больше танков противника, чем в предыдущем бою. Наши артиллеристы действовали по заранее разработанному плану. Используя пригорки и кусты, они тщательно замаскировали орудия. Так нам удалось уничтожить около 10 танков противника.

После этого боя мы переправились через Днепр и заняли позиции в Каховке. Врангелевцам удалось продвинуться вдоль левого берега Днепра, и у города Никополя они переправились через реку с целью нас обойти. Врангелевские самолеты разбросали листовки на латышском языке, в которых говорилось, что мы окружены, что сопротивляться бессмысленно; нас призывали сложить оружие. В ответ на это наш полк получил задание ликвидировать врангелевский плацдарм. Приказ мы выполнили быстро. Часть врангелевцев была разбита, часть отступила через Днепр, и мы снова заняли позиции в Каховке. Через некоторое время в Каховке к нам присоединилась 1-я конная армия.

Нашему полку было поручено форсировать Днепр и прорвать вражеские позиции, с тем чтобы продвинуть вперед нашу конницу. Ранним утром под прикрытием артиллерийского огня мы быстро навели понтонный мост и отогнали врангелевцев от берега. Лавина конницы могла теперь двинуться через Днепр. Одновременно впереди пошли и мы.

Большая часть боевых сил Врангеля успела попасть на Перекопский перешеек и там снова закрепиться. На перешейке была устроена заградительная линия, состоявшая из 16 рядов колючей проволоки и разного рода оборонительных сооружений, а Турецкий вал был весь в огневых точках.

Поздней осенью 1920 года командование Красной Армии разработало новый план наступления на Перекоп. Огонь всей артиллерии был сконцентрирован на Турецком вале и тыле врага. Пехота же, использовав от-

Группа командиров Латышского тяжелого артиллерийского дивизиона. 1919 г.

лив Сиваша, прошла вброд и таким образом обошла Перекопский перешеек. Завязался яростный бой, в результате которого красноармейским частям удалось закрепиться на занятом плацдарме. Они начали продвигаться вперед, угрожая отрезать врангелевцам путь к отступлению. Врангелевцы не выдержали и отступили, тогда бросилась вперед наша конница — и вскоре Крым был освобожден.

Наш полк пришел в Евпаторию, на берегу Черного моря. Когда мы появились в городе, на море еще были хорошо видны стоявшие вдали корабли. Оказалось, что беглецы не успели впопыхах взять горючее и не могли теперь сдвинуться с места. Нашему полку пришлось достать кое-какие моторные лодки, буксиры и тащить корабли назад, к берегу. На кораблях находилось высшее командование белогвардейцев и буржуи, чемоданы которых валялись на берегу.

Через несколько дней после взятия Крыма однажды ночью мы заметили, что к берегу приближается судно. Так как виден был только один корабль, то огня по нему мы не открывали, но приготовились к любой неожиданности. Оказалось, что это был турецкий корабль, который вез Врангелю подарки. Благодаря быстрой смене событий команда корабля не знала еще, что Крым находится в наших руках. За груз расписалось наше начальство, и турки, сдав его красноармейцам, ушли обратно.

Перед последним нашим наступлением на Перекоп Махно дал согласие участвовать в разгроме Врангеля. После освобождения Крыма Махно потребовал дать его солдатам три дня полной свободы действий. Такие права банде грабителей, естественно, даны не были. Тогда махновцы немедленно начали действовать по своему усмотрению. Они зверски убили командира нашей второй бригады Лабренциса и вырвались из Крыма. Почти все махновцы передвигались на конях или тачанках. Нашему полку было дано задание ликвидировать махновскую банду. В это время мы получили неожиданную весть о том, что с Латвией заключен мирный договор и что в связи с этим латышские части подлежат расформированию. Стрелки были не рады этому известию, ибо в наших сердцах горело желание освободить Латвию. После заключения мирного договора многих латышских стрелков демобилизовали. Меня также послали на трудовой фронт.

Нужно отметить, что, воюя, мы испытывали большие трудности из-за недостатка вооружения. Одеты мы были кто в военное, кто в гражданское платье. Мы не стыдились перевязывать шнурком порванные полуботинки, наложить заплату на форменную блузу и брюки. Сильно ощущался недостаток табака и соли. Но все эти трудности и недостатки не влияли на твердость духа и боеспособность латышских стрелков.

Я. Я. КРУМИНЬ,
бывш. латышский стрелок

НАШИ БОИ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ ПРОТИВ ДЕНИКИНА И ВРАНГЕЛЯ

В Красную Армию я вступил добровольно в начале 1919 года в городе Цесисе и попал в артиллерийскую часть, размещавшуюся в здании нынешнего Цесисского ремесленного училища. Артиллерийская часть была создана только после освобождения города. Я служил в 6-й полевой батарее (в ней были 3-дюймовые орудия), которая всегда входила в состав 4-го латышского стрелкового полка.

Из Цесиса нас направили на Эстонский фронт. Наша часть стояла неподалеку от Стренчи. Много хлопот доставлял нам эстонский бронепоезд, который курсировал на участке Валка—Стренчи. Бронепоезд был вооружен 6-дюймовыми пушками. Здесь я был контужен, но части не покинул. После падения Риги — в конце мая и начале июня 1919 года — нам пришлось отступать к Варакляны. Во время отступления нас обстреливали белогвардейские банды «зеленых», скрывавшиеся в лесах и на отдаленных кулацких хуторах.

Когда осенью 1919 года деникинские войска подходили к Орлу, нас перебросили на Орловский фронт и высадили в районе станции Карачев, на полпути между Брянском и Орлом. Оттуда, вместе с другими частями Красной Армии, латышские стрелки начали бои за Орел, который был занят 20 октября. В городе на столбах и домах белели белогвардейские плакаты с изображением всадника-деникинца: задние ноги коня находились в Орле, а передние копыта — в Москве.

После взятия Орла ожесточенные бои не прекращались ни на день. В районе города Кромы нам пришлось выдержать тяжелый бой с корниловцами и дроздовцами — офицерскими частями. Неприятель большими силами бросился в контратаку. Ему почти удалось окружить нас. Мы вели огонь прямой наводкой по непрерывно атаковавшим колоннам противника. Пьяные офицеры шли в полный рост. Бой длился несколько дней с утра и до вечера с переменным успехом. Только после ожесточенных боев нам удалось окончательно освободить Кромы.

Мы наступали совместно с другими красноармейскими частями, в частности с червонными казаками, проявившими в сражениях с врагом высокие боевые качества. Отрядам червонных казаков выдали погоны деникинской армии и перебросили в тыл врага для его дезорганизации. Червонным казакам временно была придана наша батарея, и вместе с ними мы совершали рейды по вражеским тылам, углубляясь примерно на

60 километров за линию фронта. Ловким маневром червонным казакам удалось перерезать связь противника и захватить белогвардейский штаб. Там мы выяснили дислокацию вражеских войск и получили сведения о приближении резервов. Эти сведения были использованы нами в дальнейших боях. Мы двинулись навстречу деникинскому резервному полку и устроили на дороге засаду. Казаки «пропустили» пехоту противника, двигавшуюся по тракту, замкнули ее в кольцо и полностью уничтожили. Из вражеских пехотинцев некому было даже рассказать о бесславном конце своего полка.

После взятия Курска Красная Армия с боями двигалась к Харькову, делая за сутки по 40 километров. В многочисленных сражениях под Курском, Харьковом и далее под Екатеринославом (ныне Днепропетровск) в результате фронтального наступления Красной Армии, а также в результате действий червонных казаков в тылу врага белые части были дезорганизованы и не могли уже оказывать серьезного сопротивления. Отступая, они прибегали к различным провокациям, чтобы подорвать наш боевой дух. Так, наш путь был усеян листовками, которые печатались в центрах расположения белогвардейцев. В этих листовках нас, латышей, призывали бросить оружие и вернуться в Латвию, где нам обещали надел земли и куда нас собирались направить через Черное море. Было очевидно, что враг в отчаянии хватается за последнюю соломинку, чтобы остановить Красную Армию в ее победоносном движении вперед. Харьков был взят стремительным наступлением. Город был окружен, и белым пришлось поспешно отступить. В Екатеринославе было труднее. После взятия города упорные бои продолжались еще более двух недель.

В начале 1920 года среди стрелков вспыхнула эпидемия тифа. Я также заболел и лежал в Екатеринославе. Уже почти выздоровев, я заболел вторично и был направлен в больницу в Харьков. По выздоровлении через пересыльный пункт я вновь был направлен в свою часть, которая к тому времени находилась под Перекопом в имени Преображенка. Там нам впервые пришлось встретиться с танками врага. Скорость у них была небольшой — примерно 8 км в час, но боевая мощь — серьезной. Вначале пришлось отступить. Большой урон нашим частям наносила и вражеская авиация. Осколочные бомбы выводили из строя немало стрелков. Для активной борьбы с танками мы использовали их малоподвижность. С приближением танков пехотные части отступали, а артиллерия оставалась на месте и расстреливала вражеские машины. Когда танки подходили совсем близко, мы быстро отходили за нашу пехоту (артиллерия была конной) и через нее опять вели огонь по стальным чудовищам. Пехота продолжала отходить, и мы вновь оказывались перед танками и расстреливали их в упор. Непрерывно повторяя этот маневр, нам удалось избежать больших потерь при отступлении и, в свою очередь, нанести большой урон врангелевцам. Было уничтожено довольно много танков, но атаки врага были так настойчивы, что нам пришлось отступить и сдать Каховку.

Мы переправились на противоположный берег Днепра (который достигал здесь в ширину 1,5 км) и укрепились в Бериславе, откуда в ав-

Первый субботник Латышской стрелковой советской дивизии 13 марта 1920 г. в г. Екатеринославе.

густе 1920 года началось генеральное наступление на врангелевские войска.

Нашей задачей было перейти Днепр, занять Каховку и подготовить плацдарм для конницы Буденного, которая шла из Польши, чтобы окончательно разбить врангелевцев. Врангелевским частям на левом берегу Днепра за Каховкой помогали крупные отряды белогвардейской чеченской конницы.

Стрелкам пришлось сражаться в очень тяжелых условиях. Не было ни обуви, ни обмундирования, воевали в форменных блузах, сшитых из брезентовых палаток, не хватало продовольствия. Все изнемогали от жары под палящими лучами южного солнца. Но никто не жаловался на трудности, все горели революционным энтузиазмом и рвались в бой, чтобы уничтожить белогвардейцев. Спали мало — украинские ночи коротки — да и враг не давал нам передышки.

Сражение за Каховский плацдарм началось интенсивной артиллерийской подготовкой. Наша батарея также вела огонь. Орудия были уже пристреляны. Нам было известно, что в центре Каховки стоит батарея врага, и мы заставили ее замолчать уже с самого начала. Началась переправа пехоты через днепровские плавни. Первым форсировал реку 3-й латышский полк. После того как первые части были перебро-

шены на противоположный берег, навели понтонный мост и переправа продолжалась. Враг открыл яростный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. Чтобы бойцы не утонули во время переправы, каждому были выданы по две пустые сухие тыквы, которые привязывались к поясу как поплавки.

После ожесточенных боев Каховка была взята. Враг не успел вывезти даже свою артиллерийскую батарею, находившуюся на площади городка. Однако со взятием Каховки передышки мы не получили. Более месяца нам пришлось выдерживать ожесточенные, почти не прекращавшиеся оборонительные бои. Приходилось отражать по 6—8 атак чеченской конницы в день. Враг стремился вынудить нас к отступлению на правый берег Днепра. В этих боях, кроме латышских стрелков, участвовали 51-я сибирская, 52-я и 15-я дивизии. Несмотря на то что сравнительно большие наши силы были сконцентрированы на небольшом отвоёванном плацдарме, бои были продолжительными и упорными. Мы понесли большие потери. 4-й, 5-й особый и 6-й латышские полки были почти полностью уничтожены вражеской кавалерией. В остальных полках из строя выбыло до половины состава.

Активно действовала вражеская авиация, наносившая нам тяжелый ущерб.

В Каховке нам удалось отремонтировать несколько брошенных врагом танков и использовать их в этих боях. Сильные бои шли и в Малой Каховке — имении, расположенном правее города.

Наша батарея, постоянно участвовавшая во всех боях, фактически перестала существовать. Из артиллерийской прислуги и расчета почти не осталось никого, кто бы не был ранен. Я тоже получил 13 осколочных ранений.

Несмотря ни на что, наши стрелки держались стойко и не отступали ни на шаг. В ноябре наше командование закончило концентрацию ударных сил и отдало приказ начать решительные операции по разгрому Врангеля.

После Каховки я попал в госпиталь и вернулся в свою часть, когда она находилась уже в Крыму. Из Крыма нас перебросили в Николаев, затем — в Москву, где мы были демобилизованы. После демобилизации те латышские стрелки, которые хотели, могли вернуться в Латвию. Я на родину не поехал, а остался служить в армии. Меня послали в Донскую область, где я участвовал в ликвидации банд. Служил я в латышском особом отряде по борьбе с бандитизмом. Командиром отряда был моряк-латыш с мандатом, подписанным В. И. Лениным. Мы ликвидировали две банды, которые зверски расправлялись с сельскими активистами.

После ликвидации банд я вернулся в Москву. Наступил период мирного труда.

Я. А. ИСТЕНАИС

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

22 сентября 1919 года Латышская стрелковая дивизия получила приказ отправиться с Западного фронта на Южный. Из Бобруйска мы срочно выехали в Карачев. 8 октября вся Латышская стрелковая дивизия сконцентрировалась в районе Карачев — Навля и вместе с бригадой червонных казаков Примакова и пехотной Особой бригадой Павлова создала ударную группу.

Добровольческая армия Деникина уже взяла Курск и Орел. 12 октября наша дивизия начала бои за освобождение Кром. 14 октября наш 4-й полк вошел в Кромы (такой же маленькой городок, как Салацгрива), но деникинцы в течение трех суток держали нашу 1-ю бригаду почти в окружении.

Белогвардейские дивизии Деникина были выбиты из Орла и отступили в южном направлении приблизительно на 12—15 км, укрепились и начали бои, надеясь сломить наше сопротивление и вернуть Орел, чтобы затем двинуться в Москву. Бои были ожесточенные и упорные. Белогвардейцы ходили в штыковую атаку по пять-шесть раз ежедневно. Шли колоннами, поротно, повзводно с командирами впереди, размахивая саблями, под крики «ура!». Раскаленные от непрерывной стрельбы стволы наших пулеметов начинали плавиться. Для охлаждения пулеметов стрелки носили воду в брезентовых ведрах, а иногда, держа ведро с водой в руке, подбегали к пулемету ползком на животе.

В это время в дивизию прибыл член Реввоенсовета XIV армии Серго Орджоникидзе, который созвал совещание командиров и комиссаров и вдохновил нас, стрелков, выразив уверенность в том, что мы победим Деникина, несмотря на помощь ему Англии, Франции, США и других стран. Латышские стрелки вместе с другими частями Красной Армии отбили все атаки Деникина и перешли в контрнаступление. Белогвардейцы отступили до Малоархангельска, где бои продолжались трое суток, пока враг не был выбит с позиций. В дальнейшем наступление Красной Армии продолжалось до границ Курской и Орловской губерний, где белым удалось на некоторое время зацепиться.

3 ноября 1919 года рано утром по глубокому снегу мы пошли в наступление и прорвали фронт Добровольческой армии Деникина. Бригада червонных казаков во главе со своим отважным командиром Примаковым ворвалась в тыл врага и, действуя шашками, подняла панику среди бегущих белогвардейцев. В Фатеже мы разгромили штаб корпуса, интендантство, выпустили из тюрьмы около 400 пленных красноармейцев,

Командующий XIV армией И. П. Уборевич (сидит в центре) с командирами Латышской стрелковой дивизии после взятия Харькова в декабре 1919 г.

вооружили их и направили в бой против врага. Полки нашей дивизии захватили крупные трофеи — 2 артиллерийские батареи и полевую кассу дивизии, в которой оказалось около 300 000 рублей.

Близ Курска Красная Армия форсировала реку Сейм и обошла город с южной стороны. Артиллеристы обстреляли штабной поезд главнокомандующего Добровольческой армией Деникина генерала Май-Маевского, и около станции Ржава старый царский генерал чуть-чуть не попал в плен.

Ночью 11 декабря наша дивизия вошла в Харьков, где нас встретили рабочие и работницы, несмотря на то что была уже полночь. После взятия Харькова Латышская стрелковая дивизия была зачислена в резерв XIV армии и направлена в Змиев (уездный город Харьковской губернии, в 30 верстах от Харькова) и Чугуев на отдых. Вскоре мы получили приказ по армии командующего XIV армией И. П. Уборевича и члена Реввоенсовета Г. К. Орджоникидзе, в котором было сказано: «Славные дела Латышской стрелковой дивизии и подвиги червонных казаков товарища Примакова будут навеки вписаны золотыми буквами в историю гражданской войны советского народа».

В январе 1920 года дивизия получила приказ ликвидировать оперировавшие в Екатеринославской губернии банды Махно и Григорьева. После завершения этой операции мы начали двигаться на юг в направле-

2-я гаубичная батарея Латышской стрелковой дивизии на марше у Змиева. Декабрь 1919 г.

нии Перекопа на Врангеля, засевшего в Крыму. Наступление на Врангеля наша дивизия, Эстонская стрелковая дивизия и 36-я Самарская дивизия начали 19 апреля 1920 года, но соотношение сил было таковым, что прорвать укрепления за Перекопом мы тогда не смогли. Заняли позиции по эту сторону Турецкого вала. Штаб нашего 4-го полка находился в имении Преображенка, а штаб дивизии — в деревне Чаплинка. В парке имения была устроена эстрада, на которой происходили театральные представления и концерты, так как к нам часто приезжали из Москвы музыканты и певцы труппы латышского клуба.

Ежедневно с утра и после обеда врангелевцы обстреливали нас из орудий. 7 июня, еще до рассвета, враг перешел в наступление и, пустив в ход английские танки, авиацию, а также большое количество артиллерии, прорвал наш фронт. Мы отступали с боями в течение двух дней и ночей до Каховки и дальше за Днепр к городу Бериславу.

7 августа, до рассвета, наш 4-й латышский и другие полки под прикрытием темной и облачной ночи на понтонах и лодочках форсировали Днепр у Берислава, ликвидировали посты неприятеля на противоположном берегу Днепра и ворвались на вражеские позиции. Когда врангелевцы пришли в себя, было уже поздно — наша артиллерия открыла по ним сильный огонь. К 10 часам утра Каховка и плацдарм размером

приблизительно 12—15 км были захвачены. Неприятель не смог ликвидировать этот плацдарм до осени, когда Красная Армия в ноябре, развив наступление, загнала банды Врангеля в Черное море.

В августе врангелевцы предпринимали отчаянные попытки ликвидировать Каховский плацдарм с помощью танков, пустив в дело 13 машин, но безуспешно. Два танка, двигаясь по улице Каховки, которая вилась вдоль самого берега, свалились в ночном тумане с обрыва высотой 7—8 метров, и обслуживавшие их экипажи погибли. Остальные танки подбили наши артиллеристы, и лишь трем удалось удрать от гранат стрелков.

Затем последовало наше наступление на врага. Наш 4-й полк дошел до имения Скадовск, но силы стрелков были недостаточны, чтобы удержать взятые позиции. На следующий день Врангель бросил против нашего 4-го полка кавалерийскую бригаду генерала Барбовича, которая атаковала по нескольку раз в день, пока не окружила стрелков. Стрелкам не хватало пулеметов, патронов, ручных гранат. Они держались до последнего патрона. В плен попало 84 стрелка. Их увели в старый сарай имения недалеко от деревни Черненьки (в 18 км юго-западнее Каховки, на левой стороне Днепра) и расстреляли из трех пулеметов. Позже, в годы Советской власти, колхозники Черненьки установили красивый памятник павшим стрелкам.

В ноябре 1920 года Красная Армия перешла в генеральное наступление против Врангеля. 16 ноября командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе телеграммой сообщил Ленину: «Сегодня наша кавалерия взяла Керчь. Южный фронт ликвидирован».

Латышская стрелковая дивизия боролась в первых рядах Красной Армии, и многие стрелки сложили свои головы, многие пролили свою кровь за свободу нашей советской земли. Навсегда в Черное море был сброшен «черный барон» Врангель со всеми своими генералами и заграничными хозяевами. Стрелки отлично понимали, что без свободной Советской России не будет и свободной революционной Советской Латвии.

В. Ю. ПАВАР

5-Й ОСОБЫЙ ЛАТЫШСКИЙ ПОЛК В БОЯХ 1919—1920 ГГ.

В августе 1919 года 5-й латышский особый полк по распоряжению главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики был срочно переброшен на Южный фронт против кавалерии генерала Мамонтова, вторгшейся в тыл Красной Армии. Мамонтовцы оперировали в районе Тамбова и Козлова (ныне Мичуринск). Полк ехал тремя эшелонами: в первом и втором — пехотный состав, полковая артиллерия и взвод конной разведки, в третьем — транспорт, хозяйственная команда и снабженческая группа полка. Третий эшелон остался в городе Ельце, где он подвергся нападению белогвардейской конницы Мамонтова, успешно отразив его. Первый и второй (строевой состав) эшелоны выгрузились, не доезжая станции Грязи, так как белоказаки взорвали железнодорожный мост, и направились в город Козлов.

По полученным сведениям, в городе орудовали мамонтовцы, сжигая и уничтожая все на своем пути. Подойдя к станции Козлов, мы увидели, что она сожжена. Железнодорожные пути были загромождены разбитыми составами.

В город мы двинулись в боевом построении, выслав вперед разведку и обезопасив свое продвижение справа и слева конными разъездами. Казаки, узнав о нашем приближении, не осмелились вступить в бой и оставили Козлов. Город сильно пострадал от набега мамонтовцев, продуктовые склады и магазины были разграблены. Мамонтовцы разгромили советские учреждения и расстреляли сотни жителей, сочувствовавших Советской власти.

5-й латышский особый полк расположился в городе в помещении гимназии, организовав охрану и выслав конную разведку. Была оказана помощь в создании Революционного комитета и восстановлении порядка в городе. Ночью происходили стычки с казачьими разведчиками, но ввязываться в бой с нами они избегали. В Козлове мы оставались недолго — всего несколько дней, потому что белоказаки Мамонтова больше не угрожали городу: прогулявшись со своим корпусом по нашим тылам, генерал Мамонтов снова прорвался через линию фронта и ушел к своим.

Мы получили приказ главкома направиться в Тулу, где в это время положение было весьма напряженным. В октябре 1919 года, после того как Корниловская офицерская дивизия заняла Орел, перед деникинцами открывался прямой путь на Москву через Тулу. Командование Красной Армии срочно стягивало силы, чтобы задержать наступление врага.

Явившись в Тулу, 5-й латышский особый полк вместе с другими частями Красной Армии занял позиции в окрестностях города и приготовился к его обороне. Однако наступавшая деникинская ударная группа и отборные офицерские части до Тулы не дошли. Латышская дивизия и другие части Красной Армии задержали противника у Кром. В результате упорных боев деникинцы были разгромлены и отброшены на юг.

НА ПЕТРОГРАДСКОМ ФРОНТЕ

В октябре 1919 года 5-й латышский особый полк, в соответствии с приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами РСФСР, был срочно переброшен на Петроградский фронт — на подступы к Петрограду — против белогвардейских войск генерала Юденича. В Петроград 5-й латышский особый полк отправился двумя эшелонами, в каждом из которых было по батальону (полк состоял из двух стрелковых батальонов). Хозяйственная часть следовала третьим эшелоном.

На станцию Поповка полк прибыл ночью 20 октября 1919 года и, выгрузившись, 21 октября затемно двинулся навстречу врагу. Были высланы конные дозоры и организована разведка. С белыми мы столкнулись у большой деревни Ям-Ижора. Враг не рассчитывал встретить здесь войска красных. Один батальон вражеской пехоты расположился в деревне на ночлег. В тылу у него была река Ижора. 5-й латышский особый полк, продвигаясь вперед, застал противника врасплох. Наша

Петроградский фронт, октябрь—ноябрь 1919 г. Слева направо: командир 5-го особого латышского полка Я. Я. Грегор, помощник адъютанта Снiedzе, адъютант полка Я. Гесте, помощник командира полка В. Ю. Павар.

артиллерия разгромила переправу через реку Ижору, отрезав врагу путь к отступлению. У противника артиллерии в это время не было — она прибыла позднее, когда батальон пехоты белых был уже уничтожен. Лишь немногим удалось перебраться через реку и бежать. Было взято большое количество трофеев, убито много офицеров и солдат белых. Хорошо поработала наша полковая батарея, которой командовал опытный и отважный командир Генрих Бриедис. Батарея стреляла по врагу прямой наводкой.

Уничтожив врага под Ям-Ижорой, 5-й латышский особый полк выбил его также из деревни Войсковоро и вместе с другими частями Красной Армии продолжал преследовать его. У Павловска, на ближних подступах к Петрограду, полк нанес уничтожающий удар частям белой армии Юденича, в результате чего 24 октября Павловск был освобожден.

Накануне белогвардейский генерал Родзянко, рассматривая Петроград в бинокль, хвастался, что через два дня будет принимать в городе парад войск. Его мечты не сбылись. Белогвардейцы были окончательно отброшены Красной Армией от красного Питера, войска Юденича стали откатываться назад.

За боевые действия под Петроградом приказом Реввоенсовета республики командирам и бойцам 5-го латышского особого полка была объявлена благодарность. ВЦИК наградил полк вторым Почетным революционным красным знаменем, многие командиры и бойцы были награждены ценными подарками.

В конце октября в районе Гатчины — Павловска белогвардейцы пустили против нашего полка два английских танка из числа тех, которые Юденич получил от своих английских хозяев. Это был маневр, с помощью которого разгромленные под Петроградом белогвардейцы надеялись посеять панику среди частей Красной Армии и вернуть потерянные позиции. Из секретных донесений командованию полка было известно, что армия Юденича получила из-за границы танки и что возможно их появление на нашем участке фронта. До этого мы ни разу не встречались с танками, ибо их не было ни у нас, ни у белых.

Когда наши разведчики заметили «какие-то необычные движущиеся машины», с командного пункта полка уточнили, что приближаются вражеские танки, под их прикрытием наступали цепи пехоты белых. Командиру полковой батареи, командирам стрелковых рот, а также начальникам пулеметных команд было приказано приготовиться к отражению танков и уничтожению пехоты белых. Когда танки находились приблизительно в километре от нас, наша батарея открыла по ним артиллерийский огонь, а пулеметчики обстреляли цепи пехоты, следовавшие за танками. Метким артиллерийским огнем прямой наводкой командир батареи Генрих Бриедис выбил из строя один танк. Второй пополз обратно, отстреливаясь и прикрывая отступающие цепи пехоты, пострадавшие от артиллерийского и ружейно-пулеметного огня.

Когда мы — командиры и группа бойцов во главе с командиром и комиссаром полка — приблизились к подбитому танку, то увидели, что у него перебиты гусеницы, увидели и убитого водителя танка в английской военной форме. Этот первый подбитый белый танк рассеял распро-

странившиеся среди бойцов нашего и соседних полков слухи о неуязвимости танков вообще.

Первый белогвардейский танк, который был выведен из строя 5-м латышским полком, из Петрограда приезжали осматривать представители высшего командования товарищи Подвойский и Петерс. Танк был отправлен в Петроград и выставлен на одной из площадей города для всеобщего обозрения. Приказом Реввоенсовета полку была объявлена благодарность. Многие командиры и бойцы получили ценные подарки, а командира полка Яниса Грегора и комиссара Яниса Лундера одними из первых ВЦИК наградили орденами Красного Знамени. Я был награжден серебряными часами от Московского Совета.

После кровопролитных боев, выбив во взаимодействии с другими частями Красной Армии белых из Гатчины, 5-й латышский полк погнал белых до Ямбурга и дальше — до Нарвы.

Войскам Юденича помогли эстонские белогвардейцы. Антанта, хозяйин Юденича, требовала, чтобы Эстония разрешила остаткам белой армии Юденича перейти границу. Эстонские белогвардейцы, желая получить военную технику войск Юденича для нужд своей армии, согласились пропустить их через свою границу, чтобы затем разоружить.

Нашему 5-му латышскому полку серьезно угрожал бронепоезд белых, который каждое утро прибывал из Нарвы и подвергал артиллерийскому обстрелу наши боевые порядки. Нам было очень трудно бороться с ним, так как полк располагал только батареей легких полевых орудий, для которых бронепоезд был почти неуязвим. Решено было уничтожить несколько километров железнодорожного пути в тылу врага и взорвать два-три моста. После того как эта операция была проведена саперами и подрывниками нашего полка, белогвардейский бронепоезд больше нас не посещал. Вскоре фронт с армией Юденича был ликвидирован. Остатки белой армии Юденича Эстония пропустила через свою границу и разоружила. Советское правительство заключило с Эстонией мирный договор, и в феврале 1920 года 5-й латышский особый полк вернулся в Москву. За боевые действия при защите Петрограда и за разгром армии Юденича на Петроградском фронте 5-й латышский особый полк заслужил второе Почетное революционное красное знамя ВЦИК, две благодарственные грамоты Реввоенсовета Республики, благодарность командира 3-й бригады 21-й дивизии (в составе которой полк воевал в последнее время) и признательность трудящихся Петрограда.

В МОСКВЕ

В период с октября 1919 года по февраль 1920 года 5-й латышский стрелковый полк в непрерывных и упорных боях на Петроградском фронте против Юденича понес большие потери в командном и рядовом составе, а также в технике. Полк прибыл в Москву для доформирования и комплектования личного состава и снаряжения. Как и ранее, до отправки на фронт полку была доверена охрана штаба Реввоенсовета, правительственных и государственных учреждений.

**РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА**

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ,
КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМ. ДЕПУТАТОВ.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ,
КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМ. ДЕПУТАТОВ.
В ОФИЦИАЛЬНОМ ПЕЧАТНОМ ПОРЯДКЕ

ПЯТЫМ ЛАТЫШСКИМ СТРЕЛКОВЫМ ПОЛКОМ

СВОЕОП. ПОДЪЕЗ. ПОДЪЕЗ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ОТЕ-
ЧЕСТВОМ В БОЮ ПРОТИВ ВО ВРАГОВ НА ПЕТРОГРАД-
СКОМ ФРОНТЕ

ЗАЩИЩАЯ ВМЕСТЕ С НАС ПРАВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ СПАСАЯ СОВЕТ-
СКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО БОЮЮСЬ ЗА НАС. В ВМЕСТЕ С НАС
СВЯЗЬ ПЕЧАТ. СО ВРЕМ. ПЕЧАТ. СЕП. СОВ. В БО-
БОРЬБЕ ЗА ПЕТРОГРАД ОТЕЧЕСТВОМ

ПОДПИСАТЕЛЬ В. Ч. Ч. Ч. М. М. М. М.

ПОДПИСАТЕЛЬ В. Ч. Ч. Ч. В. В. В. В.

25. Октября 1919 г.

СВР 10120/м

Декрет ВЦИК о награждении 5-го особого латышского (бывш. Земгальского) полка боевым Красным знаменем за героическую борьбу под Петроградом осенью 1919 г.

Штаб 5-го особого латышского полка в Хамовнических казармах летом 1920 г. Слева направо в первом ряду: помощник командира полка В. Павар, начальник пулеметной команды Стангут, Индриксон, крайний — командир 1-го батальона Я. Шмит; во втором ряду: в центре — командир полка Я. Грегор, за ним — командир 2-го батальона А. Суйтынь, второй слева от Я. Грегора — командир артиллерийской батареи

Г. Бриедис.

В 1920 году 5-й латышский особый полк участвовал в Москве в коммунистическом субботнике, организованном в помощь железнодорожникам Московско-Казанской железной дороги. На субботник полк вышел с полковым оркестром стройными рядами с двумя развернутыми революционными Почетными красными знаменами, полученными от ВЦИК за бои под Казанью в 1918 году и под Петроградом в 1919 году. Во главе колонны шагали командир полка Янис Грегор, комиссар полка Янис Лундер, помощник командира полка Волфрид Павар, полковой адъютант Янис Гесте. Во главе 1-го батальона шел командир батальона Янис Шмит, во главе 2-го батальона — Арнольд Суйтынь. Ротные командиры были при своих ротах. В субботнике принимали участие около 500 стрелков — все те, кто был свободен от нарядов. За полком следовало много москвичей... Было торжественно и многолюдно.

Состоялся митинг. После митинга полк под звуки марша направился на субботник в депо Московско-Казанской железной дороги. Железнодоро-

рожники распределили работу между подразделениями полка. Выгружали шпалы из вагонов и грузили в них различный лом и части машин, очищали захламленные участки железнодорожного полотна и выполняли различные другие работы. Мы проработали до позднего вечера. У всех было бодрое и повышенное настроение. Играл наш полковой оркестр. Железнодорожники тепло благодарили бойцов и командиров за помощь. После работы они выдали нам по четверти фунта белого хлеба и несколько штук конфет, — по тем голодным временам это было очень много. После субботника 5-й латышский особый полк, заслуживший признательность и одобрение железнодорожников и москвичей, снова в четком строю отправился в свое расположение — бывшие Хамовнические казармы.

ПРОТИВ ВРАНГЕЛЯ

В конце мая 1920 года на Юго-Западном фронте войска белой армии генерала Врангеля, главным образом кавалерия, офицерские полки Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизий, вырвались из Крыма, перешли в наступление широким фронтом, прорываясь в наш тыл, для того чтобы обойти войска Красной Армии. В июне 1920 года приказом Верховного главнокомандующего 5-й латышский особый полк в количестве около 2000 человек, полностью укомплектованный и хорошо оснащенный военной техникой, вместе с полковой батареей и командой конных разведчиков был переброшен из Москвы на Юго-Западный фронт против белой армии Врангеля, в состав 3-й сводной бригады 3-й дивизии XIII армии. Полк прибыл в район Александровска (ныне Запорожье) — Орехова.

5-му латышскому полку был выделен большой участок фронта, линия которого не была непрерывной. Связь с соседними частями поддерживали с помощью конных разъездов и постов. Каждая войсковая часть сама заботилась о безопасности своих флангов и тылов.

Кавалерия белых, прорываясь в промежутки между нашими частями, действовала на флангах. Пришлось изменить линию фронта и действовать самостоятельно.

5-й латышский особый полк прибыл в Александровск 23 июня 1920 года и прямо из эшелонов был брошен в бой против врангелевцев, наступавших широким фронтом на Александровск.

Выгрузившись из вагонов, полк должен был расположиться в селе Янчекрак. Однако обстановка заставила его непосредственно из эшелонов пойти в бой, потому что белые, прорвав фронт, заняли уже Янчекрак и приближались к Александровску. В это время на станцию Плавни подошел бронепоезд врангелевцев. Командование 5-го латышского особого полка приняло решение задержать и отбросить врага. Из первого эшелона спешно был выгружен 1-й батальон полка под командованием Яниса Шмита и брошен навстречу противнику с задачей отбросить его авангард и занять село Янчекрак. Ему на помощь поспешили также стрелки, выгрузившиеся из второго эшелона, — 2-й батальон полка под командованием Арнольда Суйтыня и полковая батарея под

командованием Генриха Бриедиса. 1-й батальон в это время уже выбил белых из села Янчекрак и вел упорный бой с превосходящими силами противника. В результате упорных боев 5-й латышский особый полк под непосредственным руководством командира полка Яниса Грегора и комиссара полка Яниса Лундера отбросил белых от Александровска.

Вечером 25 июня в районе деревни Яковлевки 5-й латышский особый полк получил приказ двинуться вперед и занять деревню Эристовку (Волкодавы). Утром 26 июня мы пошли в наступление. У белых в основном действовала кавалерия, которая наседала на наши фланги, стремясь охватить их. Цепи нашей пехоты уже приближались к сильно укрепленным позициям врага у деревень Эристовка и Васильевка и начали штурмовать их, когда заметили, что части, которые взаимодействовали с нами на флангах, отстали, задержанные кавалерией белых, поэтому и наш полк, попав в огненный мешок, вынужден был отступить с большими потерями.

27 июня наступление возобновили, но повторилось то же, что и накануне. Когда наш полк, представлявший собой ударную группу, приблизился к укрепленным позициям белых у Васильевки, враг обрушился на фланги наших соседей и снова принудил их к отступлению. Наш полк, охваченный, таким образом, с фронта и флангов, отступил, понеся большие потери. 28 и 29 июня все повторилось снова: с утра мы шли в наступление, но после неудачных атак возвращались на свои исходные позиции. За эти четыре дня 5-й латышский особый полк потерял большую часть своего состава ранеными и убитыми. Командир 2-го батальона Суйтынь, четыре ротных командира, начальник пулеметной команды и около 400 стрелков были ранены.

5-й латышский полк, понесший очень тяжелые потери, следовало отвести в тыл, но в этот период положение на фронтах настолько обострилось, что сделать это было невозможно. Советское государство воевало с панской Польшей, и основное внимание было обращено на Польский фронт, поэтому туда посылались все подкрепления. Против Врангеля нужно было воевать теми силами, которые имелись в нашем распоряжении, — подкреплений ждать не приходилось.

Для того чтобы нанести Врангелю решительный удар, высшее командование в июле 1920 года решило создать ударную группу в составе II конной армии и трех стрелковых полков (5-го латышского особого, мадьярского и одного русского полков, собранных из различных частей). Вся эта ударная группа называлась интернациональной бригадой.

27 июля ударная группа должна была начать наступление, но 25 июля Врангель крупными силами кавалерии, артиллерии и пехотных офицерских полков корниловцев, марковцев и дроздовцев неожиданно для нас перешел в наступление в районе нашей ударной группы (Орехов—Александровск, южнее деревни Щербаковки).

Противник крупными силами кавалерии и пехоты опрокинул оба наших фланга и принудил наши части к отступлению. На своих позициях остались только ударная интернациональная бригада — 5-й латышский, мадьярский и сводный русский полки. К вечеру 26 июля белые далеко обошли наши фланги. Глубоко в тылу у нас слышалась артиллерийская

стрельба. Мы ждали наступления II конной армии на Александровск, ибо только это могло спасти нас от окружения и уничтожения, но она не прибыла к нам на помощь. В течение всего дня над нами летали самолеты белых, хорошо понимавших безвыходность нашего положения.

После продолжительного ураганного артиллерийского обстрела с трех сторон позиций нашей ударной группы кавалерия и пехота белых бросилась в атаку на наши окопы. Первая атака была отбита, за ней последовала вторая, третья... Атаки белых отбивались с огромными для них потерями. И хотя в наших окопах было много убитых и раненых, лучшие офицерские полки врангелевцев — корниловцы, марковцы и дроздовцы — разбивались о нашу ударную интернациональную бригаду, как о скалу. Враг был задержан, и его стратегический план внезапного и стремительного наступления сорван. Белым не удалось углубиться в богатые хлебом южные районы и захватить Донбасс до подхода войск Красной Армии с Польского фронта. Однако нам эти кровавые бои также обошлись дорого. Из окружения вырвались лишь небольшие группы бойцов ударной интернациональной бригады. Большинство полегло смертью храбрых в неравном бою. Интернациональная бригада с честью выполнила свой воинский долг перед рабоче-крестьянской властью.

Остатки героического 5-го латышского особого полка в августе 1920 года на Каховском плацдарме были присоединены к 5-му латышскому стрелковому полку, входившему в состав Латышской дивизии. Так закончилась славная боевая история 5-го латышского (бывшего Земгальского) особого полка, награжденного советским правительством двумя боевыми революционными Красными знаменами.

М. Л. РАППЕПОРТ,
кандидат исторических наук

СЛАВНЫЕ СЫНЫ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА

На площади Жертв Революции в Ленинграде (на бывшем историческом Марсовом поле) горит неугасимый огонь, зажженный к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции в честь тех бесстрашных солдат пролетарской армии, сынов коммунистической партии, кто славно жил и прекрасно умирал.

Рядом с могилами Володарского, Урицкого, Воскова, Еремеева, Нахимсона и других героев Октябрьской революции находится могила верных сынов латышского народа командира бывшего Семеновского полка П. Тауриня и комиссара этого же полка А. Купче.

Они погибли в бою с белогвардейцами 29 мая 1919 года на одном из участков Гатчинского фронта под Петроградом в результате подлой измены офицеров бывшего гвардейского Семеновского полка.

26 мая 1919 года, когда полк занимал позиции на участке Гатчина—Сиверская, был получен приказ о наступлении на деревню Выру. Командир полка Тауринь и комиссар Купче вместе со всем штабом выехали вперед.

Наступление начал первый батальон, а за ним в бой вступили остальные два. Подходя к деревне Выру, батальоны неожиданно получили приказ перестроиться из боевого порядка в строевой. Перед фронтом перестроившихся батальонов появился какой-то полковник с белой повязкой на рукаве и предложил красноармейцам назвать всех коммунистов полка. Никто из солдат не выдал командиров. Только в одной роте какой-то офицер-изменник указал на двух членов партии.

Когда товарищи Тауринь и Купче вернулись в деревню, где расположился штаб, их там встретили свои же офицеры, но уже с белыми повязками на рукавах, и предложили сдаться. Тауринь убил выстрелами из револьвера двух белогвардейцев, но сам пал в неравной схватке. Озверелые враги, набросившись на него, отрубили ему голову. Купче и остальных коммунистов, а также работников штаба изменники расстреляли.

Измена командного состава бывшего Семеновского полка была только одним из звеньев той цепи предательств и заговоров против молодой Советской республики, которые тогда организовывались классом эксплуататоров при активной поддержке западного империализма. Это произошло во время майского наступления Юденича на Петроград, и предательство бывших офицеров полка, так же как и измена на фортах

«Красная горка» и «Серая лошадь», было организовано в полном соответствии с инструкцией, составленной центром офицеров — участников подпольных антисоветских организаций.

П. Тауринь был членом партии с 1918 года. Он работал в Псковском и Череповецком Советах, был председателем Череповецкой чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Позднее он стал командиром 8-го латышского стрелкового полка, от которого и был избран делегатом на I съезд Советов Объединенной Латвии в январе 1919 года. Раненный в бою, он после выздоровления был назначен командиром стрелкового (бывшего Семеновского) полка.

А. Купче — член партии с 1918 года, был инструктором 1-го городского райкома Петрограда. По партийной мобилизации был назначен комиссаром этого же полка.

Товарищи Тауринь и Купче погребены в одной могиле со славными сынами русского народа — Толмачевым, Раковым, Калининим, Дорофеевым, Сергеевым.

«В народе жив вечно, кто для народа жизнь положил, трудился, боролся и умер за общее дело», — эти слова, высеченные на одном из гранитных цоколей на площади Жертв Революции, полностью относятся и к славным сынам латышского народа, товарищам Тауриню и Купче.

А. Д. РУМЯНЦЕВ,
генерал-лейтенант запаса

МОИ БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ ЛАТЫШИ

А. Д. Румянцев.

Служба моя в Советской Армии началась со дня ее рождения, которым, как известно, принято считать 23 февраля 1918 года. В тех самых боях с немцами под Псковом, которые были боевым крещением «новорожденной», довелось участвовать и мне. Это было, если называть точный «адрес», юго-западнее станции Карамышево, южнее Пскова. Впрочем если уж уточнять, то надо отметить, что моя солдатская служба началась раньше. Осенью 1917 года я работал в Петрограде на уксусном заводе и состоял в Василеостровском отряде Красной гвардии. Вместе с этим отрядом я штурмовал исторической ночью 25 октября Зимний дворец, на который наш отряд наступал со стороны Конногвардейского бульвара.

После победы Октября я остался в Красной гвардии, выполнявшей тогда множество разных дел. Одно из них запомнилось мне больше всех: это было личное задание Владимира Ильича Ленина. Для вновь создаваемых вооруженных сил Республики требовалось оружие, много оружия. А где его взять? Тут как раз широко развернулась демобилизация старой армии, и солдаты хлынули с фронтов по домам, захватывая с собой винтовки, а то и пулеметы. Ленин дал задание отрядам Красной гвардии выставить заслоны на узловых железнодорожных станциях и отбирать у демобилизованных оружие.

Наша довольно малочисленная группа выполняла ленинское задание на станции Дно. Нельзя сказать, чтоб это было легким делом. Подойдешь, бывало, к фронтовику-бородачу (а был я тогда 17-летним шуплым пареньком), потребуешь: «Сдавай, дяденька, оружие...» «А «дяденька» так глянет на тебя сверху вниз, что покрепче сжимаешь свою винтовку, — как бы он ее не отобрал... Все же поручение товарища Ленина выполняли мы, за малым исключением, точно — почти все оружие поотбирали.

Позднее, весной, когда наш отряд стал воинской частью регулярной Красной Армии, меня направили в учебную команду обучаться на подрывника. После обучения очутились мы, пятеро подрывников, на той же станции Дно. Среди нас был и один латыш, фамилии его не помню, а звали его Янис. В это время, примерно в конце августа, через станцию Дно следовал эшелон — отряд латышских стрелков направлялся на подавление белогвардейского мятежа Булак-Балаховича. Янис сговорился со своими земляками, и нас прикомандировали к этому отряду.

Позднее я узнал, что отряд этот был выделен из состава 5-го Земгальского латышского полка, который вместе со всей Латышской дивизией перешел из царской армии в Красную Армию целиком, в полном составе, включая командира полка полковника Иоакима Иоакимовича Вацietиса. И когда наш отряд после подавления мятежа вернулся в свой полк, вместе с ним прибыли и мы, подрывники. Так с конца лета 1918 года началась моя служба в латышской части, продолжавшаяся до конца гражданской войны.

5-й полк был расквартирован в то время в Серпухове — там находилась ставка верховного главнокомандования, а главкомом был Вацietис. Он и держал тут свой бывший полк в качестве охраны ставки. Вацietис очень любил свой полк и, видимо, безгранично доверял ему. Надо сказать, полк заслуживал такого доверия: не случайно ему выпала высокая честь первым в истории нашей страны получить первую награду Революции — Почетное революционное красное знамя ВЦИК за героические бои под Казанью в августе 1918 года.

В Серпухове мы несли караульную службу. Бывало, стоишь на посту у здания ставки — бывшей больницы Солодовникова — идет главком — невысокий полный мужчина с приветливым лицом. Вацietис имел привычку здороваться с часовыми за руку, приветствуя их на латышском языке. Как-то обратился он и ко мне: «Свейки, пуйка!» А я отвечаю: «Русский я, товарищ главком». Вацietис взглянул удивленно, улыбнулся и сказал уже по-русски: «Ну, здравствуй, русский пуйка!»

Был он не только приветливым, но и заботливым командиром. Мы знали: если попадем в караул, охранявший дом фабриканта Мараева, где жил главком, то уж обязательно все будем накормлены: об этом Вацietис всегда сам беспокоился. Впоследствии, много лет спустя, мне довелось еще раз встретиться с Вацietисом, но об этом — позднее.

Пока мы охраняли ставку, Латышская дивизия уже сражалась за родную Латвию, освобождая ее от власти оккупантов и местной буржуазии. Вацietис ни за что не хотел расставаться со своей верной охраной. Однако пришлось все же выделить из состава полка довольно большую группу командиров и политработников, которые и стали ядром сформированного в дивизии еще одного 5-го полка. Наш, «серпуховский», 5-й полк стал называться Особым, в отличие от другого 5-го полка, который уже был в дивизии. И в течение почти всей гражданской войны в Красной Армии были два 5-х латышских полка.

...К лету 1919 года нас перевели в Москву охранять Революционный Военный Совет Республики и другие центральные военные учреждения.

Расположились мы довольно хорошо — в Хамовнических казармах. Командовал полком Янис Грегор, бывший ранее офицером того же полка, — высокий, чуть сутуловатый человек, по специальности — учитель. А комиссаром был Янис Лундер, душевный, но твердый боевой комиссар.

Вскоре бойцы стали тяготиться своим пребыванием в Москве: на фронте создалось трудное положение, Деникин рвался к Москве, дошел до Орла и угрожал Туле. Стрелки 5-го особого полка настоятельно просили, чтобы их отправили на фронт. В конце сентября 1919 года их просьбу уважили — полк выехал на фронт. Ехать, впрочем, пришлось недалеко — под Тулу, где мы выгрузились и заняли оборонительные рубежи на дальних подступах к нашей «оружейной кузнице». Однако и тут мы пробыли недолго. В двадцатых числах октября спешно погрузились в вагоны и тремя эшелонами отправились в путь. Куда — объявлено не было, а расспрашивать не полагалось — военная тайна. Но мы были уверены, что возвращаемся к себе, в Хамовники, где еще оставались наши полковые тылы.

Во время спешной погрузки в Туле все мы изрядно устали и в вагонах заснули богатырским сном. А когда проснулись — часов в 11 следующего дня — увидели вывеску на здании вокзала: «Малая Вишера». А это уже далеко от Москвы и близко к Петрограду, куда, следовательно, и лежал наш путь. По тем временам это было необычайно быстрым передвижением — не зря наш головной эшелон тянули сразу два паровоза. И хорошо, что так поспешили: когда во второй половине дня мы стали выгружаться на станции Поповка, совсем близко от Петрограда, то делали это под невеселый аккомпанемент оружейной канонады, звучащей неподалеку. Как оказалось, белые накануне заняли деревню Ям-Ижора, от которой до линии железной дороги — рукой подать.

Той же ночью, за два часа до рассвета, Янис Грегор повел полк в ночную атаку на Ям-Ижору. Белые не ожидали этого, они даже не знали о нашем прибытии и утром рассчитывали занять станцию Поповку, перерезать Николаевскую железную дорогу, разъединить Питер и Москву... Наша внезапная атака вызвала среди бежавших панику. Опрокинув их заборы, наши бойцы захватили мост через реку Ижора и перешли на другой берег. Тут к белым подоспели подкрепления, завязался горячий штыковой бой, причем в первых рядах наших бойцов сражался сам командир полка. Бой закончился нашей полной победой — была очищена от врага не только Ям-Ижора, но и расположенная на противоположном берегу деревня Войсковое, а белые отступили на окраины Павловска. Так замечательно проявили себя латышские стрелки в первом же бою под Петроградом. Нельзя не отметить огромную роль, которую сыграла оборона 5-м полком линии железной дороги. В тот же день началось наше контрнаступление под Пулковом, и Юденич после ряда успехов вынужден был перейти к обороне и отступлению.

Наш полк вместе с другими частями Красной Армии продолжал вести наступление на Павловск. Тут и произошел тот знаменательный бой, во время которого вооруженные одними винтовками и пулеметами бойцы 5-го полка обратили в бегство, а затем захватили вражеские танки. Дело

было так: лежим мы в цепи, ведем перестрелку, как вдруг по цепям проносится: «Танки! Танки!» Мы с ними сталкивались впервые и не знали, с какого конца к ним подступиться. Видим только — надвигаются на нас бронированные громады, всюю строчащие из пулеметов. Правда, толку от того огня почти никакого — бьет танк вслепую, по солдатской поговорке, «в белый свет, как в копеечку», — но вид устрашающий, да и грохота много. Когда танки были уже близко от нас, бойцы заколебались, но тут поднялись во весь рост находившиеся с нами в цепи командир полка Грегор и комиссар Лундер и, взяв винтовки наперевес, пошли прямо навстречу танкам. Тут уж весь полк как один человек поднялся и пошел за своими командирами. Куда девались и страх и растерянность — геройское поведение Грегора и Лундера воодушевило всех нас. Начали мы стрелять по танкам из винтовок, а когда приблизились вплотную, некоторые смельчаки стали взбираться на них, колотили прикладами по броне, а другие кололи штыками гусеницы. Конечно, от наших пуль да штыков ущерба танкам было немного, но экипажи, видать, струсили не на шутку — смотрим, грозные танки поворачивают и давай ходу от нас, пехоты. А ход у них тогда был слабенький, мы за ними не отстаем. Гнали мы так их километра два-три, пока не загнали в болото, где они застряли и мы их захватили. А белогвардейская пехота, наступавшая под прикрытием танков, увидев, как они повернули, последовала их примеру и тоже отступила.

Этот бой, в котором танки белых потерпели позорное поражение, был отмечен высокими наградами, которые по справедливости были вручены Янису Грегору и Янису Лундеру очень скоро — примерно через неделю. Прямо рядом с позициями был выстроен полк, и перед его строем к шинелям его командиров были прикреплены ордена Красного Знамени. Если я не ошибаюсь, это были чуть ли не первые орденосцы нашего полка.

Бои под Павловском были переломными, и наш полк, продолжая развивать успех, вместе с сибирскими стрелками двинулся на Гатчину, через Царское Село. Во время боя за Царское Село произошел случай, во время которого комиссар Янис Лундер еще раз проявил свою решительность. В нашем полку было несколько молодых добровольцев, присоединившихся еще в Серпухове, и среди них — сын местного попа. Движемся мы одним из царскосельских парков, атакуем белых, а попovich все отстает и отстает от цепи, пока не оказался уже порядочно сзади. Вдруг — слышим оттуда ружейный выстрел: он, оказывается, вздумал нам в спину стрелять... Тут Лундер бегом направился прямо к нему и без лишних слов выстрелом из револьвера уложил подлеца на месте.

Гатчину Юденич оборонял исключительно упорно — это был важный узел дорог. И хотя превосходство — и численное, и в вооружении — было на стороне врага, латышские и сибирские стрелки, тоже прибывшие сюда, одолели белых, добыв победу не числом, а умением. Избегая потерь, наши командиры старались вести бои ночью, чего белые очень не любили, — они предпочитали по ночам отсыпаться, а мы им не давали покоя. Между прочим, и Гатчину наш полк занял в ночном сражении, но мне в нем участвовать не пришлось. В одном из боев на подступах к Гат-

чине я был ранен двумя осколками снаряда. Вот когда я узнал, что латыши не только хорошие солдаты, но и верные, настоящие друзья.

Ранило меня на ровной местности, когда уже рассвело, а белые расположились на бугре, откуда хорошо просматривалась и простреливалась вся местность. От ран я потерял сознание, но боевые товарищи не оставили меня: рискуя своей жизнью, двое стрелков подползли ко мне, сделали из обмоток лямки и, не считаясь с опасностью, потащили меня в тыл. На пути, к счастью, оказалась канавка, по которой меня и тащили по первому, слабому еще ледку. Тащить пришлось километра с три, если не больше, по дороге я несколько раз приходил в себя, но снова терял сознание и, естественно, даже не заметил лиц своих спасителей. Дотащив меня до перевязочного пункта, они сдали меня медикам и тут же вернулись обратно, на позиции. Так я по сей день не знаю, кому обязан жизнью, хоть потом и пробовал разыскать своих спасителей.

За бои под Павловском 24 октября 1919 года наш полк вновь был удостоен высокой награды — Почетного революционного красного знамени. Первым в Красной Армии получил он эту награду за бои под Казанью и, если не ошибаюсь, первым же стал обладателем второго Знамени. Да и вообще дважды краснознаменных частей за время гражданской войны было немного.

После ранения меня лечили в госпитале в городе Тихвине. И тут, как только немного пришел в себя, я стал искать однополчан, латышей. В соседней палате оказался раненый стрелок по фамилии, если память мне не изменяет, Калнынь. Мы с ним старались держаться вместе, вместе выписались из госпиталя в конце ноября, вместе поехали в Петроград за назначением в свою часть. Но тут меня вздумали направить в русскую воинскую часть, а мне совсем не хотелось расставаться с латышами. Вместе с Калнынем пошли мы к товарищу Петерсу — коменданту Петроградского укрепленного района. Выслушал он меня внимательно и распорядился отправить в ставший для меня родным 5-й особый латышский стрелковый полк.

Добрались мы с Калнынем в конце ноября до второго эшелона полка, который разыскивали в Ямбурге (ныне город Кингисепп), а сам полк уже вел бои за Нарву. Я имел право на отпуск для поправки, но, боясь отстать от своего полка, не воспользовался им, а поправку проходил в своей солдатской семье. А встретили меня тут не хуже, чем в родной семье. Времена были трудные, но товарищи делились со мной всем, даже последними кусочками сахара, который тогда в нашем красноармейском пайке был немалой драгоценностью. Благодаря помощи товарищей я поправился быстро и вскоре вернулся в строй, в свою 5-ю роту, где был назначен на первую в своей жизни командную должность командира отделения. Даже тогда, в свои 19 лет, я понимал, какое большое мне оказывают доверие, поручая командовать такими замечательными и бывалыми бойцами, какими были латышские стрелки.

Здесь же, в районе Ямбург — Нарва, мне было оказано еще одно великое доверие. Еще раньше я состоял в «сочувствующих» (тогда ведь кандидатов в члены партии не было вовсе, их в какой-то мере заменял институт «сочувствующих»), откуда прямой путь был в партию. 15 ян-

варя 1920 года в лесу в шалаше на собрании коммунистической ячейки полка я был принят в ряды партии Ленина, партии большевиков. Тут же, на собрании, мне был вручен партийный билет — процедура тогда была простой.

Вскоре подоспел мир с буржуазной Эстонией, и полк вернули в Москву. После тяжелых трехмесячных боев под Петроградом и Нарвой полк нуждался не только в отдыхе, но и в пополнении. На это ушла весна 1920 года, и лишь в начале лета 5-й полк отправили на фронт — на этот раз на юг, против Врангеля. Мы успели туда как раз в ту пору, когда Врангель предпринял отчаянную попытку вырваться из Крыма в степи Северной Таврии. Вначале его наступление имело успех, он дошел до Александровска (нынешнее Запорожье) и угрожал Донбассу. Нашему полку сразу по прибытии на фронт пришлось вступить в тяжелые бои с наступавшим врагом.

В районе Мелитополя нам приходилось вместе с другими героически сражавшимися частями Красной Армии отражать непрерывные атаки врангелевцев, нередко переходя в контратаки. Правее, на берегах Днепра, совсем неподалеку стойко дралась с врагом Латышская дивизия, а нашему полку все не удавалось присоединиться к ней. Здесь же, под Мелитополем, в одном из тяжелых боев наш полк попал в окружение, но воевал геройски. В строю оставалось совсем мало бойцов, да и те большей частью были легко ранены. Врангелевцам тогда удалось захватить часть наших товарищей в плен. В числе их оказался и комиссар полка Лундер. Однако спустя несколько часов он бежал, бежал смело, я бы сказал, дерзко. Ночью (захватили его вечером), улучив момент, почти на глазах у растерявшегося конвоя, он кинулся в густые заросли кукурузы. Белые быстро спохватились, открыли огонь, но Лундер под прикрытием темноты скрылся в кукурузных «джунглях» и, уйдя от врага невредимым, вскоре добрался до своих.

В ожесточенных боях под Мелитополем наш 5-й особый полк понес огромные потери. Тогда-то и было решено вернуть его остатки в Латышскую дивизию, которая обороняла вместе с другими соединениями прославленный Каховский плацдарм. Оставшаяся часть наших бойцов и командиров влилась в 5-й полк дивизии, а некоторые были распределены по другим полкам. Я попал в 4-й полк, где занял ту же должность, которую последнее время занимал в своей части, — командира взвода.

В августе врангелевцы предпринимали отчаянные попытки овладеть Каховским плацдармом, опрокинуть наши части в Днепр. Но, несмотря на все усилия, им это не удавалось. Умело и основательно укрепленные позиции (их сооружали по плану и под руководством замечательного военного инженера Карбышева — того самого, который своим героизмом и мужеством во время пребывания в немецком плену в годы Великой Отечественной войны снискал себе вечную славу), а также мужество бойцов 15-й, 51-й и Латышской дивизий, стоявших насмерть, помешали «черному барону» осуществить свой замысел — плацдарм оставался нашим.

В этих боях латышские стрелки не раз сталкивались с танками. И хотя их было тут намного больше (иногда в атаку шло сразу более десяти танков), теперь уже никто не терялся при виде их — сказывался

накопленный опыт. Помню, когда мы находились в окопах в районе Б. Маячки — Казачьего, — эти пункты занимал противник, — на нас двинулась в атаку большая группа танков. Никто даже с места не тронулся, а когда танки приблизились к окопам вплотную, мы все притаились на дне окопов и спокойно сидели, пока они не прошли над нашими головами, а потом отряхнулись и снова заняли свои места, готовые отразить атаку белой пехоты. С танками же мы предоставили возможность расправиться нашей артиллерии, которая к тому времени неплохо научилась это делать.

Осенью, когда к Красной Армии прибыли с Польского фронта солидные подкрепления, включая I конную армию Буденного, она перешла в решающее наступление, вновь загнав Врангеля в Крым, за его считавшиеся неприступными перекопские укрепления. Однако, как известно, перед Красной Армией и эти «неприступные» укрепления не устояли. В начале ноября 1920 года начался знаменитый штурм Перекопа, в котором приняла участие и Латышская дивизия. Сперва мы находились во втором эшелоне штурмующих колонн, в резерве, а когда 51-я дивизия, овладев Турецким валом и дойдя до Юшунских позиций, остановилась, пришел и наш черед. Пройдя через боевые порядки 51-й дивизии, через Армянский Базар, стрелки штурмом овладели Юшунскими позициями.

В боях на перешейке латышские стрелки еще раз показали свое замечательное упорство и выдержку. Наступали, разумеется, ночью (днем от наступающих ничего бы не осталось), и в самый разгар атаки вдруг среди нас стали рваться снаряды большого калибра. Голоса орудий не слышно, а снаряды неизвестно откуда летят и рвутся — жутко... Однако стрелки не растерялись, быстро рассредоточились по окопам, воронкам, канавкам — залегли, пережидают. А при первой возможности поднялись и вновь ринулись в атаку. Позднее мы узнали, что то была корабельная артиллерия врангелевских военных судов, которая была издалека.

После успешного штурма Перекопа и Юшуня, выполняя стратегический план командования, полки Латышской дивизии повернули на запад, ведя наступление вместе с другими частями Красной Армии в направлении Саки—Евпатория. Тут и произошел трагический эпизод, одной из жертв которого стал храбрый комбриг Лабренцис. Дело в том, что перед штурмом Перекопа к Красной Армии присоединились махновцы. По чьей-то недопустимой близорукости им поручили вместе с наступающими частями нашей армии преследовать бежавших в панике врангелевцев. А бандиты стали нападать с тыла, подло, на отдельных наших командиров и бойцов, боровшихся ранее с махновцами. Во время одного из таких гнусных нападений в степи были зарублены комбриг Лабренцис и его ездовой.

Когда с Врангелем было покончено, настала очередь и махновцев. В этих очистительных боях приняли участие и части Латышской дивизии. Беспощадно уничтожая бандитскую нечисть, латышские стрелки рассчитались с ними за погибших. То были последние боевые дела Латышской стрелковой дивизии. Строго соблюдая условия заключенного с буржуазным правительством Латвии мирного договора, наше советское командование расформировало дивизию, и всем желающим была

предоставлена возможность вернуться на родину, в Латвию. Однако многие предпочли остаться на своей большой советской Родине.

Еще до расформирования дивизии был объявлен набор лиц среднего командного состава на Высшие стрелковые курсы — «Выстрел», как их сокращенно называли. Набралось нас таких желающих учиться 19 человек, из них 18 латышей и один я — русский. Приехали мы в Москву уже в самом конце года, в последних числах декабря. Зима стояла лютая. Прибыли мы на Курский вокзал, чтобы ехать на станцию Кусково — пригород, где размещался «Выстрел», а поезда ходили плохо, нерегулярно, ждать надо было долго. В здании вокзала было немногим теплее, чем на улице, и, чтобы не замерзнуть, мы решили всей группой двинуть пешком на Кусково — добрый десяток километров. Дошли хорошо, люди мы были молодые, закаленные, а главное — дружной была наша компания. Но на курсах пришлось нам учиться порознь: из латышей сформировали отдельную группу, а меня присоединили к русским. Однако жили мы на одной даче и дружили по-прежнему. Вместе ходили несколько раз на различные московские товарные станции провожать следовавшие на запад, в Латвию, эшелоны с возвращавшимися на родину бывшими латышскими стрелками.

И в дальнейшем всюду, где мне приходилось служить, везде я старался отыскать своих однополчан латышей, с которыми крепко подружился настоящей, солдатской дружбой в лихие годы гражданской войны. Дружба эта сохранилась и в мирное время, когда в двадцатых годах пришлось мне служить в 25-й Чапаевской дивизии. Тут я встретил Яниса Элсиса, с которым подружился (он в свое время был в дивизии комбригом). В той же Чапаевской дивизии 73-м полком командовал еще один латыш — товарищ Бипус.

Памятная встреча произошла у меня в начале тридцатых годов, когда я уже учился в Академии имени Фрунзе. Одну из кафедр в Академии вел И. И. Вацietис — бывший командир 5-го полка и бывший главком Красной Армии. Разумеется, он не мог запомнить «русского пуйку», с которым он приветливо здоровался в Серпухове, но я его помнил хорошо. Между прочим, тогда на занятиях мы узнали от товарища Вацietиса подробности разработки и осуществления известного стратегического плана разгрома Деникина, одним из основных авторов которого был И. И. Вацietис.

В заключение я хочу рассказать еще об одной встрече с латышскими стрелками, относящейся к более позднему периоду. Осенью 1941 года мне в качестве начальника Главного управления кадров Красной Армии довелось принимать деятельное участие в формировании Латышской дивизии, подбирать для нее основные командные кадры. А когда дивизия была отправлена на фронт, в район Наро-Фоминска, я поехал туда — очень уж хотелось своими глазами увидеть в деле и бывших своих боевых товарищей (в дивизии были и участники гражданской войны), и новое поколение латышских стрелков. Три дня я провел в расположении дивизии и убедился, что славные традиции латышских стрелков эпохи гражданской войны в надежных руках; не разучились драться с врагом мои боевые друзья — латыши.

П. Я. ПЛАУДИС

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

НА ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ ВЕСНОЙ 1920 Г.

Во время перемирия на Латвийском фронте наш полк занимал позиции у Зилупе. Серьезных боев, за исключением стычек с разведчиками белых, не происходило. Весной 1920 года мы попрощались с Зилупе и отправились на Польский фронт. В это время международная буржуазия начала готовить новый поход против Советской России. Главными силами этого похода были армия барона Врангеля на юге Советской республики и польская белогвардейская армия Пилсудского на западе. Весной 1920 года эти контрреволюционные армии начали активизировать военные действия, перейдя в наступление. Поляки приближались к Киеву и вторглись в Белоруссию, а Врангель угрожал Донбассу. Необходимо было срочно оказать помощь народам Украины и Белоруссии.

На Украине против белогвардейцев продолжала сражаться Латышская стрелковая дивизия. Наш полк отправился на помощь белорусам. В последнее время на Латвийском фронте мы хорошо отдохнули. Нас сменил Петроградский полк Красной Армии. В Белоруссии наш полк влился в одно из ударных соединений, и вместе с другими частями Красной Армии он перешел в контрнаступление. Польские панцы сконцентрировали против нас свежие воинские части, свои «знаменитые» реакционные Познанские полки, которые выделялись среди других воинских частей панской Польши особенной враждебностью по отношению к Красной Армии.

В мае 1920 года, если я не ошибаюсь, в первой половине месяца, наш полк вместе с остальными частями Красной Армии после многих тяжелых боев, освобождая города и села Белоруссии, подошел к городу Глубокому. Нашему полку было поручено взять его. Полк на скорую руку оборудовал позиции в нескольких километрах от города и приготовился к отражению возможного наступления противника.

Рассветало. В полной боевой готовности стрелки в окопах ждали приказа о наступлении. На наших флангах стояли героические белорусские части Красной Армии. Лежа в окопах и глядя на восходящее утреннее солнце, стрелки ждали, что «день грядущий им готовит».

Командир батальона Печкурис в этот ранний утренний час был необычно деятелен и явно нервничал. Вскоре стрелки по цепи один другому передали приказ спешно двигаться вперед. Едва мы успели немного удалиться от наших ночных позиций, как белые уже стали нас «приветствовать» выстрелами. Цепь стрелков прижалась к земле, но затем продолжала продвигаться перебежками. По мере приближения к позициям

врага мы все усиливали огонь из ручных пулеметов и винтовок. Местами стрелки подползли уже так близко к полякам, что можно было пустить в ход ручные гранаты.

Наша рота оказалась в невыгодном месте, так как поле, которое нам предстояло пересечь, сильно обстреливалось поляками. Приближаясь к первой линии противника, мы ускорили перебежки. Поляки на первой линии не приняли рукопашной и бросились бежать в тыл, оставив много убитых. Достоточно потерь было также и на нашей стороне.

Продолжая преследование врага, наш батальон дошел к густому, пышно разросшемуся кустарнику. Как только мы приблизились к нему, из чащи вышла цепь солдат второй польской линии, выдвинув вперед тонкие, длинные штыки французских винтовок. Это были солдаты Познанского полка, рослые,

Латышские стрелки В. Балодис (слева) и П. Плаудис весной 1920 г.

хорошо откормленные на хлебах Антанты, одетые в форму английской и французской армии и вооруженные французским оружием. Наша и вражеская цепи приближались одна к другой, пока, наконец, не столкнулись.

Внезапная контратака польских белогвардейцев не сломила храбрости и боеспособности стрелков. Последовала короткая, но яростная рукопашная. Крики «ура» с обеих сторон слились в один непрерывный ужасный рев, который почти перекрыл шум боя. Повсюду слышался лязг оружия и глухие удары.

Когда подросла наша вторая цепь стрелков, мы общими усилиями разбили хваленых познанцев, а их остатки заставили в панике бежать. Продолжая стремительное наступление, мы освободили город Глубокое. На наших флангах так же успешно сражались красноармейцы других полков.

Польские белогвардейцы под Глубоким получили сильный удар. Им не помогли даже французские аэропланы, которые летали над нашими второй и третьей линиями и обстреливали их с воздуха. Наступление польской армии на упомянутом участке фронта в Белоруссии было не только задержано, но сами поляки были отогнаны за Глубокое. Польская армия понесла большие потери убитыми и ранеными, часть попала в плен. Кроме того, мы добыли много военных трофеев. Однако польская армия разгромлена не была, так как у нее еще оставались большие резервы. Поляки готовились к новому контрнаступлению. В нашем полку также было много убитых и раненых. Так, например, в нашей роте оста-

лось совсем мало стрелков, хотя из строя не ушли легко раненные, в том числе и автор этих строк (меня ранили штыком в грудь). Среди павших был воспитатель нашей молодежи — старый большевик, рижский рабочий Янис Гутманис.

В этом бою тяжело ранило нашего комбата Печкуриса, и он был вынужден оставить строй. Этого героического борца я встретил в 1925 году в Смоленске, где он в то время работал начальником уголовного розыска милиции и беспощадно боролся с бандитами, ворами и грабителями.

Во время одной из передышек между боями на Польском фронте еще до сражения под Глубоким несколько представителей нашего полка за проявленное геройство и успешное проведение боев на Латвийском, Литовском, Эстонском и Польском фронтах были награждены орденами Красного Знамени. Среди награжденных были командир полка Бейка, командир батальона Печкурис, командир роты Лацис, командир разведки полка Стипник и другие.

После боя под Глубоким наш полк сменили и мы перешли в резерв армии. В связи с тем, что наш полк в боях потерял большую часть своего состава, был получен приказ расформировать Латышский стрелковый полк особого назначения, а оставшихся в строю стрелков послать на Южный фронт для пополнения Латышской дивизии, которая героически сражалась там против барона Врангеля.

В начале июня 1920 года стрелки собирались в дорогу. Командир полка Янис Бейка и его помощники со слезами на глазах прощались с нами, пожелав успеха в предстоящих боях на Южном фронте. Штаб полка, хозяйственная и санитарная части, за исключением ротных фельдшеров и санитаров, а также артиллерия оставались на Западном фронте. Жаль было расставаться с любимым командиром полка, с которым вместе мы провели почти целый год героических сражений. Под звуки оркестра мы бодро прошагали в последний раз мимо командования полка. В строю стрелков у многих были перевязаны голова, руки, повязки белели на ранах, полученных в последних боях. Мы дошли до станции Полоцк и здесь переправились через Даугаву. По пути мы встретили долгожданные армейские резервы — пехотные соединения и кавалерийский корпус, которые отправлялись на Польский фронт. Польские паны за это время успели послать в бой новые силы и заставили части нашей армии временно оставить Глубокое.

В Полоцке мы погрузились в вагоны и отправились на юг навстречу новым боям. Нам, молодежи, путь на юг был незнаком. В первый раз в жизни мы увидели бескрайние южные степи, о которых лишь читали в книгах или знали по рассказам старых стрелков.

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Темно-красные товарные вагоны, монотонно постукивая, катились по рельсам. Стрелки бывшего полка особого назначения в нескольких вагонах ехали через Белоруссию — нынешние Смоленскую, Брянскую и другие области, через степи Украины на Александровск (ныне Запорожье) — на Южный фронт.

В начале июля 1920 года наш стрелковый отряд численностью примерно 150—200 человек явился в Александровск. Ранним утром белогвардейские аэропланы, «приветствуя» нас, сбросили несколько бомб поблизости от наших вагонов, не причинив, однако, никакого ущерба ни нам, ни железнодорожной станции. Подобный вид боя был нам совершенно незнаком. На Польском фронте нас обстреливали из пулеметов с французских аэропланов, здесь же, на юге, с воздуха стали бросать бомбы. Этот вид атаки в то время применялся еще редко.

В Александровске нас передали в распоряжение одного из прифронтовых штабов, который должен был решить, в какую часть нас включить. Среди стрелков по «солдатскому телеграфу» распространилась весть о том, что нашу группу хотят оставить в тылу для охраны штаба. Это встревожило стрелков, начался ропот. Стрелки говорили, что не за тем они ехали на Южный фронт, чтобы стать «тыловыми крысами». Мы упорно требовали послать нас на фронт. Об этом желании стрелков было доложено штабному начальству. Решение вопроса затянулось. Штабное начальство было недовольно «неблагодарностью» стрелков. К нам явился один из представителей этого штаба, судя по виду и акценту, кавказец. Видно было, что ему очень понравилась наша выправка, но не удовлетворило наше вооружение. Он приказал заменить старые, сильно изношенные винтовки новыми. Стрелкам это не понравилось, но мы привыкли выполнять приказы беспрекословно. Мы получили совершенно новые винтовки, которые надо было еще проверить на поле боя.

Александровский штаб в конце концов решил послать наш отряд в 5-й латышский (Земгальский) особый полк, который в то время занимал позиции около села Янчекрак — в 25—30 километрах от Александровска в сторону Крыма.

На пути к селу Янчекрак у нас произошло столкновение с бандой Махно, которая активно действовала в этом округе. Бандиты, почувствовав, что имеют дело с армейской частью, боя не приняли.

Командование 5-го стрелкового полка и стрелки приняли нас с огромным воодушевлением. Этот полк недавно прибыл на Южный фронт, будучи весьма боеспособной частью, однако в последних наступательных боях, при освобождении Янчекрака и других сел, ряды подразделений полка сильно поредели, так что пополнение было необходимым и своевременным.

Обязанности командира 5-го полка исполнял в то время Волфрид Парвар. Стрелки уважали его как хорошего командира и боевого соратника — он всегда был вместе с рядовыми стрелками. Самого командира полка Яниса Грегора, который рекомендовал себя в боях толковым и храбрым командиром, вновь прибывшим не удалось увидеть ни в сражениях, ни на отдыхе. Говорили, что он болен и находится на лечении. Комиссаром полка был Янис Лундер. Мы, бывшие стрелки полка особого назначения, гордились тем, что будем сражаться в рядах героического 5-го (бывшего Земгальского) особого латышского полка Красной Армии, который своими подвигами на фронтах гражданской войны завоевал бессмертную славу и одним из первых полков Красной Армии дважды

был награжден правительством Советской России Почетными революционными красными знаменами.

Стрелки 5-го полка много рассказывали нам о своих героических сражениях с контрреволюционным чехословацким корпусом под Казанью, а также о боях с армией Юденича на Петроградском фронте, где они впервые встретились в бою с английскими танками. Они с глубоким уважением говорили о своем бывшем командире полка — земгальце И. И. Вацетисе, под командованием которого они сражались на Рижском фронте с войсками Вильгельма II еще до Октябрьской революции, а затем участвовали в подавлении эсеровского мятежа в Москве и других местах. Как известно, В. И. Ленин доверил И. И. Вацетису в 1918 году руководство подавлением эсеровского мятежа в Москве, что он и выполнил блестяще.

В начале июля армия Врангеля начала активизировать военные действия, особенно в районе Александровск—Орехов, чтобы углубиться на территорию Украины.

Уже на следующий день после прибытия мы участвовали в большом сражении в окрестностях села Янчекрак. Белые яростно атаковали наши позиции, стремясь вернуть Янчекрак, откуда их выгнали стрелки 5-го полка. Атаку белых мы отбили, и они отступили с большими потерями. В этом бою мы, вновь прибывшие, столкнулись с неприятной неожиданностью: выданные александровским штабом винтовки оказались негодными, так как после первых выстрелов затворы нельзя было сдвинуть ни вперед, ни назад. Лишь саперными лопатками удавалось силой выбивать и заколачивать затвор. С такими винтовками мы были бесполезны в бою, и кое-кому из белогвардейцев удалось поэтому уйти с поля боя невредимым. Нужно было по возможности быстрее избавиться от этого непригодного оружия. Мы собрали на поле боя винтовки, брошенные белогвардейцами, и заменили ими свои.

Через несколько дней наш полк, который в последних боях потерпел значительный урон, перевели во вторую линию. На второй или третий день после этого стала слышна интенсивная деятельность артиллерии на передовой линии фронта. Стрелки, как будто предвидя, шутили: сушите, ребята, портянки и обувайтесь, придется идти на подмогу первой линии утихомиривать белых. Так и случилось. Ночью мы получили приказ срочно отправиться на передовую и помочь отбить яростную атаку белых. В течение нескольких минут все были в боевой готовности и отправились в путь. Несколько километров, отделявшие нас от передовой, мы прошли до рассвета. Вокруг расстилалась бескрайняя южная степь, царила тишина. Мы не знали, где искать своих, и остановились, чтобы выиснить положение. По-видимому, части с передовой, не замеченные нами, отступили в другом направлении.

Солнце взошло, а степь еще окутывала голубовато-серая дымка. Тут мы заметили, что на нашем левом фланге начали собираться пехота и кавалерия. Мы думали, что это передовые красноармейские части. Наше командование послало двух стрелков установить связь с ними и разузнать, что происходит на фронте и какая помощь им нужна.

На помощь нам явился также батальон им. III Интернационала, сформированный из военнопленных мировой войны — венгров. Они, как и наш полк, были посланы на передовую и искали наши армейские части.

Утреннее солнце, поднявшись над горизонтом, рассеяло дымку, и теперь яснее вырисовывались степные просторы. Посланные нами свя-зные продолжали свой путь навстречу частям, которые мы видели на фланге. Внезапно связные опрорхотью бросились назад. От воинских частей, к которым они были посланы, отделилась группа всадников и начала их преследовать. Раздались отдельные выстрелы. Несколько всадников упало, а их кони ускакали в степь. Остальные всадники окру-жили обоих стрелков... Еще несколько выстрелов, и потом все затихло... Расстояние между нами и группой всадников было так велико, что от-крывать ружейный огонь не имело смысла, потому что мы все равно не помогли бы своим товарищам. Так смертью героев пали двое стрелков нашего полка. Один из них был нашим комсомольцем, но фамилию его я, к сожалению, не помню.

Стало ясно, что на нашем фланге враг. Мы тут же заняли позиции. Начали окапываться, раскалывая лопатами иссохшую на солнце твер-дую, как камень, черную степную почву. Тем временем цепь пехоты бе-лых двигалась в нашу сторону. За нею следовало несколько броневиков, поднимая большие облака пыли в сухой степи, так как длительное время не было дождя и стояла чрезвычайно жаркая погода. В тылу вен-герского батальона также показались белогвардейские части. Через ко-роткое время выяснилось, что в наш тыл вошло большое кавалерийское соединение белогвардейцев и что мы, 5-й латышский полк и венгерский батальон им. III Интернационала, попали в ловушку. Над нашими пози-циями появились аэропланы белых, на крыльях которых были видны опознавательные знаки царской армии. Аэропланы летели очень низко над землей, — по-видимому, они намеревались установить наши силы.

Наше командование отдало приказ раздать стрелкам из обзоров со снаряжением все патроны, ручные гранаты, пулеметные ленты и приго-товиться к длительным боям в окружении против вражеских танков и броневиков. Стрелки решили бороться не на жизнь, а на смерть.

Белые медлили с началом наступления. Они, как это можно было ви-деть, направляли мимо наших обнаженных флангов в тыл к нам все но-вые группы кавалерии.

Затем началось наступление. Первую цепь белогвардейцев мы уни-чтожили. За ней следовали вторая и третья цепи, бронемашины. Против последних мы пустили в ход ручные гранаты Новицкого и несколько машин уничтожили, остальные отступили. Ряды пехотинцев белых также поределели. Отдельные наши роты уже стали подниматься в контратаку, заставляя белых отступать. Мы отняли у противника три полевых ору-дия. От непрерывной стрельбы наши винтовки до того раскалились, что начали тлеть надствольные деревянные детали. Охлаждать их было не-досуг, поэтому мы подбирали тут же на поле боя винтовки своих и бело-гвардейцев.

Над нами опять показались аэропланы белых и обстреляли нас из пулеметов. Когда нашим ружейным огнем был подожжен один из аэро-

планов и он, объятый пламенем, рухнул в тылу белых, остальные стали боязливее и больше так низко не летали.

Первое фронтальное наступление вражеской пехоты мы отбили с большими потерями для белых. На нашей стороне потери тоже были, но пока небольшие.

От взятых в плен раненых белогвардейцев мы узнали, что против нашего полка и венгерского батальона концентрировались лучшие белогвардейские части — полки Корниловской, Дроздовской и других дивизий. Мы должны были вырваться из кольца белых. Мы получили приказ продвигаться в сторону Янчекрака, который находился близ железнодорожной линии Александровск — Крым, и там соединиться с бронепоездами нашей армии.

Во время перехода в одной из балок мы наткнулись на крупную часть белоказачков, которые в полной боевой готовности ожидали момента, когда пехота белых заставит нас в панике отступить, чтобы затем напасть. Но белые просчитались — цепи стрелков и венгров отступали без паники. По команде мы сомкнулись и приготовились к бою с кавалерией. Нам предупредили, чтобы мы стреляли только тогда, когда противник подойдет на ружейный выстрел. Мы могли рассчитывать лишь на запасы патронов, которые находились в нашем распоряжении, так как не было ни малейшей надежды на то, что с тыла смогут патроны подвезти.

Приблизившись к казачьей колонне, мы открыли огонь. Среди казаков произошло замешательство, и они, не осмелившись атаковать нас, стремительно усаkali в направлении Янчекрака.

Со стороны фронта к нам стали приближаться новые пехотные части и несколько броневики. Наше положение становилось серьезным, так как мы должны были быть готовы сражаться как с приближающейся пехотой, так и с казаками, грозящими ударить нам в тыл. Кроме того, над нашими головами по-прежнему продолжали летать вражеские аэропланы, которые старались уничтожить упряжки наших тачанок. Вокруг нашего полка и венгерского батальона сконцентрировались корниловские, дроздовские пехотинцы, а также донские, кубанские и калмыцкие казачьи части, силы которых по меньшей мере в десять раз превосходили наши. Хотя белогвардейцы имели большой перевес (помимо этого, они были вооружены лучшей по тому времени военной техникой), наши стрелки и венгры не теряли мужества.

Возобновился яростный бой с вражескими пехотинцами. От сильной стрельбы в кобуках пулеметов вскипала вода. Непрерывно заряжая винтовки, мы стерли до крови пальцы о металлические обоймы. Большой урон нанесли нам броневики. У нашего полка их не было, поэтому стрелкам приходилось бороться с вражескими броневиками с помощью ручных гранат. В этой неравной борьбе стрелки показали большую смекалку, мужество и храбрость. Мы спрятались в копнах скошенного хлеба и, подпустив вплотную броневики, ручными гранатами уничтожили некоторые из них. Атаку белогвардейской пехоты мы снова отбили, но потери были велики с обеих сторон. Отразив атаку белогвардейцев, мы продвинулись немного вперед, обошли недавнее поле боя и собрали патроны и ручные гранаты с убитых и раненых белогвардейцев. Это была

единственная возможность пополнить наши боеприпасы. Мы искали также воду. Белые возили ее с собой в бочках, кроме того, при каждом убитом можно было найти солдатскую флягу с водой, которая была чрезвычайно необходима как нашим людям, так и для пулеметных охладителей. Невыносимая жажда, июльское солнце Украины до того измучили стрелков, что было несколько смертельных случаев. Так, рядом со мной на поле боя умер от отчаянной жары и отсутствия воды один из старых латышских стрелков — Витынь, который до Октябрьской революции участвовал в рождественских боях на Рижском фронте, на «Острове смерти» вынес немецкую газовую атаку, в составе полка особого назначения на Западном фронте участвовал в боях против эстонских, латышских, литовских и польских белогвардейцев.

В тот день каждая капля воды была для стрелков величайшей драгоценностью на свете. Наши ряды все редели. Лишь с большим усилием мы могли тащить с собой раненых, которых становилось все больше. Пулеметы с патронными лентами стрелки должны были нести на плечах. Невыносимо было слышать мольбы тяжело раненных: «Товарищ, исполни мою последнюю просьбу — положи конец моим мукам и пристрели меня, только не оставляй живым у белых».

После отражения атаки белых наступило короткое затишье, которое мы старались максимально использовать: перевязывали раненых, освежались захваченной водой, собирали боеприпасы и готовились к новому бою. Помощи ждать не следовало. Где-то далеко в нашем тылу, в направлении Александровска, слышались оружейные выстрелы.

Итак, мы попали в глубокое окружение. Мы продолжали двигаться в сторону Янчекрака, надеясь найти там наши бронепоезда. Путь нам опять преградила казачья часть, и снова возобновился бой с белоказаками. На этот раз они выставили вперед тачанки, откуда открыли убийственный огонь по нашим рядам. Мы прижались к раскаленной солнцем сухой украинской земле и поползли к казакам. Продвинувшись к ним поближе, мы открыли стрельбу. Так как цели были крупные — тачанки с лошадьми и всадники, — огонь наш нанес врагу большой урон. Прежде всего мы старались поразить вражеских пулеметчиков и коней. В степи снова бегали кони без всадников, много павших в бою лошадей валялось на земле, там и сям виднелись брошенные пулеметные тачанки с пулеметами и запасными патронными лентами. Казаки, спасая себя и коней, в чрезвычайной спешке бросились прочь.

Этот бой кончился для нас удачно. Мы добыли несколько пулеметов и ящиков с патронными лентами, собрали с убитых белогвардейцев все патроны и обменяли испорченные винтовки. В тачанках нашли также бочонки с питьевой водой. Прежде всего напоили раненых, которые беспрерывно повторяли: «Воды... воды... воды».

Продвигаясь вперед, мы подошли к большому кукурузному полю, где стебли кукурузы были в человеческий рост. Решили здесь хоть на короткое время укрыться от палящих лучей солнца. Поместив в тени кукурузы своих раненых, мы принялись жевать кукурузные початки, чтобы хоть немного освежить рот.

Однако и здесь следовало быть осторожными, так как казаки каждую минуту могли возобновить атаку. И действительно, скоро в степи со стороны фронта вновь показались большие облака пыли — к нам приближались новые пехотные части белых, за ними броневики и артиллерия. А в нашем тылу, в ближайшей балке, скопилась конница белых — казаки. Все туже и туже стягивалось вокруг нас кольцо вражеского окружения.

Мы готовились к новой схватке. Наша боевая линия была все еще довольно длинной, и мы загородили белогвардейцам дорогу на Александровск. В бою у кукурузного поля в строй встали все раненые, даже те, у кого были совершенно раздроблены ноги, но кто еще был в силах держать винтовку.

Белые приблизились к нашим позициям и бросились в яростную атаку. Их пехоте помогали броневики, которые, разъезжая вдоль цепи, обстреливали нас из пулеметов. Так как до железнодорожной линии было еще далеко, нам оставалось только сражаться. Если в начале дня соотношение наших сил было примерно один к десяти, то во второй половине дня, принимая во внимание наши потери и подошедшие к белогвардейцам дополнительные силы, каждому из наших противостояло 15—20 врагов. Мы все же держались и, стиснув зубы, продолжали косить наступающие белогвардейские цепи.

Так продолжалось до конца дня. Мы уже примерно 13—15 часов непрерывно сражались вместе с нашими героическими боевыми соратниками — венграми. Патронов было совсем мало. Их можно было взять только у убитых белогвардейцев, но во время боя нам не удавалось сделать это. Оставался лишь единственный выход — прорваться к железной дороге и найти там свои бронепоезда. С убитых товарищей мы собрали патроны, обменяли те ружья, что были похуже. Всех мучила страшная жажда. Наши ряды сильно поредели. Мы отчаянно пытались вырваться из окружения. Покинув кукурузное поле, мы двинулись к ближайшей балке. Но там нас уже поджидала конница белогвардейцев, которая только и искала случая врезаться в наши ряды. Собрав последние силы, мы бросились на казаков и расчистили себе путь в направлении железной дороги.

Белогвардейские казаки пытались смять наши фланги. Им удалось уничтожить отдельные небольшие группки, которые отстали от главной группы. В одном из таких столкновений калмыцкие казаки зарубили нескольких наших стрелков, в том числе нашего комсорга В. Балодиса.

Непрерывно отбиваясь от противника, мы снова подошли к какому-то кукурузному полю. Многие стрелки от страшной жары, невыносимой жажды и усталости теряли сознание. Те, кто еще мог, продолжали защищать себя и лежащих без сил товарищей. В живых остались лишь немногие стрелки, однако белые все же боялись приблизиться к нашим позициям. Патроны также кончились. Вокруг лежали убитые и стонали умирающие тяжело раненные стрелки. Только небольшой группе стрелков удалось выбраться из окружения.

Группа стрелков 3-го эскадрона 1-го латышского кавалерийского полка на отдыхе в дер. Бол. Сейдеминуха в Северной Таврии. Октябрь 1920 г.

Так самоотверженно боролись лучшие сыны латышского народа с силами контрреволюции в бескрайних степях Украины, проливая кровь и отдавая свои жизни за свободу и счастье человечества.

Под вечер 25 июля 1920 года от всего 5-го Земгальского особого полка, в котором было около 1000 человек, в живых на поле боя остались лишь 54 бойца; бóльшая часть их лежала без сил, а некоторые и без сознания. Передовые части белых посчитали нас всех мертвыми. Несмотря на то, что сражение 25 июля кончилось трагически как для 5-го латышского стрелкового полка, так и для венгерского батальона им. III Интернационала, мы все же уничтожили много врагов из лучших корниловских и дроздовских пехотных частей, а также донской, кубанской и калмыцкой казачьей конницы. Мы уничтожили также часть военной техники белогвардейцев, и все это сильно ослабило их. А главное, в результате этого сражения мы на целый день задержали на Александровском направлении наступление белых, целью которого было разгромить штаб нашего участка фронта, парализовать командование Красной Армии и двинуться дальше в наступление на Донбасс и донские просторы. Таким путем александровский штаб получил в свое распоряже-

ние целый день, мог организовать резервные силы и дать отпор белым, расстроив планы наступления Врангеля.

Мы выполнили задание рабочего класса — защищать Советскую власть до последней капли крови. Бывший командир 5-го Земгальского полка И. И. Вацietис в воспоминаниях, помещенных в первом издании «Истории латышских стрелков», очень высоко оценил последнее трагическое сражение этого полка на Южном фронте. Он отметил, что стрелки в этом бою проявили выдающийся героизм, сражались как герои, не жалея своей жизни, против превосходящих сил противника и сорвали таким образом внезапное наступление армии белогвардейцев в направлении Донбасса и Донской области.

Красная Армия готовила решающее наступление на армию Врангеля. Наступление, в результате которого белогвардейская армия была окончательно разгромлена и загнана в Черное море, состоялось в начале ноября 1920 года.

Хотелось бы, чтобы наши украинские друзья, колхозники Янчекрака и окрестных сел, никогда не забыли, что их земля щедро полита кровью лучших сынов латышского народа в борьбе за свободную Советскую Украину.

Вспоминаются слова великого поэта нашего народа Я. Райниса:

Так помните вечно могил этих ряд,
Где ваши герои бессмертные спят!
В минуты усталости и сомнения
Героев своих вспоминайте мученья!

В ПЛЕНУ

К вечеру 25 июля 1920 года после 18 часов непрерывных боев в степи наступила тишина. Только кое-где еще раздавались отдельные выстрелы.

На нашей последней позиции лежало много убитых, среди них также и некоторые потерявшие сознание стрелки. Тяжело раненные изредка стонали, их воспаленные губы повторяли одно и то же: «Воды, воды...» Но ее у нас больше не было.

Белогвардейские пехотинцы и кавалерийские части пересекли поле боя и поспешили вперед по направлению к Александровску, чтобы навестать упущенное. Были слышны их замечания: «Вот, сволочи, дрались до последнего!»

Некоторые из оставшихся в живых стрелков, не желая попасть в плен, хотели покончить с собой, но не было чем, так как в бою были использованы все патроны и ручные гранаты. Я пришел в себя, когда один из санитаров белых шарил по моим карманам и пытался стянуть с меня сапоги. Я приподнялся и сел. Белый, считавший меня мертвым, побелел от страха. Вытаращив глаза, он воскликнул: «Ты жив?» Затем приказал мне встать и пойти вместе с ним. Я ответил, что у меня нет сил и очень хочется пить. Я сожалел, что он меня не пристрелил, пока я лежал без сознания. Внимательно оглядев санитаря, я увидел, что винтовки у него нет — на боку висела только санитарная сумка и солдатская фляжка, от которой я не мог оторвать глаз. Санитар был жалост-

лив и дал мне напиться. Мне стало лучше, но все же, когда я поднялся, голова у меня кружилась невероятно.

К вечеру стало прохладней, и это приятно освежило измученный организм. Но бежать от санитаров или предпринять что-нибудь я был не в состоянии — у меня не было сил, и я последовал за ним.

Неподалеку был небольшой холм. Приблизившись к нему, я увидел группку наших стрелков, лежавших или сидевших на земле, некоторые из них были легко ранены. Санитары белых и их тыловые части, подбирая убитых и раненых, наткнулись на этих стрелков, в том числе на командира полка В. Павара, комиссара Я. Лундера, командира взвода Лиепиня и нескольких стрелков-коммунистов, лежавших на поле боя. Из нашей группы молодежи я один остался в живых.

Для нас, пленных, началось мучительный путь в тыл врага. Не раз мы жалели, что не погибли в бою или не были застрелены, когда лежали на поле боя без сил. Тыловые санитарные части, видимо, желая покичиться своим «геройством» и заслужить похвалу начальства, спешно сообщили своему штабу о взятии в плен человек 50 стрелков 5-го особого латышского стрелкового полка.

В плен были взяты также около 20—30 венгров. Лица стрелков и венгров побурели от степной пыли и дыма боя — с трудом мы узнавали своих товарищей. Совершенно изменился командир полка Павар. До решающего сражения 25 июля мы привыкли видеть своего командира всегда чисто и аккуратно одетым, в очках, по-военному подтянутым. Захватив в плен, белые основательно его обчистили. Он сидел среди стрелков босой, в каких-то черных залатанных брюках, в рваной солдатской рубаше, без очков и фуражки, весь в пыли. Именно это его спасло, так как никто из белогвардейцев не мог вообразить, что среди пленных стрелков находится также командир полка. Некоторые стрелки, которых санитары уже успели раздеть, лежали на раскаленной солнцем земле в одном белье.

В вечерней прохладе стрелки стали понемногу приходить в себя. Некоторым удалось даже получить от санитаров по глотку воды. Проходящие мимо белогвардейские офицеры, останавливаясь около нашей группы, разглядывали нас со злорадством, ругали, издеваясь над нашим видом, угрожая застрелить всех пленных латышских стрелков и венгров. Это не тревожило нас, потому что никто и не надеялся остаться в живых. Успокаивало и вселяло в нас мужество то, что мы были не одни, что наши беды разделяло и командование полка.

Белые снова осмотрели пленных и приказали снять лучшую одежду и обувь, у кого она еще оставалась. Все эти издевательства, унижения и угрозы только разожгли в стрелках новое и еще более сильное чувство ненависти к своим мучителям — белогвардейским офицерам. Мы держались хладнокровно и равнодушно. Нас продолжала мучить невыразимая жажда. Единственным желанием было — напиться воды.

Из ближайшей балки (их было довольно много в районе села Янчекрак и Орехова), откуда еще недавно мы слышали отдельные выстрелы, вышла группа белогвардейцев, большую часть их составляли офицеры с изображением черепа на рукаве. Это были так называемые

смертники. Смертники, изрядко пьяные, несли перекинутые через руки красноармейскую одежду и обувь, которую они явно сняли с застреленных ими и павших в бою наших товарищей.

Увидев пленных, смертники с ругательствами набросились на нашу охрану, крича: «Кто их, этих красных собак, раздел?» Эти головорезы имели обыкновение раздевать всех убитых и раненых, а затем продавать захваченные вещи и на вырученные деньги кутить. Тыловые белогвардейцы, бородачи старшего призывного возраста, которые спрятали нашу одежду, стоя навтыжку перед смертниками, повторяли одно и то же: «Не можем знать, ваше благородие». Нам было безразлично, кому попадет награбленное.

Один из вожakov смертников, придя в ярость от того, что добыча ушла, заорал: «Чего там медлить! Немедленно расстрелять эти красные латышские морды и едем дальше — приближается вечер». Кто-то из смертников добавил: «Мало их расстрелять, нужно повесить, чтобы болтались в степи на страх другим!»

Взбесившиеся грабители вовсю ругали тех, кто уже успел раздеть нас и присвоить нашу одежду, обувь и другие вещи, полагавшиеся за расстрел им. Была дана команда построить пленных по-трое — одного за другим. Вожак смертников нагло похаживал вокруг нас и выкрикивал: «Эти красные чудовища, из-за которых наша Добровольческая армия понесла страшный урон, не стоят одной пули, надо их ставить так, чтобы одной пулей застрелить трех».

Некоторые из пленных не имели сил подняться и встать в последний раз в строй. Смертники стали их толкать и пустили в ход ружейные приклады. После такой «обработки» пленные были построены. Ждали трагического конца... Наступила мертвая тишина, изредка прерываемая бранью белогвардейцев и кляцаньем затворов, заряжались ружья. Белогвардейцы, видимо, желая развлечься и продлить пытку осужденных на смерть, не спешили с расстрелом. Стрелки держались героически, ни один не просил пощады у белогвардейских садистов.

Один из белогвардейских офицеров, подойдя к нашей группе, приказал выдать коммунистов, комиссаров и командиров. Ответа не было — вся группа молчала... Если уж умирать, то умирать всем вместе... Так же поступили венгры. После короткой паузы белогвардейцы повторили приказ: комиссары, коммунисты, командиры — три шага вперед! Никто не шевельнулся. Царила полная тишина. Выдержав изрядную паузу, офицер контрразведки визгливым голосом закричал: «Кто укажет коммунистов, комиссаров, командиров — дарю жизнь!» Такого подлеца среди нас не оказалось — среди стрелков царили единодушие и решимость умирать всем вместе.

За спиной прозвучала команда: «Отставить!» К нашей группе быстро приближался всадник. Это оказался штабной полковник белых со специальным заданием — конвоировать нашу группу в тыл. Эта случайность нас вовсе не обрадовала. У нас было только одно желание: скорее бы кончились наши мучения и нас бы расстреляли. Стрелки стали перешептываться, подбадривая друг друга: будем держаться как мужчины, как полагается революционерам, не склоним головы перед контр-

революцией, какие бы муки нам ни готовили. За полковником следовала группа всадников, которые должны были конвоировать группу пленных стрелков по дороге к штабу белых.

Где-то далеко в степи видны были огромные облака пыли, по которым можно было судить, что большие массы всадников перемещались в направлении тыла белых. Еще на поле боя мы ждали помощи нашей кавалерии, и теперь загорелась искра надежды, что это — наши, которые спасут нас от смерти.

Белые засуетились и начали заметно нервничать — они боялись кавалерии Красной Армии. Офицеры несколько раз упоминали имя Буденного. С поспешностью белые погнали нас в тыл. Однако облако пыли исчезло где-то в направлении Орехова, рассеялись и наши надежды на освобождение.

Нас гнали, как скот на убой, но мы были бессильны сопротивляться. Тех, кто, устав, не мог быстро идти, белые избивали нагайками. Это вызвало среди стрелков возмущение и протест. Белые угрожали застрелить каждого, кто отстанет. На эти угрозы мы отвечали смело и с презрением: «Вы могли сделать это уже давно, взяв нас в плен, но мучить себя мы не позволим». Более здоровые пошли медленнее, помогая самым слабым. Так мы все медленно плелись вперед. Нас страшно мучила жажда. Мы шли через бахчу, где валялись раздавленные конскими копытами арбузы. Как только кто-нибудь из нас хотел поднять кусок арбуза, чтобы утолить жажду, белые на лошадях врезались в колонну пленных и начинали избивать нагайками.

Добравшись до ближайшего хутора, мы сговорились дальше не идти и требовать, чтобы нам дали напиться и позволили отдохнуть. Чтобы организацию этого «бунта» не приписали одному лицу, мы все одновременно начали скандировать: «Воды! Воды! Отдыха! Отдыха!» Белогвардейский конвой, пораженный этой дерзостью, начал скверно ругаться и пригрозил нас пристрелить. Услышав наши крики, собрались крестьяне из окрестных домов. Возмущенные таким зверским обращением с пленными, они стыдили белогвардейцев: «Вы что, некрещеные, креста на вас нет?! Побойтесь бога! Вам даже воды жаль. Поглядите на этих замученных людей!»

Наш вид был, действительно, ужасен — полуголые, запыленные грязные фигуры, у многих перевязаны головы и руки. Ободренные сочувствием крестьян, мы начали протестовать еще громче, требуя воды и отдыха. Белые солдаты, слушая, как их стыдили крестьяне, стояли, опустив глаза. Офицеры, наконец, были вынуждены приказать напоить пленных. Пить! — Какое это было невыразимое наслаждение. Понять это может только тот, кто сам когда-нибудь перенес страшную жажду. Сбежались хозяйки с ведрами, до краев наполнили водой корыта для скота рядом с колодцем, и нас стали небольшими группами подводить к корытам. Мы погружали все лицо в воду и пили, пили. Казалось, нет ничего на свете вкуснее этой прозрачной освежающей воды.

Был уже вечер. Стемнело. Наступила темная украинская ночь, и в темноте конвой боялся вести нас дальше. Мы остались ночевать тут же,

неподалеку от колодца, у большого стога соломы. Вокруг нашей группы были выставлены часовые. Охраняли нас очень бдительно, так что всем или большей группе бежать было невозможно.

Нужно было прежде всего спасти комиссара полка Лундера и командира Павара. Стрелков беспокоило то, что на рассвете могут привести пленных из наших соседних частей и кто-нибудь из них узнает наших командиров и сообщит об этом белым. Так как накануне последнего боя части нашего полка размещались на отдых в этих домах, кто-нибудь из крестьян-кулаков также мог узнать наших командиров.

Нужно было организовать их побег. Командир полка Павар отказался оставить стрелков и выразил желание остаться, а если будет возможность, организовать общий побег из плена. Комиссар Лундер с помощью стрелков ночью исчез. Его исчезновения не заметили, так как список пленных еще не был составлен и белые даже не знали точное их число. По дороге, пока мы шли сюда, к нам присоединили еще несколько пленных. Под вечер, до наступления темноты, командир и группа коммунистов обсудили два варианта побега: пока нас будут поить, используя сумерки, забраться под большое корыто у колодца и после ухода группы бежать, либо ночью зарыться поглубже в солому, а утром после ухода группы пленных бежать и перебраться через фронт к своим. Один из этих вариантов комиссар полка использовал и счастливо перебрался через фронт.

Утром следующего дня мы еще раз как следует напились и в сопровождении конвоя отправились дальше в тыл белых. Теперь идти было легче — мы хорошо отдохнули в ночной прохладе и жажда нас больше не мучила. Несмотря на то что мы уже второй день ничего не ели, самочувствие было неплохим, есть не хотелось. Некоторые из конвоиров рассказывали, что нам, действительно, улыбнулось счастье — ведь есть же приказ генерала Врангеля: красных латышских стрелков в плен вообще не брать. Нас ведут в штаб белой армии, так как белогвардейцам известно, что 5-й особый латышский полк недавно прибыл из Москвы, где он охранял главного вождя большевиков — Ленина, главнокомандующего Красной Армии Вацетиса и других. Этот факт якобы свидетельствовал о том, что большевики были вынуждены бросить в бой последние резервы, а это, в свою очередь, означало, что скоро им придет конец.

Такого рода вести распространились по всему белогвардейскому тылу. Этот случай белые раздули как большую победу своей армии и предсказывали скорую гибель Советской власти. Чтобы произвести своей победой на фронте большее впечатление на местное население в тылу, белые гнали нашу группу в штаб в качестве «вещественного доказательства», выдавая нас то за телохранителей Ленина, то за охрану штаба верховного главнокомандования Красной Армии и т. п.

На второй день мы подошли к какому-то богатому украинскому селу, где находился один из главных штабов белой армии. По улицам села разгуливало много солдат и казаков. Над несколькими богатыми домами, где расположились основные отделы штаба, развевались старые царские трехцветные флаги. Повсюду было заметно праздничное настроение.

Неподалеку от центра села из сада рядом с каким-то красивым домом доносились звуки духового оркестра и возгласы «ура». Там белые офицеры отмечали какой-то праздник своей армейской части и большие «успехи» на фронте, умалчивая о своих потерях.

Нашу группу пленных отвели на площадь посреди села. Конный конвой сменили, и нашу охрану приняла одна из пехотных частей с красными погонами, какие мы видели на фронте. В этой части были также бывшие красноармейцы, попавшие в плен в апреле в боях под Перекопом. Они были очень разговорчивы и рассказали, что пленных красноармейцев русской национальности гонят в церковь «очиститься от грехов» и затем распределяют по белогвардейским тыловым частям, а латышей, евреев, коммунистов и командиров расстреливают. Белые делали это с целью разжечь вражду между народами Советской республики. Бывшие красноармейцы в разговорах с нами выражали свое недовольство помещицкой политикой белогвардейцев и говорили, что при первом удобном случае перейдут на сторону Красной Армии.

В этом зверином логове у нас было мало шансов остаться в живых. Мы все еще ждали своего смертного часа. Бежать не было возможности, хотя мы непрерывно об этом думали.

От солдат мы узнали, что белые празднуют победу Корниловской дивизии на Александровском направлении и нас привели в штаб как военный трофей, чтобы доказать, что белая армия успешно наступает на фронте и «добивается больших успехов». Сообщения об одержанной победе широко публиковались в тыловых газетах белых.

На площадь села были приведены также другие пленные — красноармейцы из русских частей, которые попали в плен 24—25 июля в боях в районе Орехова. Всех пленных разделили на три группы: латышей, венгров и русских. Белые офицеры, кое-кто со своими «фронтовыми женами» — элегантно одетыми дамами, среди которых, судя по виду, были и помещицы, обходили группу пленных, глядя на нас, как на каких-то чудовищ. Это «благородное» белогвардейское общество с чрезвычайной ненавистью и одновременно с любопытством разглядывало латышских стрелков. Все господа ругали и проклинали нас, угрожали уничтожить и отомстить за свое утраченное господство, за то, что прежние чудесные времена, когда они без помехи могли поработать трудящихся России и спокойно паразитировать за счет рабочих и крестьян, канули в прошлое.

Офицеры, разгуливая перед нашей группой, рассказывали друг другу и своим дамам чудовищные вещи о латышских стрелках, излагали отдельные эпизоды из подавления эсеровского мятежа 1918 года в Москве. Некоторые из этих господ принимали участие в мятеже, и их крепко проучили латышские стрелки, участвовавшие под командованием И. И. Вацетиса в подавлении эсеровского мятежа.

Какой-то подполковник, стараясь разжалобить слушателей, рассказывал, как в 1919 году в боях под Орлом латышские стрелки «зверски» уничтожили лучшие офицерские полки деникинской армии. В качестве доказательства он демонстрировал дамам, слушавшим его с выражением гнева, удивления и сочувствия на лице, обрубок оторванной до плеча

руки и хвастался тем, что потерял в бою глаз. Этот подполковник рассказывал как «латышские чудовища» в степях Таврии уничтожили несколько английских танков, прыгая на них на ходу и бросая в люки ручные гранаты.

Белогвардейцы распространяли в своих армейских частях и тылу агитационные плакаты, на которых изображалось, как латышские красные стрелки уничтожают русский народ. Высшие дипломаты зарубежных буржуазных государств также распространяли эту ложь за границей. (Английский государственный деятель Ллойд-Джордж в своей книге воспоминаний «Правда о мирных договорах», изданной на русском языке в Москве в 1957 году, на странице 294 I тома пишет, что в 1919 году посол Дании в Москве Скавениус информировал Парижскую мирную конференцию о том, что Красная Армия состоит в основном из иностранцев — латышей, венгров, немцев и китайцев.)

Противно было слушать эту болтовню. Лжецы не хотели понять тех исторических перемен, которые произошли в то время во всей необъятной России. Латыши, как и другие народы России, плечом к плечу с великим русским народом сражались не против русских рабочих и крестьян, а против помещиков и буржуазии России — против белогвардейцев.

Именно потому, что латышские революционные стрелки были несгибаемыми борцами за интересы рабочего класса, за Советскую власть, белогвардейцы были так зверски настроены против нас. Мы ждали линчевания — думали, что это белогвардейское сборище разорвет нас на куски.

Во второй половине дня всех пленных построили группами по национальности. Явилось высшее командование — пожилые разжиревшие генералы и их свита — всякого рода штабные офицеры и несколько штатских — представители подлинного хозяина белогвардейцев — Антанты.

Белогвардейское командование хотело похвастаться перед своими хозяевами и убедить их в том, что на фронте достигнута крупная победа, чтобы затем выклянчить у Антанты новые денежные займы, снаряжение и продовольствие, необходимые для продолжения войны против красных. Было очевидно, что именно с этой целью белые организовали комедию с пленными, собрав их со всех участков фронта, не забывая одновременно проповедовать о своей гуманности — вот, дескать, они даже таких зверей, как латыши, берут в плен.

Осмотр пленных нисколько не порадовал ни русских белогвардейцев, ни их иностранных хозяев. Вид у пленных был ужасный, особенно у нас, латышей и венгров: мы уже третий день ничего не ели, все были босые, полуголые, кое-кто в одном рваном нательном белье, некоторые с перевязанными головами и руками, причем грязные повязки запылились до черноты.

Наши тела, едва прикрытые лохмотьями, были покрыты толстым слоем пыли, только зубы и глаза сверкали. Вид у нас был действительно страшный. Хваленая «победа» белых на Александровском направлении, судя по этим небольшим группам пленных, походила не на победу армии, а скорее на бандитское нападение с целью грабежа.

Белые генералы рассказывали своим хозяевам на английском, фран-

цузском, немецком языках, что Красная Армия в целом походит на эту группу пленных, которую они видят здесь, т. е. что вся она одета в лохмотья, разута и т. д.

Один из штатских обратился к какому-то генералу с вопросом: «Скажите, господин генерал, если Красная Армия находится в таком ужасном положении, как мы видим здесь, чем тогда объяснить то, что при окружении из всего латышского полка удалось пленить только 53 человек, среди которых многие — ранены?» Генерал, разведя руками, мог только ответить: «Вот видите, такие уж они есть, эти красные».

Один из штатских спросил у нас по-немецки, действительно ли мы в такой одежде служим в Красной Армии. Среди стрелков был кое-кто знавший немецкий язык. Они пояснили, что из всего полка в живых остались только 53 человека, что, попав в плен, мы были раздеты для расстрела, но это не успели исполнить, так как был получен приказ отослать нас в штаб и повесить. Наши стрелки не забыли добавить также, что мы не ели уже третий день. Из этого можно было видеть истинную цену гуманности белых. Иностранцы с большим недоверием слушали и рассматривали стрелков. Генералы и офицеры были весьма недовольны.

Затем высшее начальство и представители Антанты двинулись к стоявшим рядом венграм, среди которых были знающие французский язык. Венгры подтвердили то же самое, что сказали мы, и еще подробнее рассказали о зверском и варварском обращении белых с пленными и ранеными на фронте. Генералы и их хозяева чувствовали себя неловко. Ложь о положении в Красной Армии была разоблачена. Белым не удалось скрыть грабительских подвигов своей армии на фронте.

Осмотр пленных окончился. От гуманности белых не осталось ничего — их безжалостное и бесчеловечное обращение с тяжело ранеными было очевидно для всех, кто участвовал в осмотре. Хозяева белогвардейцев сами отлично знали, что они делают с пленными. Был известен приказ генерала Врангеля: красных латышских стрелков, комиссаров, командиров, коммунистов и евреев в плен не брать — уничтожать на месте.

После всей этой комедии латышей и венгров поместили отдельно от остальных пленных во дворе большого деревенского дома, где нам в первый раз позволили умыться и после трех дней голодовки выдали немного супа и по куску хлеба.

В этом селе местные жители были немецкие колонисты, которые симпатизировали нам, пленным, и всячески старались помочь: дали ведра, мыло и полотенца, чтобы мы могли помыться, и даже одежду тем, кто был совсем раздет. Они снабдили нас и хорошим пшеничным хлебом. Это нам пришлось очень кстати, так как, съев «казенный паек», мы остались голодными.

Белогвардейцы, охранявшие нас, запретили местным крестьянам давать нам хлеб и одежду, но жители села находили способы пробраться к нам. Надо сказать, что кое-кто из белогвардейцев, стоя на посту, только изображал суровость и строгость, а в действительности сквозь пальцы смотрел на наши связи с местными жителями, доставлявшими нам еду.

Очень хотелось курить. Кое-кто из нас сохранил табак, но не было ни бумаги, ни спичек. Я в то время очень слабо знал русский язык. Я обратился к одному из солдат нашей охраны, который стоял неподалеку, свертывая себе закрутку, и сказал, как это было обычно принято у нас: «Товарищ, дайте кусочек бумаги». Это было как масло в огонь. Негодяй оказался истинным белогвардейцем — он покраснел, как рак, и принялся нагайкой обрабатывать мою голую спину, выкрикивая: «Вот тебе товарищ!» Следы от этих ударов сохранились еще по сей день. Я не понимал, за что он меня так безжалостно избивает. Тогда старшие товарищи объяснили мне, что белогвардейцев нельзя называть товарищами, они, дескать, господа.

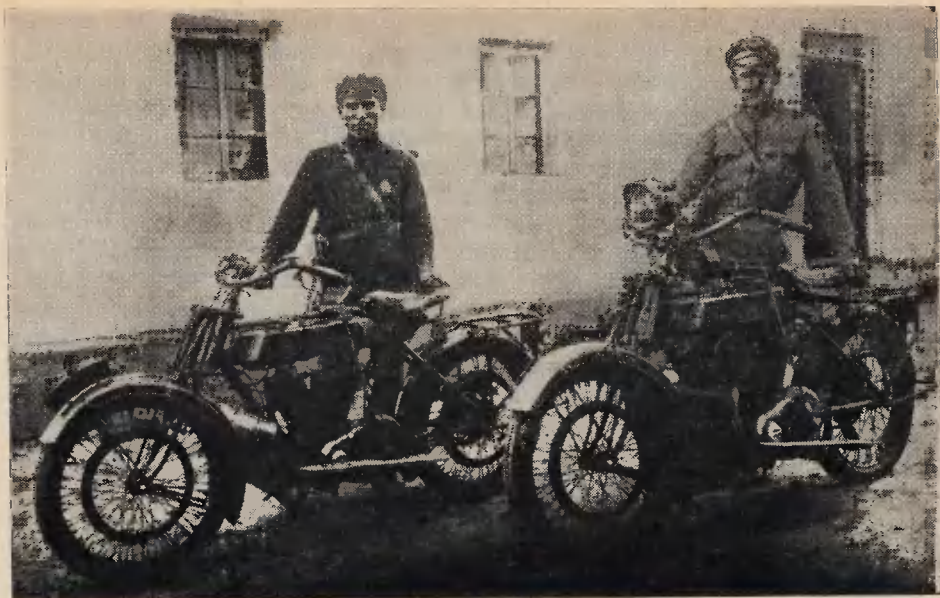
Так белогвардейцы научили меня говорить по-русски, и в первый же раз с помощью нагайки я понял разницу между словами «товарищ» и «господин». Глядя на бородатого белогвардейца, который выглядел как типичный кулак, я подумал: подожди ты у меня, «господин», придет время и, если останусь жив, я с тобой еще поговорю!

Во дворе, где мы были размещены, собрались белогвардейские штабисты и их близкие — русские помещики и богатеи. Они смотрели на нас, как на каких-то чудовищ, называли нас заклятыми большевиками, обзывали грабителями русского народа и разорителями их культуры и хозяйства.

Нам это все уже надоело, мы стали шутить между собой, издеваясь над нашими хулителями, высмеивая их, стараясь не думать о своем печальном положении. Проклятия и ругательства белогвардейцев свидетельствовали о том, что они предчувствовали неизбежный конец своего господства. Их дни были сочтены, это понимали и мы — стрелки, временно попавшие в плен в логово контрреволюции, это понимали и наиболее дальновидные белогвардейские офицеры.

В этом селе белые нас не повесили и не расстреляли, как они обещали это сделать, но через пару дней, в течение которых они то различными угрозами, то приказами тщетно старались добиться того, чтобы мы указали коммунистов, комиссаров и командиров, нас послали под очень сильным конвоем в Мелитополь. В Мелитополе нас поместили в пустовавшем корпусе какого-то завода, вокруг которого была высокая изгородь. В городе распространились слухи, будто пленные — самые отъявленные большевики, последние большевистские силы — латыши, телохранители Ленина. Хотя белые расписали нас как ужаснейших негодяев, жители Мелитополя проявили к нам самые теплые симпатии и старались использовать каждую возможность, чтобы оказать моральную и материальную поддержку. Через высокую ограду к нам забрасывались пакеты с едой, разной одеждой, перевязочными материалами и записки: «Держитесь, товарищи, не падайте духом, вы не одни в этом логове контрреволюции». Эти симпатии нас, действительно, радовали и придавали нам силы и мужество.

В Мелитополе нас, стрелков, отделили от наших боевых товарищей венгров. Они остались здесь, а нас погрузили в два товарных вагона и отправили в направлении Симферополя.

Мотоциклисты 1-го латышского кавалерийского полка после рейда по тылам противника. Лето 1920 г.

На некоторых станциях возле наших вагонов толпились удравшие на юг буржуи и помещики. Они проклинали нас, вопили: «Здесь везут телохранителей Ленина, чудовищ-латышей, почему эти собаки еще не повешены, не расстреляны, почему их еще возят в вагонах? Дайте их, мы задушим их собственными руками!» За стенками наших вагонов бесновался разъяренный имущий класс России. В вагон летели камни.

Наш конвой большими буквами написал мелом на наших вагонах: здесь перевозят пленных телохранителей Ленина — латышей.

Симферопольская станция была переполнена любопытствующей публикой: разодетые господа и дамы, сбежавшие со всех концов России, бродящие без дела попы, помещики, фабриканты, торговцы, маклеры, всякого ранга чиновники и много избалованных заносчивых сынков богачей — гимназистов. Эта публика слонялась по Симферополю без каких-либо занятий и, узнав, что будут привезены «страшилища» большевики — латыши, явилась на станцию.

Под усиленной охраной нас высадили из вагонов и повели в симферопольскую тюрьму. «Эlegantные» богачи встретили нас обычными ругательствами, многие яростно вопили: «Расстрелять! Повесить! Убить проклятых!» Под такую «музыку» конвой с большим трудом провел нас до тюрьмы.

К нескольким тюремным окнам припали арестованные — крымские революционные рабочие и трудовые крестьяне, они приветствовали нас,

махали руками. В одном окне показался даже красный флажок. Это вызвало большой шум среди администрации тюрьмы и нашего конвоя. Кричали также стоявшие на улице надменные дамы: «Смотрите, смотрите, что там происходит, даже в тюрьме скоро будет революция!» Наше появление взбудоражило всех тюремщиков.

В главный корпус тюрьмы нас не приняли — якобы не было свободных мест. После того как наш конвойный офицер порядочное время пробегал по тюремному начальству, нас в конце концов приняли и поместили в пересыльном пункте. Там мы прожили несколько дней. Первый раз мы смогли помыться в бане — смыли накопившуюся на теле степную пыль и дым с поля боя.

В этой тюрьме, хотя кормили нас плохо и мало, мы все же регулярно получали кусок хлеба и порцию супа. Исчезла постоянная жажда, а вместе с тем исчезло равнодушие. Мы снова начали думать о жизни и продолжении борьбы. Мы всерьез рассуждали о побеге из плена — но как и каким способом бежать?

Крымский полуостров замыкал Перекопский перешеек. Некоторые предлагали бежать на побережье и там с помощью какой-нибудь лодки морем добраться к своим. Но побережье сильно охранялось, и без хороших связей с местными жителями этот вариант бегства нельзя было претворить в жизнь — это была только фантазия.

Мы узнали, что в горах Крыма есть партизаны, но как к ним попасть?

Было известно, что в окрестностях расположено много белогвардейских воинских частей, так что в горы нам со своим латышским акцентом и в оборванной одежде попасть было невозможно. Планы побега надо было отложить до появления более благоприятных условий.

Начальник симферопольской тюрьмы был очень недоволен прибытием нашей группы, он был зол, что его тюрьму превратили в лагерь военнопленных, и не жалел усилий, чтобы избавиться от нас.

Наконец явился удобный случай — на Сакском озере потребовались рабочие, чтобы копать грязь для нужд сакской лечебницы. Эта работа была очень тяжелой и вредной для здоровья. Приходилось работать, стоя по пояс в холодной воде соленого озера и из-под соленого слоя вытаскивать черную, как смола, грязь и грузить ее в вагонетки, которые надо было толкать ко двору лечебницы, а также выполнять другую тяжелую работу в хозяйстве лечебницы. Всю нашу группу послали туда на работы, и начальник тюрьмы таким путем избавился от военнопленных.

В Саках нас поместили тут же, на территории лечебницы, в большой комнате с двухъярусными нарами.

Работа, как я уже говорил, была очень тяжелой. Вода, в которой мы работали, была такой соленой и тяжелой, что человек мог лежать на поверхности ее. Наши тела при работе в этой воде пропитывались солью, а намокшая одежда превращалась в блестящий кусок соли.

Несмотря на тяжесть работы, мы все же чувствовали себя здесь сравнительно свободно, могли встречаться с рабочими и служащими лечебницы. Начальником нашей охраны был старый фельдфебель, который всю жизнь прослужил в армии (фамилию его теперь, через 40 лет, я забыл). Это был порядочный человек. Хотя о нас шла слава, что мы отъяв-

ленные и неисправимые большевики, он относился к нам очень лояльно и предоставлял нам большую свободу, чем разрешалось инструкцией. Фельдфебель был старик лет 60, с густыми седыми усами, но все еще бравый, с почти юношеской выправкой, со строгим, но по-отечески добрым взглядом. Он был строг, но всегда справедлив и, к великому нашему удивлению, чрезвычайно не любил избалованных, заносчивых офицеров-помещиков. Указывая на них, он даже не стеснялся предупредить нас — «остерегайтесь этих собак!» Были случаи, когда находившиеся в лечебнице офицеры, узнав о том, что мы — латышские красные стрелки, всячески нас поносили и даже избивали некоторых из нас.

В таких случаях начальник нашей охраны поднимал большой скандал — жаловался главному начальству лечебницы, требовал, чтобы призвали к порядку тех «тыловых героев», как он выражался, которые издевались над нами. Эти жалобы не были безрезультатными.

Начальство лечебницы состояло главным образом из врачей, хоть и в офицерской форме, и по отношению к нам, латышским стрелкам, они были настроены либерально и не разрешали реакционным офицерам унижать нас.

Работая на соляном озере, мы познакомились с жителями — местными крестьянами, жившими в деревне на берегу этого озера. Они уже слышали, что в Саки прислали из симферопольской тюрьмы красных, и искали удобного случая встретиться с нами, узнать политику большевиков по земельному вопросу. Они даже приглашали нас прийти к ним в деревню. Под видом ухода на заработки к крестьянам мы начали посещать жителей деревни. Наш начальник охраны не протестовал против посещения ближайшей деревни, только предупреждал, чтобы мы остерегались офицеров и особенно работников контрразведки.

Крестьяне деревни были враждебно настроены к белым. Беднота и часть середняков симпатизировали Советской власти и Красной Армии. Они нас принимали как желанных гостей и просили рассказать о политике Советской власти по земельному вопросу и даже о том, какой порядок думает ввести Советская власть на селе после разгрома белогвардейцев, что будет с помещичьей землей и т. д. Крестьяне были убеждены, что власть белых в Крыму долго не продержится.

Наши стрелки, в особенности члены Коммунистической партии (и я вместе с ними), стали систематически посещать крестьян деревни, помогали им в полевых работах и беседовали с ними на политические темы.

Богатые жители деревни — кулаки — также были настроены враждебно против врангелевцев и охотно беседовали с нами, но в этих беседах всегда высказывали больше симпатии главарю кулацких банд Махно. Кулаки даже хотели нас убедить, что только у Махно истинным земледельцам-хозяевам будет хорошая жизнь.

Рабочие и служащие лечебницы также ненавидели белогвардейцев и приветливо относились к нам. Так мы установили связь с крестьянами соседней деревни, а также с рабочими и служащими лечебницы.

Командир нашего полка Волфрид Павар и еще один стрелок работали в бухгалтерии конторы лечебницы. У них была возможность слышать разговоры в конторе, читать свежие известия в газетах белых и

обо всем информировать остальных стрелков. Таким образом, мы были более или менее в курсе того, что происходило в мире. Но, к сожалению, наша довольно привольная жизнь в Саках скоро кончилась. Белогвардейцы узнали о наших связях с местными жителями и их благосклонном отношении к нам. Нашу группу спешно отправили в севастопольскую тюрьму. Сердечно распростившись с нашим стариком-фельдфебелем, который остался в Саках, мы отправились под конвоем в Севастополь. Начался новый мучительный путь по белогвардейскому логову.

В севастопольской тюрьме нас не приняли — она была переполнена арестованными революционными рабочими Крыма, трудовым крестьянством и интеллигенцией, которые начали активную борьбу с белогвардейским режимом. Поместили нас во дворе какой-то казармы в брезентовой палатке. Казарма находилась недалеко от Севастопольской бухты и железнодорожной станции, в ней была расположена белогвардейская юнкерская школа, воспитанники которой нас охраняли. Часть помещения этой казармы занимал военный госпиталь.

Наше положение было здесь очень плохим: в палатке не было ни нар, ни соломы, спали мы на холодной каменистой земле без одеял. Старая тонкая летняя одежда, которую мы получили в сакской грязлечебнице, была изодрана и превратилась в лохмотья. Ходили мы босые.

Приближалась осень, становилось холоднее, и по ночам мы особенно мерзли. Чтобы ночью хоть сколько-нибудь согреться, все лежали, прижавшись друг к другу. С большим нетерпением ждали утра, и с восходом солнца старались согреться в его лучах. Кормили нас объедками из госпиталя и с юнкерской кухни.

Большинство юнкеров были заядлые белогвардейцы, сынки богачей, будущие офицеры. Они были враждебно настроены против нас, мы же были изолированы от севастопольских рабочих, которые симпатизировали нам.

В том же дворе стоял совершенно незаселенный дом с окнами, дверьми и полом, но туда нас не пустили и заставили жить в брезентовой палатке, спать на голой земле. Это было сделано с явной целью быстрее сломить нас физически. Начальником караула был комендант этой казармы — старый, сгорбленный 65-летний прибалтийский немец — полковник. Это был большой негодяй и истязатель людей. Говоря с нами на ломаном латышском языке, он всегда подчеркивал: «Я вам, молодой люди, буду показать, как именина сжигать, как надо господа уважать, абер не тумайте, я не сабыл, как вы господа грабили». Наше тяжелое положение доставляло ему удовольствие — он ходил, потирая руки, и радовался нашим страданиям. Вначале юнкера, проходя мимо нашей палатки, громко чертыхались, ругали нас, угрожая повесить, расстрелять, разорвать на куски и т. д. С каждым днем эти угрозы мы слышали реже, пока наконец им это, очевидно, надоело. Однажды через брезентовую стенку палатки мы услышали разговор идущих мимо юнкеров: «Рядом же стоит пустой дом, почему их туда не пускают, заставляя полуголых мерзнуть в этой дырявой палатке?»

Иногда ночью неизвестные благодетели подкидывали нам в палатку белье и даже старые одеяла. Для нас и это было некоторым облегче-

нием — было что натянуть на себя, а одеяла использовали в качестве подстилки — было теплее, чем на голой земле. Этими благодетелями могли быть только кто-нибудь из юнкеров, так как остальным не было разрешено приближаться к нашей палатке. Таким образом, даже в среде юнкеров находились люди, которые симпатизировали нам и тайком оказывали нам помощь. Боясь своих, они не хотели нам показываться.

Несколько дней нас посылали на работу в порт грузить корабли, иногда — на станцию нагружать и выгружать железнодорожные вагоны. Вид у нас был ужасный: мы шли босые и совершенно оборванные. Это вызывало у жителей Севастополя сочувствие.

Большинство из нас изготовило себе «верхнюю одежду» из мешков. В мешке вырезали отверстие, в которое просовывали голову, и еще два отверстия для рук. От переноски тяжестей на полуголой, а иногда и совершенно голой спине кожа была расцарапана, покрывалась язвами, беспрерывно болела, местами текла кровь, образовались нарывы.

Вокруг нашей группы стало собираться все больше и больше портовых рабочих и жителей города. Все чаще слышались их протесты против бесчеловечного отношения к пленным красноармейцам. Более смелые громко осуждали насилие белогвардейцев и высказывали вслух свое возмущение. Портовые и станционные рабочие искали возможности встретиться и поговорить с нами, информировать нас о том, что рабочие Севастополя не дремлют, а готовятся к решительному бою с белогвардейцами и этот решающий момент приближается. Хотя жили рабочие в большой нужде, они готовы были делиться с нами своими убогими одедами и куревом. От них мы узнали, что белые на фронте терпят большие неудачи. Наши новые друзья высказывали надежду, что Красная Армия в скором времени начнет наступление на Перекоп и очистит Крымский полуостров от белых. Эти вести нас обрадовали и вселили в нас новые силы.

Комендант — старый прибалтийский помещик — старался сделать нашу жизнь по возможности тяжелей. Он нас иначе не называл, как грабителями, поджигателями поместий и разрушителями культуры. По его словам, в 1905 году где-то в Прибалтике, нужно полагать, в Латвии, революционеры сожгли его родовое имение. Он не мог этого забыть и всегда кричал нам на ломаном латышском языке: «Я вас отучай жець имения, я вас научить уважать господа!» Однажды, когда мы ушли на работу, старый негодяй со своими приспешниками-юнкерами очистил нашу палатку — забрал одеяла, которые нам дали неизвестные доброжелатели, а также бумажные мешки, которые мы принесли из порта и использовали в качестве подстилки для сна. Из-за этого негодяя мы были вынуждены снова спать на голой земле. Нас охватила неопишуемая злоба и ненависть к старому барону, мы придумывали план возмездия, но ничего не могли предпринять, так как к нам он приходил всегда с целой толпой подручных.

Между тем осень вступала в свои права, и соответственно наше положение ухудшалось. Утром мы шли в порт, дрожа от холода, так как ночью, лежа на голой земле, перемерзали. Большинство было босыми, у многих обувь была подвязана веревками. В ответ на наши повторные

требования выдать одежду и обувь старый немец только глумился над нами, говоря: «Требуйте от тех, кому вы служили».

В порту, на станции, а также по дороге на работу мы нарочно демонстрировали свои лохмотья, босые ноги, голое тело, расцарапанную кожу и таким образом собирали вокруг себя все больше севастопольцев. Мы рассказывали им, как белые на фронте нас раздели и ограбили, оставив в столь печальном виде.

Собравшиеся осуждали белых, высказывали свое возмущение и сочувствие нам, приносили нам одежду и обувь, но конвойные не позволяли ее передавать. Это еще более возмущало людей. Очевидно, высшее белогвардейское начальство узнало о росте недовольства севастопольцев поступками белогвардейцев, и был отдан приказ не выводить нас со двора казармы. Мы больше не могли встречаться с севастопольцами, но они нас не забывали — приходили к воротам казарм и требовали допустить их с одеждой и продуктами к раздетым, обокраденным пленным. Однако к нам их не допускали и одежду не принимали.

Мы были очень удивлены, когда спустя несколько дней нам выдали одежду и обувь, старую, изрядно поношенную, а частично и с пятнами крови, очевидно, снятую с мертвых или раненых белых солдат. Как бы там ни было, но теперь мы после долгого времени были все же одеты и обуты. Старый барон был страшно разгневан и смотрел на нас, как разъяренный зверь, близко к нам не подходил и перестал браниться. Мы поняли, что одежда нам выдана против его воли, благодаря энергичному протесту севастопольцев против бесчеловечного обращения белых с пленными.

Барон стал очень беспокойным, наверное, знал, что дела у белых на фронте плохи. Все больше приходило в тыл раненых, от которых мы узнали, что Красная Армия перешла в наступление и нанесла белогвардейцам смертельный удар. Однако комендант, очевидно, желая отомстить, жаловался на нас, как на необузданных бунтарей, и через несколько дней как-то утром нас вывели со двора казарм и в сопровождении конвоя повели через город. Когда мы отошли на несколько километров от Севастополя, нас посадили на пароходик и перевезли на полуостров, где не было ни одного гражданского, а стояли только офицерские части.

На полуострове — мы прозвали его «Островом смерти» — нас принял и осмотрел комендант «Острова». Это был человек преклонного возраста, с седыми пушистыми усами, надменным взглядом и молодцеватой военной выправкой, которая, очевидно, выработалась за долгие годы пребывания в армии. С виду можно было судить, что он помещик. С гордостью и достоинством носил он свой мундир царской армии. Этот представитель старого мира оглядел нас строго и величественно, как будто с большой высоты. Ознакомившись с нашими сопроводительными документами, в которых старый барон, очевидно, нам основательно насолил, он еще раз зло глянул на нас, выражая недовольство нашим приходом, и резким повелительным голосом сказал: «Смотрите, чтобы у меня вы вели себя, как полагается военнопленным! Находиться только в указанном вам месте, строго соблюдать распорядок дня! Запрещаю разговари-

вать с лицами расквартированной здесь воинской части. За нарушение дисциплины вы будете наказаны». Затем последовало предупреждение о том, что здесь не Севастополь и чтобы мы не пытались выступать с большевистскими речами, в противном случае нас сделают на голову короче.

Нам отвели небольшой домик, очевидно, бывшую дачу, на высоком берегу Черного моря. Домик был совершенно пустой — у нас не было ни нар, ни соломы, ни одеял — спали мы на полу, под голову клали собранные кирпичи. Чтобы было теплее, мы спали одетыми, грели на плите кирпичи и клали рядом — пока они были теплыми, мы чувствовали себя хорошо.

Теперь мы были совершенно изолированы и ничего не знали о том, что происходило на свете. Даже белогвардейские газеты нам запретили читать. С белыми офицерами мы говорить не смели, а солдат на полуострове не было, за исключением поваров и кухонных рабочих. Распиловка дров для кухни была единственной работой, которую нам доверяли, и ту мы выполняли в течение часа. К месту размещения офицеров мы не имели права приближаться — нас боялись как чумы. Было очень скучно. Сидели у своего домика и часами смотрели на море. По тому, что происходило на море, мы могли заключить, что белым в Крыму стало «жарко».

Множество различных иностранных пароходов, в особенности французских и английских, с большой поспешностью шло в Севастополь и обратно. Началась эвакуация Крыма, или, вернее, бегство за границу российских помещиков и буржуев. Но мы об этом ничего не знали, только видели, что белые стали очень беспокойными. Старый важный полковник каждый день нас строго проверял. Главным образом он заботился, чтобы мы были совершенно изолированы. Полковник был настолько бдителен, что даже подослал к нам какого-то «военнопленного», якобы бывшего красноармейца. Наши опытные старые партийцы быстро разоблачили этого «военнопленного», которому было поручено наблюдать за внутренней жизнью нашей группы. Этот провокатор был донской казак — кулацкий сын, вскоре он исчез. Старый полковник очень боялся большевиков. Так как нас он считал «совершенно неисправимыми» большевиками, то терпел, как зубную боль. Мы это понимали и думали, что белые, уходя из Крыма, нас уничтожат.

Были первые дни ноября. Все оживленнее становилось движение пароходов по морю. Все больше появлялось французских и английских военных кораблей. Офицеры тревожились, нервничали. Даже всегда точный полковник «забывал» выдать нам пищу — мы жили впроголодь.

В начале ноября 1920 года стала хорошо слышна артиллерийская канонада в направлении Перекопа. Было ясно, что начались большие бои, и грохот их становился все сильнее. Нас охватила невыразимая радость, хотя ее омрачала неизвестность: что сделают с нами белые, отступая из Крыма? Бежать с полуострова мы, небольшая группа невооруженных стрелков, не могли. Белые находились перед катастрофой, этого они не могли скрыть от нас, хотя мы и были изолированы от всего мира. Наши ребята, распиливая дрова для кухни, подслушали разговор

офицеров о том, что их армия терпит неудачи и вынуждена отступать. Тяжелые бои идут у самого Перекопского вала, и падение Крыма — вопрос нескольких дней. Мы были окрылены — приближался конец нашим мучениям.

Целыми днями мы обсуждали, что делать, как уйти с «Острова смерти», как попасть в Севастополь. Два дня мы не получали ничего съестного. И без того ослабевшие от плохого и маленького пайка, оставшись теперь совсем без хлеба, мы чувствовали сильное утомление, бессилие. Я, один из самых молодых, больше других терпел от постоянного голода, постоянно чувствовал усталость и стал апатичным ко всему. Решили, что с этим положением нужно покончить. Обратились к полковнику с твердым и определенным требованием — хлеба или смерти!

Вечером полковник явился к нам. Он совершенно преобразился — серо-бледный, осунувшийся, утративший надменность и даже самообладание. Только теперь, очевидно, он понял, что помещицьею власти приближается конец и что у него нет надежды вырваться из Крыма.

Неожиданная перемена в полковнике уменьшила наши опасения, что белые, покидая Крым, расправятся с нами. Грозный полковник говорил с нами почти заискивающим тоном. Он объяснил, что мы слишком ультимативно обращаемся к нему, требуя хлеба или смерти. Снабдить нас хлебом у него нет возможности, так как в течение нескольких дней не присылаются продукты из Севастополя. Его офицеры тоже терпят нужду, и совершенно неизвестно, когда улучшится положение с продуктами. Стрелки повторили свое категорическое требование — снабдить нас продуктами или, если полковник не в силах этого сделать, освободить нас из плена и выпустить с «Острова смерти».

Полковник ответил, что у него нет ни права, ни распоряжения нас освободить. Когда мы спросили, есть ли у него право и распоряжение морить нас голодом, полковник растерялся и пробормотал что-то невнятное. Затем после долгого молчания он обещал нам выдать из своего неприкосновенного фонда немного продуктов и выпустить завтра всю нашу группу с острова. Обещал выдать пропуск в Севастополь, чтобы мы сами искали себе пропитание. Мы были счастливы, но в то же время обещание это казалось подозрительным: как бы только старик нас не обманул. Однако хлеб и немного консервов полковник все-таки выдал нам, а на другой день мы получили пропуск в Севастополь и отправились туда.

На берегу залива у переправы стоял пароходик, на котором можно было переехать в Севастополь. Капитан пароходика, пожилой моряк, встретил нас широкой сердечной улыбкой. Он узнал нас, так как более месяца тому назад перевез нас из Севастополя на «Остров смерти». Теперь мы были без конвоя, и он первый поздравил нас с избавлением от белогвардейского плена.

Только когда пароходик пристал к севастопольской стороне и мы высадились на берег, мы наконец почувствовали себя свободными. Команда пароходика сказала нам, что мы можем смело идти в город: белых там нет и власть находится в руках рабочих. Только утром в

Артиллерия Латышской стрелковой дивизии на Каховском плацдарме. Лето 1920 г.

морском порту видны были белогвардейцы и буржуи, которые ждали кораблей Антанты, чтобы бежать за границу.

Даже небольшое расстояние до города казалось нам необычайно длинным и трудным — сил у нас не было и очень хотелось есть. Мы слишком ослабели от длительного недоедания. Явившись в Севастополь, мы прежде всего стали думать, как достать продукты и утолить голод.

Утром ушли последние французские военные суда, которые взяли белогвардейцев, но всем беженцам места на кораблях не хватило. Явившиеся только что с фронта белогвардейские части не нашли в порту обещанных кораблей Антанты и разбрелись по городу. Местные жители рассказывали, как накануне генерал Врангель, уезжая из Севастополя на французском военном корабле, успокаивал белогвардейцев: «Не волнуйтесь, уважаемые господа, всем хватит места на кораблях — я об этом позабочусь». Но это было пустое обещание, с помощью которого Врангель хотел обеспечить себе беспрепятственный отъезд из Крыма.

Когда отходили последние корабли из Севастополя, в порту стоял ужасный шум, далеко были слышны истерические крики, плач и вопли. Белогвардейские офицеры и их дамы с чемоданами, толпы православного духовенства в своих длиннополых одеяниях, элегантно одетые русские богачи, их надменные дамы и барышни с собачками и породистыми кошками, с криком и визгом осаждали трапы французских военных кораблей, ища спасения под крылышком Антанты.

Французские матросы, высмеивая и унижая офицеров, нагло обращаясь с их дамами, особенно были грубы с долгополыми священниками, которых выталкивали с корабельных сходен на берег. Многие из них падали в море со всеми своими чемоданами.

Контрреволюционеры, которым не удалось попасть на французские военные корабли, собрались в районе порта и станции в ожидании обещанных кораблей Антанты, но те не пришли.

Мы явились сюда в надежде достать продукты и утолить голод. Здесь горело несколько складов, в которых хранились американские консервы, мешки с мукой, военное обмундирование и обувь. Все это подожгли французские матросы. Под руководством севастопольских рабочих организаций местные жители энергично боролись с огнем, стараясь спасти продукты и другие ценности.

На пожаре мы встретили рабочих, с которыми работали в порту. Теперь они были хозяевами порта и станции, руководили тушением пожара и взяли на себя охрану складов. В городе уже работал временный Совет рабочих, который организовал охрану города и готовил встречу Красной Армии. От портовых рабочих мы получили ящик мясных консервов, которые прислали американцы белогвардейцам, и несколько буханок хлеба. Это спасло нас от голода. Осматривая город, мы видели на улицах, площадях и особенно в районе станции и порта брошенную военную технику Антанты. Там были английские танки и французские броневики, на железнодорожных путях — много бронепоездов и штабные салон-вагоны. Кое-где мы видели расставленные рядами различного калибра орудия и пулеметы, валялись кучами брошенные винтовки, патроны и орудийные снаряды. Бесчисленное множество подвод с тощими лошаденками и без них, нагруженные штабным имуществом, которое было брошено на произвол судьбы.

По городу и его окрестностям тысячами бродили упряжные, артиллерийские и кавалерийские лошади, некоторые даже оседланные — все они искали корм. Недалеко от порта стояло несколько сотен привязанных стройных лошадей с красивыми седлами и сбруей. Давно не кормленные и не поенные, животные жалобно смотрели на людей. По рассказам местных жителей, эти лошади с богатой сбруей принадлежали штабу генерала Врангеля. Накануне он со своим штабом верхом явился в порт, штабисты бросили лошадей, сами сели на пароход и удрали, оставив большую часть своей армии на Крымском полуострове.

Героическая Красная Армия разбила последнюю армию контрреволюции, и на этом гражданская война была закончена. К Севастополю приближалась его освободительница — Красная Армия. Из тюрем уже были освобождены революционные рабочие, крестьяне, интеллигенция и военнопленные. Вместе с севастопольскими рабочими они деятельно готовились к торжественной встрече Красной Армии.

Улицы Севастополя были заполнены народом. Все встречали Красную Армию восторженно, приветственными возгласами. Мы, стрелки 5-го Земгальского полка, были бесконечно счастливы и благодарны нашей героической Красной Армии, которая освободила нас из плена.

В городе начал действовать военный комендант. Большими толпами собирались белогвардейские офицеры и солдаты, которые считали себя побежденными и ожидали распоряжений победителей. Красной Армии была совершенно чужда жажда мести. Ее командование сообщило всем белогвардейским офицерам и солдатам, чтобы они сдали все оружие и в назначенные комендантом сроки в алфавитном порядке явились для регистрации. После регистрации их отпустили на свободу и даже разрешили выехать из города. Такого гуманного обращения белогвардейцы не ожидали. Они были поражены, когда убедились, что распускавшиеся белой пропагандой слухи о «зверствах» Красной Армии были бесчестной ложью. Явившихся сюда священников никто не регистрировал, им разрешили вернуться на свои прежние места жительства.

С помощью коменданта нам удалось получить продовольствие на несколько дней, получили мы также хорошую теплую одежду, обувь, документы, коней и корм для них.

Отдохнули сами, накормили коней и через несколько дней пустились в путь искать Латышскую дивизию, которая, по словам коменданта, стояла в районе Евпатории. Явившись в район Евпатории, мы узнали, что Латышская дивизия ушла в направлении Николаева. Мы направились туда. После нескольких дней скитаний и поисков мы пришли в Николаев, где от военного коменданта узнали, что Латышская дивизия находится в 10—15 км от Николаева, в селе, название которого я забыл. Помню, что это было большое село, в котором в то время активно работал Народный дом, где часто устраивались театральные выступления. Там я впервые увидел украинскую постановку «Наталки Полтавки» и другие. Участники драматического кружка играли от всей души, и большой зал Народного дома всегда был переполнен. В этом селе мы нашли 5-й латышский стрелковый полк и явились к его командованию. Нас приняли очень сердечно, мы чувствовали себя, как дома, встретили знакомых из 5-го особого латышского полка и своих друзей из полка особого назначения.

В 5-м полку к этому времени собралось около 100—150 человек из бывшего 5-го особого полка. Явились стрелки, которые 25 июля по разным причинам не были на передовой линии — человек 14, которые попрятались и позднее вышли из окружения, и мы, вернувшиеся из плена.

Встреча со старыми боевыми товарищами была сердечной и дружеской. Много было о чем рассказать. Вспоминали минувшие бои и пережитые трудности. Я встретился со своим старым боевым товарищем членом Коммунистической партии с 1914 года — Карлом Рутманисом, который в то время был руководителем партийной организации роты. Насколько я помню, К. П. Рутманис был родом из-под Екабпилса.

Стрелков разместили в крестьянских домах, по 2—3 человека в каждом. Я, Рутманис и еще один стрелок поместились в доме крестьянина-середняка. Хозяин и хозяйка дома приветливо обращались с нами, красноармейцами. Во время плена я очень ослабел. Три месяца, проведенные как бы в камере смертников, дали себя почувствовать. Пере-

житое оставило во мне, 18-летнем юноше, глубокое впечатление. Сначала я часто кричал во сне и будил товарищей своим бредом.

Старая хозяйка, как родная мать, заботилась о моем здоровье, хорошо кормила и поила различными настоями целебных трав, которые успокаивающе действовали на мою нервную систему. Благодаря ее лечению через несколько месяцев я выздоровел, чувствовал себя бодро, жизнерадостно и был готов к новым боям.

Но борьба уже была окончена. Армия иностранных империалистов и белогвардейцев была разбита, героическая Красная Армия победила темные силы контрреволюции. Теперь эта славная армия рабочих и крестьян получила заслуженный отдых и готовилась к новой работе — к восстановлению народного хозяйства, разрушенного в годы империалистической и гражданской войн.

В конце 1920 года в этом селе Латышская стрелковая дивизия была расформирована и зачислена в состав 52-й дивизии.

НА ФРОНТЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА

В начале января 1921 года был получен приказ Реввоенсовета Республики начать демобилизацию Красной Армии. Предусматривалось демобилизовать прежде всего молодых добровольцев непризывного возраста.

Молодежь стала собираться «домой». Возник вопрос. — где же у нас, латышей, дом? Наша родина была под гнетом капиталистов, мы не падали духом, чувствуя себя хорошо среди украинского народа. Я никогда не забуду, как заботилась обо мне наша милая хозяйка, которая вылечила меня и помогла восстановить утраченные силы. Мы, стрелки, были убеждены, что придет время, когда наша дорогая матушка — родная Латвия — вернется в семью советских республик.

Однако нужно было обдумать, где остаться сейчас. Этот вопрос мы обсуждали каждый день. Мы были, как на крыльях. Нужно ехать... Нужно переходить к новой жизни... Новые неизвестные условия...

В нашей роте коммунистическая организация под руководством К. П. Рутманиса организовала регулярное чтение докладов, лекций, бесед и разъясняла стрелкам актуальные политические вопросы. Молодежь, которая должна была первой покинуть армию, просила у Рутманиса совета. Высказывали предположение, не следует ли ехать в Латвию и продолжать борьбу в нелегальных условиях, чтобы вместе с латышским пролетариатом возобновить борьбу за Советскую власть в Латвии. Предлагали организовать из нас, молодых, партизанскую часть — собирались нелегально перейти границу и громить власть буржуазии в Латвии.

Карл Рутманис не советовал делать этого, сказав, что не следует спешить с партизанской борьбой. Придет время, будет видно, что делать. Сейчас основная задача — быстрее включиться в работу по восстановлению народного хозяйства, скорее преодолеть хозяйственную разруху, приступить к строительству социализма и помочь укрепить экономику нашего советского государства.

Рутманис не советовал нам, молодым, ехать в Латвию на нелегальную работу: слишком уж мы молоды, да и не удастся нам скрыть от охранки буржуазной Латвии свое добровольное вступление в ряды Красной Армии и участие в гражданской войне. Вернувшись в буржуазную Латвию, в лучшем случае мы будем заключены в тюрьму, а в худшем — повешены. Он посоветовал нам ехать в Москву и с помощью латышской секции Центрального Комитета Коммунистической партии включиться в восстановление хозяйства.

Все молодые стрелки, большинству из которых еще не было 20 лет, решили остаться в Советской России и включиться в активную работу по восстановлению народного хозяйства. Рутманис объяснил нам, что, работая на восстановлении народного хозяйства Советской республики и укрепляя экономику Советского государства, мы приближаем победу рабочих и трудового крестьянства и на нашей родине — Латвии.

За несколько дней до нашего отъезда К. П. Рутманис сердечно попрощался с нами, а наедине со мной сказал, что по поручению партии отправляется в Латвию на нелегальную работу. Мы пожелали друг другу успеха в дальнейшей работе и счастливой встречи в Советской Латвии.

Я. М. МАЛЕР

БОРЬБА С ДЕНИКИНЫМ И ВРАНГЕЛЕМ

Осенью 1919 года 4-й латышский стрелковый полк перевели с Польского фронта на Орловский. Деникин в то время двигался по направлению к Москве и уже захватил Курск и Орел. У Орла мы встретились с отборными белогвардейскими полками, состоявшими исключительно из офицеров. Четыре дня сражались мы у какой-то деревни. Белые ожесточенно сопротивлялись, но наши стрелки, закаленные в огне боев, были сильнее. На четвертый день белогвардейцы не выдержали и отступили. В боях под Кромами положение несколько раз становилось критическим, но латышские стрелки, преодолев кризис, добились победы.

Началась эпидемия тифа, я заболел и пролежал два месяца в Павлограде. Выздоровев, я узнал, что мой полк ушел в Таврическую губернию, в имение Преображенка, находившееся примерно в 7 километрах от Перекопа. Тиф вырвал почти четверть из рядов команды конной разведки и не меньше из пехоты. В полку насчитывалось теперь около 400 штыков, и поэтому его пополнили русскими солдатами.

У Перекопа мы простояли довольно долго. Однажды мы без артиллерийской подготовки пошли в атаку на Турецкий вал. Двинулись вперед ночью, очень медленно и находились уже в каких-нибудь 200 метрах от вала. Но ближе к валу подойти не удалось, так как он был огражден поясом колючей проволоки примерно 10-метровой ширины. Двигаться дальше без артиллерийской подготовки было невозможно. Когда стало рассветать, белые нас заметили и открыли сильный огонь. Не оставалось ничего другого, как отойти назад.

Под натиском превосходящих сил противника нам пришлось тогда отступить за Днепр. Однако вскоре мы вновь перешли в наступление.

4-й полк переправлялся через Днепр у Малой Каховки и Берислава. Первой переправилась пешая разведка, затем — роты пехоты и конники на плотах. Переправившись через Днепр, мы заняли плацдарм. Слева от нас был один из латышских полков, который вместе с нами переправлялся через реку, но ему вскоре вновь пришлось отступить, так как белые перешли в контрнаступление. Во время обратной переправы через Днепр этот полк понес большие потери. Мы остались одни на небольшом плацдарме и тоже вскоре отступили, правда, без потерь. Через некоторое время мы снова переправились через Днепр и заняли плацдарм. Крупные силы кавалерии белых еще раз оттеснили нас от имения Преображенки к Днепру.

Наступило 20 августа 1920 года — день, решивший судьбу 4-го полка. Полк стоял между Днепром и Перекопом в деревне Черненька. На на-

Конные разведчики 4-го латышского стрелкового полка у Перекопа летом 1920 г.
Слева — начальник команды Вейс.

шем правом фланге находился русский пехотный полк, который ночью отступил. На левом фланге стоял 5-й латышский полк. Мы ждали наступления.

Утром 20 августа кавалерия белых начала наступление на 5-й полк. Конная разведка 4-го полка заняла пост между 5-м и 4-м латышскими полками. В 5-м полку была артиллерия, и она удачно отбила наступление. Тогда белые подвергли обстрелу наши конные посты, и мы немного отступили назад. Оставаться в открытом поле с конями под обстрелом было бессмысленно. Белые пошли в атаку на наш полк. Поскольку полк занимал широкий фронт, а его правый фланг был обнажен, положение стало очень тяжелым. Командир полка Андерсон послал меня в передовую цепь пехотинцев, которая чересчур рассредоточилась, чтобы сообщить им о необходимости сократить фронт. Не успел я достигнуть передней линии, как с гиком налетели вражеские кавалеристы, размахивавшие сверкающими на солнце клинками. Это производило страшное впечатление. Артиллерии у нас не было, за исключением одного бомбомета, который тут же испортился. Я приблизился к передовой цепи и устно передал свое сообщение, но было уже поздно — вражеская кавалерия на широком фронте охватила полк с обоих флангов. В то же время испортился и один из пулеметов, а прислуга, поставив его на

Стрелки пулеметной команды 4-го латышского стрелкового полка. Июнь 1920 г.

двуколку, ускакала. Положение стало опасным, и я решил, что лучше вернуться назад.

Когда я отправился обратно с передовой линии, штаб полка и конники уже отступили примерно на 3 км. За мной гнались два вражеских казака. Мой конь заметно уставал, а враги приближались. Я решил было, что лучше уходить пешком, и вынул уже ногу из стремени, но тут же передумал и придержал коня, намереваясь в случае, если враги приблизятся, взять их на мушку. Однако у коней обоих моих преследователей тоже иссякли силы, и враги перестали гнаться за мной. Медленно передвигаясь, я настиг всю команду и штаб полка. Полковой адъютант спросил меня, что происходит на передовой. Я доложил, что вражеская кавалерия окружила полк, а что было дальше, не знаю.

Оказалось, что напал на нас генерал Барбович с 2000 чеченцев. Только позднее мы узнали, что на передовой линии стрелки сражались до последней возможности. Когда кончились патроны, они бросились в штыковую атаку. По словам местных крестьян, все поле было усеяно трупами врагов и лошадей. Врагу удалось захватить в плен небольшую горстку раненых стрелков, которых они согнали в сарай недалеко от деревни Черненька и расстреляли. Затем подъехал белогвардейский офицер и громко крикнул, чтобы те, кто остались в живых, вышли, обещая сохранить им жизнь. Вышли двое стрелков — один еврей из

4-й роты и стрелок Бумбиерис, который был ранен в ногу. Бумбиерис остался жив благодаря своей находчивости. Он успел броситься на землю до выстрелов, а когда начали стрелять, другие упали на него. Бумбиерис был отвезен в Крым и помещен в больницу в маленьком городке. В больнице, узнав, что он латыш, с ним обошлись неважно. Когда рана зажила, он был послан на фронт. Случилось так, что белогвардейская часть, в которую был послан Бумбиерис, стояла против позиций, которые занимал латышский кавалерийский полк. При первом же удобном случае Бумбиерис попытался попасть к своим. Когда наши пошли в наступление, он вместе с русским солдатом спрятался в погребе. Затем, когда белые отступили, Бумбиерис вернулся к красным. От него и узнали об уничтожении пленных из 4-го полка.

В бою с врагом один из стрелков — Амбулис из Болдераи — тяжело раненный в голову ударом шашки, остался лежать на поле боя. Спустя некоторое время подъехали двое казаков и стали обыскивать его карманы. Один из них сказал, что красный, наверное, еще жив. Услышав это, Амбулис вновь потерял сознание. Очнувшись ночью, он поднял голову и увидел, что лежит в окружении раздетых мертвецов. Будучи хорошим пловцом, Амбулис переплыл Днепр и пришел к нам.

В этом бою погиб почти весь 4-й латышский стрелковый полк. Мы похоронили своих боевых товарищей, павших смертью героев.

В ноябре 1920 года, после разгрома армии Врангеля, Южный фронт был ликвидирован и некоторые части Красной Армии, в том числе и Латышская стрелковая дивизия, были переформированы. Латышская дивизия была присоединена к 52-й дивизии.

В связи с заключением мира часть латышей, в том числе и я, в апреле 1921 года вернулись домой. Советское посольство в Риге выплатило нам пособие, так как новую жизнь начинать было трудно.

Э. Я. САУКА,

бывш. командир 1-й роты 6-го
латышского стрелкового полка

ИЗ БОЕВОГО ПУТИ 1-Й РОТЫ 6-го ЛАТЫШСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА

Командование 1-й ротой 6-го латышского стрелкового полка я принял 23 июня 1920 года, по окончании московских пехотных курсов командного состава. 2-я бригада Латышской дивизии, которой командовал Фрицис Лабренцис, была расположена в украинском селе Качкаровка, южнее города Никополя, на правом берегу Днепра. Латышские стрелки стояли на отдыхе после боев у Перекопа.

6-м латышским стрелковым полком командовал Бривкалн, его заместителем был Лоден, адъютантом — Ниедре, а комиссаром полка — Гулбитис.

30 июня 1920 года разведчики 1-й роты разведали днепровские плавни напротив села Британы, и в ночь на 1 июля мы высадили десант на левом берегу Днепра. 1-я рота форсировала реку первой. Остальные роты не могли переправиться из-за отсутствия средств переправы. После короткой стычки с врангелевцами рота по приказу комбрига перешла в распоряжение командира 5-го полка Тупе для прикрытия левого фланга полка. Только на следующее утро остальные подразделения полка прибыли на левый берег Днепра и вступили в бой. Бой продолжался до 5 июля. 6 июля, прижатые атакой противника к Днепру, части нашей бригады вернулись на правый берег Днепра в село Львово, а оттуда переместились севернее города Берислава; 6-й полк занял позицию для охраны берега Днепра напротив села Любимовки, севернее Каховки. Боевые действия здесь ограничивались разведкой Днепра.

В начале августа 1920 года 6-й латышский полк сосредоточился в городе Бериславе. 6 августа весь командный состав выехал в немецкую колонию Шлангендорф, чтобы осмотреть окрестность, где предусматривалось произвести форсирование Днепра в направлении города Каховки. 1-я рота со всеми командами пеших разведчиков полка была назначена в ударную группу 6-го полка, первой должна была переправиться через Днепр на понтонах и удержаться на берегу до наведения понтонного моста и переправы остальных войсковых частей.

Переправа началась в час ночи с 6 на 7 августа 1920 года. Первыми от нашего полка переправлялись разведчики на своих лодках, за ними следовали понтоны со стрелками и станковыми пулеметами. Наша артиллерия открыла заградительный огонь, причем особенно удачно действовала мортирная батарея, расположенная на острове посреди Днепра,

Члены Революционного военного трибунала Латышской стрелковой советской дивизии.
Николаев, декабрь 1920 г.

против города Берислава. Противоположный берег покрылся разрывами наших снарядов. Врангелевцы тоже не молчали и открыли ответный орудийный огонь. Однако наши разведчики вышли уже на левый берег, сообщив нам об этом красной ракетой. Вскоре на берег высадилась из понтонов вся рота. Понтоны тотчас же вернулись в Берислав.

1-я рота и команда разведчиков заняли активную оборону. Перед нами были позиции врангелевцев, за спиной — Днепр. Наша артиллерия перенесла огонь на Каховку, а врангелевская — по днепровским плавням и Бериславу.

Рота удерживала оборонительный рубеж до наведения понтонного моста через Днепр и переправы остальных частей полка и бригады. Переправа продолжалась всю ночь, и утром, около 8 часов, мы двинулись вперед — на Каховку. Врангелевская артиллерия открыла ураганный огонь. Стремясь удержать Каховку, противник стал подтягивать силы для нанесения контрудара. Нашему передовому отряду до подхода подкреплений пришлось принять бой. Убитых и раненых у нас было 17 человек, в том числе был убит политрук нашей роты старый латышский стрелок Гудруп, которого мы похоронили в городе Бериславе.

Врангелевцы не смогли отбить нашей атаки и отступили из Каховки. Замолчала и их артиллерия, наша же артиллерия заняла позиции в предместьях Каховки и открыла огонь по контратакующей лавине кав-

лерии противника, наступавшей со стороны села Любимовки. Понеся потери, противник отхлынул назад.

Вечером 7 августа 1920 года с наступлением темноты прекратилась артиллерийская канонада, замолкла ружейно-пулеметная стрельба. Каховка была взята.

Весь август, сентябрь и октябрь 1920 года прошли в непрерывных боях. После взятия Каховки необходимо было ускоренным темпом двинуться на Перекоп, чтобы заставить Врангеля оттянуть свои войска обратно в Крым. Белогвардейцы же, напротив, прилагали все усилия, чтобы сбить наши части с Каховского плацдарма. 6-му латышскому полку пришлось выдержать ожесточенный бой под хутором Терны, где сложил голову командир батальона Пиоле. Село Черненька четыре раза переходило из рук в руки. Бои шли у деревни Черная Долина, Большая Маячка, под хутором Балтазаровка. Под Черной Долиной нам удалось вклиниться ночью в расположение противника, нанести ему серьезный урон и захватить пленных. Утром полк отступил к селу Черненька, где командир полка созвал к себе всех командиров рот и батальонов и поставил боевую задачу: двинуться вдоль линии фронта, пересечь Каховско-Перекопский тракт и таким образом прийти на помощь 4-му латышскому полку, выдвинутому далеко вперед в направлении Перекопа. Было приказано приготовиться к отражению атак кавалерии противника.

В головном отряде двигался 1-й взвод нашей роты. Не успели мы еще дойти до Перекопского тракта, как показалась колонна вражеской кавалерии и понеслась с саблями наголо на наш взвод. Два наших станковых пулемета «максим» и два ручных пулемета «льюис» открыли огонь. Кавалерия хлынула назад. В этом бою был ранен командир взвода Петрович, прошедший всю империалистическую и гражданскую войны. Погибло также несколько стрелков. Мы отошли ближе к полку и залегли. Неприятельская кавалерия продолжала наседать на нас из-за бугра. Выручали нас станковые и ручные пулеметы. Как только из-за бугра появлялась врангелевская кавалерия, мы встречали ее ружейным и пулеметным огнем. Атаки следовали одна за другой. Несмотря на большие потери, враг продолжал наступать.

Неподалеку от хутора Терны на помощь нам пришла 51-я дивизия, которая начала теснить кавалерию врага. Полк занял боевые позиции полукругом у Перекопского тракта, против хутора Каменный Кол. На этих позициях нас посетил комбриг Лабренцис и сообщил, что мы имели дело с четырьмя тысячами сабель противника, который только что уничтожил почти весь 4-й полк. Взятых в плен стрелков 4-го латышского полка врангелевцы загнали в сарай под Черненькой и расстреляли из пулеметов.

На следующий день врангелевская артиллерия открыла ураганный огонь по нашим позициям и тылам. 18 самолетов противника бомбардировали переправу через Днепр под Каховкой. Затем неприятель снова пошел в наступление, оттеснив нашу 52-ю дивизию, находившуюся на левом фланге, — бой становился все напряженнее.

В Каховке находилась огневая бригада, которая имела бронеавтомобили. Через некоторое время со стороны Каховки показались несколько броневигов. Врангелевская артиллерия открыла огонь по тракту, но головной броневигов, повернув вдоль неприятельской цепи, начал косить противника пулеметным огнем, врангелевцы не выдержали и побежали.

На следующий день Красная Армия продолжала наступать. Бои шли под Черненькой, Большой Маячкой и хутором Балтазаровка, а затем мы двинулись назад — в Каховский укрепленный район, где к зиме были уже подготовлены три линии проволочных заграждений и окопов.

Однажды ночью в октябре 1920 года Врангель пустил танки по Перекопскому тракту, чтобы уничтожить нас в ночном бою. Мы выдержали. Два неприятельских танка были подбиты.

В районе Никополя Врангель переправил через Днепр свою кавалерию, и Латышскую дивизию послали ликвидировать ее. По выполнении задания стрелки вернулись на Каховский плацдарм. Я заболел тифом и лег в лазарет. В это время 6-й полк в районе Константиновки атаковали части кавалерийского корпуса генерала Барбовича. Полк выдержал шесть атак. Ружья и пулеметы раскалились, патроны иссякли. Стрелки бросились в рукопашную и в большинстве своем погибли или попали в плен. Вывались те, которые были на лошадях. В плену неприятелем были расстреляны командир батальона и несколько командиров рот и взводов.

Из лазарета я возвратился в январе 1921 года, когда Латышскую дивизию присоединили к 52-й дивизии, а 6-й латышский полк — к 455-му стрелковому полку этой дивизии. Между буржуазной Латвией и Советской Россией был уже заключен мирный договор, и поэтому латышские советские войсковые части не могли более находиться в армии Советской России.

В апреле 1921 года все латыши, подавшие заявления о своем желании возвратиться на родину, были отправлены в Москву, а из Москвы — в Латвию. Я в Латвию не поехал и после демобилизации остался работать в СССР.

К. М. КИРТОВСКИЙ

В СТЕПЯХ СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

Конец лета и начало осени 1919 г. мы провели на Польском фронте в непрерывных стычках с белогвардейцами в районе Могилева. В конце сентября, когда армия Деникина ринулась на Москву, Латышская дивизия была послана сорвать этот поход. Погрузившись в Борисове в эшелоны, мы прибыли на станцию Карачев, а оттуда маршем отправились на фронт. Первая встреча с офицерским полком деникинской армии произошла еще до 20 октября. В этом бою нам удалось разгромить белогвардейский батальон. Враг не ждал, что встретит здесь столь сильное сопротивление.

Однако белым не пришлось двигаться дальше на Москву. Под ударами Красной Армии деникинская армия стала отступать. Мы преследовали ее по левую сторону Орловской железной дороги. Белые пытались закрепиться. Пять дней продолжались ожесточенные бои, многократно переходившие в рукопашные схватки. Красная Армия перебросила в тыл белых свою конницу. Опасаясь окружения, белые отступили до самой станции Поньри, где попытались закрепиться. Тем не менее в начале ноября нам удалось прорвать и эту их оборонительную линию. Во время боев мы захватили тяжелое орудие, которое позднее в честь годовщины Октябрьской революции отправили в Москву. Так мы дошли с боями до Харькова. Наступление происходило в тяжелых условиях. Мороз достигал иногда -25° , а мы по-прежнему были плохо одеты.

Бои были упорными и ожесточенными. В период наступления у станции Поньри в овраге было оставлено одно наше орудие. Через 3 дня мы нашли его расчет — 6 человек — расстрелянным и раздетым.

После боев под Харьковом Латышская дивизия расположилась на отдых в районе действия банд Махно. В городе Екатеринославе мы повсюду встречали следы хозяйничанья махновцев. Они взорвали мост через Днепр, сожгли или разгромили многие дома; жители рассказывали о насилиях, грабежах и расстрелах. Махно, боявшийся вступить в открытый бой с регулярными частями Красной Армии, грабил армейские тылы и обозы, расстреливал партийных и советских работников.

Простояв две недели на отдыхе, наша дивизия начала активное преследование махновских банд. В нашу задачу входило в основном прочесывание района главного сосредоточения этих банд. Там, где мы проходили, вновь устанавливалась Советская власть. Несмотря на то что «армия» Махно была значительной и насчитывала несколько десятков тысяч человек, которые были хорошо вооружены и знали местность, боя она все же не принимала. Дело ограничивалось небольшими

Штаб 3-й стрелковой бригады в именин Преображенка летом 1920 г. Слева направо в первом ряду: командир 8-го полка Г. Г. Бокис, во втором ряду: командир 9-го полка Лиепинь, командир 7-го полка Я. П. Булан.

стычками. Банды были подвижны, имели много тачанок и агентуру среди кулачества. Будучи местными жителями, бандиты могли маскироваться под мирное население. Поэтому приходилось тщательно прочесывать все лежавшие по пути села, чтобы не оставлять в тылу за собой противника. Особенно бдительными приходилось быть при остановках в селах на ночлег. Выставлялась усиленная охрана, а командный состав постоянно проверял посты. Мне как политруку приходилось не спать много ночей, проверяя бдительность часовых, — ведь малейшая оплошность могла привести к гибели. Махновцы часто осуществляли ночные налеты на спящих красноармейцев и уничтожали их. Однако благодаря высокой дисциплинированности и хорошей охране им ни разу не удалось захватить нас врасплох.

Это была погоня за сильным и в то же время призрачным противником. С обеих сторон потери были незначительными. Преследование затрудняла погода. Как только мы вышли из Екатеринослава в направлении Кривого Рога, поднялась метель, а обмундирование наше было довольно плохим, поношенным. Из-за действий банд Махно новое обмундирование мы получили только к августу 1920 года. От Кривого Рога мы повернули к Пятихатке и, непрерывно следуя за отступающим Махно,

достигли сел Большая и Малая Софиевка. Однако нам так и не удалось настигнуть главные его силы.

В мае наша дивизия вышла на позиции в район Перекопского перешейка. Махно на наши части не нападал, но усиленно грабил обозы. В начале августа было получено сообщение о том, что с Махно заключен договор, по которому тот обязался участвовать в борьбе против Врангеля и быть лояльным по отношению к Советской власти.

Но вот разгромлен Врангель. Махновцы снова повернули оружие против Советской власти. На третий день после занятия Крыма, в ноябре, махновцы убили в Евпатории командира 2-й латышской бригады Лабренциса и вырвались на степные просторы юга Украины. Гражданская война уже окончилась, а в степях Украины все еще гуляли банды Махно, не давая людям возможности взяться за мирный труд, мешая установлению Советской власти на селе.

В феврале 1921 года в составе кавалерийской бригады Кришьяна я вновь принял участие в борьбе с махновскими бандами. Бригада получила приказ о наступлении: в селе Большая Александровка банда Махно убила 26 советских работников. Несколько дней шло преследование Махно. У одной из деревень на берегу Днепра поздно вечером бригада настигла бандитов. Охватив село полукругом, мы стали готовиться к нападению. За это время махновцы переправились на другой берег Днепра. Погоня за Днепром была неудачной — Махно удалось скрыться. Больше в районе расположения нашей бригады он не появлялся, хотя мелкие банды продолжали тревожить нас.

Вскоре Красная Армия окончательно разгромила и рассеяла банды Махно. Остатки их вместе с главарями бежали в Румынию.

Большим испытанием были для нас бои с белогвардейскими бандами Врангеля за Перекоп. В начале апреля 1920 года наша дивизия заняла позиции напротив Перекопа, в 3—4 км от Армянска, где находились основные позиции белых. Штаб нашего полка расположился в имении Преображенка. Позиции наши были укреплены слабо, так как мы не предполагали, что противник в состоянии контратаковать нас. В мае белые попытались высадить десант с Черного моря. Группа, доставленная на французских кораблях и состоявшая в основном из офицеров, вскоре была уничтожена.

7 июня врангелевская кавалерия атаковала наши позиции. Через несколько часов мы вынуждены были оставить имение Преображенка и отступить примерно на 10 км в деревню Чаплинка, где находился штаб дивизии. Удар белых был для нас неожиданным. Уже в результате первого дня боев полк потерял один батальон и три пулемета. Связь с другими частями отсутствовала. 8 июня день прошел спокойно. 9 июня врангелевские войска возобновили наступление. Главный удар был направлен против 5-го, 4-го и 6-го полков 2-й бригады. Наш 5-й полк оказался в центре наступления врангелевской кавалерии. Положение было трудным.

После тяжелых боев белые 9 июня заняли деревню Чаплинка. Отсюда им был открыт путь на Каховку, куда отступала наша дивизия. Нашей пулеметной команде и одной батарее было приказано прикрывать от-

Схема 6. Разгром белогвардейских армий Врангеля 28 октября — 15 ноября 1920 года.

ступление наших войск на Каховку. Пулеметная команда уже в первые два дня боев понесла тяжелые потери — из 12 пулеметов осталось 8; потери были и в личном составе; командира не было, поэтому мне как политруку пришлось взять на себя командование пулеметчиками. Во время отступления наших частей на степной равнине на нас непрерывно нападали крупные силы чеченцев. В течение двух дней солнечный зной и пулеметный огонь сдерживали атаки белогвардейцев, что дало нашим войскам возможность переправиться на правый берег Днепра. Несмотря на то что бои 9—11 июня были тяжелыми, больших потерь у нас не было. Отступление и смена позиций проходили организованно. Расстояние между позициями было 300—400 м, поэтому второй эшелон мог прикрывать выход из боя пулеметчиков первого эшелона. В ночь с 10 на 11 июня мы оставили Каховку и переправились на правый берег Днепра, удерживая весь понтонный мост.

На правом берегу Днепра мы переформировались и получили новое обмундирование. Белые попытались форсировать Днепр, но это им не удалось. 25 июля 2-я бригада латышских стрелков форсировала Днепр в 40 км к югу от Берислава, где мы стояли; нам удалось занять на левом берегу монастырь, а затем вклиниться на 40—70 км в тыл белых. Для того чтобы ликвидировать прорыв в тылу своих войск, белые отозвали с фронта большие силы кавалерии. Задача десанта — отвлечь силы противника с других участков фронта — была выполнена. После

этой операции бригада вернулась на свои исходные позиции напротив Каховки.

6 августа был получен новый приказ о форсировании Днепра в районе Каховки. В ночь с 6 на 7 августа десантная группа, в которую входил и 5-й полк, на лодках форсировала Днепр, а затем навела и понтонный мост. На берегу удалось создать плацдарм. Начались непрерывные бои, которые с переменным успехом продолжались до самого конца октября. В 25 км от Каховки мы создали линию укреплений, которую белые больше не смогли прорвать. Иногда нашим частям удавалось продвинуться вперед на расстояние 20 км от Перекопа, но затем белые отбрасывали их назад, до оборонительной линии.

В этих боях белые использовали английские танки. В конце августа против наших позиций были брошены четыре танка. Мы были предупреждены о предстоящем наступлении и провели соответствующие подготовительные работы. Перед своими позициями мы вырыли так называемые «волчьи ямы», а в первой линии окопов разместили полевые и трехдюймовые орудия для стрельбы прямой наводкой по танкам. При первой танковой атаке три танка из четырех были подбиты и остались на поле боя, лишь одному удалось удрать. Первая танковая атака проходила вдоль дороги из Перекопа на Каховку, где были расположены позиции нашего полка. Вторую танковую атаку белые организовали в октябре. На сей раз танки наступали по всему фронту Латышской дивизии. Из 14 танков только 3 покинули поле боя невредимыми.

Танкам не удалось прорвать нашу оборону. Для борьбы с ними были специально оснащенные части. В октябре на наш фронт стали прибывать и другие воинские части — мы получили подкрепление. Готовилось большое наступление на Крым. Командование фронтом принял Фрунзе. 28 октября мы начали наступление на белых и принудили их отступить до Турецкого вала (см. схему 6).

В последующих боевых операциях Латышской дивизии я больше не участвовал, ибо перед штурмом Крыма заболел тифом, изрядно потрепавшим наши ряды.

Несмотря на то что наше обмундирование было плохим, а питание — не всегда достаточным, мы твердо верили в победу социализма, даже в период тяжелых неудач не падали духом и были полны решимости до победного конца бороться против контрреволюции.

Л. С. ГУРЕВИЧ

ЯНИС КРИШЬЯН И ЕГО КОННИКИ

По-разному можно рассказать о том, как служил революции этот человек. В скупом перечне послужного списка это выглядит так:

начальник команды конных разведчиков 3-го Курземского латышского стрелкового полка;

командир отдельного конного отряда;

командир 1-го кавалерийского полка Латышской стрелковой дивизии;

командир кавалерийской бригады.

На географической карте основные вехи его боевого пути охватывают почти всю Европейскую часть России: Цесис, Донбасс, Ростов-на-Дону, Кубань, Москва, Казань, оренбургские степи, Рига, Апе, Елгава, Бауска, Орел, Льгов, Бердянск, Каховка, Перекоп, Евпатория.

На многих фронтах гражданской войны побывал этот человек со своими конниками. И на каждом — упрямые бои, стремительные атаки, отчаянно смелые рейды. Для того чтобы поведать обо всех боевых делах кавалеристов-латышей, которыми командовал бывший унтер-офицер царской армии Янис Екабович Кришьян, нужна не короткая статья, а целая книга. Надо надеяться, что она еще будет написана, а пока ограничимся рассказом о самом главном, записанном со слов самого Яниса Кришьяна, легендарного кавалериста, прозванного «латышским Буденным».

В феврале 1961 года ему исполнилось 75 лет. Три четверти века за плечами. Жизнь не баловала Яниса Кришьяна ни смолоду, ни в зрелые годы. Но невзгоды и испытания не согнули его, по сей день не утратил он ясности мысли и взгляда, бережно сохранил в памяти многое из пережитого.

Янис Кришьян служил в 3-м Курземском полку, который, как известно, вместе с другими латышскими полками уже в мае 1917 года встал под славные ленинские знамена. После Октябрьской революции в полку вместо прежних офицеров были выбраны новые командиры. Вот тогда-то все тридцать конных разведчиков Курземского полка единодушно выбрали своим командиром Яниса Кришьяна.

В январе 1918 года 3-й Курземский полк по призыву партии вместе с сибирскими стрелками отправился в Донбасс сражаться с врагами молодой республики Советов. Полк выгрузился в самом центре промышленного края, на станции Никитовка. Одними из первых вступили на донскую землю конные разведчики. Известно, что у кавалеристов особое чутье на лошадей; разведчики сразу же разузнали, что неподалеку, в нескольких десятках километров, в горняцком поселке Гришино (ныне

город Красноармейск) после демобилизации 3-й кавалерийской дивизии царской армии осталось еще имущество и кони. Кришьян, не мешкая, отправился туда и отобрал сотню самых лучших коней.

— Зачем нам столько, товарищ командир, если нас всего-то тридцать душ?.. — недоумевали бойцы.

Однако Кришьян знал, что делал:

— Были бы кони, а всадники — найдутся... — как всегда лаконично отвечал он.

Так оно и вышло: со всех рот полка потянулись добровольцы. И вот уже не команда конных разведчиков, а целый отряд оказался под началом у Яниса Кришьяна — сто сабель, сто острых клинков. И работа клинкам вскоре нашлась. Белоказаки повели наступление на Донбасс, намереваясь захватить «кочегарку страны» и лишить революционные центры топлива. Они стали теснить необученные и плохо вооруженные отряды красновардейцев, на выручку к которым поспешили конники Кришьяна. Походным порядком, с боями прошли они несколько десятков верст от Матвеева Кургана до Чалтыря, откуда всего 18 километров до Ростова-на-Дону. Здесь сопротивление противника возросло, пришлось остановиться.

Этим участком фронта командовал тогда известный герой гражданской войны Р. Сиверс. Он присоединил к латышскому отряду еще две конные группы, и теперь под командованием Кришьяна было уже 250 сабель. 23 февраля 1918 года, в тот самый день, когда под Псковом и Нарвой рождалась Красная Армия, отряд Кришьяна вместе с пехотой 3-го Курземского полка и сибирских стрелков атаковал Ростов. Весь день шел бой, белоказаки сопротивлялись отчаянно, и к городу красноармейцы приблизились лишь вечером. О ночном штурме Ростова кавалерией нечего было и думать — Кришьян благоразумно поступил, отведя свой отряд на ночевку в казачий хутор Нижне-Гниловской. Хутором это селение было только по названию, а на самом деле это был целый пригород, насчитывавший десятки, если не сотни домов...

Утром наступление возобновилось. Но, странное дело, там, где вчера каждую высоту, каждую балку приходилось брать с боя, сейчас не было ни души. Так без сопротивления революционные войска вступили на окраину города — Темерник. Конники Кришьяна снова были впереди наступающих. С холма, на котором расположен Темерник, они спустились к вокзалу. Тишина... Пересекли густые сплетения рельс железнодорожного узла и вышли на главную улицу — Садовую. «Неужели беляки решили сдать Ростов без боя? Нет, тут что-то не так...», — подумал Кришьян и повел своих конников дальше с сугубой осторожностью.

Случилось так, что автору этих строк еще подростком довелось наблюдать вступление этого отряда в Ростов. Запомнился странный порядок следования конников: они двигались по Садовой улице двумя редкими конными цепями, и не по мостовой, а тротуарами, взяв на изготовку карабины. И только через сорок лет Кришьян разъяснил, почему он так вел отряд.

«Конечно, эффектней было вступать в город колонной, гарцуя по среди улицы, но тогда мы были бы чудной мишенью. А так, враспятку,

да еще по тротуару мы держали на мушке окна домов противоположной стороны, да и в нас целить было труднее...»

Предосторожность оказалась не лишней. Когда стали подъезжать к Соборной площади, с колокольни собора ударили в набат, и по этому сигналу из окон и чердаков был открыт огонь. Кришьян сразу же отвел отряд в боковую улицу, там спешил его и повел очищать дома от белогвардейских засад. Подлость не принесла врагу пользы. Совместными усилиями конников и пехоты — сибиряков и латышей 3-го Курземского полка — Ростов был освобожден.

После короткого отдыха кавалеристы ринулись дальше, на юг, преследуя отступавших белых. По просторам кубанских степей конники продвигались быстро, с небольшими боями и стычками. Дошли до Тихорецкой и тут — это было уже в апреле — их догнал приказ: всем конникам-латышам немедленно прибыть в Москву, где формировалась Латышская стрелковая дивизия. Отряд Кришьяна должен был стать ядром будущего кавалерийского полка дивизии.

Формирование пехотных частей дивизии было сравнительно простым делом — ведь латышские стрелки переходили в Красную Армию целыми полками. А кавалерийского латышского полка в царской армии не было, его пришлось создавать заново, и тут проявился организаторский талант Кришьяна. Довольно быстро он собрал под знамя 1-го латышского кавалерийского полка людей, прибывавших из всех частей дивизии, сумел с огромными трудностями добыть для них лошадей и начал по плану обучать их непривычному для многих конному делу. Нередко обучение подкреплялся практикой. Приходилось усмирять банды анархистов, изредка «шаливших» в столице, и выполнять другие боевые задания. Несли конники и караульную службу, охраняя Реввоенсовет Республики.

Для завершения формирования и обучения, полк перевели в Подмошье, в город Павловский Посад. Здесь пришла к конникам страшная беда: в конюшню проникла «сибирка» — сибирская язва. Существовал лишь один способ покончить с эпизоотией и не дать ей распространяться далее: уничтожить все поголовье. Случилось это в конце июля 1918 года, когда уже вдоль всей средней Волги шли жестокие бои на Восточном фронте. Не могли конники отсиживаться в тылу, когда там, на востоке,

Я. Е. Кришьян.

решалась судьба революции. И полк постановил: просить отправить его на фронт немедленно. Вскоре два эскадрона безлошадных кавалеристов Кришьяна выгрузились на Волге под Казанью, в Свияжске, и прямо из вагонов пошли в бой за деревню Моркваша. И только когда на смену подошли пехотинцы, конников отвели в ближний тыл. Здесь они получили наконец лошадей, правда худших, чем те, что были раньше... Не успели их еще как следует объездить, как снова пришлось идти в бой: в тыл прорвалась вражеская конница, и нужно было нагнать, разбить ее...

Конец лета и осень 1918 года конники воевали на Волге, а к зиме полк перебросили в оренбургские степи, откуда надвигался новый враг — белоказаки генерала Дутова. Однако полк перебросили далеко не в полном составе: один усиленный эскадрон пришлось оставить в устье Камы. За Волгой, на оренбургских просторах, кавалеристов ждали суровые ветры, глубокие, труднопроходимые снега. Тяжело пришлось кавалеристам в этом малонаселенном краю. Да и коням, отощавшим в непрерывных боях и рейдах, не легче. Двигались так: впереди шли самые выносливые всадники на наиболее сильных конях, а за ними, цепочкой, след в след, ступали остальные. От селения до селения расстояния огромные, а дойдешь до жилья — держи ухо востро, враг может напасть внезапно, из-за угла. Но у Яниса Кришьяна в полку — нерушимый закон: как бы трудно ни приходилось, всегда кругом надежное охранение, разведка, потому и не удалось дутовцам застигнуть их врасплох. Зато на оборот бывало...

Однажды дозоры донесли: впереди, в деревне Ивановка, враг, силы которого в несколько раз превосходят силы кришьяновцев. Отступить, идти назад по пути, пройденному с таким трудом?! Ну, нет! Мало сил? Значит, надо брать хитростью. Кришьян собрал всех командиров и стал назначать их на новые должности: кому поручал батальоны, кому роты и эскадроны... Сразу командиры и не поняли — уж не шутить ли вздумал их всегда такой серьезный командир полка? Где эти роты и эскадроны? Как ни считай, а в полку — всего-то 85 всадников, да и те почти все легко обмороженные... Но когда наступила глухая зимняя ночь, кавалеристы пошли на сближение с противником и отовсюду зазвучали зычные команды: «Батальон, в атаку!», «Рота, за мной!», «Эскадрон, марш-марш!» Каждый боец старался кричать «ура» за троих, а драться за десятерых, и три конных полка белых в полном составе бежали, побросав много имущества.

В завьюженных степях полк нередко терял связь с соседними красноармейскими частями, с высшим командованием, а уж со своей Латышской дивизией и вовсе не мог поддерживать ее. И не знали конники, что дивизия уже воюет на родной земле, освобождая с помощью своих русских братьев Латвию. Но в дивизии не забыли про конников, и по настоянию командования полк Кришьяна был отозван с Восточного фронта. В феврале 1919 года, присоединив эскадрон, охранявший устье Камы, полк погрузился в вагоны и взял курс на запад.

Долгим оказался этот путь конникам-латышам. Скорей бы домой! Но вот наконец и Рига! Радостно встретили кавалеристов в родной

столице, но долго отдыхать не пришлось. На этот раз путь был коротким: доехали до Цесиса, а дальше, на север — походным порядком, навстречу наступавшим белогвардейцам и интервентам, занявшим Апе... Скоро пехота вместе с конниками перешла в контрнаступление и выбила врага из Апе. Не успели развить первый успех, а конников уже ждал новый приказ: надо спешить на другой участок фронта, в Курземе, откуда молодой Советской Латвии грозила наибольшая опасность: немецкий генерал фон дер Гольц, щедро снабжаемый Антантой, вел белогвардейские банды на Ригу.

Тяжелыми были бои на этом направлении. Под Елгавой попали в окружение, утратили всякую связь с флангами и тылом. В таком же положении оказались и пехотные 3-й и 99-й полки. По своей инициативе Кришьян предложил командирам этих полков наступать на Елгаву, освободить город, но поддержки не встретил. Пришлось прорывать кольцо окружения, отходить на Бауску, чтобы хоть тут опередить противника, не дав ему занять город. Медленно, ожесточенно отбиваясь от наседавшего врага, отходили части армии Советской Латвии к Латгалии. Помощи ждать было неоткуда: Деникин, развернув наступление, угрожал Москве.

Нелегко было покидать родную землю, но воины-латыши отлично понимали, что судьба Латвии будет решаться в боях за Москву. И по зову партии, по зову Ленина Латышская стрелковая дивизия осенью 1919 года спешно направилась на Южный фронт, где для нанесения решительного удара по врагу была создана ударная группа. Отсюда был нанесен деникинцам тот знаменитый контрудар, который стал началом их конца.

Когда 20 октября был освобожден Орел и на фронте был достигнут перелом, конникам Кришьяна пришлось снова расстаться с дивизией, их присоединили к полкам червонных казаков, образовав мощную кавалерийскую группу. Перед ними стояла задача обрушиться лихим рейдом на тылы врага. 3 ноября 1919 года начался этот памятный рейд. В первый же день под Сабуровкой путь конникам преградили отборные части белых — 2-й и 3-й Корниловские полки, состоявшие целиком из офицеров. Сбить их конной атакой не удалось, завязался длительный бой. Коней отвели в тыл, сдали коноводам, а сами конники пошли в наступление пешими цепями. Весь день длилось сражение под Сабуровкой, и никому не удалось достигнуть ощутимого успеха. Тут Кришьян снова применил тактическую хитрость: под вечер он отдал приказ отходить, изображая поспешное отступление. И бывший унтер-офицер перехитрил белых полковников и генералов — они приняли маневр за настоящее отступление и без должных предосторожностей бросились преследовать отступающих. А тем временем Кришьян уже посадил своих бойцов на коней и устроил вместе со 2-м полком червонных казаков засаду. На зарвавшихся белогвардейцев был обрушен удар страшной силы — оба Корниловских полка подверглись полному разгрому. Кришьян сам водил конников в эту решающую атаку, и его подвиг был так описан в приказе Реввоенсовета Республики: «В бою под селом Сабуровка 5 ноября 1919 г. личным примером увлек свой полк вперед, разбив

совместно со 2-м червонным казачьим полком 2-й и 3-й Корниловские полки и захватив при этом орудия, пулеметы и пленных...»

Новые подвиги объединенная мощная кавалерийская группа совершила в рейде на Льгов. Красные конники 15 ноября ворвались в город. На станции в тот момент скопилось множество эшелонов с эвакуируемым военным имуществом и награбленным добром (ведь не зря народ метко окрестил деникинскую «Добрармию» — «Грабьармией»). Кришьян в первую очередь приказал взорвать путепровод, наглухо закупорив железнодорожный узел, так что ни один вагон не смог тронуться с места.

Гарнизон белых практически перестал существовать, и конники овладели городом целиком. А несколькими днями позднее, 3 декабря, налетом был занят и другой важный узел — станция Готня.

За бой под Сабуровкой, за взятие Льгова и Готни Янис Кришьян был награжден орденом Красного Знамени. Признанием заслуг Кришьяна было также назначение его впоследствии командиром кавалерийской бригады, в которую вошли как латышские, так и украинские конники.

Рейды продолжались. Опережая головные части Красной Армии, конники громили белые тылы. Чтобы иметь представление о темпах их продвижения, стоит только взглянуть на карту: 15 ноября они были еще во Льгове, в районе Курска, а новый, 1920 год встречали в Бердянске (Осипенко) на берегу Азовского моря. В январе нового года прорвались через приазовские степи к Крыму и с ходу влетели на перешеек, соединяющий полуостров с материком.

Этот налет на ворота Крыма проделали одни червонные казаки — латышский кавалерийский полк отозвали в это время в Екатеринослав (Днепропетровск), где расположилась Латышская дивизия. Однако конники вернулись без своего командира — Кришьян остался командовать бригадой червонных казаков. Не без труда удалось командованию дивизии «отвоевать» Кришьяна. В апреле он снова вернулся в степи Таврии вместе со своим полком, со своей дивизией.

Гражданская война вступала в свой заключительный этап: осталось добить барона Врангеля, засевшего в Крыму. Пользуясь тем, что основные силы Красной Армии были заняты на Западном фронте, «черный барон» предпринял отчаянную попытку вырваться из Крыма. Ему удалось потеснить малочисленный заслон, части Красной Армии стали отходить за Днепр, а прикрывать отход пришлось конникам Кришьяна. Ведя тяжелые арьергардные бои, кавалеристы дали возможность отойти пехоте и артиллерии, а затем и сами устремились к переправе. На пути они перехватили вражеское донесение, из которого узнали, что переправы не существуют, они уничтожены, а на берегу Днепра их ждет сильная вражеская засада.

Узнав об этом, Кришьян сразу же повернул свои эскадроны в противоположную сторону. Начался вынужденный рейд по тылам врага, по знойным степям Таврии, ровным, как стол, где не то что коннице, а пехоте спрятаться негде. Длился он не долго — две недели, но запомнился больше других... В погоню за полком Кришьяна белые бросили крупные силы, но он все время ловко уходил из-под ударов, избегая по

возможности неравного боя. Путая противника, петляя между Запорожьем и Мелитополем, полк двигался непрерывно, днем и ночью. И все же дважды попадал в окружения, из которых уходил с боями. Второй раз, под самым Мелитополем, в разгаре боя под Кришьяном была убита лошадь, а сам он, контуженный, свалился на землю. К счастью, это заметили пулеметчики полка — они ринулись в самую гущу схватки и успели спасти командира от верной гибели.

В конце концов Кришьян все же перехитрил — в который уже раз — врага и переправил свой полк через Днепр в том месте, где белые никак не ждали красных конников. А на правом берегу кришьяновцев встретили, как выходцев с того света: их уже давно считали погибшими.

Краткий отдых был заполнен учебой. Полк развернули в бригаду, командовать которой поручили Янису Кришьяну. А там — форсирование Днепра, Каховский плацдарм. Нелегко пришлось коннице — теснота плацдарма заставила Кришьяна вспомнить икшкильский «Остров смерти», где пришлось ему воевать в канун Февральской революции... Вместе с родной дивизией и с другими красноармейскими частями конники-латыши участвовали в битве на Перекопе, где впервые им пришлось встретиться с сильно укрепленными позициями. Естественно, посылать кавалеристов на штурм такой крепости было бессмысленно, но когда бесстрашная пехота Красной Армии сумела прорвать неприступный вал, конники на плечах врага ворвались в Крым и гнали отступавших в панике врангелевцев до самого моря. На золотом евпаторийском пляже остановили кришьяновцы своих разгоряченных коней. Песчаные россыпи побережья напомнили им родные дюны Балтики.

Так в середине ноября 1920 года закончили латыши-конники свой боевой путь на фронтах гражданской войны. Только вместо команды конных разведчиков в тридцать сабель теперь была целая кавалерийская бригада, насчитывавшая много сотен бойцов. И от первого до последнего дня всегда водил их в атаки бессменный командир — Янис Кришьян.

Л. С. ГУРЕВИЧ

ПАУЛИНА ШВЕДЕ

В грозные годы гражданской войны в рядах латышских стрелков сражалось немало дочерей трудового народа Латвии, среди них — и Паулина Шведе. Выходец из пролетарской семьи, она уже в 14 лет становится фабричной работницей. В 1915 году Паулина Шведе вместе с семьей эвакуируется из Риги в Харьков.

7 марта 1918 года, в канун Международного дня работницы, она добровольно вступает в ряды бойцов 4-го Харьковского отряда Красной гвардии.

Тяжелой была эта весна. Вооруженные до зубов, хорошо обученные дивизии кайзера Вильгельма, вероломно нарушив условия только что заключенного Брестского мира, хлынули на Украину. Разрозненные отряды рабочих и крестьян оказывали немцам героическое сопротивление, но все же были вынуждены отступать. 4-й Харьковский отряд Красной гвардии отходил через Донбасс, мимо Луганска, в районе которого повстречался с Особым латышским отрядом, созданным на Украине из эвакуированных латышей. С разрешения командования, Паулина Шведе перешла в этот отряд, чтобы воевать вместе со своими соотечественниками.

В конце апреля 1918 года отряд этот оказался уже на Волге, в Саратове, где его переформировали в Саратовский особый латышский полк. Все лето полк сражался на Волге. Здесь же в июне 1918 года Паулина Шведе девятнадцатилетней девушкой вступает в ряды партии коммунистов, членом которой состоит и по сей день.

В октябре 1918 года ее полк перебрасывают на Донской фронт, в район станции Поворино, где он сражается с белыми бандами генерала Краснова всю осень и начало зимы. Но уже в январе 1919 года полк ведет борьбу за освобождение Латвии от иностранных интервентов. В то время он уже именуется 10-м полком армии Советской Латвии. Паулина Шведе служила сначала стрелком, затем телефонисткой первого разряда команды связи полка.

15 февраля 1919 года во время боя у имения Эзере Паулину Шведе ранило осколком вражеского снаряда. Ранение было настолько тяжелым, что лишь в середине лета она возвратилась в строй и получила новое назначение — телефонисткой 2-й батареи гаубичного артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии. Осенью дивизион в полном составе вместе с Латышской дивизией был переброшен на Южный фронт, в район города Кромь.

...20 октября 1919 года белогвардейцы, мечтавшие уже о триумфальном вступлении в Москву, ощутили всю силу удара Красной Армии, особенно ее ударной группы, ядром которой была Латышская дивизия: советскими войсками был освобожден город Орел. Но деникинцы не собирались так легко расставаться со своими планами: яростными контратаками они пытались любой ценой восстановить положение и вновь занять Орел. Битва за город, в непосредственной близости от него, длилась несколько суток. Нашим частям приходилось отбивать десятки яростных атак озлобленного неудачей врага.

Три дня длился бой у станции Стишь. Здесь белогвардейцам загородили дорогу к Орлу два латышских полка и бригада Павлова. Их поддерживали гаубицы 2-й батареи артиллерийского дивизиона. К востоку от хутора Лисяково на передовых позициях, сразу же за цепями пластунского полка бригады Павлова, располагался наблюдательный пункт 2-й гаубичной батареи, в составе одного наблюдателя и одного телефониста — Паулины Шведе.

К тому времени двадцатилетняя девушка была уже опытным бойцом, бывалым солдатом. Но и ей приходилось тут нелегко. Вражеские пули и снаряды рвали тоненькую нить провода, связывавшего наблюдательный пункт с

батареей, и всякий раз Паулине приходилось отправляться на поиски повреждения и исправлять линию. Пробираться приходилось ползком, тщательно укрываясь от непрерывного и прицельного огня белых... Паулина потеряла счет этим бесконечным путешествиям, каждое из которых могло стать для нее последним.

На третьи сутки, 23 октября, положение на участке стало исключительно напряженным. Против революционных частей дралась лучшая денкинская офицерская дивизия — Корниловская. Атаки следовали волнами, одна за другой, непрерывно нарастая. И вот красноармейцы не выдержали, дрогнули, стали откатываться назад. Белые следовали за ними по пятам. Настал момент, когда они подошли почти вплотную к наблюдательному пункту — до него оставалось не более 100—120 метров. Уже покинул пункт наблюдатель, считая бой проигранным, — и в самом деле, прямо на пункт хлынула основная масса отступавших

П. Я. Шведе.

красноармейцев. Но тут произошло невероятное: оставив пост, во весь свой не очень большой рост поднялась Паулина. С наганом в руке она бросилась наперерез отступавшим. «Ни шагу назад! Вперед!» — кричала она. Воодушевленные ее смелым порывом красноармейцы остановились. А еще через секунду они бросились за девушкой на врага. Теперь уже настала очередь корниловцев отступать... Их атака была отбита, положение восстановлено. Неминуемая угроза флангам 4-го и 5-го латышского полков миновала. Совершив подвиг, Паулина как ни в чем не бывало вернулась к своим обязанностям, одна продолжая корректировать огонь батареи, пока не последовал приказ об отходе на другие позиции. Лишь тогда она, хладнокровно свернув линию, навьюченная своим тяжелым грузом, покинула наблюдательный пункт.

За свой подвиг Паулина Шведе была награждена орденом Красного Знамени. Она была первой в дивизии, удостоенной этой чести. Ей был вручен орденский знак № 895 — так она вошла в первую тысячу героев, получивших этот высокий знак отличия.

Свою скромную службу в дивизии Паулина Шведе продолжала и далее, пройдя с нею весь путь — от Орла до Екатеринослава (Днепропетровска), а затем от Каховки до Черного моря. Но на этом последнем этапе гражданской войны Шведе вновь сменила специальность, став разведчицей. И тут она отличалась храбростью, неся все трудности службы наравне с мужчинами. Когда же закончилась трехлетняя эпопея гражданской войны, Паулина Шведе, расставаясь с армией, получила от своих военных и политических руководителей лестную аттестацию, в которой было сказано:

«Тов. Шведе за два года службы в дивизионе зарекомендовала себя с самой хорошей стороны. Будучи три года коммунисткой с твердым пролетарским сознанием, она была во всех отношениях образцом как для всех красноармейцев, так и для партийных товарищей. Корректный, отзывчивый товарищ в частной жизни, высоко дисциплинированный, исполнительный и строгий и к другим и, особенно, к себе красноармеец на должностях низшего комсостава, в служебно-административном отношении. Тов. Шведе особенно выделялась своей беззаветной храбростью, проявлением инициативы и самоотверженным сознанием прежде всего своего долга перед революцией, добровольно вызывалась в самые опасные места».

После демобилизации Шведе некоторое время училась, а затем работала на различных предприятиях Москвы и в партийных органах.

Г. А. МАТСОН

КОМАНДИР 2-Й ЛАТЫШСКОЙ БРИГАДЫ ФРИЦИС ЛАБРЕНЦИС

16 ноября 1920 года Красная Армия очистила Крым от полчищ ба-
рона Врангеля.

В славной операции по освобождению Крыма активно участвовали латышские стрелки, боровшиеся плечом к плечу с другими частями Красной Армии. Латышская дивизия вместе с другими красноармейскими частями участвовала в ожесточенных боях за Каховский плацдарм, который в ноябре 1920 года служил исходным рубежом для генерального наступления на Врангеля. Когда начался штурм Перекопа, Латышская дивизия находилась во втором эшелоне атакующих, но уже при атаке Юшунских укреплений врангелевцев дивизия была переведена в первый эшелон и после упорного боя прорвала укрепления противника. Это обеспечило возможность дальнейшего продвижения частей Красной Армии. И вот в момент, когда Красная Армия праздновала победу над последним ставленником Антанты — Врангелем, по Латышской дивизии пронеслась весть о гибели командира 2-й латышской бригады Фрициса Лабренциса.

Не хотелось этому верить, ибо последние бои уже отгремели над красным Крымом. И все же это была правда. Махновцы в соответствии со «Старобельским соглашением» в октябре 1920 года были включены в состав войск, штурмовавших Крым, и, ворвавшись в Крым, не оставили своих бандитских повадок. В ночь на 21 ноября в окрестностях Евпатории по дороге на Саки они подстерегли командира 2-й Латышской бригады коммуниста Лабренциса, спокойно возвращавшегося из какого-то полка в свой штаб. Автор этих строк не раз сопровождал его в поездках по полкам. На этот раз Лабренцис был один со своим возницей Биринем.

У махновских бандитов были свои счета с комбригом. Фрицис Лабренцис командовал 6-м латышским полком, который в конце января 1920 года занял Екатеринослав, где в то время хозяйничали махновцы. 6-й латышский полк получил задание очистить территорию деревень и селений в окрестностях Екатеринослава от орудовавших там бандитов. Эту операцию Фрицис Лабренцис провел успешно, со свойственной ему настойчивостью. Бандиты получили по заслугам. Поэтому они решили отомстить комбригу-латышу и теперь предательски напали на него. Комбриг вместе со своим возницей Биринем отстреливался до последней пули. Тела их были найдены изуродованными до неузнаваемости.

Фрицис Ансович Лабренцис был одним из наиболее выдающихся молодых командиров Латышской стрелковой дивизии. Родился он 4 февраля 1894 года в Курземе. После окончания средней школы в августе 1915 года его призвали на военную службу в старой армии и послали учиться во 2-ю Киевскую школу прапорщиков, по окончании которой направили на фронт.

Ф. А. Лабренцис — командир 2-й бригады Латышской дивизии.

Службу Лабренцис начал в пехотных полках под Даугавпилсом и на Румынском фронте. С мая 1917 года он командовал ротой 119-го Коломенского полка, а в октябре 1917 года солдаты избрали его командиром батальона.

В феврале 1918 года Лабренцис демобилизовался, но уже в апреле того же года вступил в Латышскую советскую дивизию. Выходец из трудового народа, он горячо сочувствовал пролетарской революции и без малейших колебаний отдал себя борьбе за победу пролетариата. Вначале Лабренцис был зачислен стрелком 3-й роты 6-го латышского полка, но вскоре был назначен командиром 1-й роты.

В первые дни июня 1918 года он вместе с полком участвовал в операции по взрыву форта Ино (вблизи Петрограда). Позднее, 5 июня, в соответствии с постановлением

коммунистической фракции, Лабренцис был назначен помощником командира полка. С 7 по 22 июля 1918 года 6-й латышский полк участвовал в подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле. Во время боев с белогвардейцами Ф. А. Лабренцис проявил себя способным и бесстрашным командиром, пользовавшимся у стрелков большим авторитетом.

В конце июля 1918 года Ф. А. Лабренциса, как способного и талантливого командира, выдвинули на пост командира 6-го Тукумского полка. С августа по ноябрь 1918 года он вместе с полком участвовал в наступательных боях против белогвардейских и чехословацких мятежников на Восточном фронте, в освобождении Казани и Симбирска. 6-й латышский полк в этих боях под его командованием проявил отличные боевые качества.

В начале декабря 1918 года, когда 2-ю бригаду Латышской дивизии перебросили на Западный фронт в район Пскова для освобождения

Латвии и Эстонии, 6-й полк также входил в состав бригады. Он успешно участвовал в боях по освобождению Валки и Риги. Первые патрули Красной Армии, появившиеся на улицах Риги 3 января 1919 года, были разведчиками 6-го латышского полка.

Приказом военного комиссара Советской Латвии от 3 февраля 1919 года и постановлением Советского правительства за отличие в боях при взятии Риги 6-й латышский полк был награжден боевым Красным знаменем.

Зимой и ранней весной 1919 года 6-й латышский полк, возглавляемый Лабренцисом, стоял на боевых позициях под Тарту, Изборском, а также в Алуksне (Видземе) против эстонских и финских белогвардейцев. В мае 1919 года мы встречаем Лабренциса вместе с полком на Паневежском фронте в Литве. Поскольку Лабренцис уже проявил свои выдающиеся способности на посту командира полка, он был назначен исполнять одновременно обязанности заместителя командира бригады.

6-й латышский полк относился к тем частям Красной Армии, которые, несмотря на огромный перевес сил противника, в полном порядке отступили с Курземского фронта в мае 1919 года в Латгалию, сохранив свою высокую боеспособность. Огромная заслуга в этом принадлежит Ф. А. Лабренцису, который вместе с коммунистами полка в эти тяжелые дни сумел поддержать среди стрелков сознательную революционную дисциплину.

Осенью 1919 года 6-й латышский полк в составе Латышской дивизии был направлен на Южный фронт. В октябре 1919 года полк под командованием Ф. А. Лабренциса участвовал в сражениях с отборными частями денikinской армии под Кромами, где противнику был нанесен решающий удар. В этих боях Лабренцис был ранен, но вскоре снова вернулся в строй. К этому же времени относится эпизод, когда благодаря его смелым действиям в бою у ст. Стишь полк избежал окружения и полного уничтожения.

После разгрома полчищ Деникина Ф. А. Лабренцис участвовал в преследовании врага. Боевой путь полка пролегал через Курск, Харьков, Екатеринослав.

В морозную декабрьскую ночь 1919 года 6-й полк под командованием Лабренциса взял в плен денikinский 3-й Корниловский полк в полном составе, завершив очищение Харьковского района от белых. К этому бою Лабренцис тщательно готовился. Три ночи он не спал, лично организовал разведку, в мельчайших подробностях разработал план наступления и окружения, проверил готовность бойцов к бою. Здесь проявились его энергия, находчивость, решительность, правильный расчет действий подразделений полка. За эту выдающуюся операцию в 1920 году приказом по XIV армии Фридис Лабренцис был награжден орденом Красного Знамени, а 6-й латышский полк — вторым Красным знаменем.

В январе 1920 года он стал командиром 2-й бригады Латышской дивизии и на этом посту оставался до самой смерти.

Командир 2-й бригады дивизии Ф. А. Лабренцис отличался большой личной храбростью. Его пример в бою вдохновлял бойцов, вселял веру в победу, воспитывал отвагу. Так, во время наступления на Крым

Группа стрелков и командиров 2-й латышской стрелковой бригады в Северной Таврии летом 1920 г. Третий и четвертый слева сидят Ф. Лабренцис и Г. Матсон.

весной 1920 года он лично обследовал Турецкий вал на Перекопе, вел полки бригады во время форсирования Днепра у Корсунского монастыря.

Лабренцис умело командовал бригадой в июле—августе 1920 года, когда противник бросил на борьбу с Латышской дивизией конницу Барбовича.

Вспоминается эпизод, имевший место в полковом штабе в ночь на 16 апреля 1920 года в Северной Таврии, у Перекопа. Предстояло наступление на Перекопский вал. В штаб полка явился командир бригады Лабренцис для обсуждения плана действий с командным составом. Все предшествовавшие наступления на Перекоп полков Латышской дивизии были неудачными. Лица присутствующих серьезны, задумчивы. У иных в глазах немой вопрос: «Что будет?» Но все знали, что Лабренцис ранним утром пойдет в наступление вместе с ними, что он подробно обдумал весь ход наступления. Командир держался спокойно, шутя подбадривал: «...Мелочи! Не такие трудности переживали!» И продолжал серьезно: «Итак, товарищи, завтра все как один будем на своих местах!»

Слова комбрига рассеяли напряжение. Последовала оживленная беседа — обсуждение плана наступления. Лица всех выражали уверен-

Могила Ф. Лабренциса и Бириня.

ность в том, что враг будет разгромлен. 16 апреля полк занял Перекоп, ворвался в ворота города. Правда, и на этот раз пришлось отступить под натиском превосходящих сил врага.

Активное участие Ф. А. Лабренцис принимал также в форсировании Днепра 7 августа 1920 года, в создании и обороне от врангелевцев Каховского плацдарма. В одном из боев в Северной Таврии он был ранен вторично. Лабренцис понимал, какое большое значение во время решающих боев за Крым будет иметь этот плацдарм, и поэтому активно сражался за его сохранение. Комбриг Лабренцис всегда был глубоко уверен, что за Советскую Латвию нужно бороться не только на ее территории, но также и в далеких степях Украины и Крыма. Он всегда выступал за пролетарский интернационализм, за боевой союз трудящихся всех национальностей.

Как командир Ф. Лабренцис выделялся простотой и доступностью. Эти качества он считал необходимыми для каждого командира. Лабренцис всегда стремился быть среди красноармейцев, не забывал свой полк, часто бывал на передовых позициях, где в трудные минуты его видели в цепи стрелков. Его личное присутствие было залогом успеха. Забота о нуждах красноармейцев и командиров всегда была у него на первом

месте. О себе же он много не думал, и благодаря этому его любили и ценили.

Заметив высокого, статного человека с открытым приветливым лицом и сияющими глазами, солдаты сразу узнавали в нем своего командира. Они привыкли называть его «наш Лабренцис».

Несмотря на свою молодость (Лабренцис погиб в возрасте 26 лет), он принадлежал к тем командирам-коммунистам, за которыми люди идут, беззаветно, безгранично веря в правильность их решений. Поэтому он всегда добивался успеха.

Банда махновцев, предательски напавшая на Ф. А. Лабренциса, недолго радовалась зверскому убийству. Вскоре части Красной Армии, начав преследование махновцев, разбили и рассеяли их. Сам «батька» Махно бежал за границу. В окончательном разгроме махновских банд участвовали также латышские стрелки.

Короткая, но яркая жизнь Фрициса Лабренциса была целиком посвящена служению трудовому народу, борьбе за его светлое будущее. На избранном им пути этот замечательный сын латышского народа не знал колебаний и сомнений.

Молодой, отважный, беспощадный к классовому врагу, беспредельно отзывчивый по отношению к бойцам, полный оптимизма и веры в грядущую победу над врагом, — таким остался в памяти своих боевых товарищей Фрицис Лабренцис. Таким он останется в наших сердцах навсегда.

Г. А. МАТСОН

ПОЛИТРАБОТНИКИ ЛАТЫШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ К. М. ДОЗИТИС, К. Ю. ЯНЕЛИС И Р. А. АПИНИС

Выдающуюся роль в создании Латышской стрелковой советской дивизии и в коммунистическом воспитании ее личного состава сыграли политические работники. Среди них были такие латышские большевики, как комиссар дивизии Карл Дозитис, Эрнест Юревич, Карл Янелис, Роберт Апинис, начальник политотдела дивизии Карл Поэма, редактор газеты политуправления дивизии Ансис Фельдман, комиссар отдела снабжения 2-й бригады Конрад Иокум, комиссары полков Янис Эльферт, Мартин Цинис, Янис Лундер и многие другие.

Политработники были душой рядового и командного состава Латышской дивизии, они передавали в массы живые революционные традиции партии и народа, учили быть до конца преданными великому делу освобождения рабочего класса. В боях и походах они всегда были среди бойцов, на самых ответственных участках. Под их руководством росла и крепла большевистская организация латышских стрелков. Уже в июле 1917 года среди стрелков было 1826 членов партии, в феврале 1919 года — 2058, в январе 1920 года (после ожесточенных боев конца 1919 года) — 2006, в сентябре 1920 года членов партии — 2047, кандидатов — 56. Столь большое число коммунистов среди стрелков ярко свидетельствует о влиянии, которым пользовались большевики в массе бойцов.

Латышские стрелки, спаянные партией, были отважны в бою, бескорыстно и непоколебимо преданы делу социализма и пролетарского интернационализма. Эти их качества красной нитью проходят через всю историю латышских стрелков.

В этом кратком очерке автор делает попытку осветить в общих чертах боевой путь замечательных политработников Латышской дивизии К. М. Дозитиса, К. Ю. Янелиса и Р. А. Апиниса, так трагично оборвавшийся в годы культа личности Сталина.

Карл Дозитис принадлежит к славному поколению активных деятелей Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Без участия Дозитиса невозможно представить себе ни одного более или менее значительного эпизода в жизни красных латышских стрелков.

К. М. Дозитис родился 21 октября 1894 года в батрацкой семье на хуторе Яунвевери Дзербенской волости Цесисского уезда. Уже в раннем детстве ему пришлось батрачить за гроши у немецкого барона. Карл

закончил четырехгодичную сельскую школу, где отличался большой старательностью и настойчивостью. В 14-летнем возрасте он уехал в Ригу на поиски работы. В Риге Карл начал работать подручным каменщика; отличаясь хорошим телосложением и большой физической силой, он эту профессию быстро освоил. В Риге К. Дозитис сблизился с участниками революционной борьбы и в 1916 году вступил в большевистскую партию.

К. М. Дозитис — комиссар Латышской стрелковой советской дивизии в 1918—1920 гг.

Февральская буржуазно-демократическая революция застала его солдатом 2-го Рижского латышского стрелкового полка. С образованием Исполнительного комитета латышских стрелковых полков (Исколастрела) в марте 1917 года Карл Дозитис был избран в него в качестве представителя от 2-го латышского стрелкового полка и являлся его постоянным членом.

Он был одним из активнейших членов агитационной комиссии Исколастрела и постоянно находился среди стрелков, разъясняя им позицию большевиков по вопросам войны и мира.

В майские дни 1917 года Дозитис своими горячими выступлениями помогал партии большевиков завоевать на свою сторону стрелков. Простыми искренними словами он доказывал своим товарищам необходимость укреплять революционную дисциплину, быть всегда гото-

выми отразить любые попытки контрреволюции перейти в наступление.

В сентябре 1917 года, после падения Риги, Дозитис как член Исколастрела работал в Валке и активно участвовал в Октябрьской социалистической революции.

В первые дни создания новой революционной армии — в январе 1918 года — Карл Дозитис, как и большинство членов Исколастрела, был направлен комиссаром на фронт в район Рогачев—Могилев для политического руководства латышскими стрелками, сражавшимися против белопольского корпуса генерала Довбор-Мусницкого.

13 апреля 1918 года приказом Народного комиссара по военным делам была создана Латышская стрелковая советская дивизия. Начальником дивизии стал И. И. Вациетис, комиссарами — К. А. Петерсон и К. М. Дозитис. На этой должности Дозитис сосредоточил все усилия для укрепления сознательной дисциплины в рядах создаваемых латышских советских полков. В течение 1918 года полки Латышской дивизии

успешно участвовали в боевых операциях на разных фронтах гражданской войны — против белочехов, войск Каледина и других белогвардейцев, участвовали в подавлении контрреволюционных мятежей в Ярославле и Москве. Несмотря на разбросанность полков, Дозитис успевал посетить стрелков 6-го латышского полка в Петрограде, а также другие части Латышской дивизии, сражавшиеся в разных местах.

Когда в конце 1918 года началась борьба за освобождение Латвии от немецких оккупантов, Карла Дозитиса вместе со штабом дивизии можно было видеть уже в Валмиере. Когда комиссар дивизии Петерсон был избран в состав правительства Советской Латвии, Дозитис остался фактически политическим руководителем Латышской дивизии. Вторым комиссаром был назначен Эрнест Юревич.

В феврале 1919 года Дозитис был делегатом III конференции коммунистических организаций латышских полков в Риге. Конференция состоялась в Центральном клубе красноармейцев «Сарканайс стрелниекс» (помещение нынешнего Окружного дома офицеров Приб. ВО).

В апреле 1919 года правительство Советской Латвии переименовало военных комиссаров в военных эмиссаров. Карл Дозитис стал одним из военных эмиссаров Латышской стрелковой дивизии (вторым был Эрнест Юревич, позднее — Карл Янелис). Эмиссары совместно с начальником дивизии А. А. Мартусевичем составили Военный Совет дивизии. Свои обязанности эмиссара Дозитис выполнял с большой энергией. Его постоянно можно было встретить как среди стрелков на передовых позициях, так и на собраниях рабочих и крестьян в Валмиере, Цесисе и в других местах.

Весной и летом 1919 года Советская Латвия переживала тяжелые дни. Наступавшие со стороны Курземе немецкие части 22 мая заняли Ригу. Белогвардейская Северо-западная армия овладела Псковом, а белополяки и белолитовцы двинулись на Даугавпилс. Армии Советской Латвии грозило окружение.

Член Военного Совета дивизии Карл Дозитис и начальник политотдела Карл Поэма ко времени вынужденного оставления Цесиса подготовили и 25 мая выпустили воззвание, в котором призывали стрелков и рабочих не поддаваться панике, сохранять революционную дисциплину и продолжать борьбу против банд интервентов и буржуазных националистов, верить в конечную победу дела рабочего класса.

Запомнился один сентябрьский день 1919 года на Западном фронте в Белоруссии. Во время посещения штабной группой частей дивизии мы были вызваны в штаб XVI армии к командарму Соллогубу. Начальник Латышской дивизии Мартусевич и военком Дозитис участвовали в совещании у командарма в связи с предстоящей переброской дивизии с позиций у реки Березины на Южный фронт. Дозитис был, как всегда, подтянут, энергичен и говорил очень коротко. Он докладывал о всех деталях политработы во время предстоящего форсированного обратного марша воинских частей к месту посадки в эшелоны.

В течение всего периода пребывания Латышской дивизии в составе ударной группы войск в Орловско-Кромском районе в штабе Латышской дивизии часто бывали член Реввоенсовета XIV армии Г. К. Орджо-

никидзе, командир бригады червонных казаков В. М. Примаков, командующий XIV армией И. П. Уборевич и другие видные командиры Красной Армии. Совместно с начальником дивизии А. А. Мартусевичем (позднее — Ф. К. Калнынем) и другими работниками штаба они обсуждали планы боевых операций. Во всех этих заседаниях участвовал К. М. Дозитис.

Красное знамя Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, врученное Латышской стрелковой советской дивизии в конце 1919 г.

Во время обсуждения планов операций он всегда вносил свои предложения и замечания и сообщал о настроениях стрелков. К. М. Дозитис с начальником дивизии Ф. К. Калнынем в этот период много бывал в частях, личным примером воодушевляя в бою бойцов и командиров.

Из харьковского периода — конца 1919 года — хочется отметить торжественное вручение Почетного революционного красного знамени петроградского пролетариата бойцам Латышской дивизии. Знамя приняли начальник дивизии Ф. К. Калнынь, комиссар К. М. Дозитис, начальник штаба дивизии К. Т. Шведе и др. Запомнилась мне статная фигура К. М. Дозитиса верхом на коне в каракулевой папахе, которую подарил ему бывший начальник дивизии А. А. Мартусевич.

Карл Дозитис всегда заботился об отдыхе красноармейцев. Так, например, в 1920 году в имении Преображенка, у Перекопа, под его руководством был открыт гарнизонный клуб. Несмотря на боевую обстановку, вопросы просвещения красноармейцев были в центре внимания комиссара и политотдела дивизии: работали так называемые красноармейские школы. Помнится, учителя этих школ собирались на свои конференции в мае 1920 года в Чаплинке, а позднее — в Каховке. К. М. Дозитис, выступая среди пропагандистов дивизии, учил их принципиальности в разъяснении стрелкам острых политических вопросов того времени.

В конце июня 1920 года Дозитиса перевели из Латышской дивизии в другую дивизию Красной Армии. В последнем приказе Дозитис, в связи со своим уходом из дивизии, обращался к стрелкам как к пионерам пролетарской революции. В 1921 году он участвовал в борьбе с басмачами в составе 28-й кавалерийской бригады. В 1922—1923 годах Дозитис — военком кавалерийской школы и кавалерийской бригады в Таганроге.

В период с 1924 по 1928 год К. М. Дозитис учился в военной Академии им. Фрунзе, а в 1929—1930 годах — командовал в качестве стажера Славгородским территориальным полком. Проработав в Москве в центральном аппарате НКО, он с 1933 по 1937 год занимал должность помощника начальника училища Особого железнодорожного корпуса.

Карла Янелиса я знал с 1919 года, когда мы вместе работали в Латышской стрелковой дивизии, он — в политотделе, я — в штабе. Позднее, в 30-х годах, я его много раз встречал в Москве и беседовал с ним. Особенно частые встречи относятся к периоду, когда он работал в Главном управлении Военно-воздушного флота, т. е. с 1934 по 1937 год.

Помнится, Янелис был среднего роста, светловолосый, в круглых очках. Не забыть его добрый взгляд и дружелюбное отношение к людям. Это был отзывчивый и авторитетный человек, к мнению которого хотелось прислушиваться. Несмотря на мягкость своего характера, Карл Янелис в нужную минуту мог быть твердым и непреклонным.

Родился К. Ю. Янелис в 1888 году в Валмиерском уезде, на хуторе недалеко от местечка Матиши, окончил Валмиерскую учительскую семинарию, а затем работал учителем. В партию большевиков он вступил в 1910 году и состоял в Видиенской и Рижской организациях. Одна из его партийных кличек — «Стрелниекс».

Во время первой мировой войны он был офицером Латышского запасного полка. В период подготовки Октябрьской революции Янелис находился в Тарту. Под его непосредственным руководством Латышский запасной полк совместно с эстонскими рабочими в дни Октябрьского переворота занял Тартуский железнодорожный узел, чтобы помешать переброске контрреволюционных войск в Петроград. Вместе с латышскими стрелками он прошел большой и тяжелый боевой путь.

В 1918 году он участвовал в подавлении эсеровского мятежа в Москве. В начале 1919 года Карла Янелиса назначили комиссаром

К. Ю. Янелис.

3-й бригады только что сформированной 2-й латышской стрелковой советской дивизии, с которой он участвовал в боях в Курземе. С апреля 1919 года К. Ю. Янелис был военным эмиссаром и членом Военного Совета 1-й латышской стрелковой советской дивизии.

В середине мая 1919 года белогвардейцы сделали попытку поднять мятеж в Цесисе. К. Ю. Янелис лично участвовал в ликвидации этой авантюры. Летом 1919 года в Резекне он с большой инициативой и энергией занимался вопросами реорганизации частей Латышской дивизии.

В сентябре 1919 года в связи с переброской Латышской стрелковой дивизии на Южный фронт К. Ю. Янелис был назначен начальником политотдела 4-й дивизии армии. Затем он работал в центральном аппарате РККА. В середине 20-х годов, после окончания военной Академии имени Фрунзе, Янелис был командирован на стажировку в один из стрелковых полков в город Углич в качестве командира полка.

В конце 20-х годов Янелиса назначили начальником Института военно-химической обороны РККА, а с 1934 по 1937 год он работал начальником заграничного отдела Главного управления Военно-воздушных сил РККА. Он принимал участие в качестве делегата в работах двух съездов КП Латвии — VI съезда в марте 1919 года в Риге и VIII — в начале 1931 года в Москве.

В январе 1920 года К. Ю. Янелис был избран членом ЦК КП Латвии и одновременно членом Бюро ЦК. В 1923 году он снова был избран членом ЦК КПЛ.

Роберт Апинис родился в 1892 году в Валкском уезде Яунгулбенской волости, на хуторе Дравниеки. Его родители были крестьянами-арендаторами. В 1911—1912 годах они переселились в Ригу, в 1914 году эвакуиро-

Митинг латышских стрелков у эшелона. Ст. Илларионово, апрель 1920 г.

вались в Харьков, а позже — в Москву. В Риге 19-летний Роберт работал маляром на случайных работах. В 1912 году вступил в *большевистскую партию*.

В 1915 году Р. А. Апиниса призывали в армию, в 1916 — он проходил обучение в Кокмуйже под Валмиерой в учебной команде Латышского запасного полка.

После Февральской революции Р. А. Апиниса избрали членом солдатского комитета 5-го Земгальского полка, а позднее — председателем этого комитета.

Р. А. Апинис был активным пропагандистом партии среди стрелков 5-го Земгальского полка. В мае 1917 года его избрали делегатом на съезд латышских стрелков. После съезда на собраниях стрелков происходила борьба за реализацию резолюции съезда. Так, например, летом 1917 года некоторые подразделения 5-го полка под влиянием реакционных элементов опротестовали большевистскую резолюцию. Против этого так называемого «протеста» выступало преобладающее большинство стрелков. Инициатива в этой борьбе с реакционными элементами 5-го полка принадлежала коммунистам во главе с Апинисом.

В конце октября 1917 года Апинис как представитель партийной организации 5-го полка докладывал на совещании делегатов большевиков XII армии о боевой готовности революционных солдат полка выступить по первому требованию партии на завоевание власти.

Необходимо было окончательно выяснить позицию офицерского состава и главным образом командира полка — полковника И. И. Вацietиса. Полковой комитет делегировал к И. И. Вацietису стрелков, среди которых был и Роберт Апинис. Полковник Вацietис принял делегацию. Ему изложили настроение стрелков не только 5-го полка, но и других воинских частей, рассказали, что стрелки приняли решение впредь подчиняться только Военно-революционному комитету района XII армии и готовы выступить каждую минуту на защиту революции. Делегаты спросили полковника прямо: будет ли он и впредь командовать полком? На этот вопрос Вацietис ответил, что он всегда будет с полком и куда полк пойдет, туда и он последует за земгальцами.

Стрелки любили своего командира, и группа делегатов была удовлетворена результатом переговоров.

Р. А. Апинис — комиссар Латышской стрелковой советской дивизии.

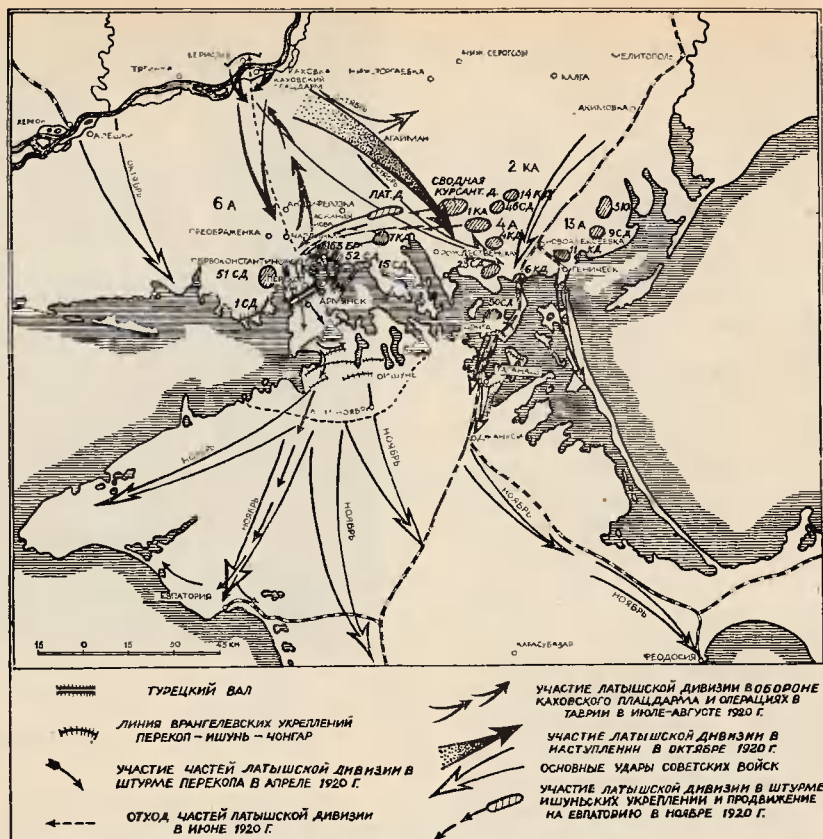

Схема 7. Дислокация частей и боевые действия Красной Армии у Перекопа и атака Турецкого вала, апрель—ноябрь 1920 г.

В 1918 году Р. А. Апинис был комиссаром 2-й латышской бригады, а в августе 1918 года в Казани был назначен военным комиссаром штаба Восточного фронта. Он был участником похода на Ригу, когда Красная Армия освобождала Латвию от немецких оккупантов в декабре 1918—январе 1919 года.

В подборе командного состава Р. А. Апинис был очень внимателен и принципиален. Так, например, по его инициативе на пост командира 2-й латышской бригады в 1919 году был выдвинут А. Фрейберг, принадлежавший к той группе офицеров военного времени, которые отдали все свои силы и знания революции.

Вспоминая Роберта Апиниса в напряженных боевых условиях под Орлом и Кромами, его встречи с Серго Орджоникидзе. Апинис никогда, даже в условиях напряженнейшей боевой обстановки, не терял своей светлой улыбки. Он был очень заботлив по отношению к своим подчи-

ненным, отзывчив и прост. В разговоре он умел приковывать к себе внимание.

Сохранилось в памяти справедливое критическое замечание Р. А. Апиниса по поводу приказа о наступлении наших частей на Перекоп в апреле 1920 года (наступление происходило с 13 по 16 апреля). Он правильно определил тогда, что соотношение наших и белогвардейских сил весной и летом 1920 года сложилось не в нашу пользу. Как большевик Апинис тяжело переживал наши временные военные неудачи и большие людские потери у Перекопа. Роберт Апинис всегда — и в походе, и в окопах — был вместе со стрелками и своим примером храбрости вдохновлял их на борьбу с врагом. Даже в самые тяжелые, критические минуты он не поддавался сомнениям, верил в победу.

Апинис был связан тесной дружбой с комиссаром 6-го полка Я. Эльфертом и комиссаром 5-го полка М. Цинисом.

По окончании гражданской войны, летом 1921 года, Р. А. Апинис работал в Москве военным комиссаром Мобилизационного управления штаба РККА, а позднее — в другом управлении. Работал он также в Латвийской секции Коминтерна, был членом правления Латышского клуба в Москве, руководил секцией бывших латышских стрелков и т. д.

Р. А. Апинис принимал деятельное участие в работе Общества содействия авиационно-химической обороне (Осоавиахим) и оказал большую помощь в сборе средств на постройку самолетов «Латышский стрелок», «Циня», «Данишевский», а также броневиков.

Р. А. Апинис активно участвовал в сборе и подготовке материалов по истории гражданской войны в СССР. В последние годы жизни он работал в Магаданской области журналистом.

Как в битвах гражданской войны, так и в годы социалистического строительства Роберт Апинис был настоящим большевиком-ленинцем, простым, мужественным, до конца преданным трудовому народу.

Г. А. МАТСОН

ПАМЯТИ ОСВАЛЬДА ЛАЦИСА

Обращаясь к сохранившейся в памяти галерее портретов замечательных командиров частей и подразделений Латышской стрелковой дивизии, не могу не остановиться на образе коммуниста Освальда Лациса. Его имя неразрывно связано с борьбой латышских стрелков за власть Советов. Освальд Лацис воплотил в себе все лучшие черты своего народа — смелость, скромность, душевную чистоту, жизнерадостность.

Отец его был железнодорожником в Валмиере. Родители с трудом сумели дать ему среднее образование.

Когда началась мировая война, Лацис совсем молодым попал в армию. По окончании школы прапорщиков его направили в 7-й Бауский латышский стрелковый полк.

В 1915 году он вступил в партию большевиков (партийная кличка — Цирулис, Ешка) и в марте 1917 года был одним из инициаторов создания коммунистической организации 7-го Бауского полка. Последняя позднее стала ядром объединенной партийной организации всех латышских стрелковых полков.

Несмотря на свою молодость, Освальд Лацис пользовался среди стрелков большим авторитетом. Он всегда умел найти путь к их сердцам, умел просто и убедительно разъяснять идеи большевиков.

Освальду Лацису принадлежала значительная роль в укреплении коммунистической организации латышских стрелковых полков и в убеждении стрелков в необходимости социалистической революции. В период подготовки и проведения Великого Октября Лацис вместе с другими коммунистами организует стрелков на борьбу против контрреволюции.

Среди коммунистов, которых направили на работу в редакции солдатских газет «Brīvais Strēlnieks»

О. Лацис в 1919 г.

Латышские стрелки весной 1920 г. на Украине. Слева направо: командир 2-го полка О. Лацис, начальник Латышской стрелковой советской дивизии Ф. К. Калнынь, комиссар 1-й бригады В. Озол.

(«Свободный стрелок», выходил до конца августа 1917 года и «Latvju Strēlnieks» («Латышский стрелок», выходил позднее в Цесисе), был также и Освальд Лацис.

13 августа 1917 года в Риге происходили выборы в городскую думу. В списках большевистских кандидатов в депутаты рядом с именами Стучки, Данишевского и других революционных деятелей латышского народа стояло также имя Освальда Лациса.

В памяти сохранился эпизод, рассказанный Освальдом. В сентябре 1917 года на заседании Исколастрела была сделана информация о революционных событиях в Петрограде, о переходе Петроградского Совета на сторону большевиков. Большинство Исколастрела высказалось за определенную позицию в поддержку революционной деятельности петроградского пролетариата. Было выдвинуто предложение принять соответствующую резолюцию и направить ее в Петроград. Освальд Лацис горячо поддержал это предложение и добавил, что резолюцию следует немедленно передать по телефону. Предложение было принято единогласно. Резолюция полностью соответствовала решению латышских частей и подразделений. В ней содержалось требование, чтобы ВЦИК взял власть в свои руки.

Накануне Октябрьской революции произошла реорганизация Исколастрела, был учрежден институт комиссаров, и в одну из стрелковых

Мост через Днепр между Бериславом и Каховкой, построенный латышскими стрелками.
Август 1920 г.

бригад комиссаром послали Освальда Лациса. На этой работе он неуклонно проводил в жизнь задачи, выдвинутые партией в эти решающие дни.

Вместе с революционными латышскими стрелками он пережил 1918 год — год суровых боев. Лацис был направлен в Екатеринбург, в военную академию для прохождения курса. Как коммуниста его мобилизовал Среднесибирский военкомат и направил сначала в один из войсковых штабов, а затем в одну из дивизий на Урале комиссаром. С освобождением Латвии Лацис был командирован в штаб Латышской дивизии и здесь назначен начальником разведывательной службы дивизии. Он был чрезвычайно находчив, отличался пытливостью и трудолюбием и все задания выполнял не за страх, а за совесть. Несмотря на то что в дивизии он считался лучшим организатором разведки, работа эта его не удовлетворяла. Он стремился быть ближе к стрелкам. Летом 1919 года Освальд Лацис добился перевода в 1-ю бригаду Латышской стрелковой дивизии и был назначен начальником штаба бригады.

Освальд весь отдавался делу, требовавшему большой настойчивости и внимания, — работал днем и ночью, личные интересы были ему чужды, хотя здоровьем не блистал. Он был прост, принципиален, до конца предан делу рабочего класса.

Успехи боевых действий латышских стрелков в рядах Красной Армии Освальд Лацис объяснял революционными традициями латышского пролетариата, воспитанным партией чувством пролетарского интернационализма. Он всегда подчеркивал, что, громя белогвардейцев на Украине и на других фронтах гражданской войны, мы способствуем освобождению рабочего класса от эксплуататоров и в Латвии.

Штаб 1-й латышской стрелковой бригады в Новоукраинке. Январь 1920 г. Сидит третий слева — командир бригады Ф. А. Риекст; стоит второй слева — начальник связи бригады А. Пуринь.

Освальд Лацис считал большой исторической честью участие латышских стрелков в 17-дневном сражении частей XIII и XIV армий под Орлом и Кромами в октябре 1919 года, где были разгромлены отборные силы деникинской армии, рвавшиеся к Москве. Как начальник штаба 1-й латышской бригады он сделал многое для разгрома деникинцев.

Помнится, с какой радостью и гордостью за славных латышских стрелков в конце 1919 года воспринял Освальд Лацис весть о награждении Латышской дивизии за боевые заслуги Почетным революционным красным знаменем петроградского пролетариата, которое торжественно вручила дивизии в Харькове делегация петроградских рабочих во главе с уполномоченным Реввоенсовета Южного фронта Павловичем.

С февраля 1920 года Освальд Лацис участвовал в боях Латышской дивизии уже в качестве командира 2-го латышского стрелкового полка. Весной и летом этого года под его командованием полк успешно дрался в многочисленных сражениях в степях Северной Таврии. В апреле 1920 года Лацис участвовал в наступлении на Перекопском перешейке, был на Турецком валу и в июле того же года отражал наступление белогвардейцев в Таврии.

До сих пор сохранился в памяти внешний облик Освальда Лациса в одном из походов конца 1919 или начала 1920 года. У него не было

костюма военного образца (этого не было у многих солдат и командиров): он был одет в серо-синее ворсистое пальто с кожаным поясом, сапоги, на голове — темно-серая фетровая шляпа с опущенными полями; через плечо — на ремне трехлинейная винтовка с примкнутым штыком, которую он придерживал рукой.

Когда партия сосредоточила внимание на Крымском фронте и командование решило «сжать клещами» армию Врангеля и разбить ее в степях Северной Таврии, 2-й латышский полк в составе правобережной группы Южного фронта Красной Армии 7 августа 1920 года с боем форсировал Днепр и двинулся в направлении Перекопа, а затем отбивал ожесточенные атаки белой конницы Барбовича. В этот период пришлось под натиском белых вместе с частями группы временно отойти к Каховке. Но Лацис не предавался унынию. Он подбадривал бойцов личным примером и убеждал их в том, что успехи врага временны и что близится день решающих битв и победы. Его речь, полная искрящегося юмора, бодрый и смелый взгляд порождали среди подчиненных жизнерадостность и желание разбить врага.

Используя Каховку в качестве опорного пункта, латышские стрелки вместе с другими частями армии непрерывно атаковали врангелевцев, оказывали белым упорное сопротивление и таким образом препятствовали их намерениям захватить плацдарм и продвинуться на север.

Вместе с частями правобережной группы латышские стрелки 20 августа 1920 года начали второе наступление на Крым. Освальд Лацис в эти дни мужественно вел свой полк вперед в направлении Перекопа на Черную Долину. Во время яростной контратаки врага здесь, в Северной Таврии, у хутора Балтазаровка (в 18 км к северу от Чаплинки) 29 августа 1920 года осколок артиллерийского снаряда смертельно ранил командира 2-го латышского стрелкового полка, коммуниста Освальда Лациса, который честно и бесстрашно выполнял свой долг.

На братском кладбище латышских стрелков, располагавшемся за городом Бериславом, в северной части центрального кладбища были похоронены многие десятки стрелков, павших в дни форсирования Днепра и защиты Каховского плацдарма. На этом кладбище похоронили также командира 2-го латышского полка Освальда Лациса. Недалеко от его могилы находилась могила Пиоле, командира батальона 6-го латышского полка, павшего у хутора Терны.

Освальд Лацис не дожид до того славного дня, когда части Красной Армии сломили сопротивление врага на Перекопе, окончательно разгромили его и освободили Крым. Но до последнего дня жизни Лацис был твердо уверен в окончательной победе Красной Армии над полчищами белых. Во имя этой победы отдал он свою прекрасную жизнь.

К. М. КИРТОВСКИЙ

НАЧАЛЬНИК ЛАТЫШСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КИРИЛЛ СТУЦКА

Среди командного состава Латышской стрелковой дивизии видное место занимает начальник дивизии Стуцка. Кирилл Стуцка принадлежит к плеяде командиров Красной Армии, которых воспитала социалистическая революция.

Он родился 14 мая 1890 года в Видземе, в гор. Цесисе. Окончив четырехклассную городскую школу, получил права домашнего учителя. В июле 1914 года К. А. Стуцку призвали из запаса на действительную службу. В феврале 1916 года он окончил школу пулеметчиков, а позднее, в июле того же года, — 4-ю Киевскую школу прапорщиков. Служил в русских воинских частях, а с января 1917 года — в латышском запасном батальоне. В феврале 1917 года Стуцку назначили младшим офицером пулеметной команды 3-го Курземского полка. В мае того же года стрелки выбрали его председателем товарищеского суда пулеметной команды, а осенью Стуцка стал начальником пулеметной команды 3-го полка.

После Октябрьской социалистической революции он без колебаний перешел на сторону трудового народа. Революционные стрелки доверяли ему и оставили его на посту начальника пулеметной команды.

3-й латышский полк одним из первых направили на фронт гражданской войны против Каледина. В январе 1918 года 3-й латышский полк вместе с сибирскими стрелками принимал участие в освобождении Ростова. Во время этой операции своей боеспособностью выделялась пулеметная команда Стуцки. 4 марта 1918 года командующий Тихорецкой группировкой Автономов назначил Кирилла Стуцку командиром 3-го латышского полка. После демобилизации 26 апреля 1918 года он

Начальник Латышской стрелковой
советской дивизии в 1920 г.
К. А. Стуцка.

Командный состав Латышской стрелковой дивизии летом 1920 г. Слева направо: начальник штаба дивизии К. Т. Шведе, комиссар дивизии Р. А. Апинис, начальник дивизии К. А. Стуцка.

добровольно остался в 3-м Курземском латышском стрелковом полку и его снова назначили командиром полка.

После разгрома Каледина полк направили в Москву, где он в составе Латышской дивизии участвовал в подавлении восстания левых эсеров в июле 1918 года. В сентябре и октябре 1918 года Стуцка в течение некоторого времени командовал 1-й бригадой Латышской дивизии, а затем опять принял свой 3-й полк. Полк участвовал в боях за освобождение Латвии в конце 1918 — начале 1919 года.

После освобождения Риги полк направился через Елгаву, Тукум и Кулдигу в сторону Лиепай. С 26 марта по 2 мая 1919 года Кирилл Стуцка был командующим Бауской группой войск армии Советской Латвии. В июне того же года он стал командиром 2-й бригады 2-й стрелковой дивизии Советской Латвии, а позднее, с июля, — командиром 3-й бригады 1-й латышской дивизии.

За заслуги в боях с белогвардейцами Реввоенсовет Республики приказом от 25 июля 1919 года наградил К. А. Стуцку орденом Красного Знамени.

Со 2 по 23 сентября 3-я бригада в составе Латышской дивизии участвовала в боях с белополяками в районе Борисова. Затем 29 сентября она прибывает на Южный фронт для борьбы с Деникиным. В знаменитой Кромско-Орловской операции 3-я бригада Стуцки блестяще выполнила боевое задание. После разгрома ударных частей Деникина она участвовала в преследовании врага.

В тот период стрелкам приходилось совершать огромные переходы в очень тяжелых условиях. Не хватало обуви и шинелей. Начались массовые заболевания. Но и в этих трудных условиях Стуцка всеми силами стремился поддерживать воинскую дисциплину и боевой дух. Для укрепления политической работы среди стрелков Стуцке поручили временное исполнение обязанностей военного комиссара бригады.

В конце февраля 1920 года Стуцку назначили начальником 46-й стрелковой дивизии. Однако командование Латышской дивизии добилося его перевода снова в 3-ю бригаду.

В апреле 1920 года бригада участвовала в неудачном штурме Перекопа, а затем боролась с частями врангелевских войск, которые пытались вырваться из Крыма на просторы Северной Таврии. В начале июля 1920 года К. А. Стуцку ранили в левую ногу. После выздоровления он вернулся в бригаду.

20 июля 1920 года в соответствии с приказом по XIII армии (в эту армию входила и Латышская дивизия) К. А. Стуцку назначили начальником Латышской дивизии.

В славных боях за Каховский плацдарм в августе—сентябре 1920 года Латышская стрелковая дивизия сыграла выдающуюся роль. В этом была великая заслуга начальника дивизии Стуцки, который с большим умением и огромной энергией руководил боевыми операциями. Латышская дивизия участвовала также в решающих сражениях с врангелевцами в октябре и ноябре 1920 года. К. А. Стуцка непосредственно руководил штурмом Юшунских позиций.

После занятия Крыма он оставался командиром Латышской дивизии вплоть до ее расформирования.

После расформирования Латышскую дивизию влили в состав 52-й дивизии, причем большая часть командиров и политработников была назначена в 52-й дивизии на руководящие должности. Стуцка в течение некоторого времени был начальником 52-й дивизии, а затем командовал другими частями Красной Армии. После окончания гражданской войны он занимал высокие командные посты в Красной Армии.

М. Г. ГАБРИЕЛОВА,

член КПСС с 1919 г.

ЯНИС АБОЛ

Янис Абол родился в декабре 1895 года в семье безземельного крестьянина Приекульской волости Цесисского уезда. Отец его был батраком и умер рано. После смерти кормильца мать в 1901 году отдала сына на работу подпаском. В 1909 году Абол переехал в Ригу и стал работать подручным каменщика, затем каменщиком.

Под влиянием своей сестры, старого члена партии Зелмы Стромберг, и других рабочих-революционеров Абол с 1912 года стал принимать участие в революционном движении. В 1914 году за участие в революционном движении он был арестован и просидел в тюрьме 3 месяца. Зимой 1914 года Абол на собрании рабочих в клубе строителей был арестован вторично.

В августе 1915 года Я. Я. Абол уехал в Царицын, где работал то грузчиком на Волге, то каменщиком на стройках. В его квартире нашли приют высланные (после провала Северной группы) из Москвы члены партии Клявиек, Калнынь, его сестра и другие.

Весною 1917 года Абол вернулся в Ригу и добровольно вступил в армию. В августе 1917 года его приняли в ряды большевистской партии. В составе 4-го Видземского латышского полка Абол участвовал в обороне Риги. В бою под Ригой Абола тяжело ранили и он попал в плен к немцам. Вернувшись из плена в 1918 году, Абол работал в Латвии, организуя борьбу за Советскую власть в Цесисском уезде. Его избрали членом Приекульского Совета и его исполкома, а в феврале 1919 года — делегатом I съезда Советов объединенной Латвии. Весной 1919 года — Абол добровольно вступил в ряды латышских стрелков и сражался за Советскую власть. Он показал себя бесстрашным и стойким бойцом. В бою под Елгавой он был вторично тяжело ранен и после излечения направлен в распоряжение ЦК РКП(б) для выполнения специальных заданий. Абола зачислили в боевую группу известного революционера Камо¹.

В эти тяжелые для молодой Советской республики дни белогвардейская армия Деникина рвалась к Москве и уже подходила к Курску. Камо организовал отряд смелых и верных Советской власти товарищей для ведения подпольной работы в тылу врага.

¹ Боевая группа Камо была организована в период гражданской войны для действий в тылу противника и разведки.

Однажды, для того чтобы проверить выдержку своих боевиков, Камо подверг их испытанию. В конце августа 1919 года Камо вывел боевиков в лес, приблизительно в 40 км от Москвы, упражняться в стрельбе. Камо рассказывал товарищам эпизоды своей бурной жизни революционера. После бесед боевики снова стреляли, пока у них не осталось ни одного патрона, затем стали петь революционные песни. Вдруг группа Камо оказалась окруженной «белогвардейской бандой» во главе с офицером-золотогонником. Послышались свирепые окрики: «Ни с места, застрелю!» — и грубая брань. Не испугавшись предупреждения, боевик Буссе, который стоял недалеко от Я. Я. Абола, убежал, несмотря на то что в него несколько раз стреляли. Буссе всю дорогу до Москвы пробежал бегом. Явившись в ЦК, он взволнованно рассказал, что в подмосковном лесу видел отряд белогвардейцев. Его задержали, считая паникером, личность которого необходимо выяснить. О нем доложили также и Ф. Э. Дзержинскому (вечером того же дня Камо выручил его, объяснив ход событий). «Бандиты» разоружили всех (отняли даже перочинные ножи), связали и поочередно стали уводить на поляну, находившуюся за лесом. Первым увели Камо. Время от времени

Я. Я. Абол.

Янис Абол слышал одиночные выстрелы. «Застрелили», — думал он, и сердце сжималось от горя. Когда Абол был приведен на допрос, он заметил на земле неподвижно лежащего Камо, залитого кровью (это была кровь какого-то животного). «Бандиты» начали допрашивать Яниса Абола, но он молчал, ему стали угрожать расстрелом, он все-таки молчал. Один из «бандитов», подтолкнув его вперед, сказал: «Бери винтовку и стреляй, будешь нашим», — и протянул ему винтовку. Абол увидел одного из своих товарищей скорчившимся у пня. Он не тронулся с места. «Что там с ним долго возиться!» — крикнул какой-то другой «бандит», и дула двух револьверов были направлены на грудь Яниса Абола. Тогда он воскликнул: «Прощай, мама! Да здравствует Советская власть!» — и через несколько секунд оцепенел от неожиданности: «бандиты» кинулись его обнимать, а Камо вскочил и произнес: «Молодец! Это было испытание».

Позднее партийное руководство указало Камо на недопустимость такого способа проверки боевиков.

Камо готовил своих боевиков для переброски в тыл Деникина, но события несколько изменили его план. Получив задание, он сформировал на базе своей группы боевиков целый партизанский отряд и двинул

его навстречу белогвардейской армии, наступавшей под командованием генерала Деникина в направлении Курска и Орла. Я. Я. Абол участвовал в нескольких боях под городом Малоархангельском и селом Александровка. В перерыве между боями Камо, переодев несколько своих боевиков, в том числе и Я. Я. Абола, в военную форму белогвардейцев, направил их в Малоархангельск под видом передового отряда белогвардейской армии. Все богатые купцы города и близлежащих районов, белые офицеры царской армии, представители духовенства и другие враги Советской власти открыто выражали свою радость, стали собирать пожертвования «в пользу белогвардейской армии». Сбор был обилён. Абол и другие еще успевали записывать «щедрых жертвователей».

Вскоре после этого 37 человек из числа боевиков Камо (среди них был и Я. Я. Абол) были отозваны в Москву. Была составлена группа из 17 человек, которую снабдили оружием и деньгами и под командованием Камо направили в Баку. По пути в Баку боевики побывали в Астрахани, где встретились с С. М. Кировым.

В ночь на 7 ноября 1919 года началось путешествие боевиков на парусной лодке «Гурьевка» по осеннему штормовому Каспийскому морю. Путешествие было связано с большой опасностью, так как большая часть водного пространства контролировалась белогвардейскими кораблями, которые беспрепятственно ходили во всех направлениях вплоть до берегов Персии и Азербайджана. Отряд Камо вез много оружия, динамита, бомб, денег и т. д. Встреча с белыми грозила смертью. Все поклялись умереть (взорвать лодку пироксилиновыми шашками), но не сдаваться в плен в случае встречи с вражеским судном. Но все обошлось благополучно.

После утомительного трехнедельного путешествия (особенно усложнившегося после того, как был исчерпан запас питьевой воды) отряд высадился у Баку и сдал весь груз подпольной партийной организации. Я. Я. Абол и другие боевики включились в активную подпольную работу по подготовке вооруженного восстания, организуемого революционным бакинским пролетариатом под руководством Кавказского краевого комитета партии. Абол выполнял все задания руководства партии, не зная страха и не щадя себя.

19 марта 1920 года среди белого дня на глазах публики Абол вместе с боевиком Разиным бросил бомбы в делегацию «Верховного круга Дона, Терека и Кубани», состоявшего из белогвардейских генералов. Эта делегация прибыла в Азербайджан, чтобы договориться с буржуазным правительством муссаватистской партии Азербайджана о совместных военных действиях против наступающей с севера Красной Армии. Раненые и перепуганные насмерть члены делегации в тот же день оставили Баку, почувствовав, что почва горит уже у них под ногами. Никакого соглашения не было заключено. Выполнив задание первым, Абол бросился бежать по переулкам в мусульманской части города, которую ранее не знал. В розысках приняла участие вся полиция. Третий боевик — Новиков (бывший матрос Балтийского флота), имевший аналогичное задание, был задержан поблизости от места взрыва, подвергся истязаниям и был повешен. Голова Абола была оценена в 20 тыс. руб-

лей золотом, его искали повсюду, но революционеры бережно охраняли его, восторгаясь его мужеством и смелостью.

Прошло немногим больше месяца после этого события. В ночь на 28 апреля 1920 года Советская власть была восстановлена в Баку, а затем и во всем Азербайджане. Вооруженный бакинский пролетариат под руководством Коммунистической партии сверг буржуазное правительство и установил диктатуру пролетариата.

Осенью 1922 года Янис Абол был командирован ЦК АКП(б) в Москву на рабфак им. М. Покровского. Окончив его, он поступил в институт им. Г. В. Плеханова, где учился по вечерам, совмещая учебу с работой в Центральном архиве.

После окончания института с 1930 по 1937 год Я. Я. Абол работал по подготовке кадров для транспорта, в основном автодорожного. Новая автомобильная промышленность, родившаяся в тридцатых годах, нуждалась в кадрах. Абол был одним из энтузиастов этого дела.

В 1937 году в период культа личности И. В. Сталина Я. Я. Абол был оклеветан и погиб.

Память о верном сыне латышского народа никогда не померкнет в сердцах людей, знавших его. Сильный, жизнерадостный, честный, бесконечно преданный делу революции — таким был Янис Абол.

Н. Д. КОНДРАТЬЕВ

КОМАНДАРМ, УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ

В начале января 1918 года командир батальона 16-го запасного стрелкового полка Роберт Петрович Эйдеман выехал из Канска в Петроград. В то время он был заместителем председателя Центрального Исполнительного Комитета Сибири (Центросибири) и в качестве выборного делегата направлялся на III Всероссийский съезд Советов в Петроград.

Р. Эйдеман хорошо знал Петроград — город своих несбывшихся надежд и планов. После окончания Валкского реального училища он блестяще выдержал вступительные экзамены в Петроградский лесной институт, но окончить его не удалось — в 1916 году он был мобилизован в армию. Очень трудно было после участия в активной пропаганде и агитации против империалистической войны взять в руки оружие.

Многომиллионной царской армии нужны были офицеры, и Роберта Эйдемана направили в Киев — в Николаевское пехотное военное училище. Окончив его со званием прапорщика, он попал в 16-й стрелковый запасной полк, расквартированный в Канске. В этом небольшом сибирском городке в марте 1917 года Эйдеман вступил в ряды большевистской партии.

Солдаты выбрали своего любимца — Роберта Петровича Эйдемана — в Канский Совет. И он оправдал их доверие — в ожесточенной длительной борьбе большевистская фракция одержала победу над своими идейными противниками — меньшевиками и эсерами. Председателем Канского Совета был избран Р. П. Эйдеман. На первом съезде Советов Сибири объединенные силы левого блока доверили Роберту Эйдеману пост заместителя председателя Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири. После победы Октябрьской революции в Енисейской губернии контрреволюционные силы, опираясь на юнкерское училище в Иркутске, попытались свергнуть Советскую власть. Роберт Эйдеман возглавил отряды красногвардейцев и солдат, которые в ожесточенных уличных боях разгромили мятежников...

...Третий Всероссийский съезд Советов открыл Я. М. Свердлов. Сводный оркестр балтийских моряков поднял сверкающие трубы, все делегаты встали. В белоколонном зале Таврического дворца клятвой прозвучали вдохновенные слова:

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Председатель Совнаркома Владимир Ильич Ленин появился в зале, когда Свердлов зачитывал Декларацию Центрального Исполнительного Комитета. По рядам стремительной волной прокатилась весть: «Ленин, Ленин, Ильич!» — и все, поднявшись, дружно и горячо зааплодировали. Роберт Эйдеман, как и все его соседи, подался вперед, чтобы лучше рассмотреть Ильича и навсегда запомнить его дорогой образ. В зале было очень тихо. Делегаты с напряженным вниманием слушали отчет своего Правительства, мудрые указания любимого вождя о строительстве первого в мире социалистического государства. Глубокое предвидение и могучая сила ленинской речи вдохновляли делегатов.

На съезде Роберт Эйдеман познакомился со своими земляками — Петром Стучкой, Янисом Фабрициусом, Карлом Петерсоном, которые одобрили его решение выбрать самую трудную и крайне необходимую военную профессию.

В последний день съезда были оглашены результаты выборов во ВЦИК. Первым был назван В. И. Ленин, затем его ученики и соратники — Свердлов, Дзержинский, Фрунзе и другие. Делегат от солдат-сибиряков внимательно слушал и запоминал фамилии и невольно вздрогнул, тогда с трибуны донеслось: Эйдеман.

Бывший подпоручик Роберт Эйдеман вернулся в Сибирь. В качестве члена ВЦИК он был включен в состав Западносибирского штаба по подавлению чехословацкого мятежа и формированию новых частей Красной Армии. Через месяц Роберт Эйдеман был назначен командующим отрядами и частями на Омском направлении. Из разрозненных, нерегулярных красногвардейских и партизанских отрядов Эйдеман организовал стрелковую дивизию, получившую наименование средней дивизии Североуральско-Сибирского фронта.

Роберт Эйдеман непосредственно на полях сражений освоил трудную науку побеждать врага. В предельно короткий срок зарекомендовал он себя талантливым полководцем Красной Армии.

В январе 1919 года Роберт Эйдеман был переведен в 16-ю стрелковую дивизию имени Киквидзе, действовавшую на главном направлении Донского фронта. Командуя этой многонациональной дивизией, Эйдеман успешно выполнял сложные и трудные задания командующего IX армией. В документах Центрального государственного архива Советской

Р. П. Эйдеман.

Армии запечатлены боевые подвиги 16-й стрелковой дивизии. 19 февраля 1919 года начдив Эйдеман доносил:

«Дивизия в 11 часов повела наступление с Нестеркина на хутора Киреев, Глухманский и Лобачев. Хутор Нестеркин был занят еще вчера 2-м интернациональным полком после короткого боя с арьергардными частями противника»¹. Через десять дней начдив Эйдеман отмечал в приказе по дивизии:

«Разбитый во вчерашнем бою противник частью отошел на станицу Мариинскую, частью за Дон по Константиновскому мосту. В районе Усть-Быстрианская противник ведет усиленную разведку»...²

Все полки 16-й стрелковой дивизии за боевые подвиги были награждены Почетными революционными красными знаменами.

В смертельно опасные для молодой Советской республики дни деникинского похода на Москву Роберт Петрович Эйдеман был переведен в 46-ю стрелковую дивизию, входившую в состав войск главного, Южного, фронта. В решающих боях на Орловском направлении начдив Эйдеман, умело маневрируя, нанес сильнейшие удары в тыл Дроздовской дивизии у города Севска и отбросил белогвардейцев к Дмитрию.

В феврале 1920 года Р. П. Эйдеман был назначен командующим XIV советской армией. В ту пору ему еще не исполнилось и 25 лет — он был самым молодым командармом Красной Армии.

После недолгой мирной передышки вновь разгорелись ожесточенные бои на юге России. 5 июня 1920 года Реввоенсовет республики назначил Р. П. Эйдемана командующим XIII армией. В ее состав входили прославленные в боях дивизии: 3-я, 15-я Инзенская, 40-я, 46-я, 52-я, Латышская и 1-й конный корпус. Созданные командармом Эйдеманом ударные группы остановили продвижение частей генерала Врангеля в Северной Таврии и нанесли врагу тяжелый ущерб.

В августе 1920 года, по предложению М. В. Фрунзе, Роберт Эйдеман был назначен командующим правобережной группой войск Юго-Западного фронта. В состав группы были выделены испытанные в боях части Красной Армии — Латышская, 15-я, 51-я и 52-я стрелковые дивизии.

В ночь с 6 на 7 августа по приказу Эйдемана войска правобережной группы форсировали Днепр в районе Каховки. Почетное право нанести первый удар в наступлении Роберт Эйдеман предоставил своим землякам — бойцам Латышской дивизии. Бросок через широкую водную преграду был неожиданным и стремительным. В результате ожесточенных боев части правобережной группы отвоевали у противника на левом берегу реки плацдарм, вошедший в историю гражданской войны под названием Каховского. Закрепившись на опаленной огнем земле, правобережцы приостановили наступление врангелевцев на Донбасском направлении. Расположенный в 80 верстах от Перекопа Каховский плацдарм давал возможность войскам Красной Армии наносить удары во фланги и в тыл основных соединений генерала Врангеля.

¹ ЦГАСА, ф. 1304, д. 207, л. 50.

² ЦГАСА, ф. 1255, д. 15, л. 14.

Генерал Врангель бросил на рубежи правобережцев лучшие свои части — почти половину всей армии. Начались ожесточенные, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью бои. Аэропланы противника сбрасывали бомбы на рубежи защитников плацдарма, море огня бушевало над полузасыпанными траншеями. Белогвардейцы атаковали, прикрываясь броней танков. Спустя несколько лет Роберт Эйдеман написал превосходный батальный рассказ «Поединок», в котором воспел величайшее мужество своих бойцов — защитников Каховки:

«... Думать об отступлении мы не могли. В случае неудачи нас ожидало одно — смерть. В те годы сдаваться в плен мы не умели, мы научились умирать». И командарм-писатель с потрясающей правдивостью и силой показывает, как стояли насмерть, как побеждали танки Ваня Петров, Янис Зиединь и Петер Гайгал. Есть в рассказе и командующий, и хотя назван он Андреем Петровичем, но в нем мы без труда узнаем самого Роберта Петровича Эйдемана, родного и близкого всем бойцам.

Войска правобережной группы совершили бессмертный подвиг, вписали яркую страницу в историю гражданской войны. О подвигах защитников Каховского плацдарма сложены легенды и песни, написаны пьесы и романы...

После знаменитого Перекопского сражения Роберт Петрович Эйдеман получил новое боевое задание — возглавить войска внутренней службы Украины и ликвидировать многочисленные, неуловимые махновские банды. Борьба с бандитизмом оказалась затяжной и трудной и завершилась полным разгромом контрреволюционных мятежников. В ликвидации махновских банд активно участвовала Латышская стрелковая дивизия. Опыт этих боев Роберт Эйдеман обобщил в своих теоретических работах: «Гражданская война на Украине», «Повстанчество и его роль в современной войне» и «Очаги атаманщины и бандитизма».

Мужество, отвага, высокое полководческое мастерство Роберта Петровича Эйдемана на полях гражданской войны были отмечены Советской Родиной двумя орденами боевого Красного Знамени и многими ценными подарками.

В мае 1924 года Р. П. Эйдеман был переведен с юга на север на пост командующего войсками и члена Реввоенсовета Сибирского военного округа. Через 9 месяцев напряженной работы в чрезвычайно разбросанных, отдаленных и трудных для управления гарнизонах округа Роберт Эйдеман по рекомендации Народного комиссара по военным и морским делам М. В. Фрунзе был назначен начальником и комиссаром Военной академии Красной Армии.

Наряду с большой организационной и воспитательной работой в академии Р. П. Эйдеман успевает редактировать большой теоретический журнал «Война и революция», участвовать в редактировании многотомной «Истории гражданской войны в СССР», выполнять обязанности члена редколлегии газеты «Красная звезда» и возглавлять Всесоюзное научное военное общество. В редкие часы досуга Роберт Эйдеман пишет стихи и поэмы, рассказы и повести. Пробует он свои силы и в драматургии, пишет большое количество публицистических и военно-теоретических статей.

Это был человек поразительной трудоспособности, человек партийного долга, отдавший все свои силы и знания благородному делу укрепления обороноспособности страны Советов. Роберт Петрович Эйдеман был подлинным большевиком-ленинцем, беспредельно преданным своей социалистической Родине.

Трагически оборвалась жизнь Р. П. Эйдемана — он пал жертвой клеветы в период культа личности Сталина, но великое дело, за которое сражался мечом и пером талантливейший полководец, ученый и писатель, верный сын латышского народа — Роберт Петрович Эйдеман, — бессмертно!

ДОКУМЕНТЫ

№ 86

Из работы В. И. Ленина «Все на борьбу с Деникиным!» с призывом мобилизовать все силы, для того чтобы отбить наступление Деникина.

Не позднее 3 июля 1919 года.

ВСЕ НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ!

(ПИСЬМО ЦК РКП (БОЛЬШЕВИКОВ) К ОРГАНИЗАЦИЯМ ПАРТИИ)

Товарищи! Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции. Защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую голову английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплуататоров, в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире. Английские и французские капиталисты провалились со своим планом завоевать Украину своими собственными войсками; они провалились со своей поддержкой Колчака в Сибири; Красная Армия, геройски продвигаясь на Урале при помощи восстающих поголовно уральских рабочих, приближается к Сибири для освобождения ее от неслыханного ига и зверства тамошних владык, капиталистов. Английские и французские империалисты провалились, наконец, и со своим планом захватить Петроград посредством контрреволюционного заговора, в котором участвовали русские монархисты, кадеты, меньшевики и эсеры, не исключая и левых эсеров.

Теперь заграничные капиталисты делают отчаянную попытку восстановить иго капитала посредством нашествия Деникина, которому они, как некогда и Колчаку, оказали помощь офицерами, снабжением, снарядами, танками и т. д. и т. п.

Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА МОМЕНТА...

В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 402, 403.

Письмо В. И. Ленина «К рабочим и красноармейцам Петрограда» в связи с наступлением Юденича на Петроград с призывом всеми силами защищать город.

17 октября 1919 г.

К РАБОЧИМ И КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПЕТРОГРАДА

Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, это значит наполовину судьба Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!

17/X

В. Ульянов (Ленин)

В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 50.

№ 88

Гелеграмма Реввоенсовета Западного фронта командиру 5-го (Земгальского) латышского стрелкового полка после первого боя полка с белогвардейскими частями Юденича.

21 октября 1919 г.

Командиру 5-го латышского полка. От имени Реввоенсовета Республики и Западного фронта поздравляю в Вашем лице 5-й латышский полк с первым успехом, выражаю благодарность всем командирам и стрелкам. На вас смотрит вся Советская Россия, от вас зависит судьба Красного Петрограда.

Знайте только одно: вперед, к победе!

Latvju revolucionārais strēlnieks, I. M. 1934, стр. 325. Перевод с латышского.

№ 89

Телеграмма В. И. Ленина военному комиссару Советской Латвии с просьбой немедленно сообщить о ходе мобилизации для пополнения латышских стрелковых полков.

25 октября 1919 г.

Сообщите немедленно:

1) Направили ли Вы уже мобилизованных в запасный батальон Латышской дивизии? Сколько направлено? Достаточно ли энергично проведена мобилизация?

2) Выполнили ли Вы задание по посылке пополнений в латышский полк, в VII армию? И то и другое задание не терпит отлагательств.

Ленин

Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 235.

№ 90

Приветственная телеграмма военного комиссара Советской Латвии начальнику Латышской стрелковой советской дивизии в связи с освобождением гор. Харькова.*

№ 7802

гор. Резекне

16 декабря 1919 г.

В Вашем лице поздравляю стрелков, командиров и комиссаров дивизии с взятием Харькова. С восхищением следим за беспримерной выдержанностью и стойкостью, с какой испытанные борцы революции — латышские стрелки — истребляют белогвардейских генералов.

Военкомлат Петерсон

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 209. Копия.

№ 91

*✓ Приказ по войскам Южного фронта в связи с разгромом белогвардейской Добровольческой армии и освобождением Донецкого бассейна**.*

№ 19

гор. Курск

10 января 1920 г.

Основная задача, данная войскам Южного фронта, — разгром Добровольческой армии противника, обладание Донецким бассейном и, главным образом, центром южной контрреволюции Ростовом — выпол-

* Объявлена приказом по Латышской стрелковой советской дивизии № 20 от 26 января 1920 г.

** Объявлен приказом по Латышской стрелковой советской дивизии № 10 от 11 января 1920 г.

нена. Наступая зимой по глубоким снегам, в непогоду, перенося лишения, доблестные войска фронта в 2 с половиной месяца прошли с упорными боями от линии Орла до берегов Азовского моря свыше 700 верст. Добровольческая армия противника, подкрепленная конницей Мамонтова, Шкуро и Улагая, разбита, и остатки ее бегут по разным направлениям. Армиями фронта захвачено свыше 40 000 пленных, 750 орудий, 1130 пулеметов, 23 бронепоезда, 11 танков, 400 паровозов, 12 200 вагонов и огромное количество всякого рода военного имущества. Реввоенсовет Южного фронта, гордясь сознанием боевого могущества и сил красных армий Южного фронта, шлет всем доблестным героям: красноармейцам, командирам и комиссарам — свой братский привет и поздравляет с блестящей победой над самым злейшим врагом рабочих и крестьян — царскими генералами и помещиками. Да здравствует непобедимая Красная Армия!

Командующ Егоров

Член Реввоенсовета Южного фронта Сталин

Наштаюж Петин

ЦГАСА, ф. 1754, оп. 1, д. 520, л. 237. Копия.

№ 92

Политическая сводка политотдела Латышской стрелковой советской дивизии о политическом настроении в частях дивизии и о проведении митинга в гор. Екатеринославе.

№ 30

25 января 1920 г.
17 час. 00 мин.

Секретно.

В 3-й бригаде, в 8-м полку красноармейцы на общем собрании постановили отделить для рабочих Петрограда 7-дневный хлебный и мясной паек. Равно такое же постановление вынесли красноармейцы 8-й батареи. В бригаде имеется недостаток телефонных проводов, аппаратов и элементов. Подивом сегодня в гор. Екатеринославе был поставлен интернациональный митинг: текущий момент и Советская власть. На митинге выступали запасные члены подива и председатель губревкома тов. Минин. Присутствовало около 1000 человек. Митинг прошел с большим подъемом духа. От остальных частей политические сведения не поступили.

Врид занодив*

Завинфисвязи Бейграндт

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 12, л. 9. Копия.

* Подпись неразборчива.

Приказ Реввоенсовета Республики о награждении Почетными красными знаменами за отличия в боях.

№ 66

13 февраля 1920 г.

Награждаются Почетными революционными красными знаменами за отличие в боях с врагами социалистического отечества:

188-й стрелковый полк и 4-й отдельный батальон 5-го латышского стрелкового полка за блестящие подвиги, проявленные ими в боях под гор. Павловском 24 октября 1919 года.

ЦГАСА. ф. 4, оп. 3, д. 100. Типогр. оттиск.

№ 94

Рапорт начальнику артиллерии Латышской стрелковой советской дивизии о ходе и результатах боя под гор. Бериславом.

*Не ранее 5 сентября 1920 г.**

Доношу обстановку боя в ночь с 4 на 5 сентября с. г. при отбитии атак противника на укрепленную полосу Бериславского передового укрепления на участке 15-й дивизии в районе большого тракта Каховка—Чаплинка. Около 2 час. выдвинутые за проволоку передовые части и разведка 45-й бригады, потесненные противником при поддержке 3 танков и 2 бронемашин, отошли за основную укрепленную линию, где и засели в окопах. Противник, преследуя отходящие части, пустил вперед танки и броневики, имея задачей выбить наших из окопов и прорвать линию укрепления. Встреченный огнем выставленных вперед к самым окопам орудий, 1 танк завернул и пошел вдоль окопов слева направо к большаку. Здесь, встреченный артиллерийским огнем 1 орудия 2-й батареи 2-го легкого артдивизиона под руководством командира сводно-тяжелого артдивизиона Латышской дивизии тов. Ральцевича, взводного командира тов. Коробача и военкома батареи тов. Коган, а также орудий 2 броневику 42-го бронеотряда, по-видимому, получил повреждение, повернул и стал уходить в тыл. К танку подошел легкий броневики и взял его на буксир.

В то же время 2 других танка и 1 легкий броневики перешли наши окопы на левом фланге участка и направились в тыл. Батареи, обстрелянные сильным пулеметным огнем, взялись в передки и отошли на версту к северу. Получив эти сведения, мною было взято 1 орудие 2-й батареи 1-го легкого артдивизиона и уведено вперед, навстречу танку. Остальным орудиям 1-й и 2-й батарей 1-го дивизиона и 2-й батареи 2-го дивизиона было приказано, развернувшись в цепь на интервал в 30—40 сажень, двигаться вперед на помощь выдвинутому орудию с задачей во что бы то ни стало не пропустить зарвавшиеся бронемашин противника

* Датируется на основании даты, упоминаемой в документе.

глубже в тыл. Выехав вперед с орудием, мы подошли к танку шагов на 200; в это время к нам подбежал стрелок и на мой вопрос, чья это машина, сказал, что это броневик, по-видимому, наш, так как, несмотря на проходящую мимо него нашу пехоту, огня по ней броневик не открывал. В этот же момент ко мне подскакал ординарец-разведчик комбрига 45 гр. Ядрович, который и вызвался подъехать к бронемашине и узнать, чья она, так как он наши машины видел и хорошо знает. Через 2 минуты Ядрович вернулся и доложил, что эта бронемашина — танк противника, так как у нас таких нет. По моему распоряжению немедленно был подан передок, и орудие двинулось ближе к танку. Пройдя еще шагов 100—150, орудие было поставлено на позицию, и из него был открыт огонь по танку, который в это время повернулся и шел по направлению к нам. Подпустив его на расстояние, с которого хорошо был виден силуэт танка, орудие открыло огонь, и четвертым выстрелом в 3 час. 30 мин. танк («Сфинкс») был подбит. Прислуга танка выскочила и бросилась бежать.

В это время другой танк и бронемашина двигались наискось к большаку. Покончив с одним, я отправился к дороге к подходящим орудиям и выслал вперед к выдвинутому ранее орудью 2-й батареи 2-го дивизиона еще 1 орудие 1-й батареи 1-го артдивизиона, которое было присоединено тов. Ральцевичем и военкомом артиллерии 15 тов. Апостоловым к орудью 2-й батареи 2-го артдивизиона, и из получившегося таким образом взвода был открыт под непосредственным руководством тт. Ральцевича, Апостолова, Коробача и Когана огонь по подходящему другому танку.

135-й полк 45-й бригады, не выдержав огня наступающего противника с фронта и огня танка с тыла, стал медленно отходить и залег в шагах 200—300 сзади наших выдвинутых орудий, которые стояли на большаке. Тов. Апостолов поднял полк и двинул его вперед. В это время взвод артиллерии под прикрытием пулеметного огня бронемашин 42-го отряда, орудия которых испортились, четвертой очередью подбил и зажег танк «Сибиряк». Увидя это, наша пехота, также и артиллеристы с криком «ура» бросились вперед и смаху заняли вновь окопы. У горевшего танка был захвачен в плен шофер. В это время временно командующим 1-м легким артдивизионом тов. Гедичем с танка «Сфинкс» был снят трехцветный флаг и 2 пулемета «льюис» с лентами. Танк «Сибиряк» был вооружен пушкой Гочкиса, которую снять не удалось, т. к. машина была объята пламенем. Тем временем остальными орудиями был открыт по дрогнувшему и побежавшему противнику ураганный огонь, и положение было восстановлено окончательно.

С рассветом все части разбитых танков были забраны механиками 42-го броневоего отряда. Считаю своим долгом отметить доблесть командира этого отряда, который, несмотря на то что орудия бронемашин испортились, во все время боя был впереди с отрядом вверенных ему бронемашин и ураганным пулеметным огнем заставил пехоту противника остановиться и с помощью подоспевшего 135-го полка, при поддержке артиллерийского огня наших батарей, восстановил положение; также отмечаю выдержку, спокойствие и хладнокровие командира свод-

но-тяжелого артдивизиона Латдивизии тов. Ральцевича, который, несмотря на ружейный и пулеметный огонь пехоты и бронемашин противника, метким огнем взвода уничтожил и зажег танк «Сибиряк».

Не могу обойти молчанием и беззаветную доблестную работу артиллеристов и ездовых вверенных мне артчастей, которые, воодушевленные желанием во что бы то ни стало уничтожить зарвавшиеся танки противника, смело по первому приказанию шли вперед под сильным ружейным и пулеметным огнем, не обращая внимания, есть кто-нибудь из своих впереди или нет.

У танка «Сфинкс» разбит червяк с правой стороны, ведущее колесо червяка и самый червяк с левой стороны. Танк «Сибиряк» получил несколько пробоин в борт и бензинный бак, от которой и воспламенился.

За описанный ночной бой вверенные мне артчасти потеряли ранеными: 1 красноармеец и 5 лошадей. Трофей: в общем взято 2 танка противника, которые оставлены, за невозможностью вывести, на поле сражения в районе нашего расположения; 30 белогвардейцев пленными, 2 пулемета «люис», снятые с танка, и трехцветный флаг с танка «Сфинкс».

Особо отличившиеся в этом бою красные артиллеристы мною представляются к ордену Красного Знамени через начдива 15.

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 28. Копия.

№ 95

Отчет культпросветотдела Латышской стрелковой советской дивизии о культурно-просветительной работе в частях дивизии за октябрь 1920 г.

*Не ранее 31 октября 1920 г.**

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Октябрь месяц в смысле культпросветработы можно считать весьма неблагоприятным. Говорить о сколько-нибудь планомерной и интенсивной работе можно только в первой трети месяца, когда дивизия стояла на месте. После этого непродолжительного времени начинается эпоха передвижений и боевых действий дивизии, когда культпросветработа еле-еле дышит во многих частях, а в некоторых совершенно замирает. Этот период еще продолжается, оставляя свое впечатление на весь ход культпросветработы. Ввиду уже указанных обстоятельств, нет возможности дать той полной картины работы, что возможно было бы сделать при других обстоятельствах, тем более, что сведения о состоянии работы за истекший месяц получены только от 20 частей.

ШКОЛЫ ГРАМОТНОСТИ

При настоящем положении дивизии школьная работа не может достигать тех результатов, каких нужно было.

Отсутствие помещений и освещения во многих местах свели школьную работу почти на нет. По имеющимся сведениям, дано всего 1870 уро-

* Датируется по крайней дате отчета.

ков, что на каждую школу составляет приблизительно 36 уроков в месяц.

Всех школ в дивизии 59. Из них 49 I ступени и 10 — II. Количество школ уменьшилось на 3 ввиду отсутствия учителей. Отсутствие учителей объясняется переходом некоторых учителей на другие должности, где их труд лучше оплачивается (таких фактов за отчетный период 2), и увеличением количества преподавателей при дивизионной школе младшего комсостава, где усиливается преподавание общеобразовательных предметов.

Усиление школьной работы дивизионной школы можно было сделать только за счет других красноармейских школ грамотности. Кроме того, 2 из преподавателей, как не соответствующие своему назначению, устранены. Всех преподавателей считается 51.

Всех не- и малограмотных, по имеющимся сведениям, имеется 2290, одних неграмотных — 13%. Прибыло не- и малограмотных около 500. Переведено в грамотные 25 человек. Из всех неграмотных посещают школу 50% (половина), обучаются 83%. Система культурников практикуется, но все же в незначительных размерах.

Что касается снабжения школ поармом, то можно сказать, что такого снабжения почти не было. Всего получено за отчетный месяц 100 тетрадей, и только. Просветительным отделением за октябрь отпущено:

учебников разных	196
школьных брошюр	670
букварей	55
школьных картин	52
тетрадей	396
бумаги	931 л
карандашей	48
ручек	83

Это снабжение далеко не может удовлетворить спрос школ грамотности, и армии необходимо снабжать дивизию в более обширных размерах.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

Для постановки библиотечного дела в дивизии в октябре месяце велась подготовительная работа к совещанию библиотекарей. Отпечатаны также формы библиотечных каталогов. Но для поднятия библиотечного дела недостаточно ограничиваться совещанием библиотекарей, необходима подготовка библиотекарей, каковых в дивизии вовсе не имеется, сколько-нибудь опытных.

Всех библиотек в дивизии 53. Им за отчетный период отпущено книг разных 357, брошюр — 812, журналов — 64 и плакатов — 38. Читаемость книг увеличилась. Читатели составляют 16% всего состава. В среднем за месяц каждым читателем прочитано 2—4 книги.

Читальни из-за передвижений и отсутствия помещений почти не функционировали.

КЛУБНОЕ ДЕЛО

Препятствовали клубной работе те же вышеприведенные причины. Всех клубов считается 25. Из них 1 районный, 12 полковых и 12 батальонных.

Всех секций при клубе 54*.

Из них:

Название секций	Количество членов
Драматических 15	283
Музыкальных 6	115
Хоровых 5	72
Политических 12	208
Научных 4	27
Изобразительных искусств 2	15
Спортивных 5	91
Литературных 3	175
Школьных 2	135
54 секции	1121 член.

Всего состоялось за отчетный период 28 спектаклей, 5 концертов, 8 митингов, 35 собеседований, 39 лекций. Издано 7 журналов.

Недостает для работы секций драматической литературы, музыкальных инструментов, лекторов, руководства для каждой секции, разных материалов для секций изящных искусств и т. д.

Начпросвета Озол

«Голос борьбы», № 44, 31 декабря 1920 г.

№ 96

*Описание боевых действий Латышской дивизии за время с 9 по 16 ноября 1920 г. (период боев за овладение Перекопскими и Юшунскими укрепленными позициями и окончательное очищение Крымского полуострова от врангелевской армии)**.*

*Не ранее 16 ноября 1920 г.****

9 ноября. Приказом командарма Латышская дивизия должна к полудню сего числа перейти в район колонии Первоконстантиновка—Григорьевка, что 12 верст юго-восточнее Чаплинки.

Одна рота и команда конных разведчиков 6-го полка прибыли в Аскания Нова и приняли охрану экономии от частей I Конной армии.

Части 1-й бригады с 7 час. 30 мин. выступили и к 12 часам расположились в колонии Первоконстантиновка. К тому же времени туда же прибыл штаб бригады. 2-я бригада (4-й и 5-й полки) и штаб бригады к

* В документе ошибочно — 53.

** Заголовок документа.

*** Датруется по крайней дате заголовка.

15 час. прибыли и расположились в колонии Первоконстантиновка. Полки 3-й бригады и штаб бригады к 12 час. прибыли и расположились в дер. Григорьевка. 1-й латышский кавалерийский полк в 16 час. прибыл и расположился в хуторах, что 8—13 верст юго-западнее Аскания Нова. Штаб дивизии остался в эк. Чаплинка. Связь со штабом армии телеграфная через штадив 51.

10 ноября. По занятии нашими войсками Перекопских позиций противника и форсировании Сиваша Латышской дивизии приказано выступить из района сосредоточения на боевой участок и сменить правофланговые части 51-й дивизии по линии от Перекопского залива через Карт-Казак — Колодцы, что на тракте, и далее на 1—2 версты к востоку от тракта, и после смены перейти в энергичное наступление с целью выхода к вечеру сего числа на линию Бой-Казак—тракт. Воронцова. Дивизии подчинена вся тяжелая артиллерия, предназначенная начдивом 51 на этот участок.

Во исполнение поставленной дивизии задачи приказывается: 1-й бригаде в кратчайший срок прибыть в район залива через Карт-Казак и далее влево до разграничительной линии с 3-й латышской бригадой (разграничительная линия: буква «а» в надписи Кошара, что 6 верст южнее хутора Булгаков, буква «ы» — в надписи Колодцы, что севернее окраины Карт-Казак, буква «у» — в надписи «почт. ст. Юшунь—Кишкара», последний пункт включительно для первой бригады, остальные пункты и знаки составляют обозначение прямой, соединяющей эти пункты и знаки). 3-й бригаде в кратчайший срок прибыть в район Колодцы, что 6 верст южнее хут. Булгаков и на тракте Перекоп—Симферополь, где немедленно приступить к смене частей 51-й дивизии на участке от левого фланга 1-й латышской бригады влево до разграничительной линии с 51-й дивизией (разграничительная линия между Латышской и 51-й дивизией: Перекоп — середина Армянск — Колодцы, что на левом берегу оз. Старое — Юшунь — тракт. Воронцова, все включительно для Латышской дивизии).

2-й бригаде в кратчайший срок сосредоточиться в районе хут. Булгаков в дивизионном резерве и быть в полной боевой готовности. 1-й и 3-й бригаде по занятии участка перейти в энергичное наступление совместно с 51-й дивизией и, овладев Юшунскими укрепленными позициями противника, продолжать безостановочное преследование противника и выйти в кратчайший срок в пределах своих разграничительных линий на линию Бой-Казак — Кишкара — тракт. Воронцова. Артиллерии при переходе пехоты в наступление развить максимальную силу артиллерийского огня и содействовать занятию укреплений противника. 1-му латышскому кавалерийскому полку перейти в хут. Буляк, что 1 верста южнее Армянска.

В 14 час. полевой штаб Латышской дивизии прибыл в Армянск, а оперативный штаб дивизии — в 15 час. в Первоконстантиновку. Связь полевого штаба дивизии из Армянска со штабом армии — телеграфная через штадив 51, со штабами бригады — мотоциклетная и конная. В 14—15 час. части 1-й бригады проследовали в Армянск, и в 20 час.

30 мин. 2-й и 3-й полки прибыли в Карт-Казак; 1-й полк сосредоточился в Карт-Казак № 1, что 5 верст северо-западнее Карт-Казак. Штаб 1-й бригады в 17 час. прибыл и расположился в хут. Деда, что 5 верст западнее хут. Булгаков. Части 3-й бригады в 16—17 час. выступили из Армянска, и около 21 час. 7-й и 8-й полки подошли к частям 152-й бригады в районе тракта Армянск — Симферополь у юго-западной оконечности оз. Старое. 9-й полк (бригадный резерв) в 19 час. остановился в хут. Булгаков. Ко времени подхода к боевой линии части 152-й бригады вели бой с противником, а потому смена их 7-м и 8-м латышскими полками не могла состояться. Штаб 3-й латышской бригады в 18 час. 10 мин. прибыл и расположился в хут. Булгаков. Дивизионный резерв, 4-й и 5-й полки временно расположились в Армянске. 1-й латышский кавалерийский полк с первым эскадроном 2-го латышского кавалерийского полка в 21 час. 30 мин. прибыл и расположился: два эскадрона со штабом полка — в хут. Буляк, а три эскадрона — в хут. Кошара, что 6 верст юго-западнее Армянска.

Связь штаба дивизии со штабом армии и штадивом 51 телеграфная через штадив 51, со штабами бригад — телефонная, с остальными частями — конная.

Последняя укрепленная линия противника, идущая от побережья Черного моря к юго-западной оконечности соленого озера Красное, со стороны противника оборонялась частями в следующем составе и расположении: от соленого озера Красное до полотна ж. д. действовал 2-й Марковский полк в составе 250 штыков при 4 легких орудиях, левее его — 3-й Дроздовский полк такого же состава и около побережья Черного моря — 1-й Корниловский полк в составе 200 штыков; 3-й Марковский полк, имевший в своем составе только 60 штыков, отведен в Дюрмень. 1-й Марковский полк в составе до 200 штыков расположен в дер. Юшунь. Обороняющиеся части противника поддерживались огнем 2 бронепоездов, 7 броневиков, 4 танков, 12 легких орудий, 3 тракторных орудий и 1 батареей «Кано».

11 ноября. Командармом 6 приказано: 51-й дивизии к 12 час. сего числа выйти передовыми частями на линию Бешеул—Биюк—Мамчик—Магази. Латышской дивизии приказано после смены частей 51-й дивизии продолжать из района Юшунских позиций стремительное наступление в южном направлении и к 12 час. сего числа выйти на линию Бой-Казак — колония Новокровская включительно, на каковой линии закрепиться, выбросив вперед кавалерийский полк для разведки и преследования противника.

Для исполнения поставленной Латышской дивизии задачи приказывается: 1-й, 3-й бригадам, сменив части 51-й дивизии, немедленно стремительным наступлением сбить задержавшегося противника и к 12 час. сего числа выйти на линию: 1-й бригаде — Бой-Казак — тракт. Воронцова включительно, 3-й бригаде — тракт. Воронцова исключительно — колония Новокровская включительно. По занятии указанной линии закрепиться на ней и быть готовым продолжать дальнейшее преследование противника. 1-й бригаде установить за побережьем Перекопского залива наблюдение за движением неприятельских судов. Дивизионному

резерву (2-й бригаде) следовать по тракту Армянск—Симферополь на расстоянии 5—7 верст за 3-й бригадой, согласовывая свое движение с действиями частей 1-й и 3-й бригад, и при достижении последними указанных рубежей расположиться в Юшуне. Легкую артиллерию распределить между бригадами, а батареи тяжелой артиллерии особого назначения выдвинуть на позицию для борьбы с бронепоездами и танками противника. Интенсивнейшим артиллерийским огнем поддерживать и содействовать продвижению пехотных частей. 1-му латышскому кавалерийскому полку, следуя по тракту Армянск—Симферополь непосредственно за 3-й бригадой, оказывать последней возможное содействие при наступлении; по выдвигании 1-й и 3-й бригад на указанную линию, сосредоточив полк в районе хут. графа Воронцова — тракт. Воронцова, выслать разъезды по направлениям: а) Таккуй, б) почт. ст. Дюрмек и в) Колочи. Инженерным частям приказано уничтожить укрепления противника в районе Юшунь и приспособить таковые для обороны нашими частями.

К 7 час. сего числа 3-й полк на крайнем правом фланге 151-й бригады сменил части этой бригады и вошел в соприкосновение с противником левее 3-го полка на участке 2-го латышского полка, к тому же времени впереди его находились части 151-й бригады. В 7 час. 40 мин. 3-й и 2-й латышские полки прошли через передовые части 151-й бригады и повели наступление за обладание 3-й неприятельской линией окопов Юшунских позиций. 1-й латышский полк (бригадный резерв) в 6 час. 20 мин. сосредоточился в Карт-Казак. К 0 час. сего числа 7-й полк, сменив 454-й полк, занял его участок от тракта Армянск — Симферополь исключительно на 1 версту вправо по линии буквы «с» на надписи «Соляное оз.»; к тому же времени 8-й полк занял участок 456-го полка от левого фланга 7-го полка на протяжении 1½ версты к юго-западной оконечности оз. Старое. 3-я бригада поддерживала влево тесную связь с частями 152-й бригады.

В 6 час. 30 мин. 7-й и 8-й полки перешли в наступление и после*... и ожесточенного боя, поддерживаемые сильным артиллерийским огнем наших батарей, порвали проволочные заграждения и с криком «ура» штыками*... ли противника из окопов, заняли таковые, захватив много пленных, продолжая преследовать отступающего противника, выдвинулись на 2 версты к юго-востоку от упомянутых позиций. Пленные — 3-го Дроздовского, 1-го Корниловского и 3-го Марковского полков.

Противником было брошено в бой две бронемашины и бронепоезд против участка 3-й бригады. Бронепоезду и броневикам, развивая сильный артиллерийский и пулеметный огонь, удалось прорвать нашу цепь, и под сильным артиллерийским и пулеметным огнем 7-й и 8-й полки вынуждены были отойти на 3-ю линию Юшунских позиций противника. После отданного приказа во что бы то ни стало перейти в дальнейшее наступление, в 9 час. 8-й полк, преодолевая упорное сопротивление противника, занял хутора, что на тракте Армянск — Симферополь и в 4 верстах восточнее Карт-Казак. 7-й полк под сильным ружейно-пулеметным

* Далее неразборчиво.

огнем противника продолжал дальнейшее наступление. 9-й полк (бригадный резерв) — на тракте в 2 верстах за действующими полками. Против участка 3-й бригады действовали 2 бронепоезда, 3 тяжелых орудия, 3 броневика и 1 танк. В 11 часов, преодолевая упорное и ожесточенное сопротивление противника, под сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем 7-й полк занял почт*... и с боем продолжал дальнейшее наступление. Около 9 часов противник обстреливал редким огнем тяжелой артиллерии с баржи, стоявшей в Перекопском заливе, хут. Карт-Казак. Части 1-й бригады с боем продвигались вперед наравне с частями 3-й бригады. Дивизионный резерв (2-я бригада) двигалась за впереди действующими бригадами.

Ввиду того что правифланговые части 51-й дивизии задержались у Чегер, 3-й бригаде было приказано занять линию тракт. Воронцова — Берды-Булат и резервным 9-м полком — р. Четарлык.

В 18 час. 30 мин. 2-й и 3-й полки с боем вышли на линию Бой-Казак — Кишкара — хут. графа Воронцова — тракт. Воронцова исключительно, 1-й полк (бригадный резерв) в хутор, что 3 версты западнее Юшуня. Штаб 1-й бригады в 18 час. 30 мин. прибыл в Юшунь. В 17 час. 10 мин. 7-й и 8-й полки с боем вышли на линию тракт. Воронцова включительно — Берды-Булат включительно, бригадный резерв (9-й полк) — в Берды-Булат; штаб 3-й бригады — в Юшунь.

Около 18 час. правифланговые части 51-й дивизии подходили к Бешеул. В то же время 8-й полк и левый 7-й полк с боем вышли на линию тракт. Воронцова — кол. Новокровская, оба пункта включительно. Дивизионный резерв (2-я бригада) к 16 час. сосредоточился в Юшуне, там же — штаб 2-й бригады. Латышский кавалерийский полк в 18 час. прибыл в хут. графа Воронцова и выслал разведку в южном направлении.

К 18 час. на участке дивизии бой утих и противник — части 1-го армейского корпуса, в полках которого после боя осталось по 50—60 штыков в каждом, — отступал в направлении Симферополя, бросая при этом всю тяжелую артиллерию 1-й позиционной артиллерийской бригады.

Связь со штабом армии и штадивом 51 — телеграфная через штадив 51, с подчиненными частями — телефонная и конная.

Потери: убито комсостава — 3, красноармейцев — 16, ранено комсостава — 9, красноармейцев — 110, без вести пропало красноармейцев — 15, лошадей убито — 7 и ранено — 3.

Трофеи: пленных 260, перебежчиков 260, пулеметов 4, пулеметных тележек 2, автотрусов 2, танк 1, тракторных орудий 3, замков орудийных 5, паровозов 2, грузовых автомобилей 2, 1 вагон с моторным газолитом, 2 вагона с керосином, 1 вагон и 1 платформа с колючей проволокой, 150 товарных вагонов, 50 платформ, 2 цистерны, 530 снарядов, 48 мин, 600 снарядов 6-дюймовых, 3000 снарядов 3-дюймовых, 600 ящиков винтовок разных систем, 640 ящиков с патронами «Льюиса», 120 ящиков австрийских патронов, 1700 ящиков германских патронов, 1000 ящиков русских патронов, 450 ящиков разных патронов, одна лошадь и две повозки.

* Далее неразборчиво.

12 ноября. Части дивизии продолжали движение в направлении на юг и юго-запад, не имея соприкосновения с противником. К 18 часам части 1-й бригады передовыми частями выдвинулись на линию устье р. Самары — Унгар-Найман — Джелишай исключительно; бригадный резерв (1-й полк) в 17 час. расположился в хут. Сарай, что 3 версты севернее Бой-Казак, штаб 1-й бригады в 19 час. прибыл в хут. Кишкара. Части 3-й бригады к 17—18 час. заняли линию Джелишай — Новокровская, оба пункта включительно, резервный 9-й полк в 18 час. 45 мин. расположился в районе тракт. Воронцова. Дивизионный резерв — 2-я бригада — 5-й полк в 18 час., 4-й полк и штаб бригады к 24 часам прибыли и расположились в районе Берды-Булат, к тому же времени в Берды-Булат прибыл 1-й латышский кавалерийский полк, штаб Латышской дивизии в Армянске.

13 ноября. Латышской дивизии приказано продолжать преследование противника в южном и юго-западном направлениях, а коннице дивизии в ночь на 14 ноября совместно с приданным Латышской дивизии 47-м бронеотрядом овладеть г. Евпаторией.

Части продолжали движение, не имея соприкосновения с противником, поддерживая связь влево со 2-м полком огневой ударной бригады, для выхода к вечеру на линию оз. Бакальское — Кадыш-Мурзабек — Аймамшак исключительно.

Для удара и овладения Евпаторией составлена ударная группа в составе 1-го латышского кавалерийского полка, 47-го бронеотряда и команд пеших разведчиков 7-го и 8-го полков при 1 легкой орудии, которая выступила сего числа для выполнения данной задачи.

Части 1-й бригады к 22 час. выдвинулись главными силами на линию оз. Бакальское — Натальевка — Кадыш, а передовыми частями — на линию Танабай — Сыртай-Каспарью — Каспарью-Эльгери — Агай, имея резервный 1-й полк в районе Аманша — Абай-Смани; штаб 1-й бригады в 16 час. 30 мин. расположился в Мунай. 3-я бригада к 17—18 час. главными силами выдвинулась на линию Кадыш — Эни-Аличек — Аймамшак а передовыми — на линию Бай-Булак — Дувановка — Биюк-Бузак — Улан-Голы. Бригадный резерв, 8-й полк в 20 час. 15 мин. сосредоточился в районе Айкаул № 1 и № 2, что 6 верст юго-западнее дер. Мунай. Штаб 3-й бригады в 21 час. прибыл и расположился в Айкаул. Дивизионный резерв, 2-я бригада к 18—20 час. расположились в районе Болотчи — Эски-Аличек — Бешуй, а штаб бригады — в Каджанбак. Оперативный штаб дивизии в 21 час. прибыл в Каджанбак. Связь со штабом армии, со штадивом 51 и с подчиненными частями — мотоциклетная и конная.

По данным разведки, в направлении Евпатории действующие части противника не отступили, а только запасной батальон 13-й пехотной дивизии в составе до 500 человек и запасной батальон Марковской дивизии отступили в этом направлении. Упомянутые запасные батальоны, подходя к гор. Евпатория, почти полностью рассеялись, и из них погрузилось на суда не более 50—70 человек от каждого. Вечером 11 ноября власть в гор. Евпатории перешла в руки Совета местных рабочих.

Сего числа 9-й полк взял в дер. Джурчи оставленные противником 4-, 6-дюймовые орудия и 2 трактора. На Симферопольском тракте около Токульчак [взято] одно 3-дюймовое орудие и [на] хут. Токульчак одно 3-дюймовое орудие.

14 ноября. Рано утром сего числа ударная группа Латышской дивизии вошла без боя в гор. Евпаторию; в 14 час. туда же прибыл полевой штаб дивизии. Командармом приказано не позже 24 час. 15 ноября Латышской дивизии выйти к побережью Черного моря на всем протяжении от оз. Бакальское через Тарханкутский маяк и Евпаторию до устья реки Кача. Для выполнения этой задачи частями дивизии приказано: 1-й бригаде занять и охранять участок Крымского побережья от оз. Бакальское через Ак-Мечеть и Тарханкутский маяк до оз. Донузлав исключительно. 2-й бригаде занять и установить охрану участка побережья ст. Сакское соленое оз. включительно до устья реки Кача исключительно одним полком, а другой полк бригады сосредоточить в районе Новодмитриевка — Чебарди — Михайловка — Ивановка — Маккай, полку быть в дивизионном резерве. 3-й бригаде иметь в гор. Евпатория 2 полка для гарнизонной службы, подчиненным 3-й бригаде 1-м латышским кавалерийским полком установить наблюдение побережья от оз. Донузлав включительно до Евпатории исключительно; пехотными частями, находящимися в гор. Евпатория, установить наблюдения побережья от Евпатории включительно до Сакского соленого оз. исключительно. 1 полк бригады сосредоточить в районе Актачи — Каракурт — Котур, в диврезерве.

Оперативный штаб дивизии в 21 час. прибыл в гор. Евпатория.

15 ноября. Части Латышской дивизии вышли к побережью и заняли участок: 1-я бригада — 14 ноября, 3-я бригада — 14 ноября и 2-я бригада сего числа; участок дивизии охраняется следующим образом: 1-я бригада от оз. Бакальское включительно до оз. Донузлав исключительно, штабриг 1 Донузлав. Участок от оз. Донузлав включительно до Евпатории исключительно охраняется 1-м латышским кавалерийским полком, подчиненным 3-й бригаде, участок гор. Евпатория включительно до оз. Сакское исключительно — частями 3-й бригады, находящимися в гор. Евпатория. 2 полка 3-й бригады в гор. Евпатория несут гарнизонную службу, 8-й полк в дивизионном резерве — в районе Актачи — Каракурт — Котур. Штабриг 3 — [в] гор. Евпатория. Участок от Сакское оз. включительно до устья р. Кача исключительно охраняется 1-м полком 2-й бригады. Другой полк 2-й бригады расположен в районе Новодмитриевка — Чебарди — Михайловка — Ивановка — Маккай в дивизионном резерве. Штаб 2-й бригады — в Саки.

В 15 час. сего числа причалил к пристани гор. Евпатория однотрубный пароход с командой в 21 чел., которых белые хотели увести*... нулись.

Связь со штабом армии телеграфная, со штабригами 2 и 3 — телефонная, со*... бригом 1 — конная.

* Далее неразборчиво.

16 ноября. На участке 1-й бригады найдены в дер. Караджа одна неисправная радиостанция, в дер. Тойтебе — один привязной аэростат противника. Связь со штабом армии и штабом 2-й бригады — телеграфная, со штабригом 3 — телефонная, с остальными частями — конная. Расположение частей без перемен.

Начальник штаба Латышской дивизии

Комиссар штаба

Начальник оперативного отдела

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 338, лл. 13, 14. Копия.

IV

ОЦЕНКА БОРЬБЫ
ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ
И ОПИСАНИЯ
ИХ БОЕВЫХ ПОДВИГОВ

№ 97

Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о награждении 5-го Земгальского латышского стрелкового полка Почетным красным знаменем.

20 августа 1918 г.

Слушали:

Ходатайство Народного комиссариата по военным делам о награждении 5-го Земгальского полка Почетным знаменем за самоотверженную и храбрую защиту гор. Казани.

Постановили:

Вопрос представления Почетного знамени латышскому 5-му Земгальскому полку утвердить. Поручить тов. Теодоровичу исполнить настоящее постановление.

Поручить тт. Свердлову, Теодоровичу и Аванесову выработать текст приветственной телеграммы Латышскому полку, коммунистическому Казанскому и Мусульманскому коммунистическому отрядам за самоотверженную и храбрую защиту г. Казани.

Председатель ВЦИК Я. Свердлов
Секретарь ВЦИК В. Аванесов

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 35, д. 24, л. 54. Копия.

№ 98

Выдержка из приветственного выступления председателя ВЦИК Я. М. Свердлова на съезде Советов рабочих, безземельных и стрелков объединенной Латвии.

13 января 1919 г.

Товарищи! В вашем лице приветствую I съезд рабочих, безземельных и стрелковых Советов объединенной Латвии. Я приветствую от имени Центрального Исполнительного Комитета в вашем лице те десятки тысяч, которые своей кровью добыли эту свободу. В вашем лице я приветствую те массы, которые в борьбе за возвращение своих прав, отнятых у них германским империализмом, подготовили тот праздник, который мы празднуем сейчас.

Товарищи, ни с одной другой частью мира мы не связаны так тесно, как мы связаны с Красной Латвией.

Тысячи из лучших товарищей, которые были изгнаны отсюда полчищами германского империализма, в России сохранили свое единство и шли вместе с нами. Ни с кем мы так не связаны, как со стрелками Латвии.

Газ. «Сира», 16 января 1919 г., № 7, стр. 1, 2. Перевод с латышского.

№ 99

Из приказа по XIV армии о награждении орденом Красного Знамени командиров и красноармейца Латышской стрелковой советской дивизии, отличившихся в боях на Южном фронте.*

№ 175

18 декабря 1919 г.

Награждаются орденом Красного Знамени:

Командир латышского кавалерийского полка Кришьян за то, что в бою под с. Сабуровка 5 ноября с. г. личным примером увлек свой полк вперед, разбив совместно с 2-м червонным казачьим полком 2-й и 3-й Корниловские полки и захватив при этом орудия, пулеметы и пленных, и за взятие лихим ударом 15 ноября и 3 декабря с. г. гор. Льгова и ст. Готня.

Конный разведчик 3-го латышского стрелкового полка Калис Яков за искусное, несмотря на тяжелое ранение, выполнение в ночном бою 20 октября с. г. у хут. Загнилецких под сильным пулеметным и ружейным огнем противника возложенного командиром 4-й роты поручения, результатом чего явилась своевременная поддержка роты, охваченной неприятельской кавалерией, и отражение противника, оставившего 11 человек убитыми, в том числе эскадронного командира.

Отделенный** командир того же полка Скудра Вольдемар за отличное командование отделением при отбитии атак противника в бою 25 октября 1919 г. в районе дер. Сухая, причем тов. Скудра, будучи ранен, не оставил строя до вторичного тяжелого ранения.

Основание: Приказ Реввоенсовета Республики с. г. № 511, ст. 2, п. а.

Справка: Наградной список 3-го латышского стрелкового полка.

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 250. Копия.

№ 100

Приказ по XIV армии о награждении начальника разведки Латышской стрелковой советской дивизии именными часами за образцовую службу.

№ 185

31 декабря 1919 г.

С прибытием Латышской дивизии в состав армии и вводом ее в бой [она] заметно начала выделяться в смысле своевременности, полноты, хорошей обработки и точности представляемых сведений о противнике.

* Объявлен приказом по Латышской стрелковой советской дивизии № 28 от 16 февраля 1920 г.

** В документе «отдельный».

каковая работа лежала на обязанности заведующего разведкой в дивизии тов. Ивана. Благодаря его вниманию, планомерной работе и правильной оценке доставляемых от частей войск часто неполных и даже противоречивых сведений, удавалось своевременно выяснить группировку сил противника перед фронтом дивизии и принимать правильные меры по ведению боевых операций, как, например, в период напряженных боев под Орлом и Кромами был точно выяснен состав и количество Корниловской дивизии, во время операции под Фатежом была установлена точная группировка сил противника.

Реввоенсовет армии, отмечая такую полезную деятельность, сопряженную с затратой большого труда и энергии на обработке сведений о силе, составе и группировке противника, в поощрение трудов постановил заведующего разведкой Латышской дивизии тов. Ивана наградить золотыми часами с надписью «от РВС армии» и выражает уверенность, что и все остальные начальники разведки в дивизиях и бригадах будут своевременно доставлять ценные сведения о противнике, дабы помочь высшему командованию скорее и окончательно победить контрреволюцию, укрепить союз пролетариев всего мира и начать строительство новой жизни в мирной обстановке.

Подлинный подписали: командующий армией Уборевич
член Реввоенсовета Орджоникидзе
начальник штаба Мармузов
военный комиссар Батулин

ЦГАСА. ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 250. Копия.

№ 101

Из приказа по Латышской стрелковой советской дивизии с объявлением списка командиров и красноармейцев дивизии, награжденных орденом Красного Знамени.

№ 5

гор. Харьков

7 января 1920 г.

§ 1. При сем объявляется список лиц командного состава и красноармейцев вверенной мне дивизии, награжденных Реввоенсоветом XIV армии орденами Красного Знамени за совершенные ими подвиги в боях с врагами РСФСР.

№ п/п	Какой части	Занимаемая должность	Фамилия, имя и отчество	№ ордена
1	5-й латышский стрелковый полк	Командир батальона	Шенин Анс Фрицевич	1157
2	6-й латышский стрелковый полк	Командир полка	Лабренц Фриц Ансович	154

№ п/п	Какой части	Занимаемая должность	Фамилия, имя и отчество	№ ор-дена
3	6-й латышский стрелковый полк	Помощник командира полка	Апин Ян Михайлович	501
4	7-й латышский стрелковый полк	Командир батальона	Кенгер Петр Петрович	163
5	7-й латышский стрелковый полк	Разведчик 1 разряда	Егоров Георгий Кондратьевич	164
6	8-й латышский стрелковый полк	Командир полка	Бокис Густав Густавович	182
7	8-й латышский стрелковый полк	Помощник командира взвода	Глаицберг Август Янович	181
8	9-й латышский стрелковый полк	Красноармеец	Балод Эрнест	173
9	2-й легкий артдивизион	Командир батареи	Слепков Петр Михайлович	506
10	2-й легкий артдивизион	Наводчик	Балод Яков Матвеевич	503
11	3-й легкий артдивизион	Командир батареи	Орлов Алексей Степанович	174
12	3-й легкий артдивизион	Наводчик	Лемешев Александр Семёнович	1155

Справка: удостоверения Реввоенсовета XIV армии за №№ 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 47, 48, 49, 50, 51.

ЦГАСА, ф. 1754, оп. 1, д. 520, л. 197. Копия.

№ 102

Обращение Ликвидационной комиссии правительства Советской Латвии к латышским советским стрелкам с выражением признательности за мужество и стойкость в борьбе против белогвардейских войск.*

*Не позднее 21 мая 1920 г.***

КРАСНЫМ ЛАТЫШСКИМ СТРЕЛКАМ — БОРЦАМ И ГЕРОЯМ РЕВОЛЮЦИИ

Вдали от родины, в объятиях южного солнца, вы сокрушаете власть белогвардейщины и освобождаете путь к социалистической революции. Своим революционным мужеством и стойкостью вы помогли очистить необъятную ширь Советской России от банд угнетателей. Своей кровью завоевали и обеспечили государство пролетарской диктатуры. Неувядаемую славу соткали классу латышских батраков и рабочих.

* Объявлено приказом по Латышской стрелковой советской дивизии № 88 от 21 мая 1920 г.

** Дата приказа.

С подавленной в сердце болью пришлось вам покинуть так долго и неисчислимо раз угнетаемую землю — Латвию. Международная реакция, палач немецких рабочих — социал-предатель Носке направил против революционной армии Советской Латвии в подавляющем числе темные силы реакции, сокрушившие вновь созданную рабочую Советскую Латвию.

Теперь международная конъюнктура, назло все возрастающей во всех странах революционной борьбе, сложилась так, что Советская власть вынуждена была оставить последнюю область Латвии — Латгалию.

Правительство Советской Латвии, передав свои полномочия и суверенную власть в Латвии Центральному Комитету Латвийской Коммунистической партии, этим оканчивает свою деятельность, понятно, только на время, и ликвидирует оставшееся свое имущество. Признавая и высоко ставя ваши великие заслуги в революционной борьбе как на пользу Советской Латвии, так и Советской России, Ликвидационная комиссия правительства Советской Латвии высказывает вам самую сердечную благодарность и признательность. Вместе с тем посылает вам небольшой подарок, который вы получите через отдел снабжения дивизии.

В Латвии коммунистическая борьба продолжается. Скоро опять вновь будет развеяться красное знамя в Риге и во всей Латвии.

Товарищи стрелки! Мужество и стойкость!

Да здравствует Красная Советская Латвия!

Да здравствует авангард борцов Латвии — красные латышские стрелки!

Да здравствует коммунизм!

По поручению Ликвидационной комиссии
правительства Латвии Симан Бергис

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 306. Копия.

№ 103

Рапорт военного комиссара Латышской стрелковой советской дивизии Реввоенсовету XIII армии с ходатайством о награждении орденом Красного Знамени начальника 3-й стрелковой дивизии за умелое командование и личную храбрость.

№ 431

27 июня 1920 г.

с. Меловое

Считаю своим долгом ходатайствовать перед Реввоенсоветом XIII армии о представлении к награде начдива 3-й стрелковой тов. Козицкого за период боев с 7 по 19 июня с. г.

В указанный период дивизия, а впоследствии (с 8 июня) и приданные ей еще 3 пехотные бригады (85-я бригада, 124-я бригада, 154-я бригада) вынесла целый ряд ожесточенных боев с превосходящими в 3—4 раза силами противника. Группа, не имея связи ни вправо, ни влево с соседями, неоднократно окружаемая противником (Агайман, Нижние Серогозы, Рубановка, М. Белозерки, Орлянка), отбивала все яростные

атаки, нанося огромные потери противнику, медленно отходила, пробиная себе дорогу, задерживаясь на каждом удобном месте, и к 19 июня вышла из местности, занятой противником, неся небольшие потери живой силы и не потеряв ни одной пушки, ни пулемета. Вся указанная боевая операция была проведена под непосредственным личным руководством начдива 3 тов. Козицкого. Тов. Козицкий проявил максимум энергии и умения в маневрировании своими частями, благодаря чему противнику не удалось не только уничтожить группу или нанести значительный ущерб, а наоборот, при всякой попытке [он] терпел огромные потери и только своей многочисленностью давил группу и заставлял ее отходить. Тов. Козицкий, лично находясь непосредственно в передовых частях, совместно с штадивом в поле отдавал боевые приказы, всегда появляясь в самом трудном и серьезном месте, ободряя комсостав и красноармейцев, вселяя в них веру в возможность выхода и т. д.

Указывая на деятельность начдива во время 12-дневного непрерывного боя: на его деятельность, командование и личную храбрость, ходатайствую перед Реввоенсоветом о представлении к очередной награде тов. Козицкого. (Тов. Козицкий награжден уже одним орденом Красного Знамени.)

О последующем прошу уведомить.

Военный комиссар Латдивизии

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 17, л. 3.

№ 104

Описания подвигов командиров и красноармейцев Латышской стрелковой советской дивизии в боях на Южном фронте

20 августа — 18 сентября 1920 г.

Описание подвига группы телефонистов 3-го латышского стрелкового советского полка в бою под хут. Терны 14 августа 1920 г.

№ 1135

20 августа 1920 г.

В бою 14 августа 1920 г. под хут. Терны во время наступления колоннами неприятельской пехоты, которая угрожала соседним частям, телефонисты Бирзул, Гултенек, Сим, Бане и Яроцкий под сильным ружейным и пулеметным огнем неприятеля установили телефонную связь вправо и влево, по которой можно было быстро сообщить соседним частям об угрожающей опасности и дать возможность вызвать наши бронев автомобили, которые рассеяли неприятельские колонны.

В тот же день на участке полка неприятельская конница пыталась прорвать нашу передовую цепь и проникнуть в наш тыл. Упомянутые телефонисты быстро установили телефонную связь на очень удобном месте для артиллерийского наблюдателя и давали указания артиллерии о месторасположении неприятельской конницы.

И. д. командира 3-го латышского стрелкового полка

Комиссар полка

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 186. Копия.

№ 1113

20 августа 1920 г.

В бою 12 августа 1920 г. по дороге гор. Каховка — Чаплинка начальник пулеметной команды Берзин, находясь все время в передовой цепи, умело руководя пулеметным огнем полка, отбивая бешеные атаки кавалерии и бронеавтомобилей неприятеля, не дал противнику прорваться через фронт полка, причем был контужен. Зная, как необходим во время боя начальник, он, несмотря на контузию, все же остался в строю и, воодушевляя своим примером подчиненных, способствовал отбитию неприятельской кавалерии.

В бою 13 августа 1920 г. под хут. Терны, когда противник особенно напирал на правый фланг полка, лично бросился с резервным пулеметом на угрожаемый участок полка и под убийственным огнем неприятельской артиллерии и пехоты, установив пулемет на позиции и, несмотря на вторичную контузию, руководя за все время боя огнем пулемета, отбил непомерно нападающего противника.

И. д. командира 3-го латышского стрелкового полка

Комиссар полка

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 165. Копия.

Описание подвига группы красноармейцев 3-го латышского стрелкового советского полка в бою под хут. Каменный Кол 12 августа 1920 г.

№ 1119

20 августа 1920 г.

12 августа 1920 г. на дороге гор. Каховка — Чаплинка, под хут. Каменный Кол, неприятель произвел атаку на наши позиции с 4 бронеавтомобилями при поддержке кавалерии. Красноармейцы Полис, Антонов, Страздынь, Грунштейн, Муйжземнек, Михайловский и Грикис собрали ручные гранаты и под артиллерийским и пулеметным огнем бронеавтомобилей бросились навстречу последним и отбили атаку, забросав противника ручными гранатами.

И. д. командира 3-го латышского стрелкового полка

Комиссар полка

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 214. Копия.

Описание подвига группы красноармейцев 3-го латышского стрелкового советского полка в бою в районе гор. Каховка 14 августа 1920 г.

№ 1126

20 августа 1920 г.

В бою 14 августа 1920 г. в районе гор. Каховка, на дороге Каховка — Чаплинка, красноармейцы Яунзем, Фрицковский, Кризловский, Гнезе и Бомис, несмотря на артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь

противника по нашей линии, добровольно пробрались с пулеметами впереди нашей цепи и, спрятавшись за бугорком, за все время боя 5 раз подпустили неприятельские колонны в 20 шагах и совершенно неожиданно для противника открыли по ним пулеметный огонь. Благодаря отчаянности названных красноармейцев противник был вынужден каждый раз отойти с большими потерями.

И. д. командира 3-го латышского стрелкового полка

Комиссар полка

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 177. Копия.

Описание подвига команды разведчиков 8-го латышского стрелкового советского полка 27 августа 1920 г.

*Не ранее 27 августа 1920 г.**

При налете в ночь на 27 августа с. г. на расположение сторожевого охранения противника разведчики Зутис Ян, Вальдсон Карл, Вилкс Карл, Русман Ян, Заринь Густав, Экштейн Вернер, Лапинь Ян и Спаре Ян, проявляя личное мужество и храбрость, бросились первые на пулеметные окопы противника, захватили оба пулемета, не давая возможности противнику даже и выстрелить, нанеся тем замешательство в рядах численно превосходящего противника. В результате были захвачены богатые трофеи, в том числе 2 пулемета, несколько лошадей, 10 пленных, много убитых у противника, в том числе 5 офицеров.

Врид начальника команды пеших разведчиков

Свидетельствую:

Командир полка

Врид военного комиссара

И. д. полкового адъютанта

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 542. Копия.

Описание подвига начальника команды разведчиков 8-го латышского стрелкового советского полка в бою под хут. Марьяновский 23 августа 1920 г.

*Не ранее 28 августа 1920 г.**

23 августа в бою под хут. Марьяновский 1-я рота под фланговым ударом противника отошла. На поддержку была выдвинута команда пеших разведчиков во главе с тов. Янсон. Тов. Янсон искусным маневром во главе своей команды бросился в тыл и во фланг обходившему противнику и тем спас положение, благодаря чему противник понес большие потери.

28 августа во главе команды произвел налет на расположение противника, причем обдуманным маневром захватил в плен роту 51-го Литов-

* Датируется на основании даты, упоминаемой в документе.

ского пехотного полка и 2 пулемета, причем противник потерял убитыми 3 офицеров и 5 солдат.

Вообще во всех боях тов. Янсон всегда и везде проявляет инициативу, храбрость и всегда выходит из разных обстановок победителем.

Комлатполка 8

Военный комиссар

Адъютант

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 517. Копия.

Описание подвига командира 7-го латышского стрелкового советского полка в боях у хут. Каменный Кол 9 августа и хут. Александровский 30 августа 1920 г.

*Не ранее 30 августа 1920 г.**

Противник в 12 час. 9 августа с. г., нащупав прорыв между левым флангом 1-й латышской бригады и правым флангом 154-й бригады в районе Каменный Кол, пустил в этот прорыв кавалерию в обход правому флангу 154-й бригады. Части названной бригады, не выдержав натиска, стали отходить в северном направлении правее шоссе Каховка — Чаплинка. Для ликвидации противника был двинут из хут. Цукур 7-й латышский полк. Командир полка тов. Вирс, учитывая обстановку, ударил противнику во фланг в северо-восточном направлении на хут. Куликовский. Конница противника, не выдержав лихого и стремительного удара 7-го латышского полка, рассеялась и отошла на юг и юго-восток, и 7-м латышским полком был вновь занят Каменный Кол и тем дана была возможность соседним частям восстановить прежнее положение. В данном случае тов. Вирс проявил неоценимые качества командира: решительность, умение быстро разобраться в обстановке, учесть момент и выбрать место удара, воодушевить стрелков и увлечь последних за собою и тем добиться исполнения поставленной ему задачи.

В бою 30 августа с. г. под хут. Александровка 1-я в то время, когда части 1-й латышской бригады отошли к хут. Балтазаровскому, тов. Вирс, несмотря на прорыв (около 4—5 верст) между частями 1-й латышской бригады и левым флангом 7-го латышского полка, продолжал с полком оставаться на занимаемых позициях и отбивать яростные атаки превосходящего численностью противника, упорно старающегося сбить части 7-го латышского полка. Одновременно с фронтальным** наступлением противник, пользуясь прорывом между 7-м латышским полком и 1-й латышской бригадой, обошел левый фланг 7-го латышского полка и ударил во фланг и тыл названного полка. Тов. Вирс, видя безвыходность положения и имея в резерве лишь малочисленную команду пеших разведчиков, решил биться до последнего и, лично встав во главе команды пеших

* Датируется на основании даты, упоминаемой в документе.

** В тексте — «фронтным».

разведчиков, своим примером и беззаветной храбростью увлек последнюю за собой и лихим стремительным и умелым маневром атаковал во фланг во много раз превосходящего численностью противника, опрокинул его и отбросил, с большими для него потерями, в южном направлении, не дав, таким образом, противнику возможности распространиться в тылу наших частей и отрезать их от соседей.

Вообще тов. Вирс во всех случаях проявляет личную храбрость, инициативу, энергию, решительность, умение быстро разбираться в создающейся обстановке и принятии мер противодействия и является одним из лучших командиров.

И. д. командира 3-й бригады Латышской стрелковой дивизии

Комиссар бригады

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 496. Копия.

Описание подвига телефонистов 8-го латышского стрелкового полка Аспер Яна Яновича, Эльфиг Якова Яновича и Миксон Александра Мартыновича.*

*Не ранее 3 сентября 1920 г.***

Во время нашего наступления 24 августа, несмотря на сильный артиллерийский (на участок полка выпущено около 2000 снарядов), ружейный и пулеметный огонь, исправляли много раз порванный стрельбой провод и этим способствовали поддержанию непрерывной связи с бригадой и соседними частями, с которыми зрительной связи не было.

3 сентября при внезапном налете противника не растерялись, когда остальные телефонисты убежали, остались на своем месте, несмотря на сильный обстрел из пулеметов, и благодаря им телефонной связью удалось информировать соседние части и штабы бригад.

Начальник связи

Комлатполка 8

Военный комиссар

Адъютант

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 525. Копия.

Описание подвига красноармейцев пулеметной команды 5-го латышского стрелкового советского полка в бою под хут. Масловки и дер. Черненька 15—29 августа 1920 г.

№ 2280

9 сентября 1920 г.

Составлен 9 сентября 1920 г. на красноармейцев 5-го латышского стрелкового полка, пулеметной команды, отличившихся в боях 15, 21 и 29 августа с. г. под дер. Черненька и хут. Масловка Таврической губернии Днепровского уезда Каховской волости.

* Заголовок документа.

** Датируется на основании даты, упоминаемой в документе.

1. Начальники пулеметов: Ковальков Иван Карлович, Лазарь Эдуард Рихардович и Лайвинь Вольдемар Янович 15 сего августа при наступлении полка на дер. Черненьку в бою, несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника, выдвинули пулеметы на тачанках во фланг противнику и открыли по нему сильный огонь, чем заставили части противника оставить свои позиции, причем был ранен начальник пулемета Лазарь Эдуард.

2. Начальник пулемета Герман Эдуард Августович и наводчик Паунин Станислав Яковлевич 21 августа с. г. в бою под дер. Черненька под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника выдвинули пулемет впереди роты и открыли сильный огонь, своим примером и мужеством увлекая других пулеметчиков и стрелков вперед, чем способствовали занятию нашими частями намеченных позиций, причем был ранен наводчик Паунин Станислав Яковлевич.

3. Начальник пулемета Ланка Мартин Янович и наводчик Белков Николай Михайлович в бою 29 августа с. г. под хут. Масловка, когда 1-я рота наступала, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника выехали с пулеметом вперед и открыли сильный огонь из пулемета по противнику, чем значительно облегчили наступление роты и проявлением мужества воодушевляли стрелков.

Достоверность вышеизложенного подписями и приложением печати удостоверяется.

Врид командира 5-го латышского стрелкового полка

Врид комиссара

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 382. Копия.

Описание подвига взводного командира 2-й батареи сводного тяжелого гаубичного артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии в бою под хут. Балтазаровский 30 августа 1920 г.

9 сентября 1920 г.

30 августа 1920 г. тов. Залит временно командовал 2-й батареей Латышского сводного тяжелого гаубичного артиллерийского дивизиона, которая стояла на позиции у тракта слева, в 1 версте южнее хут. Балтазаровский, наблюдательный пункт тов. Залита был на стоге соломы у тракта же, в 3 верстах южнее позиции батареи. Батарея действовала на участке 1-й латышской бригады, которая занимала линию приблизительно в одной версте севернее Масловки — на запад, в 1/2 версте севернее хут. Кол-Магдалиновка. С рассветом противник при поддержке танков, брошенных на левый фланг Латышской дивизии к востоку от Масловки, повел наступление на 1-ю латышскую бригаду. Уже вечером выяснилось, что противник в то же время вошел в прорыв между 44-й бригадой 15-й дивизии и Херсонской группой и двигался в направлении

на Новая (Большая) Маячка и далее на Черненька (карта 3 версты в дюйме). Тов. Залит открыл огонь по танкам противника и заставил их отойти от Масловки к востоку. Когда под давлением противника лево-фланговая бригада (2-я латышская бригада) отошла на линию Кошара, что в 3 верстах к юго-востоку от хут. Балтазаровский, вследствие чего 1-я латышская бригада, которую обслуживал тов. Залит, также начала отход на хут. Балтазаровский, тов. Залит переместил батарею на северную окраину названного хутора в 150—200 саженях позади своей пехоты. Находясь на наблюдательном пункте в хут. Балтазаровском, непосредственно за нашими цепями, тов. Залит открыл огонь по 2 батареям противника и по бронемашинам (в количестве до 4), сгруппировавшимся в районе хуторов, что в 3—4 верстах к северу от Масловки. Батареи противника были приведены к молчанию, движение бронемашин в нашу сторону было остановлено, причем 1 броневик, возможно, был подбит, так как до наступления темноты оставался на одном и том же месте. Около 14 час. противник, отойдя перед тем к линии Масловка — Магдалиновка, снова перешел в наступление на стыке 1-й и 2-й латышских бригад, причем выкатил в 2 местах в районе 3—4 версты к югу от хут. Балтазаровский 5 легких орудий на открытую позицию и открыл сильный ударный и дистанционный огонь по нашим цепям на окраине хут. Балтазаровский по наблюдательному пункту, где находился тов. Залит, и по 2-й батарее. Под огнем противника тов. Залит, открыв огонь из вверенной ему 2-й тяжелой батареи, заставил батареи противника замолчать, разогнал прислугу и передки неприятельских батарей. Попытки противника взять орудия на передки в течение 3 час. ему не удалось, и, несомненно, в случае нашего наступления все 5 орудий противника оказались бы в наших руках. Уже под вечер противнику удалось снять по одному все орудия и скрыться в юго-восточном направлении, куда через некоторое время ушла и его пехота. Части 1-й и 2-й латышских бригад занимали позицию Кошара — хут. Балтазаровский — Волчий Пад до 10 час. 31 августа, когда им было приказано отойти за район Черная Долина — почтовая станция, откуда ударить во фланг противнику, занимавшему Черненьку. За примерное хладнокровие и быструю ориентировку, меткость и решительность веденного огня под сильным действительным артиллерийским огнем противника и огромную пользу, оказанную тов. Залитом в этом бою, вследствие чего левый фланг Латышской дивизии остался на месте и противнику не удалось обхват нашей дивизии со стороны Натальино и из прорыва (район Черненька), тов. Залит достоин быть награжденным орденом Красного Знамени.

Д[ействующая] Красная Армия

Командир сводтяжгаублатартдива

Врид военкома

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 45. Копия

В ночь с 4 на 5 сентября около 2 час. противник при поддержке 3 танков и 2 бронемашин потеснил передовые части и разведку 45-й бригады в районе тракта Каховка — Чаплинка. Потесненные наши части отошли в окопы за проволочные заграждения. Противник, преследуя отходящие наши части, пустил вперед 3 танка и бронемашины. Один из этих танков, встреченный артиллерийским огнем артиллерии 15-й дивизии, восточнее тракта Каховка — Чаплинка повернул на запад, приближаясь к участку западнее тракта, где артиллерией участка руководил тов. Ральцевич, который в этот момент находился у выдвинутого вперед, к окопам, противотанкового орудия 2-й батареи 2-го легкоартиллерийского дивизиона 15-й дивизии, находящейся в подчинении у тов. Ральцевича. Орудие, непосредственно руководимое Ральцевичем, подбило этот танк. К танку удалось подойти легкому неприятельскому броневнику, взявшему его на буксир и удалившемуся с ним по тракту на юг.

В то же время 2 других танка перешли наши проволочные заграждения, разрушив их на расстоянии около 15 сажен, перешли окопы на участке 45-й бригады восточнее тракта, где артучастком руководил начартдив 15, который принял соответствующие меры и подбил один из зарвавшихся танков под названием «Сфинкс». Тов. Ральцевичу, руководившему соседним к западу артучастком, начартом Латышской дивизии приказано было выслать разведку к востоку от тракта на участок 15-й дивизии с целью разыскать еще не подбитый и находящийся в тылу проволочных заграждений танк, самому же с легким орудием двинуться на участок 15-й дивизии и по розыске танка уничтожить его. Тов. Ральцевичем задача эта выполнена была блестяще.

Надо заметить, что к тому времени (4 час. 30 мин.) 135-й полк, не выдержавший пулеметного огня с тыла с танка и натиска прорвавшейся пехоты противника с фронта, отошел от окопов на несколько сот шагов, оставив танк впереди себя. Таким образом, тов. Ральцевичу приходилось вести орудие между нашим и неприятельским расположением, рискуя быть обстрелянным, ввиду густой темноты, как с той, так и с другой стороны. Но благодаря своей энергии, спокойствию, хладнокровию и умению подчинить своей воле действия вверенных ему частей тов. Ральцевич довел орудие до того расстояния, когда стал обрисовываться в темноте силуэт танка, невзирая на оружейный и пулеметный огонь пехоты и бронемашин противника, и открыл огонь по танку. Ввиду близкого расстояния от неприятельской пехоты, не желая себя обнаружить, орудие не могло пользоваться зажженными фонарями, необходимыми для установки в темноте прицельных приспособлений. Пришлось орудью давать угол возвышения на глаз, не пользуясь прицельными приспособлениями, но в этом помогла опытность тов. Ральцевича как артиллерииста; вскоре надлежащий угол возвышения был отыскан, и после 9-го выстрела танк запылал, у него оказался разбитым бак для бензина

и была пробойна в борту. Танк под названием «Сибиряк» остался в нашем расположении. Увидя пылающий танк, наша пехота с криком «ура!» бросилась вперед и смаху заняла вновь окопы.

Доблестная работа прочих артиллеристов этого дела отмечена нач-артдивом 15 в его представлении начдиву 15 об награждении.

Таким образом, в ночь с 4 на 5 сентября под непосредственным руководством тов. Ральцевича подбиты 2 танка, к этому следует прибавить, что под его же руководством 14 апреля в боях под Перекопом подбит был 1 танк, вывезенный с поля боя на буксире другим неприятельским танком. 7 июня под его же руководством огнем 3-й гаубичной батареи уничтожен при отходе из хут. Преображенка (под Перекопом) 1 большого типа танк, разбит был у него бензинный бак, и взрывом бензина танк был уничтожен.

Таким образом, за тов. Ральцевичем числится 4 победы над неприятельскими танками.

Следует отметить, что тов. Ральцевич неоднократно выделялся своей работой в составе Латышской дивизии и был неоднократно представлен к награждению орденом Красного Знамени, но его энергия, трудоспособность, опытность, умение оценить обстановку и находиться в наиболее угрожаемом пункте, презрение грозящей опасности, мужество, глубочайшая преданность делу пролетарской революции (тов. Ральцевич принадлежит к партии коммунистов) и честнейшее отношение к своему долгу до сих пор ничем не отмечены.

Начальник артиллерии Латдивизии

Комиссар

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 23. Копия.

Описание подвига командира 6-й роты 3-го латышского стрелкового советского полка в бою за хут. Балтазировский 24 августа 1920 г.

№ 1342

14 сентября 1920 г.

Ночью с 23 на 24 августа 1920 г. в бою за обладание хут. Балтазировский командир 6-й роты — вр. командующий 3-й ротой Андрей Фрицевич Эглит — очутился с ротой, благодаря громадному прорыву между соседними частями, обойденным противником, что вызвало командование* в рядах роты, благодаря этому противник мог легко деморализовать действие всего батальона по отношению к выполнению общей задачи. Командир роты Эглит понял критическое положение, решительным маневром, несмотря на убийственный огонь, открытый противником из громадного числа пулеметов, выскочил впереди роты и с криком «ура!» бросился на противника, воодушевляя личным примером малодушных, которые, увидев пример своего командира, лавиной опрокинулись на противника, который не выдержал стремительного удара и бежал. При попытке противника контратакой взять обратно

* Так в документе.

хут. Балтазаровский командир роты Эглит служил образцовым примером распорядительности и хладнокровия, что способствовало отбитию наседающих масс противника. При преследовании противника, после произведенной им контратаки, командир роты Эглит был тяжело ранен.

И. д. командира 3-й латышского стрелкового полка
Комиссар полка

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 135.

Описание подвига наводчика 3-й батареи сводного тяжелого гаубичного артиллерийского дивизиона в бою у хут. Преображенка 7 июня 1920 г.

№ 794

17 сентября 1920 г.

7 июня 1920 г. 3-я батарея до 3 час. стояла повзводно: 1-й взвод правее дороги Чаплинка — хут. Преображенка в саду, на северной окраине хутора; 2-й взвод стоял на позиции левее дороги на северо-восточной окраине хут. Преображенка около рощи, отстоящей от хутора сажен на 80. Около 2 час. противник с превосходящими силами при помощи танков и броневиков пошел в наступление и сбил нашу пехоту. Дабы прикрывать артиллерийским огнем планомерный отход пехоты с открытой позиции, батарея снялась со своей первоначальной позиции, так как обстрелу мешал сад, в котором батарея стояла, и сильный артиллерийский огонь противника, обрушившийся на нее. Выехав из сада, батарея столкнулась с неприятельским танком, который, заметив батарею, открыл по ней пулеметный и артиллерийский огонь; первое орудие быстро снялось с передка и вступило в бой с танком, несмотря на то что наша пехота была за линией позиции батарей. Наводчик орудия тов. Эглит Альберт, благодаря своему хладнокровию и умелой работе, метким попаданием с четвертого снаряда на дистанции 120 саженей уничтожил танк и тем самым дал возможность отойти без потерь пехоте, отрезанной танком.

За сей самоотверженный подвиг тов. Эглит достоин быть награжден орденом Красного Знамени.

Действующая Красная Армия

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 66. Копия.

Описание подвига старшего команды связи 2-й батареи сводного тяжелого гаубичного артиллерийского дивизиона.

№ 3019

18 сентября 1920 г.

Ночью с 17 по 18 августа, когда батарея заняла после дневного боя позицию на окраине хут. Каменный Колодец, начальник связи батареи приказал тов. Краузе вести телефонную связь вдоль столбовой дороги на Чаплинку в пехотную линию, где предполагалось иметь наблюдательный пункт. Тов. Краузе в сопровождении 2 конных телефонистов и 1 разведчика направился вдоль по столбовой дороге, осматривая и починяя правительственный провод. Проехав верст 7, тов. Краузе встретил 2 кон-

ных, которые открыли по ним огонь. Повернув обратно и немного отъехав, тов. Краузе при свете восходившего солнца заметил, что находится в тылу у противника и что группа в 12—15 всадников пытается окружить их. Однако тов. Краузе не растерялся и приказал одному из конных телефонистов с телефонными аппаратами и проводом возвращаться обратно, сам с остальными двумя своими спутниками отстреливался и в течение некоторого времени сдерживал натиск противника, чем дал возможность вывезти телефонное имущество и выйти невредимыми нашими бойцам.

Кроме изложенного, тов. Краузе неоднократно проявлял свою неустрашимость и исполнительность. Так, в бою близ хут. Балтазаровский 2 сентября он вдвоем с телефонистом вел линию на наблюдательный пункт, расположенный на хуторе, находившемся в этот момент под сильнейшим артиллерийским огнем противника, обстреливавшего отступавшие наши обозы. Под дождем снарядов была убита осколком гранаты, разорвавшейся в двух шагах от тов. Краузе, его лошадь. Однако тов. Краузе не растерялся и пешком сам продолжал тянуть линию, которая была готова почти сейчас же после прибытия на пункт командиров дивизиона и батареи, проехавших туда верхом, что дало возможность немедленно поддержать нашу отступавшую под напором неприятеля пехоту. Изложенное делает тов. Краузе достойным награждения орденом Красного Знамени (или ценным подарком).

Действующая Красная Армия

Командир 2-й батареи
сводтягжаублатартдива

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 73. Копия.

№ 105

Репорты начальника Латышской стрелковой советской дивизии Реввоенсовету XIII армии с ходатайством о награждении орденом Красного Знамени командиров и красноармейцев дивизии, отличившихся в боях с белогвардейскими войсками.

5 ноября 1920 г.

Представляя при сем наградные списки на комсостав и красноармейцев 1-го и 3-го латышских полков, ходатайствую о награждении орденами Красного Знамени:

1. а) Взводный командир 1-го латышского полка Яунзем Фриц Эвальдович и взводный командир того же полка Ваздык Ян Людвигович;

б) красноармейцы того же полка: Замберг Фриц Эдуардович, Даркевиц Альфред Оттович, Паруп Густав Рейнгольдович, Маттыс Юрис Никодимович, Давидсон Людвиг Александрович, Озол Александр Юрьевич, Хомяков Павел Прокофьевич, Селмс Роберт Робертович, Штал Ульрих Янович, Коваленко Николай Николаевич и Визирь Денис Кузьмич;

в) красноармейцы того же полка: Линде Паул Индрикович, Шамко Эдуарт Мартинович, Шулт Ян Карлович, Лаудис Петр Янович, Мейя Петр Янович.

2. а) командиры рот: Эглит Андрей Фрицевич и Гавар Ян Карлович, взводные командиры: Штерн Альфред Карлович, Лампе Ян Карлович и Токарев Александр Михайлович 3-го латышского полка;

б) красноармеец того же полка Константинов Евдоким.

3. Командиры рот 3-го латышского полка: Лапин Ян Петрович, взводные командиры: Шенинь Адольф сын Лины, Апалуп Петр Яковлевич и Гайлис Жанно Микелевич, начальник пулеметной команды Бирзинь Петр Янович и помощник начальника связи Спалва Теодор Ансович.

4. Красноармеец 3-го латышского полка Румянцев Петр Павлович.

5. Красноармейцы 3-го латышского полка: Шершнев Пимен Карпович, Розит Ян Петрович, Кисис Ян Андреевич, Цыганков Филипп Сергеевич, Путан Антон Станиславович, Грислис Петр Бертелевич, Озол Криш Эрнстович, Лапинь Юрий Янович, Матспан Карл Янович, Нейдер Ян Янович, Вецель Индрик Матисович, Полис Август Марцевич, Антонов Михаил Лаврентьевич, Страздынь Карл Янович, Грунтштейн Георгий Артурович, Михайловский Василий Иванович, Муйжземнек Фриц Петрович, Грикис Теодор Янович, Андерсон Ян Фрицевич, Евласов Мовше Рюзилович, Апсит Карл Яковлевич, Лепа Альберт Вильгельмович, Алкснис Ян Фрицевич, Димитриченко Михаил Исакович, Смирнов Константин Дмитриевич, Дзедит Вольдемар Карлович, Шауринь Эдуард Янович, Метер Вилис Григорьевич, Ринкис Андрей Рудольфович, Гренде Карл Янович, Моркин Александр Иванович, Гловацкий Василий Афанасьевич, Доне Адольф Микелевич, Церинь Жанно Янович, Абел Эдуард Янович, Страздынь Роберт Андреевич, Яунзем Петр Андреевич, Фрицковский Анс Петрович, Кризловский Юлиус Адамович, Гнезе Жанно Матисович, Бомис Андрей Яковлевич, Фрейя Альберт Андреевич, Крейшман Альберт Марцевич, Бош Альфред Янович, Федоров Алексей Алексеевич, Пупол Андрей Янович, Кравленский Ян Адамович, Озолинь Ян Янович, Краббе Карл Яковлевич, Игаун Константин Антонович, Музыкант Адам Антонович, Зубов Кристап Ансович, Спрогис Петр Петрович, Юстель Эдуард Иосипович, Юсов Дмитрий Иванович, Узар Жанно Янович, Круминь Август Иванович, Куликов Михаил Ефимович, Бирзул Семен Петрович, Гултнек Август Янович, Сим Евграф Йоганович, Бане Генрих Фрицевич, Яроцкий Викентий Антонович, Зелтынь Рудольф Карлович, Мурнек Ян Давидович, Запенсон Вольдемар Индрикович, Петринь Альфред Янович.

6. Красноармейцы 3-го латышского полка: Лессынь Юлиус Петрович, Шапкин Дмитрий Григорьевич, Шкрогал Ксенофонт Моисеевич, Седин Гаврила Иванович, Скрытул Теодор Тенисович, Белов Николай Никифорович и Земель Анна Эдуардовна (санитарка).

Приложение: 9 наградных списков, 60 актов в 2 экз.

Начальник дивизии
Комиссар дивизии
Начальник штаба

Представляя при сем наградные списки взводных командиров пулеметной команды 5-го латышского полка тт. Шварц Карла Яковлевича, Слауготнис Яна Петровича и красноармейцев той же команды: Ковалькова Ивана Карловича, Лазаря Эдуарда Рихардовича, Лайвинь Вольдемара Яновича, Герман Эдуарда Августовича, Паунинь Станислава Яковлевича, Ланка Мартина Яновича и Белкова Николая Михайловича, ходатайствую о награждении тт. Германа и Паунина орденами Красного Знамени.

Приложение: 9 наградных списков и 3 акта в 2 экз.

Начальник дивизии

Комиссар дивизии

Врид начальника штаба

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 369. Копия.

Представляя при сем наградные списки на комсостав и красноармейцев 4-го, 5-го и 6-го латышских полков, ходатайствую о награждении их орденами Красного Знамени:

1. Взводный командир Лаува Анс Кришевич.
 2. Красноармейцы 4-го латышского полка: Амбулт Юрий Иванович, Полло Эрих Яковлевич и Либерт Анс Янович.
 3. Красноармеец 4-го латышского полка Крейль Вольдемар Тенисович.
 4. Командир 1-й роты 5-го латышского полка Вальцер Андрей Янович и командир 3-й роты того же полка Зверев Николай Иванович.
 5. Красноармейцы 5-го латышского полка: Беркис Ян Рейнгольдович, Кроман Петр Антонович, Думский Антон Августович, Золотухин Даниил Парменович, Иноземцев Максим Ильич, Строд Иосиф, Голубев Арсений Николаевич, Кондратьев Иван Иванович, Макаров Александр Григорьевич, Чистяков Никифор Иванович, Пилаг Петр Мартинович, Легзда Карл Индрикович, Самков Константин Андреевич.
 6. И. д. командира 6-го латышского полка Бривкалн Ян Мартинович.
- Приложение: 20 наградных списков и 10 актов в 2 экз.

Начальник дивизии

Комиссар дивизии

Врид. начальника штаба

ЦГАСА, ф. 1574, оп. 1, д. 723, л. 264. Копия.

Постановление Совета Труда и Оборона РСФСР с выражением благодарности и о выдаче денежных вознаграждений красноармейцам Южного фронта, участвовавшим в освобождении Крыма.

24 декабря 1920 г.

Беззаветной храбростью войск Южного фронта РСФСР освобождена от последнего оплота российской контрреволюции — их героическими усилиями освобожден Крым, сброшен в море Врангель и силы его окончательно рассеяны. Страна, наконец, может отдохнуть от навязанной ей белогвардейцами трехлетней гражданской войны, приступить к залечиванию нанесенных ей бесчисленных ран и заняться восстановлением столь пострадавшего за эти годы народного хозяйства.

Заслуга Южного фронта перед всей рабоче-крестьянской страной исключительно значительна.

Дабы отметить подвиг Южного фронта, Совет Труда и Оборона постановляет:

1. От имени Совета Труда и Оборона передать всем бойцам Южного фронта товарищеский привет и благодарность за проявленную ими беззаветную храбрость, исключительную энергию и политическую сознательность в борьбе за осуществление идеалов рабоче-крестьянской революции.

2. Выдать всем военным служащим, состоявшим налицо 20 ноября с. г. по спискам всех частей, штабов, управлений и учреждений Южного фронта, — месячный оклад жалования.

Председатель Совета Труда и Оборона
В. Ульянов (Ленин)

Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 396.

Приказ Реввоенсовета Республики о награждении Почетным красным знаменем за отличия в боях.

№ 339

7 декабря 1919 г.

Награждаются Почетными революционными красными знаменами за отличия в боях против врагов социалистического отечества:

7-й стрелковый полк Советской Латвии.

В бою 22 февраля 1919 г. под м. Залисбург 1-й батальон 7-го стрелкового полка Советской Латвии, в составе 1-й и 2-й рот, при общей численности в 120 штыков при 2 пулеметах и 1 ружье-пулемете, был назна-

чен для глубокого обхода сил противника, занявшего весьма удобные и естественно приспособленные к обороне позиции. Переправившись по доскам через р. Залис и рискуя быть совершенно отрезанным и окруженным противником, батальон незаметно проник в глубокий тыл и с залисбургской стороны повел наступление на противника.

Согласно разработанному плану атаки, 2-я рота повела наступление на правый фланг противника, находившийся в мызе Залисбург, и тем привлекала внимание его на себя. Противник, выстроив все свои резервы в цепи, повел наступление на 2-ю роту. Завязалась сильная перестрелка, во время которой 1-я рота быстро и решительно атаковала во фланг только что выстроившиеся цепи противника. Всегда стойкая ударная добровольческая группа противника, отбивавшая 2 дня все наши атаки, теперь не выдержала нашего напора и в панике бежала, оставив на поле сражения 20 человек убитыми и ранеными, 2 походные кухни, 50 000 патронов, 2 повозки с лошадьми и продуктами. Местечко и мыза Залисбург были нами взяты, и благодаря этому противник отступил на всем участке на новые позиции. Потерь у нас не было.

В боях под гор. Валком с 21 по 31 января 1919 г. 3-й батальон 7-го стрелкового полка Советской Латвии общей численностью в 180 штыков при 6 пулеметах был направлен из гор. Валка в мызу Теплец, для того чтобы задержать отступающие части, восстановить общее положение и не дать противнику продвигаться далее реки Эмбаха, что до некоторой степени ему удалось. Имея перед собою качественно и количественно сильнейшего противника, который под прикрытием броневоего поезда и артиллерийского огня упорно наступал, батальон, потеряв более половины наличного состава, упорно оборонялся и, получив подкрепление (3-ю роту 7-го стрелкового полка Советской Латвии), вновь перешел в наступление. В ночном штыковом бою 30 января он, захватив мызу Луде-Гросгоф, удерживал ее в течение целых суток, несмотря на неоднократные атаки и сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника*...

ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 96, лл. 143—147. Подлинник.

№ 108

*Приказ Реввоенсовета Республики о награждении Латышской стрелковой советской дивизии Почетным знаменем революции**.*

№ 2233

26 декабря 1919 г.

Революционный военный Совет Республики во внимание к победоносным боям, веденным Латышской стрелковой и 8-й кавалерийской червонного казачества дивизиями от Орла до Харькова, постановил: 1) награждать славные Латышскую стрелковую и 8-ю кавалерийскую червон-

* Опущено описание боевых подвигов 158-го, 233-го и 249-го стрелковых полков Красной Армии.

** Объявлен приказом по Латышской стрелковой советской дивизии № 18 от 24 января 1920 г.

ного казачества дивизии почетными знаменами революции и 2) выслать всем служащим, как командному составу, так и красноармейцам этих дивизий, денежную награду в размере месячного оклада жалования.

Председатель Революционного военного Совета Республики
Главкомандующий всеми вооруженными силами Республики

Член Революционного военного Совета Республики

ЦГАСА. ф. 1574, оп. 1, д. 520, л. 239. Копия.

№ 109

Поздравительное письмо члена Реввоенсовета СССР и инспектора кавалерии РККА С. М. Буденного бывшим латышским стрелкам.

1 июня 1929 г.

ПРОЛЕТАРИЯМ, ЛАТЫШСКИМ СТРЕЛКАМ, МОИ ПЛАМЕННЫЙ КРАСНОАРМЕЙСКИЙ ПРИВЕТ!

В дни смертельных схваток с мировой и русской контрреволюцией, в жестоких боях гражданской войны я видел вас всегда на передовых аванпостах, на самых ответственных участках, где решалась судьба пролетарской Революции. С беспримерным в истории мужеством, с железной, несокрушимой грудью вы отстаивали подступы к завоеваниям Октябрьской революции. Ваши ряды не знали колебаний при выполнении задач, которые возлагала на вас рабоче-крестьянская власть и вождь рабочего класса — Коммунистическая партия.

Я уверен, что и в будущих неизбежных боях стальная фаланга пролетариев «латышских стрелков» будет первой на гребнях волны мировой социальной революции. Ваши красные знамена, омытые кровью героев, павших на полях гражданской войны, не дрогнут под натиском злейших врагов и будут победно реять в общем пламени боевых знамен братской красной рати пролетариев всех стран и наций, восставших против своих вековых угнетателей, владык мирового капитала.

Ваш боевой подарок — автоброневик «Латышский стрелок» — я считаю выражением вашего революционного энтузиазма, вашей неразрывной связи с Рабоче-Крестьянской Красной Армией и вашим обетом в минуту революционной бури встать всем в боевые ряды. Пусть этот броневик, созданный на трудовые, пролетарские гроши, явится боевым вызовом всех пролетариев, для которых вопросы обороны Советской страны являются родными и кровными.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия с гордостью включает в свои боевые ряды ваш подарок, который в составе III автобронедивизиона всегда будет головным дозором, передовым бронированным кулаком.

наносящим сокрушительные удары всем, кто попытается нарушить мирное строительство Союза Советских Социалистических Республик.

Да здравствует пролетарское единение против угнетателей всех стран и народов!

Да здравствует вождь мировой социальной революции — Коммунистическая партия!

Да здравствует страж Советской Социалистической Страны — Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Да здравствует ее стальной отряд — пролетарские латышские стрелки!

С коммунистическим приветом

С. Буденный

Latvju revolucionārais strelnieks, I. M. 1934, стр. 323.

№ 110

Приветствие бывшего командующего Южным фронтом члена Реввоенсовета СССР и командующего войсками Белорусского военного округа А. И. Егорова бывшим латышским стрелкам.

1 июня 1929г.

В самый тяжелый период нашей гражданской войны в октябре 1919 г., когда самому существованию Советской страны угрожала смертельная опасность и банды Деникина, заняв г. Орел, имели устремление и приказ Деникина захватить Москву, латышские стрелки своим героическим натиском и беззаветной преданностью делу пролетарской революции сломали упорство врага и положили начало разгрома сил всей южной контрреволюции. Удар латышских стрелков под Орлом является для Страны Советов и завоеваний Октябрьской революции одним из наиболее героических подвигов, занимающим одну из первых страниц в истории нашей Красной Армии.

Я убежден, что в будущих схватках с мировым капиталом красные латышские стрелки будут в первых рядах борцов за дело коммунизма.

Да здравствует мировая пролетарская революция!

Да здравствует победа пролетариата в борьбе с мировым капиталом!

Горячий товарищеский и братский привет красным бойцам — латышским стрелкам.

Бывший командующий Южным фронтом — член
Реввоенсовета СССР и комвойск БВО А. И. Егоров

Latvju revolucionārais strelnieks, I. M. 1934, стр. 324.

СПИСОК ДОКУМЕНТОВ

- № 1. Приветственные телеграммы Объединенного Совета латышских стрелковых полков К. Либкнехту, В. И. Ленину, П. Стучке, Ф. Розиню, Я. Райнису, газетам «Циня» и «Правда». 17 мая 1917 г. 161
- № 2. Донесение Искосола XII Народному комиссару по военным делам об отправке 6-го латышского полка в Петроград и о вступлении командующего 43-м корпусом в должность временно исполняющего обязанности командующего XII армией. 22 ноября 1917 г. 162
- № 3. Донесение Искосола XII Народному комиссару по военным делам об отправке сводной роты латышских полков в Петроград. 25 ноября 1917 г. 162
- № 4. Решение Совета 2-й латышской стрелковой бригады в связи с отправкой латышских стрелков на Южный фронт против контрреволюционных сил генерала Каледина. 18 декабря 1917 г. 162
- № 5. Резолюция общего собрания 5-й роты 1-го Даугавпильского латышского стрелкового полка о текущем моменте. 22 декабря 1917 г. 163
- № 6. Приказ Искосола XII Исколастрелу подготовить 7-й Бауский латышский стрелковый полк к отправке на фронт против контрреволюционных войск Каледина и Украинской рады. Не ранее 6 января 1918 г. 163
- № 7. Резолюция президиума 2-й латышской стрелковой бригады о необходимости сплочения вокруг Советов. 7 января 1918 г. 164
- № 8. Телеграмма Искосола XII коменданту станции Валмиера о подаче вагонов для посадки 3-го латышского полка и 1-го батальона 4-го латышского полка для отправки на фронт против контрреволюционных войск Каледина. 7 января 1918 г. 164
- № 9. Резолюция общего собрания организации СДЛ 2-го Рижского латышского стрелкового полка по вопросу о демобилизации. Не позднее 14 января 1918 г. 165
- № 10. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Социалистическое отечество в опасности», написанный В. И. Лениным в связи с нападением германских империалистов на Советскую Россию. 21 февраля 1918 г. 165
- № 11. Выписка из протокола собрания организации СДЛ 6-го Тукумского латышского стрелкового полка об отправке полка в Псков против наступающих немецких войск и об участии в охране помещения Совета Народных Комиссаров и ВЦИК в Петрограде. 22 февраля 1918 г. 167
- № 12. Приказ Народного комиссариата по военным делам РСФСР об организации Латышской стрелковой советской дивизии. 13 апреля 1918 г. 167
- № 13. Сообщение заведующего оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам Реввоенсовету Восточного фронта о назначении И. И. Вацетиса главнокомандующим фронтом. 12 июля 1918 г. 168
- № 14. Телеграмма главнокомандующего Восточным фронтом комиссариату Латышской стрелковой советской дивизии с просьбой ускорить отправку

	5-го латышского стрелкового советского полка на Восточный фронт. 22 июля 1918 г.	168
№ 15.	Отношение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики с ходатайством о направлении Латышского кавалерийского полка на Восточный фронт. 22 июля 1918 г.	168
№ 16.	Доклад главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Восточного фронта о положении на фронте с изложением плана развернутого наступления по всему фронту. Не ранее 25 июля 1918 г.	169
№ 17.	Распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом командующему III армией направить Торошинский латышский стрелковый отряд в гор. Казань. 27 июля 1918 г.	170
№ 18.	Распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом командиру 4-го латышского стрелкового советского полка направить полк в гор. Казань. 4 августа 1918 г.	171
№ 19.	Донесение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики о положении на фронте и боевых действиях армий. 5 августа 1918 г.	171
№ 20.	Телеграмма главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики о тяжелом положении на фронте с просьбой направить в гор. Казань латышские части. 5 августа 1918 г.	171
№ 21.	Донесение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики об отражении наступления речной флотилии белочехословаков в районе гор. Казани. 6 августа 1918 г.	172
№ 22.	Распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом командиру 4-го латышского стрелкового советского полка о дислокации и боевых задачах полка. 6 августа 1918 г.	172
№ 23.	Сообщение главнокомандующего Восточным фронтом Реввоенсовету Республики о положении на фронте и боеспособности войск. 9 августа 1918 г.	173
№ 24.	Донесение врид командира 3-й бригады Латышской стрелковой советской дивизии начальнику дивизии о гибели командира бригады и перемещении штаба бригады в гор. Арзамас. Не ранее 11 августа 1918 г.	173
№ 25.	Резолюция протеста собрания 2-го, 3-го и 9-го латышских стрелковых советских полков и других латышских стрелковых частей в связи с покушением на В. И. Ленина. 4 сентября 1918 г.	174
№ 26.	Доклад комиссара Латышской стрелковой советской дивизии К. А. Петерсона председателю ВЦИК Я. М. Свердлову о заговоре Локкарта и участии латышских стрелков в его ликвидации. 6 сентября 1918 г.	175
№ 27.	Поздравительное письмо В. И. Ленина красноармейцам, участвовавшим в освобождении Казани. 12 сентября 1918 г.	178
№ 28.	Отношение командира 3-й бригады Латышской стрелковой советской дивизии начальнику дивизии о формировании бригады в новом составе. 28 сентября 1918 г.	178
№ 29.	Отношение начальника Латышской стрелковой советской дивизии командующему V армией с ходатайством об отводе 1-го и 6-го латышских стрелковых советских полков в резерв в связи с большими потерями в личном составе. 14 октября 1918 г.	179
№ 30.	Резолюция общего собрания запасного эскадрона Латышского кавалерийского полка о готовности отправиться на фронт. 15 октября 1918 г.	180
№ 31.	Приказ Реввоенсовета Республики о подчинении Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики. 19 октября 1918 г.	180

- № 32. Приказ по Латышской стрелковой советской дивизии о слиянии Саратовского и 8-го полков, 4-го полка и Торошинского отряда. 28 октября 1918 г. 181
- № 33. Распоряжение главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики командующему V армией направить 1-й и 6-й латышские стрелковые советские полки на подавление эсэро-кулацкого восстания в Рязанской губ. 8 ноября 1918 г. 181
- № 34. Приказ по Латышской стрелковой советской дивизии о включении в состав дивизии Латышского кавалерийского полка и переименовании его в Витебский латышский кавалерийский полк. 9 ноября 1918 г. 182
- № 35. Выписка из сообщения о II конференции партийной организации Латышской стрелковой советской дивизии. Приветствия. 15—19 ноября 1918 г. 182
- № 36. Описание боевых действий 8-го латышского стрелкового советского полка в районе ст. Поворино — Косарка Царицынской ж. д. 13 декабря 1918 г. 184
- № 37. Донесение командира 1-й батареи 1-го дивизиона Латышской стрелковой советской артиллерийской бригады командиру 3-й латышской стрелковой советской бригады о боевых действиях бригады на Новохоперском фронте с 24 по 28 октября 1918 г. Не позднее 25 декабря 1918 г. 187
- № 38. Приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики начальнику Латышской стрелковой советской дивизии о переброске частей дивизии в район Старой Руссы. 16 ноября 1918 г. 281
- № 39. Донесение начальника штаба Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики об отправлении 1-го и 2-го латышских полков в гор. Старую Руссу. 24 ноября 1918 г. 281
- № 40. Телеграмма военного комиссара Торошинского участка Я. Ф. Фабрициуса В. И. Ленину об освобождении гор. Пскова. 26 ноября 1918 г. 282
- № 41. Донесение командира 2-й бригады Латышской стрелковой советской дивизии начальнику дивизии о дислокации бригады. 27 ноября 1918 г. 282
- № 42. Донесение начальника штаба Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики об отправлении 2-го кавалерийского дивизиона в гор. Старую Руссу. 27 ноября 1918 г. 282
- № 43. Телеграмма В. И. Ленина главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетису о необходимости всячески поддерживать временные Советские правительства Латвии, Эстонии, Украины и Литвы. 29 ноября 1918 г. 283
- № 44. Донесение начальника штаба Латышской стрелковой советской дивизии командующему VII армией об отправлении 6-го латышского стрелкового советского полка в гор. Дно. Не ранее 30 ноября 1918 г. 283
- № 45. Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии начальнику колонны об освобождении 4-м латышским стрелковым советским полком имени Вастселийна. 4 декабря 1918 г. 284
- № 46. Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии начальнику колонны об освобождении латышскими полками мызы Орава. 5 декабря 1918 г. 284
- № 47. Донесение начальника Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики об осво-

	бождении 4-м латышским стрелковым советским полком гор. Выру. 10 декабря 1918 г.	285
№ 48.	Репорт начальника Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики с просьбой о передаче в ведение дивизии технического поезда при 1-м Московском инженерном полку. 12 декабря 1918 г.	285
№ 49.	Распоряжение главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики командующему Южным фронтом направить латышские полки в гор. Даугавпилс. 12 декабря 1918 г.	286
№ 50.	Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии начальнику штаба колонны об освобождении 6-м латышским стрелковым советским полком имения Канепи. 12 декабря 1918 г.	286
№ 51.	Приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики командующему армиями Восточного фронта сформировать и направить в гор. Даугавпилс кавалерийский эскадрон. 13 декабря 1918 г.	287
№ 52.	Донесение начальника штаба главных сил правой колонны VII армии начальнику штаба колонны о дислокации латышских полков в районе гор. Выру. 13 декабря 1918 г.	287
№ 53.	Директива главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики войскам Северного фронта и Западной армии об овладении гор. Елгавой и Ригой. 15 декабря 1918 г.	288
№ 54.	Предписание начальника Латышской стрелковой советской дивизии командиру 1-й бригады направиться в гор. Даугавпилс. 16 декабря 1918 г.	288
№ 55.	Донесение командира 3-й бригады Латышской стрелковой советской дивизии главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики об отбытии бригады в гор. Москву. 17 декабря 1918 г.	289
№ 56.	Протокол общего собрания красноармейцев 1-й батареи Латышского тяжелого полевого артдивизиона о готовности отправиться на фронт. 20 декабря 1918 г.	289
№ 57.	Телеграмма военного комиссара Новгородской дивизии Я. Ф. Фабрициуса В. И. Ленину об освобождении гор. Валмиеры. 22 декабря 1918 г.	290
№ 58.	Приказ по комиссариату Латышской стрелковой советской дивизии с объявлением отношения Исколастрела о вновь избранном составе Исколастрела. 23 декабря 1918 г.	290
№ 59.	Телеграмма военного комиссара Новгородской дивизии Я. Ф. Фабрициуса В. И. Ленину об освобождении гор. Цесиса. 24 декабря 1918 г.	291
№ 60.	Приказ по армейской группе Латвии о дислокации и боевых задачах группы. 1 января 1919 г.	291
№ 61.	Постановление Советского правительства Латвии о вручении 1-му латышскому стрелковому советскому полку и 4-й латышской стрелковой советской батарее Почетных боевых красных знамен. 2 января 1919 г.	293
№ 62.	Донесение начальника латышских частей Южного фронта главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики о прибытии в гор. Даугавпилс латышских частей. 3 января 1919 г.	294
№ 63.	Из протокола заседания Реввоенсовета Республики о создании армии Советской Латвии. 4 января 1919 г.	294
№ 64.	Сообщение Советского правительства Латвии В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и другим членам правительства Советской России о взятии Риги латышскими советскими стрелками. 4 января 1919 г.	295

№ 65.	Из телеграммы Советского правительства Латвии во ВЦИК о вступлении Красной Армии в Рнгу. 4 января 1919 г.	295
№ 66.	Из воспоминаний главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетиса о создании армии Советской Латвии. Не ранее 4 января 1919 г.	295
№ 67.	Воззвание Исколастрела и Комитета коммунистической организации латышских советских стрелковых полков «Латышскому трудовому народу!» с призывом вступать в ряды латышских стрелковых советских полков. 5 января 1919 г.	296
№ 68.	Из приказа Реввоенсовета армии Советской Латвии о начале деятельности Совета и задачах армии. 6 января 1919 г.	298
№ 69.	Приветственная телеграмма главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики войскам армии Советской Латвии в связи с освобождением гор. Елгавы. Не ранее 9 января 1919 г.	299
№ 70.	Из приказа по армии Советской Латвии о вступлении П. Я. Авена в командование армией с объявлением состава Реввоенсовета армии. 12 января 1919 г.	299
№ 71.	Приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики и командующего армией Советской Латвии о формировании армии Советской Латвии. Не позднее 12 января 1919 г.	300
№ 72.	Указания комитета партийной организации Латышской стрелковой советской дивизии партийным организациям полков и отдельных частей о их задачах в Латвии. 17 января 1919 г.	300
№ 73.	Доклад инспектора армии Советской Латвии военному комиссару Латвии о создании и боевых действиях Валмиерского партизанского отряда. 2 февраля 1919 г.	301
№ 74.	Отчет заместителя председателя Комитета коммунистической организации латышских стрелковых советских полков о работе Комитета за январь 1919 г. 13 февраля 1919 г.	303
№ 75.	Из доклада главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетиса В. И. Ленину о стратегическом положении Советской республики и задачах Красной Армии. 23—25 февраля 1919 г.	304
№ 76.	Из резолюции VI съезда Коммунистической партии Латвии об основных положениях Коммунистической организации стрелков армии Советской Латвии. 1—6 марта 1919 г.	306
№ 77.	Описание подвига партизанского отряда Валмиерского добровольческого батальона при взятии гор. Руены. Не ранее 25 апреля 1919 г.	310
№ 78.	Рапорт командира Валмиерского добровольческого батальона командиру 3-й латышской стрелковой советской бригады с ходатайством о награждении группы командиров и красноармейцев батальона, отличившихся в бою при освобождении гор. Руены. Не ранее 25 апреля 1919 г.	310
№ 79.	Сообщения политуправления армии Советской Латвии о политическом настроении, агитации и культурно-просветительной работе в армии. С 30 апреля по 7 июня 1919 г.	311
№ 80.	Сообщение В. И. Ленина председателю Реввоенсовета Республики о прорыве фронта у Риги. 22 мая 1919 г.	313
№ 81.	Политическая сводка информационно-справочного бюро политотдела XV армии о политическом настроении, агитационной и культурно-просветительной работе в армии. 16 июня 1919 г.	313
№ 82.	Выдержка из призыва ЦК Коммунистической партии Латвии, прави-	

	тельства Советской Латвии и Реввоенсовета армии Советской Латвии латышскому трудовому народу непреклонно бороться за Советскую власть. 26 июня 1919 г.	314
№ 83.	Резолюция IV конференции партийной организации Латышской стрелковой советской дивизии о текущем моменте. 15—19 июля 1919 г.	315
№ 84.	Доклад заведующего агитпунктами Даугавпилсского ж.-д. узла начальнику агитпунктов Западного фронта о деятельности агитпоезда в дни годовщины Великой Октябрьской революции. 17 ноября 1919 г.	316
№ 85.	Приветствие II конференции Коммунистической партии Латвии (Латгалин) Латышской дивизии. 2—4 января 1920 г.	317
№ 86.	Из работы В. И. Ленина «Все на борьбу с Деникиным!» с призывом мобилизовать все силы, для того чтобы отбить наступление Деникина. Не позднее 3 июля 1919 г.	479
№ 87.	Письмо В. И. Ленина «К рабочим и красноармейцам Петрограда» в связи с наступлением Юденича на Петроград с призывом всеми силами защищать город. 17 октября 1919 г.	480
№ 88.	Телеграмма Реввоенсовета Западного фронта командиру 5-го (Земгальского) латышского стрелкового полка после первого боя полка с белогвардейскими частями Юденича. 21 октября 1919 г.	480
№ 89	Телеграмма В. И. Ленина военному комиссару Советской Латвии с просьбой немедленно сообщить о ходе мобилизации для пополнения латышских стрелковых полков. 25 октября 1919 г.	481
№ 90.	Приветственная телеграмма военного комиссара Советской Латвии начальнику Латышской стрелковой советской дивизии в связи с освобождением гор. Харькова. 16 декабря 1919 г.	481
№ 91.	Приказ по войскам Южного фронта в связи с разгромом белогвардейской Добровольческой армии и освобождением Донецкого бассейна. 10 января 1920 г.	481
№ 92.	Политическая сводка политотдела Латышской стрелковой советской дивизии о политическом настроении в частях дивизии и о проведении митинга в гор. Екатеринославе. 25 января 1920 г.	482
№ 93.	Приказ Реввоенсовета Республики о награждении Почетными красными знаменами за отличия в боях. 13 февраля 1920 г.	483
№ 94.	Рапорт начальнику артиллерии Латышской стрелковой советской дивизии о ходе и результатах боя под гор. Бериславом. Не ранее 5 сентября 1920 г.	483
№ 95.	Отчет культпросветотдела Латышской стрелковой советской дивизии о культурно-просветительной работе в частях дивизии за октябрь 1920 г. Не ранее 31 октября 1920 г.	485
№ 96.	Описание боевых действий Латышской дивизии за время с 9 по 16 ноября 1920 г. (период боев за овладение Перекопскими и Юшунскими укрепленными позициями и окончательное очищение Крымского полуострова от врангелевской армии). Не ранее 16 ноября 1920 г.	487
№ 97.	Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о награждении 5-го Земгальского латышского стрелкового полка Почетным красным знаменем. 20 августа 1918 г.	497
№ 98.	Выдержка из приветственного выступления председателя ВЦИК Я. М. Свердлова на съезде Советов рабочих, безземельных и стрелков объединенной Латвии. 13 января 1919 г.	497
№ 99.	Из приказа по XIV армии о награждении орденом Красного Знамени командиров и красноармейца Латышской стрелковой советской дивизии, отличившихся в боях на Южном фронте. 18 декабря 1919 г.	498

№ 100.	Приказ по XIV армии о награждении начальника разведки Латышской стрелковой советской дивизии именными часами за образцовую службу. 31 декабря 1919 г.	498
№ 101.	Из приказа по Латышской стрелковой советской дивизии с объявлением списка командиров и красноармейцев дивизии, награжденных орденом Красного Знамени. 7 января 1920 г.	499
№ 102.	Обращение Ликвидационной комиссии правительства Советской Латвии к латышским советским стрелкам с выражением признательности за мужество и стойкость в борьбе против белогвардейских войск. Не позднее 21 мая 1920 г.	500
№ 103.	Репорт военного комиссара Латышской стрелковой советской дивизии Реввоенсовету XIII армии с ходатайством о награждении орденом Красного Знамени начальника 3-й стрелковой дивизии за умелое командование и личную храбрость. 27 июня 1920 г.	501
№ 104.	Описание подвигов командиров и красноармейцев Латышской стрелковой советской дивизии в боях на Южном фронте. 20 августа — 18 сентября 1920 г.	502
№ 105.	Репорты начальника Латышской стрелковой советской дивизии Реввоенсовету XIII армии с ходатайством о награждении орденом Красного Знамени командиров и красноармейцев дивизии, отличившихся в боях с белогвардейскими войсками 5 ноября 1920 г.	512
№ 106.	Постановление Совета Труда и Обороны РСФСР с выражением благодарности и о выдаче денежных вознаграждений красноармейцам Южного фронта, участвовавшим в освобождении Крыма. 24 декабря 1920 г.	515
№ 107.	Приказ Реввоенсовета Республики о награждении Почетным красным знаменем за отличия в боях. 7 декабря 1919 г.	515
№ 108.	Приказ Реввоенсовета Республики о награждении Латышской стрелковой советской дивизии Почетным знаменем революции. 26 декабря 1919 г.	516
№ 109.	Поздравительное письмо члена Реввоенсовета СССР и инспектора кавалерии РККА С. М. Буденного бывшим латышским стрелкам. 1 июня 1929 г.	517
№ 110.	Приветствие бывшего командующего Южным фронтом члена Реввоенсовета СССР и командующего войсками Белорусского военного округа А. И. Егорова бывшим латышским стрелкам. 1 июня 1929 г.	518

461735

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Латышские стрелки в период Октябрьской революции и в начале гражданской войны (1917—1918)	
Я. П. Калнынь. Под красивым знаменем стрелков	21
Я. А. Истенайс. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции	27
Т. Я. Драудинь. Газета латышских стрелков «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок») в 1917 году	30
Фрагмент из книги П. Д. Малькова «Записки коменданта Московского Кремля»	43
А. П. Жилинский. Из Смольного в Кремль	45
Р. П. Баузе. 3-й Курземский латышский стрелковый полк в боях с Калединым	48
И. И. Вацетис. Мятеж левых эсеров в июле 1918 года	53
Фрагмент из книги П. Д. Малькова «Записки коменданта Московского Кремля»	72
И. М. Варейкис. Убийство Муравьева	76
К. Я. Иокум. Латышские стрелки в боях на Восточном (чехословацком) фронте	83
И. И. Вацетис. Бои под Казанью	101
Я. М. Малер. Рассказ латышского стрелка	115
А. В. Кронькалн. Бой под Арасланово	118
Я. С. Адамсон. Бой в районе Поворино и Алексиково	128
В. Ю. Павар. 5-й особый (бывш. 5-й Земгальский) латышский стрелковый полк в боях 1917—1918 гг.	132
Э. А. Улмис. В строю стрелков	139
Ф. А. Риекст (Риекстынь). Из боевого пути 2-го латышского стрелкового советского полка	144
Я. Е. Штейн. 3-я бригада Латышской стрелковой дивизии на фронтах гражданской войны	150
А. А. Битовт. В. М. Азинь	155
Документы	161
II. Латышские стрелки в борьбе за Советскую Латвию (1918—1919)	
А. Ф. Рейнарт. Поход на Ригу	193
П. Я. Плаудис. За Советскую Латвию	196
Я. С. Адамсон. Боевой путь 10-го стрелкового полка армии Советской Латвии в Курземе и Латгале в 1919 году	219
К. Л. Заул. 1-я батарея в боях за Советскую Латвию	227
Ф. Я. Крусткалн. Воспоминания о боевом пути Рижского отдельного коммунистического батальона в 1919—1920 гг.	237
К. М. Киртовский. В рядах Коммунистического батальона	257
Я. А. Истенайс. Под знаменем красивых стрелков	259
А. Л. Кроник. В боях за Советскую власть	261
Л. А. Идресал. В борьбе за Советскую Латвию	266
Документы	281

III. Участие латышских стрелков в боях на Западном и Южном фронтах (1919—1920)

Я. П. Крастынь. Участие латышских стрелков в боях в Орловско-Кромском районе	321
В. М. Примаков. Сражение под Орлом	335
Ю. Я. Балодис (Юлиан). Воспоминания об Орловско-Кромском генеральном сражении	346
Г. А. Матсон. Страницы боевого пути латышских стрелков	353
Е. А. Поляков. Латыши идут в наступление	358
Я. П. Калнынь. Воспоминания о боях на Южном фронте	361
Я. Я. Круминь. Наши бои на Южном фронте против Деникина и Врангеля	365
Я. А. Истенайс. На Южном фронте	369
В. Ю. Павар. 5-й особый латышский полк в боях 1919—1920 гг.	373
М. Л. Раппеорт. Славные сыны латышского народа	382
А. Д. Румянцев. Мои боевые друзья латыши	384
П. Я. Плаудис. На фронтах гражданской войны	392
Я. М. Малер. Борьба с Деникиным и Врангелем	424
Э. Я. Саука. Из боевого пути 1-й роты 6-го латышского стрелкового полка	428
К. М. Киртовский. В степях Северной Таврии	432
Л. С. Гуревич. Янис Кришьян и его конники	437
Л. С. Гуревич. Паулина Шведе	444
Г. А. Матсон. Командир 2-й латышской бригады Фрицис Лабренцис	447
Г. А. Матсон. Политработники Латышской стрелковой дивизии К. М. Дозитис, К. Ю. Янелис и Р. А. Апинис	453
Г. А. Матсон. Памяти Освальда Лациса	462
К. М. Киртовский. Начальник Латышской стрелковой дивизии Кирилл Стуцка	467
М. Г. Габриелова. Янис Абол	470
Н. Д. Кондратьев. Командарм, ученый, писатель	474
Документы	479

IV. Оценка борьбы латышских стрелков и описания их боевых подвигов . . . 495

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В БОРЬБЕ
ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ
В 1917—1920 ГОДАХ

Обложка М. Янькалнынь.

Редактор А. Тейтельбаум. Технический редактор
Е. Пиладзе. Корректор И. Шульц. Сдано в набор
26 апреля 1962 г. Подписано к печати 15 октября
1962 г. Формат бумаги 70×92/16. 33 физ. печ. л.;
38,61 усл. печ. л.; 37,02 уч.-изд. л. Тираж 1500 экз.
ЯТ 08378. Цена 2 руб. 05 коп.

Издательство Академии наук Латвийской ССР
г. Рига, ул. Смилшв № 1.

Отпечатано в типографии № 2 Управления поли-
графической промышленности Министерства куль-
туры Латвийской ССР, г. Рига, ул. Дзиряву
№ 57. Заказ № 1261.

9(L) + 9(S) 21 + 9(S) 22

